

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

56

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2016 Issue 56

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2016 Выпуск 56

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е.А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 56

Специальный выпуск. Время и событие в исторической культуре XVI – начала XXI века. М.: ИВИ, 2016. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 56

Special Issue. Time and Event in Historical Culture of the XVIth – the beginning of the XXI c. Moscow: IWH, 2016. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс

в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

© Общество интеллектуальной истории, 2016

© Институт всеобщей истории, 2016

© Журнал «Диалог со временем», 2016

А К В И Л О Н

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ДЖЕЙ УИНТЕР

ВОЙНА, ПАМЯТЬ, ВОСПОМИНАНИЕ¹

Статья представляет собой авторское введение к книге «Вспоминая войну: Первая мировая между памятью и историей в двадцатом веке». Она посвящена анализу «мемориального бума» XX века – широкого спектра коллективных и культурных репрезентаций военного опыта и свидетельств жертв войны. Ключевым понятием при этом становится «историческое воспоминание» – специфический жанр проработки прошлого, публичного посредничества в трудном диалоге между историей и памятью. Начиная с увлечения проблематикой памяти в начале XX века, автор рассматривает изменение коммеморативных практик под влиянием первой мировой войны, которая задала социальные рамки и культурные формы репрезентации военного опыта не только для «потерянного поколения» ее участников, но и для их потомков.

Ключевые слова: коллективная память, историческое воспоминание, свидетельство, жертвы войны, практики коммеморации

В этой работе предлагается интерпретация того, что я называю «бумом памяти» в XX веке – того расцвета интереса к феномену памяти как в академических кругах, так и за их пределами, который породил широчайший спектр коллективных размышлений о войне и о жертвах войны. Разумеется, данный текст не может охватить полностью столь обширный предмет: источники этого «бума» предельно гетерогенны, однако многие из них, как мне кажется, снова и снова возвращают нас именно к теме войны и ее последствий. Первоначальный импульс этого «мемориального проекта» возник в 1914–1918 гг. Образы, языки, социальные практики, возникшие во время Первой мировой войны и сразу после нее, во многом определили те формы сознания, в которых затем воображались и вспоминались конфликты последующие. Именно в этом смысле я говорю о выживших в Великой войне как о первом (хотя и не в последнем) «поколении памяти» в XX веке.

Отталкиваясь от концепции «коммеморации», развитой в предыдущих работах², я рассматриваю широкий спектр означающих практик, связывающих историю и память для тех, кто пережил потрясения первой половины XX в. Каковы режимы (модусы) их коллективной памяти, если понимать её как активную деятельность социальных групп в публичном пространстве? С помощью каких средств они инициировали свои собственные воспоминания и передавали их тем, кого не было на месте событий? Таким «спусковым механизмом» становились фотографии, письма солдат; ту же функцию выполняла поэзия, военные романы и пьесы. Эти формы коммеморации обсуждались одновременно с другими проек-

¹ Перевод выполнен с любезного разрешения автора по изд.: Winter 2006. P. 1-13.

² War and Remembrance in the Twentieth Century. Esp. ch. 1.

тами, непосредственно связанными с военными потерями: сооружением разного рода военных мемориалов или попытками вплести семейную историю в национальную. И в историю имперскую, поскольку семьи империй в течение некоторого времени разделяли общие паттерны памяти.

В следующей части книги, озаглавленной «Театры памяти», анализируются кино, телевидение, музеи, а также судебные процессы над военными преступниками – они рассматриваются в качестве символических площадок, где время от времени (даже годы спустя после прекращения военных действий) социальные группы или отдельные лица пытаются договориться о дистанции между Историей и Памятью в их восприятии и репрезентации войны. Это те самые пространства, в рамках которых следующие поколения смотрят в прошлое не сквозь призму личных воспоминаний, но через публичные репрезентации памяти участников минувших событий.

Большая часть свидетельств, цитируемых далее, относится к Первой мировой войне. Это представляется естественным и неизбежным, поскольку за пределами США общепризнано, что Великая война запустила процессы, которые позднее породили не только Вторую мировую войну, но и те формы, в которых современники понимали и осмысливали ее. Именно такой смысл я вкладываю в термин «Великая война». Ибо она придала мощнейший импульс и произвела источники последовавшего затем «бума памяти», а кроме того, ещё и весь комплекс страхов и представлений, с которым мы живем по сей день, и с которым (если принять во внимание брутальный, полный насилия ландшафт современности) наши дети и внуки едва ли смогут распрощаться в обозримом будущем.

В XX в. было несколько «поколений памяти». Я начинаю изучение ландшафта памяти с периода до 1914 г., а затем в первой части книги исследую мемориальную культуру как многоаспектный социальный проект времен Первой мировой войны. Вторая мировая и Холокост во многом продолжили, а отчасти драматическим образом трансформировали иконографический характер воспоминания/поминовения. Эта тема исследована глубоко и многосторонне³. Тем не менее, представляется очень важным осознание того, до какой степени тень Великой войны нависает над всеми последующими формами коммеморации в Европе и во всем мире⁴.

Память и Воспоминание (поминовение)

Всякий, кто рискует исследовать данную область, должен прежде остановиться на некоторых ключевых понятиях, имеющих для дискуссии о воспоминании принципиальное значение. Один из первых спорных терминов – *память* (memory). В одной из работ мы вместе с Эммануэлем Сайваном предложили перейти от термина *память* (дабы

³ Один из лидеров исследований в данной сфере – Джеймс Янг. Его работы содержат обширную библиографию: *Young* 1993; *The Art of Memory* 1994; *Young* 2000.

⁴ См.: *Bartov O.* 2000.

избежать его банализации и включения в него всех способов взаимодействия с прошлым, личного или коллективного) к термину *воспоминание* (remembrance)⁵. Преимуществом термина *воспоминание* представляется акцент на активности действующего агента, важность вопроса: кто вспоминает, когда, где и как? Кроме того, он предполагает осознание брэнности, мимолетности коммеморации, столь зависимой от слабостей и привязанностей тех мужчин и женщин, которые решились потратить на воспоминания свои время и силы.

Достижения когнитивной психологии укрепляют нашу убежденность в том, что сам акт припоминания прошлого – это динамический процесс, зависящий как от представлений о будущем, так и от образов прошлого⁶. Ключевым здесь является представление о том, что память есть продукт множества импульсов, скомбинированных в виде коллажа, либо нечто вроде аппроксимации прошлого события. Шактер замечает, что наши воспоминания не носят фотографического характера, не являются моментальными снимками прошлого. Напротив, «мы воссоздаем или реконструируем наши переживания, наш опыт, а вовсе не получаем их копии. Нередко в процессе реконструкции мы добавляем, встраиваем в нее чувства, убеждения, а иногда даже знания, полученные уже после событий. Другими словами, в наших воспоминаниях о прошлом мы предвзяты: порой мы наделяем их эмоциями или знаниями, которые приобрели позднее»⁷. Таким образом, фундаментальной предпосылкой данного исследования является подход, который предполагает неустойчивый, пластичный, синтетический характер памяти, подверженной постоянным изменениям и переоформлению.

Коллективная память и память коллективов

Коль скоро индивидуальная память является скорее процессом, чем продуктом, то для нас важен акцент на свидетельствах этого процесса, когда мы сталкиваемся с воспоминаниями группы людей, пытающихся воспроизвести некие аспекты реальности прошлого. Чаще всего «коллективная память» (термин, небрежное использование которого я критикую в своей книге) – это не память каких-то больших групп. Государства не помнят; помнят отдельные люди, взаимодействуя с другими людьми. Если термин «коллективная память» вообще имеет какой-нибудь смысл, то это – процесс, посредством которого различные коллективы (от групп из двух участников до групп численностью в тысячи), вовлекаются в акт совместного воспоминания. Когда такие люди теряют интерес, или время, или перестают действовать по любой иной причине; когда они уезжают или умирают, – всё «коллективное» растворяется, и то же самое происходит с коллективными актами памяти. Именно это имел в виду

⁵ War and Remembrance 1999.

⁶ Tulving E., LePage M. 2000. P. 209ff.

⁷ Schacter D.L. 2000. P. 9ff.

Морис Хальбвакс, когда писал свою важнейшую работу «Les cadres sociaux de la mémoire» в 1925 г.⁸

Термин «коллективная память» (словно бы предуготовленный обозначать практически все что угодно) и его безалаберное употребление едва ли на каждом углу в гуманитарных науках убедили меня в необходимости избегать этого словосочетания везде, где только возможно. Термин «коллективное воспоминание» – совсем другое дело: он указывает на время и место, на сам процесс фиксации свидетельства, позволяющие нам понять, что именно пытаются сделать группы людей, когда они действуют на публике, стараясь воскресить прошлое.

Безусловно, бывают и исключения. Некоторые события настолько ошеломительны и болезненны, что люди, сравнявые рассказы о них, обращают внимание на то, где были они лично, когда произошли эти события. Кажется, будто у каждого есть «коллективная память» о том дне, когда был убит Джон Кеннеди, или о землетрясении в Сан-Франциско 1987 г., или об атаке 11 сентября 2001 г. Однако помимо этих судьбоносных дат, которые становятся знаковыми практически мгновенно и охватывают огромные массы населения благодаря СМИ, существует множество иных событий, имеющих огромное значение для больших групп людей, но не значащих ничего для их соседей. Армяне вспоминают геноцид 1915 года в конце апреля, когда начались массовые убийства и депортации, но дата 24 апреля не имеет практически никакого значения для большей части народов и социумов, среди которых они живут. Австралийцы отмечают 24 апреля как День Ветеранов (Anzac day), англикане – как праздник Св. Георгия. Где, в таком случае, «коллективная память» этой даты? Она залегает в тех актах воспоминания, малых и больших, которые совершают различные коллективы в разное время.

История и память

Некоторые из этих актов являются результатом работы профессиональных историков; но не большинство. История – профессия, предполагающая определенные правила в отношении свидетельств и их публикации, рецензирования и т.д. Память представляет собой процесс, отличный от истории, хотя и не изолированный от нее. Все историки оставляют в своих работах следы собственного прошлого, собственных воспоминаний. И обычные люди, вовлеченные в процесс воспоминания, также читают историю и интересуются ей. Иногда они как бы переписывают свои воспоминания, чтобы соответствовать истории; в других случаях они, напротив, уверены, что их рассказы правдивы, а вот историки, которые говорят иначе (какие бы свидетельства они ни приводили), не правы. История и память просачиваются друг в друга, влияют друг на друга и создают очень живучие, а иногда и плодотворные несовместимости. В своей книге я рассматриваю историописание и преподавание истории в

⁸ Подробнее см.: *Becker* 2003.

качестве акта коллективного воспоминания, но акта принципиально отличного от других, в силу тех правил, которые его регулируют. История – это не просто память со сносками; а память – не просто история, лишенная сносок. Практически во всех актах воспоминания история и память переплетаются в публичном пространстве и оказывают совместное информационное воздействие на наше изменчивое понимание прошлого.

Свидетели и жертвы войны

Тема войны доминирует в рамках «мемориального бума» по целому ряду причин. Не только раны и драмы войны сами по себе, но и её разрушительная, подобная землетрясению сила подпитывали «бум памяти». «История войны» рассказывалась и передавалась множеством институций и средств массовой информации – для таких огромных и разношерстных аудиторий, которые прежде нельзя было и вообразить. Военные музеи привлекают огромное число посетителей во Франции, Великобритании, Австралии и других странах. Телевизионные сериалы о войне смотрят миллионы зрителей. Во множестве появляются интернет-сайты. Множатся биографии и другие публикации о войне, зачастую написанные авторами, далекими от академической среды. В этой волне «мемориального бума» историки остаются скорее попутчиками, но никак не проводниками.

Нарративы о войне изменились в самый разгар «бума памяти», что позволило объяснить его быстрое распространение. Теперь уже не генералы и адмиралы, и даже не солдаты и матросы становятся главными героями в рассказах о войне. Такими героями стали жертвы войны, все большую часть которых стало составлять гражданское население. Если изначально «бум памяти» фокусировался на фигурах воевавших или погибших, то теперь это не так. Женщины перемещаются в центр актов воспоминаний, поскольку война как бы перебирается с театра военных действий в пространство жизни гражданской. Война соединяет семейную историю и историю мировую – надолго и зачастую беспощадно. Именно поэтому женщины, как и мужчины, сами теперь выстраивают историю, распространяют и «потребляют» её. Женщины присоединяются к мужчинам в формировании нового класса исторических акторов, обозначаемых сегодня термином «свидетели», т.е. люди, которые были там, люди, которые видели войну с близкого расстояния, люди, чьи воспоминания являются частью исторической летописи. Их свидетельские показания документируют преступления, которые они видели; но помимо этого сами их рассказы и то, как они рассказывают на публике, становятся подлинным историческим событием.

В этой книге я стараюсь внимательно следить за переменными значениями понятия «свидетель». Само собой, свидетели существовали и до того, как суды над военными преступниками предоставили им возможность рассказать свою историю, но распространение таких трибу-

налов после Второй мировой войны легитимизировало их. Вместе с прокурорами и судьями они создали новый театр исторического воспоминания – трибунал. Эти процессы вышли за рамки военной юстиции, в которых солдаты и поныне преследуются за нарушение правил или законов войны. Причем обновлена была не только форма, в которой проходили эти трибуналы. В некоторых случаях (например, в Южноафриканской Комиссии по установлению истины и примирению) показания лиц, совершивших преступления, освобождали их от наказания, которое они понесли бы, если бы дело рассматривалось в обычном уголовном суде. Истина – в смысле буквальном, восходящем к религиозным традициям, делала их свободными. В этом особом случае воспоминание, если оно честно и публично озвучивалось, становилось средством покаяния, примирения, а, возможно, и прощения.

Но в еще большей степени, нежели преступники, в том, чтобы найти своего рода утешение и способ продолжать жить со своими воспоминаниями, нуждались жертвы. Именно по этой причине сегодня столь широк и разнообразен круг терапевтических сообществ, работающих в сфере памяти. Психологические и психиатрические практики и культуры питаются из множества источников, но один из них связан с памятью войны особенно тесно. Многие свидетели, жертвы войны и репрессий, несут следы своих травм в области подсознательного. Некоторые психологи и культурологи называют это *травматической памятью*. Во время Первой мировой войны армейские врачи определяли такие нарушения как «артиллерийский шок» [shell shock]; их преемники в 1939–1945 гг. – как «нервное истощение от боя» [combat fatigue]. После войны во Вьетнаме этот синдром был официально признан посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Число людей, получивших такие травмы, росло: сначала это были войска, подвергшиеся артобстрелу на линии фронта, затем – все, кто участвовал в бою; позднее в эту категорию попали все, кто перенес травматические события, угрожающие жизни, независимо от того, были они солдатами или нет.

Независимо от того, как определяется их состояние, жертвы травматической памяти являются «свидетелями» особого рода. Некоторые из них пребывают в ловушке прошлого, они словно бы обречены проживать его всякий раз, когда что-нибудь вполне тривиальное (запах, тепло, звук) запускает то страшное воспоминание, которое было похоронено в их памяти. Их исторические воспоминания произвольны и несвободны, а их травмы сегодня пытаются излечить врачи и те специалисты, которым удалось продвинуться дальше в понимании природы этого вида памяти.

Едва ли «бум памяти» сойдет на нет в обозримом будущем. С 1945 г. войны трансформировались из конфликтов между государствами в конфликты внутри государств или между группами, которые не функционируют на уровне государства. Распространение этих новых

форм конфликтов породило войны во всех регионах мира. Сегодня воспоминания о своих жертвах – в Северной Ирландии, в Палестине, или во Всемирном торговом центре – практически дело каждого.

Именно по этой причине сфера памяти, можно сказать, перенаселена. Слишком многое нужно помнить, и многое нужно сделать, чтобы помочь жертвам войн, которые по-прежнему окружают нас. С этой точки зрения становится очевидным, что *мемориальный бум* – широкий и гетерогенный комплекс означающих практик, методов понимания того мира насилия, в котором мы живем, и того прошлого, из которого он вышел.

Воспоминание: историческое, семейное, литургическое

Возможно, будет полезно добавить пару слов о феномене, который я назвал историческим воспоминанием. В условиях международных конфликтов, среди которых мы живем сегодня, историки все еще пишут о войне, и множество самых разных людей все еще рассказывает свои личные воспоминания о войне. Между тем, пространство между историей и памятью в значительной степени трансформировалось. В этом промежуточном пространстве пролегает комплекс разнообразных культурных практик, которые могут быть описаны как формы исторического воспоминания. Это поле, изначально сформированное для того, чтобы почтить память Великой войны, на протяжении десятилетий расширялось для осмысления тех потрясений, что последовали за ней, а также для описания миллионов мужчин и женщин, пострадавших в войнах международных и гражданских, в ходе бунтов и переворотов. Присутствие этих свидетелей среди нас (ветеранов войн, выживших жертв Холокоста, индейцев Гватемалы и т.п.) мы не можем сегодня игнорировать.

Чтобы дать полноценную картину этого массива культурной деятельности, потребовалась бы не книга, а целая библиотека. С тем, чтобы очертить карту территории, которую занял «бум памяти», я и предлагаю термин *историческое воспоминание*, что позволит нам понять особенности этих многочисленных практик. Историческое воспоминание, с одной стороны, пересекается с личными или семейными воспоминаниями, а с другой стороны, с памятью религиозной, столь значимой для разного рода сакральных практик. Однако пересекается лишь частично. Историческое воспоминание – это способ интерпретации прошлого, опирающийся в равной степени и на историю, и на память, на документированные нарративы о прошлом и на свидетельства тех, кто через это прошлое прошел. В этой сфере активность проявляют очень многие. И историки отнюдь не составляют здесь большинства.

Зачем же вводится новая категория *историческое воспоминание*? Прежде всего, потому, что два определяющих понятия, которые мы обычно используем, – история и память – не очень надежные проводники в эту область. Для воспоминания, коммеморации, необходима ссылка на историю, но затем возникают рассогласование и оспаривание. Чья

это история, в чьих интересах она написана, на каких источниках? «Мемориальный бум», разумеется, касается истории, но историки вовсе не являются его единственными или хотя бы основными «правообладателями». Что бы ни утверждали историки, свидетели требуют своего права быть услышанными.

Когда в 1995 г. в Смитсоновском Институте в Вашингтоне была представлена выставка «Последний акт: атомная бомба и конец Второй мировой войны» (Enola Gay), скрупулезно выстроенная именно как экспозиция историческая, на нее обрушились, а затем и категорически отвергли бывшие военнослужащие – те, кто «имел свою собственную историю». И эти «свидетели» в конечном итоге победили: выставка была реорганизована. Это не было обычной историей грязного политического давления. Это был настоящий конфликт между «историей» и «памятью», столкновение, возникшее из разности позиций участвовавших в выставке субъектов. Результатом стало своеобразное «историческое воспоминание», сформировавшее пространство для высказываний и тех, и других: как историков, так и тех, чью солдатскую жизнь историки описывали.

Если «истории» непросто выстоять перед натиском «памяти», столь же проблематичным может оказаться и обратный случай. Более трех десятилетий назад я брал интервью у Леонарда Вулфа о его участии в реформировании Лейбористской партии в Великобритании в 1918 г. Он участвовал в ключевых встречах, а также во всех дискуссиях, стенограммы которых я только что прочел. Когда я спросил его о том, что происходило, его рассказ оказался полон фактических ошибок: неверные даты и места, не те люди и решения. При этом сами по себе ошибки даже не были интересны, они лишь прикрывали собой, скрепляли некий альтернативный нарратив. Он просто забыл многое, как происходит со всеми нами. Само собой, все это рассказывалось пятьдесят лет спустя, и ему было гораздо интереснее поговорить о своей жене, Вирджинии Вулф, что - после некоторого времени – оказалось интереснее и для меня тоже. Я не оспаривал его воспоминаний, но из них не мог воспользоваться ничем для написания той истории, которой я занимался. В этом контексте, память сама по себе, в одиночку, сделала бы фиксацию и передачу истории невозможной.

Конечно, историки имеют влияние, но вовсе не такое значительное, как они полагают. Те, кто пытается реконструировать свою «память» о прошлых событиях, нуждаются в историках, чтобы установить общие рамки вероятности событий. С гораздо большей надежностью мы можем установить, чего не происходило, чем то, что имело место; и историки имеют доступ к письменным источникам, которые порой не позволяют людям ошибочно реконструировать прошлое либо лгать о нем. В случае Леонарда Вулфа проблемой было переформатирование прошлого, во многих же других случаях речь идет об умышленном искажении.

Но даже если мы предполагаем самые благородные намерения со стороны всех участников, проблемы, связанные с припоминанием прошлого, гораздо более серьезные. *Память* – категория со своей собственной историей и своими тайнами. Когнитивные психологи и нейробиологи значительно продвинулись в понимании того, как индивиды что-то вспоминают, однако лидеры в данных областях признают, что впереди еще немало важной работы. Насколько же сложнее построить модель или комплекс методов, позволяющих описать, как целые группы людей совместно вспоминают нечто.

А между тем, эти воспоминания окружают нас постоянно. Историческое воспоминание – это дискурсивная сфера, простирающаяся от ритуала до самых разнообразных форм культурной деятельности. Эта сфера отличается от семейных воспоминаний своей способностью объединять людей, которые не имеют никаких иных объединяющих их связей. Она отличается также от литургического воспоминания / поминовения своей независимостью от предписанного религиозного календаря и освященных ритуальных форм. И все же историческое воспоминание содержит в себе некие свойства семейного и священного. Когда все эти три формы сливаются воедино, как в некоторых известных военных мемориалах (например, Мемориал ветеранов Вьетнама Майи Лин в Вашингтоне), историческое воспоминание становится силой, неподвластной времени.

Употребление термина *историческое воспоминание* имеет и другие преимущества. Оно помогает нам избежать ошибок апеллирования к памяти как некоему смутному облаку, которое существует вне носителя и не предполагает какой-либо работы, а также обращения к истории как к некой объективной фабуле, которая существует вне людей, о чьей жизни она повествует. У историков тоже есть воспоминания, но их выбор сюжетов редко бывает случайным. Они тоже являются составной частью «мемориального бума», хотя и не основной его частью. Когда они присоединяются к мужчинам и женщинам, которые собираются, чтобы публично вспомнить прошлое (их прошлое), историки выстраивают некий нарратив, который представляет собой не только «историю», и не только «память», но повествование, которое содержит свойства и того, и другого. То, что они делают, как раз и есть историческое воспоминание, и тем самым соучаствуют в «буме памяти», который простирается далеко за пределы исторической профессии.

Ситуации совместного припоминания, наряду с актами свидетельства и исцеления, – это наиболее публичные черты «бума памяти». Но важно также отметить, что практически любая грань гуманитарной сферы пронизана стихией памяти, она, по сути, является вездесущей. И в этом нет ничего удивительного. Исследования культуры давно отказались от устаревшего разделения между политикой и искусством. И то, и другое – часть общественной дискуссии по важнейшим темам современности. «Герника» Пикассо была создана в тишине его мастерской на ле-

вом берегу Сены в Париже, но почти немедленно была перевезена в испанский павильон Всемирной парижской выставки «Искусство и техника в современной жизни» 1937 года. Была ли эта картина личным высказыванием или политическим заявлением? Или одновременно и тем, и другим? То же самое справедливо в отношении «Военного Реквиема» Бенджамина Бриттена, в котором поэзия Уилфреда Оузена была положена на музыку, написанную специально для церемонии освящения кафедрального собора в Ковентри (полностью разрушенном германскими бомбардировками) в 1962 г. Реквием был актом частным или общественным? Конечно, и тем, и другим.

При исследовании аспектов культурной деятельности, которые касаются репрезентации войны во второй части этой книги, повторяется одна фундаментальная тема. Это борьба против забвения, реализуемая в разнообразных социальных практиках, в литературе, искусстве. Дело не столько в том, что многое из истории трудного XX века достойно памяти, но скорее в том, что умерших или пострадавших могут забыть довольно быстро. Картина или стихотворение могут лишь ненадолго отсрочить забвение, и большинство авторов, о чьих работах мы говорим сегодня, были хорошо осведомлены о донкихотской природе своей деятельности. Фотографии или пьесы, стихи или письма – все это лишь фрагментарные следы того мира, который почти исчез и из памяти, и из истории. «Бум памяти», таким образом, может быть понят как своеобразный вызов, акт демонстративного неподчинения, как попытка сохранить живыми по крайней мере имена и образы миллионов, чьи жизни были прерваны или изуродованы войной.

Разумеется, «бум памяти» имеет немало других источников. В книге речь идет исключительно об одном и, по большому счету, ведется с точки зрения европейской истории. В центре внимания – долгая, пространная тень Первой мировой войны. Тень Холокоста и Второй мировой войны требует самостоятельного изучения, что выходит далеко за пределы этой книги. Фабула исторического воспоминания в XX в. гораздо шире, чем та, что излагается здесь, но, чтобы подчеркнуть одну (и только одну) его грань, связанную с Великой войной, следует обратить внимание на те импульсы воспоминания, которые отсылают и к другим событиям. Именно такую задачу автор надеется решить в данном исследовании: попросту открыть двери другим, с тем чтобы они вошли в них и проследовали собственным маршрутом к разным пунктам назначения.

Пер. с англ. А. Хазиной, Ф. Николаи

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bartov O. Mirrors of Destruction: War, Genocide, and Modern Identity. Oxford: Oxford University Press, 2000. 320 p.*
Becker A. Maurice Halbwachs. Un intellectuel en guerres mondiales 1914–1945. Paris: Agnès Viénot, 2003. 478 p.

- Schacter D.L.* The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 288 p.
- The Art of Memory: Holocaust Memorials in History / Ed. by J.E. Young. New York: Prestel, 1994. 208 p.
- Tulving E., LePage M.* Where in the Brain is the Awareness of One's Past // Memory, Brain, and Belief / Ed. by D.L. Schacter, E. Scarry. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. P. 208-230.
- War and Remembrance in the Twentieth Century / Ed. by J. Winter, E. Sivan. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 272 p.
- Winter J.* Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven & London: Yale University Press, 2006. 340 p.
- Young J.E.* At Memory's Edge: After-Images of the Holocaust in Contemporary Art and Architecture. New Haven: Yale University Press, 2000. 256 p.
- Young J.E.* The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven: Yale University Press, 1993. 416 p.

Джей Уинтер, почетный профессор Йельского университета, jay.winter@yale.edu

War, memory, remembrance

The article offers an interpretation of the "memory boom" of the twentieth century in terms of a wide array of collective meditations on war and on the victims of war. Drawing on earlier works on the concept of "remembrance," author presents a variety of signifying practices which have linked history and memory. He starts with pre-1914 explorations of the landscape of memory, and then explores remembrance as a multiform social project during and after the First World War, which formed social framework and cultural forms of representation of military experience not only for the "lost generation" of its participants, but also for their descendants.

Keywords: collective memory, historical remembrance, witness, victims of war, practices of commemoration

Jay Winter, PhD, Professor of History Emeritus, Yale University, jay.winter@yale.edu

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА КАК СОБЫТИЕ БУДУЩЕГО МЕЖДУ НАУЧНЫМ ДИСКУРСОМ И ЗЕРКАЛАМИ ПАМЯТИ*

Французская революция XVIII века – одно из важнейших событий не только национальной, но и мировой истории. Ее герои, принципы и образы широко известны. Кроме того, Революция – это место памяти, которая и сегодня продолжает подпитывать современную историю/историографию, пробивающую себе дорогу между идеологиями, воспоминаниями и политической борьбой. Не удивительно, что этому событию посвящены библиотеки книг, созданные во Франции и за рубежом. Однако при традиционном понимании события из причин его возникновения и контекста Революция продолжает скрывать свои смыслы, «ускользая в будущее» (С. Жижек). В статье на основе работ французских интеллектуалов показано, каким образом на протяжении двух столетий трансформировался образ Революции после десятилетия, которое потрясло мир, на пересечении научного дискурса, коммеморативных практик и социальных репрезентаций во французском социуме сквозь призму меняющегося «порядка времени». Такой подход позволяет выявить скрытые в Революции возможности и написать неисчерпаемую революционную событийность в контингентность истории.

Ключевые слова: Французская революция, историческое событие, память, историческое время, историчность, контингентность истории, историческая эпистемология

Всякая история – это история прошлого.

История Французской революции – это история будущего.

Виктор Гюго

Революция и современная проблематика исторического события

Французская революция XVIII в. по праву считается одним из важнейших событий не только национальной, но и мировой истории. Во Франции ее особый статус в ряду похожих событий отмечен заглавной буквой: она до сих пор называется *Революцией*. В советской историографии ее выделяли эпитетом *Великая*. Не удивительно, что этому событию посвящены библиотеки книг, созданные в разных уголках планеты. Но вопрос о природе исторического события до сих пор остается открытым. Однако если раньше историки уклонялись от его обсуждения, то сегодня речь идет о «ренессансе события», изучением которого заняты не только историки, но и философы, антропологи, социологи, литераторы, лингвисты. Важнейшими компонентами переосмысления событийности стало новое понимание роли языка и рассказа в конструировании исторического текста, реабилитация осмысленного действия и

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-01-00357а «Событие и время в европейской исторической культуре XVII – начала XX века».

коммуникации в производстве смыслов, а также «переоткрытие времени» и пересмотр взаимоотношений истории и памяти¹.

Изучение событийности в свете этих новаций за последние десятилетия радикально изменило перспективу исторического исследования. Дихотомия структура/событие, столь важная для структурализма 1960-1970 гг., ушла в прошлое. Предпочтение отдается конфигурации событие/ситуация, в которой акцентируется роль исторического актора и его восприятие в процессе трансформации имеющегося и формирования нового. Исследовательский интерес переносится с конкретной личности на коммуникацию, которая и позволяет описывать ситуацию и выявлять смысл события. Иными словами, в центре размышлений историка оказывается историчность, прочитываемая сквозь призму практик взаимодействия, опыта. Междисциплинарное изучение природы события явно ведет к пересмотру устоявшегося понимания причинности. Акцент при этом переносится с «до» того, что имело место, на «после» произошедшего. Другими словами, за дискуссиями о событии скрывается не менее сложная в теоретическом плане проблема темпорального будущего.

Отдельные мысли по этому поводу были высказаны давно. Так, А. Дюпрон в докторской диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет, писал: «Событие достойное этого наименования – это событие, всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь: уже не такое, как было, но в чем-то то же самое»². Мишель де Серто, осмысливая май 1968 года во Франции, подчеркивал, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)»³. По сути, это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых, идущее от М. Хальбвакса, к тому времени уже было проблематизировано. Если раньше очень разные историки, условно говоря, от Ж. Мишле до Ф. Броделя стремились объяснить настоящее с помощью прошлого, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, когда событие интерпретируется в свете породивших его причин, и обращаются к герменевтике события, фокусируя внимание на следах того, что произошло: историка интересует не столько содержание события в момент, когда оно происходило, но тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в исследовательское поле попадают нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно ставшие важными для потомков. Вновь актуализируется

¹ Dosse 2010; Чеканцева 2014.

² Dupront 1997. Т. III. P. 1662.

³ Dosse 2003.

память, в том числе память, коллективная (социальная, историческая, культурная). С включением когнитивных аспектов в поле зрения историков отчасти связан историографический поворот в историописании конца XX в., одним из воплощений которого является *история истории*.

Это сравнительно новый тип исторического знания, учитывающий не только исторические явления, но и их репрезентации в социуме, а значит и мемориальную слоистость объекта изучения⁴. К. Помьян еще в середине 1970-х гг. писал о том, что время традиционной истории историографии, равнодушной к когнитивной составляющей исторического познания прошло: «Сегодня мы нуждаемся в *истории истории*, которая сделала бы центром своих исследований взаимодействие между познанием, идеологиями, письмом, короче, различные и дисгармоничные аспекты работы историка. Это такая история, которая смогла бы перекинуть мост между историей наук, историей философии и литературы, а, возможно, и искусства. Точнее, между историей знания и историей различных способов его производства»⁵. Прогнозы и предсказания не входят в задачу такой истории. Однако предполагается, что ей по силам учесть основные модусы времени: приоткрыть завесу, скрывающую прошлое, выразить критическое отношение к настоящему и обнаружить связи между уже прошедшим и будущим.

XVIII век, как известно, вращается в XIX столетие, поэтому историки не без труда определяют содержательные хронологические рамки последнего⁶. Но рождается это столетие в обстановке радикального потрясения, которым стала Революция и революционные войны. Из этого «сжатия времени» (Д. Агамбен), совместившего в себе разрыв и преемственность, родился новый режим историчности, который современники почувствовали как темпоральную дезориентацию⁷, а историки заметили лишь во второй половине XX века.

Понятие режима историчности во Франции ввел Ф. Артог отталкиваясь от идей Р. Козеллека, К. Леви-Стросса и М. Салленса⁸. Под этим термином историк понимает «манеру использования социумом своей коллективной памяти для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние» или то, как общество свое прошлое «поддерживает или хоронит, реконструирует, конституирует, мобилизует»⁹. Через десять лет, Артог представит режим историчности как способ сочленения основных модусов времени: прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент¹⁰.

⁴ Le Goff 1988. P. 172-173.

⁵ Pomian 1975. P. 952.

⁶ См., напр.: Мирзеханов 2015.

⁷ Charle 2011.

⁸ Hartog 2003; Escudier 2009.

⁹ Цит. по: Hartog et Lenclud 1993. P. 29.

¹⁰ Hartog 2003; Артог 2007.

Классический режим историчности воплощен в традиционной модели истории, названной Цицероном *magistra vitae*. В этой модели главную роль в концепте «время» играет прошлое. Именно оно освещает настоящее, являясь для него поставщиком примеров как надо или не надо действовать. Второй режим историчности появился в эпоху Просвещения и постепенно утвердился в XIX в. в качестве доминирующего. Это финалистский или футуристический вариант истории, понимаемой как телеологический процесс. Прошлое в таком режиме историчности это основа настоящего на пути к лучшему будущему (прогресс), свет которого позволяет понять прошлое и настоящее.

Сегодня мы живем в эпоху презентизма: людей интересует главным образом настоящее. Заметное увеличение доли исследований недавней истории – явное тому свидетельство. Уже в 1980-е гг. стало ясно, что «настоящее, находясь между угнетающей непредсказуемостью / бесконечной открытостью будущего, лишенного перспективы, и громоздкой множественностью возвращаемого в своей непрозрачности прошлого, стало категорией нашего понимания самих себя. Но растягивающееся настоящее, где изменение стало постоянным, схватывается только через помеченное шармом прошлое и его новые тайны. Это прошлое, более чем когда-либо склонное к сокрытию секретов, – не только наша “история”, но и наша “идентичность”» (П. Нора). В условиях презентизма будущее оказывается не просто туманным, но опасным и закрытым. Это влияет на восприятие прошлого, которое необычайно интересует публику, но как бы замыкается на самом себе. Его поглощает расширенное «дезориентированное» настоящее. История не пишется больше с точки зрения прошлого или будущего, но с точки зрения настоящего, лишенного какого-либо «горизонта ожидания». Прошлое поэтому предстает как «ускользающее настоящее» (Ф. Артог).

В этих рассуждениях французских историков ощущается, на мой взгляд, влияние концепции времени Ж. Делеза, который видел в событии смысл, рождающийся «в развилке времен» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе события, философ пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹¹.

Несмотря на перемены в мире и науке, многие категории и установки познания, определяющие исторический дискурс, тесно связаны с моделью истории, типичной для эпохи модерна, хотя она во многом себя исчерпала. Например, давно обоснована в историографии пробле-

¹¹ Делёз 1998.

матичность споров о начале / конце сложного исторического явления или процесса¹². То же самое можно сказать о телеологическом или финалистском восприятии истории¹³. Тем не менее, эти установки продолжают доминировать не только в политических и социокультурных практиках идентификации и национального самоопределения, но и в исторических исследованиях. Неудивительно, что историки задаются вопросом: надо ли в этих условиях совсем отказываться от реконструкции «горизонта ожидания», опираясь на «незавершенные потенциалы» прошлого? (Б. Лепти). Ответ на этот вопрос предполагает поиск новой исследовательской оптики, которая связана не столько с причинностью, сколько с контингентностью истории¹⁴.

Такой поиск предполагает и новые ракурсы изучения Революции: прежде чем использовать скрытые в этом событии возможности, их надо выявить. «Необходимо перевернуть обычную историческую перспективу понимания события исходя из его контекста и причин возникновения, – пишет С. Жижек. – Радикальные освободительные всплшки протеста понять таким образом невозможно... Вместо того, чтобы анализировать их как часть преемственной связи между прошлым и настоящим, нам необходимо привнести в их рассмотрение перспективу будущего..., которое дремлет за настоящим как его скрытый потенциал»¹⁵.

Известно, что при смене угла зрения меняется и вопросник к материалу. В данном тексте речь пойдет не о том, что происходило во Франции в годы Революции и что ей предшествовало, но о том, как эта событийность проявляла себя в социуме после «десяти лет, которые потрясли мир (1789–1799)» (Е. Мягкова). Каким образом ее интерпретировали ученые; как и для чего ее вспоминали; в чем заключается специфика «полу-событий» (П. Ори), называемых коммеморациями; каким образом воспринимали Революцию простые люди, в то время как ученые обсуждали ее проблематику в связи с двухсотлетним юбилеем на многочисленных научных мероприятиях во всем мире¹⁶.

Лабиринты репрезентации Революции: историография, коммеморации, социум

Четверть века назад молодой польский историк, представляя историографию как игру метафор, увлеченно писал о метафоре революции¹⁷. Однако в наши дни отношение и к этому слову, и к революции как явлению радикально изменилось¹⁸. Для одних ученых это понятие сохраняет свое значение при анализе не только прошлого, но и настоящего. Для

¹² См., напр., Антропологическая история: подходы и проблемы 2000.

¹³ См., напр., Черткова 1989. С. 90.

¹⁴ Литвин 2012.

¹⁵ Жижек 2012.

¹⁶ См. Les colloques du Bicentenaire 1991.

¹⁷ Вжосек 1991.

¹⁸ Гордон 2012.

других очевидна необходимость его историзации, поскольку революции нашей современности, в том числе так называемые цветные революции, и известные исторические события эпохи модерна, включая первую французскую революцию, это разные явления и их научное осмысление требует специальных семантических изысканий в поисках новых понятийных одежд. Впрочем, еще Р. Козеллек в статье 1969 г. писал о том, что концепт *революция* отличается большой гибкостью, поскольку его точный смысл необычайно разнообразен¹⁹. Иными словами, только семантических поисков недостаточно, необходимы новые подходы и другие ракурсы изучения революций.

История как специальная дисциплина оформилась лишь в последней трети XIX столетия, известного как «век истории», но последнее на самом деле не совсем верно: большую часть этого века исторические тексты тесно переплетались с философией и литературой. Тем не менее, история в современном ее понимании – дочь нового режима историчности, в котором главная роль в соотношении основных временных модусов перешла от прошлого к будущему. Ф. Артог, иллюстрируя свои размышления о смене моделей истории на рубеже XVIII–XIX вв., ссылается на известные словари эпохи. В 1751 г. в статье Энциклопедии, написанной Д'Аламбером, история предстает в привычном облике «учительницы жизни». Это пока еще не единый процесс, носитель прогресса. Напротив, речь идет не об Истории, но об историях, очень разных по характеру: божественная, человеческая, история природы, история искусств. История людей объединяет прошлое и настоящее, но также настоящее и будущее. Выполняет она и традиционные функции зеркала и суда (прежде всего для государей). Но в «Большом Ларуссе», опубликованном между 1866 и 1876 г., История представлена уже как процесс, как «универсальная религия», «королева и модератор совести», заполняющая души и вдохновляющая право, политику, философию и моральные науки. Вскоре она превратилась в грандиозную теологию, управляющую миром²⁰.

Первая французская революция, как событие прошлого, совпала с изменением «порядка времени» (К. Помьян) и глубокими трансформациями в историописании, а ее двухсотлетний юбилей, сыгравший важную роль в радикальном переосмыслении содержания революционной эпохи в историографии, парадоксальным образом совпадает с новым разрывом в мировой истории, символом которого стало падение Берлинской стены. В глобальном плане история в том виде, как она проявила себя в годы революции, логически тяготеет к универсальной истории, которая не является ни генеалогической, ни национальной,

¹⁹ Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // *Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P.64.

²⁰ Hartog 2013. P. 10.

поскольку на рубеже XVIII–XIX вв. произошли радикальные перемены в системе ценностей и в способах осмысления исторического. Причем, как показывают современные исследования, это произошло не только в Европе. Уникальность и чрезвычайная сложность Революции объясняют небывалый интерес к этому событию современников и потомков.

Уже участники Революции воспринимали свое настоящее как нечто небывалое и грандиозное, вокруг чего выстраивались образы прошлого и будущего. Из осознания разрыва с прошлым выросло понимание того, что оно ушло безвозвратно. Чтобы закрепить такое понимание надо было «изобрести» предвестников, а то, что сопротивлялось переменам объявить пережитками и как можно быстрее уничтожить. В прошлом был «старый порядок», сословия, монархия, сеньория, повинности... Будущее представлялось совершенным, но его содержание, как и смыслы происходящего, были и остаются до сих пор предметом осмысления. Французские революционеры размышляли не столько о действиях, сколько о словах: *нация, гражданин, конституция, государство, монархия, республика, правительство, диктатура, суверенитет, террор, наследие, свобода, равенство, братство* и пр. Можно сказать, что главным оружием этой революции было слово. Конечно, действия тоже имели значение, но они были столь необычными, что их репрезентация требовала нового языка. То же самое происходило и после завершения революционных войн, когда участники событий сочинили бесчисленное множество воспоминаний о них и о том, что им предшествовало²¹.

Дискурсивное измерение событий эпохи и его связь с ментальными процессами в обществе стала основой новаторской интерпретации революционного «разлома», принадлежащего Ф. Фюре²². Историкам критического направления удалось осуществить реинтерпретацию Революции не как события социальной истории, стержнем которой была борьба классов, но как события в истории дискурсов и коллективного воображаемого, предложившего новый язык и новый образный ряд для объяснения происходящих трансформаций. Французские историки обстоятельно исследовали политический дискурс революции, показав его фундаментальное значение в структуре этого события: участники революционной драмы изобрели новый язык для объяснения происходящего²³. Это стало одной из главных новаций Революции, позволившей выстроить новое пространство политики и культуры и предложить инструментарий для понимания необъяснимых в старых терминах перемен.

В XIX веке чтение исторических свидетельств и анализ настоящего наслаивались друг на друга. Изучая Революцию философы, публицисты, историки, писатели, политики, анализировали неудачи прошлого и

²¹ Zanon D. 2007.

²² Фюре 1998.

²³ Robin 1973; Guilhaumou J. 2000; Certeau, Julia, Revel 2002; Guilhaumou 2006.

искали пути для того, чтобы избежать поражений в настоящем и будущем. Можно сказать, что в интеллектуальной культуре страны формировалось вербальное оружие для повседневных политических баталий.

Значение Революции в процессе апробирования разных форм политического устройства хорошо известно. А.В. Адо писал в этой связи: «За годы революции Франция создала и, если можно так сказать, “экспериментально” испытала несколько типов государственного устройства, адекватного потребностям достаточно уже зрелого буржуазного общества: конституционную монархию с последовательно проведенным выборным началом в организации власти (1789–1792); буржуазно-демократическую республику со всеобщим избирательным правом для мужчин (1792–1793); цензовую буржуазную республику (1795–1799). Характерно, однако, что ни одна из этих государственных форм не смогла удержаться в ходе революции и непосредственно после нее; для конца XVIII в. все они оказались предвосхищением будущего»²⁴. Политическая судьба Франции в этом столетии решалась при активном вовлечении в происходящее истории 1789–1799 гг., в которой далеко не все было завершено: «1830 вновь поставил вопрос 1791; 1848 актуализировал вопросы 1792; 1851 – проблемы 1799; 1871 приумножил ценности 1793»²⁵.

Несмотря на явную политическую ангажированность, историография Революции в XIX в. предложила несколько вариантов оригинальных подходов к этому событию, ставших основой для исторической мысли будущего. Во-первых, это либеральное прочтение Революции, представленное в первой половине века в известных трудах Минье, Тьера, Кине, Гизо, Тьерри. Во-вторых, критическая историография, начало которой связывают с книгой дочери Неккера Ж. де Сталь²⁶, а также с трудами А. де Токвиля²⁷, идеи которого легли в основу «ревизионистского» переосмысления Революции во второй половине XX в. В-третьих, это уникальное историописание Ж. Мишле, романтическое и эрудитское, главным действующим лицом которого был народ и «персона» по имени Франция²⁸. Те, кто революцию не принял или воспринял как катастрофу, наметили различные варианты консервативной историографии. Марксистское видение Революции заложило основу ее понимания как «локомотива истории», идущего к светлому будущему. Эта модель радикально меняла взгляд на революцию, растворяя в ней историю.

Третья республика, утверждавшаяся в сложной ситуации после франко-прусской войны и Парижской коммуны, обеспечила историческому знанию статус автономной науки. Но с Революцией у молодой

²⁴ Адо 1989. С.8.

²⁵ Historiographies. 2010. Т. 2. Р. 1192-1193; Bétourné et Hartig 1989.

²⁶ Stael 1818.

²⁷ Tocqueville 1856.

²⁸ Michelet 1847-1853.

республиканской власти сохранялись весьма напряженные отношения, что проявлялось как в историографии, так и в коммеморациях. В историографии первых десятилетий Третьей республики тема революции оказалась не очень комфортной. Ее официальным зеркалом стала работа И. Тэна²⁹. В 1891 г. была создана кафедра французской революции, которую возглавил А. Олар. Она стала центром профессионального изучения революционного опыта на основе сциентистской программы методической школы и – в качестве «бастиона якобинской историографии» (П. Гарсия) – местом политической полемики, в которой защита патриотической истории была столь же актуальна как изучение новых документов. Школьные учебники по истории явились одним из лучших средств контроля над коллективным воображаемым. В начале прошлого века Ж. Жорес в книге «Социалистическая история французской революции» сделал наследниками «Великой революции» социалистов.

В XX в. Революция продолжала оставаться, по крайней мере, до 1980-х гг. привилегированной темой в историографии и своего рода «лабораторией» сменяющих друг друга познавательных моделей. Ее связь с политикой сохранялась, хотя и научные проблемы на материале революционной эпохи истории тоже решали³⁰. Постепенно историю социально-экономическую сменила обновленная политическая история; классическая историография Революции была побеждена и вытеснена историографией критической. Основой этих перемен, на мой взгляд, было эпистемологическое обновление историописания³¹, хотя и политическая ангажированность историков сохранялась.

Современную историографию Революции отличает критический взгляд не только на источники, но и на пройденный наукой путь; в исследованиях Революции учитывается не только история, но и память, не только сознание массовое, но и единичное, склонное сегодня как никогда самостоятельно выстраивать свои отношения с основными темпоральными формами. Осмысливая их, историки все внимательнее присматриваются к предложениям не только философии, но и других дисциплин. Э. Бенвенист, например, писал о необходимости учитывать «сложные темпоральные системы трех уровней»: время физическое (протяженное, однородное, сегментируемое), время хроники (разделенное, направленное, измеримое), время лингвистическое (интерсубъективное, экспериментальное, дискурсивное). Базовым уровнем, в котором укоренены два других, ученый считал «интерсубъективную темпоральность, реактивирующую первичный реверсивный опыт отношения между *я* и *ты*, опыт говорящего и его партнера»³². Получается,

²⁹ Тэн 1907.

³⁰ Хобсбаум 2000; *Historiographies*. 2010. Т. 2. Р. 1199-1213.

³¹ См. Чеканцева 2003.

³² Martin 2005.

что идентичность и инаковость – два обязательных компонента такой темпоральности. Не случайно с переоткрытием времени историки Революции стали активнее изучать темпоральные особенности этого сложносоставного события со множеством действующих лиц, в котором на первом плане оказывается коммуникация. По сути, речь идет не о языке, но об идентичностях разных уровней.

В последние десятилетия в междисциплинарных исследованиях убедительно показано, что взаимоотношения между историографией и коллективной памятью играют решающую роль в конституировании в настоящем отношений к прошлому. Репрезентации или ментальные образы, воплощение коллективного воображаемого революции долгое время сохраняли следы того, что принято для простоты называть республиканским наследием. Эти образы – следствие большой работы по мобилизации символических ресурсов исторического знания в деле воспитания республиканцев в период Третьей республики³³. Важнейшим из таких ресурсов была история Французской революции.

Природа исторического события такова, что рассказ о нем не может быть исчерпывающим и прозрачным. Это можно сказать как о рассказе свидетеля, так и о сочинении историка. В обоих случаях всегда есть место для отбора данных, упрощения сложных связей, акцентирования одних аспектов происходящего и исключения / забвения других. Однако Революция была и остается в памяти как весьма значимое событие. Во Франции ее историю изучают в школе со времен Третьей республики, до сих пор в современных представлениях о Революции нередко доминируют традиционные подходы и типичные для XIX века умолчания и интерпретации. Традиционен и алгоритм описания Революции. В нем выделяют причины, действующих лиц, хронологию, этапы и основные события, содержание которых представлено в бесчисленных исследованиях, основанных на конкретных источниках, прежде всего архивных.

Включение Революции в национальную историю и поддержание памяти о ней позволило «натурализовать» Республику. История Революции участвовала в конструировании коллективной памяти, которая помогала осмыслить истоки современного социума, вписать его в непрерывный поток времени, придать смысл революционному прошлому. Основу содержания республиканского наследия составляют прославление Революции как закономерной и единой, как разрыва со старым порядком, родоначальницы Республики. Такое прочтение 1789 г., широко укорененное в массовом сознании, способствовало созданию естественной и очевидной связи между Революцией и Республикой. Но, несмотря на то, что это давно укорененное республиканское наследие сохраняется, во второй половине XX века оно утратило свое символическое содержание и именно в этой связи французские интеллектуалы говорят о необ-

³³ Amalvi 1995; 2005.

ходимости обновления подходов к истории революционного прошлого с тем, чтобы наполнить новой жизнью республиканскую идею.

Изучение опытов памяти, в том числе коммеморативных мероприятий, связанных с юбилейными датами ключевых исторических событий, позволяет лучше понять взаимоотношения между историей и памятью, а также роль политики памяти в деле формирования исторического сознания социума. Ф. Миттеран, объясняя, что такое коммеморация, говорил, что «народ без памяти не может быть свободным народом». Память помогает «вернуться к самому себе», она необходима для того, чтобы «обновиться», «пробудиться», «подготовить будущее». В то же время она связана с наукой, в частности с историей, особенно когда «речь идет о нашей Революции»³⁴.

В поминании круглых дат истории Революции – 100, 150 и 200 лет – отчетливо проявляется неразрывная связь основных модусов времени. История этих коммемораций свидетельствует о том, что смысл обращения к историческим событиям, давно канувшим в лету, не сводится лишь к совместному поминанию, но всегда обнажает некоторые особенности ситуации в настоящем и одновременно обостряет потребность в размышлениях о будущем³⁵. Эту специфику событий конца XVIII столетия ощущали уже в XIX в. Так, Виктор Гюго отметил в 1875 г., что «все революции – это революции прошлого, но французская революция – это революция будущего». В числе немногих писатель увидел значение Революции в том, что она, предельно сжав историческое время, положила начало радикальному обновлению социума и государства и одновременно изменила порядок времени, а вместе с ним и отношение к истории: *historia magistra vitae* уступила место Истории, устремленной в будущее.

Коммеморации 1789 г. соответствовали уникальному своеобразию революционной эпохи и всегда были довольно сложной задачей для французского государства. Как и десять лет революционного времени, воспоминание о Революции продолжало разделять. Между тем властям важен был консенсус, поэтому надо было учесть конъюнктуру и использовать ритуал коммеморации для обуздания накала страстей. В 1889 г. пришедшие к власти оппортунисты-республиканцы провели всемирную выставку и показали, что они чтут Республику, а также победу французской армии при Вальми. Были поставлены новые памятники знаменитым людям эпохи, но сам революционный порыв, дух революции ищущей легитимации новой власти был не нужен. Образное замечание Ж. Мишле, высказанное в 1847 г. о том, что «монументом революции была – пустота», в 1889 г, в год столетнего юбилея оставалось в силе³⁶.

³⁴ Garcia // Mots, n°31, juin 1992. P.15.

³⁵ Ory 1984; Kaplan 1993; Garcia, Lévy, et Mattei 1991.

³⁶ «L'Empire a sa colonne, et il a pris encore presque à lui seul l'Arc de Triomphe ; la Royauté a son Louvre, ses Invalides ; la féodale église de 1200 trône encore à Notre-

По наблюдению П. Гарсия, политический календарь никогда не был благосклонным во Франции к проведению юбилейных коммемораций Революции³⁷. 1889 г. проблемы были связаны с расцветом буланжизма, в 1939 г. с расколом Народного Фронта. 1989 г. тоже не стал исключением из этого правила. В 1981 г., когда левые пришли к власти, празднование Революции представлялось естественным делом, почти семейным торжеством. Предполагалось провести всемирную выставку. Руководителем комиссии по организации был назначен директор Института французской революции М. Вовель. Однако вскоре ситуация изменилась. В 1984 г. мэром Парижа стал Ж. Ширак, и от идеи проведения выставки пришлось отказаться. Но не только социально-политические реалии усложнили двухсотлетний юбилей. В 1980-е годы изменился и идейный климат. Революционная идея утратила свою убедительность и вошла в полосу глубокого кризиса. В историографии наряду с классическими интерпретациями революции набирало влияние критическое ее видение, пересматривающее основы прежних подходов к революционной истории. Не удивительно, что подготовка к юбилею сопровождалась формированием сетей единомышленников, которые готовились к борьбе за символический капитал и идентификационный маркер. Правые историки во главе с П. Шоню главным аспектом революционного процесса считали проблематику прав человека. По инициативе кружков Кондорсе была создан Комитет Свобода, Равенство, Братство (CLTF), который видел свою задачу в том, чтобы в научных мероприятиях свести к минимуму обсуждение, сохранив обстановку праздника-спектакля для простых людей. Коммунисты в свою очередь выдвинули лозунг «Да здравствует 89-й год!». Переизбрание социалиста Ф. Миттерана на второй срок в 1988 г. изменило институциональный климат двухсотлетнего юбилея. Но научные баталии продолжались³⁸.

В отличие от коммемораций, состоявшихся в 1889 и 1939 г., двухсотлетие Революции продемонстрировало другое состояние этого события и в сообществе историков, и в памяти французов. Аналитики отметили новое отношение к революции как к историческому событию и ее связи с современной политикой, которое присутствовало на научных форумах, в праздничных церемониях, в СМИ. Речь идет о том, что Гарсия назвал «дистанцированием» (*distanciation*)³⁹. Эта отстраненность проявилась в нежелании считать современные политические баталии продолжением революционной эпохи, а также в критическом отношении к политическим мифам, которые доминировали во Франции с 1789 г. Эту новую чувствительность историк считает манифестацией политиче-

Dame ; il n'est pas jusqu'aux Romains qui n'aient les Thermes de César. Et la Révolution a pour monument... le vide... ». Michelet 1847.

³⁷ Garcia 1988.

³⁸ См. Vovelle 1993.

³⁹ Garcia 1991. P. 221-235.

ской зрелости и симптомом формирования другой политической культуры и иной системы ценностей. Она не исключала сохранения традиционных отношений к прошлому, но в целом двухсотлетие ясно показало сложный процесс трансформации французского общества.

Несмотря на то, что коммеморативные мероприятия, связанные с Революцией, всегда тщательно готовились, все они оказывались непредсказуемыми. Смысл коммеморации зависел не только от национального контекста, но и мирового. Это обстоятельство – убедительное свидетельство международного значения Революции. В 1919 г. национальный праздник 14 июля стал демонстрацией силы победившей нации после четырех лет кровопролитной войны. В 1935 г. это был парад социальной мобилизации, протест против фашизма, обещание изменений, первый шаг к новой революции, вдохновленный героическими подвигами предков. Двухсотлетний юбилей Революции проходил на фоне событий в Китае и сложных процессов конца перестройки в Советском Союзе и Восточном блоке, что способствовало радикальному переосмыслению образа Революции и проявлялось как в специализированных научных дискуссиях, так и в средствах массовой информации.

Историки изучают коммеморации Революции как социокультурный феномен, направленный на укрепление связей между людьми и как один из способов конструирования коллективной идентичности. При этом исследуется не только общенациональный уровень, в котором главная роль государства сохраняется, но и мероприятия на локальном уровне, имеющие свою специфику. Национальный уровень – это не только Париж, скорее это, символическое пространство: историческое и медийное. При этом локальные пространства не рассматриваются как периферийные или провинциальные: элементы локального обнаруживаются также в столице и в центральных департаментах страны, если, учитывая национальный масштаб, они все же пытаются заявить о собственной идентичности, привязанной к локальной территории.

Коммеморация это особое историческое событие, включенное в политическую конъюнктуру конкретного хронотопа и историческую культуру социума. Во Франции такие события стали политическими ритуалами. Вспоминать Революцию означает, прежде всего, оживить коллективную память, вписав торжественное поминание этого явления национальной истории в некий временной континуум, который начинался с празднования Революции и продолжался в празднике Республики. Такое наследие аналитики связывают одновременно с амбициями коммемораций и их специфическими формами⁴⁰. По мнению Гарсия, коммеморации Революции свидетельствуют, прежде всего, о политической воле, направленной на решение трех взаимосвязанных задач: предложить народу перформанс, способный консолидировать его как социаль-

⁴⁰ EspacesTemps. 1988.

ное тело; в процессе такого единения, заставить почувствовать «политические узлы», объединяющие граждан между собой; усилить чувство единения посредством эмоций во время праздников⁴¹.

Коммеморация создает связь, обеспечивает социальное сплочение, позволяет вновь пережить «трансфер сакральности» от короля к народу. Для усиления ее общенационального значения она обычно поддерживается гражданскими и педагогическими проектами. Вопреки распространенному пониманию коммеморации, в т.ч. юбилейных торжеств, связанных с круглыми юбилейными датами в истории Революции, историки показали, что это было событие, разделенное на мириады микрособытий, участники которых вкладывали в происходящее собственные смыслы.

«Созданная за два столетия историография революции свидетельствует о том, что понимание этого события сопряжено не столько с открытием новых источников, сколько с обновлением ее видения, интерпретации ее смыслов, – пишет родоначальник «сложного мышления» Э. Морен. – Не удивительно, что влияние коммемораций на эти перемены было весьма ощутимым. Особенно это касается двухсотлетия, когда Революция была децентрирована и деполитизирована, пережив настоящую демистификацию. Это событие больше не рассматривается как блок, обнаружив многогранные стороны своего развертывания. Ее лишили в значительной мере социально-исторического контекста, связанного с насилием. Кроме того, стали различать две революции: одну позитивную, доминирующую, но несколько абстрактную, и вторую, сведенную к террору, которую пытаются отбросить. Большинство продолжает видеть в этом событии основополагающее политическое значение, смысл которого постоянно пересматривается в свете обновленных представлений о политике и природе политического»⁴².

В лабиринтах репрезентации Революции в режиме *longue durée* на пересечении научного дискурса и коммемораций важно учесть и восприятие этого события в социуме. Образы Революции, созданные за два с лишним века в национальной историографии, дополняются здравым смыслом, разлитым в коллективной памяти поколений французов. В совокупности они придают этому событию статус основополагающей легенды французской истории, в лоне которой родились фундаментальные идеи политической культуры модерна: свобода, равенство, братство, республика, права человека, демократия и пр. Французские историки провели исследование состояния памяти в обществе в жанре устной истории накануне и после 1989 г., используя понятие социальной репрезентации. В 1988 и 1991 г. состоялось анкетирование людей на улицах по случайной выборке с целью выяснить, что они думают о Революции⁴³.

⁴¹ Garcia 2000.

⁴² Morin 1988, pp. 41-43.

⁴³ Garcia, Lévy et Mattei 1991.

Результаты анкеты 1988 г. показали, что о Революции всегда говорили охотно. Даже если человек, с которым обсуждали эту тему, практически ничего не знал о событиях двухсотлетней давности, у него всегда было, что сказать о них. Образ Революции, как правило, привязывался к конкретному месту и определенной дате. Особенно часто упоминали Бастилию, как некий символ, и 14 июля. Взятие Бастилии это, как правило, порыв, праздник, в котором жаждущий свободы народ противостоял тюрьме. О насилии в этот день практически никто не вспоминал. День 14 июля ассоциировался с освобождением от старого порядка, воплощающего голод, нищету и деспотизм. Революция чаще всего воспринималась не как процесс, но как разрыв⁴⁴. Общее отношение к Революции было весьма позитивным, ее смысл прочно связывался с Республикой: «Революция – это хорошо, потому что это – Республика». Революция соединялась с девизом Республики: «Свобода, Равенство, Братство». Эти исследования ученых во многом подтвердили и опросы общественного мнения, проведенные накануне 1989 г. компанией IPSOS⁴⁵.

В интерпретациях данных опросов проявляются и субъективные установки историков, которые связывая прошлое с настоящим, размышляют о современных восприятиях давно ушедших событий и героев. По сути, это «исследовательские свидетельства о свидетельствах» или «история во второй степени». В подобных «свидетельствах» причудливо переплетаются история и память, прошлое, настоящее и будущее, т.е. историческое время как единый концепт⁴⁶. История предстает как напряженная связь не только между прошлым и настоящим, но и между прошлым и будущим. Анализируя данные опросов 1991 года историки пришли к выводу, что для большинства опрошенных «революция вошла в историю уже далекую», которую люди вспоминали в практике бриколажа, не слишком заботясь о соответствии своих представлений современным научным данным. В ответах опрашиваемых было и немало традиционных идей. Например, одна из них заключалась в том, что подлинная революция еще впереди.

⁴⁴ Garcia 2000. P. 21.

⁴⁵ Эта компания, изучающая общественное мнение по широкому кругу вопросов, является одной из самых авторитетных в мире.

⁴⁶ «Концепты прошлого, настоящего и будущего, – пишет Н. Элиас, – выражают отношение, которое устанавливается между серией изменений и опытом, который извлекает из них отдельная личность или группа. Мгновение, определенное внутри слитного потока, принимает вид настоящего только в соотношении с человеческим индивидом, который его проживает, в то время как другие принимают вид прошлого или будущего. В качестве символизации прожитых периодов эти три выражения представляют собой не просто такие последовательности, как астрономический год или логическая пара “причина-следствие”, но также и одновременное присутствие этих трех измерений времени в человеческом опыте. Можно сказать, что прошлое, настоящее и будущее составляют, хотя речь и идет о трех различных словах, единый концепт». (Elias N. Du Temps. P., 1997 [1984]. P. 69-70, 86. Цит. по: Артог 2008).

Сегодня, большая часть французов видит в Революции разрыв в порядке вещей, который принес с собой демократию и обозначил начало новой эпохи *modernité*. Собственно, современная история во Франции, так называемая контампоранеистика, до сих пор начинается с Революции. Люди, считающие Революцию апокалипсисом, явно уступают большинству, воспринимающему ее как часть культурного наследия.

Французская революция XVIII века это, прежде всего, обещание нового будущего, открытие времени в еще несуществующей форме⁴⁷. Исключительный статус революционного периода конца XVIII в. в истории и памяти французов обусловлен одновременно небывалой новаторской энергией самого события и многочисленными символическими реинвестициями, объектом которых оно было на протяжении длительного времени. Французские историки убедительно показали, что изучение репрезентаций этой революции позволяет одновременно проследить важные изменения в социуме и выявить доминирующее в нем отношение к политике. Кроме того, изучение коммемораций Революции позволило понять природу инструментального использования истории и вновь поставить вопрос об ответственности историков.

Революция взрывает «континуум истории» (В. Беньямин) и именно поэтому она так трудна для понимания. Столкновение различных точек зрения, бесконечное обсуждение смыслов происходящего, соперничество между историей и памятью объясняются также тем, что не только для французов, но и для всей Европы Революция была весьма травматичным событием. Вплоть до того, что некоторые завоеванные Францией страны буквально утратили память об этом французском периоде своей истории. В Бельгии, Италии, Швеции, Испании, Нидерландах история в революционное десятилетие, по мнению П. Гарсия, сводится к обсуждению французских вымогательств и предательства коллаборационистов. Большинство жителей этих стран в это время оставалось пассивным⁴⁸. «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо», – пишет современный социолог. «Оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я – позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности пол-

⁴⁷ «Историческое познание не ограничивается лишь осмыслением прошлого, – пишет французский историк, – но включает в себя и размышления о будущем. История является носителем видения будущего, потому что, защищая способность критического разума понять то, что иногда кажется непостижимым, она на самом деле поддерживает волю к мысли и сопротивлению тому, что угрожает этому будущему. Именно в этом заключается смысл битвы за преподавание живой истории, которая не сводится к комментированию актуальных новостей». Duclert 2010.

⁴⁸ Garcia 2000. P. 27.

ного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением»⁴⁹. Не удивительно, что в начале XXI века явно возрос интерес к эмоциональным составляющим революционной событийности в контексте обновленной истории эмоций⁵⁰.

М. Ямпольский, анализируя современную интеллектуальную ситуацию и состояние исторического знания предлагает «мыслить историю как уникальную констелляцию»⁵¹. Судьба Французской революции как важнейшего исторического события, на мой взгляд, яркое свидетельство такой сингулярности. Она многократно представлена в литературе как событие прошлого и одновременно как совокупность бесчисленного множества сложных образов, рождающихся в стремительно меняющихся контекстах французской и мировой истории на пересечении научного дискурса и коллективной памяти. В ее осмыслении есть не только предметность, но и разрывы. Выявляя и объясняя их, историки способствуют дефатализации прошлого и обосновывают важность забвения, как основы для сохранения изменчивости мира во всем многообразии его различий и неопределенностей⁵².

Среди опытов памяти, с которыми мы постоянно сталкиваемся, коммеморации занимают особое место. Вместе с многочисленными публикациями и сопровождающей их полемикой они оказывают значительное влияние на ритмы политической жизни и историческое сознание. Исследователи коммемораций убедительно показали, что их характер определяется не только календарем. Коммеморация – это всегда выбор и социально-политическое действие, в котором встречаются политическая воля, научный дискурс, коллективное воображаемое и особая чувствительность социума к таким мероприятиям. Задача такого «полусобытия» заключается в том, чтобы укрепить чувство общности, социальной связи вокруг обсуждаемого явления. Иными словами, главная цель таких мероприятий – поддержание идентичностей разных уровней. И в этом также присутствует перспектива будущего. Еще В Гюго сказал: «Отмечать великие даты – значит готовить великие свершения»⁵³.

⁴⁹ Травма: пункты. 2009.

⁵⁰ См., напр. Rosenfeld 2009.

⁵¹ Ямпольский 2007.

⁵² «В ретроспективном плане лучший способ выстраивания доверия и строительства общего будущего – не помнить, а забыть. – Жизнь была бы невыносима, если бы все только помнили и накапливали. Нет, историческая память наша обязана быть дырявой, многое в ней просто должно кануть в Лету – окончательно, необратимо, безвозвратно. Забыть – значит искать решение актуальных или сегодняшних проблем не в прошлом, а в будущем. Забывание и связанное с ним, по умолчанию, прощение, можно рассматривать как форму моральной самозащиты». Гречко 2008.

⁵³ Cité par F. Mitterrand. Allocution à l'occasion de la présentation des archives de la Révolution Française. La Sorbonne. 15 janvier 1988.

Опыт осмысления революции XVIII в. за последние двести лет весьма поучителен и в плане понимания особенностей исторического ремесла. В нем как в зеркале с неизбежными искажениями и со столь же убедительным правдоподобием «отражается» сложность любого объекта исторического исследования, неизбежность его включения в контекст настоящего, в котором работает историк и от которого зависит его социализация, мировоззрение, профессиональные установки, так или иначе включенные в политическое и социокультурное пространство каждого конкретного момента.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. Часть II. М. 2000.
- Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас 2008, № 3 (59).
- Блан Л. История Французской революции 1789 года. Т. 1–12. СПб., 1908.
- Вжосек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей: Человек в истории 1991. М.: Наука. 1991. 192 с.
- Гордон А.В. Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции // Обозреватель–Observer. 2012. № 8. С. 92–105.
- Гречко П.К. Социальная теория современности М. 2008. 290 с.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. 2012. 260 с.
- Кинэ Э. Революция и критика ее. Т. 1–2. М. 1908.
- Ламартин А. Жирондисты. Т. 1–6. СПб., 1911.
- Литвин Т.В. Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально не переводимы? // Artetculte. Актукульт. № 7 (3-2012).
- Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64.
- Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. СПб. 1906.
- Мирзаханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома “Всемирной истории”) // Новая и новейшая история, 2015. № 4. С. 3-19.
- Мягкова Е.М. Время в Революции и Революция во времени: десять лет, которые потрясли мир // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 214-225.
- Травма: пункты. Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение. 2009. 936 с.
- Тьер А. История Французской революции. Т. 1–5. СПб. 1873–77.
- Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. Т. 1–5. СПб., 1907.
- Фюре Ф. Постигание французской революции. Санкт-Петербург: Инапресс. 1998.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem. 1998.
- Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М.: Ингер-Версо. 1991. 272 с.
- Чеканцева З.А. «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под. ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 14-30.
- Чеканцева З.А. Эпистемологическое обновление историописания и Французская революция XVIII века // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века. М.: МГУ. 2003.
- Черткова Г.С. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., ИВИ РАН. 1989.

- Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
- Amalvi Ch. L'Histoire pour tous: la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry a Ernest Lavisse 1814–1914. Paris. 1995.
- Amalvi Ch. (dir.). Les Lieux de l'histoire. Paris : Armand Colin, 2005. 411 p.
- Belloin G. Entendez-vous dans nos mémoires ?, Paris, La Découverte, 1989.
- Bensa A. et Fassin E. Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002, pp. 5-20.
- Betourné O. et Hartig A. Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française. Paris : La Découverte. 1989.
- Biard M. dir. La Révolution française . Une histoire toujours vivante. Tallandier. 2010.
- Certeau M. de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue: la Révolution française et les patois : l'enquête de Grégoire. Editions Gallimard, 2002 . 472 p.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité, Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Escudier A. «Temporalisation » et modernité politique : penser avec Koselleck » //Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009/6 (64e année), p. 1269-1301.
- EspacesTemps. Concevoir la Révolution : 89, 68 confrontations. n° 38/39, 1988.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.
- Furet F. (dir.) L'héritage de la Révolution française, Paris, Hachette, 1989.
- Garcia P. François Mitterrand, chef de l'Etat, commémorateur et citoyen// Mots, n°31, juin 1992. 1789 : Révolution française / 1989 : Bicentenaire. Gestes d'une commémoration. pp. 5-26. URL : http://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1992_num_31_1_1696
- Garcia P. La révolution momifiée // Espaces Temps, 38-39, 1988. URL: http://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_1988_num_38_1_3416
- Garcia P. Le Bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration, préface de Michel Vovelle. Paris: CNRS édition. 2000. 355 p.
- Garcia P., Lévy J., et Mattei M.-F. Révolutions, suite et fin. Les mutations du changement social et de ses représentations saisies à travers l'image de la Révolution française et les pratiques du Bicentenaire. P.: Espaces Temps et Centre Georges-Pompidou, 1991. 334 p.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartig F. Croire en l'histoire . Paris: Flammarion. 2013.
- Hartig F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu A. et Norbert Dodille N. (dir.). L'État des lieux en sciences sociales. Paris: L'Harmattan, 1993. P. 18-38.
- Hartig F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. P.: Editions de l'ENESS, 2005.
- Hartig F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Hartig F., Revel J. (dir.). Les usages politiques du passé. Paris.: Ed. de l'ÉHÉSS, 2001.
- Historiographies. Concepts et débats. Sous la direction de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.
- Kaplan S.L. Adieu 89. Paris: Fayard. 1993. 903 p.
- Koselleck R. Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
- Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990.

- Koselleck R. L'expérience de l'Histoire. Paris : Gallimard/Seuil, 1997. 247 p.
- Le Goff J. Histoire et mémoire. 1988 (1986), p. 172-173.
- Martin J.-C. (dir.), La Révolution à l'oeuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 2005. 375 p.
- Martin J.-C. La Vendée, région-mémoire // Les Lieux de mémoire, vol. 1, p. 519-534.
- Martin J.-C., Suaud Ch. Le Puy du fou. L'histoire mise en scène. P.: L'Harmattan. 1996.
- Martin J.-C. Histoire, mémoire et oubli pour un autre régime d'historicité // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 2000/4 no 47-4, p. 783-804.
- Martin J.-C. Violence et révolution: Essai sur la naissance d'un mythe national. P., 2006. 308 p.
- Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 1-7. P. 1846-1857.
- Morin E. Espace Temps. L'ère des ruptures// Espaces Temps. 1988. N 38-39. Concevoir la révolution. 89, 68, confrontations. pp. 41-44. URL: http://www.persee.fr/doc/espac_0339-3267_1988_num_38_1_3422
- Münch Ph. La foule révolutionnaire, l'imaginaire du complot et la violence fondatrice : aux origines de la nation française (1789) // Conserveries mémorielles [En ligne], No. 8 | 2010, mis en ligne le 25 septembre 2010, consulté le 27 mai 2016. URL: <http://cm.revues.org/725>
- Netter M.-L. La Révolution n'est pas terminée. Paris : PUF. 1989.
- Nora P. (dir.). Les Lieux de mémoires. Paris : Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Ory P. Le centenaire de la Révolution française // Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire. Vol. I. 466 p..
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard. 1984. 384 p.
- Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 30e année, N.5, 1975. pp. 935-952; http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657
- Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. N 38, mars 2002.
- Robin R. Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973..
- Rosenfeld S. Thinking about Feeling, 1789-1799 // French Historical Studies. 2009. Vol. 32. No. 4. 2009.
- Stael G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. P. , 1818.
- Tocqueville A. L'Ancien Régime et la Révolution. P., 1866-1878.
- Vovelle M. (dir.), Recherches sur la Révolution Paris, La Découverte/Institut d'histoire de la Révolution française/Société d'études robespierristes, 1991. 544 p.
- Vovelle M. Combats pour la Révolution française. Paris. La Découverte, SER. 1993.
- Vovelle M., Le Monnier D. Les colloques du Bicentenaire. Paris: La Découverte. Institut d'histoire de la Révolution. Paris. 1991. 600 p.
- Wahnich S. La longue patience du peuple, 1792: Naissance de la République. Paris, 2008.
- Zanon D. Écrire son temps. Les Mémoires en France de 1815 à 1848. Presses Universitaires de Lyon. 2007. 416 p.

REFERENCES

- Antropologicheskaya istoriya: podhody i problemy.* Materialyi rossiysko-frantsuzskogo nauchnogo seminar. Chast II. M. 2000.
- Artog F. Vremena mira, istoriya, istoricheskoe pismo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. N 83.
- Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // Neprikosnovennyi zapas» 2008, № 3 (59).
- Blan L. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii 1789 goda. T. 1-12. SPb. 1908.
- Vzhocek V. Istoriografiya kak igra metafor: sudby «novoy istoricheskoy nauki»// Odissey: Chelovek v istorii 1991. M.: Nauka, 1991.
- Gordon A.V. Sudby revolyutsionnogo naslediya: Oktyabrskaya, Fevral'skaya i Frantsuzskaya revolyutsii // Obozrevatel-Observer. 2012. N 8. S. 92-105.
- Grechko P.K. Sotsialnaya teoriya sovremennosti M. 2008. 290 s.

- DelYoz Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 s.
- Zhizhek S. God nevozmozhnogo. Iskustvo mechtat opasno. 2012. 260 s.
- Kine E. Revolyutsiya i kritika ee. T. 1–2. M. 1908.
- Lamartin A. Zhirondisti. T. 1-6. SPb., 1911 .
- Litvin T.V. Interiornost, chuvstvennost, kontingentnost – pochemu eti ponyatiya printsipialno ne perevodimy? // Artcult. Aktikult. N 7 (3-2012).
- Magun A. Opyit i ponyatie revolyutsii // Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, N 64.
- Mine F. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii s 1789 po 1814 gg. SPb. 1906.
- Mirzehanov V.S. XIX vek v mirovoy istorii (k vyihodu V toma “Vsemirnoy istorii”) // Novaya i noveyshaya istoriya, 2015, N 4. S. 3-19.
- Myagkova E.M. Vremya v Revolyutsii i Revolyutsiya vo vremeni: desyat let, kotoryie potryasli mir // Problemy istoricheskogo poznaniya. M.:IVI RAN. 2008. S.214-225.
- Travma: punkty. Sbornik statey / Sost. S.Ushakin i E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. 936 s.
- Ter A. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii. T. 1–5. SPb. 1873–77.
- Ten I. Proishozhdenie obschestvennogo stroya sovremennoy Frantsii. T. 1–5. SPb., 1907.
- Fyure F. Postizhenie frantsuzskoy revolyutsii. Sankt-Peterburg: Inapress. 1998. (fr. 1978, 1986)
- Fyure F. proshloe odnoy illyuzii. M.: Ad Marginem. 1998.
- Hobsbaum E. Eho «Marseleyzi». M.: Inter-Verso. 1991. 272 s.
- Chekantseva Z.A. «Narrativnoe» vremya istorika // Istorieskaya nauka segodnya: Teorii, meto-dyi, perspektivy / pod. red. L.P. Repinoy. M.: Izd-vo LKI, 2011. S. 55-74.
- Chekantseva Z.A. Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste releksivnogo povorota po-frantsuzski // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. 48. M. IVI RAN, 2014. S.14-30.
- Chekantseva Z.A. Epistemologicheskoe obnovenie istoriopisaniya i Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka // Pamyati professora A.V. Ado. Sovremennyye issledovaniya o frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII veka. M.: MGU. 2003.
- Chertkova G.S. Ob antinomii svobody i ravenstva i probleme vyibora // Aktualnyie problemy izucheniya istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. M. IVI RAN. 1989.
- Yampolskiy M. Nastoyashee kak razryiv. Zametki ob istorii i pamyati // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. N 83.
- Amalvi Ch. L'Histoire pour tous: la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry a Ernest Lavisse 1814 – 1914. Paris. 1995.
- Amalvi Ch.(dir.). Les Lieux de l'histoire. Paris : Armand Colin, 2005. 411 p.
- Belloin G. Entendez-vous dans nos mémoires ?, Paris, La Découverte, 1989.
- Bensa A., Fassin E. Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002, p. 5-20.
- Betourné O. et Hartig A. Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française. Paris : La Découverte.1989.
- Biard M. dir. La Révolution française. Une histoire toujours vivante. Tallandier. 2010.
- Certeau M. de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue: la Révolution française et les patois : l'enquête de Grégoire. Editions Gallimard, 2002 . 472 p.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité, Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement.Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Escudier A. «Temporalisation» et modernité politique: penser avec Koselleck» //Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009/6 (64e année), p. 1269-1301.
- EspacesTemps. Concevoir la Révolution : 89, 68 confrontations. n° 38/39, 1988.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.

- Furet F. (dir.) *L'héritage de la Révolution française*, Paris, Hachette, 1989.
- Garcia P. François Mitterrand, chef de l'Etat, commémorateur et citoyen // *Mots*, n°31, juin 1992. 1789 : Révolution française / 1989 : Bicentenaire. Gestes d'une commémoration. pp. 5-26 . URL: http://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1992_num_31_1_1696
- Garcia P. La révolution momifiée // *Espaces Temps*, 38-39, 1988. URL: http://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_1988_num_38_1_3416
- Garcia P. Le Bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration, préface de Michel Vovelle. Paris: CNRS édition. 2000. 355 p.
- Garcia P., Lévy J., et Mattei M.-F. Révolutions, suite et fin. Les mutations du changement social et de ses représentations saisies à travers l'image de la Révolution française et les pratiques du Bicentenaire. P., *Espaces Temps et Centre Georges-Pompidou*, 1991. 334 p.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // *Genèses*. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Croire en l'histoire . Paris: Flammarion. 2013. P. 10.
- Hartog F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu A. et Norbert Dodille N. (dir.). *L'État des lieux en sciences sociales*, Paris, L'Harmattan, 1993. P. 18-38.
- Hartog F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. P.: Editions de l'ENESS. 2005.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.: Seuil , 2003.
- Hartog F., Revel J. (dir.). *Les usages politiques du passé*. Paris.: ÉHÉSS, 2001.
- Historiographies. Concepts et débats / Sous la dir. de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offentstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.
- Kaplan S.L. Adieu 89. Paris: Fayard. 1993. 903 p.
- Koselleck R. Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
- Koselleck R. L'expérience de l'Histoire. Paris : Gallimard/Seuil, 1997. 247 p.
- Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // *Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P. 64.
- Le Goff J. Histoire et mémoire, 1988 (1986), p. 172-173
- Martin J.-C. (dir.), *La Révolution à l'oeuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française*. Rennes : Presses Universitaires de Rennes . 2005. 375 p.
- Martin J.-C. La Vendée, région-mémoire // *Les Lieux de mémoire*, vol. 1, p. 519-534.
- Martin J.-C., Suaud Ch. Le Puy du fou. L'histoire mise en scène. P.: L'Harmattan. 1996.
- Martin J.-C. Histoire, mémoire et oubli pour un autre régime d'historicité // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2000/4 no 47-4, p. 783-804.
- Martin J.-C. Violence et révolution: Essai sur la naissance d'un mythe national. P. , 2006. 308 p.
- Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 1–7. P. 1846–1857.
- Morin E. EspaceTemps. L'ère des ruptures // *Espaces Temps*. 1988. N 38-39. Concevoir la révolution. 89, 68, confrontations, pp. 41-44.
- Münch Ph. La foule révolutionnaire, l'imaginaire du complot et la violence fondatrice : aux origines de la nation française (1789) // *Conserveries mémorielles [En ligne]*, N 8 | 2010, mis en ligne le 25 septembre 2010, consulté le 27 mai 2016. URL : <http://cm.revues.org/725>
- Netter M.-L. *La Révolution n'est pas terminée*. Paris : PUF. 1989.
- Nora P. (dir.). *Les Lieux de mémoires*. Paris : Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Ory P. Le centenaire de la Révolution française // Nora P. (dir.) *Les Lieux de mémoire*. Vol. I. 466 p.
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard. 1984. 384 p.
- Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 30e année, N.5, 1975. pp. 935-952; http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657

- Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. N 38, mars 2002.
- Revel J. Ressources narratives et connaissance historique. Enquête. 1995. N 1, pp. 43-70.
- Robin R. Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973.
- Rosenfeld S. Thinking about Feeling, 1789–1799 // French Historical Studies. 2009. Vol. 32. No. 4.
- Stael G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. P., 1818.
- Tocqueville A. L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, 1866–1878.
- Vovelle M. (dir.), Recherches sur la Révolution Paris, La Découverte/Institut d'histoire de la Révolution française/Société d'études robespierristes, 1991. 544 p.
- Vovelle M. Combats pour la Révolution française. Paris. La Découverte, SER. 1993.
- Vovelle M., Le Monnier D. Les colloques du Bicentenaire. Paris: La Découverte. Institut d'histoire de la Révolution. P., 1991. 600 p.
- Wahnich S. La longue patience du peuple, 1792: Naissance de la République. P., 2008.
- Zanon D. Écrire son temps. Les Mémoires en France de 1815 à 1848. Presses Universitaires de Lyon. 2007. 416 p.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

The French Revolution of the 18th century as a future event between scientific discourse and memory's mirrors

The French Revolution of the 18th century is one of the most important events of national as well as of world history. Its characters, principles and images are widely known. Additionally, the Revolution is a place of memory, which today continues to fuel the modern history / historiography, making its way between ideologies, memories and political struggle. Not surprisingly, there are libraries full of books about this event in France and abroad. However, the Revolution continues to conceal his meaning, in the traditional sense of the events with its causes and context, "slipping into the future" (S. Zizek). The article based on the works of French intellectuals shows (through the prism of changing the "order of time") how over the course of two centuries, the image of the revolutionary decade that shook the world was transformed at the intersection of scientific discourse, commemorative practices and social representations in the French society.

Keywords: French Revolution, a historical event, memory, historical time, historicity, history' contingency, historical epistemology

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru

Л. П. РЕПИНА

СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ «КАЗУС 1066»*

В связи с новейшими тенденциями в теории и методологии, появлением новых исследовательских подходов и предметных областей, бурным развитием междисциплинарных направлений, разработка базисных понятий исторической науки представляет собой одну из наиболее актуальных задач современной историографии. Среди таких аналитических категорий центральное место занимают неразрывно связанные между собой категории «событие» и «время», которые в контексте обновления исторической науки на рубеже XX–XXI в. и развертывания мемориальной парадигмы обрели высокий эпистемологический статус. Сегодня, когда мы говорим об «историческом событии», то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и формирование его «образа в коммуникативной памяти поколений, и трансформации этого образа в историографии, и его символизацию в историческом сознании и культурной памяти последующих эпох. В настоящей статье предлагается взгляд на этот процесс на примере знаменательного события, дата которого стала символической, прежде всего в контексте национальной, но также и в европейской истории – на юбилейном казусе «1066».

Ключевые слова: коллективная память, историческое событие, «образ прошлого», историческая культура, публичная история, «казус – 1066»

“Мемориальный поворот” в современном гуманитарном знании актуализировал дискуссии вокруг ряда, казалось бы, давно устоявшихся в исторической науке понятий, в том числе таких базисных, как тесно связанные между собой аналитические категории *событие* и *время*¹. Стоит отметить, что историческая наука пережила “возвращение”, или “возрождение события” еще в последней трети XX в.², однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с развертыванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI вв.³ Речь идет об активном использовании этой старой аналитической категории, долгое время, наряду с понятием исторического факта, занимавшей умы представителей позитивистской методологии, в широком обсуждении новейшей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Событие и время в европейской исторической культуре» № 14–01–00357а.

¹ Неразрывность этой связи определяется прежде всего тем, что события происходят во времени, и в каждом событии существует время – и как длительность, и как точка отсчета (начала и конца), к тому же события структурируют время истории. Подробнее о событии как элементе исторического анализа и темпоральной организации истории см.: Савельева, Полетаев 2003. Глава 10. С. 475–514.

² См., напр.: Нора 1974; Ревель 2003.

³ О бурном развитии *memory studies* в России в начале нынешнего века см.: Леонтьева 2015; Леонтьева, Репина 2015.

проблематики исторической памяти⁴, практики коммемораций и “исторической политики” (“политики прошлого”), кризисов исторического сознания⁵, а также сменяющихся “режимов историчности”⁶.

Сегодня можно уже говорить о постепенном формировании нового подхода к изучению события (*исторического события*) в фокусе пересечения различных темпоральных структур и действий индивидуальных и коллективных акторов, в соотнесении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями соответствующей эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотнесение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. При этом процедуры контекстуализации события и организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий. Представление о том, какое событие является историческим, существенно изменилось, в том числе и потому, что историки обратили внимание на вопрос о взаимоотношениях социальной памяти и историописания, а также на место коллективной памяти в субъективности историка.

В центре внимания оказываются как социальный контекст события, так и его субъективное восприятие активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений – событие выступает как элемент коллективной памяти, имеющей собственные темпоральные характеристики. Ставится вопрос о новом понимании соотношения понятий события и факта, а также о ключевых характеристиках признаках понятия “историческое событие”. Не менее интересна и значима проблема поиска и концептуализации связей между событиями, а также построения исторического нарратива как направленного ряда событий.

Неизбежно встают вопросы о том, как событие из непредвиденного превращается в неминуемое, из банального в историческое, как темпоральная структура самого события и его размещение во времени и пространстве интерпретировались самими акторами, потомками и историками, в том числе в свете понимания настоящего как конечного итога событий прошлого. Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различным образом упорядоченные нарративы, при этом одно и то же событие может приобретать разные значе-

⁴ См., напр.: Ассман Я. 2004; Мегилл 2007; Диалоги со временем... 2008; Обrazy времени и исторические представления... 2010.

⁵ См., напр.: Кризисы переломных эпох... 2012; Ассман А. 2014; Репина 2014.

⁶ См.: Hartog 2003; Чеканцева 2014 (а)4 2014 (б).

ния. В зависимости от ситуации настоящего выбирается темпоральная перспектива. Коммуникативный подход делает акцент на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать события прошлого в своих интересах. Социальная общность может смотреть в более или менее удалённое прошлое, находя в истории тех или иных предков, выделяя принципиально важные для идентификации данной группы разновременные исторические события или периоды. Именно в структуре коллективной памяти «великие исторические события», служащие в исторической науке вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории, подвергаются своеобразной сакрализации или мифологизации и становятся историческими символами идентичности⁷. Их символический статус в соответствующем социокультурном пространстве поддерживается институтами памяти (включая систему образования, средства информации, формы художественной культуры), практикой мемориаций, национально-государственной политикой памяти.

Завоевание – событие экстраординарного, травматического характера, событие, которое нарушает сложившийся порядок в социуме, оказывая деструктивное воздействие практически на все его структуры, в т.ч. ментальные, и потому требует как образно-эмоциональной компенсации (мифологизации события в коллективной памяти), т.е. перестройки в ментальной структуре или ее рекреации, так и рациональной интерпретации (придания смысла в определенной версии событий)⁸.

В этой связи «Казус 1066» привлек мое внимание не сам по себе, а именно в попытке его рассмотреть в совершенно новой перспективе, предпринятой в свое время известным специалистом по данной теме Дэвидом Бейтсом в его инаугурационной лекции в качестве профессора истории и директора Института исторических исследований Лондонского университета, красноречиво озаглавленной «1066 год: эта дата все еще имеет значение?»⁹. Каковы же его основные тезисы?

Прежде всего, как на «чрезвычайно важное» обстоятельство, побудившее его обратиться к данной теме, Д. Бейтс указывает на то, что проблема «1066» ярко высвечивает возможности диалога между академическим сообществом и широкой публикой. 1066 год – одна из самых известных дат в английской истории, глубоко укорененная в национальном самосознании. Однако, в последнее время, судя по исследованиям знаний школьников, эта дата теряет статус известной всем и каждому, хотя и продолжает занимать уникальное место в английской культуре, массовом сознании и в политическом дискурсе. Речь идет также об от-

⁷ Или «местами памяти» – в терминологии Пьера Нора, получившей широкое распространение в международном профессиональном сообществе.

⁸ См., в частности: Falkowski 2010.

⁹ Текст был впоследствии опубликован в виде статьи: Bates 2005.

ссылках к этой дате в детских телепрограммах, в рекламе, безотносительно к тому, какое значение данному событию придается. А проведенный автором опрос среди сотрудников Института исторических исследований выявил интересный факт: в большинстве ответов упоминалось, что «1066» фиксирует дату последнего внешнего завоевания Англии, в них также присутствовали главные символы, глубоко врезавшиеся в массовое сознание, причем чаще всего вспоминался эпизод смерти Гарольда в образах знаменитого гобелена из Байё. В целом, констатирует автор, массовые представления о событии 1066 года напоминают попури из идей и образов, существовавших веками. Справедливо определяя эту памятную дату как некий конструкт, автор делает подробный обзор того длительного пути, по которому данное событие «вошло в историю» и заняло в ней особое место, в то время как другие решающие средневековые битвы в истории Британии не удостоились такой славы.

Далее Д. Бейтс подчеркивает, что укоренение этого конструкта в коллективном сознании было постепенным, а решающим моментом стало развитие антифранцузской ксенофобии, начиная со второй половины XIII в., которая привела к тому, что историки XIV века стали все более идентифицировать Завоевание с уничтожением английских вольностей. Две важные темы историографии позднего средневековья и нового времени: 1) оценка события в терминах расового конфликта или национальных различий и 2) с позиции конституционной свободы как главного политического принципа – оказали глубокое влияние на представления об этом событии в столь длительной временной перспективе, что их наследие обнаруживается и сегодня. Впрочем, позднесредневековые и современные истории 1066 года прошли через ряд фильтров в коллективном сознании: Завоевание было переформулировано в модели т.н. «нормандского ига» в духе конституционных аргументов XVII века. И что важно: речь идет о дебатах относительно того, разрушило ли Завоевание демократический и эгалитарный строй англо-саксонских времен, или же оно стало лишь одним из поворотных пунктов в долгом эволюционном процессе, причем все участники дебатов были хорошо знакомы с историческими сочинениями того времени, которые, в свою очередь, опирались на хорошее знание трудов средневековых хронистов, формировавших образ этого события с XIV в., и при всех различиях между ними, были едины в понимании национальной истории как непрерывной с самых ранних времен до их настоящего. В XVII в. присутствовала и другая модель, отрицающая преемственность конституционализма в английской истории и предлагающая свою версию событий, исходившую из признания особого типа феодализма «English-style». Однако трансмиссия в историографию XX века именно идеи конституционного континуитета была обеспечена монументальными трудами У. Стаббса и Э. Фримана. Д. Бейтс отмечает и роль романов Вальтера Скотта в помещении 1066

года в центр дискуссий о национальной идентичности, а также то, что в разных вариантах тема «нормандцы против англичан» оставалась на повестке дня даже в серьезных исторических трудах вплоть до второй половины XX в., причем главными факторами, поддерживающими популярность этой расовой темы в массовой культуре, были регулярные переиздания легенд о Робине Гуде и воплощения порочного шерифа Ноттингема в кино и литературе. За последние 100 лет, которые Бейтс называет веком научно-теоретической истории, 1066 год прошел сквозь призму концепций империи, колониализма и ряда других, и «наконец, поскольку историки в последние полвека или около того перестали читать средневековых авторов буквально, образ 1066 года, просуществовавший восемь веков, рассеялся...».

Автор стремится рассматривать событие Завоевания в режиме *longue durée* и с учетом живучести сложившихся стереотипов. Позитивно оценивая успехи новых направлений современной историографии, он констатирует устойчивость ряда компонентов старых концепций, а также необходимость обновления интерпретации этого ключевого события английской истории в более широкой пространственной перспективе, которая позволяет признать его частью общеевропейской истории, а также определенным этапом в становлении мультикультурализма и мультиэтничности, в процессах миграции и интеграции разных народов, из которых сложилось британское общество.

Контрфактический анализ дает автору весомые аргументы в пользу вывода об общеевропейском характере перемен XI–XII вв. По мысли Бейтса, «суть в том, что мы должны стараться различать между тем, что действительно случилось после 1066 года, тем, что случилось из того что не могло случиться, и тем, что могло бы произойти в любом случае». Нельзя автоматически связывать любое изменение, произошедшее в десятилетия после 1066 года, с воздействием самого Завоевания. Изменения, приписываемые событию Завоевания, не возникли одномоментно, но развертывались в последовавшие десятилетия и в жизни следующих поколений как результаты сложного процесса, включавшего и «переговоры на местах», и «множественные акты насилия и притеснений», и «создание новых социальных связей».

Автор видит возможность создания нового нарратива о событиях 1066 года на основе ценностей, отличных от национализма, расизма и конституционализма. Начинать, по его мнению, надо с того, что, «продолжая с пониманием и уважением относиться к истории этого события в течение более девяти столетий, мы должны решительно пересмотреть многое из багажа прошлого...», используя научные достижения последних десятилетий. И этот предложенный им новый нарратив требует мышления в терминах ритуала, этикета, способов разрешения конфликтов, понятия чести и т.п., т.е. определения политической культуры в

терминах антропологически ориентированного анализа. Реализация такого подхода просматривается в концепциях «Первой Европейской революции», «Феодальной революции», «Мутации тысячного года», в идее глобальных культурных сдвигов. В других концепциях глобальных изменений 1066 год предстает как часть диаспоры народов, составившей т.н. первую великую экспансию западной Европы, проявления которой включали ранние крестовые походы, войны против ислама в Испании и начало «дранг нах остен». «Эта диаспора понимается не только как миграция людей, но также как культурное движение, которое привело к широкому распространению особой ветви христианства и, в разных формах, военной и религиозной культуры Запада...».

В свете современных дискуссий о новой событийной истории примечательны два ответа Бейтса на поставленный им в заглавии статьи вопрос: 1) 1066 год следует рассматривать как событие европейского значения, имевшее последствия, определившие направление истории Британских островов; 2) «1066 год, в конечном счете, имеет значение потому, что он имел так долго такое большое значение для столь многих людей. И потому, что даты имеют значение как символы: они получают в национальных историях такой резонанс, который выходит далеко за пределы их действительного исторического значения».

И еще один по-настоящему актуальный и важный вывод Д. Бейтса из проведенного им анализа «истории одного события», а он таков: «Идея, которая оказывает мощное влияние на индивидуальные и коллективные действия в настоящем, – вот то, что мы стремимся понять во времена, когда прошлое кажется таким раздробленным и далеким», и в этой ситуации «слишком легко ухватиться как за соломинку за представление о непреодолимой силе некоего сотворенного исторического прошлого над беспомощным настоящим».

Именно на основе таких значимых, символических событий прошлого строится коллективная идентичность, выстраивается периодизация национальной истории. Благодаря учебникам, научно-популярной и художественной литературе, они входят в багаж исторических знаний и представлений широкого круга людей. Многие события такого уровня приобрели особый статус только в контексте последующего хода истории. И потому перед историком возникает вопрос: «Почему и когда это событие стало трактоваться как определенный исторический рубеж?». Ответить на него можно, только восстановив полномасштабную символическую биографию данного события в долговременной исторической перспективе. Сегодня, когда мы говорим об «истории события», то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и формирование его «образа» в коммуникативной памяти первых поколений, и трансформации этого образа в историографии, историческом сознании и культурной памяти последующих эпох.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. 800 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96.
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Мезилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Нора П. Между памятью и историей: Проблематика «мест памяти» // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17-50.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. 960 с.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206-231.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х тт. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
- Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014 (а). Вып. 48. С. 16-30.
- Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49 (б). С. 14-27.
- Bates D. 1066: Does the Date Still Matter? // Historical Research. 2005. Vol. 78. No. 202. P. 443-454.
- Falkowski, Tomasz. Historical Event as a Structural Factor. South America Conquest by the Spanish in Nathan Wachtel Perspective // Sensus Historiae. Vol. I (2010/1). P. 119-131.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Galilimard, 1974. P. 210-228.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya poli-tika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Re-pinoj. M.: Krug", 2008. 800 s.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2012. 336 s.
- Leont'eva O.B. «Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 59-96.

- Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoi Rossii // ENOZh «istoriya». 2015. T. 6. Vy-pusk 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Megill A. Istoricheskaya epistemologiya. M.: Kanon+, 2007. 480 s.
- Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei: Problematika «mest pamyati» // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyumezh, M. Vinok. SPb., 1999. S. 17-50.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug", 2010. 960 s.
- Revel' Zh. Vozvrashchenie k sobytiyu: Puti istoriopisaniya // Homo Historicus: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. Kn. 1. M., 2003. S. 238-254.
- Repina L.P. Sotsial'nye krizisy i kataklizmy v istoricheskoi pamyati: teoriya i praktika issledovaniy // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2008–2013 god. M.: Nauka, 2014. S. 206-231.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: Teoriya i istoriya. V 2-kh tt. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo. SPb.: Nauka, 2003. 632 s.
- Chekantseva Z.A. Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste reflektivnogo povorota po-frantsuzski // Dialog so vremenem. 2014 (a). Vyp. 48. S. 16-30.
- Chekantseva Z.A. Istoricheskoe sobytie i vremya v kontekste «ritmicheskoi paradig-my» // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49 (b). S. 14-27.
- Bates D. 1066: Does the Date Still Matter? // Historical Research. 2005. Vol. 78. No. 202. P. 443-454.
- Falkowski, Tomasz. Historical Event as a Structural Factor. South America Conquest by the Spanish in Nathan Wachtel Perspective // Sensus Historiae. Vol. I (2010/1). P. 119-131.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, рук. Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарно-го знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

An event in history and in collective memory «The Case of 1066»

The analysis of the basic notions of historical discipline is an extremely important task for contemporary historiography, with its new theoretical and methodological trends, interdisciplinary approaches and research fields. The central place among such analytical categories is occupied by the notions of 'event' and 'time', which acquired a high epistemological status in the context of the renewal of historical discipline in the late 20th – early 21st cc. and the development of memorial paradigm. When we speak of a 'historical event' today, we mean the process by which it took form, as well as immediate reactions to it, and the shaping of its 'image' in the communicative memory of generations, and its symbolization in historical conscience and cultural memory of later epochs. The present article looks into this process, using an example of a famous event, a date that has become symbolic in the context of national and European history – the anniversary case of "1066".

Keywords: collective memory, historical event, 'narratives of identity', historical culture, institutes of national memory, comparative research.

Lorina Repina, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Head of the Centre for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru.

Ф. Е. ЛЕВИН

«ОСНОВА ЗНАНИЙ ОБ ИРЛАНДИИ» ДЖОФФРИ КИТИНГА И НАКОПИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

В статье анализируется произведение Джоффри Китинга (1570–1644) «Основа знаний об Ирландии», повествующее об истории древней и средневековой Ирландии, в качестве особой формы памяти о прошлом. Вводятся понятия функциональная и накопительная память, позаимствованные у Алейды Ассманн. На основании анализа текста труда Китинга автор приходит к выводу, что «Основа знаний об Ирландии» содержала в себе потенциал как функциональной, так и накопительной памяти. Его произведение внесло лепту в формирование накопительной памяти ирландского католического самосознания, а затем и ирландского национализма.

Ключевые слова: Ирландия, Джоффри Китинг, «Основа знаний об Ирландии», этнический дискурс, историческая память, накопительная память, функциональная память, «Книга Захватов Ирландии», историописание.

Изучение взаимосвязи памяти и истории является актуальным направлением в современных социальных науках. В данной статье речь пойдет об одном из продуктов историописания раннего Нового времени как об особой форме памяти о прошлом.

До-модерное историописание было разновидностью воспоминания, сохранения памяти¹. П. Нора пишет: «От средневековых хронистов до современных историков “глобальной” истории вся историческая традиция развивалась как заданное упражнение для памяти и как ее спонтанное углубление, восстановление прошлого без лакун и трещин»². Поскольку история в средние века была политизированной³ (ее главная миссия – при помощи прецедентов доказывать преемственность), исторические нарративы выступали в качестве обосновывающей памяти⁴: так или иначе они стремились легитимировать настоящее посредством прошлого.

Наличие общих исторических воспоминаний, представлений о прошлом является одним из условий существования и сохранения этнической или национальной идентичностей⁵. Согласно теории Яна Ассмана культурная память как форма трансляции и актуализации культурных смыслов отличается высокой степенью формализованности и продолжительным формированием⁶. Текст является одной из форм «фиксации памяти» и соответственно влияет на кристаллизацию идентичности. В этой

¹ См.: Нора 1999. С. 17-50; Ассман Я. 2004; Ассман А. 2014. С. 42-51.

² Нора 1999. С. 21.

³ Гене 2002. С. 393.

⁴ Ассман Я. 2004. С. 83.

⁵ Smith 1991; 1999.

⁶ Ассман Я. 2004. С. 21-25.

связи историописание, будучи аспектом письменной культуры, выступает как один из инструментов поддержания идентичности, противостоящий забвению и укрепляющий культурную память группы.

В свою очередь, Алейда Ассман разграничивает функциональную и накопительную память. Накопительная память выполняет роль сохранения, каталогизации и консервации прошлого и его артефактов и соотносится с пассивной памятью. Функциональная память инструментализирует и канонизирует то, что уже накоплено, проводя жесткий отбор и селекцию, и соотносится с активной памятью⁷. Благодаря процедурам «признания» памяти социальными и властными институтами, подмененным Стефаном Фейхтвангом и Сюзанной Рэдстоун⁸, память становится функциональной, в то время как для накопительной памяти это менее важно, и оттого она может подвергнуться забвению.

Тем не менее накопительная память ориентирована на долговременность, в то время как функциональная память на повторяемость⁹. При этом накопительная память имеет потенциал перехода в функциональную. Иными словами, оба вида памяти время от времени переходят из одного состояния в другое и, несомненно, подвержены манипуляциям, особенно функциональная память. Сюжеты, которые будут затронуты в этой статье, являются примером именно таких переходов.

Джоффри Китинг (1570–1644), потомок первых англо-нормандских колонистов, родился в графстве Типперари в южной провинции Ирландии Мунстере. В 1603 г. он эмигрировал в Бордо, став доктором богословия в местном университете. В 1610-х он вернулся в Типперари, где был католическим священником, а к 1634 г. закончил написание своей «Основы знаний об Ирландии», ставшей вехой в ирландском историописании раннего Нового времени. Появление этой работы было порождено рефлексией на происходящие перемены в Ирландии в период серьезных катаклизмов и трансформаций, вызванных Тюдоровским завоеванием острова и Реформацией, в результате чего к концу XVII в. гэльский порядок пришел в упадок.

Взросший в раннее Новое время интерес к истории Ирландии был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, после того, как Генрих VIII принял корону Ирландии в 1541 г., «Зеленый остров» приобрел статус имперского композита. Тюдоровское завоевание Ирландии, сопровождаемое попытками реформирования и внедрением новых управленческих элит – «новых англичан», требовало собственной территориальной легитимации, инструментом которой выступала история.

⁷ Ассман А. 2014. С. 55-59.

⁸ Feuchtwang 2003; Radstone 2005.

⁹ Ассман А. 2014. С. 59.

Различные группы населения Ирландии¹⁰ по-разному реагировали на происходящие события и артикулировали свою идентичность в исторических штудиях. В той амальгаме этнических, конфессиональных и социальных лояльностей были заложены основы двух видов исторической памяти — католической и протестантской. В этом процессе кристаллизовались два «правильных» видения прошлого Ирландии, от которых отталкивались историки. Однако эти видения были достаточно гибкими и позволяли некоторые отклонения, определявшие индивидуальность нарратива¹¹. Во-вторых, интеллектуальное увлечение историей и постепенная профессионализация дисциплины, характерные для Ренессанса в целом, были не чужды Ирландии, которая была вписана в общеевропейский контекст с той оговоркой, что Ренессанс там ограничивался преимущественно эмигрантской средой и имел религиозную окраску, благодаря влиянию Контрреформации¹². Всё же появившиеся индивидуализированные версии истории Ирландии согласовывались с антикварным и эрудитским историописанием¹³.

В существующем порядке дискурса¹⁴ об истории Ирландии в раннее Новое время доминировал дискурс завоевателей – англичан. Английские историописатели и литераторы Уильям Кэмден, Рафаэль Холинshed, Эдмунд Спенсер, Мередит Ханмер, Ричард Станихерст в своем критическом видении прошлого Ирландии и гэльского общества опирались на Гиральда Камбрийского, заявлявшего о варварстве гэлов и анархии в Ирландии до пришествия англо-нормандцев. Как пишет Колин Кидд, в раннее Новое время в Ирландии наблюдались двойные стратегии, включавшие в себя как присваивание, так и поношение коренной культуры для выстраивания специфической территориальной легитимации¹⁵.

В ответ ирландские интеллектуалы стремились возродить «попранную» историческую память. Джозеф Леерссен отмечает, что ирландская литература с этого времени существовала в условиях «куль-

¹⁰ В раннее Новое время на острове проживали гэлы, коренное население, старые англичане, потомки первых англо-нормандских колонистов, и новые англичане, новый поток протестантского населения, колонизировавшего Ирландию.

¹¹ Опыт Англии раннего Нового времени вполне можно применить к Ирландии: Woolf 1990. P. 32.

¹² Вопрос о влиянии Ренессанса на Ирландию XVI-XVII вв. является до сих пор дебатруемым. Ирландские историки отошли от радикальных взглядов Дэвида Мэтью, считавшего Ирландию стагнирующим обществом, пребывающим в плену древних кельтских представлений, не затронутым Ренессансом: Mathew 1933. В свете современных исследований распространено мнение, что гэльская литература была подвержена влиянию прежде всего Контрреформации и отчасти Ренессанса: Ó Buachalla 1993; Mac Craith 1990; Caball 1998.

¹³ См.: Паламарчук, Федоров 2013.

¹⁴ С точки зрения критического дискурс-анализа, порядок дискурса – конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном институте или социальной области: Fairclough 2005. P. 13.

¹⁵ Kidd P. 180.

турной самозащиты»¹⁶: ирландские историки стремились доказать цивилизованность ирландцев, а их этноцентризм служил средством легитимации светских и церковных институтов Ирландии. Они обращались к сюжетам традиционного ирландского историописания и адаптировали их под свои нужды. В духе эпохи¹⁷ их целью было написать истинную историю Ирландии, рассказать правду и развенчать мифы. Таким образом, для историописания этого периода была характерна интертекстуальность, и любой выходящий труд по истории Ирландии оказывался инструментом в дискурсивной борьбе¹⁸.

При этом среди ирландских историописателей большую долю составляли «старые англичане» (в это время намечались контуры сближения потомков англо-нормандских колонистов с гэльскими элитами в результате Реформации в Ирландии и земельных и властных перераспределений), «присвоившие» чужую историческую память. Одну из ключевых ролей в этом процессе играли клирики-эмигранты, находившиеся в семинариях Лувена¹⁹, Бордо, Дуэ и Саламанки. Именно они внесли серьезную лепту в трансформацию ирландского историописания. В этой среде родились наиболее масштабные труды по истории Ирландии: «Анналы четырех Мастеров»²⁰ и «Основа знаний об истории Ирландии».

В «Основе знаний об Ирландии» повествуется об истории Ирландии от первых поселенцев до англо-нормандского завоевания. Джоффри Китинг видел своей целью написание «истинной» истории Ирландии, поскольку «не было ни одного историка с того момента [с момента англо-нормандского завоевания], который бы не стремился очернить или оклеветать англо-ирландских колонистов и гэльское коренное население»²¹. Китинг упрекал английских историков в том, что они не удосужились перечислить хорошие качества гэлов, и считал, что английские и шотландские историки выбирали лишь фрагменты из ирландских источников, чтобы представить гэлов в неблагоприятном свете. Китинг же хотел показать другую сторону медали: «Я надеюсь, что любой беспристрастный читатель прочтет все мои опровержения [Гиральда] Камбийского, и

¹⁶ Leerssen 1986. P. 270.

¹⁷ Shapiro 2003. P. 37-62.

¹⁸ В целом, идея о том, что дискурсивные отношения – это часть социальной борьбы и конфликтов, позаимствована у Нормана Фэркло. Фэркло пишет: «Порядки дискурса можно рассматривать как преобладание потенциальной культурной гегемонии, включающее основные группы, борющиеся за утверждение и поддержание определенной структуры внутри одного порядка и между различными порядками. (Fairclough 1995. P. 56.)

¹⁹ См.: Lyons 2013. P. 21-43.

²⁰ «Анналы четырех мастеров», или «Анналы королевства Ирландии» – хроники средневековой истории Ирландии, составленные в 1632–1636 гг. четырьмя монахами-францисканцами.

²¹ Keating 1902. P. 2-3.

вторящих ему иностранцев... Я берусь писать историю Ирландии... потому что считаю, что не подобает стране столь благородной, как Ирландия, и народам столь благородным, как те, кто населял ее, быть преданной забвению без упоминания и повествования, оставленного о них...»²².

Само название произведения предполагало подспудную архивную функцию: накопление и консервация «забытого» знания. Однако Китинг, как и его предшественники, был компилятором, он скорее синтезировал и ретранслировал данные из разных источников, нежели просто архивировал их. Ирландский францисканец осуществлял определенную селекцию (о чем будет сказано позже), дабы донести свое видение истории Ирландии, которое было важнее простого собирания данных.

Ключ к возвращению Ирландии «истинного прошлого» лежал в прочтении древних источников на ирландском языке: «...я видел и понимаю основные книги по истории, а они не видели их, и даже если бы они их увидели, они бы их не поняли»²³. Для того, чтобы опровергнуть своих оппонентов, Китинг должен был обратиться к первоисточникам, чего требовало время, к «основам исторического знания об Ирландии»²⁴», недоступного ни его оппонентам, ни тем, на кого было нацелено произведение. Китинг проделал колоссальную работу по созданию «Основ знаний об Ирландии». Он пользовался теми источниками, часть из которых нам до сих пор не известна²⁵. Во введении он перечисляет ирландские источники, к которым он обращается: «Книга Захватов Ирландии», «Список королей Ирландии», «Книга прав», «Кашельский псалтырь», «Книга из Армага», «Книга Финтана Кроненахского», «Псалтырь строф», «Желтая книга Лекана», «Черная книга Святого Молага», «Шесть веков мира» (ирландский перевод *Sex aetates Mundi*), «Книга перечней», «Старина мест», «Перечень жен», «Верность имен», «Словарь ученого», «Чудо Колума Килле», «Книга пятин»²⁶. Круг использованных источников был действительно широким: помимо анналов, исторических компиляций и генеалогий, он обращался к бардической поэзии, прозе и описаниям битв, а также к фольклору и устным преданиям²⁷. Несомненно, это далеко не полный список источников, которыми он пользовался²⁸.

Каким образом Китинг собирал информацию, доподлинно неизвестно, однако тот факт, что многие манускрипты, на которые он ссылался, находились во владении отдельных семей, говорит о том, что он использовал максимум своих «академических» и «социальных» связей

²² Keating. Vol. 1. P. 76-77.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. P. 2-3.

²⁵ Cunningham 2004. P. 61.

²⁶ Keating. Vol. 1. P. 78-81.

²⁷ Cunningham 2004. P. 59-82.

²⁸ Более подробно об ирландских источниках, к которым обращался Джоффри Китинг см.: Cronin 1945-47.

для получения доступа к необходимым источникам. По мнению Бернадетт Каннингем, он обращался за помощью к гэльским бардическим семьям Мак Эоганов, О Мылхонаре и Мак Крэй, гэльским знатым семьям О Бирнов, Кэванагов и Маккарти и староанглийским семьям Батлеров из Кэхира и Данбойна, а также клирикам Джеймсу Ашеру, Джеймсу Вэру и Дэвиду Роту. При этом сам Китинг, скорее всего, работал с компиляциями, а не с древними манускриптами²⁹.

Согласно правилам ренессансного историописания, Китинг для того, чтобы показать свою беспристрастность³⁰, открыто цитировал древние манускрипты (он так же цитировал адресатов его полемики, среди них наиболее часто: Беду Достопочтенного, Гиральда Камбрийского, Уильяма Кэмдена, Джона Стоу, Мередита Ханмера, Ричарда Станихерста³¹), давая им говорить самим за себя, поскольку древние документы считались источником непреложных фактов³².

Диармайд О Мурхада считает, что Китингу не хватало навыков чтения древних манускриптов, что вело к ошибкам, и оттого он произвольно трактовал сведения (и вообще гораздо удобнее себя чувствовал с печатными источниками)³³. Тем не менее работа ирландского клирика по компиляции материалов сделала многие древние источники доступными для относительно широкой аудитории, и тем самым оказалась репозитарием знания, столь необходимым для ирландского историописания, испытывавшего кризис после англо-нормандского завоевания.

Джоффри Китинга следует рассматривать как субъекта нескольких «исторических культур»³⁴: современной континентальной (ведь большая доля его «академического» становления пришлась на эмигрантские го-

²⁹Cunningham 2004 P. 81.

³⁰Shapiro V.J. A culture of... pp. 56-57.

³¹ Подробно о печатных источниках «Основы знаний об Ирландии»: Cronin 1945.

³²Shapiro 2003. P. 49.

³³Ó Murchadha 2008. P. 90-95.

³⁴ В определении «исторической культуры» я сошлюсь на Д. Вульфа: «Историческая культура порождает и питает официальное историописание эпохи и сама, в конечном счете, подвергается его обратному воздействию, но она также проявляет себя и в других отношениях... Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей. социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса... Характерные черты исторической культуры определяются материальными и социальными условиями, а также случайными обстоятельствами, которые, как и традиционно изучаемые интеллектуальные влияния, обуславливают манеру думать, читать, писать и говорить о прошлом. Сверх всего, представления о прошлом в любой исторической культуре являются не просто абстрактными идеями, зафиксированными для блага последующих поколений... Скорее, они являются частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Это движение или процесс обмена элементов исторической культуры можно для удобства назвать ее социальной циркуляцией» (Woolf 2003. P. 9-10.) В этом смысле историческую культуру стоит понимать как структурирующую и структурированную структуру.

ды) и отходящей в прошлое ирландской традиции историописания. Таким образом, в контексте «Основ знаний об Ирландии» и ее наследия, необходимо разграничивать традицию и инновацию: то, что оставалось неизменным и в этом смысле непосредственно связывало автора с предыдущей традицией ирландского историописания, и то, что ретранслировалось и модифицировалось, и, соответственно, было инновацией. К этому следует добавить и возможность синтеза обоих элементов.

С одной стороны, Китинг ориентировался на потребности эпохи и аудитории его нарратива, поэтому использовал характерные для раннего Нового времени «процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти»³⁵. С другой стороны, он позиционировал себя как продолжателя дела его предшественников на историческом поприще в Ирландии. Поскольку традиция образует пространство письма³⁶, дабы быть узнаваемым и знакомым читателю, Китинг прибегал к ранее существовавшим дискурсивным практикам³⁷ и автохтонным процедурам воспроизведения исторической памяти. В этой связи он действительно повторял путь ирландских средневековых историописателей, которые для получения признания комбинировали традицию и инновацию таким образом, чтобы выдать второе за первое, подвергая существующие практики архаизации³⁸.

Одним из свойств ирландских средневековых исторических нарративов было как раз сохранение и фиксация исторической и генеалогической памяти³⁹. Доннхайд О'Коррэйн называет ирландские ученые группы «хранителями», но вместе с тем и «создателями» прошлого, ответственными за придание легитимности претензиям на родственные связи и на собственность⁴⁰. Большинство ирландских исторических трудов было вписано в сложную и высокоорганизованную, но не всегда

³⁵ Паламарчук, Федоров 2013. С. 38-62.

³⁶ Зюмтор 2003. С. 81.

³⁷ Критический дискурс-анализ разделяет дискурс (сам текст) и дискурсивную практику, которая включает в себя производство и потребление текстов. Анализ дискурсивной практики сосредоточен на том, каким образом авторы используют уже существующие дискурсы и жанры, а также на том, как получатели текстов применяют доступные дискурсы и жанры при потреблении текстов. (Филлипс, Йоргенсен 2008. С. 120-121).

³⁸ Carney 1955; Scowcroft 1987; Королев 1988. С. 121-123.

³⁹ Достаточно привести цитату из одного из ирландских источников: в редакции XIV в. «Пира при Дун на Неде и Битве при Маг Ра» написано: «...существует две причины, по которым нам [хранителям традиций] подобает передавать благородные имена знатных семей и королей: во-первых, для сохранения памяти, и для того, чтобы укреплять их родственные связи через правление череды королей до них, и для того, чтобы напоминать семьям об их кровных родственниках, донося до них знаменитые истории о них после них» (The banquet of Dun na n-Gedh and The battle of Magh Rath... 1842. P. 96).

⁴⁰ O'Corráin D. Creating the past: the Early Irish genealogical tradition. URL: <http://www.ucc.ie/chronicon/ocorrfa.htm>

последовательную хронологическую и генеалогическую систему ирландской дохристианской истории⁴¹. Таким образом, историописание в средневековой Ирландии выполняло функцию как накопительной, так и функциональной памяти, поскольку удовлетворяло интересам правящих септов. Ввиду этого произведения были нацелены на «признание» правящих групп, чей заказ они выполняли.

Итак, «Книга Захватов Ирландии», «Список королей» и другие источники по истории Ирландии образовывали рамочные типы⁴² для нарратива Китинга. Хронологические рамки его труда полностью воспроизводили «Книгу Захватов»⁴³, псевдоисторический источник по истории Ирландии, ранние редакции которого относятся к концу XI – началу XII в., но который начал создаваться еще в IX в., а его архетипы восходят даже к VII в.⁴⁴. С точки зрения Анны Кронин, все материалы «Книги Захватов» Китинг нашел в «Книге из Лекана»⁴⁵.

В основе «Книги Захватов» лежит сюжет о постепенном заселении Ирландии и колонизации острова племенами Кессар, Партолона, Немедда, Фир Болг, Туата де Дананн и Миля Испанского, от чьего племени, гойделов, произошло население средневековой Ирландии. В «Книге Захватов» все племена, заселившие Ирландию, сведены в единую библейскую генеалогическую схему: они происходят от сыновей Яфета, Магога и Гомера и объединены тем, что знают ирландский язык. Все ирландские роды, и правители Ирландии, в частности, возводятся к сыновьям Миля (в различных редакциях источника по-разному): Эберу, Эремону, Иру, Эберу Финну, а также Лугайду, сыну Ита⁴⁶.

«Книга Захватов Ирландии» в X–XII вв. вытеснила иные трактовки ирландской истории и стала официальной версией этногенеза гэлов, поэтому Китинг считал ее авторитетным источником. Её смысловые схемы и, в особенности, милезианский миф были относительно пластичны и тем самым имели утилитарное назначение. Они оставляли пространство для маневра каждому последующему автору⁴⁷. Будучи во времена своего создания легитимирующим мифом и, следовательно, функциональной памятью ирландских септов, в первую очередь Уи Нейллов, а затем и формирующейся ирландской монархии, милезиан-

⁴¹ Sims-Williams, Poppe. P. 305.

⁴² В литературоведении рамка в широком смысле – это воплощенная граница художественного пространства, в узком – композиционный прием, обрамляющий произведение. Рамочные типы выступают как композиционные схемы для повествования.

⁴³ Lebor Gabála Érenn. Part 1–5. 1938–1956.

⁴⁴ Более подробно см.: Scowcroft 1987.

⁴⁵ Cronin A. Sources of Keating's...

⁴⁶ Lebor Gabála Érenn. Part 5. 1956. P. 42–103.

⁴⁷ Левин 2015. С. 147.

ский миф в раннее Новое время стал одинаково использоваться в интеллектуальных построениях обеих «противоборствующих сторон».

Джоффри Китинг делит свое произведение на две книги: первая посвящается дохристианской истории Ирландии, вторая – истории Ирландии после принятия христианства до англо-нормандского завоевания, маркирующего третью эпоху, о которой Китинг почти не пишет. Автор «Основы знаний об Ирландии» изначально информирует, о чем он собирается писать: о каждом имени, данном Ирландии, о каждом делении острова, о каждом племени, завоевавшим его, и о каждом деянии верховных королей⁴⁸. В этом видится принцип – включить в свой компендиум как можно больше необходимых сведений из разных источников.

Китинг организует повествование по аналогии с «Книгой Захватов». Он немного расходится с традицией, когда перечисляет различные версии миграций в Ирландию до потопа: в качестве одной из версий он пишет о прибытии на остров трех дочерей Каина⁴⁹. Более того, Китинг ставит под сомнение заселение Ирландии до потопа, так как это противоречит Писанию⁵⁰. В целом же он упрощает этническую схему, возводя все племена к Магогу⁵¹. Как и в «Книге Захватов», они все владеют ирландским языком. Несмотря на то, что Скифия объявляется прародиной гэлов, большинство племен – все, кроме милезианцев и детей Немеда – отправляются в Ирландию из Греции.

Ирландский францисканец адаптирует большинство смысловых схем «Книги Захватов». Средневековый источник повествовал не только о заселении острова, но и об оформлении пространства. В ирландской средневековой традиции географические объекты были неотъемлемой частью истории Ирландии: они либо непосредственно творятся людьми, либо связаны с их деятельностью⁵². Объекты пространства выступали в роли мнемонических опорных точек, в которых сконцентрирована память о прошлом⁵³. При этом Китинг предваряет рассказ о завоеваниях описанием делений Ирландии, основным из которых является деление острова на пятины при Фир Болг, и описанием ее частей. В отличие от Кэмдена и других антиквариев (он это поясняет⁵⁴), Китинг отказывается от подробного описания территориального ландшафта острова в пользу традиционного метода описания пространства, когда объекты появляются по мере заселения острова. Вместе с пространством творению подлежат и атрибуты ирландской цивилизации, они формируются в ходе заселения острова. Тем самым именно «Книга Захватов» актуализировала

⁴⁸ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 96-97.

⁴⁹ Ibid. pp. 138-139.

⁵⁰ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 148-155.

⁵¹ Ibid. pp. 174-175.

⁵² См.: Федоров, Левин 2014.

⁵³ Бондаренко 2003. С. 80.

⁵⁴ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 130-131.

миф о «золотом веке» Ирландии, куда помещались все институты, в том числе появление верховной власти и ее символов.

Китинг транслирует традицию «Книги Захватов Ирландии» в интерпретации верховной власти, апологией которой был данный средневековый источник. «Книга Захватов» фиксирует представления, артикулированные светскими и церковными кругами в XI в., о существовавшей с незапамятных времен верховной королевской власти над всей Ирландией, которая была сосредоточена в Таре, и которой с эпохи пришествия христианства до узурпации Брианом Бору были облечены потомки Ниалла Девяти Заложников⁵⁵. Миф о верховной власти вошел в функциональную память гэлов и серьезно воздействовал на сознание ирландских династов до и после англо-нормандского завоевания.

Основными акторами «Основы знаний об Ирландии» являются племенные вожди и верховные короли. В хронологическом аспекте Китинг также полагался на традицию «Книги Захватов» и «Списка королей». Верховная власть появляется в до-милезианскую эпоху, при короле Слэйнге из племени Фир-Болг⁵⁶. При Туата де Даннан появляются символы власти: инаугурационный камень Лиа Фаль, копье Луга и котел Дагды⁵⁷. В дохристианское время появляется и оэнах Тайльtiu, на который верховный король созывал региональных властителей Ирландии. Однако оэнах Тайльtiu, один из атрибутов мифологии верховной власти, был фабрикацией ирландских интеллектуалов, придавших собранию вассалов Уи Нейллов общеостровное значение⁵⁸.

Традиция, которой старался придерживаться Китинг, накладывала определенные ограничения, поскольку существовали литературные обычаи описания определенных событий⁵⁹, с которыми приходилось считаться. Это касалось и процедур изображения правления королей. Он приводит информацию из королевских списков, сопровождая ее теми дополнительными сведениями из историй и традиций, относящихся к правлению властителя, которые он считал нужными. Ирландский францисканец сообщает мифические сведения о некоторых королях именно потому, что они являлись общепринятыми для ирландского историописания. К примеру, рассказывается о лошадиных ушах Лабрайда Лонгсеха⁶⁰, короля лагенов, или о Туахале Моэл Гараве, чья мать ударила его о камень в качестве приметы, предвещающей успех, и от этого у него образовалась вмятина в голове⁶¹, или о Конхубаре, короле Ульстера, в которого во время битвы попал кусок чужого мозга, пробил ему

⁵⁵ Бирн 2006. С. 304.

⁵⁶ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 206-209.

⁵⁷ Ibid. P. 130-131.

⁵⁸ Binchy 1958. P. 125.

⁵⁹ Ó Cuív 1963. P. 233-262.

⁶⁰ Keating 1905. P. 172-175.

⁶¹ Keating 1908. P. 52-53.

череп и застрял у него в голове, но он остался жив и ходил с ним⁶². Некоторые из этих историй Китинг считал неправдоподобными, о чем и говорил, но все же не отклонялся от канона.

По этой же причине из ирландских источников мигрируют определенные средневековые ценностные установки представлений о власти: представление о «праведном правлении», от которого зависит состояние всего острова, и представление об обретении власти силой. Идеальный король должен был сочетать в себе физическую и военную силу, а также мудрость. Примерами идеальных королей были Оллам Фодла (X в. до н.э.), основатель оэнаха Тайльtiu, и Кормак мак Арт (II в.н.э.), которые были еще и законодателями.

В «Основе знаний об Ирландии» так же, как и в «Книге Захватов», герои обладали космогоническими свойствами, поэтому от них зависело состояние окружающего пространства: от справедливого правления зависело плодородие на острове. К примеру, в правление Эохайда, сына Эрка, «не было ни дождя, ни плохой погоды, ни года без урожая. Именно в это время несправедливости и беззаконию был положен конец, и одобренные и продуманные законы были предписаны в Ирландии⁶³». Соответственно, при несправедном и нелегитимном правлении плодородие прерывалось: при правлении Кайбре, сына Кормака, оно покинуло Ирландию из-за того, что король совершил инцест со своей сестрой⁶⁴.

Если в первом случае подобное изображение королей относилось к идеализации прошлого, то представление об обретении власти силой относилось к реальным практикам. Эта идея пронизывала «Книгу Захватов» и была применена в «Основе знаний об Ирландии». Речь идет о том, что основной императив «Книги Захватов» – обретение власти и острова посредством силы после прохождения определенных испытаний. Племена, колонизирующие Ирландию, получали остров по праву силы: начиная с Фир Болг, последующее племя отбирает остров у предыдущего. Власть передается по праву силы, а не по наследству⁶⁵. Данное представление соответствовало ирландским изменчивым средневековым реалиям, где сила была одним из основных аргументов на власть.

Китинг пишет: «По ирландским обычаям сын не должен был наследовать престол отца, поскольку из истории видно по сей день, что власть над Ирландией давалась тому, кто был самым сильным в реше-

⁶² Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 2. P. 200-203.

⁶³ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 198-199.

⁶⁴ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 2. P. 314-315.

⁶⁵ В средневековой Ирландии власть осмыслялась в категориях хтонического обретения власти посредством исполнения архаического обряда соединения будущего короля с божеством земли, что актуализировалось в ритуалах инаугурации. От того что остров воспринимался как женщина, женское начало легитимировало власть. В «Книге Захватов» и «Основе знаний об Ирландии» Ирландия получает свои три названия от трех языческих богинь: Банба, Фодла и Эriu.

ниях и поступках».⁶⁶ В «Основе знаний об Ирландии» так же, как и в «Книге Захватов», короли часто умерщвляются другими претендентами на власть. При этом автор не считает подобную практику узурпаторством. К примеру, он легитимирует восшествие на престол Бриана Бору, захватившего власть, следующим образом: «Так как они [дети Миля], будучи королевской крови, не называются тиранами и узурпаторами за убийство короля, который был перед ними, так же и Бриан, будучи королевской крови, не может называться узурпатором»⁶⁷.

Однако, как подчеркивает Каннингем, Китинг интересовался не столько накоплением сведений, сколько их «интерпретацией»⁶⁸. В общем смысле, можно выделить четыре стратегии, используемые Китингом для композиции «Основы знаний об Ирландии»: отбор сведений, их трансляция (нетронутый пласт), их модификация (там, где автор что-то не понимал, или считал нужным поправить источник в угоду своим целям) и комментарий. Последнее было новацией для ирландской традиции, ведь авторы редко вмешивались в свой текст⁶⁹, в то время как Китинг с помощью комментария акцентировал ключевые события.

Поскольку в раннее Новое время историописание на Британских островах служило полем для дискурсивной борьбы, важна была адаптивность прошлого для донесения своей собственной позиции, тем самым историческая точность, несомненно, отходила на второй план.⁷⁰ Несмотря на то, что репрезентация прошлого была крайне политизирована, историописатели не всегда эксплицировали свои взгляды. Они очень часто закладывали политические и моральные послания между строк таким образом, что читатель мог сам распознать их в процессе прочтения текста⁷¹. Собственно говоря, эти послания скрывались в трактовке прошлого. Таким образом, вышеописанные сюжеты по большей части являлись формой для нарратива Китинга, в которую «заливался» вполне индивидуализированный текст; они приобретали иное значение и иначе артикулировались. Традиция снабжала автора готовыми схемами, открытыми для новых «интерпретаций».

Не будучи антиквариумом, Китинг все же организовал текст согласно канонам антикварных штудий: так же, как и его современники, он осознавал роль нарратива как рычага управления сознанием элит и их ис-

⁶⁶ Keating G. Foras Feasa ar... Vol.3. P. 256-257.

⁶⁷ Ibid. Vol. 3. P. 264-265.

⁶⁸ Cunningham 2004. P. 81. Однако слово «интерпретация» стоит закавычить, потому что, как отмечает Д. Вулф, историописатели раннего Нового времени не знали, что такое интерпретация в современном нам понимании, зато существовало мнение (Woolf 1990. P. 33).

⁶⁹ Sims-Williams, Poppe. Medieval Irish literary... P. 305.

⁷⁰ Kidd. 2004. P. 148.

⁷¹ См.: Patterson 1984.

торической памятью. В трудах антиквариетов общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации у читающей аудитории, поэтому антикварное историописание уповало на известность и узнаваемость образов, и отбор фактов зачастую ограничивался господствующими стереотипами⁷². То же самое мы видим и у Китинга, применившего опыт коллег по ту сторону Ирландского моря к островному материалу.

Не вызывает сомнения, что репрезентация исторической памяти в «Основе знаний об Ирландии» была весьма избирательной. Отбор сведений осуществлялся, по всей видимости, по принципу пригодности в легитимистском споре о древности светских и церковных институтов, а также вопросов, интересовавших автора (которые тоже касались наиболее «полемиических» исторических тем).

Сравнение этих легитимистских дебатов со слушаниями в суде более чем уместно. Авторы выступали в качестве адвокатов своей позиции, в доказательство которой они должны были привести максимум аргументов и максимум контраргументов против «обвиняющей стороны». Китинг был одним из пионеров складывавшегося жанра «оправданий», к которому будут прибегать ирландские историки в XVII–XVIII вв. Обращение к исторической памяти в подобных дебатах требовало признания как со стороны аудитории, которой назначался текст, так и со стороны «сообщества историков» в целом (в этом процессе критерий истинности имел немаловажное значение). Поэтому Китинг был обязан присутствовать в тексте и постоянно осуществлять коммуникацию: его работа полна обращений к читателю, а риторические приемы довольно богаты, с точки зрения Тайга О Духланы⁷³.

Важно подчеркнуть, что «Основа знаний об Ирландии» была воспроизведением иной исторической памяти, нежели более древние источники, – памяти Ирландии как композита Британской монархии, и в этой связи произведение Китинга было одной из версий истории нового территориального образования. Для этого автору было необходимо передать преемственность ее светских и церковных институтов.

Что касается церковной истории Ирландии, то, по мнению Китинга, переход к христианству был обусловлен золотым веком в Ирландии, развитостью гэлов и накопленной друидами мудрости, на место которых пришли епископы. Более того, еще до прихода Патрика, многие короли принимали христианство, такие как Кормак мак Арт. Патрик прибывает в Ирландию из Бретани в качестве заложника вместе с флотом Ниалла Сто Заложников, осуществлявшего походы в Британию⁷⁴. Он христианизует

⁷² Паламарчук, Федоров 2013. С. 40.

⁷³ Среди них он перечисляет *saeva indignatio*; *communicatio*; *testatio*; *propositio*; *conclusio*. Ó Dúshláine. 2008. P. 81–85.

⁷⁴ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 2. pp. 400–401.

Ирландию при участии Святого престола, которому Ирландия была верна на протяжении своей христианской истории⁷⁵ (как деятель Контрреформации Китинг не был сторонником независимой ирландской церкви). Вера ирландцев не угасала ни до, ни после англо-нормандского завоевания⁷⁶. Также необходимо подчеркнуть, что в версии Китинга именно епископы, а не монахи, создавали религиозные центры на острове.

История Ирландии в «Основе знаний об Ирландии» – это история независимого, издревле цивилизованного королевства. Как уже было отмечено, Китинг видит истоки монархии и церкви в далекой древности, при этом привнося современное ему понимание. С точки зрения Брендана Бредшоу, Китинг изображает ирландскую верховную власть в эпоху языческих и христианских королей такой, какой ему виделись современные монархии⁷⁷. Начиная с Оллама Фодлы верховный король каждые три года созывал собрание Тары, на котором присутствовали территориальные властители, знать и олавы. Оэнах Тайльтиу он изображал «национальной ассамблеей», аналогом парламента, где участвовала знать, короли туатов, барды, брегоны и филиды.⁷⁸ Верховный король избирался с согласия знати и олавов (знатоков права и мудрецов), а после принятия христианства – епископов⁷⁹, и управлял Ирландией при помощи королевского двора, своих управляющих (*rechtaire*), армии (фениев), законов (таких как «Предписание королям» Кормака мак Арта) и собраний в Таре.

Китинг всячески минимизирует региональную раздробленность, столь характерную для развития Ирландии: в его произведении территориальные короли (короли провинций Ульстера, Коннахта, Лейнстера и Мунстера) должны были подчиняться верховному королю, если же они не подчинялись, то он их сам подчинял. Более того, ирландский францисканец часто низводит королей более мелких племен до титулов лордов (*tigerna*) или лидеров клана (*taoiseach*)⁸⁰, пытаясь показать централизованный характер ирландской монархии.

Более того, Ирландия с начала своей истории не только оставалась «независимой от завоеваний иностранцев»⁸¹, но и играла значительную роль на британском пространстве, особенно в Шотландии. К примеру, круитны (пикты) были изгнаны Эремоном из Ирландии и заселили Шот-

⁷⁵ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 3. P. 14-15.

⁷⁶ Ibid. P. 352-353.

⁷⁷ Bradshaw 1993. P. 170.

⁷⁸ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 37-39.

⁷⁹ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 3. P. 10-11.

⁸⁰ Это увязывается с изменившейся политической структурой в Ирландии. К. Симмс доказывает, что к XVI в. территориальные правители превратились из королей в вождей. Вместе с этим изменилась и терминология описания власти, которая эволюционировала в сторону терминов, обозначающих вид владения в титулатуре и инаугурационных процессиях (Simms 2000. pp.19-20). Те же трансформации в описании знати в средневековой Ирландии наблюдаются и в «Анналах четырех мастеров».

⁸¹ Keating G. Foras Feasa ar... Vol. 1. P. 16-17.

ландию, а затем оставались данниками ирландских королей⁸². Китинг подчеркивает, что Шотландию как королевство основали гэлы: Ниалл Сто Заложников помог далревдинцам, гэльскому племени, одолеть пиктов и назвал ее Малой Скоттией⁸³. До Фергуса Мора пикты и шотландцы были данниками ирландских королей⁸⁴.

«Основа знаний об Ирландии» комбинирует память победителей и побежденных. В рамках логики развития ирландской истории, выстроенной Джоффри Китингом, англо-нормандское завоевание представляется несомненно легитимным, раз признается право узурпации и право сильного. Он расходится с предыдущей гэльской исторической и бардической традицией, для которой завоевание 1169–1172 гг. знаменовало собой разрыв в истории Ирландии. Здесь не обошлось без влияния церкви: в 1092 г. ирландская знать, конфликтовавшая с Доннхадом, сыном Бриана Бору, передала власть над островом папе Урбану II, а в 1155 папа Адриан IV издал булу *Laudabiliter*, по которой в свою очередь передал власть над островом королю Англии Генриху II и возложил на него обязанность восстановить утраченную веру в Ирландии⁸⁵.

Ирландский францисканец представлял англо-нормандское завоевание «христианским»: англичане гарантировали права местному населению и покровительствовали развитию христианства, в отличие от новоанглийских колонистов в XVI–XVII в., изображавшихся языческими завоевателями, стремящимися уничтожить местное население. После же завоевания 1169–1172 гг. Генриху II через некоторое время присягнули клир и вся ирландская знать, включая верховного короля Руайри О Конхобара⁸⁶. Англо-нормандские колонисты доказали свою легитимность пребывания в Ирландии делами на благо церкви⁸⁷. К таковым он относил и свой род Китингов. Те же, кто стал творить бесчинства на Зеленом острове, были наказаны короной.

Таким образом, Китинг признает власть Англии над Ирландией, однако подчеркивает, что англичане другого происхождения, за исключением Стюартов, которых он возводил к Эберу⁸⁸. Автор признает, что

⁸² Keating 1905. P. 108-117. Китинг транслирует миф о происхождении круитнов (пиктов) из второй и третьей редакции «Книги Захватов. Согласно этому мифу, круитны пришли в Ирландию из Фракии и поселились там. Однако Эремон оттуда их изгнал и направил Губа (Гуда) и его сына Гахлуана в Шотландию. При этом они заключили соглашение, по которому Эремон отдавал в жены пиктам ирландских вдов в обмен на то, что у пиктов наследование будет по женской линии.

⁸³ Ibid. pp. 372-373.

⁸⁴ Keating 1902. P. 208-209.

⁸⁵ Keating 1908. P. 346-351.

⁸⁶ Ibid. P. 342-343.

⁸⁷ Ibid. P. 168-169.

⁸⁸ Keating 1902. P. 208-209.

он из старых англичан, но пишет историю именно гэлов: «Кто-нибудь может подумать, что я слишком много о них говорю, но не стоит считать, что, возможно, я предвзято доношу свое мнение, превознося их больше, чем они заслуживают, ведь я из старых англичан по своему происхождению»⁸⁹. Его чужеродное происхождение как бы позволяет ему быть объективным и беспристрастным.

Это не согласуется с вышеупомянутым тезисом об извечной независимости Ирландии, хотя таково было свойство времени, когда передача определенного концепта в историописании могла идти вразрез со связностью повествования⁹⁰. Для разрешения данного противоречия Китинг артикулирует новую идентичность – ирландцев (*Eigeannaigh*), состоящую из гэлов и старых англичан⁹¹. В этой связи «Основа знаний об Ирландии» легитимировала новую территориальную общность.

Каким же образом Китинг артикулирует ирландскую идентичность? Общность «ирландцы» в его произведении имела конкретное семантическое значение: она предполагала наличие и этнокультурной, и этнополитической компоненты. Этнокультурная – это гэльская культура. Этнополитическая же – предполагала верность как католицизму, так и английскому королю (и такое значение она имела не только в творчестве Китинга, а вообще в начале XVII в⁹²). Ирландскость же в «Основе знаний об Ирландии» подразумевала доблесть, ученость, непоколебимость католической веры⁹³, а также уважение строгой социальной иерархии (лояльность короне, законам и Церкви⁹⁴). Эти свойства представляются неизменными на протяжении всей истории Ирландии.

⁸⁹ Ibid. P. 76-77.

⁹⁰ Kidd P. 147-148.

⁹¹ Многие исследователи творчества Джоффри Китинга уделяют слишком много внимания этому факту и подчеркивают, что Китинг «изобретает» новую общность. Однако это не совсем верно, «ирландцы» как термин, описывающий население Ирландии как гэлов, так и англичан, употреблялся до XVI-XVII вв. К примеру, в поэме Гофрыда Фюна О Дала 1351 г. для Уильяма О Донога Мойнига О Клери (Knott, Ó Dálaigh 1911. P. 50-69) или в Анналах Коннахта за 1419 годом: «...атака страшной силы обрушилась на ирландцев...» (Annála Connacht 1944). Речь должна идти скорее о том, что эта общность приобретает иные социальные очертания, значения и вместе ними артикуляции в XVI-XVII вв. на фоне перераспределения социальных связей в Ирландии.

⁹² Ó Buachalla 1990. P. 410-13.

⁹³ «Если бы только они [английские историки] по-настоящему оценили ирландцев, я не знаю, почему бы они не сравнили их с любым другим народом в трех вещах, а именно в доблести, учености и непоколебимости католической веры...» (Keating 1902. P. 78-79).

⁹⁴ «Нет народа под солнцем, который любил бы больше, чем ирландцы, всеобщее и непредвзятое правосудие». (Keating. 1903. P. 368-369). А ирландские бунты ирландский францисканец объясняет так: «Это не из-за злого умысла со стороны ирландцев, что они так часто бунтовали против закона, но из-за правителей, которых не удавалось справедливо править ими» (Ibid.).

Ирландский дискурс «Основы знаний об Ирландии» носил партикулярный характер внутри композитарной монархии, поскольку Джоффри Китинг был лоялистом. Как подметил Брендан О Буахалла, внутри милезианского мифа Китинга находили себя не только старые англичане и гэлы в качестве нового этнополитического сообщества «ирландцев», но и Стюарты, как раз имеющие милезианскую генеалогию и соответственно законно правящие «Зеленым островом»⁹⁵.

Мотив предопределения проходит сквозь всё произведение. Китинг доказывает в истории о камне Лиа Фаль, что Стюартам было судьбой предназначено управлять Ирландией: по воле судьбы, куда бы ни попал этот инаугурационный камень, на него будет вступать человек гэльского происхождения, то есть из клана Миля⁹⁶. Мухертах отправил Лиа Фаль в Шотландию для инаугурации шотландских королей, откуда через какое-то время он был перенесен в Англию (и здесь опять нестыковка, потому что английские короли до Стюартов имели другое происхождение), и предсказание снова сбылось, когда на престол вззошел Яков⁹⁷.

Стоит также отметить, что труд Китинга – это аристократическая память. Его история Ирландии – это история ирландской знати, преимущественно гэльской, представленной на вторых ролях английскими историками. Осмысляя мир в средневековых категориях цивилизованности и варварства, Китинг возлагает вину варварства на чернь в противовес цивилизованным благородным родам Ирландии: «...если и существуют плохие обычаи среди несвободных кланов Ирландии, то не стоит судить всех ирландцев по ним⁹⁸». При этом, будучи выходцем из старого знатного рода, Китинг, как и многие его современники, не одобрял так называемых «новых ирландцев» (как гэлов, так и «старых англичан»), не обладавших благородной генеалогией, но извлекавших выгоду из тюдоровских земельных перераспределений. Тем самым актуализированная им «ирландскость» была элитистской и эксклюзивной.

Труд Китинга отражал характерные для тюдоро-стюартовской эпохи процессы европеизации ирландской знати и ее репрезентации⁹⁹. Ирландский францисканец стремился интегрировать ирландскую историю в общеевропейскую, поэтому он и обратился к форме «Книги Захватов Ирландии» (которая сделала нечто похожее в средние века). Это сказывалось не только в видоизмененной терминологии, упомянутой мной ранее, но и в использовании сравнений, в которых Китинг пытался поставить ирландцев в один ряд с другими европейскими народами, а то и выше их.

⁹⁵ Ó Buachalla 1993. P. 20.

⁹⁶ Keating 1902. P. 206-207.

⁹⁷ Keating 1902. P. 206-209.

⁹⁸ Keating 1902. P. 58-59.

⁹⁹ См.: Kane 2010.

Таким образом, «Основа знаний об Ирландии» была продуктом переходного периода в ирландском историописании, когда на острове переопределялись социальные связи, а старый порядок отходил. С одной стороны, труд Джозефа Китинга был результатом осмысления широкого спектра различных ирландских источников и подражания им, и в этом смысле в произведении средневековые сюжеты обретали новую жизнь. С другой стороны, метод представления исторической памяти согласовывался с исторической культурой периода, с представлениями о власти, знатности и религии.

Однако не стоит считать, что работа Китинга отражает некое групповое сознание – его текст опосредовался собственной картиной мира, рефлексией по поводу происходящих событий и стремлением артикулировать идентичность. Вместе с тем текст «Основы знаний об Ирландии» вполне репрезентативен: он отражает период с присущими ему различными уровнями лояльностей, среди которых этнические координаты отнюдь не превалировали, а взаимодействовали с другими – политическими, социальными, конфессиональными. В этом периоде политическое превалировало над этническим, и сам факт присвоения одной группой прошлого другой определялся политическими целями, стремлением легитимировать свои извечные права.

Производившиеся в Ирландии раннего Нового времени тексты исторического характера становились частью дискурсивной борьбы за поддержание определенной версии исторической памяти внутри порядка дискурса об истории Ирландии. В этом контексте «Основа знаний об Ирландии» явилась одной из попыток потеснить доминирующие представления, выраженные еще Гиральдом Камбийским. Помимо этого, исторические тексты были элементом дискурсивной борьбы более широкого характера, борьбы новой и старой элиты, оттесненной от власти и земельного фонда (к которой относился и ирландский францисканец).

Тексты в раннее Новое время выступали рычагами управления, манипуляции и поддержания сознания, и роль аудитории была крайне высока. Аудиторией текста Китинга были «ирландская» аристократия (в том понимании, о котором говорится в тексте), профессиональное сообщество историков (как гэльских и староанглийских, так и оппонентов Китинга), а также, по всей видимости, европейская знать.

Именно для того, чтобы быть понятным своей основной аудитории, Китинг написал «Основу знаний об Ирландии» на современном ему ирландском языке (в то время как традиционно необходимо было писать на архаическом языке: так, к примеру, были написаны «Анналы четырёх мастеров»), которым владели как гэльские, так и староанглийские фамилии. Более того, он рассчитывал на распространение текста, который вскоре появился в средневековом ирландском варианте, а также был переведен на английский и латынь. Произведение Китинга пользовалось

успехом, о чем свидетельствует тот факт, что текст циркулировал в различных рукописных (их было большинство) и печатных вариантах¹⁰⁰, благодаря которым он и дошел до нас (оригинала не сохранилось).

При том, что «Основа знаний об Ирландии» содержала в себе потенциал как функциональной, так и накопительной памяти, институционального признания текст так и не получил, даже в период войны трех Королевств 1641–1649 гг. Что касается накопительной памяти, то данный труд несомненно внес весомый вклад и получил «признание».

Во-первых, Джоффри Китинг сделал доступными большое количество ирландских источников, и в этой связи «Основа знаний об Ирландии» выполнила свою накопительную роль. К XVIII в. работа Джоффри Китинга считалась авторитетным компендиумом, как сторонниками, так и противниками его позиции, действительно «основой знаний».

Во-вторых, необходимо подчеркнуть влияние Китинга на историческую культуру в Ирландии. Историческая аккуратность его работы оспаривалась как его «союзниками», так и его «противниками», хотя это не влияло на уважение к автору: гэльские профессиональные историки пытались поправить его хронологию¹⁰¹, а архиепископа Джона Линча¹⁰² не устраивало, что Китинг включил в «Основу знаний об Ирландии» непроверенные сведения¹⁰³. В XVIII в. с усложнением исследовательского аппарата мнение о Китинге как об историке ухудшилось. К примеру, один из известных историков-католиков Чарльз О'Конор (1710–1791) ставил под сомнение достижения ирландского францисканца¹⁰⁴.

Тем не менее смысловые схемы «Основы знаний об Ирландии» и дискурс, заданный подобными текстами, имел непосредственное влияние на развитие исторической мысли в Ирландии. Милезианская версия этногенеза оставалась доминирующей вплоть до XIX в., как и секулярная этнокультурная парадигма, представление о цивилизующем начале древних ирландцев, отличавшихся благородством и мудростью¹⁰⁵. Несмотря на то, что уже в середине XIX в. золотой век ирландской цивилизации был перемещен в раннее Средневековье¹⁰⁶, представление об уникальности ирландской древней и средневековой истории пребывало

¹⁰⁰ Cunningham 2004. P. 173-225.

¹⁰¹ Речь идет о неустановленном авторе конца XVII вв. Вероятно он происходил из О Клейригов. Ó Cuiv 1965.

¹⁰² Джон Линч в своем полемическом труде “Cambrensis Eversus...”, опираясь на Китинга, оспаривал взгляды английских историков на прошлое Ирландии. Lynch 1848.

¹⁰³ Cunningham 2004. P. 189.

¹⁰⁴ Он пишет: «Работа Китинга из наиболее клеветнических собраний; историческая ее часть ослабляется за счет вымышленной, коей она пестрит. Китинг был одним из тех трудолюбивых читателей, который, извлекая сведения из источников, делал это без отбора и различения, и такие работы... никогда не следует публиковать» (O'Conor 1766. P. X).

¹⁰⁵ См.: Kidd 1994.

¹⁰⁶ Hutchinson 1987.

в ирландской историографии вплоть до начала второй половины XX в. Так же вплоть до этого времени не был развеян миф о верховной власти и об оэнахе Тайльtiu, а неправильно интерпретированные Китингом географические сведения вводили в заблуждение не одно поколение историков, включая известного кельтолога Томаса О'Рэхилли¹⁰⁷.

Помимо секулярной парадигмы, к Китингу и его «коллегам по цеху» восходит историко-конфессиональная идея об ирландском народе как подлинном хранителе католической веры, сохранившем преемственность католической традиции. Ко времени написания «Основы знаний об Ирландии», утвердилось мнение о том, что на пороге европейской «темных веков» именно ирландцы сохранили цивилизацию в Европе¹⁰⁸.

Переходя от дискурса «Основы знаний об Ирландии» к дискурсивным практикам, следует отметить, что несмотря на то, что полный текст Китинга был доступен лишь немногим, о нем знали, и его отрывки циркулировали в переложениях. Он позиционировался как защитник ирландского наследия, ведь, как я уже писал, он был одним из пионеров «оправдательного» жанра исторических нарративов. Восприятие Китинга можно охарактеризовать словами поэта второй половины XVII в. Дайви О Бруадара, который пишет о нем как о человеке, извлекшем «настоящую историю Ирландии из тьмы»¹⁰⁹. К его тексту апеллировали также в политических целях, как делал уже упомянутый Джон Линч, доказывая гармонию между королем и парламентом в древней Ирландии. В целом, Китинг способствовал социальной циркуляции прошлого Ирландии, и сюжетам, возвращенным им к жизни, была обеспечена долговременность.

Несмотря на то, что артикулированная Китингом ирландская идентичность впоследствии была переосмыслена и отошла от элитистских и лоялистских позиций, его произведение внесло лепту в формирование накопительной памяти ирландского католического самосознания, а затем и ирландского национализма. Специфической чертой обоих явлений было самосознание особенности¹¹⁰, ключевым элементом которого, как подчеркивает Джозеф Леерссен, являлась его не-английскость¹¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Бирн Ф.Д. Короли и верховные правители Ирландии / пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2006. 304 с.

¹⁰⁷ Ó Murchadha 2008. P. 99.

¹⁰⁸ Паламарчук, Федоров 2013. С. 26.

¹⁰⁹ Duanaire Dháibhidh Uí Bhrúadair... 1913. P. 264-281.

¹¹⁰ Подробнее см.: Левин 2015. С. 146-147.

¹¹¹ Leerssen 1986. P. 376.

- Гене Б. История и историческая культура средневекового запада / пер. с фр. Е.М. Баевской, Э.М. Береговской. М: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики / Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: Алетей, 2003. 544 с.
- Королев А. Филологические методы в исследовании истории кельтских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции / под ред. Н.З. Гаджиевой, В.К. Журавлева, М.А. Кумахова. Москва: Наука, 1988. С. 119-138.
- Левин Ф.Е. Миф об избранности ирландцев: от «Книги Захватов Ирландии» до Сильвестра О'Хэллорана // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 141-148.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. Де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс раннеюэртской Англии. СПб.: Алетей, 2013. 210 с.
- Федоров С.Е., Левин Ф.Е. Представления о пространстве в «Книге захватов Ирландии» – анахронизмы трайбализма? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3. С. 47-58.
- Филлипп Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. / Пер. с англ. А.А. Киселевой. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Annála Connacht: The annals of Connacht, (A.D. 1224–1544) / ed. by A.M. Freeman. Dublin: Dublin institute for Advanced Studies, 1944. 1st ed. 854 p. Electronic edition by P. Bambury. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/T100011/>.
- Binchy D. A. The fair of Tailtiu and the feast of Tara// Ériu. 1958. Vol. 18. P. 113–138.
- Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist of Irish Ireland // Representing Ireland: Literature and the origins of conflict, 1534–1660 / ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield, W. Malley. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 166-191.
- Carney J. Studies in Irish Literature and History. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1955, 412 p.
- Duanaire Dháibhidh Uí Bhruadair = The poems of David Ó Bruadair. Pt. 2, Containing poems from the year 1667 till 1682. In 3 parts / ed. by J.C.Mac Erlean. London: Published for the Irish Texts Society by David Nutt, 1913. 288 p.
- Caball M. Faith, culture and sovereignty: Irish nationality and its development, 1558-1625 // British consciousness and identity: the making of Britain, 1533-1707 / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 112-139.
- Cronin A. Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn: 2, manuscript sources // Éigse. 1945–47. Vol. 5. P. 122-135.
- Cronin A. Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn // Éigse. 1945. Vol. 4. Part 4. P. 235-279.
- Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth-century Ireland. Dublin: Four Courts Press, 2004. 280 p.
- Feuchtwang S. Loss: transmissions. Recognitions, authorizations // Regimes of memory / ed. by S. Radstone, K. Hodgkin. London; New York: Routledge, 2003. P. 76-90.
- Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical; study of language. London: Longman. 2005. 265 p.
- Fairclough N. Media discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
- Hutchinson J. The dynamics of cultural nationalism: The Gaelic revival and the creation of the Irish nation state. London: Allen & Unwin, 1987. 354 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by D. Comyn, P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 1. London: Irish Texts Society, 1902. 256 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 2. London: Irish Texts Society, 1905. 425 p.

- Keating G. *Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland* / ed. by D. Comyn, P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 3. London: Irish Texts Society, 1908. 387 p.
- Kidd C. *British identities before nationalism: Ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600–1800*. Cambridge: Cambridge university press, 2004. 312 p.
- Kidd C. Gaelic antiquity and national identity in Enlightenment Ireland and Scotland // *English historical review*. 1994. CIX (434). P. 1197–1214.
- Knott E., Ó Dálaigh G. F. *Filidh Éireann Go Haointeach* // *Ériu*. Vol. V. 1911. P. 50–69.
- Lebor Gabála Éirenn. *The book of the Taking of Ireland: Part 1–5* / Ed. by R.A.S. Macalister. Dublin: Irish Texts Society, 1938–1956.
- Leerssen J. *Mere Irish & fíor-ghael: studies in the idea of Irish nationality, its development, and literary expression prior to the nineteenth century*. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Pub. Co, 1986. 535 p.
- Lynch J. *Cambrensis versus: the history of ancient Ireland vindicated: the religion, laws and civilization of her people exhibited in the lives and actions of her kings, princes, saints, bishops, bards, and other learned men...* Dublin: Print. for the Celtic Society, 1848. 515 p.
- Lyns M.A. *St Anthony's college, Louvain: Gaelic texts and articulating Irish identity, 1607–40* // *Irish Europe, 1600–1650: writing and learning* / ed. by R. Gillespie, R. Ó hUiginn. Dublin: Four Courts Press, 2013. P. 21–43.
- Mac Craith M. *Gaelic Ireland and the Renaissance* // *The Celts and the renaissance: tradition and innovation : Proceedings of the Eighth International Congress of Celtic Studies 1987 Held at Swansea, 19–24 July 1987* / ed. by G. Williams, R.O. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1990. P. 57–89.
- Mathew D. *The Celtic peoples and Renaissance Europe; a study of the Celtic and Spanish influences on Elizabethan history*. London, New York: Sheed and Ward, 1933. 525 p.
- Ó Buachalla B. *Cúlra is taibacht an dáin A leabhraín ainmnighthear d'Aodh* // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 402–416.
- Ó Buachalla B. *James our true king: the ideology of Irish royalism in the seventeenth century* // *Irish political thought since the seventeenth century* / ed. by D.G. Boyce, R.R. Eccleshall, V. Geoghegan. London: Routledge, 1993. P. 7–36.
- O'Corráin D. *Creating the past: the Early Irish genealogical tradition*. URL: <http://www.ucc.ie/chronicon/ocorrffa.htm>.
- O'Connor C. *Dissertations on the history of Ireland: to which is subjoined a Dissertation on the Irish Colonies established in Britain. With some remarks on Mr. Mac Pherson's Transl. of Fingal and Temora*. Dublin: Print. by G. Faulkner in Parliament-Street, 1766. 355 p.
- Ó Cuiv B. *A seventeenth-century criticism of Keating's 'Foras Feasa ar Éirinn'* // *Éigse*. 1965. Vol. XI. Part 2. P. 119–140.
- Ó Cuiv. *Literary creation and Irish historical tradition* // *Proceedings of the British academy*. Vol. XLIX. London: Oxford University Press, 1963. P. 233–262.
- Ó Dúshláine T. *Medium and message: the rhetoric of Foras Feasa ar Éirinn* // *Geoffrey Keating's Foras Feasa ar Éirinn: reassessments* / ed. by P. Ó Riain. London: Irish Texts Society. 2008. P. 68–89.
- Ó Murchadha D. *Keating: traditionalist or innovator* // *Geoffrey Keating's Foras Feasa ar Éirinn: reassessments* / ed. by P. Ó Riain. London: Irish Texts Society. 2008. P. 90–102.
- Patterson A. M. *Censorship and interpretation: the conditions of writing and reading in early modern England*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1984. 283 p.
- Radstone S. *Reconciling binaries: the limits of memory* // *History Workshop Journal*. 2005. No. 50. P. 134–150.
- Scowcroft R.M. *Leabhar Gabhála. Part I: the growth of the text* // *Ériu*. 1987. No. 38. P. 79–140.
- Shapiro B.J. *A culture of fact. England. 1550–1720*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 284 p.
- Simms K. *From kings to warlords. The changing political structure of Gaelic Ireland in the later middle ages*. Woodbridge: Boydell and Brewer Ltd, 2000. 191 p.

- Sims-Williams P., Poppe E. Medieval Irish literary theory and criticism // The Cambridge History of Literary Criticism / ed. by A. Minnis, I. Johnson. 9 vol. Vol. 2. P. 291-309.
- Smith A. D. Chosen peoples. Oxford: Oxford University Press, 2003. 330 p.
- Smith A. D. Myth and memories of the nation. Oxford: Oxford University press, 1999. 288 p.
- Smith A. D. National identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.
- The banquet of Dun na n-Gedh and The battle of Magh Rath: an ancient historical tale now first published from a manuscript in the Library of Trinity College, Dublin / ed. by J. O'Donovan. Dublin: for the Irish Archaeological Society, 1842. 360 p.
- Woolf D. The idea of history in Early Stuart England: erudition, ideology, and "The light of truth" from the accession of James I to the Civil War. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1990. 377 p.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press, 2003. 421 p.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya poli-tika / per. s nem. B. Khlebnikova. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / per. s nem. M.M. Sokol'skoi. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
- Birn F.D. Koroli i verkhovnye praviteli Irlandii / per. s angl. S.V. Ivanova. SPb.: Evraziya, 2006. 304 s.
- Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo zapada / per. s fr. E.M. Baevskoi, E.M. Beregovskoi. M: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 496 s.
- Zyumtor P. Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki / Per. s fr. I.K. Staf. SPb.: Aleteiya, 2003. 544 s.
- Korolev A. Filologicheskie metody v issledovanii istorii kel'tskikh yazykov // Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semei: Teoriya lingvisticheskoi rekonstruktsii / pod red. N.Z. Gadzhievoi, V.K. Zhuravleva, M.A. Kuma-khova. Moskva: Nauka, 1988. S. 119-138.
- Levin F.E. Mif ob izbrannosti irlandtsev: ot «Knigi Zakhvatov Irlandii» do Sil'vestra O'Khellorana // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2015. Vyp. 2. S. 141-148.
- Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat' / pod red. P. Nora, M. Ozuf, Zh. De Pyuimezh, M. Vinok / per. s fr. D. Khapaevoi. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17-50.
- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Antikvarnyi diskurs rannestyuartovskoi Anglii. SPb.: Aleteiya, 2013. 210 c.
- Fedorov S.E., Levin F.E. Predstavleniya o prostranstve v «Knige zakhvatov irlan-dii» – anahronizmy traibalizma? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2014. Vyp. 3. S. 47-58.
- Fillips L., Iorgensen M.V. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. / Per. s angl. A.A. Kiselevoi. 2-e izd., ispr. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 2008. 352 s.
- Annála Connacht: The annals of Connacht, (A.D. 1224–1544) / ed. by A.M. Freeman. Dublin: Dublin institute for Advanced Studies, 1944. 1st ed. 854 p. Electronic edition by P. Bambury. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/T100011/>.
- Binchy D. A. The fair of Tailtiu and the feast of Tara// Ériu. 1958. Vol. 18. P. 113–138.
- Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist of Irish Ireland // Representing Ireland: Literature and the origins of conflict, 1534–1660 / ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield, W. Malley. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 166-191.
- Carney J. Studies in Irish Literature and History. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1955, 412 p.

- Duanaire Dháibhidh Uí Bhruadair = The poems of David Ó Bruadair. Pt. 2, Containing poems from the year 1667 till 1682. In 3 parts / ed. by J.C. Mac Erlean. London: Published for the Irish Texts Society by David Nutt, 1913. 288 p.
- Caball M. Faith, culture and sovereignty: Irish nationality and its development, 1558-1625 // British consciousness and identity: the making of Britain, 1533-1707 / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 112-139.
- Cronin A. Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn: 2, manuscript sources // Éigse. 1945-47. Vol. 5. P. 122-135.
- Cronin A. Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn // Éigse. 1945. Vol. 4. Part 4. P. 235-279.
- Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth-century Ireland. Dublin: Four Courts Press, 2004. 280 p.
- Feuchtwang S. Loss: transmissions. Recognitions, authorizations // Regimes of memory / ed. by S. Radstone, K. Hodgkin. London; New York: Routledge, 2003. P. 76-90.
- Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical; study of language. London: Longman. 2005. 265 p.
- Fairclough N. Media discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
- Hutchinson J. The dynamics of cultural nationalism: The Gaelic revival and the creation of the Irish nation state. London: Allen & Unwin, 1987. 354 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by D. Comyn, P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 1. London: Irish Texts Society, 1902. 256 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 2. London: Irish Texts Society, 1905. 425 p.
- Keating G. Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by D. Comyn, P.S. Dineen. 4 vol. Vol. 3. London: Irish Texts Society, 1908. 387 p.
- Kidd C. British identities before nationalism: Ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600-1800. Cambridge: Cambridge university press, 2004. 312 p.
- Kidd C. Gaelic antiquity and national identity in Enlightenment Ireland and Scotland // English historical review. 1994. CIX (434). P. 1197-1214.
- Knott E., Ó Dálaigh G. F. Filidh Éireann Go Haoiteach // Ériu. Vol. V. 1911. P. 50-69.
- Lebor Gabála Érenn. The book of the Taking of Ireland: Part 1-5 / Ed. by R.A.S. Macalister. Dublin: Irish Texts Society, 1938-1956.
- Leerssen J. Mere Irish & fíor-ghael: studies in the idea of Irish nationality, its development, and literary expression prior to the nineteenth century. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Pub. Co, 1986. 535 p.
- Lynch J. Cambrensis eversus: the history of ancient Ireland vindicated: the religion, laws and civilization of her people exhibited in the lives and actions of her kings, princes, saints, bishops, bards, and other learned men... Dublin: Print. for the Celtic Society, 1848. 515 p.
- Lyns M.A. St Anthony's college, Louvain: Gaelic texts and articulating Irish identity, 1607-40 // Irish Europe, 1600-1650: writing and learning / ed. by R. Gillespie, R. Ó hUiginn. Dublin: Four Courts Press, 2013. P. 21-43.
- Mac Craith M. Gaelic Ireland and the Renaissance // The Celts and the renaissance: tradition and innovation : Proceedings of the Eighth International Congress of Celtic Studies 1987 Held at Swansea, 19-24 July 1987 / ed. by G. Williams, R.O. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1990. P. 57-89.
- Mathew D. The Celtic peoples and Renaissance Europe; a study of the Celtic and Spanish influences on Elizabethan history. London, New York: Sheed and Ward, 1933. 525 p.
- Ó Buachalla B. Cúlra is taibacht an dáin A leabhraín ainmnighthear d'Aodh // Celtica. 1990. Vol. 21. P. 402-416.
- Ó Buachalla B. James our true king: the ideology of Irish royalism in the seventeenth century // Irish political thought since the seventeenth century / ed. by D.G. Boyce, R.R. Eccleshall, V. Geoghegan. London: Routledge, 1993. P. 7-36.

- O’Corráin D. Creating the past: the Early Irish genealogical tradition. URL: <http://www.ucc.ie/chronicon/ocorrfra.htm>.
- O’Conor C. Dissertations on the history of Ireland: to which is subjoined a Dissertation on the Irish Colonies established in Britain. With some remarks on Mr. Mac Pherson’s Transl. of Fingal and Temora. Dublin: Print. by G. Faulkner in Parliament-Street, 1766. 355 p.
- Ó Cuiv B. A seventeenth-century criticism of Keating’s ‘Foras Feasa ar Éirinn’ // Éigse. 1965. Vol. XI. Part 2. P. 119-140.
- Ó Cuiv. Literary creation and Irish historical tradition // Proceedings of the British academy. Vol. XLIX. London: Oxford University Press, 1963. P. 233-262.
- Ó Dúshláine T. Medium and message: the rhetoric of Foras Feasa ar Éirinn // Geoffrey Keating’s Foras Feasa ar Éirinn: reassessments / ed. by P. Ó Riain. London: Irish Texts Society. 2008. P. 68-89.
- Ó Murchadha D. Keating: traditionalist or innovator // Geoffrey Keating’s Foras Feasa ar Éirinn: reassessments / ed. by P. Ó Riain. London: Irish Texts Society. 2008. P. 90-102.
- Patterson A. M. Censorship and interpretation: the conditions of writing and reading in early modern England. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1984. 283 p.
- Radstone S. Reconceiving binaries: the limits of memory // History Workshop Journal. 2005. No. 50. P. 134-150.
- Scowcroft R.M. Leabhar Gabhála. Part I: the growth of the text // Ériu. 1987. No. 38. P. 79-140.
- Shapiro B.J. A culture of fact. England. 1550–1720. Cambridge: CUP, 2003. 284 p.
- Simms K. From kings to warlords. The changing political structure of Gaelic Ireland in the later middle ages. Woodbridge: Boydell and Brewer Ltd, 2000. 191 p.
- Sims-Williams P., Poppe E. Medieval Irish literary theory and criticism // The Cambridge History of Literary Criticism / ed. by A. Minnis, I. Johnson. 9 vol. Vol. 2. P. 291-309.
- Smith A. D. Chosen peoples. Oxford: Oxford University Press, 2003. 330 p.
- Smith A. D. Myth and memories of the nation. Oxford: Oxford University press, 1999. 288 p.
- Smith A. D. National identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.
- The banquet of Dun na n-Gedh and The battle of Magh Rath: an ancient historical tale now first published from a manuscript in the Library of Trinity College, Dublin / ed. by J. O’Donovan. Dublin: for the Irish Archaeological Society, 1842. 360 p.
- Woolf D. The idea of history in Early Stuart England: erudition, ideology, and “The light of truth” from the accession of James I to the Civil War. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1990. 377 p.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press, 2003. 421 p.

Левин Феликс Евгеньевич, аспирант кафедры истории Средних веков, Институт Истории, Санкт-Петербургский университет: vitabrevis620@gmail.com

‘Foras Feasa ar Éirinn’ by Geoffrey Keating and the archival memory

The article examines the work of the Irish historian Geoffrey Keating (1570–1644) ‘Foras Feasa ar Éirinn’, which narrated the history of ancient and medieval Ireland, as a specific format of memory. The author introduces two terms borrowed from Aleide Assmann — ‘active memory’ and ‘archival memory’. On the basis of the analysis of the Keating’s narrative the author concludes that ‘Foras Feasa ar Éirinn’ had a potential of acting as both active and archival memory. First and foremost, Keating’s work contributed to the formation of archival memory of Irish catholic consciousness and afterwards of Irish nationalism.

Keywords: Ireland, Geoffrey Keating, ‘Foras Feasa ar Éirinn’, ethnic discourse in Ireland, historical memory, archival memory, active memory, ‘Lebor Gabála Éirenn’, history-writing.

Feliks Levin, postgraduate student, Medieval History Department, Institute of History, Saint-Petersburg University, e-mail: vitabrevis620@gmail.com

Ю. В. ИВАНОВА, П. В. СОКОЛОВ

ЕВРЕИ И ГИГАНТЫ БИБЛЕЙСКИЕ СОБЫТИЯ И ВЕРСИИ ИСТОРИИ¹

Статья посвящена взаимоотношениям еврейской и языческой версий истории в конструкции «новой науки» (*scienza nuova*) Дж. Вико. Для прояснения контекстов и импликаций мысли Вико привлекаются тексты двух авторов Сейченко: Исаака Ла Пейрера (сочинения о преадамитах и о «призвании иудеев» в конце человеческой истории) и Самюэля Бошара («Священная География»). Рецепция Вико концепций Ла Пейрера и Бошара рассматривается на примере трактовок у трех авторов таких библейских событий, как строительство Вавилонской башни, появление гигантов и Великий потоп. Авторы ставят себе целью показать, что тексты Вико возникают как палимпсесты из множества в большей или меньшей степени сохраняющих связи со своими контекстами фрагментов разных историографических, богословских и естественнонаучных дискурсов, и прежде всего – протестантской, преимущественно буквалистской, экзегезы и традиции «древней мудрости» (*prisca sapientia*).

Ключевые слова: Джамбаттиста Вико, Самюэль Бошар, библейская экзегеза, барочная гигантология.

На протяжении XVII столетия интерес к истории, культуре и богословию евреев со стороны европейских интеллектуалов претерпевает значительные трансформации — как количественные, так и структурные. В первую очередь, трансформации эти были связаны с прогрессом библейских штудий, и прежде всего в протестантской ученой культуре: масштаб исследовательских проблем в протестантской «эрудитской» библеистике варьировался от монументальной «Священной географии» С. Бошара до очень специальных изысканий, таких, как упоминаемая Вико в «Новой науке» «Диссертация об Уриме и Туумиме» Дж. Спенсера или «Диссертация об Азазеле» И. И. Шредера. Возникает целый жанр трактатов «*De Republica Hebraeorum*» (М. Лейдеккер, К. Сигонио, П. Ван дер Кун), самым известным представителем которого можно считать Спинозу; происходит переоткрытие раввинистической литературы (показательный пример протестантского исследования о талмудической культуре комментария — диссертация Иоганна Давида Мюллера «Об академических диспутациях иудейских ученых»). Отдельно следует отметить две крупные общеевропейские полемики: восходящую еще в XVI столетию дискуссию об огласовках и их роли как для филологи-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 15-01-0161) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ческой эмендации, так и богословской герменевтики библейского текста (И. Буксторф, И. Ландриани) и спор о природе еврейской поэзии (Рафаэле Раббеньо, Бьяджо Гарофало), подготовивший революционную теорию «библейского параллелизма» Роберта Лоута. Разумеется, далеко не всегда обращение к библейскому материалу было обусловлено наличием специального интереса к еврейству: так, дискуссия об огласовках была эпизодом в истории критического метода в филологии, а целью исторической реконструкции древнееврейской политики у Ван дер Куна было предоставить в распоряжение патрициата Соединенных Провинций «архетип идеальной республики». Однако в то же время закономерным результатом описанных выше тенденций стала проблематизация истории и культуры еврейства как самостоятельного, независимого от целей библеистики и «Христианской Каббалы» предмета ученого интереса — от Буксторфа и Ван дер Куна прямой путь ведет к Иоганну Давиду Михаэлису и «геттингенской школе».

Составляя свою «Новую науку о природе наций», Джамбаттиста Вико методически исключал из своих построенных историю лишь одного народа — евреев. Принцип, которым руководствовался Вико, вполне понятен: «Новая наука» имеет смысл только для тех народов, в судьбе которых Провидение являло свою волю опосредованно, через имперсональные, по сути своей, формы устройства общества, — для изучения этих-то форм и служат методы, аксиомы, элементы и прочие разделы и средства этой науки. Но если обратиться «метод познания истории», созданный Вико, на историю евреев, то выйдет, что событийная история этого народа совпадает с потенциальным методом ее изучения. *Scienza nuova* не может распространяться на ту избранную часть человечества, которой Провидение руководило напрямую, пребывая в общении с нею и не прибегая для этого к посредничеству каких бы то ни было установлений — ни языка, ни преданий, ни общественных институций, ни исторически меняющихся норм общежития, т.е. обычаев и законов. И все же, несмотря на нежелание Вико касаться богословских вопросов и участвовать в общественных дискуссиях об истории евреев, внимательный читатель его сочинений, начиная с самых ранних из них — инаугурационных речей, лишь укрепляется в мысли о том, насколько важен библейский бэкграунд для создаваемой им истории наций. Священная история, т.е. древняя история евреев, для Вико обладает превосходством над мифологиями и ранними историями других народов не только с доктринальной точки зрения, но и с эпистемологической. В «О постоянстве филологии» (одном из трудов, который можно считать пролегоменами к «Новой науке...») Вико показывает, что библейская история представляет собой эманацию «геометрической истины» (*verum geometricum*) в социальном мире. Это позволяет ему достичь основной цели создаваемого им «критического искусства» применительно к истории народов: «различить

истину» (*discernere il vero*) в истории наций, компенсировав тем самым «недовершенство человеческой природы» (*incertitudo naturae humanae*)².

Самой древней и наиболее достоверной из всех версий человеческой истории названа история евреев в первой из «частных» аксиом «Новой науки...» (XXIII). Вико пишет: евреи «сохранили исключительно подробные воспоминания с самого начала мира»³ (*han conservato tanto spiegame le loro memorie fin dal principio del mondo*). В этом еврейский народ уникален: начала его истории даны ему непосредственно; для избранного народа не встает проблема памяти и достоверности традиции. Любой перевод этого места неизбежно неудачен, так как скрывает связь *tanto spiegame* («наиболее явным образом») с важнейшей викианской категорией *ragione spiegata* («явленным разумом»), т.е. разумом, достигшим своего акме. Другие фрагменты «Новой науки» еще сильнее подчеркивают контраст священной и светской истории. Так, аксиома XXIV утверждает, что «еврейская религия была основана истинным Богом на запрещении предсказаний, а из них возникли все языческие нации». Далее, само антропологическое устройство евреев радикально отличает их от язычников. Если первые сохранили после Всемирного Потопа нормальное телосложение, как пишет Вико, «благодаря человеческому воспитанию», то вторые вследствие практикуемого ими «звериного воспитания детей» и скотского образа жизни превратились в гигантов: «Основатели Языческой Культуры были, несомненно, людьми из расы Хама – прежде всего, Яфета – несколько позже и, наконец, Сима: один за другим они постепенно отреклись от истинной Религии своего общего отца Ноя. <...> Как звери, блуждали они по великому Лесу Земли... Они блуждали ради спасения от зверей, которыми изобилывал великий Лес, и для преследования женщин, которые в таком состоянии были дикими, неподатливыми и пугливыми. Рассеявшись в поисках пищи и воды, матери покидали своих детей, и последние должны были расти, даже не слыша человеческого голоса и уже, конечно, не воспринимая человеческих обычаев. Поэтому они дошли до совершенно скотского и звериного состояния: в нем матери, как животные, только кормили младенцев грудью и оставляли их голыми валяться в их собственных испражнениях; едва отняв их от груди, они покидали их навсегда. Дети катались в своих

² «И эти вещи – если даже оставить в стороне божественную веру, которая, однако же, лучше всякого доказательства, – [Священная история.] являет посредством человеческих рассуждений в той мере, в какой вообще можно усмотреть в них соответствие геометрической истине» (*Atque has ipsas res – praecisa licet divina fide, quae tamen omni demonstratione maior est – tradere humanis argumentis, quantum haec res ad verum geometricum propius accedere patiat, demonstrates*) – Vico. *De Constantia Jurisprudensis...* 2013. P. 54-55. (*De Const.* cap. VIII). В издании – двойная пагинация: одна воспроизводит нумерацию страниц в изд. 1721 г., снабженном рукописными пометками автора, а другая принадлежит издателю текста; здесь и далее мы приводим номера страниц согласно пагинации издателя.

³ Вико 1994. С. 81.

испражнениях, которые удивительным образом утучняют поля селитрой, с трудом продирались через великий лес, чрезвычайно густой вследствие сырости после потопа. От этих усилий расширялись одни мускулы, вытягивая другие, и потому селитра в большом количестве просачивалась в их тело. Так как у них не было никакого страха перед Богом, перед Отцами, перед Учителями, от чего окостеневают самые цветущий детский возраст, то у них чрезвычайно увеличивались ямы и кости, и она вырастали полными сил и могучими. Так появились Гиганты»⁴.

После превращения в звероподобных гигантов языческому человечеству предстоит еще много столетий скитаться по великому Лесу Земли, прежде чем увлажненная почва не иссохнет и не начнет посылать в воздух «сухие испарения», которые, согласно физической теории, разделяемой Вико, явятся причиной грома и молний. Раскатам грома суждено будет, устранив гигантов, зародить в их сознании религиозное чувство, оно-то и положит начало их «очеловечиванию» (Аксиомы XLI и XLII «Новой науки...»), в т.ч. приведению их тел в такое состояние, из которого никогда не выходили телесно представители еврейского народа.

Еще сильнее подчеркивает различие между евреями и окружающими их народами ветхозаветный институт очистительных обрядов. Характерно соседство в третьей аксиоме двух «золотых мест»: важнейшего для Вико высказывания Диодора Сицилийского о том, что каждая нация стремится представить свою историю как можно более древней, и свидетельства Иосифа Флавия об изоляции еврейского народа от всех других. Топография «Новой науки», не допускающая произвольных соположений, этим соседством недвусмысленно указывает на значимость исключения: именно избранный народ был избавлен от этого универсального свойства человеческих наций. При этом, однако, в тексте трактата Вико можно обнаружить примеры реализации обратного принципа, а именно – стремления сопоставить некоторые разделы еврейской истории с соответствующими разделами историй языческих народов. Так, положение, согласно которому поэзия была древнейшим языком человечества, распространяется и на еврейский народ. В этом видно влияние неаполитанских гебраистов, таких, как Раффаэле Рабеньо. Кроме того, священная история наряду с восемью историями разных языческих наций включена в хронологическую таблицу. Однако такое включение едва ли можно расценивать как стремление уравнивать ее в правах с другими частными историями. Скорее, библейская история евреев, т.е. череда откровений, даруемых Богом Его избранному народу, мыслится Вико как парадигма, позволяющая, исходя из знания примеров прямых действий Провидения, усмотреть общие для всех народов законы развития в тех историях наций, где Оно действовало не прямо, а косвенно – являя себя в формировании и смене общественных установлений людей.

⁴ Там же. С. 128.

Викианская «гражданская наука» (*scienza civile*) обращается к целому спектру библейских дисциплин: хронологии, географии, поэзии, политике, а также к некоторым отраслям ранненовременных востоковедческих штудий⁵. Священная история присутствует как палимпсест в тех сочинениях Вико, в которых на протяжении десятилетий формировалась и обретала новые и новые измерения его *новая наука*: от «О постоянстве юриспруденции» (1720-е гг.) до последней версии его *opus magnum*, датированной 1744 г. Проблема присутствия библейских содержания в историко-социологической мысли Вико – как, впрочем, и в современной «гражданской науке» в целом – сохраняет свою актуальность и остается предметом исследований будущего.

Шелдон Волин однажды назвал Гоббсово естественное состояние «своего рода политической версией книги Бытия, лишенной сакральной составляющей и избавленной от понятия греха»⁶. Сходным образом можно было бы определить и викианский проект «достовернейшей критики человеческого произвола». В противоположность Гоббсу, Вико открыто позиционирует свою «философскую филологию» как апологию Священной Истории, направленную против гетеродоксальной версии хронологии, разработанной Джоном Маршемом, Джоном Спенсером и Георгом Хорном, против спинозистской библейской критики и картезинской библейской физики⁷, а также против преадамизма Исаака Ла Пейрера. Ниже мы остановимся на этой последней теории: мыслитель, оппонентом которого признает себя Вико, сыграл видную роль отнюдь не только в становлении концепции «Новой науки...». Изложенные в его трудах воззрения таковы, что еврейские энциклопедии всего мира до сих пор величают его первым теоретиком сионизма.

Одно из важнейших направлений библейских интересов Вико – роль и ближайшие следствия Великого потопа в первобытной истории человечества. Не будет ошибкой сказать, что Потоп принадлежит к числу парадигматических событий в конструкции *scienza nuova*. На наш взгляд, прояснению интерпретации этого библейского события у Вико может способствовать обращение к трудам его сейчентистских предшественников. Мы коснемся учений лишь двух из многочисленных экзегетов-новаторов этой эпохи, составляющих контекст викианских штудий в области библеистики и древнейшей истории человечества – Исаака Ла Пейрера и Самюэля Бошара. Жизненные и академические интересы, *modus vivendi*, репутации, писательская и исследовательская манера, судьбы научного наследия – всем эти персонажи являют противоположность друг другу. Уже упомянутый нами Исаак Ла Пейрер – яркий идеолог,

⁵ Информативный очерк о Вико и его отношении к библейским штудиям его времени см. в кн.: Mazzotta 1999.

⁶ Thornton 2005. P. 4.

⁷ Rossi 1987. P. 123–131; 168–194.

лелеявший политико-эсхатологические амбиции мессианистского толка, «чужой среди своих» и для христиан, и для иудеев, многократно обвинялся в ереси и в итоге был вынужден произнести публичное отречение от собственных сочинений и выраженных в них взглядов. Самюэль Бошар – книжный червь, «всеми забытый педант», «малопривлекательный в своей учености», произведший «толстые тома, покрытые пылью»⁸, а на самом деле редчайший высококвалифицированный специалист, чьи труды до сих пор остаются релевантными для историков ономастики и зоологических представлений в Ветхом Завете.

Исаак Ла Пейрер (1594–1676), родом из Бордо, вырос в кальвинистской семье. Он прибыл в Париж в 1630 г. и сделался секретарем принца Конде; был близок с Мерсенном и Гассенди, знаком с Гоббсом. В 1642/43 гг. он пишет сочинения «Преадамиты, или Упражнение в истолковании стихов 12-14 гл. 5 Послания ап. Павла к Римлянам – о первых людях, созданных прежде Адама» (*Praeadamitae, sive Exercitatio super versibus duodecimo, decimotertio et decimoquarto, capitis quinti Epistolae D. Pauli ad Romanos, quibus inducuntur Primi Homines ante Adamum conditi*) и «О призвании иудеев» (*Du Rappel des Juifs* – о «призвании иудеев, которое созиждет Полноту Народов и всеобщее Единение Человеческого рода под Игом сего Иисуса Христа, и под скипетром сего Великого Царя, который должен прийти однажды, дабы Править всеми людьми Земли и одаривать их всеми Благословениями, и Духовными, и Века сего»⁹). «Преадамиты...» вышли в свет анонимно в одной книге с другим трактатом Ла Пейрера, состоящим из четырех книг и представляющим собой развитие идей, содержащихся уже в раннем тексте: «Система теологии, основанная на гипотезе о существовании людей прежде Адама» (*Systema theologicum ex preadamitarum hypothesis*)¹⁰. «Преадамиты...» и «Система теологии...» – сочинения, *Wirkungsgeschichte* которых уникальна: против тезисов Ла Пейрера были написаны теологами десятки трактатов и памфлетов, его упоминает в «Новой науке» Вико, в библиотеке Спинозы был экземпляр его труда. Отправной пункт рассуждений Ла Пейрера – тот пассаж из Послания ап. Павла к римлянам (Рим 5:12-14), где говорится, что смерть вошла в мир через грех одного человека, и в нем согрешили все. «Преадамиты...» и «Система теологии...», по сути, представляют собой развернутый комментарий к этому пассажи, в ходе которого автор, как и положено начитанному в Писании экзегету, обращается ко многим другим фрагментам Писания, позволяющим ему развить толкование интересующего его источника.

⁸ Shalev 2012. P. 146.

⁹ *Du Rappel des Juifs*. MDCXLIII. P. 371-372 (ни автор, ни город издания, ни типография на титульном листе не обозначены, как и у двух других сочинений).

¹⁰ *Prae-adamitae, sive Exercitatio super Versibus decimotertio, & decimoquarto, capitis quinti Epistolae D. Pauli ad Romanos*. MDCLV; *Systema theologicum ex preadamitarum hypothesis*. MDCLV.

По Ла Пейреру, Адам был сотворен в 4004 г. до н.э., но до этого прошло неопределенное количество времени. Событие, которое в Библии описано как сотворение первого человека, на самом деле было ни чем иным, как заключением первого завета или договора (*foedus, pactus*) с Богом, в результате которого человечество оказалось под властью «закона законов, закона как такового» (*lex legum, lex simpliciter*). Согласно Пейреру, истолковывать именование Адама *первым человеком* в буквальном смысле – все равно что понимать буквально именование Христа *вторым человеком*. Он предлагает уподобить судьбу человеческого рода от сотворения его до последнего дня мощному дубу. Корни дерева уходят в недра земли – это символическое изображение людей, живших до Адама от начала времен, и память о них ныне утрачена. Со стволом дуба он сравнивает человечество от Адама до Христа, уподобляемых им двум черенкам, какими садоводы прививают деревья. От первой из таких прививок – Адама – все соки дерева оказываются поражены смертью, но вторая из них, Христос, несет всему растению оздоровление, напитывая его «духом справедливости и жизни» (*spiritu justitiae at vitae*). Адам стал отцом всех людей не в абсолютном смысле (*absolute*), а лишь в одном отношении: потому что все люди согрешили в нем. Он отец всех грешников, подобно тому как Авраам – отец всех верующих. Вопреки традиционному богословскому мнению, Ла Пейрер полагает, что закон (а, следовательно, и грех как нарушение закона) начинается именно с Адама, а не с Моисея. Доказательства тому он находит в Писании. Так, Божие благословение в Быт. 26, по его мнению, подразумевает существование неких древних законов, данных иудеям гораздо раньше Закона Моисеева¹¹, и благословение это обращено не только на «сынов Авраама», но и на его праотцев – потомков Адама. Задолго до Моисея его народу были известны заповеди о Субботе, отделении чистого от нечистого и воздержании от удушливости, равно как и церемонии жертвоприношений и разные установления, связанные с почитанием Бога – Ла Пейрер приводит даже периодизацию истории этих установлений: от Адама до Еноха, «сына Сифова»; от Еноха до Авраама и от Авраама до Моисея. Время жизни Еноха становится здесь водоразделом, потому что в Быт. 4 сказано, что он стал призывать Господа «новым именем», отличным от того, которое произносили Адам и Сиф; Авраам совершил обрезание; Моисею было открыто имя Иеговы, доселе неслыханное у иудеев.

С Адама начинается вторая из четырех эпох, или, по Пейреру, «состояний» (*status*), – эпоха существования человечества «под властью закона» (*status sub lege*), сменяющая существование «под властью природы» (*status sub natura*). Главное открытие, которое приписывает себе Ла Пейрер, – доказательство существования людей до Адама, он верит, что человек был сотворен дважды (*Syst. Theol. I, 6*). Первый раз – «из дурной

¹¹ Prae-adamitae... P. 4.

материи» (*creatio ex prava materia*), и это был дурной человек, обуреваемый гнусными страстями. Поэтому оказалось необходимым повторное творение (*recreatio*), т.е. собственно сотворение Адама, которое, с одной стороны, представляет собой собственно создание иудеев (в отличие от творения всех вообще людей, которые были преадамитам), а с другой стороны, маркирует переход от состояния «под властью природы» к «состоянию под властью закона»¹². По Ла Пейреру, закон или завет, заключенный между Богом и Адамом, является не чем иным, как фикцией (*fic-tio*). Нарушение или соблюдение этого завета не влечет за собой никаких «реальных» следствий (в частности, биологическая смерть, по Ла Пейреру, есть следствие не грехопадения, а смертной и испорченной природы человека, в то время как первородный грех повлек за собой лишь «легальную» смерть). Слова, произнесенные ап. Павлом во время выступления в афинском Ареопаге, – «Бог созидил всех людей из единой крови» – согласно Ла Пейреру, не следует распространять на происхождение всего человеческого рода от одного праотца. Апостол, как представляется Пейреру, имел намерение отделить в описании сотворения людей «материю от творения» (*materiam a progenie*): первая создается из крови, второе исходит от Бога. Иудеи были сотворены из той же дурной материи, что и язычники, – из «общей нечистой земли», или даже «общей нечистой грязи» (*terram communem et immundam, luto communi et immundo*), из которой Господь созидил Адама, и, таким образом, они «осквернены кровью первого творения: наги и сыры» (*sanguine creations primae turpato: nudos et expositos*). Но Бог в своей бесконечной благодати очищает их и заключает с ними «союз избранничества», «мистический брак» (*foedus electionis, matrimonium mysticum* – избранию иудеев посвящена вторая книга «Системы теологии...») – отделяет их от остальных людей и собирает в «земле Своей святой, как бы в вертограде заключенном» (*in terra sancta et sua, tanquam in horto concluso*)¹³ (*Syst. Theol. IV, 7*), куда нет доступа язычникам. Однако иудеи нарушают Его заповедь о несмешении с другими народами – так истолковывает Ла Пейрер фразу из Быт. 6:1-4 о союзах между сынами Божиими и дочерьми человеческими. От этих противных Божией воле браков, мистическим результатом которых оказывается смешение божественного начала с человеческим, рождаются, как и следует ожидать, герои (*heroas*) – Гиганты. И тогда Господь решает погубить ту самую землю, из которой взят был Адам, а именно – Палестину, территорию, данную иудеям. Таким образом, потоп, по Ла Пейреру, отнюдь не был всемирным явлением: он был вехой только истории иудеев, но не других народов¹⁴. Кроме

¹² *Systema theologicum...* P. 80sqq.

¹³ *Ibid.* P. 203.

¹⁴ *Quodsi non ad verba sola, sed ad rem ipsam diligentius attendimus: Diluvium illud, Iudaeorum terrae, non toti Mundo, ingruisse, manifestum est* (P. 206. – *Syst. Theol. IV, 1, 7*).

иудеев, жертвами потопа стали также и те из язычников, которые жили, смешавшись (*permixti*) с сынами Божиими, – именно их, как полагает Ла Пейрер, библейский писатель и обозначает словом, в латинской версии Писания передаваемым как *animantia* или *animantes* (живые души). Такова в общих чертах концепция Ла Пейрера, с которой Вико был знаком и против которой, согласно его собственному утверждению, он намеревался вооружить читающую аудиторию своей «Новой наукой...».

Самюэль Бошар (1599–1667), эрудит протестантских взглядов, работал и завоевал признание в Кане в первой половине XVII в.¹⁵ Он был основателем дисциплины, которую нарек «священной географией» (*Geographia Sacra*). Его учителями были, пожалуй, самые знаменитые в ту эпоху ориенталисты и филологи-библеисты: Луи Каппель, известный в первую очередь благодаря его активному участию в *querelle* вокруг огласок в мазоретской редакции Торы, и Ерпеньи, руководивший обучением Бошара арабскому и сирийскому языкам. Перемещаясь от одного центра Республики Ученых к другому, Бошар посетил Оксфорд и Лейден, свел знакомства с Воссием, Хейнсием и Сомезом и изучил около дюжины языков, как популярных в его время (английский и итальянский), так и редких (кельтский, коптский, эфиопский, персидский). На досуге он сочинял стихи по-гречески, заставляя современников восхищаться не только своей эрудицией, но и поэтическим даром. В истории каждой из многих областей науки, к которым ему доводилось обращаться, он оставил заметный след. Бошар был, вместе с Даниэлем Юэ, одним из столпов знаменитой Канской школы библеистики; кроме того, ему принадлежит ревизия «Истории древних Галлов» (*Histoire des anciens Gaulois*) Антуана Гослена. Как отмечал Пьер Бейль, «по всей Европе не сыскать академии, которая состояла бы из столь знающих людей, как академия Кана»¹⁶. Шведская королева Кристина, вдохновленная славой канского эрудита, пожелала, чтобы он сделался украшением ее двора.

Бошар был одним из первых ученых, указавших на наличие следов финикийского языка в греческой трагедии (Plautus, *Poenulus*, V). Он усердно изучал историю и географию пунийских колоний. Финикийским штурдиям он был до того предан, что его современники саркастически отмечали: «Финикийский мерещится ему повсюду»¹⁷. Он стяжал всеевропейскую славу благодаря двум своим *opera magna*: не только «Священной географии» (*Geographia sacra*), но и «Священной истории животных» (*Hierozoicon*). В этих гигантских трудах излагаются две части библейской естественной истории. Отправной точкой рассуждений Бошара в его трактате о священной географии является та же проблема, что волнует и Вико: отсутствие сколько-нибудь достоверных источников

¹⁵ Компендиум труда Бошара содержится в изд.: *Stroumsa* 2010. P. 82–84.

¹⁶ Цит. по: *Smith* 1833. P. 21.

¹⁷ *Ibid.* P. 356.

сведений о примитивной стадии истории человечества – того состояния, для обозначения которого Варрон использует слово *adelon* (*neque enim aliud quicquam superest unde priscarum gentium origines exsculparamus*)¹⁸.

На всем протяжении своего главного труда Вико упоминает имя Бошара лишь дважды, однако в последней версии «Новой науки...» исчезают и эти отсылки, что весьма показательно. В одном случае автор «Священной географии» упоминается с одобрением; в другом же Вико отвергает Бошарову концепцию истории языков, центральное положение в которой занимают язык и история евреев. В соответствующем пассаже Вико реконструирует и сразу же отбрасывает величественный и в высшей степени насыщенный содержанием эпистемологический проект протестантской библеистики: пересмотр Бошаром буквального смысла Писания, «евангелическую демонстрацию» Даниэля Юэ как противоположность картезианскому методу и предложенное Селденом возведение естественного закона к библейскому тексту¹⁹. «Священная География» Бошара, получившая второе «Фалег и Ханаан» (современники и ближайшие последователи часто предпочитали именовать книгу просто «Фалегом») с точки зрения метода историографической работы представляет собой одно из наиболее интересных историко-географических воплощений протестантского буквализма. Изобилие исторических и этимологических деталей, многообразии персонажей и величии замысла позволяет видеть в «Фалеге» соперника «Новой науки...», мнения которого Вико не мог просто обойти молчанием.

Идеи Вико должны были раз и навсегда дезавуировать систему Джона Селдена, провозгласившего, что язычники узнали от евреев естественный закон вечного разума, зиждущийся на семи заповедях, данных Богом сыновьям Ноя. Они должны были опровергнуть и «Фалег» Бошара, в котором говорится, что Священный язык был передан евреями другим народам и в их среде подвергся затем искажениям и порче. Они были призваны также развенчать «*Dimostrazion evangelica*» Юэ (шедшего по стопам Бошарова «Фалег»), в то время как сам Бошар следовал системе Селдена) – ту самую «евангелическую демонстрацию», в которой многоученный муж силился заставить читателей поверить, будто мифы народов мира суть не что иное как сюжеты из Священной Истории, до неузнаваемости искаженные язычниками, и в особенности греками²⁰.

¹⁸ *Bocharti S. Op. cit. Praefatio, s.p.*

¹⁹ О перечисленных здесь авторах см.: *Shelford 2007; 2002.*

²⁰ «Le quali cose tutte ad un colpo devono rovesciar il sistema di Giovanni Seldeno, il quale pretende il diritto naturale della ragione eterna essere stato dagli ebrei insegnato a' gentili sopra i sette precetti lasciati da Dio a' figliuoli di Noe, devono rovesciare il Faleg di Samuello Bocarto, che vuole la lingua Santa essersi propagata dagli ebrei all'altre nazioni e tra queste fossesi diffornata e corrotta; e finalmente devono rovesciare la Demostrazion evangelica di Daniello Uezio, che va di seguito al Faleg del Bocarto, come il Faleg di Bocarto va di seguito al sistema del Seldeno nella quale l'uomo eruditissimo s'industria di dar

По справедливому замечанию Арнальдо Момильяно, подход Вико к Священной Истории в первые десятилетия XVIII в. выглядел уже устаревшим, он был бы уместен, скорее, в протестантских библейских штудиях 1660-1670 гг., чем среди современных Вико дискуссий об этрусских древностях и мартириях (*acta martyrum*)²¹. В самом деле: у Вико и таких эрудированных авторов эпохи барокко, как Бошар, было много общих предпосылок и проблем. Так, и для Бошара, и для Вико в Священной Истории, в отличие от истории язычников, заключены основания *status exlex* (состояния беззакония) человечества²². Достоверность исторических свидетельств явлена в сущности еврейского языка как такового, поскольку использование исторического (прошедшего) времени есть одна из основных характеристик еврейской грамматики²³.

Для Бошара, наследника долгой традиции протестантской герменевтики и эпистемологии, библейский текст служил краеугольным камнем достоверности, которую темперамент греков обратил в нелепые басни (*ad ridiculas fabulas devolvuntur*). Методологический принцип, из которого Бошар исходит в своей *географии*, – «истинное всегда изначально, а неверное – вторично»²⁴ – он заимствует у Тертуллиана. Обращаясь к самому началу истории наций, Бошар высмеивает самые известные языческие мифы о происхождении людского рода:

«И вот, одни рассказывают о себе, будто они произошли от скалы и дуба, другие – от грибов, третьи – от цикад, иные – от муравьев, а есть и такие, что из драконьих зубов. Кто же сочтет для себя возможным изучать корни и истоки других народов от тех, которые столько лгут о собственном происхождении? А значит, остается лишь одно – прибегнуть к свяшенному якорю, то есть к Писанию (...) из одной главы Моисеевой, если только понять ее правильно, можно извлечь сведения о началах народов более многочисленные и достоверные, чем из всех, сколько их ни возьми, памятников древнейших племен»²⁵.

a credere che le favole siano sagre storie alterate e corrotte da'gentili e sopra tutti da' greci". – Vico 2004. P. 415.

²¹ Momigliano 1966). P. 4.

²² "Nulla profanarum historia genus humanum exlex, tum ante, tum post Diluvium, ante omnes respublicas fundatas omnesque leges positas, sub theokratia egisse, explicatus narret". – Bocharti MDCLXXXI. Praefatio.

²³ "Alterum: quod ipsa historia ipsis linguae perpetuitatem servarit, quod illud evincit – hebraeae linguae eruditus in eius caussis hactenus inobservatum – quod rectum verborum, uti graecis latinisque est tempus praesens, ita hebraeis est praeteritum, tempus proprium historicorum, et tertiae quidem personae" (*Ibid.*).

²⁴ "Id esse verum quodcunque primum, id esse adulterum quodcunque posterius (Tertullian versus Praxeas). Necessae enim est ut veritas sit prior mendacio, cum mendacium nihil aliud sit quam corruptio veritatis" (*Ibid.*).

²⁵ "Atque alii se ex quercibus aut lapidibus, alii ex fungis, alii ex cicadis, alii ex formicis, alii ex draconis dentibus se fabulantur ortos. Quis porro gentium aliarum incunabula & primordia edoceri posse se putet ab iis qui de propria origine talia mentiuntur? Itaque hoc restat unicum, ut ad sacram anchoram hoc est ad Scripturam confugiamus... ex uno capitulo

Такой взгляд на Священное Писание и мифологии язычников вполне допускает сопоставление с идеей, артикулированной в главе «О методе» «Новой науки» Вико: «Для полного установления Оснований нашей Науки нам придется обсудить в первой Книге метод, которым она должна пользоваться. И так как она должна начинать с того, с чего начинается ее материал (как это было сказано в Аксиомах), то мы принуждены отправляться, как и Филологи, от камней Девкалиона и Пирры, от скал Амфиона, от людей, рожденных бороздами Кадма или «крепким дубом» Вергилия; и как Философы – от лягушек Эпикура, от кузнециков Гоббса, от простаков Гроция, от брошенных в этот мир без всякой божьей заботы и помощи – Пуфендорфа, от грубых дикарей, так называемых Патагонских гигантов, которые, как говорят, были найдены у Магелланова пролива, т.е. от Полифемов Гомера, принятых Платоном за первых Отцов в состоянии Семей (такова Наука об Основаниях культуры, данная как Филологами, так и Философами!)»²⁶.

Это дерзкое утверждение сознательно противопоставлено широкому спектру теорий об основаниях человеческого общества и объемлет их все, одновременно вступая в разительный контраст с упомянутым выше пренебрежительным отношением к языческой историографии и мифологии у Бошара. Вико был в высшей степени чувствителен к провокативной сущности вопроса об истоках (*principia*). Так, радикальное переосмысление мнений язычников о началах человеческой истории у Вико идет рука об руку с высмеиванием конкурирующих с его собственным учением о началах, развиваемых в рамках истории идей à la Якоб Брукер²⁷. В «Королларии об основных точках зрения нашей Науки», равно как и в «Объяснении Поэтической Мудрости» – т.е. в наиболее методологически важных разделах «Новой науки...» – Вико дает знаменитое определение его науки как «истории идей» (*terzo principale aspetto è una storia d'umane idee*) и делит все принципы этой науки на две части: к одной принадлежат те, что относятся собственно к истории идей, к другой – те, что относятся к истории языка (*principi divisi in due classi, una dell'Idee, un'altra delle Lingue*). Вместе с тем, основные представители зарождающейся истории философии, которая в XVII столетии становится автономным жанром научной литературы, – Якоб Брукер и Георг Хорн – подвергаются резкой критике в *opus magnum* Вико²⁸.

Mosis, si modo recte intelligatur, multo plura & certiora possint erui de populorum originibus, quam ex omnibus quotquot supersunt vetustissimarum gentium monumentis” (*Ibid.*)

²⁶ Вико 1994. С. 112.

²⁷ О ранненововой истории идей см.: Models of the History of Philosophy. Vol. II; Schmidt-Biggemann, *Stammen* 1998.

²⁸ Имя Брукера Вико не называет ни разу, довольствуясь упоминанием его главного сочинения – «Истории учения об идеях» (*Historia doctrinae de ideis*), зато Хорн входит в пандемониум отрицательных персонажей «Новой науки» на равных правах с Макиавелли, Гоббсом, Зельденом и другими вредоносными авторами.

Одна из ключевых фигур, заимствованных Вико из эрудитской гигантологии Бошара и использованных им для нужд его новаторской гражданской науки, – Немврод, сын Хуса и внук Ноя. Некоторые языческие и христианские авторы считали Немврода участником возведения Вавилонской башни, однако Бошар обнаружил хронологическую несостыковку, которая делает его присутствие при этом строительстве невозможным: согласно предпочитаемой им версии хронологии, когда строительство совершалось, будущий «великий охотник» был маленьким ребенком, а возможно, даже и вовсе не успел появиться на свет, следовательно, абсурдно было бы возлагать на него ответственность за вавилонский грех (*peccatum Babel*). Ошибка возникла из-за смешения понятий, использованных разными авторами в их описаниях Немврода, с одной стороны, и строителей башни, с другой. Строителей считали гигантами, и тот же эпитет был распространен на будущего предводителя вавилонян по недоразумению: традиция именовала гигантов сынами земли – и то же самое говорится в кн. Бытия (Быт. 10:11) о Немвроде²⁹. Согласно преданию, гиганты затеяли войну против Бога. В Писании же Немврод назван «великим ловцом перед Господом» (*venator coram Domino*) – для целого ряда авторов этого достаточно, чтобы утверждать, что он был «воин против Господа» (*bellator contra Dominum*) (Бошар не называет авторов, имевших намерение очернить образ Немврода – возможно, потому, что они обладали слишком высоким авторитетом: среди

В разделе «О Поэтической Географии» поводом для насмешки со стороны Вико становится анахронизм, допущенный Хорном в датировке жизни скифа Анахарсиса, которого древняя мудрость (*prisca sapientia*) превратила в одного из создателей философии. В «Новой науке» есть не только явные, но и имплицитные критические выпады против брукеровской версии истории философии, ассоциированной с естественнонаучным знанием. Среди «Примечаний к Хронологической Таблице» под литерой *Kk* мы обнаруживаем упоминание о Фалесе Милетском – отце-основателе ионийской философской школы (*secta ionica*) и, тем самым, философии вообще, с точки зрения таких историков, как Брукер. В протестантской историографии начинать историю философии с Фалеса становится общим местом (очевидно, что такая генеалогия восходит, в конечном счете, к Диогену Лаэртскому, однако Диоген приводит длинный перечень «восточных» предшественников Фалеса, которые не удостоились места в каноне критической истории философии). И Вико тоже полагает, что Фалес был основателем философии, и считает его физиком. Но Фалесово открытие одного из физических первопринципов – воды – намеренно помещается в «сниженный», тривиально-бытовой контекст: «И начинает он с Принципа слишком нелепого, с воды, может быть, потому, что наблюдал, как благодаря воде растут тыквы» (*e cominciò da un principio troppo sciatipo – dall'acqua, – forse perché aveva osservato con l'acqua crescer le zucche*). Таким образом, рождение физики здесь представлено как событие случайное и даже анекдотическое, а Фалес становится комическим персонажем, который едва ли заслуживает в пантеоне основателей наук почетного места, отведенного ему такими авторами, как Брукер. Так ирония Вико дискредитирует «первоначала» «новых наук», конкурирующих с его собственными построениями. Подробнее о традициях ранней «истории идей» см.: *Blackwell* 1997.

²⁹ *Bocharti S. Op. cit. P. 52.*

них был, к примеру, св. Августин). Далее, языческая традиция гласит, что строители башни имели целью достичь небес и вскарабкаться на них. Но это мнение противоречит как здравому смыслу, так и букве Писания. Едва ли можно вообразить, будто люди, обладавшие познаниями и способностями, достаточными для возведения столь сложной конструкции, какой должна была стать пресловутая башня, были так глупы, чтобы не осознавать всей нелепости собственной идеи. Бошар пытается соединить фрагменты древней традиции, чтобы реконструировать универсальный миф – плод коллективного воображения евреев и язычников. Описывая строительство башни и рассеяние народов, Моисей пользуется словами, которые могут быть переданы латинскими “*dissipare et confringere*”. Бошар ссылается на халдейскую традицию, согласно которой вавилонское смещение сопровождалось серией явлений, подобных тем, о которых говорят Овидий в «Фастах» (1,5,35) и Лукреций в поэме «О природе вещей»: блистание молний, раскаты грома, буря³⁰.

По Бошару, Немврод назван лучшим охотником в мире потому, что его считал таковым сам Всемогущий Бог. Еврейское речение о нем он предлагает переводить как «стал могущественным на земле» (*coepit esse potens* בָּנָה in terra) – и отвергает греческую версию: ἦρξάτο εἶναι γίγας ἐπὶ τῆς γῆς – «стал великаном (гигантом) на земле». Более того, из следующего стиха – γίγας κυνηγὸς ἐναντίον κυρίου τοῦ θεοῦ, «он был могучим охотником перед Господом» – Бошар предлагает исключить слово γίγας по приведенным выше соображениям, и передает значение предлога ἐναντίον («против» или «прежде») как «в глазах Бога». Согласно Бошару, текст Септуагинты можно было бы счесть адекватным оригиналу, если бы Моисей имел в виду лишь физическую форму Немврода, но Моисей «повествует о величайших деяниях, совершенных силами не столько тела, сколько души» (*res gessit maximas, non tam corporis quam animi viri-*

³⁰ «И затем Бог, подняв ветры, уничтожил и произведение, и его создателей. Это известно из халдейской истории, в которой можно было прочесть, что таковое уничтожение совершилось *четырьмя ветрами с небес*, то есть по четырем сторонам света, или *по лицу всей земли*, как говорится в Быт. II.8.9. Но переводчики поняли так, будто говорилось, что уничтожение совершилось при помощи ветров. 6. Это потому, что רָעַע, или רָעַע, – слово, которое здесь использует Моисей, – означает не только «уничтожать», но и «рассеивать», откуда и название молнии – רָעַע (Исайя, 30:30). Говорят, что все строение было разрушено и низвержено. И у Вениамина почти так же: сброшен был огонь с небес на самую башню» (Бошар имеет в виду Вениамина Тудельского, испанского еврея, знаменитого путешественника, жившего в XII столетии и оставившего книгу о своих странствиях) (*Sequitur Deum ventis immissis tam ipsum opus quam opifices dissipasse. Sumptum id ex historia Chaldaica in qua legebatur facta fuisse haec dissipatio per quattuor ventos coelorum, id est in quattuor mundi plagas, vel super faciem omnis terrae, ut habetur Gen. II.8.9. Sed interpretes sic acceperunt, ac si dissipatio facta fuisse diceretur ventorum ministerio. 6. Denique quia רָעַע vel רָעַע, quo verbo hic utitur Moses, non dissipare solum sed & confringere significat, unde est quod fulmen vocatur רָעַע Esa 30, 30. Ajunt totum opus confractum & subversum fuisse. Nec multo aliter Benjamin. ignis in medium turris coelitus delapsus est*) (*Ibid.* P. 106).

bus). Ради усиления аргументации Бошар подвергает критике греческую версию библейского текста, исследуя комментарии грекоязычных авторов к речениям, в которых описывается Немврод, и предлагая собственные варианты перевода, которые кажутся ему лучше отвечающими авторской интенции. В главах, посвященных строительству Вавилонской башни, Немврод из безумного в своей дерзости гиганта становится положительным персонажем – культурным героем. До его появления в Вавилонии населявшие ее люди пребывали в убогом состоянии: они жили в лесах и на равнинах, прячась в своих жалких жилищах от свирепых хищников (образ, повторенный Вико в разделе «Новой науки» «О Всемирном Потопе и о Гигантах»). Немврод, отважный охотник, защитил их от диких зверей, собрал вместе и установил над ними свою власть, т.е. основал цивилизацию там, где прежде примитивные племена вели бродяжническую жизнь. Таким образом, Бошар стремится очистить своего героя от всех возведенных на него другими авторами обвинений – и в первую очередь он оспаривает перевод эпитета “*venator coram Domino*” словами “*bellator contra Dominum*”, а также устанавливает этимологию имени персонажа: возведение имени Немврода к слову *marad, ribellio*, должно быть переосмыслено. Могущественный государь халдеев заслужил свое имя благодаря тому, что возглавил множество военных походов против врагов, «более или менее сильных», чем был он сам³¹.

Появление Немврода знаменует собой поворотный момент в истории человечества – переход от серебряного к медному веку – «здесь начинается тот третий возраст, который поэты называют медным веком» (*ab eodem initium sumpsit teria illa aetas quam aeneam Poetae vocant*)³². «Сначала охотник, затем воин, он обратил свою мощь от зверей на людей и путем тирании установил власть над ними» (*primo venator, mox bellator, vim suam a feris convertit in homines, & per tyrannidem imperium sibi erexit*) – Немврод, придя из Аравии, те умения, которые приобрел, будучи еще охотником, употребил ради завоевания и усмирения (*ad debellandos*) народов Вавилона, Сузианы и Ассирии³³.

³¹ «Очевидно, что тот, кого от «мятежа» – ибо он восставал или против сильнейших, или против равных себе, – звали Немвродом (то есть мятежным), утвердив свою власть, начал называться от «господства» – Ваал и Бел, – господином» (*Nempe qui a rebellionem qua vel in superiores vel in pares insurrexerat, dictus fuerat Nimrod, id est rebellis, idem a dominio baal & bel, id est dominus, post stabilitum imperium vocari coepit*) (*Ibid.* P. 264).

³² *Ibid.* P. 256.

³³ «И те же сметливость, мужество и силы, которые позволяли ему нападать на ужасных зверей, пошли в ход, когда он решил воевать против людей. Заручившись дружеским к нему расположением и ловкостью юношей, к чьей помощи он прибегал во время охоты, осмелился он посягнуть на большее и, обратив силы от зверей против людей, стяжать власть над соседними народами – а именно, над Вавилонией, Сузианой и Ассирией» (*Et qua industria, quo animo, quibus viribus aggressus est imanes feras, iisdem utitur cum res postulat ad debellandos homines. Qua benevolentia fretus, &*

Другим великим достижением, связанным с именем Немврода, был раздел земельных угодий. В эпоху деда Немврода Ноя, которого Бошар отождествляет с Сатурном, вся земля находилась в коллективном владении (*arvis nondum divisis*). Немврода воспринимали как фигуру исключительного культурного значения еще авторы Средневековья, и среди них Данте. Вспомним, что в «Божественной комедии» гигантам приписывались одновременно мощная познавательная способность, огромная сила и при этом воля, направленная ко злу (*dove argomento de la mente / S'aggiunge al mal volere e a la possa*). Немврод характеризуется у Данте как «безумная душа» (*anima sciocca*), ибо, будучи наделен знанием (*scientia*), он оставался напрочь лишенным мудрости (*sapientia*). Это же сочетание свойств, хотя и не артикулированное достаточно отчетливо, мы обнаруживаем у Немврода – персонажа Вико. В тексте Бошара различимы обертоны, знание которых позволяет нам воспринять пассажи Вико с участием Немврода как экзегетический палимпсест. Претендуя на раскрытие истины древних мифов, упущенной из виду близорукими педантами, подобными Бошару, Вико (в противоположность, например, близкому ему Пьетро Джанноне) никоим образом не пытался подвергнуть сомнению авторитет Священного Писания. Наоборот: он позиционировал себя как его защитник. Но на самом деле эпистемологический статус библейского аргумента у Вико далек от ясности и недвусмысленности³⁴. Неизменное намерение Вико – отделить евреев от язычников – встречает одно весьма существенное препятствие: историческую судьбу еще одного народа – халдеев.

Народы Древнего Востока – ассирийцы, халдеи и персы – представляют собой парадоксальное сочетание нечестия и блестящего прогресса наук: «Хотя и у ассирийцев, и у персов в обычае были незаконные сожителства, словно у диких зверей, однако же Гигантов среди них больше не было, ибо Магия вскоре возвратила им Гражданские ремесла. И до сих пор об этом говорится в сказаниях о Гигантах, которые были не совсем в ладу со Священной Историей и отныне пусть обратятся к Науке Филологии, а не к пустому многознанию»³⁵.

Этому может быть противопоставлено обнаруживаемое у Вико поствествование о вавилонском смешении языков: «И то обстоятельство,

expedita manu juvenum quorum opera usus fuerat ad ferarum ventationes, ausus est majora moliri, & et conversis viribus a feris in homines, imperium in vicinos populos usurpare, Babyloniam scilicet & Susianam, & Assyria) (*Ibid.*).

³⁴ Мы сделали попытку показать это в нашей работе, посвященной «аксиоме о потопе»: Sokolov 2014.

³⁵ Nefarii concubitus inter Assirios, ac proinde inter Persas ex eo ferino cultu servati, sed Gigantes cessere; quia iis Magia cito Civiles artes restituit. Atque haec de Gigantibus hactenus in fabulis habita, quae cum Sacra Historia non bene conveniebant, dehinc Scientiae Philologiae, non vanae eruditioni subservient. – Vico G. De Constantia... P. 64 (De Const. cap. IX).

что Халдеи, хотя память о допотопном человечестве сохранялась у семитидов, вскоре открыли ремесла вновь, доказывает Вавилонское Смешение языков: ибо, хотя они и знали вещи, однако же после Смешения не могли их назвать соответствующими каждой из них словами, а потому, движимые той же нуждой, что и все другие люди Земли, лишенные речи, они обозначали эти вещи посредством героических Символов»³⁶.

В противоположность другим языческим народам, халдеев не постигла природная катастрофа, они не были испелены молниями – им довелось пережить лишь деградацию языка, спровоцированную вавилонским смешением. Исполненные нечестия магические искусства, в чем-то подобные дивинации и прорицаниям яфетических народов, позволили халдеям сохранить науку, социальность и гуманность в условиях отклонения от истинной религии. Более того: через халдеев «допотопная гуманность» и «тайные науки» (*interiores disciplinas*) достигли их соседей – сначала финикийцев, а затем и египтян. Помимо этого, халдеи узнали нечто подобное грому с небес, спровоцировавшему «очеловечивание» других народов. Их божества являли им свою волю не в раскатах грома, а в извращенном суждении разума в процессе почти научного созерцания небесного лика: «и так они, наблюдая движение небесных тел, вообразили, будто небо – это и есть бог, и подчинились магии – этому если и не истинному, то, во всяком случае, требующему учености роду дивинации» (*ita caelum a syderum motibus sibi finxere deum, atque in id, etsi non verum, saltem doctum divinationis genus concessere, magiam*). Итак, для халдеев не страх, а наука послужила импульсом к возникновению социальности. Если не сбрасывать со счетов эту исключительность цивилизации халдеев, развитие которой проистекало где-то между мирами евреев и язычников, библейское событие смешения языков кажется еще более трудным для истолкования. Прежде всего, чтобы уловить смысл, присваиваемый автором «Новой науки» этому событию, мы должны принимать во внимание свойства библейских гигантов: эти гиганты, жившие как до, так и после потопа, выступают основателями великих городов древности (гиганты-идолопоклонники, разбросанные по городам – *idolatri giganti, divisi per le città*)³⁷. В трактате «О постоянстве филологии» Вико заимствует у Бошара и развивает идею, согласно которой гиганты, рожденные от «сыновей Бога», были не демонами-инкубами, а всего лишь детьми от браков между потомками Сифа и нечестивыми отпрысками Каина. Примечательно, что эти последние оказались более цивилизованными и более привлекательными для бла-

³⁶ Et quod *Chaldaei*, quanquam memoria antediluvianae humanitatis per Semitidas conservata, artes mature invenerunt; ea res demonstrat Babyloanicam linguarum Confusionem: nam licet res nossent, tamen post Confusionem appellare suis quasque vocabulis non potuerunt: quapropter eadem necessitate adacti, qua infantes reliqui Orbis homines, per Characteres heroicos significabant. – Ibid. P. 83-84 (De Const. cap. XIII).

³⁷ Vico 2014. P. 54 (далее это изд. обозначено как *SN 1725*).

гочестивых правнуков Сифа, чем их собственные родичи: «Эти женщины, по всей видимости, принадлежали к числу потомков Каина, который основывал города, как свидетельствует о том Священная История, и они должны были быть не только более опрятными, но и изящными»³⁸.

Все это позволяет заключить, что библейские гиганты вовсе не были похожи на звероподобных чудовищ (*bestioni*), рожденных в грязи, и *urbanitas* каинитов должна была каким-то образом унаследоваться послепопным миром.

Как справедливо заметил Энтони Графтон, Вико слишком серьезно относится к своим гигантам. Наследуя очень долгой традиции эрудитской гигантологии, от св. Августина до Огюстена Кальме, Вико делает из своих гигантов «лоскутные куклы, големы, собранные из множества фрагментов разного происхождения»³⁹. Например, свойственная им боязнь небесного грома и огромные размеры их тел – эти образы заимствованы из V книги Лукреция. Однако некоторые общие места гигантологии Вико оспаривает или просто опускает: так, он не принимает ни теории мистического происхождения гигантов, ни «скорее остроумной, нежели здоровой» идеи, согласно которой само имя гигантов должно пониматься только в метафорическом смысле – в значении «тираны народов». Вико ничего не говорит о знаменитом Оге Васанском, и, кажется, вовсе не задумывается о том, жили ли гиганты до потопа⁴⁰.

Вико обходит вниманием и большую часть Бошаровой аргументации, касающейся Немврода. В противоположность канскому ученому, он приписывает Немвроду гигантский рост (*gigantea statura*) и не дает нам никаких оснований думать, что ему было что-то известно о теории родства образов Вакха – Загрея – Немврода, разделявшейся Бошаром. Вышеупомянутая методологическая диспропорция, касающаяся путей анализа мифологии у Вико и Бошара, равно как и замалчивание некоторых аргументов Бошара, противоречащих ходу рассуждений Вико, могут быть объяснены по-разному. Их можно отнести на счет присущей Вико «почти беспредельной способности к искажению чужих слов»⁴¹ и перетолковыванию источников. Можно думать, что знание Священной Географии не стояло для него на первом месте, или что он вполне сознательно отбрасывал не вписывающиеся в его концепцию аргументы. Наиболее характерная лакуна, касающаяся Вавилона, – это отсутствие в соответствующих пассажах у Вико упоминаний о ветре и грома, сопровождавших разрушение Башни согласно *Chaldaica traditio*, которой следует Бошар. Возможно, Вико поступает так потому, что картина бури

³⁸ «Has foeminas a Caini posteritate fuisse necesse est, qui cum urbes fundasset, ut Sacra quoque testatur Historia, ex ejus gente foeminae nedum mundiores, sed elegantes fuisse, quoque necesse est». – *Vico G. De Constantia...* P. 63 (De Const. IX).

³⁹ *Grafton* 2001. P. 275.

⁴⁰ *Stephens* 1984.

⁴¹ *Momigliano* 1966. P. 9.

могла бы отсылать к Юпитерову откровению и, следовательно, вести к смешению этих разных рядов событий.

Первое раннее упоминание о Немвроде у Вико довольно традиционно – библейский персонаж обвиняется в «рассеянии» народов: «Божество наказало грех первого родителя, разобцив, разъяв, рассеяв человеческий род, от него происшедший. Ибо оно по столь многим родам языков у нечестивых, понесших на себе кару Немврода и рассеянных по всей земле, отделило людей друг от друга и <...> пожелало, чтобы у одних и тех же народов языки предков не были известны потомкам»⁴².

Но в позднейших сочинениях Вико Немврод – персонаж странный: во-первых, он единственный вошедший в священную историю гигант, живший непосредственно после потопа, и Вико причисляет его к «народам, называвшимся Емимы (*emim*) и Замзумимы (*zomzommim*) – «по объяснениям ученых библеистов, эти названия обозначают Гигантов (одним из них был Немрод)»⁴³. Отпрыск рода Хамова, он стяжал власть над потомками Сима; несмотря на свой гигантский рост и бунтарский темперамент, он правил народами, обладавшими познаниями в астрономии, а не звероподобными чудовищами (*bestioni*), едва способными изъясняться по-человечески, – или, во всяком случае, не только ими. В фигуре Немврода «бесчестие беззаконного мира» встречается с цивилизацией в состоянии упадка.

В «Новой науке...» есть знаменитое описание гигантов как цивилизующей силы: они основывают города и совершают раздел земель, устанавливая свою патерналистскую власть над плебеями и прочими беззащитными и слабыми. Однако Немврод правит не полудикими людьми, а халдеями, цивилизованными и к тому же весьма многочисленными («десятки тысяч людей могли родиться», согласно калькуляции Вико), – так общество, в котором царит вырожденная рефлексия, встречает свирепого культурного героя.

Халдеи с Немвродом во главе составляют интеллектуальную элиту среди ассирийцев (*chaldaei inter assyrios <...> soli legum linguam callebant*) и предоставляют в распоряжение «истории наций» остатки своей цивилизации (*frantumi dell'antichità*⁴⁴). Вмешательство Немврода становится причиной экстраординарного политико-лингвистического события: халдеи теряют присущую им ранее способность обозначать вещи их собственными именами, и язык «магических письмен», которым они владели, уступает место языку «героических письмен». Это

⁴² «Numen primi parentis peccatum puniit, ut humanum ab eo propagatum genus dissociaret, disiceret, dissiparet. Nam tot linguarum generibus in impiis, Nemrotis poenam invectis et per universum terrarum orbem diffusis gentes alias ab aliis seiunxit: et <...> in iisdem quoque nationibus maiorum linguas posteris voluit ignoratas». - *Vico G. Orationes inaugurales. Oratio VI*, http://www.intratext.com/IXT/LAT0595/_P1.HTM.

⁴³ Вико 1994. С. 129.

⁴⁴ *SV* 1725. P. 52–53.

повествование звучит странно, если сравнить его с обнаруживаемыми далее в тексте Вико словами: «героический язык, который обозначал вещи в соответствии с их природой и так подлинно, как это возможно» (*lingua heroica, quae res apposite ad rerum naturas et, quantum fieri posset, proprie significabat*). Таким образом, остается не ясно, обозначал ли героический язык вещи в подлинном смысле или нет. В «Новой науке...» эта двусмысленность получает разрешение: героические символы идентифицированы с тропами и фигурами речи – «подобиями, сравнениями, образами, метафорами и естественными описаниями»⁴⁵. Но можно доподлинно утверждать, что эти знаки использовались для разделения собственности – и это деяние Бошар приписывает Немвроду. Еще важнее, что факт использования вавилонянами героических символов означает, что из недр народа халдеев возникают новые нации, пребывающие в немоте друг в отношении друга: «...знаки в немые времена наций были вызваны великой необходимостью достоверно определить собственность; позднее такие знаки в мирные времена стали публичными знаками, и в этом – происхождение медалей; еще позднее, когда начались войны, они были приспособлены для Военных Знаков, последние обладают свойством своего первоначального назначения, так как войны ведутся по большей части между нациями разноязычными и, следовательно, как бы немыми по отношению друг к другу»⁴⁶.

Наряду с ограничительной и разделительной функциями, письменные символы постепенно приобретают и социально-экономическую функцию: «[медали –] то были первые знаки Народов, перешедшие отсюда на Военные знамена и, наконец, на Монеты, которые отмечают торговлю также и вещами благородными посредством пожалования»⁴⁷. Так новое, языческое человечество, живущее разного рода торговлей, неуклонно возрастало в Вавилонии, замещая собой синкретическую цивилизацию идолопоклонников-астрономов. Но влияние этой цивилизации распространилось также и на другие нации. И новая апория была рождена посреднической сущностью цивилизации халдеев – это двойственность начал человечности (*principia humanitatis*), характерная для соседствующих с ними народов. Где имел место первый удар грома? В последней версии «Новой науки...» Вико локализует это событие в Верхней Месопотамии, однако в ранних сочинениях он утверждает, что наидревнейший из Юпитеров происходил из Египта: «И представляется разумным в силу физических оснований допустить, что на протяжении долгого времени после потопа земля не испускала в воздух сухих испарений или огненных материй, из которых могли бы возникнуть молнии. И, чем ближе была какая-либо область расположена к экватору – как

⁴⁵ Вико 1994. С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 187-188.

⁴⁷ Там же. С. 33.

Греция или Италия, – тем раньше или, наоборот, позже в ней начинались грозы. Итак, многообразие языческих народов берет начало от множества Юпитеров, древнейшим из которых был Юпитер Аммон в Египте⁴⁸.

Но что именно приводит в движение египетскую цивилизацию – раскаты грома, открывающие египтянам Юпитера-Аммона в неистовой ярости небес, или мирная рецепция допотопной мудрости и человечности через халдеев в силу их близости? Вспомним, что, согласно содержащейся в «Новой науке» аксиоме, «каждая языческая нация начинала со своего собственного Юпитера»; тогда древние египтяне оказались между традицией *древней мудрости* (*prisca sapientia*), восходящей к халдеям, и совершенно автономным событием «вмешательства Юпитера». Этот «двойной принцип человечности» в истории египтян является нам коллизией двух силовых линий истории наций и противопоставляет ритмы упадка цивилизации периодической структуре *corsi* и *ricorsi* – прогресса и упадка, периодически воспроизводящихся в историях разных цивилизаций.

Анализ библейской гигантологии и особой истории халдейской нации у Вико позволяет различить слабо прочерченную и в итоге почти забытую линию напряжения между священной и языческой ветвями истории в викианской истории наций. Наука Вико возникает как взаимодействие палимпсестов или отсеченных от целого и не дописанных до конца обрывков дискурсов, среди которых – протестантская экзегеза и историография традиции *prisca sapientia*. Гиганты Вико – переходные фигуры (“traduces”) между двумя версиями «геометрии» (название этой дисциплины у Вико становится символом логоцентрического, дискурсивного познания мира вообще): «чистой» геометрией евреев и «чувственной» геометрией остальных наций, между двумя антропологиями и между двумя способами вмешательства Провидения в историю. В этом контексте фигура вавилонского гиганта приобретает особый статус. Прибытие воинов, великана Немврода и его свиты, состоявшей из людей и *bestioni*, превращает магические письмена, достояние интеллектуальной элиты халдеев, в геральдические знаки, которые становятся чем-то вроде знамен в ходе гражданской войны (смешения языков) и, наконец, делаются основаниями новой, чисто языческой социальности, зиждущейся на *commertium* (общение / сношения / торговля) в самом широком смысле слова. Вмешательство Немврода становится фатальным для равновесия в халдейском обществе; точнее, безудержное нечестие Немврода уничтожает равновесие между философией (астрономией) и филоло-

⁴⁸ Egli sia ragionevole per fisiche ragioni che, dopo il Diluvio lunga età la terra non avesse mandato esalazioni secche ovvero materie ignite in aria ad ingenerarsi de'fulmini; e, come le regioni furono più vicine agli ardori dell'equinoziale, quale sono la Grecia, l'Italia, così più prestamente o più tardi vi avesse il cielo tuonato. Quindi tante nazioni gentili cominciarono dalle religioni di tanti Giovi, de'quali il più antico egli fu Giove Ammone in Egitto». – *SN* 1725. P. 55.

гией, основанное на воле. Немврод, гигант, которого едва коснулась *urbanitas*, сеет семена гражданской войны в обществе, находящемся ближе к «варварству рефлексии», чем к патриархальному «состоянию семей» (которое Вико отождествляет с естественным состоянием) и вводит это гибридное общество в историю *mondo civile* – гражданского мира.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Vico Дж.* Основания Новой Науки об общей природе Наций / Пер. с итал. и комм. А.А. Губера, общ. ред. и вст. ст. М.А. Лифшиц. М.; Киев: REFL-book, ИСА, 1994 / Viko Dzh. Osnovaniya Novoi Nauki ob obshchej prirode Natsii / Per. s ital. i komm. A.A. Gubera, obshch. red. i vst. st. M.A. Lifshits. M.; Kiev: REFL-book, ISA, 1994.
- Vico G.* De Constantia Jurisprudētis (Napoli, 1721, con postille autografe, ms. XIII B 62) / a cura e con introduzione di F. Lomonaco. Napoli: Liguori Editore, 2013.
- Vico G.* Correzioni, Miglioramenti, ed Aggiunte published in Scienza nuova 1730 / P. Cristofolini, M. Sanna (eds.). Napoli: Alfredo Guida Editore, 2004.
- Vico G.* Principi di una Scienza Nuova intorno alla natura delle nazioni per la quale si ritruovano i principi di altro sistema del diritto naturale delle genti (1725). Napoli: Diogene editore, 2014.
- Blackwell C.* Thales Philosophus: The Beginning of Philosophy as a Discipline // History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / Ed. by D.R. Kelley. N.Y.: The University of Rochester Press, 1997. P. 61–82.
- Bocharti S.* Geographia Sacra, cuius Pars prior Faleg de Dispersione Gentium & terrarum divisione facta in aedificatione turris Babel; Pars Posterior Chanaan De Coloniis & Sermone Phoenicum agit... Francofurti ad Moenum: Impensis J.D. Zunneri, Typis B. Ch. Wustii, MDCLXXXI. Praefatio. S.p.
- Grafton A.* Bring out your Dead. The Past as Revelation. Cambridge: Harvard UP, 2001.
- Mazzotta G.* La nuova mappa del mondo. La filosofia poetica di Giambattista Vico. Torino: Einaudi, 1999. P. 246–266.
- Models of the History of Philosophy. Vol. II: From the Cartesian Age to Brucker / Ed. by G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht; Heidelberg; L., N.Y.: Springer, 2011.
- Momigliano A.* Vico's Scienza nuova: Roman 'Bestioni' and Roman 'Eroi' // History and Theory. 1966. Vol. 5. No. 1.
- Rossi P.* The Dark Abyss of Time: The History of the Earth and the History of Nations from Hooke to Vico. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Schmidt-Biggemann W., Stamm Th.* Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung. Berlin: Akademie Verlag, 1998.
- Shalev Z.* Sacred Words and Worlds. Geography, Religion, and Scholarship, 1550–1700. Leiden: Brill, 2012.
- Shelford A.G.* Transforming the Republic of Letters. Pierre-Daniel Huet and European Intellectual Life 1650–1720. Rochester: University of Rochester Press, 2007
- Shelford A.G.* “Thinking Geometrically in Pierre-Daniel Huet’s ‘Demonstratio evangelica’” // Journal of the History of Ideas. 2002. Vol. 63. No. 4. P. 599–617.
- Smith É.-H.* Recherches sur la vie et les principaux ouvrages de Samuel Bochart. Caen, 1833.
- Sokolov P.V.* Giambattista Vico's *discreta domanda*: between Cartesian hypothesis, biblical demonstration, and mathesis politica // Investigations on Giambattista Vico in the Third Millennium. New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia / J.V. Ivanova, F. Lomonaco (eds.). Rome: Aracne editrice, 2014. P. 67–78.
- Stephens W.E.* “De historia gigantum’: Theological Anthropology before Rabelais” // Traditio. 40 (1984). P. 43–89.
- Stroumsa G.G.* A New Science. The Discovery of Religion in the Age of Reason. Harvard: Harvard UP, 2010.

Thornton H. State of Nature or Eden? Thomas Hobbes and His Contemporaries on the Natural Condition of Human Beings. Rochester: University of Rochester Press, 2005.

Иванова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, доцент Школы исторических наук, доцент Школы филологии НИУ ВШЭ; jivanova@hse.ru

Соколов Павел Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, преподаватель Школы философии НИУ ВШЭ; psokolov@hse.ru.

The Jews and the Giants: Biblical events and versions of history

The article deals with the ways such 17th century authors as Isaac La Peyrère or Giambattista Vico envisaged the history of Jewish civilization. Focusing primarily on La Peyrère's "pre-damite" writings and the Vichian treatise *On the consistency of philology* (second part of *De constantia jurisprudentis*), we set ourselves the goal to point out the line of historical development located between two major tracks of the Vichian history of nations – that of the gentiles and that of the Jews. Our study made it possible to consider the Vico's science as resulting of an interaction of various disciplinary palimpsests and discursive splinters, cut short and not written to the end – Protestant exegesis or historiosophy of the *prisca sapientia* among them.

Keywords: Giambattista Vico, Samuel Bochart, Biblical exegesis, Baroque gigantology.

Julia Ivanova, PhD (Philology), leading researcher of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University – Higher School of Economics; jivanova@hse.ru

Pavel Sokolov, PhD (Philosophy) senior researcher of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University – Higher School of Economics; psokolov@hse.ru

О. В. ЗАИЧЕНКО

БИТВА В ТЕВТОБУРГСКОМ ЛЕСУ ОТ *CLADES VARIANA* ДО *HERMANNSSCHLACHT* КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА

В статье делается попытка рассмотреть процесс конструирования в национальном сознании немцев героического мифа о битве в Тевтобургском лесу как сакральном акте, запустившем механизм национальной истории, в связи с изменениями его интерпретаций на протяжении XVI – начала XIX в. на уровне нарратива и иконографии, что нашло свое отражение в произведениях литературы и изобразительного искусства. Германизация и политизация национальной истории в ходе становления национальной самосознания привели к возникновению различных терминологических и концептуальных редакций легендарного сражения и его героев, что, в свою очередь, отражает динамику изменения восприятия этого события в исторической памяти нации в связи с изменениями стоящих перед ней задач.

Ключевые слова: Германия, борьба с «Римом», историческая память, битва в Тевтобургском лесу, «битва Германа», Арминий/Герман, национальная идентичность

В 2009 г. в Германии торжественно отмечали юбилей легендарной битвы в Тевтобургском лесу. Две тысячи лет назад, в 9 г. н.э., восставшие германские племена во главе с князем херусков Арминием уничтожили три римских легиона, которыми командовал наместник Галлии и Германии Публий Квинтилий Вар. «Варово побоище» («clades Variana») – как назвали этот разгром римляне, и его главный герой – вождь херусков Арминий, прочно забытые на долгие века, спустя 15 столетий после битвы обрели свое почетное место в немецкой национальной истории. Возникнув из небытия в эпоху гуманизма, сражение стало восприниматься как поворотный момент в истории не только Германии, но и Европы: наступление Рима на германские земли на правом берегу Рейна было остановлено, уже завоеванная им территория между Рейном и Эльбой впоследствии оказалась утраченной, что обеспечило политическую и культурную независимость германских племен от Римской империи.

Торжества по случаю двухтысячелетия победы древних германцев над античными римлянами проходили с большим размахом. Куратором юбилейных мероприятий выступила федеральный канцлер Ангела Меркель. Сразу в трех городах – Хальтерне, Калькризе и Детмольде – открылись выставки под общим названием «Империя. Конфликт. Мифы. Двухтысячелетняя годовщина битвы в Тевтобургском лесу»¹, появилось множество публикаций, фильмов, сайтов, посвященных знаменитому

¹ См., например: 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos 2009.

сражению, от серьезных исследований до поиска уфологических следов в поражении Вара². В немецкой прессе разгорелись споры о том, какое влияние на дальнейший ход отечественной истории оказало античное сражение³. Например, еженедельник «Шпигель» опубликовал подборку статей, в которых вождь херусков Арминий был представлен противником объединенной Европы, борцом с глобализацией и политикой романизации Германии⁴. Но чаще всего, звучала точка зрения, озвученная директором Немецкого исторического музея в Берлине Гансом Отто Майером еще в 2006 г., о том, что Тевтобургская битва, «положившая конец римской экспансии на север», – это точка отсчета немецкой истории, «немецкая Троя, наш «Большой взрыв, давший начало Германии»⁵.

На протяжении двух тысяч лет легендарная битва неоднократно меняла свое название и связанные с ним исторические трактовки и политические оценки в коллективной памяти немцев. В самом начале становления мифа о битве в Тевтобургском лесу она носила латинское имя, данное ей римскими историками – “clades Variana”. В процессе развития национального самосознания немцев происходила германизация национальной истории. Вождь херусков Арминий получил немецкое имя «Герман», а выигранное им сражение надолго вошло в немецкую литературу и массовое сознание под названием “Nermannsschlacht” – «Битва Германа». После поражения Германии во Второй мировой войне национальные мифы и национальные ценности были полностью дискредитированы. Любые намеки на германскую составляющую в названии битвы были недопустимы, поэтому немцы снова вспомнили о побежденном Публии Квинтилии Варе, дав его имя Тевтобургскому сражению. Современный этап демифологизации немецкой истории теперь связан с “Varusschlacht” – «Битвой Вара».

Терминологические и концептуальные редакции одного и того же события и его героев на протяжении столетий уже сами по себе способны продемонстрировать динамику изменения восприятия этого события в исторической памяти нации в связи с изменениями стоящих перед ней задач. Нам представляется интересным проследить процесс конструирования в немецком национальном сознании мифа о битве в Тевтобургском лесу и вожде херусков Арминии, начиная с анализа первоначально латинского нарратива и его интерпретации немецкими гуманистами после «повторного открытия» сочинений античных историков в первой

² См. обзор публикаций: *Tiple* 2012.

³ *Brockmann, Althoff* 2009; *Westfälischer Streit ums Schlachtfeld...*; *Husemann* 2009.

⁴ *Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009; Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009; Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit Alexander Demandt // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30. 12.2010.*

⁵ См.: *Mayer* 2009.

половине XVI в., до канонического оформления мифа в начале XIX в., когда в ходе освободительных войн с Наполеоном героический миф о сопротивлении иноземным захватчикам достиг пика политической актуализации, превратившись в сакральный учредительный акт немецкой нации. Рассмотрев различные формы литературного и визуального воплощения мифа, попытаемся проанализировать его воздействие на формирование коллективной идентичности немцев на уровне нарратива и иконографии, которые к 1813 г. окончательно превратились в инструмент политической борьбы за национальное единство немцев.

Вряд ли сегодня кем-нибудь из гуманитариев будет поставлен под сомнение тезис о существовании тесной связи между восприятием отдельных исторических событий, определением их места в исторической памяти общества и социально-политическим контекстом их оценки в настоящем времени. «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты»⁶. Всякая новая кризисная ситуация, требующая национальной мобилизации, стимулирует обращение к прошлому опыту для его переосмысления. В такие переломные моменты исторические нарративы о «непобедимых Героях», «великих сражениях» и других «судьбоносных свершениях» приобретают огромное значение. Они вызывают образы прошлого, чтобы гарантировать успешное будущее. Они претендуют не только на то, чтобы интерпретировать историю нации, но также структурировать ее дальнейшее развитие. Они должны устранить коллективный страх общества перед неопределенностью будущего и связанными с ним случайностями и непредвиденными обстоятельствами, опровергнуть опасения, что национальная история, возможно, не имеет никакого сакрального смысла и является просто ничего не значащим эпизодом мировой истории.

Сконструированное с учетом новых социальных и политических вызовов общее мифологизированное прошлое становится наглядным подтверждением того, что все стоящие перед нацией задачи могут быть решены потому, что ей это уже удавалось прежде. Великий германский вождь Арминий вновь разобьет всех врагов в новой Тевтобургской битве, легендарный император Барбаросса вернется и возродит империю во всей ее силе и славе, неуязвимый герой Зигфрид опять совершит свои блистательные подвиги. Мифы мобилизуют нацию и создают в массовом сознании ориентацию на успех, становясь, таким образом, когнитивно-эмоциональным ресурсом современного политического манипулирования. И тот факт, что многие из этих, якобы древних сказаний о великих сражениях и победоносных героях, были сконструированы представителями интеллектуальной элиты в эпоху Возрождения и получили каноническое литературное, визуальное, обрядовое оформление только в XIX в.,

⁶ Шмидт 2005. С. 132.

как это показал Эрик Хобсбаум⁷ в своем исследовании об «изобретенных традициях», ничего не меняет. Они зафиксированы в коллективной памяти, они создают торжественную ауру и укрепляют у нации чувство единства, собственной уникальности и значимости, уверенности в себе.

В начале XIX в. Германия была «Эльдорадо политической мифологии», так как с XVI в. до достижения государственного единства в 1871 г. мифы и символы были единственными формами общественно-политического самовыражения «опоздавшей нации». «То, чего на протяжении столетий не происходило в политическом пространстве, практической деятельности, было с тем большей интенсивностью перенесено за горизонты ожидания, и нашло свое выражение в мифах»⁸.

Генезис национального самосознания – сложный, занимающий столетия процесс осознания национальной общности собственной уникальности, с присущими ей интересами, потребностями, особенностями языка, культуры и истории, отличающимися ее от других народов. Исторически процесс формирования немецкого национального самосознания был осложнен рядом факторов: вековая раздробленность на экономически не зависящие друг от друга княжества, отсутствие естественных границ и несоответствие границ немецкого языкового пространства с государственными границами, отсутствие на протяжении долгого времени единой столицы, конфессиональное разделение немецких земель на преимущественно католический юг и протестантский север. Кроме того, из-за своего географического расположения немецкий этнос все время находился в центре международно-политических процессов в Европе. Это обстоятельство обуславливало торможение соседними великими державами процесса образования немецкого государства-нации. Поэтому при отсутствии единого политического пространства на первое место вышло пространство языковое и культурное. Главными компонентами формирования немецкого национального сознания стала общность языка, истории и культуры.

В условиях политической раздробленности немецкая национальная идея также формировалась децентрализованно и в основном на уровне интеллектуальной элиты, опасавшейся культурной ассимиляции другими, более развитыми народами, прежде всего, Францией. На рубеже XV–XVI вв. в трудах немецких гуманистов начинает конструироваться коллективная память нации на основе общности происхождения. Исходным моментом стало новое открытие в 1425 г. малого произведения древнеримского историка Публия Корнелия Тацита «Германия» (полное название – «О происхождении и местах обитания германцев»), написанного около 98 г. н.э. и специально посвященного описанию жизни и быта древних германцев. Впоследствии это небольшое рукописное сочинение

⁷ Hobsbaum 1983. P. 1–14.

⁸ Münkler 2009. S. 12.

стало главным документальным обоснованием идеи о восходящей к древним германцам общей для всех немцев этнической, языковой и культурно-цивилизационной принадлежности. Помимо германского мифа в основу конструкции коллективной памяти были положены связанные с ним имперский миф и миф о превосходстве немецкого языка.

На рубеже XVIII–XIX вв. немецкие философы, пытаясь оправдать столь долгий процесс образования национального государства, стремились обосновать существование особого пути развития или исторической миссии немцев. Провозглашая исключительность своего народа, интеллектуальная элита приписывала немцам особое предназначение, включавшее миссию распространения европейской культуры и защиты свободы и христианских ценностей, как это делал просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), или же всемирно-историческую задачу нравственного совершенствования человечества, как утверждал в своих лекциях «К германской нации» (1808) Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Именно в этот период, несмотря на давнюю предысторию, идея национальной консолидации как политический и мировоззренческий феномен в германских землях приобрела четко выраженные формы.

Этому процессу во многом способствовала сложившаяся в Европе кризисная ситуация, связанная с Французской революцией и началом Наполеоновских войн. Она потребовала нового прочтения немецкой истории и стала толчком для развития национального самосознания. После революции 1789 г. французы, вечные антагонисты и противники немцев, обрели свой главный политический миф, в котором штурм Бастилии, казнь короля были представлены в виде акта революционного самоочищения нации⁹. Революционный миф легитимировал французскую экспансию в Европе, превратив Наполеона на начальном этапе войны в глазах либерально настроенных европейцев из захватчика в носителя прогресса и свободы. В этих условиях политического и психологического раскола и неопределенности немецким интеллектуалам было необходимо мобилизовать и противопоставить французам свой собственный национальный миф. Они искали его в нарративе о древних германцах и имперском средневековье, не только романтизируя прошлое, но и германизируя его. Они конструировали немецкую национальную историю, которую больше не надо было делить с французами. Благодаря усилиям философов, историков, публицистов, таких как И.Г. Фихте, Э.М. Арндт, Г. Луден, Ф.Л. Ян и другие, национальная идея начинает проникать в сознание широких слоев немецкого населения.

В результате рубеж XVIII–XIX вв. был отмечен в Германии ростом интереса к немецкой старине, поиском национальных мифов и национальных героев: от основанной на исторических событиях «Германии» Тацита до вновь обнаруженной мифической Песни о Нибелунгах, от

⁹ См., например: *Münkler* 1999.

реально существовавшего, по убеждению абсолютного большинства немцев, князя херусков Арминия/Германа до сказочного персонажа Зигфрида, победителя дракона. В первом десятилетии XIX в. романтиками «гейдельбергской школы» целенаправленно разыскиваются, публикуются и комментируются памятники средневековой немецкой литературы, впервые изучается фольклор и национальная народно-песенная традиция. Легендарным местам, мифическим нарративам и историческим событиям придается новое значение, благодаря которому они наделяются скрытыми смыслами, подтверждающими возможность и неизбежность национального возрождения.

В результате активации социальных и политических процессов в начале XIX в. в Германии складываются важнейшие элементы структуры национального мифа: нарратив и иконография, а также начинают формироваться связанные с ними сценарии торжественных ритуалов. При этом нарратив является центральной и наиболее подвижной частью мифа. Как правило, текст имеет множество вариаций и толкований, он в наибольшей степени подвержен трансформации в зависимости от конкретных политических обстоятельств. При этом, литературно обработанный текст в первую очередь воздействует на эмоции и воображение людей, определяя визуальные образы и обрядовые постановки, связанные с мифом. Живописные и скульптурные изображения, в свою очередь, демонстрируют, насколько один раз принятая иконография обнаруживает гораздо больше инерции в отношении вариативности, чем нарратив. Поэтому один и тот же художественный образ на протяжении времени в зависимости от конкретных политических обстоятельств наделяется все новыми и новыми смыслами.

***Clades Variana* – возникновение мифа**

Первоначальная информация о битве, давшей начало немецкой истории, была очень скудной. Даже сегодня, несмотря на вестующие в местечке Калькризе в последние десятилетия масштабные археологические исследования, мы не знаем не только точной даты сражения, но и места, которое не вызывало бы дискуссий в научном сообществе. За небольшим исключением, до недавнего времени практически отсутствовали бесспорные материальные подтверждения реальности этого ставшего судьбоносным для Германии события. Ученые могли ссылаться лишь на одно материальное свидетельство разгрома Вара — кенотаф центуриона XVIII легиона, обнаруженный в XVII в. в Ксантене. На нём было начертано: «Маркус Целий, сын Тита. Первый центурион XVIII легиона, 53-х лет. Он погиб в войне Вара. Его кости упокоены здесь...»¹⁰.

По причине отсутствия письменности никаких свидетельств со стороны германских племен не сохранилось. В подавляющем большинстве случаев исследователи вплоть до конца 80-х гг. XX в. оперировали лишь

¹⁰ Wamser 2000. S. 326.

данными латинских нарративных источников, основными из которых являются исторические сочинения Веллея Патеркула, Тацита и Диона Кассия. Гай Веллей Патеркул (19 г. до н. э. – 31 г. н. э.) был начальником конного отряда в войске Тиберия, современником и сослуживцем Арминия, видимо, неплохо знавшим и Вара, воевал под началом Тиберия в Германии и Паннонии. Краткому описанию битвы и предшествовавших ей событий он посвятил 117–119 главы 1-й книги своей «Римской истории»¹¹. Патеркул довольно точно оценил численность двух войск, описал расстановку сил и охарактеризовал римских офицеров, резко отозвавшись о Варе и назвав его главным виновником поражения. Автор знаменитой «Германии» Тацит (сер. 50–117 гг. н.э.) в одном из своих больших исторических трудов «Анналы», законченном им в 116 г., дал подробное описание римско-германских военных столкновений, в т.ч. обстоятельств разгрома трех легионов под командованием Публия Квинтилия Вара в 9 г. н.э. и последовавших за ним карательных походов Германика на правый берег Рейна в 14–16 гг. (Кн. I, гл. 50–71, Кн. II, гл. 5–88). Тацит не был современником событий и в своем изложении опирался на утерянный труд Плиния Старшего «Германские войны», который, в свою очередь, во многом основывался на описаниях очевидцев¹². Наиболее позднее описание Тевтобургской битвы принадлежит римскому историку греческого происхождения Диону Кассию (между 150–230 гг.), консулу и автору пространной «Римской истории» в 80-ти книгах¹³. Легендарной битве между германцами и римлянами и ее последствиям он посвятил шесть глав (Кн. LVI, гл. 18–23), оставив очень красочное и детальное изложение событий, которые за более чем двести лет обросли множеством удивительных подробностей и легенд.

Что же касается названия сражения, то у Веллея Патеркула, как современника и во многом очевидца описываемых событий, еще нет устойчивого обозначения битвы. На упомянутом надгробном камне Маркуса Целия в Ксантене выбито название «*bellum Varianum*» («Война Вара»). Но уже у Сенеки (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), а затем у Тацита, Светония (70–130 гг.) и Диона Кассия появляется устойчивое наименование «*clades Variana*» («Варово побоище»). В более пространных сочинениях античных авторов, как, например, в «Естественной истории» у Гая Плиния Старшего (23–79 гг.) «Варово побоище» – лишь эпизод, составная часть «*bella Germanica*», «германских войн», которые вел Рим¹⁴.

Время сражения античные авторы определяют как начало осени, предположительно сентябрь, 9 г. н.э. Легионы Вара были застигнуты врасплох германцами, когда шли из летних лагерей в одну из укрепленных крепостей на реке Липпе, чтобы провести там зиму. Если говорить

¹¹ См., напр.: *Немировский, Дашкова* 1996.

¹² См.: *Тронский* 1993.

¹³ См.: *Махлаюк* 2011.

¹⁴ См.: *Wolters* 2008. S. 157 ff.

о месте сражения, то все они довольно скупо описывали безымянную «унылую местность, угнетавшую своим видом», «трясины и заболоченные луга», «непроходимые дебри». Только Тацит обозначает его как «*Teutoburgiensis saltus*». Веками это выражение переводилось как «Тевтобургский лес». Рассказывая о карательном походе Германика, племянника императора Тиберия, вторгшегося спустя 5 лет после битвы во враждебные римлянам земли, населенные германскими варварами, Тацит пишет: «Затем войско... опустошило земли между реками Амизией и Лупией (между Эмсом и Липпе), неподалеку от *Teutoburgiensis saltus* (Тевтобургского леса), в котором, как говорили, все еще лежали непогребенными останки Вара и его легионов»¹⁵. Но того Тевтобургского леса, который можно найти на современных картах Германии, в античную эпоху еще не существовало. Сегодня так называют гряду болотистых низкогорий, протянувшуюся между Падерборном и Оснабрюком. Именно здесь, начиная с XVII в. энтузиасты пытались обнаружить свидетельства разгрома римских легионов Вара. Впервые имя «Тевтобургский лес» было дано этой местности в 1672 г. епископом Падерборна Фердинандом фон Фюрстенбергом, хорошо знакомым с трудами Тацита и связавшим близлежащую горную цепь с местом исторической битвы. Окончательное переименование произошло в XIX в., когда покрытый лесом горный кряж Оснинг официально превратился в Тевтобургский лес. Таким образом, лишь в XIX в. миф о «Варовом побоище» обрел географическое воплощение на карте страны, а немцы – сакральное место для поклонения национальному герою.

Анализируя содержание латинских текстов, можно заметить, что общий нарратив под названием «Варово побоище» распадается на три сюжетные линии, две из которых легли в основу будущего национального мифа: непосредственное описание самой битвы; история Арминия, его противостояния Риму и межплеменной борьбе внутри германского сообщества, и, наконец, карательный поход Германика 14–16 гг., как акт мести римлян за разгром легионов Вара.

Битва в Тевтобургском лесу

Как сообщает Веллей Патеркул, битва произошла на землях германского племени херусков, которые давно признали себя союзниками римлян, а свои территории – подчиненными римской юрисдикции. В регионе в полную мощь работала римская судебная машина – штрафы, взыскания, заложники, сборщики дани, вызывая резкое недовольство местных племен. «Их не удалось заставить забыть отчие нравы, своего природного характера, своего самостоятельного образа жизни и своей свободы, основывавшейся на силе оружия», – писал Дион Кассий¹⁶. Шел третий год правления пропретора Германии Публия Квинтилия Вара.

¹⁵ Тацит. *Анналы*. Книга I, 60. (Пер. А.И. Неусыхина). С. 81.

¹⁶ Дион Кассий. *Римская история*. Кн. LVI, 18 (пер. В.Н. Гракова). С. 153.

Римские историки, вслед за Веллеем Патеркулом обвиняли Вара в грубых ошибках, допущенных им при насаждении римских законов на правом берегу Рейна. Дион Кассий писал: «Он резко поменял политику, захотел все слишком быстро изменить, стал обращаться с германцами властно и требовать от них дани»¹⁷. Иными словами, Вар не учитывал местную специфику и менталитет, что послужило одной из причин заговора германских племен во главе с вождем херусков Арминием против римлян. Как свидетельствует Веллей Патеркул, Арминий пользовался полным доверием Вара¹⁸. С момента его назначения наместником в Германию, вождь херусков в качестве римского офицера служил начальником отряда конных вспомогательных войск. Такие отряды насчитывали от 300 до 700 легковооружённых всадников. В их задачу входила разведка, поиск дорог и снабжение легиона продовольствием. Пользуясь возможностью свободно передвигаться и рассылать повсюду конные отряды, Арминий, видимо, сумел убедить вождей соседних племён совместно выступить против римлян. Такое поведение расценивалось античными историками как предательство, ведь Арминий, будучи римским гражданином и офицером, давал присягу на верность империи¹⁹.

В начале осени 9 г. из летнего лагеря вышли три легиона и шесть когорт общей численностью (ок. 17–20 тыс. воинов) во главе с Публием Квинтилием Варом. За ними следовал большой обоз и римская администрация, которую так невзлюбили германцы. Целью похода был постоянный зимний лагерь где-то в районе реки Липпе, но по совету Арминия армия свернула с военной дороги и пошла обходным путем, который привел ее прямо в западную среди лесов и болот. Как писал Тацит: «В правильном бою и в обыкновенных условиях местности германцы всегда терпели поражение, зато им благоприятствуют леса и болота, где римские солдаты страдают не столько от ран, сколько от длинных переходов и потери оружия»²⁰. Арминий применил тактику партизанской войны, заранее перекрыв мощными валами и без того узкую дорогу, проходившую через гористую болотистую местность, покрытую лесами. Дион Кассий так описывал «Варово побоище»: «Римляне, еще до того, как на них напали враги, были измучены трудом, так как им приходилось рубить деревья, строить дороги и мосты. За ними шел обоз, много волов, и они несли много груза на себе... При этом начался сильный дождь, поднялся ветер и еще больше разделил колонну. ...Вдруг их отовсюду окружили варвары и сначала поражали копьями издалека, а потом, так как никто из римлян не защищался и многие были ранены, они двинулись на них врукопашную. Так как римляне

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ *Веллей Патеркул*. Римская история. Книга I, 118 (пер. А.И. Неусыхина). С. 41.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Тацит*. *Анналы*. Книга II, 5. (С. 86).

шли не в строю, а попеременно с возами и безоружными людьми, они ничего не могли предпринять против непрерывно нападающих на них врагов»²¹. Избиение длилось три дня. На четвертый день римское войско окончательно распалось: кто-то бежал лесом, где становился легкой добычей противника, кто-то – назад по дороге, кто-то сдавался в плен, а Квинтилий Вар и часть его свиты, предпочтя смерть позору, покончили с собой, бросившись по римскому обычаю на мечи. «Нельзя представить себе ничего более жестокого и кровожадного, чем эта битва среди болот и лесов, ничего более нестерпимого, чем издевательства варваров, особенно над римскими адвокатами. Это поражение привело к тому, что римское господство, которое не хотело остановиться на берегах Океана, принуждено было найти себе предел на берегу Рейна»²², – так заканчивает римский историк Луций Анней Флор спустя почти 130 лет после сражения описание «Варова побоища», горечь от которого не иссякла в сознании римских граждан и через несколько поколений.

Действительно, в Тевтобургской битве римская армия потеряла около 10% своего постоянного состава. XVII, XVIII, XIX легионы были уничтожены полностью, три аквилы, золотые орлы легионов, заменявшие им знамена и почитаемые как самая дорогая святыня, были захвачены германцами. Потеря орлов стала для римской армии страшным бесчестием. Разгром армии Вара настолько потряс императора Августа, что он, по словам его биографа Светония, несколько месяцев не мог прийти в себя: он облачился в траур, перестал принимать пищу, бился головой о стены и кричал: «*Quinctili Vare, legiones redde!*» (Квинтилий Вар, верни легионы!)²³.

Арминий, вождь херусков

Несмотря на важность последствий разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу, сюжетная линия, связанная с вождем херусков Арминием, занимает не меньше, а может быть даже и больше места в нарративе о “*clades Variana*”. Будущий победитель Вара в течение долгого времени был верным слугой римлян. Он был старшим сыном Зигимера (*Sigimer*), правителя одного из сильнейших германских народов — херусков, который в 4 г. н.э. заключил мир с римлянами и отправил своих сыновей Арминия и Флавия в Италию, возможно, в качестве заложников. Мальчики воспитывались как римские граждане, получив хорошее военное образование. Арминий, в частности, во главе отряда конной разведки участвовал в походе Тиберия в Паннонию. В 7 г. н.э. он унаследовал титул отца, став вождем племени херусков. К 25 годам за проявленную храбрость Арминий был объявлен гражданином Римской им-

²¹ Дион Кассий. Римская история. С. 155.

²² Флор. Из истории римского народа. Книга II, 30 (пер. А.И. Неусыхина). С. 137.

²³ Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей. Книга II. Божественный Август (пер. М.Л. Гаспарова). С. 23.

перии и получил почетный статус всадника. Веллей Патеркул, который одно время служил вместе с этим юношей, вспоминает его как офицера усердного, физически сильного, как бык. Несмотря на предательство, римский историк дает херуску более чем лестную характеристику: «Он отличался личной храбростью, живостью ума и сообразительностью в большей степени, чем это свойственно варварам. В его лице и взгляде светился огонь его духа»²⁴.

Важным моментом сюжетной линии Арминия является история его женитьбы. После возвращения в составе римских войск в Германию, Арминий похитил Туснельду (Thusnelda), дочь одного из знатнейших и влиятельнейших херусков Сегеста (Segestes), предназначенную в жены князю германского племени хаттов Адгандестрию (Adgandestrius), и женился на ней вопреки воле отца. Поступив подобным образом, Арминий не только бросил вызов обществу, в котором жил, но и нажил себе влиятельных врагов среди соплеменников. Веллей Патеркул пишет, что Сегест, «верный нам человек и знатный член того же племени», предупредил Вара о готовящемся Арминием заговоре, но Вар, зная о взаимной ненависти между тестем и зятем, не поверил ему²⁵. И это было не единственное преступление Сегеста в глазах будущих немецких читателей античных хроник. Тацит, описывая карательный поход римского полководца Германика против Арминия спустя пять лет после разгрома армии Вара, ссылаясь на очевидцев, рассказывал, как Сегест сам призвал римлян, чтобы вероломно выдать им свою беременную дочь Туснельду, жену Арминия. Впоследствии она была угнана римлянами в рабство и в Равенне родила мальчика Тумелика (Tumelikus). Дальнейшая судьба матери и ребенка, по словам Тацита, была трагична. Во всяком случае, Арминий никогда больше не увидел ни любимую жену, ни сына²⁶.

Почему вождь херусков решил изменить Риму, несмотря на клятву в верности, доверие влиятельных лиц и блестящие карьерные перспективы, — остается неизвестным. Как бы то ни было, большинство родных Арминия остались верны империи даже после его восстания, а родство с мятежником не повредило им в глазах римлян. Брат Арминия, Флавий, на службе «сената и народа Рима» в одном из сражений лишился глаза, за храбрость был награжден золотой цепью, воевал против брата во время карательного похода Германика, вышел в почетную отставку и получил землю для поселения близ Вероны. Тесть, Сегест, служил главным жрецом при алтаре Божественного Августа в колонии Агриппине (Кельне). Италик (Italicus), сын Флавия и племянник Арминия, вырос в Вечном городе и спустя много лет с подачи императора Клавдия боролся за

²⁴ Веллей Патеркул. Книга I, 118. (С. 41).

²⁵ Там же.

²⁶ Тацит. Анналы. Книга I, 58. (С. 80).

верховную власть над херусками. Сам же Арминий после своего триумфа провел еще 12 лет в боях с Германиком и во внутригерманских усобицах, сражаясь против вождя свевов Маробода (Marobodus), и погиб в 21 г. от рук соплеменников. Во второй книге «Анналов» Тацит оставил любопытное свидетельство о том, как разбирая архив Сената того времени, он нашёл отчёт о заседании, посвящённом письму князя германского племени хаттов, Адгандестрия (неудавшегося жениха Туснельды) с просьбой прислать яду для уничтожения врага римлян Арминия. Сенат ответил, что римляне предпочитают действовать против своих врагов в открытом бою, а ядовитых растений хватает и в лесах Германии²⁷.

Такова общая канва событий, связанных с Арминием, изложенная римскими историками в контексте нарратива о «побоище Вара». Полторы тысячи лет спустя она была использована немецкой интеллектуальной элитой для конструирования мифа о национальном герое, «первом немце» Арминии / Германе. Как обычно, при формировании мифа античный текст подвергся максимальному упрощению и схематизации, распавшись на несколько тем: подвиг Героя и борьба за свободу (борьба с Римом, битва в Тевтобургском лесу), борьба Героя за единство германских племен (противостояние Арминия и Маробода), трагическая любовь Героя (Арминий и Туснельда), гибель Героя, предательство ближайшего окружения и смертельный «удар в спину» (Сегест, Флавий и Адгандестрий). Во вновь созданном нарративе была значительно упрощена психологическая неоднозначность персонажей и сложность их характеров. Амбивалентность оценок Арминия, его окружения и германцев в целом, содержащаяся в античных текстах, сглаживалась тем, что характеристики героев утрачивали индивидуальность, окрашиваясь в черно-белые цвета: если германцы, то победители, если герой, то «без страха и упрека», если предатель, то без каких-либо смягчающих обстоятельств. Таким образом, возникающий национальный миф предлагал нации идентичность и требовал идентификации, причем соответствующей политической конъюнктуре конкретного момента. В разные периоды в зависимости от политических обстоятельств на первый план выходила та или иная сюжетная линия мифа об Арминии. Кроме того, несколько раз менялись акценты внутри общего нарратива о «Варовом побоище». То Арминий являлся частью повествования о разгроме римлян, то сама битва превращалась в фон для описания подвигов национального героя. Но независимо от политической конъюнктуры ключевым для восприятия Арминия многими поколениями немцев стало свидетельство, оставленное все тем же Тацитом, которое кочевало из одного сочинения в другое, став самой популярной цитатой вплоть до сегодняшнего дня: «Арминий был, несомненно, освободителем Герма-

²⁷ Тацит. *Анналы*. Книга II, 63. (С. 95).

нии и боролся с римским народом не в начале развития римского могущества, как прочие короли и вожди, а в эпоху наибольшего процветания Римской империи. Он всегда одерживал решительные победы в отдельных сражениях и во всей войне в целом остался непобежденным»²⁸.

Реванш Рима, поход Германика

На этой пафосной оценке непобедимого Арминия, перед мощью которого отступила самая могущественная империя мира, очень хотелось бы поставить точку, что и сделали немецкие интеллектуалы XVI в., давая первые интерпретации античных хроник. Но это еще не конец истории. Тевтобургская битва положила начало кровопролитной римско-германской войне, которая продлилась еще семь лет. Несмотря на сокрушительное поражение, империя приступила к подготовке широкомасштабных военных действий. Август отдал приказ увеличить рейнскую армию с 5-ти до 8-ми легионов. Весь 10-й год прошел в приготовлениях к новому походу. Веллей Патеркул писал, что необходимо истребить германцев, этот «народ прирожденных лжецов и предателей». О трех последующих годах римские источники сохранили очень скудные сведения, но с 14 года рассказы становятся подробными. После Вара во главе 50-тысячной рейнской армии был поставлен 29-летний полководец Германик, не забывший ни о реванше, ни о трех захваченных орлах. За три года он совершил несколько походов на правый берег Рейна, пройдя огнем и мечом по землям германцев, оставляя после себя пепелище. Арминий был несколько раз разбит Германиком, в т.ч. в битвах при Идиставизо и на Ангриварском валу, когда вождю херусков чудом удалось спастись. Германик вернул двух из трех потерянных орлов легионов Вара. Третьего орла возвратил Публий Секунд в 40 г., через 30 лет после битвы.

В 14 г. Германик вернулся на место Тевтобургской битвы. Так это описывает Тацит: «Римляне прибыли на печальное место, которое являло ужасное зрелище и было страшно воспоминаниями... посреди поля белели скелеты, где одинокие, где наваленные горами, смотря по тому, бежали ли воины или оказывали сопротивление. ...Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвождённые к древесным стволам. В ближайших лесах обнаружили жертвенники... Присутствовавшее здесь войско на шестой год после поражения Вара предало погребению останки трёх легионов...»²⁹. Отмщение состоялось. В конце 16 г. обессиленная непрерывными боями рейнская армия Германика потянулась на юг. Новый император Тиберий, сменивший Августа, приказал прекратить военные действия. Сенат провозгласил Германика покорителем Севера и отправил его воевать на Восток, где он умер в Сирии через два года при невыясненных обстоятельствах.

²⁸ Тацит. *Анналы*. Книга II, 88. (С. 95).

²⁹ Тацит. *Анналы*. Книга I, 60. (С. 81).

Несмотря на то, что рассказ о походе Германика занимает довольно значительное место в римских хрониках, он был полностью исключен из создаваемого на основе античных сочинений национального мифа о битве в Тевтобургском лесу. А само сражение став более коротким, окончательным и триумфальным, было украшено сценами сказочного поединка Арминия и Вара, стилистически напоминавшего библейский поединок Давида и Голиафа. Но зато в новый нарратив о битве был включен рассказ Диона Кассия о чудесных предзнаменованиях, которые наблюдались сразу же после победы германцев. Так, по его словам, «обрушились три горные вершины в Альпах, и из них хлынуло пламя. В храме бога войны Марса, откуда появился основатель Рима, в его статую ударила молния. В ночном небе несколько раз наблюдали огненное зарево. В небе появилось сразу несколько комет. Огненно-красные метеоры, появившиеся в небе с севера, падали на поля. Говорили также о том, что стоявшая на границе статуя Победы, указывавшая направление на Германию, развернулась кругом и теперь указывает на Италию»³⁰. Эти и другие знамения, по преданию появившиеся после разгрома легионов Вара, как считалось, говорили о том, что боги разгневались и навсегда отвернулись от развратного Рима.

Как и поражение при Каррах, остановившее римскую экспансию на востоке по линии реки Евфрат, разгром войск Вара сыграл роковую роль в римской истории. Продвижение Рима вглубь Центральной Европы было навсегда остановлено. Никогда больше римляне всерьез не пытались подчинить себе германские племена между Рейном и Эльбой.

***Hermannschlacht* – конструирование национального мифа**

Благодаря описанию «Варова побоища», оставленному римскими хронистами, в Германии с XIX века господствует мнение, что немецкая история началась с битвы в Тевтобургском лесу, а ее победитель, князь херусков Арминий, был объявлен первым немцем, подлинный факт существования которого подтвержден источниками. Это представление определило воображаемое «историческое пространство» немцев. Арминий открыл ряд изваяний великих немецких героев в «Зале Славы» Валгаллы, а скульптор Отто Гайер (1843–1914) начал с фигуры Арминия созданную им в 1875 г. для украшения парадной лестницы Берлинской национальной галереи монументальную композицию, посвященную великим деятелям двухтысячелетней германской истории³¹.

Однако, несмотря на то, что героический нарратив о битве в Тевтобургском лесу является частью исторических хроник Римской империи и полностью основан на латинских источниках, он не имеет ничего общего с античной эпохой. Рукописи римских историков в Европе дол-

³⁰ Дион Кассий. Книга LVI, 23. (С. 157).

³¹ См.: Wullen 2002, 72 S.

гое время считались утраченными, попав в библиотеки католических монастырей, а описанные в них события были на полторы тысячи лет преданы забвению. Формирование мифа началось лишь в эпоху гуманизма, Раннее новое время, с момента повторного открытия “*clades Variana*” гуманистами XVI в. для немецкой и европейской истории. Этот миф тесно связан с обнаруженной в 1425 г. в библиотеке Герсфельдского аббатства рукописью Тацита «Германия», положившей начало созданию основополагающего мифа о германцах, как общих для всех немцев предках. Благодаря Тациту немцы получили свою историю происхождения, а немецкие гуманисты получили полное право утверждать, что их предки являлись исконными поселенцами германских территорий, всегда были свободны, храбры и отличались высокими нравственными качествами, которые унаследовали современные немцы³². Началось конструирование национальной истории, которая нуждалась в новых символах, героях и знаковых событиях. Поэтому огромное значение для немецких гуманистов имело также обнаружение в 1509 г. манускрипта с «Анналами» Тацита, а в 1515 г. – «Римской истории» Веллея Патеркула с описанием битвы в Тевтобургском лесу и борьбы Арминия с римлянами. Нарождающаяся нация получила своего Героя и ключевое событие, запустившее механизм немецкой истории. В скором времени Тевтобургская битва и Арминий превратились в национальные символы германо-немецкой освободительной войны, противостояния с Римом в борьбе за национальную идентичность.

И еще один важный момент. Германский миф об общем происхождении немцев давал ответ на вопрос: кто такие немцы (кто «Мы»?), утверждая, что прекрасное прошлое может быть залогом не менее прекрасного будущего. Миф о герое Арминия и связанной с ним битве отвечал на вопрос: кто «Они»? Опираясь на представления «Свой – Чужой», «Мы – Они», с помощью мифа о битве в Тевтобургском лесу немецкая интеллектуальная элита пыталась сформировать собственную идентичность путем противопоставления образу героя образу врага, причем врага не только внешнего, но и внутреннего. Внешним врагом объявлялся условный «Рим», внутренним – все те немцы, кто готов его поддерживать. Впрочем, вопрос о том, что следовало понимать под Римом, всегда оставался открытым, меняясь в зависимости от политических реалий. На протяжении пятисот лет «Рим» возникал в гневной риторике политиков и публицистов то в итальянском (как папская курия), то – в испанском, то – во французском обличье. Решающим моментом было то, кто именно в глазах немцев претендовал на наследие Римской империи. Исходя из этого формировалась политическая направленность мифа о вожде херусков и великом сражении в Тевтобургском лесу.

³² См.: Заиченко 2016.

Германизация латинского нарратива – метаморфозы образа Арминия

XVI век, когда в Италии были опубликованы вновь найденные рукописи Тацита и Веллея Патеркула о “*clades Variana*”, был веком противостояния немецкого протестантизма и римского католицизма. Так как средневековая Германская империя воспринимала себя как продолжение античной Римской империи, то впервые последовательная антиримская позиция была разработана именно с началом Реформации. Национальный героический миф об Арминии и битве в Тевтобургском лесу начинает формироваться именно в среде сторонников Реформации, многие из которых в поисках политической аргументации стали обращаться не столько к великому прошлому Древнего Рима, сколько к историческому наследию древних германцев. Главную роль здесь сыграл немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен (1488–1523), «основатель культа Арминия», автор ставшего знаменитым небольшого сочинения «Арминий или Диалог, в коем любимейший сын отечества возносит отечеству хвалу», которое было написано около 1520 г., но увидело свет уже после смерти автора, в 1529 г., благодаря издательским усилиям Эобана Гессе³³.

Гуттен познакомился с описанием Тевтобургской битвы во время своего второго пребывания в Италии в 1515–1517 гг. Вероятно в Риме им были сделаны подробные выписки из первой и второй книг «Анналов», которые позже были использованы при составлении диалога об Арминии, а также в «Послании курфюрсту Фридриху Саксонскому»³⁴. Но уже при написании своего самого яркого антиримского диалога «Вадиск, или римская троица» (1519) Гуттен демонстрирует хорошее знание античного первоисточника. Он рисует современное противостояние Германии и папского престола, явно апеллируя к описанию злоупотреблений римского наместника Публия Квинтилия Вара на землях древних германцев, данное Тацитом. Для Гуттена римское владычество продолжается, выродившись в притязания римско-католической церкви. Нынешние наместники католического Рима продолжают так же грабить германские земли непосильными податями, «как будто бы они подчинили нас силой оружия и взимают с нас дань», и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела германских государств³⁵. Но терпение немцев, как и у их храбрых предков, кажется, иссякло, и они опять готовы взяться за оружие. Отвечая на вопрос своего собеседника: как долго еще ждать немецкого восстания против Рима, Гуттен отвечает: «Недолго, ...ведь повсюду немцы объединяются, чтобы вернуть себе свободу»³⁶. «Вадиск» Гуттена, содержательно и стилистически перекликаясь с первой книгой «Анналов» Тацита, рисует современную ситуацию как пролог перед грядущей

³³ См.: *Roloff* 1995. S. 11–238.

³⁴ *Roloff* 1995. S. 22 ff.

³⁵ *Гуттен*. Вадиск или римская троица. С. 61 – 126. С. 64.

³⁶ Там же. С. 65.

новой битвой в Тевтобургском лесу за германскую свободу, когда «усилия всех честных людей в Германии должны быть направлены на уничтожение римской заразы»³⁷. И в этой связи перед Гуттенем встает главный вопрос: кто тот новый Арминий, который объединит немцев и возглавит борьбу против Рима. Сначала он увидел прообраз легендарного вождя в юном императоре Карле V, носителе «благородной германской крови», «достойном нашего великого народа, нашей империи, равно как и его предков, его высокого происхождения»³⁸. Но после того как Карл выступил против Реформации на стороне папского престола, Гуттен начал искать нового кандидата на роль вождя.

Через год он пишет свое знаменитое «Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому», которое начинается словами: «Теперь я окончательно убедился, Фридрих, государь мой, что мы должны восстать против неистовства римской тирании»³⁹. Фридрих II Мудрый, курфюрст Саксонии (1463–1525), правитель влиятельный и просвещенный, был самым могущественным защитником и покровителем Мартина Лютера, предоставившим ему убежище в Вартбурге после его осуждения на Вормском сейме. Его антиримская позиция была вполне очевидна, поэтому именно во Фридрихе Саксонском, разочаровавшись в императоре Карле, Гуттен увидел нового Арминия. Он убеждал курфюрста, что падение Рима уже близко: «Нет, я не обманываюсь, близится час – падет римская курия, сосуд всяческой скверны... Но кто же явится мстителем и спасителем, кто выпрямит все искривленное и поднимет упавшее?... Где же вы, государи?... И прежде всего – ты, Фридрих: ведь тебе, словно по наследству, принадлежит право и обязанность оберегать германскую свободу»⁴⁰. Далее Гуттен проводит прямую связь между саксонцами и херусками, объявляя Фридриха потомком Арминия: «В вас, саксонцах, я вижу тех, кто некогда назывались херусками и кауками и во время войны с Римом явили образец величайшего мужества. Они дали Германии Арминия – самого замечательного и самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества, а завоевателей, измученных и обессиленных страшными поражениями, неустанно терзил и, наконец, изгнал совсем»⁴¹. Далее Гуттен пишет, что саксонцы, как и их предки херуски, никогда не были «под пятой чужеземцев», а потому они должны смыть с Германии «позорное пятно рабства» и «вернуть свободу всей нации», вновь покрыв себя вечной славой.

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ Гуттен. Вадиск ... С. 69.

³⁹ Гуттен. Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому. С. 305.

⁴⁰ Там же. С. 308.

⁴¹ Там же. С. 310.

Таким образом, в центр политических исканий Гуттена попадает Арминий, вождь, которого так не хватает современной Германии. Без него невозможно «вернуть свободу» и победить в новой Тевтобургской битве. Поэтому, используя сочинение Тацита, он начинает создавать миф о национальном герое, о вожде, который уже один раз изгнал римлян с германских земель. И он задается вопросом: «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы порабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как сам он не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ всего мира?! Разве не стыдно ему за свое потомство?»⁴². Для ответа на этот вопрос Гуттен пишет в подражание «Разговорам в царстве мертвых» древнегреческого поэта Лукиана свое произведение «Арминий или Диалог...». По сюжету «Диалога» полководцы древности – Александр Македонский, Ганнибал и Сципион Африканский обсуждают в царстве мертвых: кто из них является величайшим героем. Однако главной фигурой диалога, вытеснившей всех прочих победителей, стал Арминий. Его рассказ о борьбе с Римом, приобрел вполне прозрачную аналогию с полемическим противопоставлением Рима и Германии, в условиях крайнего обострения конфликта в 1517–1520 гг.: «В короткий срок мне удалось прогнать римлян из Германии и по сей день они больше ничего не могут сделать. Я осуществил объединение Германии и, наконец, начал наслаждаться достигнутой свободой. Моя единственная цель, определявшая все мои поступки, – вернуть отечеству насильно отнятую свободу»⁴³. Борьба Арминия за освобождение германцев оказалась явно предпочтительнее борьбы за господство над другими народами, которую вели Александр Македонский и Ганнибал, что и заставило богов признать вождя херусков первым среди величайших полководцев мира. Вложив в уста Арминия гуманистический манифест сторонников Реформации и ненавистников Рима, Гуттен заложил основы будущего героического образа: немецкого борца за свободу, в том числе и религиозную, и единство нации. При этом он по-новому структурировал текст Тацита, разбив латинский нарратив на три составляющие: борьба Арминия за свободу и единство Германии, любовь к Гуснельде, ставшей символом добродетелей германских женщин, и тема предательства со стороны соплеменников – Сегеста, Флавия и Адгандестрия. Впоследствии именно эти сюжеты и персонажи, как положительные, так и отрицательные, станут основой для многочисленных литературных обработок сказания об Арминии и Тевтобургской битве.

Следует также обратить внимание на то, что формирующийся миф нес в себе потенциальную опасность для императорской власти, что стало очевидным, когда место условных «римлян» ненадолго заняли

⁴² Там же.

⁴³ *Gutten. Arminius. S. 197.*

испанцы. Как мы помним, Гуттен сначала приветствовал юного императора Карла V Габсбурга как нового Арминия, способного противостоять напору католического Рима. Но с тех пор, как Карл V недвусмысленно стал на сторону папы и бросил огромные ресурсы своего испанского наследия на борьбу против Реформации, Испания также заняла место в антиримской риторике. Пытаясь восстановить религиозное единство своей империи, Карл активно вмешивался во внутренние дела германских правителей. Он лично председательствовал на Вормском рейхстаге 1521 года, осудившем учение Лютера. Когда противостояние католиков и лютеран в Германии вылилось в Шмалькальденскую войну 1546–1548 гг., Карл V направил в Германию испанские войска, состоящие из ревностных католиков. Выступая против них, Лютер заявлял в одной из своих застольных бесед: «Испанская надменность, дерзость и тирания не означают для нас ничего хорошего. Испанцы терзали и мучили итальянцев и молили Господа, чтобы попасть в Германию, чтобы изгнать немецких князей из своих королевств, чтобы только они властвовали и управляли в Германии, душа ее налогами»⁴⁴. На смену «римской лжи и коварству» приходит понятие «романской хитрости и коварства», например, когда Лютер говорит о брате Карла Фердинанде, что он использует немцев в войне против турок, чтобы укрепить испанскую власть и сделать испанцев господами Германии⁴⁵. Стереотипы, разработанные для характеристики римлян, теперь стали использоваться в отношении испанцев. Причем переход императора Карла на сторону папы Римского и его противостояние группе немецких князей, ставших последователями и покровителями Лютера, придал реформационному процессу также и антиимперские черты. Это же можно сказать и в отношении стремительно развивающегося культа Арминия, ставшего частью протестантской идеологии и культуры. Поскольку не только Карл V, но и все последующие германские императоры видели себя продолжателями властных традиций Римской империи и носили соответствующий титул, то миф о борьбе древних германцев с римлянами приобретал потенциально разрушительный характер, так как с его помощью мог быть оправдан любой бунт против императора и империи.

За короткое время образ Арминия стал очень популярным. В последующих сочинениях он уже провозглашается символом свободы и победы немцев над засильем римских пап, как, например, в «Баварской хронике» (1533) историка-гуманиста Иоганна Авентина (Иоган Георг Турмайр, 1477–1534). Или как в небольшой книжке коротких стихов баснописца и драматурга Буркхарда Вальдиса (1490–1566) «Происхождение и обычаи двенадцати первых королей и князей немецкой нации» (1543), которая зачислила Арминия в ряды мифических немецких коро-

⁴⁴ *Luther. Tischreden. Bd. 5, S. 595 (N 6308).*

⁴⁵ *Ibid. S. 595 (N 6310).*

лей и родоначальников правящих династий. Дальнейшая востребованность мифа об Арминии и Тевтобургской битве требовала не только его содержательной, но и стилистической германизации. Имя «Арминий» мало подходило для немецкого героя, потому что имело не германское, а римское происхождение. Возможным германским именем, передававшим то же самое значение «воин», «боец», что и латинское *Arminius*, стала форма Герман (*Hermann*). Онемечивание Арминия и превращение его в Германа происходит в период Реформации. В печатном виде имя «Герман» вместо «Арминия» впервые появляется у Мартина Лютера в его «Застольных беседах» в 1530 г. при истолковании 82-ого псалма. По всей вероятности, Лютер не был первопроходцем в процессе отождествления Арминия с Германом, скорее всего он позаимствовал немецкий вариант имени вождя херусков из какого-нибудь неизвестного сочинения. Например, незадолго до этого Авентин в своей «Баварской хронике», описывая «*clades Variana*», называет Арминия Эрманном («*Ehren-Mahner*»)⁴⁶. Это онемечивание в сочетании с развивающимся национальным самосознанием привело к тому, что к началу XIX в. в литературе, публицистике, изобразительном и музыкальном искусстве немецкий *Герман* практически вытеснил латинское имя «Арминий». Так же и «*clades Variana*» со временем утратило свое латинское звучание, сначала превратившись просто в «битву в Тевтобургском лесу», а с XIX в., в связи с развитием культа «победоносного немецкого героя» – в «битву Германа»? и уже в таком виде вошло в современную память немцев.

С развитием нарратива об Арминии /Германе с XVI в. начинает формироваться его иконография⁴⁷, в основном в виде иллюстраций к многочисленным сочинениям о вожде херусков, т.е. текст с самого начала полностью определял визуальное воплощение образа. Одно из самых ранних изображений Арминия как немецкого Героя – иллюстрация Тобиаса Штиммера (1539–1584) к сочинению Буркхарда Вальдиса «Изречение похвалы древним германцам» (1543). Следуя описанию Тацита, Штиммер изображает Арминия воинственным германцем в момент триумфа после окончания Тевтобургской битвы в римском шлеме и развивающемся коротком плаще, с обнаженным мечом в правой руке и отсеченной головой Вара – в левой. В тексте к иллюстрации сообщается: «Арминий, именуемый Германом / молодой герой, смелый воин, / здоровый и крепкий телом и духом, урожденный князь Гарца и Саксонии»⁴⁸. Пожалуй, это единственное изображение Героя с узнаваемыми чертами германского происхождения вождя херусков. В этот же год было опубликовано другое сочинения Бурхарда Вальдиса «Происхождение и обычаи двенадцати первых королей и князей немецкой нации» с иллюстра-

⁴⁶ *Wiegels* 2000. S. 29.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ *Ibid.* S. 32.

циями Ганса Брозамера (1495–1552). На одной из них Арминий / Герман представлен уже не как древний германец, а в виде свободного имперского рыцаря, одетого по придворной моде середины XVI в., который только что обезглавил римского полководца. Штиммер и Брозамер, как и многие их современники в своих изображениях Арминия игнорируют свидетельство Тацита о самоубийстве Вара, и продолжают изображать вождя херусков с отрубленной в честном поединке головой Вара, почти полностью копируя иконографию другого мифологического персонажа – Давида с головой Голиафа. По всей видимости, аналогия с ветхозаветным Давидом, победившим в бою Голиафа, объединившим разрозненные еврейские племена в единый народ и превративший царство Израиля в могущественное государство, помогла встроить образ Арминия в культурное пространство христианской Европы. Очень важным для последующей иконографии Тевтобургской битвы и ее Героя представляется также полотно «Арминий-вождь», написанное известным голландским художником Симоном Фризиусом (де Фриз, 1575–1629) в 1616 г.: это не статичный портрет Арминия, а батальная сцена. Фризиус, одним из первых, изобразил битву в Тевтобургском лесу, причем не ее триумфальное окончание, а самое начало. Мы видим вождя херусков с поднятым мечом в момент атаки германцами трех римских легионов. Кроме того, это, пожалуй, первое изображение Арминия, на котором германский вождь представлен в виде современного полководца, в рыцарских доспехах и знаменитом крылатом шлеме, напоминающим крылатый шлем Гермеса, который впоследствии, несмотря на свое средневековое происхождение, станет неотделимым атрибутом образа Арминия⁴⁹. Очевидно, что в начальный период становления мифа в иконографии закрепляется образ Арминия – не дикого бунтаря, а немецкого имперского рыцаря, соответствующего общеевропейским канонам изображения Героя. Даже орлиные крылья на его шлеме отсылают к имперской символике, принятой еще в IX в. Карлом Великим.

К середине XVII в. Арминий / Герман твердо обосновался в составе немецких героев и во многих сочинениях представал как символ борьбы и гарант немецкой свободы. Тридцатилетняя война и осмысление германского мифа немецкими литераторами способствовали росту интереса к Арминию и к истории противостояния древних германцев римской экспансии. Как и сто лет назад, борьба с чужеземными поработителями остается главной темой исторического нарратива, только меняется внешний враг: папа, итальянцы и испанцы уступают место французам.

Однако до конца XVIII в. вождь херусков, как и многие другие легендарные персонажи античной истории, оставался интернациональным героем, будучи частью европейской художественной культуры. По иронии судьбы в наступившую эпоху барокко не немцы, а именно итальян-

⁴⁹ См.: Kaufmann 1993. S. 58.

цы и французы стали первыми, кто с наибольшим успехом использовал сюжет об Армии, породив, своего рода, европейскую моду на древних германцев и их вождя. Итальянская опера и французская драма господствовали на сценах Европы. Опера Доминико Скарлатти (1685–1757) «*Arminio*» (1703) долгое время служила примером для подражания многим немецким авторам. Даже великий Георг Фридрих Гендель (1685–1759) для своей одноименной оперы «*Arminio*» (1737) использовал либретто Джакомо Антонио Сальви (1664–1724), написанное для Скарлатти. Немецкие авторы, как, например, Генрих Франц Бибер фон Биберн (1644–1704), для своих опер также традиционно брали итальянские либретто: его опера «*Arminio*» (1692) была написана на либретто Франческо Мария Рафаэллини. Переписанный в стиле итальянской оперы сюжет почти полностью лишался какого-либо политического и национального содержания, превращаясь в затейливую череду любовных перипетий, в которой различные пары группировались вокруг Арминия и Туснельды.

Французская драма задавала тон в барочной литературе XVII–XVIII вв., превратив героическое сказание о вожде херусков в дворянскую трагедию о любви, ревности и предательстве. Достаточно вспомнить написанную в 1642 г. и ставшую очень популярной пьесу поэта и драматурга Жоржа де Сюдери (1601–1667) «*Арминий или враждующие братья*», или трагедию Жана-Гальбера де Кампистрона (1656–1723) «*Арминий*», поставленную на французской сцене в 1685 г.

В этом плане Даниэль Каспер фон Лоэнштейн (1635–1683), драматург и поэт немецкого барокко, которому принадлежит одна из самых монументальных литературных обработок героического сюжета об Армии в рассматриваемый период, был не более, чем подражателем. Полное название его исторического романа «*Арминий и Туснельда*», опубликованного уже посмертно в 1689/90 гг., звучало чрезвычайно выпендренно: «*Великодушный полководец, Арминий или Герман: смелый покровитель немецкой свободы, вместе с ее Светлостью Туснельдой, в глубокомысленной героической истории о государстве, любви и подвиге, представлен отечеству – с любовью, немецкому дворянству – с назиданием*»⁵⁰. Из названия романа становится ясно, что акценты перенесены на сюжетную линию любви Арминия и Туснельды.

В немецкой барочной литературе восприятие героического меняется: на место кровопролитных битв выходят любовные баталии, а героев и воинов заменяют благородные властители, которые демонстрируют бескрайнее великодушие и бескорыстную доброту. Так, например, у Лоэнштейна под масками херусков скрыты члены и ближайшее окружение дома Габсбургов, а за образом «великодушного Арминия» скрывался сам император Леопольд I. Таким образом, в противостоянии вождя германцев и римского наместника Вара зрители без труда угадывали затяж-

⁵⁰ См.: *Willems G.* 2013.

ную борьбу, которую Леопольд I вел с королем Франции Людовиком XIV. В итоге роман превратился в хвалебную песнь немецкой смелости и добродетели, которую воплотил в себе германский император.

Вслед за литературой меняется восприятие Арминия и в немецком изобразительном искусстве. Так, иллюстрацией к роману Лознштейна может служить многофигурное полотно Иоганна Якоба фон Зандрарта (1655–1698) «Арминий и Туснельда» (1689), где изображен триумф Арминия, хотя в центре композиции находится не он, а восседающая на троне Туснельда, к ногам которой складываются добытые в сражении трофеи. Сам же Арминий представлен на переднем плане в образе современного европейского властителя, внешне напоминающего германского императора Леопольда I, великодушно прощающего Сегеста и Флавия за предательство. Сюжетно и композиционно с картиной Зандрарта перекликается написанное почти сто лет спустя полотно «Герман» (1758), кисти Иоганна Генриха Тишбейна Старшего (1722–1789), вдохновленного одноименной драмой Иоганна Элиаса Шлегеля (1719–1749). Тишбейн также изобразил заключительную сцену трагедии, в которой Герман демонстрирует свое безмерное великодушие, отпуская на свободу предавших его родственников. Автор представил Германа не воином, а скорее вельможей: роскошно одетым молодым человеком с грузным изнеженным телом, позой и костюмом напоминающего портреты европейских правителей XVIII века.

Написав трагедию «Герман» в 1743 г., Шлегель предпринял первую попытку вернуть немцам их Героя. Он создавал немецкую национальную драму, выдержанную в народных поэтических традициях, что должно было способствовать подъему патриотизма среди соотечественников, уставших от засилья французов и итальянцев на немецкой сцене. Эту же задачу ставил перед собой знаменитый просветитель, автор «Оснабрюкской истории» Юстус Мёзер (1723–1798). В 1749 г. он написал драму «Арминий», в которой решительно отвергал упрек в адрес германцев в дикости и варварстве, выразив в предисловии надежду, что зритель во время просмотра пьесы будет «охвачен гордостью и чувством превосходства над греком и римлянином»⁵¹.

Но высшей точки художественного воплощения в XVIII в. героический миф об Арминии / Германе и битве в Тевтобургском лесу, достиг в творчестве поэта Фридриха Готтлиба Клопштока (1724–1803). Лучшая часть его наследия – три драмы, написанные на материале из жизни древних германцев. Автор называл их «бардитами» (от *Barditus*), т.е. произведениями барда. «Бардиты», в полном соответствии с латинским нарративом о «*clades Variana*», состояли из трех пьес: «Битва Германа» (1769), «Герман и князя» (1784) и «Смерть Германа» (1787). Наибольшими художественными достоинствами отличается первая часть трило-

⁵¹ *Unverfehrt* 1981. S. 320 f.

гии. Герман изображается Клопштоком как непобедимый герой и объединитель германских земель. Клопшток, крайне негативно относившийся к сепаратистской политике, проводимой немецкими дворами, одним из первых делает попытку отделить образ Арминия от какого-либо представителя правящего дома и представить его национальным героем всех немцев. Эту тенденцию подхватила и развила в своем творчестве известная немецкая художница Анжелика Кауфман (1741–1807), написав серию картин с изображением сцен из бардиты Клопштока «Битва Германа». Ее полотно «Герман после битвы» (1785) демонстрирует триумф молодого Германа после одержанной им победы над римлянами, развивая в стиле классицизма популярный в немецкой живописи сюжет, на котором мы не раз уже подробно останавливались. В центре картины, стоя под огромным дубом, ставшим в XVIII в., как и орел, символом Германии, прекрасный Герман в крылатом шлеме приказывает своим воинам поднять вверх трех захваченных у римских легионов орлов. Перед ним преклоняет колено, одетая в белые одежды Туснельда, чтобы от имени всех германцев передать ему лавровый венок как победителю римлян и освободителю отечества. За нею можно увидеть ликующий «народ», в углу картины – плененных легионеров и соплеменников-предателей, а на переднем плане справа – знаменитого барда Оссиана, который, воздев руки к небу, благодарит богов за победу. Кауфман, следуя за текстом Клопштока, рисует не монарха, а античного триумфатора, героя и спасителя нации в окружении признательного ему «народа». Несмотря на различие художественных стилей, вполне очевидна и утвердившаяся в немецкой живописи к началу XIX века преемственность в иконографии Арминия / Германа, которая носила в основном иллюстративный и наднациональный характер.

Политизация мифа. «Битва Германа»

К концу XVIII в. немецкими просветителями с помощью германского мифа были созданы исторические основы национальной идентичности. У немцев появился свой миф основания, связанный с благородными германскими предками, миф о Герое-освободителе и миф о решающей Битве, положившей начало национальной истории. Патриотический нарратив об Арминии / Германе и битве в Тевтобургском лесу помогал разобщенным немцам противостоять военной и культурной экспансии превосходящей их во всех отношениях Франции. Но только наполеоновские войны придали ему ту новую актуальность, которую можно было использовать для развития не только культурной, но и политической идентичности немецкой нации, превратив его в миф о «битве Германа». С ростом ненависти к французским оккупантам формировались представления о необходимости национального единства в границах объединенного отечества, и параллельно шла активизация идеологического потенциала мифа о Битве и победе над превосходящим по силе

врагом. Арминий / Герман и «битва Германа» стали важным политическим аргументом в пользу того, что сопротивление не только возможно, но и, в конце концов, будет успешным. В декабре 1807 г. в Берлинском университете, в столице поверженной Пруссии, оккупированной французами, философ Иоганн Готтлиб Фихте (1762–1814) начинает чтение цикла лекций под общим названием «Речи к немецкой нации». Говоря о необходимости национального пробуждения, Фихте неоднократно обращался к истории борьбы древних германцев против превосходящего их Рима. Ссылаясь на Арминия / Германа и Тевтобургскую битву, он утверждал: «Мы обязаны этим германцам всем, тем, ... что унаследовали их земли, их язык и убеждения, что мы – все еще немцы»⁵². После сокрушительного поражения Пруссии в 1806 г. под Йеной и Ауэрштедтом Герман для всех, кто не смирился с наполеоновской гегемонией, стал символом надежд. В то же время, битва в Тевтобургском лесу, которая была проведена не в соответствии с требованиями открытого, симметрично разыгранного сражения, а в виде череды нападений на римские колонны, застрявшие без движения в болотистой лесистой местности, демонстрировала тактическую модель, с помощью которой можно было победить превосходящих в военном отношении французов⁵³. Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), который уже в 1787 г. написал «Победную песнь Германа», в этот период сознательно обратился к нарративу о древних германцах, чтобы оказать мобилизующее воздействие на общественное мнение. Вождя херусков и «битву Германа» было необходимо вернуть из мира поэзии и изобразительного искусства, превратив в нравственный императив для активных политических действий. Освободительную войну против Наполеона Арндт объявил новой «битвой Германа». Так в «Песне Родины» (1812), которая начиналась известными стихами «Бог дал нам железо, / которое не терпит холопов» говорилось: «Плуту и холопу – привет! / Тому, кто кормит ворон! / Итак, мы выдвигаемся на Битву Германа. / И жаждем мести»⁵⁴. Причем под «плутами и холопами» имелись в виду вовсе не французы, а соотечественники, симпатизировавшие им. А таких, учитывая получивший развитие накануне французской экспансии культ Наполеона среди довольно большой части образованных слоев немецкого общества, было немало. Таким образом, к объявлению внешней войны против Наполеона, как и в период Реформации, добавлялся призыв к уничтожению внутренних врагов.

Разграничения между внешней и внутренней войной – центральная тема драмы Генриха фон Клейста (1777–1811) «Битва Германа», которая была написана в 1809 г. под впечатлением от тирольского восстания против баварско-французского господства и антинаполеоновской парти-

⁵² Fichte 1978. S. 268.

⁵³ Johnston 1990. S. 49 ff.

⁵⁴ Arndt 1850. S. 13.

занской войны в Испании⁵⁵. Герман Клейста понимает, что открытая битва против римлян будет проиграна, тем более, что поддержка в собственных рядах сомнительна, и многие германские предводители открыто или тайно симпатизируют римлянам. Иностранное господство не воспринимается ими как угнетение. Герман должен был вести борьбу на многих фронтах одновременно, и для этого он вынужден использовать хитрость, коварство и измены. Те самые приемы, что еще Лютером были заклеены как «романская ложь и коварство», используются Германом, чтобы освободиться от римского господства и влияния. Он ведет игру, в которой публично позиционирует себя как друг римлян, но при этом тайно организует силы сопротивления и прилагает все усилия, чтобы представить римское присутствие на германских землях еще более жестоким и эксплуататорским, чем оно есть на самом деле. Наконец, ему удастся не только объединить германские силы, но также придать им решимость и волю к сопротивлению и тем самым привести к победе.

Для будущих зрителей драмы Клейста аналогии между римско-германским противостоянием и современным положением германских земель было более чем очевидно. После того, как регулярные армии германских правителей проигрывали Наполеону одну битву за другой, и ожидать от них дальнейшего сопротивления уже не было никакого смысла, не оставалось ничего другого, как звать народ на сцену, вызвать его гнев и снабдить идейным оружием против иностранной оккупации. Одновременно шла речь о том, чтобы нейтрализовать внутренних врагов, которые противились идее активного народного сопротивления. И в этом отношении Герман дает пример того, как следует действовать современным немцам. Он борется не только с римлянами, но и с проявлениями местечкового эгоизма и отсутствия интереса к общегерманским проблемам. Носителем этих настроений в пьесе стала германская племенная верхушка, в частности, князь Убира Аристан, который заявил Герману, что он не знает, что такое Германия (Germania), а знает только свой Убир. За это Герман отрубает ему голову, вызывая тем самым одобрение князей, присоединившихся к антиримскому заговору⁵⁶. Современниками эта сцена воспринималась как ответ Клейста его идейным противникам, в частности, Шиллеру и Гете. Фридрих Шиллер (1759–1805) в своем «Альманахе муз за 1797 год» («*Musenalmanach für 1797*») опубликовал написанную им совместно с Иоганном Вольфгангом Гете (1749–1832) серию сатирических двустиший и эпиграмм под названием «Ксении», в подражание «Ксениям» Марциала, где великие поэты выразили свой скепсис относительно возможности создания единого немецкого государства. В частности, в знаменитом двустишии под заголовком «Германская империя» было сказано: «Германия? Но где она находится?

⁵⁵ См.: *Samuel R.* 1961. S. 64–101.

⁵⁶ *Kleist* 1993. Bd. 2. S. 348 ff.

Я не знаю, где искать эту страну, / Где начинается образованная Германия, заканчивается политическая»⁵⁷. Не меньшую популярность получил и другое двустушище под названием «Немецкий национальный характер»: «Вы напрасно надеетесь создать из немцев нацию, / Для этого Вы должны сделать из них свободных людей»⁵⁸. На это Клейст возражал: Германия находится там, где властвует идея борьбы, с помощью которой и благодаря которой и возникнет единая Германия⁵⁹.

Олицетворением этой идеи борьбы стал Герман / Арминий и выигранное им сражение. Победа над Наполеоном в Лейпцигской «Битве народов» (1813), которая в умах немцев сразу же соединилась с битвой в Тевтобургском лесу, была воспринята многими в Германии как подтверждение этих представлений. 1813-й год стал пиком актуализации героического мифа. «Битва Германа» превратилась в сакральный учредительный акт немецкой нации. Арндт писал по этому поводу во втором томе своего знаменитого историко-философского труда «Дух времени» (1813): «В битве в Тевтобургском лесу решилась судьба мира, поэтому Герман стал именем нарицательным для всех; он для нас – не только нечто поэтическое, не только нечто священное благодаря седой древности и миражам будущего, нет, он – нечто вечное и настоящее, так как мы все еще существуем благодаря ему, так как без него, вероятно, уже 1600 лет никто больше не говорил бы по-немецки»⁶⁰. В том же 1813 г. накануне битвы под Лейпцигом, где германские князья воевали с обеих сторон, появилась знаменитая листовка «Призыв к немцам», автор которой, подобно Ульриху фон Гуттену, обратился к поиску национального лидера, способного объединить немцев и возглавить освободительную борьбу: «Европа вопрошает в этот момент: Существует ли Герман? – Где новый Герман, который обратит в бегство новых орлов? Немцы, вставайте! Ваш Герман должен найтись»⁶¹. Вслед за нарративом тождество Лейпцигской Битвы народов и «битвы Германа» нашло свое отображение в иконографии мифа. На самой известной картине австрийского художника Карла Русса (1779–1843) «Герман освобождает Германию» (1818), написанной в плакатном стиле, в центре композиции на фоне поверженных врагов изображен облаченный не в римские доспехи, а в шкуры диких животных херуск Герман, без традиционного «крылатого» шлема и с завязанными в узел по германскому обычаю волосами. Он разрывает цепи, сковывающие Деву-Германию, у ног которой лежат аквилы с орлами римских легионов и щит с надписью: «Германия. Лейпциг, 1813». Впервые с XVI в. образ Германа не имеет ничего общего с европейской

⁵⁷ Schiller. Werke. Bd. 4. S. 179.

⁵⁸ Ibid. S. 182.

⁵⁹ Mommsen 1974. S. 128 ff.

⁶⁰ Arndt. Bd. 2. S. 223.

⁶¹ Цит. по: Wells 2005. S. 33.

классической иконографией Героя, отсылающей к античным традициям. Как на одном из первых изображений вождя херусков Тобиаса Штиммера, он опять превратился в дикого необузданного германца, обретя ярко выраженные национальные черты. Учитывая, что изменения в иконографии происходят значительно медленнее, чем в нарративе, можно утверждать, что в ходе наполеоновских войн произошла окончательная германизация и политизация героического мифа на всех уровнях его восприятия. Через год после битвы под Лейпцигом, в 1814 г., национальное торжество по случаю годовщины победы над французами отмечалось как праздник «Второй битвы Германа», что знаменовало собой начало формирования традиции политического ритуала, связанного с мифом о легендарном сражении.

Но, несмотря на обретенную свободу, проблема внутренней разобщенности осталась. Великая победа над врагом, в лучшем случае, знаменовала собой лишь начало пути к объединению нации, и теперь нужно было идти дальше, чтобы действительно добиться успеха. Идеологические инструменты для этого давало превращение битвы в Тевтобургском лесу из исторического события в главный политический миф. Он оставался актуальным, не в последнюю очередь, еще и потому, что на Венском Конгрессе (1814/15) не было достигнуто политического единства Германии. Многозначность заложенных в нем смыслов позволяла в нужный момент перенести акценты с борьбы за свободу нации на борьбу за единство, сделав его конечной целью «битвы Германа». До тех пор, пока единая Германия продолжала оставаться интеллектуальным проектом, миф о Германе и о победе в Тевтобургском лесу использовался как главное идеологическое обоснование необходимости принять немцами вызов истории и довести начатый в XVI в. процесс национального объединения до конца.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Гуттен У. фон.* Вадиск или римская троица // Гуттен Ульрих. Диалоги. Публицистика. Письма. М.: Акад. Наук СССР, 1959. С. 61–126.
- Гуттен У. фон.* Послание курфюрсту Фридриху Саксонскому // Гуттен Ульрих. Диалоги. Публицистика. Письма... С. 305–315.
- Кассий Дион.* Римская история. Книга LVI / Пер. Б.Н. Гракова // Древние германцы. Сборник документов / Под ред. А.Д. Удальцова. М.: «Ломоносовъ», 2015.
- Патеркул.* Римская история. Книга I / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... Сборник документов... 2015.
- Светоний.* Жизнь двенадцати Цезарей. Книга II. Божественный Август / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: «Наука», 1993.
- Тацит.* Анналы. Книга I, II / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... 2015.
- Флор.* Из истории римского народа. Книга II / Пер. А.И. Неусыхина // Древние германцы... 2015.
- Arndt E. M.* Gedichte. Hildesheim, 1992. Faksimile-Druck der Ausgabe. Leipzig, 1850.
- Arndt E. M.* Geist der Zeit. 4 Bde. Leipzig, 1807–1817. Bd. 2.

- Fichte J. G.* Reden an die Deutsche Nation. Hamburg, 1978.
- Gutten U. von.* Arminius // Die Schule des Tyrannen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996.
- Kleist H. von.* „Hermannsschlacht“ // Werke und Briefe / Hg. von *Streker S.*, 4 Bde., Berlin, 1993. Bd. 2.
- Luther M.* Tischreden. 5 Bde. Weimar, 1914–1919.
- Schiller Fr.* Werke. Kritisch durchgesehene und erläuterte Ausgabe. 8 Bände. / Hg. von *Bellermann L.* (Meyers Klassiker-Ausgaben in 150 Bänden). Leipzig, Wien, o. J.

Литература

- Заиченко О.В.* «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 305–335.
- Махлаюк А. В.* Историк «века железа и ржавчины» // *Кассий Дион Кокцеан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Немировский А.И., Даушкова М.Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Малые римские историки. М.: Ладомир, 1996.
- Тронский И. М.* Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. М.: Ладомир, 1993.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
- 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos (Ausstellungskataloge). 3 Bde. Stuttgart, 2009.
- Brockmann R., Althoff C.* Römer begrüßen Merkel in Detmold // Westfalenblatt, 2009, May 16.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit *Alexander Demandt* // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30.12.2010.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009.
- Hobsbaum E.* The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
- Husemann D.* Wie die Deutschen die Varusschlacht zurechtbogen // Die Welt, 2009, Januar 14.
- Johnston O.W.* Der deutsche Nationalmythos. Ursprung eines politischen Programms. Stuttgart, 1990.
- Kaufmann T.* Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik // Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Mayer G. O.* „Symbol deutscher Einheit“. Die Einweihungsfeier des Hermannsdenkmals 1875 // Landesverband Lippe. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 222–288.
- Mommsen K.* Kleists Kampf mit Goethe. Heidelberg, 1974.
- Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009.
- Münkler H.* „Ein herrlicher Sonnenaufgang“. Die Rhetorik der weltgeschichtlichen Zäsur am Beispiel der Französischen Revolution // Neustart des Weltlaufs? Fiktion und Faszination der Zeitenwende. Frankfurt/M., 1999. S. 16–35.
- Roloff H.-G.* Der „Arminius“ des Ulrich von Gutten // *Wiegels R., Woesler W.* (Hg.) Arminius und die Varusschlacht. Geschichte–Mythos–Literatur. Paderborn, 1995. S. 11–238.
- Samuel R.* Kleists „Hermannsschlacht“ und der Freiherr von Stein // Jahrbuch der deutschen Schiller-Gesellschaft. 5. Jg., 1961. S. 64–101.
- Tiple D.* „Varusschlacht“ in ihren Kontexten. Eine kritische Nachlese zum Bimillennium 2009 // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. S. 596–625.

- Unverfehrt G.* Arminius als nationale Literatur. Anmerkungen zur Entstehung und Wandel eines Reichssymbols // Kunstverwaltung Bau- und Denkmalpolitik / Hg. *Wätzoldt M.*, Berlin, 1981. S. 315–340.
- Wamser L.* Grabstein des Marcus Caelius // Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. Mainz, 2000.
- Wells P. S.* Die Schlacht im Teutoburger Wald. Düsseldorf, Zürich, 2005.
- Westfälischer Streit ums Schlachtfeld // Die Welt, 2009, June 11.
- Wiegels R.* „Varausschlacht“ und „Hermann“-Mythos. Historie und Historisierung eines römisch-germanischen Kampfes im Gedächtnis der Zeiten // Beihefte der Francia. Bd. 66. 2000. S. 27–51.
- Willems G.* Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013. 402 S.
- Wolters R.* Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.
- Wullen M.* Die Deutschen sind im Treppenhaus: Der Fries Otto Geyers in der Nationalgalerie Berlin. Berlin: DuMont Buchverlag, 2002.

REFERENCES

- Zaichenko O.V. «Germanskii mif»: nemetskie intellektualy v poiskakh «obshchego proshlogo» i natsional'noi identichnosti // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 305–335.
- Makhlayuk A. V. Istoriik «veka zheleza i rzhavchiny» // Kassii Dion Koktsean. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011.
- Nemirovskii A.I., Dashkova M.F. «Rimskaya istoriya» Velleya Paterkula. Malye rimskie istoriki. M.: Ladomir, 1996.
- Tronskii I. M. Kornelii Tatsit // Kornelii Tatsit. Soch. v 2-kh t. M.: Ladomir, 1993.
- Shmitt Zh.-K. Ovladenie budushchim // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinovi. M., 2005.
- 2000 Jahre Varusschlacht: Imperium, Konflikt, Mythos (Ausstellungskataloge). 3 Bde. Stuttgart, 2009.
- Brockmann R., Althoff C. Römer begrüßen Merkel in Detmold // Westfalenblatt, 2009, May 16.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. Interview mit Alexander Demandt // SPIEGEL-Online Wissenschaft. 30.12.2010.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 1. «Er thront über allen» // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 14.09.2009.
- Germanischer Schlachtenheld Arminius. – Teil 2. Er verhinderte die Romanisierung Germaniens // SPIEGEL-Online Wissenschaft, 16.09.2009.
- Hobsbaum E. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
- Husemann D. Wie die Deutschen die Varusschlacht zurechtbogen // Die Welt, 2009, Januar 14.
- Johnston O.W. Der deutsche Nationalmythos. Ursprung eines politischen Programms. Stuttgart, 1990.
- Kaufmann T. Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik // Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Mayer G. O. „Symbol deutscher Einheit“. Die Einweihungsfeier des Hermannsdenkmals 1875 // Landesverband Lippe. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. S. 222–288.
- Mommsen K. Kleists Kampf mit Goethe. Heidelberg, 1974.
- Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, 2009.

- Münkler H. „Ein herrlicher Sonnenaufgang“. Die Rhetorik der weltgeschichtlichen Zäsur am Beispiel der Französischen Revolution // Neustart des Weltlaufs? Fiktion und Fasination der Zeitenwende. Frankfurt/M., 1999. S. 16–35.
- Roloff H.-G. Der „Arminius“ des Ulrich von Gutten // Wiegels R., Woesler W. (Hg.) Arminius und die Varusschlacht. Geschichte–Mythos–Literatur. Paderborn, 1995. S. 11–238.
- Samuel R. Kleists „Hermannsschlacht“ und der Freiherr von Stein // Jahrbuch der deutschen Schiller-Gesellschaft. 5. Jg., 1961. S. 64–101.
- Tiple D. „Varusschlacht“ in ihren Kontexten. Eine kritische Nachlese zum Bimillennium 2009 // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 294. S. 596–625.
- Unverfehrt G. Arminius als nationale Literatur. Anmerkungen zur Entstehung und Wandel eines Reichssymbols // Kunstverwaltung Bau- und Denkmalpolitik / Hg. Wätzoldt M., Berlin, 1981. S. 315–340.
- Wamser L. Grabstein des Marcus Caelius // Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. Mainz, 2000.
- Wells P. S. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Düsseldorf, Zürich, 2005.
- Westfälischer Streit ums Schlachtfeld// Die Welt, 2009, June 11.
- Wiegels R. „Varausschlacht“ und „Hermann“-Mythos. Historie und Historisierung eines römisch-germanischen Kampfes im Gedächtnis der Zeiten // Beihefte der Francia. Bd. 66. 2000. S. 27–51.
- Willems G. Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013. 402 S.
- Wolters R. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.
- Wullen M. Die Deutschen sind im Treppenhaus: Der Fries Otto Geyers in der Nationalgalerie Berlin. Berlin: DuMont Buchverlag, 2002.

Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com

The Battle of the Teutoburg Forest from “Clades Variana” towards “Hermannsschlacht”: construction of a national myth

The paper attempts to specify the construction of the epic myth about the Teutoburg forest battle in the national consciousness of the Germans as a sacred act, which had launched the national history mechanism, regarding its interpretation changes over the XVI - XIX centuries at the narrative and iconography levels, as reflected in literature and visual art. Germanization and politicization of national history in the development of national identity has led to the emergence of a variety of terminological and conceptual editions of the legendary battles and heroes, which in turn is a reflection of the changes in the perception of this event in the historical memory of the nation due to changes in its goals.

Keywords: Germany, fight against "Rome", historical memory, Battle of the Teutoburg Forest, "Hermann Battle", Arminius / Hermann, national identity

Olga Zaichenko, PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; o.v.zaichenko@gmail.com

И. Е. Рудковская

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье сопоставляются подходы к структурированию времени, характерные для британских и российских историков позднего Просвещения. Автор полагает, что для выявления специфики следования хронологии и преобладающих стратегий периодизации в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина необходим компаративный анализ особенностей канона «овременивания», складывавшегося в рамках англо-шотландской и российской историографических традиций.

Ключевые слова: хронология, периодизация, темпоральные маркеры, историографическая компаративистика, историографический канон позднего Просвещения.

Для историографической традиции позднего Просвещения характерен поиск новых взаимоотношений с историческим временем. Именно тогда вырабатывались нормы «овременивания», позволявшие отойти от присущей средневековым хроникам и летописям традиции неуклонного следования линии времени. Средневековый подход обеспечивал явное преобладание диахронии. В текстах макроисторий второй половины XVIII – начала XIX в. неизбежно должно было меняться соотношение диахронии и синхронии, поскольку новые масштабы нарративов провоцировали иной уровень презентации синхронности. Изучение специфики отношения к хронологии британских и российских историков того периода ставит исследователя перед проблемой вариативности периодизаций. Автор исходит из гипотезы, что именно множественность стратегий периодизации как альтернатива неуклонному следованию хронологии позволяла в макроисториях позднего Просвещения выйти на новый уровень структурирования времени.

В современных исследованиях, посвященных проблемам исторического времени, времени истории и времени историков, подчеркивается многообразие и значимость темпоральных маркеров¹. В данной статье предпринят анализ комплекса темпоральных маркеров, фиксирующих новации в отношении к историческому времени в исследованиях британских (Д. Юм, В. Робертсон, Э. Гиббон) и российских (М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин) историков той эпохи. В основе исследования – пять макроисторий, представляющих англо-шотландскую традицию («История Англии» Юма, «История Шотландии», «История государственования императора Карла V», «История Америки» Робертсона, «История упадка

¹ Чеканцева. 2011. С. 68.

и разрушения Римской империи» Гиббона) и две макроистории отечественных историков («История Российская от древнейших времен» Щербатова и «История государства Российского» Карамзина). Такой анализ представляется необходимым для выявления основных составляющих историографического канона позднего Просвещения, предопределившего специфику «Истории государства Российского» Карамзина, канона, понимаемого автором в качестве развивающейся модели взаимосвязанных представлений и практик, обеспечивающих создание историографических текстов в определенную эпоху.

Информация, касающаяся всех аспектов сопоставления, позволяющих, по мнению автора, выявить особенности структурирования времени историками той эпохи, представлена здесь не в полном объеме. В многотомных нарративах той эпохи темпоральные маркеры, выделенные в качестве наиболее характерных, встречаются десятки и более раз, а потому объем сносок многократно превысил бы допустимые пределы. Без сомнения, часть значимых маркеров оказалась не востребовавшей ввиду неизбежных ограничений, налагаемых исследователем для получения результатов, всегда имеющих, в той или иной степени, промежуточный характер. Важнейшая проблема связи времен, отчасти затронутая в статье, осталась, в целом, за ее пределами как имеющая самостоятельное значение.

I. «Наиболее важным организующим принципом для истории является хронология»²

Характерная особенность англо-шотландской историографии позднего Просвещения – подчеркнутое стремление обосновать право историка на отступления от хронологического принципа. Д. Юм, несмотря на некую ретроспективность, внесенную им в процесс написания «Истории Англии», выразившуюся в первоначальном освещении истории XVII века, с последующим погружением в отдаленное прошлое, строго придерживался хронологической последовательности изложения событий. Он отказался от постраничных годичных пометок лишь в обобщающих главах («Аппендиксах»)³, хотя и подчеркивал свою неготовность всегда соблюдать строгий хронологический порядок и в отношении «событийных» глав⁴. Юм вводил даты непосредственно в текст, как для уточнения времени события, так и для сопоставления с иными событиями, не совпадавшими по времени с датой на полях⁵. Им указывались точно или приблизительно известные промежутки времени между событиями⁶.

² Гудсблом. 2001. С. 119.

³ *Hume*. Vol. I. P. 169–198, 489–525. Vol. IV. P. 190–225, 358–393.

⁴ «...мы не будем всегда соблюдать строгий хронологический порядок в нашем нарративе». *Hume*. Vol. I. P. 526.

⁵ *Hume*. Vol. I. P. 20 (2), 22 (7), 25 (2), 29, 33–34, 35 (2), 41–44, 46 (6), 47, 48 (2), 52, 55, 58 (2), 88, 92–93, 113, 120, 134, 153, 194 (3), 195, 291, 293. Vol. III. P. 77 (2), 185, 571,

Робертсон, как и Юм, отмечал, что не полагает необходимым соблюдать хронологическую точность, излагая причины и события⁷. Более масштабный отход от хронологического принципа предопределялся в его трудах предпринятыми им структурными новациями: обширные вводные части не предполагали неспешного движения вдоль линии времени⁸. За их пределами хронология соблюдалась. Историк считал важным затрагивать проблемы хронологии, анализируя в примечаниях использовавшиеся им труды предшественников⁹. Высоко оценивая одно из испанских сочинений по истории Америки, полагая, что его автора можно заслуженно поставить в ряд с самыми выдающимися историками его страны, Робертсон аргументировал свой вывод тем, что, задача рассказать, опираясь на этот труд, различные происшествия в Новом Свете в строгом хронологическом порядке, воссоздавая их из разрозненных кусочков, не покажется скучной¹⁰. В текстах Робертсона встречаются следы погодных записей, хотя он и не считал нужным подчеркивать переходы от освещения событий одного года к другому¹¹. Он также вводил даты в текст¹², отмечал промежутки времени, разделявшие события¹³.

573 (2), 576, 579. Vol. IV. P. 216 (2), 217 (2), 218 (5), 370, 371, 377 (3), 376, 380, 381 (2), 382 (3), 383 (2), 384 (2), 385, 389 (2), 391 (2), 392, 394. Vol. VI. P. 86, 97, 290.

⁶ *Hume*. Vol. I. P. 6, 11, 34 (4), 39, 46-47, 63, 95, 98, 108, 120 (3), 126-127, 130, 133-134, 136, 156, 172, 241, 243, 291, 315, 369, 397, 509, 525, 567, 600, 603. Vol. III. P. 35 (2), 64, 97, 100, 102, 121, 130, 133, 152, 154, 185, 193, 200, 216, 219-220, 297, 306, 322, 357, 362, 364, 368, 370, 377, 385-386, 402, 418, 458, 460, 471, 480, 535, 545, 573.

⁷ *Робертсон*. Т. I. С. 21.

⁸ Книги I в «Истории Шотландии» и в «Истории Америки», Введение в «Истории... Карла V: *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 1-99. *Робертсон*. Т. I. С. 1-181. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 1-80.

⁹ *Робертсон*. Т. I. С. 251. *Robertson*. The History of America Vol. I. P. 326. Vol. II. P. 410, 414-415, 426. Vol. III. P. 303.

¹⁰ Расположение событий в работе Герреры, полагал Робертсон, не представляется «настолько запутанным, бессвязным и темным». *Ibid*. Vol. II. P. 414.

¹¹ *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 44, 88, 180, 185, 207, 250, 312, 372, 404, 407. Vol. III. P. 75, 81 (2), 95, 116, 134, 137-138, 143. *Робертсон*. Т. II. С. 204-205. *Robertson*. The History of America. Vol. III. P. 357. Vol. IV. P. 274, 282.

¹² *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 85, 87, 89, 92-93, 107 (2), 110 (2), 118 (3). Vol. II. P. 29, 37, 108, 137, 144, 159 (2), 166, 186, 194, 199, 249 (2), 276, 319, 325, 326 (2), 335-336, 356, 366, 412. Vol. III. P. 43, 61, 79-81, 86 (4), 99-100, 108-109, 145, 164, 187, 191. *Робертсон*. Т. I. С. 169. Т. II. С. 1, 4, 6, 9, 11, 14, 21, 44, 50, 62, 80, 82 (2), 100, 150, 204, 253, 292. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. IX-X, 50, 56, 95, 110, 113, 240, 311 (2), 326, 349. Vol. II. P. 411, 413, 419, 426. Vol. III. P. 297, 355-357, 388 (2), 389. Vol. IV. P. 19 (2), 36, 125, 202, 222, 244, 247, 268, 290, 292, 303.

¹³ *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 13, 35, 100, 178. Vol. II. P. 58, 61, 70, 85, 88, 130, 195, 221, 227, 240, 246, 249, 258, 295, 311, 330, 349, 352, 354, 356, 364-365, 367, 392, 419, 427. Vol. III. P. 6, 10, 18, 31, 81, 152, 197, 201-202. *Робертсон*. Т. I. С. 6, 9, 18, 33, 85, 104, 133, 140, 167, 181. Т. IV. С. 60, 93, 181, 205, 213, 236, 239, 242, 256. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 42, 52, 58, 314. Vol. II. P. 1, 266. Vol. III. P. 106, 129, 254, 263, 275-276, 313-314, 321, 353, 363-364, 366, 389 (2). Vol. IV. P. 1, 25-26, 36, 131, 138, 219, 230, 238, 243-245, 271, 285, 291.

Э. Гиббон, отстаивая свое право на свободу выстраивания исторического нарратива, подчеркивал, что намерен придерживаться «более естественного хода вещей, нежели весьма неверной хронологической последовательности»¹⁴. Вводные и обобщающие главы его труда, содержавшие выводы, опиравшиеся на многообразие фактов из различных эпох¹⁵, приучали читателей к регулярному разнонаправленному движению вдоль линии времени. Но и «овременивание» в рамках «событийных» глав не было строго хронологическим, хотя он и заметил, что «взялся за составление летописей разрушавшейся монархии»¹⁶.

Не скрывая опасений, что изложенные в хронологическом порядке скучные и отрывочные подробности могут помешать сосредоточиться вниманию читателя¹⁷, Гиббон, тем не менее, уделял пристальное внимание проблемам хронологии. Он отмечал начало достоверной хронологии, рассуждал о хронологическом порядке, вопросе, обзоре, хронологических данных, затруднениях, расхождениях, указаниях, выявлял специфику различных летосчислений, хронологические несообразности, нелепости у разных авторов и т.д.¹⁸

Историк не боялся ставить под сомнение общепринятые даты: он полагал, например, что год, «в котором окончилось существование Западной империи, трудно определить с точностью»¹⁹. Правильным, ясным и удобным, несмотря на произвольность исходной даты, Гиббон признавал летосчисление от сотворения мира, тогда как манера считать года «то до Р.Х., то после Р.Х.», представлялась ему двойственной и сбивчивой²⁰. Он интенсивнее, чем его предшественники, вводил и в основной текст, и в примечания временные промежутки, возводя «временные мосты» между самыми многообразными событиями и процессами разных эпох²¹. Несколько реже им отмечались даты, причем, как правило, в примечаниях²².

¹⁴ Гиббон. Ч. I. С. 353.

¹⁵ Там же. Ч. I. Гл. I-III, VIII-IX. Ч. II. Гл. XV-XVI. Ч. V. Гл. XLIV. Ч. VII. Гл. LXXI.

¹⁶ Там же. Ч. V. С. 7.

¹⁷ Там же. Ч. III. С. 68.

¹⁸ Там же. Ч. I. С. 213, 216, 288, 317, 332. Ч. II. С. 173, 206, 218, 246, 294, 314, 332, 378. Ч. III. С. 68, 83-85, 87-88, 108-109, 118, 124, 126, 129, 135, 156, 176, 181, 183, 239, 293, 310, 314, 320, 340, 342, 371, 397. Ч. IV. С. 57-58, 66, 72, 74, 77, 118, 203, 208, 226, 229, 238, 251, 259, 292, 295, 335, 349, 393. Ч. V. С. 73, 78, 86, 112, 115, 164, 185, 297.

¹⁹ Там же. Ч. IV. С. 77.

²⁰ Там же. Ч. IV. С. 259.

²¹ «...разрушение... совершалось медленно и без шума в течение десяти столетий»; «В течение двадцати лет... девять императоров один вслед за другим исчезли со сцены»; «После четырнадцатилетнего царствования Одоакр должен был преклониться перед более высоким гением короля остготов Теодориха...». Там же. Ч. III. С. 8-9, 14, 33, 46-47, 49, 63, 73, 86, 90, 99-100, 108-109, 112, 129, 134 (2), 136, 155, 178, 195, 197, 205 (2), 206 (3), 208-209, 224, 232, 258, 270, 281, 301 (2), 306 (2), 308, 319, 326, 330, 342, 349, 356, 358, 362, 386. Ч. IV. С. 41, 52, 56, 60, 70, 72-73, 76-77, 79 (2), 80, 82, 99, 101,

В масштабном труде М.М. Щербатова стремление не прерывать «нить истории», в целом, преобладало²³. Наиболее значимыми темпоральными маркерами, позволяющими говорить о приоритетности для него летописных приемов «овременивания», следует признать *регулярную фиксацию перехода от событий одного года к следующему*²⁴ и *выводы об отсутствии значимых событий в истекшем году*²⁵. Выделение «пустых» лет у Щербатова, характерно, как отмечает Т.В. Гимон, и для раннеанглийской, и для русской летописной традиции²⁶. Сквозный традицией летописной канона, историк стремился, по его словам, «время каждого из повествуемых мною приключений показать»²⁷, подчеркивал, что следует хронологическому («времячислительному») порядку, считал необходимым пояснять причины отхода от летописной канвы, напоминал даты или события, на которых оборвалось повествование в рамках той или иной сюжетной линии²⁸, вводил даты в текст²⁹, фиксировал промежутки времени, разделяющие события³⁰. Вероятность тех или иных

105, 119, 123-125, 129, 132, 134, 136 (2), 137, 142, 146, 148, 150, 152, 156, 159-160, 162, 168-170, 176, 185-186, 194 (2), 195 (2), 202, 212-213, 221-222, 226, 233, 239.

²² Там же. Ч. IV. С. 28-29, 33, 36 (2), 49, 59, 62, 70, 76, 77 (2), 79, 80 (2), 85, 89-90, 115, 125, 136 (2), 137, 150 (2), 156 (2), 161, 167 (2), 194, 202, 206, 212 (5), 238 (3), 243, 258 (2), 259 (2), 276 (3), 281, 283, 285-286, 292-293, 297 (2), 311, 314 (3), 315 (2), 324-325, 335 (3), 338 (2), 339, 357, 365, 373, 378-379, 381, 383, 386, 392, 393 (4), 395, 397.

²³ «...о чем в будущем году, дабы елико можно менее прерывать нить истории, мною помянуто будет». *Щербатов*. Т. V. Ч. III. С. 187.

²⁴ «Сими приключениями... окончились бывшия дела в прошедшем году, а в сем году...». Там же. Т. II. С. 86, 164, 286, 392, 399-400, 403 (2), 433, 441, 448, 450, 506, 528, 546. Т. III. С. 28, 64, 82, 86, 101-102, 232, 345, 393, 400, 421, 424. Т. IV. Ч. I. С. 13, 43, 74, 269, 499, 573. Т. V. Ч. II. С. 24, 66, 107, 125, 132, 134, 145, 183, 215, 299, 343, 350, 376, 398, 425. Т. V. Ч. III. С. 7, 46-47, 126, 148, 182, 187, 191, 213. Т. VI. Ч. I. С. 119, 186, 218, 233, 244. Т. VII. Ч. I. С. 69, 111, 113, 120, 135, 137, 157, 179. Т. VII. Ч. II. С. 34, 39, 158 (3), 283, 285-286, 336, 359.

²⁵ «...наши летописцы ни о каких важных приключениях в сем году не повествуют». Там же. Т. I. С. 285, 323. Т. II. С. 33, 403, 504, 547. Т. III. С. 130, 196. Т. IV. Ч. I. С. 496. Т. IV. Ч. II. С. 6, 9. Т. V. Ч. II. С. 113, 398. Т. V. Ч. III. С. 213. Т. VI. Ч. I. С. 233. Т. VI. Ч. II. С. 10, 100.

²⁶ *Гимон*. С. 124-125.

²⁷ *Щербатов*. Т. VII. Ч. II. С. 285.

²⁸ «порядок Хронологический принуждает помянуть...»; «порядок времени требуется»; «Мы оставили в 1240 году *Татар*...». Там же. Т. I. С. 2, 175. Т. II. С. 245, 253, 270. Т. III. Предисловие. С. 31. Т. IV. Ч. I. С. 136-137, 232-233, 325-326. Т. V. Ч. II. С. 85, 91, 96, 164, 182, 197, 213, 220, 226, 284, 313, 343. Т. V. Ч. III. С. 7. Т. VI. Ч. I. С. 177, 180, 182, 189, 201. Т. VII. Ч. I. С. 24, 100, 172. Т. VII. Ч. II. С. 235, 239, 245, 270, 280-282, 285, 367, 383.

²⁹ Там же. Т. I. С. IV, VIII, IX (3), X (3), XI (6), XII (5), XIII (2), XIV (2), 1, 33 (2), 34 (3), 37 (2), 46, 70, 79, 133, 144 (2), 167-168, 171-172, 177, 184, 198, 210, 220 (2), 221 (2), 222 (3), 251, 275 (2), 279, 291-292, 322-323. Т. II. С. 33, 36, 71, 75, 84, 86, 97, 123, 164, 289 (2), 295, 314, 337, 403 (2), 412, 418, 425 (2), 433-434, 454, 467, 488, 491, 497, 504, 528, 543. Т. III. С. 75, 89, 95, 149, 161, 196, 232, 318, 362, 369, 381, 394, 418, 434, 464, 473, 487, 497, 508.

³⁰ Там же. Т. I. С. 69, 75 (2), 85, 158-159, 168, 182, 193, 198, 213, 225, 230, 237, 239, 286, 288 (2). Т. II. С. 84, 123, 418, 420-421, 434, 440, 454, 541. Т. III. С. 80, 122, 133, 142, 144, 196, 234, 241, 287, 364 (3), 399, 420, 434, 440, 463-464, 467, 472, 480.

событий определялась им иногда, исходя из соображений хронологии³¹. Историк сетовал на отсутствие дат в документах или летописях³², обнаруживал расхождения в источниках, предлагал свои варианты датировки или присоединялся к выводам предшественников³³. Но само включение им в текст «Истории» структурных единиц аналитического характера, не вышедших, к сожалению, за пределы двух первых томов³⁴, провоцировало на появление нарративного пространства «вне хронологии». Даже в ординарных главах, в соответствии со стандартами научности века Просвещения, Щербатов отмечал, что, «дабы не прерывать сего повествования», он «не по годам располагал, но все в единое место вместил», подчеркивая: «не поденную записку», «не летописец пишу, но историю»³⁵. Он обращал внимание читателей на природные явления, позволяющие уточнить хронологические данные источников, напоминал об особенностях отсчета лет в тот или иной период, привел сведения о 12-летнем цикле «изчисления», о делении года на части у татар, о специфике лунных и солнечных месяцев у монголов³⁶. Как и британские историки, Щербатов подчеркивал сложности постижения истории «в самом глубоком мраке», в связи с отдаленностью времени, «темнотой времен»³⁷.

Н.М. Карамзин уже в Предисловии к «Истории государства Российского», отметив, что историк, в отличие от летописца, ориентируется не столько на время, сколько на «свойство и связь деяний»³⁸, демонстрировал готовность рассматривать хронологическую последовательность как ценность вторичную по отношению к логике самих событий, определивших время истории. Регулярное введение в текст обобщающих

Т. IV. Ч. I. С. 30, 98, 200, 205, 235, 597. Т. V. Ч. I. С. 99, 129, 182, 209, 221, 275, 440-441. Т. VI. Ч. II. С. 117 (2). Т. VII. Ч. I. С. 1, 116, 242. Т. VII. Ч. II. С. 16, 149-150, 186, 226, 352, 356, 361, 366, 415.

³¹ «...не вижу, что бы Князь Александр... имел время ездить в Орду...». Там же. Т. III. С. 30, 32, 51.

³² Там же. Т. IV. Ч. III. С. 2-3, 11, 13, 19, 23, 29, 33, 42, 48, 62, 67 (2), 78, 135, 148, 282. Т. VI. Ч. I. С. 191. Т. VI. Ч. II. С. 59. Т. VII. Ч. I. С. 159.

³³ Там же. Т. I. С. 144, 186, 267-270, 275-276. Т. IV. Ч. III. С. 2, 13, 23, 29-30, 33, 42, 135 (2), 139, 148. Т. V. Ч. II. С. 77, 238-239. Т. VI. Ч. I. С. 201. Т. VII. Ч. I. С. 51, 91-92, 105, 120, 159, 252. Т. VII. Ч. II. С. 6-7, 8, 10-11, 18-19, 22-23, 26, 34, 37-39, 67, 130-131, 137, 158, 224-225, 235-236, 246, 252, 255, 265, 269, 271, 280, 283, 285, 286, 336, 359, 361, 364-365, 366-367, 371 (2), 375, 377 (3), 379 (2), 382, 389, 394, 395-396, 399 (2), 404, 407-408.

³⁴ Там же. Т. I. С. 89-106, 185-188, 267-270. Т. II. С. 98-114, 253-264.

³⁵ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 215. Т. V. Ч. II. С. 22, 93, 125, 170, 183. Т. VI. Ч. I. С. 180. Т. VI. Ч. II. С. 77.

³⁶ Там же. Т. I. С. 312. Т. II. С. 33, 75. Т. III. С. 497, 507, 510. Т. V. Ч. I. С. 193. Т. VI. Ч. I. С. 201.

³⁷ «...отдаленность времен, и темнота истории скрывает то от глаз наших». Там же. Т. I. Предисловие. С. I, 1-2, 115-117, 123. Т. II. С. 118, 295, 301, 328. Т. III. С. 155, 195, 362, 400, 410, 414. Т. IV. Ч. I. С. 10, 74, 179, 218. Т. V. Ч. I. С. 99, 212. Т. V. Ч. II. С. 110, 214. Т. VI. Ч. I. С. 237, 244. Т. VII. Ч. I. С. 25, 48, 60, 162, 250.

³⁸ Карамзин. Кн. I. Т. I. С. XIII.

глав обеспечило историку систематический выход из четких хронологических координат в пространство широких обобщений³⁹. В нарративе Карамзина был воспроизведен упомянутый «категорический императив» Щербатова: «не прерывать нити исторического повествования»⁴⁰, однако, в отличие от своего предшественника, Карамзин отказался от регулярных объяснений с читателями по поводу отступлений от него. Переход от одного года к другому им фиксировался лишь изредка⁴¹, «пустые» года и вовсе не отмечались. Он внимательно следил за хронологией в источниках, сопоставляя данные разных авторов, высказывая и аргументируя свою точку зрения, реже – в основном тексте, чаще и обстоятельнее – в Примечаниях. Он указывал на границы того периода в древнейшей истории, где хронология еще не вычленилась, где Нестор «еще не определяет лет», выделял «первое хронологическое показание в Несторе», изменения в исходных точках отсчета лет⁴², делал выводы о невозможности точно определить дату⁴³, выявлял совпадения и расхождения в датировке, согласовывал, где это было возможно, данные разных источников⁴⁴, многократно отмечал ошибки (опережение летосчисления, признанного историком правильным, отставания от него), признавая ложной хронологию, несправедливым – летосчисление⁴⁵. Он вводил в текст даты⁴⁶, регулярно отмерял известные промежутки времени⁴⁷. Стремясь

³⁹ Там же. Т. I. Гл. I-III, X. Т. II. Гл. III. Т. III. Гл. VII. Т. V. Гл. IV. Т. VII. Гл. IV. Т. IX. Гл. VI. Т. X. Гл. IV.

⁴⁰ Там же. Кн. I. Т. I. С. 142.

⁴¹ в исходе года, в следующий год. Там же. Кн. I. Т. I. С. 72, 91, 100, 111.

⁴² Там же. Кн. I. Т. I. С. 20-21, 26. Прим. к Т. I. С. 34, 75. Прим. к Т. II. С. 72. Прим. к Т. III. С. 95. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 96. Т. VI. С. 223. Прим. к Т. VI. С. 78. Кн. III. Прим. к Т. XII. С. 35.

⁴³ Там же. Кн. I. Прим. к Т. II. С. 59. Прим. к Т. IV. С. 81, 147. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 84. Прим. к Т. VI. С. 37. Кн. III. Прим. к Т. XII. С. 83.

⁴⁴ Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 72, 75, 82, 90 (3), 94, 103 (2), 104, 105 (2), 106, 114, 132, 133 (2). Прим. к Т. II. С. 11, 15, 46, 84, 115, 143. Прим. к Т. III. С. 9 (2), 10, 29, 52, 72-73, 84, 111. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 39, 110, 118. Прим. к Т. VI. С. 69, 79. Прим. к Т. VIII. С. 29, 31. Кн. III. Прим. к Т. XI. С. 15, 36, 51, 64, 68, 77, 82, 104, 170, 176. Прим. к Т. XI. С. 35, 38, 68. Прим. к Т. XII. С. 14, 37, 48, 70, 96-97, 112, 123, 136.

⁴⁵ «Сей Летописец и здесь уходит годом вперед: что есть ошибка»; «Правда, здесь в летах явная ошибка: Рюрика уже не было на свете»; «По ложной хронологии Ипатьевского списка...»; «По несправедливому летосчислению...» и др. Там же. Кн. I. Т. I. С. 31-32. Прим. к Т. I. С. 23, 50, 66, 75, 77, 79, 90 (2), 94, 105, 133. Прим. к Т. II. С. 11, 15, 46, 83-84, 92, 115, 143, 157. Прим. к Т. III. С. 9-10, 29, 52, 55 (2), 59, 61 (2), 72-73, 80, 84, 88 (2), 90, 111, 123. Прим. к Т. IV. С. 17, 80, 83, 101, 138, 151. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 13, 39, 110, 118, 126. Прим. к Т. VI. С. 69, 79. Прим. к Т. VII. С. 13. Прим. к Т. VIII. С. 16, 29, 31. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 104, 136 (2), 154, 159-160, 170, 176. Прим. к Т. X. С. 56-57, 79. Прим. к Т. XI. С. 15, 35-36, 38, 51-52, 64, 67-68, 77, 82. Прим. к Т. XII. С. 14, 37, 48, 70, 83, 91, 96-97, 112, 123, 136 (2), 145.

⁴⁶ Там же. Кн. I. Т. I. С. 9-10, 11 (2), 12 (2), 14 (3), 15-17, 26 (3), 27 (2), 28-29, 30 (3), 32, 37, 41, 45, 62, 66-67, 72 (3), 74, 77 (2), 78, 89 (3), 96 (2), 102 (2), 103, 118, 133, 135, 138 (6), 142. Прим. к Т. I. С. 6 (4), 14, 15 (2), 17 (5), 19 (2), 20 (2), 21 (3), 23-24, 30

привлечь внимание читателей к проблемам хронологии, Карамзин формулировал вопросы, нередко многочисленные⁴⁸, высказывал суждения, иногда афористичные, часто иронические⁴⁹. Поиск оптимального соотношения между следованием хронологии и выявлением «смысла и связи деяний» у Карамзина, вероятно, следует признать наиболее значимым вектором стратегии «овременивания».

Темпоральными маркерами, позволявшими выстраивать режим диахронии в нарративах той эпохи, представляются словосочетания, фиксировавшие *временные промежутки неопределенной длительности*, обеспечивавшие вариативность выхода за рамки следования точной хронологии. Маркеры данной группы могут быть условно разделены на несколько подгрупп:

1) *Маркеры, фиксировавшие обращение к предыстории*, выделявшие целые пласты почти баснословных времен, позволявшие выйти на уровень максимальной неопределенности: «с незапамятных времен», «в самые отдаленные времена», «в древние времена», «издревле», «исстари» и др. В трудах британских⁵⁰ и российских⁵¹ исследователей истории они представлены с незначительными вариациями. Но для «Истории» Карамзина, в отличие от труда Щербатова, характерны, кроме того, маркеры, соединявшие раннее время истории со временем историка, подчеркивавшие связь времен: «в древния и новыя времена», «от самых древних времен до новейших», «воинской Истории древних и новых времен», «от начала России до наших времен», «От древних до новей-

(3), 31 (2), 33, 35, 47, 49 (2), 50 (3), 53, 55-56, 62, 66 (3), 67 (2), 69 (3), 70 (2), 71 (2), 72 (4), 73 (2), 75 (7), 76 (2), 77 (3), 82, 88 (6), 89, 94 (2), 95-96, 98 (2), 99-100, 105 (4), 106 (3), 107 (4), 109, 110 (2), 115, 118 (4), 119, 122 (3), 127.

⁴⁷ Там же. Кн. I. Т. I. С. X, 3 (2), 5, 8, 26-27, 31, 65, 70, 76, 85, 89, 90 (2), 96, 114, 119, 124, 135, 139, 145, 149. Прим. к Т. I. С. 23, 79 (2). Т. II. С. 13, 14 (2), 18-19, 39-40, 45, 61, 66, 70, 83-84, 94, 102, 104, 106, 112, 170, 188.

⁴⁸ Там же. Кн. I. Т. I. С. 31-32. Прим. к Т. I. С. 79 (2), 105, 121. Прим. к Т. III. С. 9, 133. Прим. к Т. IV. С. 12. Кн. II. Прим. к Т. VI. С. 88. Кн. III. Прим. к Т. IX. С. 156, 159. Прим. к Т. XI. С. 15.

⁴⁹ «...летосчисление народа безграмотного не бывает верно»; «Стриковский, не имея верных источников, уморил Гедимины еще в 1329 году...». Там же. Кн. I. Прим. к Т. I. С. 23, 69, 79, 85, 124, 140. Прим. к Т. II. С. 15, 17-18, 29, 88. Прим. к Т. IV. С. 39, 131.

⁵⁰ *Hume*. Vol. I. P. 1, 195 (2), 306, 363, 502, 506, 521. Vol. II. P. 338. Vol. III. P. 114, 121, 155. Vol. V. P. 24, 148. *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 8-9. Vol. II. С. 50-51, 62, 108. Vol. III. P. 188, 195, 202. *Робертсон*. Т. I. С. 44, 54-55, 106, 119, 161, 170, 317, 346. Т. IV. С. 140, 142, 209, 235-236, 245, 246. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. I, 49, 55. Vol. III. P. 264. *Гиббон*. Ч. I. С. 67, 259. Ч. II. С. 62, 248. Ч. III. С. 13, 100, 115, 119. Ч. IV. С. 226, 228, 337, 339, 349. Ч. V. С. 59-60, 102, 105, 112, 174, 179, 282, 288, 303. Ч. VII. С. 240, 298, 303.

⁵¹ *Щербатов*. Т. I. С. 1-2, 108, 123. Т. II. С. 48, 243, 262, 331, 366, 380, 528. Т. III. С. 217, 366. Т. IV. Ч. I. С. 255, 410. Т. IV. Ч. II. С. 528. Т. V. Ч. II. С. 229. Т. VI. Ч. I. С. 38. Т. VI. Ч. II. С. 42. Т. VII. Ч. I. С. 153. Т. VII. Ч. II. С. 193. *Карамзин*. Кн. I. Т. I. С. 4, 8, 20, 21 (2), 24-26, 38 (2), 39, 41, 51, 59, 64 (2), 77-78, 80, 82, 124-125, 130, 146, 151, 153-154. Прим. к Т. I. С. 8-9, 16-17, 29-30, 39 (2), 41, 53, 55, 58-59, 82, 84, 96, 105, 109.

ших времен России»⁵². Аналогичные маркеры встречались и в «Истории» Гиббона: «с самой глубокой древности и до позднейших времен», «с древнейших времен и до сих пор», «в древние и в новые времена»⁵³.

2) *Маркеры, фиксировавшие «долгое время»*, позволявшие указать на значительные промежутки уже вполне исторического времени: «с течением времени», «долгое время», «за много лет до того», «много времени спустя», «гораздо прежде» и т.д., характерные как для Юма⁵⁴, Робертсона⁵⁵, Гиббона⁵⁶, так и для Щербатова⁵⁷ и Карамзина⁵⁸.

3) *Маркеры, фиксирующие временные неопределенности относительно небольшого масштаба*, такие, как «в течение некоторого времени», «несколько времени», «несколько лет (дней) спустя», «вскоре», «краткое время» и др., востребованные и в летописной традиции. Их интенсивно использовали и Юм⁵⁹, и Робертсон⁶⁰, причем в «Истории Шотландии» Робертсон активнее прибегал к ним во втором и третьем томах, где события воссоздавались в относительно узких хронологических рам-

⁵² Там же. Кн. II. Т. V. С. 61. Т. VII. С. 115. Т. VIII. С. 184. Кн. III. Т. X. С. 13. Т. XII. С. 127.

⁵³ Гиббон. Ч. I. С. 260. Ч. IV. С. 166. Ч. V. С. 120, 174. Ч. VI. С. 193.

⁵⁴ Hume. Vol. I. P. 51, 118, 198, 207, 321. Vol. II. P. 18, 22 (2), 33, 41, 45, 237. Vol. III. P. 7, 19, 22, 343, 561.

⁵⁵ Robertson. The history of Scotland... Vol. I. P. 8-9, 17, 39. Vol. III. P. 116, 180, 182. Робертсон Т. I. С. 7, 41, 54, 71, 78, 85, 140, 143, 160, 167, 173, 186. Т. II. С. 50, 106, 120. Т. III. С. 20, 85, 325. Т. IV. С. 146, 233, 235, 242, 244. Robertson. The History of America. Vol. III. P. 219, 270, 276-277. Vol. IV. P. 312.

⁵⁶ Гиббон. Ч. I. С. 218, 252, 295, 297, 316, 371, 377, 387. Ч. II. С. 12, 44, 57, 137, 157, 170, 191. Ч. III. С. 17, 56, 65, 126, 197, 214, 233, 292 (2), 305. Ч. IV. С. 63, 88, 94 (2), 133, 176, 347, 354, 398. Ч. V. С. 31, 46, 58, 165. Ч. VI. С. 93, 95, 130, 135, 146, 297.

⁵⁷ Щербатов. Т. I. Предисловие. С. 1, 108, 222. Т. II. С. 34, 243, 262 (2), 331, 366, 528-529, 564, 571, 573. Т. IV. Ч. I. С. 24, 191, 201, 233, 331, 335, 380, 410, 422, 584. Т. IV. Ч. II. С. 366, 443. Т. V. Ч. I. С. 117, 207, 210, 330, 350, 455. Т. V. Ч. II. С. 12. Т. VI. Ч. I. С. 162, 237. Т. VI. Ч. II. С. 33, 118. Т. VII. Ч. II. С. 15, 181, 193, 411.

⁵⁸ Карамзин. Кн. I. Т. I. С. 13, 17 (2), 19, 21, 43, 46, 57, 62-63, 64 (3), 100, 125, 151 (2). Прим. к Т. I. С. 15 (4), 18, 32, 40, 56-57, 77, 127, 145. Т. II. С. 131. Прим. к Т. II. С. 26. Т. IV. С. 12, 45, 100, 174. Прим. к Т. IV. С. 39, 143. Кн. II. Т. V. С. 151. Т. VI. С. 198, 219. Т. VII. С. 69. Т. VIII. С. 132. Кн. III. Т. XI. С. 52. Т. XII. С. 157.

⁵⁹ Hume. Vol. I. P. 39-40, 50, 54, 68, 72 (2), 76, 89 (2), 100, 115 121-122, 125 (2), 130-132, 134 (2), 137-138, 139 (2), 143-144. Vol. III. P. 5, 6 (2), 7, 10, 13, 20-23, 25, 30, 250, 288 (3), 296, 299-300, 305, 307, 309, 315, 324-325, 330, 334, 337-338, 340 (2), 344, 348, 358, 366, 389, 390 (3), 402, 408 (2), 410-411, 413, 428 (2), 432, 440 (2), 442 (2), 446, 448, 449 (2), 452, 459, 468 (2), 472, 473 (2), 475, 479, 482, 488, 489 (2), 494 (2), 499, 501, 509 (2), 526 (3), 528, 541, 554-555, 558, 560, 562, 567, 571.

⁶⁰ Robertson. The history of Scotland... Vol. III. P. 4, 7-8, 12, 36, 41, 50, 64, 71, 74. 78-79, 86, 91, 93 (3), 96, 99 (2), 101-102, 105 (2), 107, 111, 116 (2), 120 (2), 125, 128 (2), 134 (2), 137-138, 140-141, 143 (2), 145 (2), 146, 151-152, 160-163, 166-167, 170, 172-173, 174 (2), 175, 178, 180, 182, 185-187, 189, 199. Робертсон. Т. I. С. 6, 8, 36, 39, 107, 129, 138, 169, 180. Т. II. С. 3, 5 (2), 6, 15, 44. Т. III. С. 28, 135, 140. Т. IV. С. 209, 233. Robertson. The History of America. Vol. I. P. VII, 19-21, 34, 69, 109, 243, 257-258, 264, 293, 313, 326, 329. Vol. III. P. 23, 34, 39, 46, 70, 76, 107, 161, 243, 265, 307, 365, 373, 388. Vol. IV. P. 5, 131, 137, 167 (2), 178, 224, 253, 281 (2), 305, 309.

ках. Несколько реже использовали их Гиббон⁶¹ и Карамзин⁶². У Щербатова, последовательно, вдоль линии времени, представлявшего читателю фрагменты далекого прошлого, из диахронных маркеров наиболее востребованными были маркеры именно этой группы⁶³. Однако Щербатов маркер «на несколько времени» использовал и для обозначения «временн нарратива», для обоснования отступлений от событийной канвы⁶⁴.

Другим вариантом отхода от летописной стратегии в трудах позднего Просвещения следует признать *расширение масштабов исследования*. На первый взгляд, синхронизирующие маркеры, которые использовали историки-просветители, не несли в себе ощутимой новизны. Такие темпоральные маркеры, как «в то (это) время», «в то же самое время» и т.п., были характерны, как отмечал Т.Е. Гимон, уже для «хронологических формул» британских хроник и русских летописей⁶⁵. Они продолжали сохранять свои позиции в трудах Юма⁶⁶, Робертсона⁶⁷, Гиббона⁶⁸, Щербатова⁶⁹ и Карамзина⁷⁰,

⁶¹ Гиббон. Ч. I. С. 218, 295, 297, 316, 371, 377, 387. Ч. II. С. 14, 18, 172, 182, 277 (2), 281, 305, 327, 369. Ч. III. С. 17, 19, 56, 126, 197, 214, 233, 292 (2), 305. Ч. IV. С. 211, 215, 238, 284, 398. Ч. V. С. 30, 56, 108, 115, 197, 214, 221, 236, 243.

⁶² Карамзин. Кн. I. Т. I. С. 4, 6, 10, 14, 16, 31, 34-35, 67, 69, 72, 78, 82, 88, 101, 138-140. Прим. к Т. I. С. 18, 36, 44, 128. Т. II. С. 25, 56, 92, 108, 114. Т. IV. С. 45, 52, 59, 68, 71, 73, 87, 100, 106-107, 110, 117, 139, 146, 157, 160, 165, 177-178. Кн. II. Т. V. С. 80, 99, 103, 105, 107-108, 147, 161, 169, 179, 184, 205, 210, 226, 233. Т. VI. С. 7, 19, 47, 51, 123, 141, 163, 166, 176, 179, 183-184, 186, 189, 208. Т. XI. С. 20, 23, 73, 75, 102, 126-127, 131, 172.

⁶³ Щербатов. Т. I. С. 63, 75 (2), 79, 146-147, 153, 167, 172, 224, 253, 286. Т. II. С. 73, 262, 269, 295, 321, 364 (2), 412 (2), 444-445, 447, 449-450, 454, 491 (2), 494, 527, 531, 550, 554, 574 (2). Т. III. С. 25, 55, 61-62, 95, 97, 110, 118, 125, 156, 170-171, 185, 190, 208, 216, 239, 293, 328, 369, 376, 380, 386, 390, 398-399, 410, 427, 449, 456, 462 (2), 463-464, 474, 480. Т. IV. Ч. I. С. 18, 104, 181, 204, 206, 213, 228, 251, 264, 286-287, 324, 334, 344, 406-407, 417-418, 448, 449, 460, 480, 483, 490, 496, 571, 584, 595. Т. V. Ч. I. С. 6, 29, 77, 105, 128, 131-132, 137 (2), 180, 184, 190, 229, 339, 349, 377, 433-434, 438, 440, 459, 469, 473.

⁶⁴ «Я на несколько времени оставлю сих Князей», «Оставлю на несколько времени Исидора Митрополита, грядущаго на собор». Там же. Т. I. С. 42, 175, 177. Т. III. С. 20, 173, 275, 293, 317, 389. Т. IV. Ч. I. С. 105, 301, 325, 496. Т. IV. Ч. II. С. 397. Т. V. Ч. II. С. 85, 105, 182, 197. Т. V. Ч. III. С. 110. Т. VII. Ч. I. С. 24, 172. Т. VII. Ч. II. С. 30.

⁶⁵ Гимон С. 133-134.

⁶⁶ Ните. Vol. I. P. 2, 11-12, 27-29, 44, 47, 53, 65, 88, 95, 116, 120, 130, 133, 140, 186, 196, 208, 211, 223, 238, 239 (2), 244 - 245, 253, 263-264, 266, 271, 279, 289, 294, 298, 304, 306, 319, 335, 340-341, 346, 351, 353, 386, 389, 401, 584. Vol. II. P. 89, 96, 115, 149 (2), 178-179, 388, 397, 402, 504. Vol. III. P. 7, 25, 33, 40, 69, 122, 125, 130, 132, 137, 142, 160-161, 176 (2), 181 (2), 184, 186, 189-190, 192 (2), 204, 212, 214, 300-301, 306 (2), 310, 311 (2), 315, 322, 327, 332-334, 343, 349, 356-357, 362, 374, 376-377, 379, 387, 411, 413, 418, 422, 424, 431-432, 435, 453, 508-509, 514, 520-521, 529, 533, 535, 538, 550, 555 (2), 557. Vol. IV. P. 242, 248, 303, 351, 363, 366-368, 375, 377, 388, 397-398.

⁶⁷ Robertson. The history of Scotland... Vol. II. P. 3, 10, 18, 20, 22, 28, 32, 34-35, 43, 63 (3), 69, 76, 80-81, 94, 105, 108, 118, 122, 127, 129, 130 (2), 132, 138, 140, 143 (3), 144, 159, 179, 187, 200, 206, 212, 220, 223, 247, 249, 252, 254, 263-264, 266, 273, 284, 294, 321, 328, 341, 346, 349, 359, 363, 366, 370-371, 379, 384, 388-390, 397, 412, 427. Робертсон. Т. I. С. X, 20-21 (2), 62, 64, 67, 76, 79, 85, 89, 95, 108 (2), 111, 120, 141 (2), 142-143, 158-159, 164-165, 167, 171, 181, 346. Т. III. С. 38, 42, 136. Т. IV. С. 9, 44, 50,

превратившись в заметный элемент текстов макроисторий, где возросшие масштабы предполагали множественность параллельных линий исследования. Решая композиционные задачи, историки позднего Просвещения вводили синхронизирующие словосочетания «В то же время», «Тем временем», «Между тем», «Между сим временем» и др. в начало абзацев или предложений. Чаще за ними следовали вполне традиционные формулы: авторы, как правило, поясняли, что случилось или что предпринимали герои нарратива в связи с тем, что изложено выше. Это характерно и для Юма⁷¹, и для Робертсона⁷², и для Гиббона⁷³, и для Щербатова⁷⁴ и Карам-

62, 94, 142, 205, 235, 243. *Robertson. The History of America. Vol. I. P. VII, 1, 13, 16, 59, 82, 85, 87, 95-96, 155, 272, 301-302, 338, 368. Vol. II. P. 243, 244 (2), 294, 303, 306, 308, 314, 322, 326, 342, 365, 407, 421-422, 426 (2).*

⁶⁸ *Гиббон. Ч. I. С. 64, 95, 116, 147, 150, 153, 178, 187, 202, 210, 213, 217, 264, 271, 290, 346, 360, 418. Ч. II. С. 8, 10, 15, 147, 213, 232-233, 236, 238, 256 (2), 269, 273, 287, 291, 304, 312 (2), 317, 330, 333, 340, 352, 361, 375-376. Ч. III. С. 25-26, 31, 34, 48-49, 53, 59, 96, 106, 113, 119, 122, 125, 132-133, 143, 152, 154-155, 161, 165-166, 168, 170, 185, 195, 203, 217-218, 220 (2), 222, 229, 236, 243, 246, 255, 267, 278, 291, 299-300, 301 (3), 303, 323, 333, 341, 351-352, 360, 373-374, 393-394, 397. Ч. IV. С. 10, 28, 33, 60, 65-66, 73, 147, 192, 205, 207, 211, 225, 262.*

⁶⁹ *Щербатов. Т. IV. Ч. I. С. 7 (2), 13, 20, 30, 33, 42, 49, 56, 58, 99, 190, 197, 203, 212, 215, 218, 241, 275, 289, 384, 406, 410, 438, 446, 449, 483, 494 (2), 509, 514, 524, 530, 533-534, 536-537, 542-543, 550, 557, 591, 596. Т. IV. Ч. II. С. 17, 54, 61, 70, 145, 149, 197, 249, 285, 304, 321, 350, 360, 362, 370, 392, 398, 403, 406, 409 (3), 415-416, 419, 420, 430, 439, 442, 453, 462, 469, 496, 502, 522, 527, 538 (2). Т. V. Ч. I. С. 19, 48, 52, 57, 80, 109, 118, 123-124, 127, 135, 158, 175, 186, 215, 321, 339, 341, 369, 371, 379 (2), 396, 404, 422, 430, 440, 448, 467.*

⁷⁰ *Карамзин. Кн. I. Т. I. С. 10, 15, 19, 26-27, 70, 76-77, 80-81, 105-106, 108, 117, 123-125, 126 (2), 139. Прим. к Т. I. С. 15, 20 (2), 25, 31, 70, 110, 112, 122 (2), 132-133, 137, 144. Т. IV. С. 16, 21-22, 43, 45 (2), 48, 52, 93, 76, 96, 108, 111, 123 (2), 128, 135, 137, 142, 156, 158, 161, 172, 178, 181-182. Кн. II. Т. V. С. 3, 46, 55, 60, 91, 93, 95, 97, 147, 155, 158, 178 (2), 199, 216. Т. VI. С. 18, 75, 93, 103, 109, 135, 159, 176, 195, 203, 209. Кн. III. Т. IX. С. 5, 16, 46, 54, 66, 85, 98, 118, 122-123, 148, 158, 184, 210, 255-256, 277. Т. X. С. 35, 39, 67, 84, 104, 124, 137, 141-142, 145.*

⁷¹ «Тем временем, англичане обретают в Кануте, сыне и наследнике Свена, врага не менее ужасного...». *Hume. Vol. I. P. 75, 84, 125, 146, 148-149, 153, 161, 212, 361, 373, 395, 425, 453-454, 529, 547. Vol. II. P. 22, 30, 40, 48, 54, 86, 94, 109, 134, 161, 203, 236, 280, 323-324, 343, 353, 401, 403, 450, 512, 592. Vol. III. P. 18, 72, 94-95, 105, 133, 184, 194, 205, 209, 262, 320, 327, 333, 382, 414, 424, 472, 478, 489, 495, 525-526, 566. Vol. IV. P. 41, 50, 83, 94, 167, 245, 330, 340, 409, 448, 452. Vol. V. P. 89, 111, 124, 128 (2), 148, 246, 264, 309, 363, 373, 407, 429, 505.*

⁷² «Тем временем все невзгоды гражданской войны приводили в отчаяние королевство». *Robertson. The history of Scotland... Vol. I. P. 19-20, 37-38, 54, 73, 132, 140, 167. Vol. II. P. 12, 53, 122, 131, 141-142, 157 (2), 166, 177, 224, 234, 236, 240, 243, 253, 259, 307, 312, 319, 327, 330-331, 335-336, 347, 361-363, 409, 417-418, 425, 426-427. Vol. III. P. 88, 96-98, 98-99, 104-105, 110, 125, 130, 133, 146, 148, 161, 179. «Между тем осада Магдебурга производилась с переменным успехом». *Робертсон. Т. II. С. 5, 67, 112, 121, 151, 186. Т. III. С. 3-4, 6, 8, 12, 44, 61, 64, 66, 82-83. Т. IV. С. 1, 15, 28, 35, 41, 44, 50, 53, 61, 142. «Между тем он обещал упомянуть их имена Королю и Королеве». *Robertson. The History of America. Vol. I. P. 142, 269, 311-312. Vol. III. P. 49, 85, 242-243, 279-280, 290.***

зина⁷⁵. Но характерной особенностью текстов эпохи становится включение их в более сложные конструкции, позволявшие, выстраивая макроисторию, переключать внимание читателя на процессы, синхронно происходившие на удаленных друг от друга территориях или в иных социальных стратах, политических группировках. Уже в статье Вольтера «История» можно выделить модель синхронизирующих заключений, характерных для последующих трудов позднего Просвещения: «В то время как Европа была столь потрясена, в VII веке появляются арабы, до сих пор оставшиеся в своих пустынях»⁷⁶. Аналогичными конструкциями отмечены труды Юма⁷⁷, Робертсона⁷⁸, Гиббона⁷⁹, Щербатова⁸⁰ и Карамзина⁸¹.

⁷³ Гиббон. Ч. IV. С. 9, 15, 35, 43, 47, 53, 66, 106, 108, 120, 129, 133, 157, 170, 183, 205, 216, 244, 264, 268, 271, 277, 310, 333, 360, 374, 379, 383. Ч. V. С. 74-75, 93, 96, 100, 115, 139, 142, 145-146, 159, 163, 171, 178, 221, 316.

⁷⁴ Щербатов. Т. II. С. 243, 337, 504, 509, 547, 566-567. Т. III. С. 93, 105, 110, 134, 167, 191, 197, 245, 277, 279, 284, 302, 318, 320, 350, 360, 378, 417, 447, 449, 452, 462. Т. IV. Ч. I. С. 12, 21, 30, 44, 79, 92, 100, 266, 269, 274, 312, 329, 336, 355, 374, 380, 395-396, 428, 436, 442, 480, 513. Т. VII. Ч. II. С. 59, 83, 115, 161-162, 176, 186, 264, 375.

⁷⁵ «Между тем не все народы Славянские повиновались сему Хану...». Карамзин. Кн. I. Т. I. С. 15, 77, 109, 112, 123, 133. Т. II. С. 46, 80, 108-109, 115, 153, 160, 163-164. Т. III. С. 22-23, 35-36, 47-48, 51, 63, 69-70, 75, 92, 95, 109, 112, 121, 144-145, 149, 155, 157, 168, 171. Т. IV. С. 6, 17, 19, 21, 25, 46, 62, 80, 83, 98, 110-111, 126, 144, 159, 164. Т. VI. С. 18, 37, 39, 41-42, 49-50, 60-61, 67-68, 70-72, 76, 91, 94, 112-113, 122-123, 130, 148-149, 182, 185.

⁷⁶ История... С. 12.

⁷⁷ «... в то время, как Европа пребывала уже повсеместно в великих потрясениях, Англия наслаждалась совершенным спокойствием...». Hume. Vol. I. P. 22, 125, 133-134, 319-320, 361. Vol. II. P. 103, 151, 198. Vol. III. P. 53, 105, 384, 401-402, 453, 577. Vol. IV. P. 63-64, 313, 351, 418, 434. Vol. V. P. 73, 151, 172, 197, 199, 204, 221, 259, 262, 300, 308, 395, 518 533. Vol. VI. P. 15, 36, 88, 122, 140, 153, 212, 215, 234, 251, 291, 304, 315.

⁷⁸ «В то время, когда Роберт Брюс начал свое правление в Шотландии, такие же формы правления были учреждены во всех королевствах Европы». Robertson. The history of Scotland... Vol. I. P. 7, 13-14, 14-15, 19-20, 41, 85, 133, 140, 154, 166. Vol. II. P. 11, 118, 141, 269, 340-341, 344, 351, 355, 369-370, 405, 424, 428 (2). Vol. III. P. 1, 3, 7, 24, 27, 34 (2), 39-41, 55, 58-59, 68, 202. Между тем, как Христианские Государя истоцали силы свои друг против друга, Солиман Блистательный вошел в Венгрию». Robertson. Т. I. С. 117-118, 176. Т. II. С. 90, 158, 208. Т. III. С. 57, 71, 353. Т. IV. С. 94, 238. «В то время, как Колумб был занят своим последним плаванием, несколько достойных упоминания событий произошло в Испаньоле». Robertson. The history of America. Vol. I. P. I, 49, 243. Vol. II. P. 340. Vol. III. P. 368. Vol. IV. P. 47-48, 131, 242.

⁷⁹ «В то время, как готы опустошали Италию..., британский остров выделился из состава Римской империи». Гиббон. Ч. I. С. 53, 359, 366, 402. Ч. II. С. 6, 31, 147, 214, 237, 309, 316. Ч. III. С. 18, 70, 128, 223-224, 249-250, 257, 297, 325, 340, 362, 382. Ч. IV. С. 9, 73, 155, 159, 258, 320, 333, 342, 360. Ч. V. С. 88, 101, 115, 128, 132.

⁸⁰ «Тогда, как таким образом Литовские народы в смущениях пребывали, Россия наслаждалась совершенным спокойствием» и др. Щербатов. Т. II. С. 285, 297, 306, 321, 369, 459, 466, 537. Т. III. С. 97, 158, 220 (2), 355, 366, 400, 422, 451-452, 469. Т. IV. Ч. I. С. 91, 175-176, 203, 207-208, 225-226, 309, 394, 436, 480, 495. Т. IV. Ч. II. С. 24, 63, 89, 344, 465. Т. V. Ч. I. С. 103, 117, 169, 186, 191. Т. V. Ч. II. С. 359. Т. V. Ч. III. С. 173. Т. VI. Ч. II. С. 99.

II. «Периодизация укоренена в исторической теории. Она отражает наши приоритеты, наши ценности и наше понимание сил постоянства и изменения»⁸².

Отказ от доминирования хронологии обусловил в историографии позднего Просвещения возрастание интереса к периодизации. Значимость «ошейника периодизации», необходимого, по Ж. Ле Гоффу, для приручения прошлого⁸³, вполне осознавалась исследователями той эпохи. Если не во всех трудах британских историков давалась исходная периодизация, то термин «период» следует признать значимым темпоральным маркером и для Юма⁸⁴, и для Робертсона⁸⁵, и для Гиббона⁸⁶; неслучайно данный термин нередко сопровождался определениями, отразившими специфику того или иного периода.

Хотя периодизация воспринималась британскими историками как основа структурирования исторических трудов, традиция информирования читателей об избранном ими варианте еще не вполне сложилась. Не считая нужным охарактеризовать свое видение основных периодов английской истории Д. Юм, что отчасти можно объяснить ретроспективной спецификой его историографического проекта, возвращением в глубины истории после освещения событий XVII в. Его представления

⁸¹ «Между тем, как сей Князь делил с Димитрием опасности и славу на поле Куликове, Скиригайло господствовал в Полоцкой области». *Карамзин*. Кн. I. Т. I. С. 16. Т. II. С. 58, 81. Т. IV. С. 13, 98, 112-113, 136, 165. Кн. II. Т. V. С. 50, 55-56. Т. VII. С. 79. Т. VIII. С. 39, 187-188. Кн. III. Т. IX. С. 178, 187, 217, 226. Т. X. С. 8, 96. Т. XI. С. 116, 164. Т. XII. С. 43, 104, 123, 139, 169, 184.

⁸² *Грин* 2001. С. 133.

⁸³ *Чеканцева* 2011. С. 68.

⁸⁴ «во все предшествующие периоды», «в этот шумный период» и др. *Hume*. Vol. I. P. 1-2, 9, 13, 24, 96, 121, 156, 174-175, 184, 186, 195, 196 (2), 218, 319, 362, 505, 568, 583, 600. Vol. II. P. 7, 12 (2), 17 (2), 18, 20, 36, 55, 226-227, 300, 339, 581 (2). Vol. III. P. 7, 10, 155, 157, 185, 358, 362, 384, 434, 445, 447, 462, 520, 579. Vol. IV. P. 4, 38, 191, 219 (2), 223, 386 (2), 387. Vol. V. P. 25, 53, 131, 287, 290, 385, 445. Vol. VI. P. 2, 8, 132, 148, 329, 336, 339.

⁸⁵ бурный, деятельный, значительный, интересный, критический, отдаленный, памятный, последующий, предшествующий, прогрессивный, продолжительный, удивительный, фатальный и др. *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 1, 7 (2), 9, 12, 40, 69, 89, 106, 116, 140, 142, 178. Vol. II. P. 26-27, 40, 53, 61, 206, 316, 338, 366, 368, 376, 389, 392, 397, 400, 419. Vol. III. P. 18, 32, 70, 89, 118, 123, 134, 176, 189, 191, 201. *Робертсон*. Т. I. С. IX, 9 (2), 18, 20, 162, 345. Т. II. С. 82. Т. IV. С. 233, 235, 256. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 17, 28, 38, 40, 43, 57-58, 74, 89, 266, 273, 293, 364. Vol. II. P. 1, 246, 316, 332 (2), 337, 398, 413. Vol. III. P. 114, 161, 267, 274, 280, 289, 292, 313, 317-318, 322, 357, 359, 387. Vol. IV. P. 1, 11, 36, 131, 137 (2), 175, 230, 244, 294, 306.

⁸⁶ период самой сильной нравственной распущенности, раздоров, анархии и рабства, зависимости и изгнания, злосчастный, несчастный и др. *Гиббон*. Ч. I. С. 46 (5), 47 (3), 51, 65, 116, 120, 122 (2), 123, 167, 219, 222, 238, 261, 294, 296, 324-325, 381. Ч. II. С. 24, 31, 86, 136, 139, 149, 151, 169, 182, 314. Ч. III. С. 100, 127, 138, 161, 187, 272, 374. Ч. IV. С. 99, 101, 113, 117, 119, 135, 137, 165, 169, 171, 178, 194, 229 (2), 258, 327, 391, 393, 398 (2).

о значимых периодах английской истории нашли отражение преимущественно в структуре его труда, где превалирует периодизация по династиям. Показательно, что две первых обобщающих главы были посвящены, соответственно, англо-саксонскому и норманнскому периодам, третья – времени последней королевы из династии Тюдоров, а последний, четвертый, – времени первого короля из династии Стюартов. Непосредственно в тексте его «Истории» регулярно встречаются отсылки к Англо-Саксонскому⁸⁷ и Нормандскому периодам⁸⁸.

Чрезвычайное внимание проблемам периодизации уделил В. Робертсон в «Истории Шотландии», где предложил оригинальную периодизацию шотландской истории и охарактеризовал те основания, которые были положены в ее основу. Наряду с событиями и процессами, определившими специфику шотландской истории, он считал важным в качестве критериев периодизации выделить изменения в возможности познания шотландского прошлого и даже эволюцию уровня интереса к нему в Европе. Первый период, от основания монархии до сер. IX в. был признан им периодом баснословия и догадок. Второй период, от правления Кеннета II до смерти Александра III (1286 г.) был определен как «время, когда правда начинает преобладать, однако события могут быть лишь слабо затронуты, не заслуживая специального трудоемкого исследования». Третий период, завершившийся, гибелью Якова V в 1542 г., он считал не только эпохой «великого противостояния, касающегося независимости Шотландии», но и временем, когда история Шотландии стала более достоверной. Четвертый период был признан им временем «экстраординарных переворотов и выдающихся личностей», когда ситуация в Шотландии была столь значима для политического состояния Европы в целом, что ее история становилась объектом внимания иностранцев»⁸⁹. Историк последовательно придерживался этой периодизации в своем труде: события первых трех периодов были кратко изложены в книге I в качестве предыстории главных событий, остальные семь книг автор посвятил четвертому периоду. Именно этот период, возможность познания которого гарантировалась интересом международного научного сообщества к новой шотландской истории, оказался в центре внимания историка. Но такую тщательную разработку периодизации историк предпринял только в первом своем труде.

Гиббон предложил периодизацию в Предисловии к своей «Истории». Она охватывала историю поздней римской государственности,

⁸⁷ «в течение Англо-Саксонского периода», «в течение Саксонского периода», «в Саксонские времена» и др. *Hume*. Vol. I. P. 174, 186, 196, 297, 507, 509, 522. Vol. II. P. 17(3).

⁸⁸ «в период, непосредственно предшествовавший Завоеванию», «даже до периода Завоевания», «с Норманнского периода» и др. *Ibid*. Vol. I. P. 175, 184, 193, 194 (2), 218, 273, 318, 434, 502-503, 508, 512, 570. Vol. II. P. 1, 33.

⁸⁹ *Robertson*. Vol. I. P. 1-7.

т.е. максимально учитывала специфику поставленной им задачи. Историк полагал, что «ряд переворотов, около 13-ти веков расшатывавших и в итоге разрушивших Римскую империю», может быть разделен «довольно удобно» на три периода: первый – от блестящего века Траяна до падения Западной империи; второй – от царствования Юстиниана до создания империи Карла Великого; третий завершался взятием турками Константинополя⁹⁰. Следует признать, что итоговый текст его труда был вполне сориентирован на предложенную им периодизацию⁹¹.

В одном из примечаний Гиббоном, кроме того, была дана периодизация всемирной истории, основывавшаяся на предпочитаемой им системе летосчисления от сотворения мира. Из 7296 лет историк выделил: 1) «три тысячи... в невежестве и мраке»; 2) «две тысячи баснословны или мало известны»; 3) «тысяча лет принадлежит древней истории, начинающейся вместе с персидской монархией и с республиками римской и афинской»; 4) «тысяча лет прошла с падения римского владычества на Западе до открытия Америки»; 5) «остальные двести девяноста шесть лет составляют почти три столетия, принадлежащие более цивилизованному состоянию Европы и человеческого рода»⁹². Гиббоном была дана и периодизация истории римского права со времени появления законов Двенадцати таблиц до царствования Юстиниана, в основу которой им был положен способ преподавания и характер цивилистов. В первый из 3-х выделенных им периодов «гордость и невежество ограничивали науку римского права узкими пределами», 2-й «был блестящим веком юридической учености», а в 3-м «оракулы юриспруденции почти совершенно безмолвствовали»⁹³.

В отличие от британских историков, Щербатов не использовал термин «период» и не считал нужным дать вводную периодизацию, вероятно, предоставляя читателю ориентироваться по оглавлению его «Истории». Структура труда Щербатова демонстрирует традиционное деление времени по граням, дополняемое фиксацией завоеваний.

В нарративе Карамзина термин «период» встречается редко⁹⁴, за исключением Предисловия, где историк, подобно Гиббону, предложил свою периодизацию, противопоставив ее периодизации А.Л. Шлецера⁹⁵. Как и Гиббон, Карамзин сделал ее трехчастной, выделив древнейший,

⁹⁰ Гиббон. Ч. I. С. 46-47.

⁹¹ I период освещался в гл. I-XXXVI, затем следовали три обобщающие главы, обеспечивавшие переход к следующему периоду; II период рассматривался в гл. XL-XLIX; III периоду посвящены главы XLIX-XVIII; далее следовали 3 заключительные главы, посвященные истории города Рима, католической церкви, причинам упадка Римской империи.

⁹² Там же. Ч. IV. С. 259.

⁹³ Там же. Ч. V. С. 19-21.

⁹⁴ См.: «От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!)...». Карамзин. Кн. II. Т. V. С. 216-217.

⁹⁵ Там же. Кн. I. Т. I. С. XIII-XIV.

средний и новый периоды, указав на основания каждого из них: древнейшая история определялась Системой Уделов, средняя – Единовластием, новая – изменением гражданских обычаев. Два первых периода отличались спецификой распределения властных полномочий в государстве, последний же фиксировал трансформацию в гражданском обществе, иной уровень развития социума. Возможно, Карамзин, осознавая значимость дилеммы «государство – гражданское общество», сознательно допустил алогичность в периодизации: не надеясь успеть проанализировать изменения в гражданском обществе в новую эпоху, он ограничился постановкой проблемы. Сопоставление периодизации Карамзина с подходом Шлецера, позволяет видеть ее значение не в том, что она «гораздо лучше, истиннее, скромнее», а во введении российской истории в контекст европейской, тогда как немецкий историк подчеркивал уникальность истории России, ее локальную специфику. В качестве особого периода, кроме того, Карамзин выделил время, когда Россия пребывала «под наследственным скипетром Монархов Варяжского племени»⁹⁶, что никак не соотносилось с периодизацией, объявленной в Предисловии. Карамзин вообще не был склонен абсолютизировать значимость периодизаций, отмечая, что «нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем»⁹⁷. Вряд ли этот вывод можно трактовать как некую заявку на формирование представления о периодизациях как конструктах, по словам Н.С. Розова, не только необходимых, но и сомнительных⁹⁸, но скептицизм, присущий исследователю, явно предостерегал Карамзина от чрезмерного увлечения дроблением времени.

Для историографии позднего Просвещения характерен интерес не только к масштабным периодизациям, но и к тем, которые не без оснований могут быть признаны «малыми». Часть из них вполне традиционна: историки той эпохи, как и их предшественники, выделяли периоды пребывания у власти правителей⁹⁹, периоды внутренних или внешних конфликтов¹⁰⁰ и др. Однако новое видение задач науки истории прово-

⁹⁶ Там же. Кн. III. Т. X. С. 135-137.

⁹⁷ Там же. Кн. I. Т. I. С. XIV.

⁹⁸ Розов. С. 222.

⁹⁹ *Hume*. Vol. I. P. 98, 200, 202, 207, 220, 238-239, 240 (3), 270-271, 277, 279 (2), 291-292, 305, 316, 334, 369, 385, 397, 399, 512, 518, 526, 601 (2). *Robertson W.* The history of Scotland... Vol. I. P. 2, 5, 36, 38, 40, 49-50, 58, 65, 69, 76, 80, 85, 89, 124, 126, 140, 142. *Гиббон*. Ч. V. С. 5, 10 (2), 16-19, 20 (3), 26, 28 (2), 31 (2), 61 (3), 64-65, 69, 74 (4), 76, 86, 91, 105 (2), 108 (2), 112 (2), 115, 116 (2), 120, 122, 128, 153 (2), 155, 159, 192 (2), 194 (2), 195, 199. *Щербатов*. Т. VII. Ч. I. С. 34, 93-94, 264. Т. VII. Ч. II. С. 21, 146, 149, 366, 407, 420. *Карамзин*. Кн. I. Т. II. С. 85, 98, 174. Т. III. С. 22, 85, 101, 146. Т. IV. С. 58, 103, 171. Кн. II. Т. V. С. 62, 68, 105, 122, 137.

¹⁰⁰ *Hume*. Vol. I. P. 8, 175, 184, 193, 218, 273, 306, 316, 318, 399, 434, 497, 502-503, 508, 510, 512, 526, 570, 604. *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 5, 15-16, 19-20, 27, 37, 43, 76, 133, 158, 200, 222, 225, 235, 241, 257, 312, 318, 331 (2), 352, 364, 367, 371-372, 376, 397, 404 (2). *Гиббон*. Ч. I. С. 58, 60, 116, 145-146, 249, 257, 259, 280, 285, 292, 297, 334, 354, 361, 383, 393. *Щербатов*. Т. III. С. 85, 155-156, 179, 218,

цировало поиск новых вариантов малых периодизаций, в значительной степени предопределивших специфику макроисторий той эпохи.

Интенсивные перемены в политической системе Великобритании обусловили повышенный интерес британских историков к *специфике форм правления*, проявившийся в формировании комплекса маркеров, учитывающих особенности форм правления, что характерно для Юма и его коллег. Для нарратива Юма характерны такие маркеры, как «во времена республики и протектората», «от реставрации до революции», «в течение этой сессии»¹⁰¹. Робертсоном были выделены «время упадка своей Империи», «после ниспровержения свободы», «ранний период их республики», «от основания монархии», «после отмены монархии», «после Реставрации»¹⁰². Яркие и чрезвычайно разнообразные маркеры предложил в своем труде Гиббон: «Во времена республики, когда нравы были более чисты...»; «в течение двух самых добродетельных веков республики», «период спокойной анархии, в течение которого римский мир оставался без монарха, без узурпаторов и без мятежей»¹⁰³.

Свидетельством интереса историка к проблеме взаимоотношений власти и общества в «Истории» Щербатова, вероятно, следует признать периоды пребывания у власти правителей, любимых народом, и тех, кто не смог или не считал нужным добиваться народной любви¹⁰⁴. Историк был убежден в том, что, «когда власть не основана на любви народной», она не может быть ни стабильной, ни эффективной¹⁰⁵. Карамзин представил в IX томе «Истории» особую периодизацию опричного террора, выведя ее на уровень микроструктуры, т.е. поместив в качестве рубрик на полях¹⁰⁶. При этом он заметил в основном тексте, что шесть главных эпох смертоубийства «славилась между собою оттенками», и это не позволяет «с точностию означить промежутков» между ними¹⁰⁷.

366, 390 (2), 415, 422. Т. VII. Ч. II. С. 144, 164, 166, 168, 179, 186, 233, 287, 353-354. Карамзин. Кн. I. Т. IV. С. 79. Кн. II. Т. V. С. 47, 72, 107, 220.

¹⁰¹ Hume. Vol. II. P. 508. Vol. III. P. 294, 398. Vol. IV. P. 31, 279, 319, 451. Vol. V. P. 468. Vol. VI. P. 150, 319, 336, 340.

¹⁰² Robertson. The history of Scotland... Vol. I. P. 5, 89. Vol. II. P. 105. Vol. III. P. 191-192, 195, 200. Робертсон. Т. I. С. 70, 148, 151. Robertson. The History of America. Vol. I. P. 25. Vol. II. P. 398. Vol. III. P. 276, 287, 343. Vol. IV. P. 228, 230.

¹⁰³ Гиббон. Ч. I. С. 57, 61, 78, 87, 106-107, 109, 115, 157, 191, 197, 259, 324-325, 329. Ч. II. С. 26, 140, 151, 189, 340. Ч. III. С. 137, 252, 276, 289. Ч. IV. С. 163. Ч. V. С. 12, 20, 28, 51, 56.

¹⁰⁴ «остается в сомнении любим ли был своими подданными...»; «любовь народная принудила его на престоле остаться»; «Сей не только не потщился привлечь к себе любовь народную...». Щербатов. Т. II. С. 341, 379, 399.

¹⁰⁵ «когда власть не основана на любви народной, малое число присланных посадников не может власти утвердить». Там же. Т. III. С. 229–230.

¹⁰⁶ «Первые казни», «Вторая эпоха казней», «Третья эпоха убийств», «Четвертая, ужаснейшая эпоха мучительства», «Пятая эпоха душегубства», «Шестая эпоха казней». Карамзин. Кн. III. Т. IX. Гл. I-IV.

¹⁰⁷ Там же. Кн. III. Т. IX. С. 260. Прим. к Т. IX. С. 167.

Едва ли не самым характерным видом малой периодизации в исторических трудах той эпохи является *персонифицированное время*, т.е. те временные отрезки, или малые периоды, которым историками были присвоены имена наиболее ярких их представителей¹⁰⁸. От эпизодического использования персонификации времени в трудах Юма, Робертсона и Щербатова¹⁰⁹ историография той эпохи перешла к столь высокой интенсивности введения «именного» времени в текст, что по итогам анализа «Историй» Гиббона¹¹⁰ и Карамзина¹¹¹ можно говорить о персонифицированном времени как о своеобразной визитной карточке трудов рубежа XVIII и XIX вв. Персонификация в ту эпоху не ограничивалась именами правителей: время определяли просветители и первооткрыватели, поэты и писатели, историки и географы, религиозные деятели.

Исключительное внимание к этическому прогрессу / регрессу в истории обусловило интерес историков позднего Просвещения к проблеме *лучшего / худшего времени*. Сформулированная Н.С. Розовым мысль о том, что ценностные, или аксиологические, проблемы периодизации менее очевидны, но не менее существенны¹¹², может рассматриваться как своеобразный эпиграф к историографическому наследию той эпохи. При характеристике эпохи Якова I Стюарта, Юм, отметив, что людям свойственно жаловаться на свое время, подчеркнул, что «ни в один предшествующий период английской истории не происходило более заметного роста всех выгод, характерных для процветающего народа»¹¹³. Историк

¹⁰⁸ Рудковская. С. 21-35.

¹⁰⁹ *Hume*. Vol. I. P. 3, 131, 138, 194-195, 236, 270, 397. Vol. II. P. 17. Vol. III. P. 21, 397. Vol. IV. P. 191. *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 50. *Робертсон*. Т. I. С. X, 53, 297. Т. II. С. 125. Т. IV. С. 223, 240, 249, 257. *Робертсон*. The history of America. Vol. I. P. XIII, 34. Vol. II. P. 345. *Щербатов*. Т. I. С. IX, XIII (3), 3, 13, 35, 39, 87. Т. II. С. 252, 256. Т. III. Предисловие (2). С. 91, 217, 366. Т. IV. Ч. I. С. 236. Т. IV. Ч. II. С. 363, 365. Т. V. Ч. III. С. 59. Т. VI. Ч. I. С. 190. Т. VII. Ч. I. С. 16, 94, 134. Т. VII. Ч. II. С. 25, 107.

¹¹⁰ *Гиббон*. Ч. I. С. 60 (2), 68, 72, 79, 89, 94, 111, 145, 196, 219, 221, 224, 243, 249, 259, 274, 285, 292, 304, 308, 310, 319, 335, 373, 400. Ч. II. С. 45, 54, 57, 65, 73, 77-78, 97, 98, 122, 130, 142, 146, 148, 153, 165, 179, 182, 209, 218, 220, 250, 257, 267, 304, 327, 341, 347, 350. Ч. III. С. 17, 23, 55, 67, 73, 75, 80, 86, 94, 102, 187, 190, 253, 276, 290, 328, 330, 379. Ч. V. С. 6, 8 (2), 11, 17-18, 20, 23-24, 26-27, 30, 33-36, 39, 40-41, 44, 47-48, 55-56, 58, 113, 119, 174, 184, 190, 212, 234. Ч. VI. С. 19, 28, 39, 45, 56 (3), 57, 78, 84, 97, 101, 119, 124, 129-130, 137-138, 155, 164, 192, 246, 250, 262. Ч. VII. С. 29, 32, 35, 56, 136, 165, 172-173, 241, 263 (2), 300-301, 310.

¹¹¹ *Карамзин*. Кн. I. Т. I. С. XIV, XVI-XVII, 11, 19-20, 23, 31, 32 (2), 40, 59, 66, 72, 75, 77-78, 85, 88, 92, 94, 101, 107, 119, 125-126, 132, 137, 142, 144, 148, 150-152, 61, 76, 81, 85, 95, 109. Прим. к Т. I. С. 7, 10-11, 20, 22, 32 (2), 39, 45, 48, 52, 56, 59, 61, 66-68, 72 (3), 76, 78, 81, 85, 88, 105, 109, 118-119, 122, 125, 127, 131, 135, 144. Т. IV. С. 26, 69, 82, 93, 104, 109, 121, 133, 149, 152, 171. Кн. II. Т. V. С. 10, 42, 62-63, 66, 68, 70, 73-74, 124, 172, 176, 208, 212-213, 215-217, 224, 230, 234, 240. Т. VI. С. 9, 58, 112, 140, 143, 147, 211, 213, 226. Кн. III. Т. X. С. 17, 22, 39, 45, 48, 67-68, 73, 75, 91, 138-139, 141, 143, 147, 149, 151-152, 154, 158, 162.

¹¹² *Розов*. С. 224.

¹¹³ *Hume*. Vol. IV. P. 378.

выделил и социальный слой, который можно признать наиболее счастливым в истории человечества, если «счастье вообще доступно человеческой природе»¹¹⁴. Несчастной им признана судьба англичан в XVI веке¹¹⁵. В трудах Робертсона счастливые периоды – это периоды мира, безопасности¹¹⁶. Он подчеркивал, что, если бы требовалось назначить время, когда род человеческий находился в самом бедственном и отчаянном состоянии, таковым можно было бы без колебаний признать период, продолжавшийся 176 лет, «от Феодосия Великого до утверждения Ломбардов в Италии»¹¹⁷. Гиббон считал едва ли не единственным в истории период, в течение которого «счастье громадного народа было единственной целью правительства», имея в виду правления Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов¹¹⁸. Главный у него критерий выделения «самого счастливого и самого цветущего периода» – общее благоденствие как результат добродетельного и мудрого управления¹¹⁹. Худшим он считал время правления недостойных преемников Августа¹²⁰.

Щербатов не принял заметного участия в этой своеобразной этической оценке предшествующих периодов. В его представлении бедствия провоцировались непреходящей неготовностью правителей и общества просчитывать последствия предпринимаемых шагов: «счастливы бы и в наши просвещенные времена были народы, естли бы более на будущия следствия взирали, нежели о настоящем радовались»¹²¹. Карамзин же, напротив, подчеркивал, что в летописях гражданского общества внимательный наблюдатель видит и счастливые, и бедственные эпохи¹²². Счастье у Карамзина ассоциировалось с миром как явлением редким в истории: миролубивое свойство балтийских славян, писал он, «представляет мыслям картину счастья, котораго мы обыкли искать единственно в воображении»¹²³. В качестве самого счастливого времени Руси он выделил время Ярослава Мудрого¹²⁴, «времена ее независимости и целости»¹²⁵. Позитивно оценил историк время царствования Федора Иоанновича¹²⁶,

¹¹⁴ слой джентри. *Ibid.* P. 370.

¹¹⁵ *Ibid.* Vol. III. P. 167.

¹¹⁶ *Robertson. The history of Scotland... Vol. I. P. 52.*

¹¹⁷ *Робертсон. Т. I. С. 9.*

¹¹⁸ *Гиббон. Ч. I. С. 51, 120, 122, 187, 208. Ч. II. С. 77. Ч. IV. С. 169.*

¹¹⁹ Там же. Ч. I. С. 122.

¹²⁰ «Золотому веку Траяна и Антонинов предшествовал железный век», время непрерывной тирании, «истреблявшей древние республиканские фамилии и преследовавшей все добродетели и все таланты, какие только проявлялись в этот несчастный период». *Там же. Ч. I. С. 123.*

¹²¹ «...редко кто из Князей хотел взять на себя труд об общем благе всех помыслить, и предузнать будущия нещастии». *Щербатов. Т. II. С. 258-259. Т. IV. Ч. II. С. 68.*

¹²² *Карамзин. Кн. II. Т. VI. С. 210.*

¹²³ Там же. Кн. I. Т. I. С. 16.

¹²⁴ Там же. Кн. II. Т. V. С. 215.

¹²⁵ Там же. Кн. II. Т. V. С. 37.

¹²⁶ «счастливыи век Феодоров». *Там же. Кн. III. Т. X. С. 141.*

время непосредственно после избрания Бориса Годунова царем¹²⁷, эпоху Алексея Михайловича¹²⁸, времена Петра I, Екатерины II и Александра I¹²⁹. Неоднократно выделяя, наряду со «счастливыми трудами жизни гражданской», и «счастливые времена оружия Российского»¹³⁰, Карамзин не имел в виду счастье граждан: речь шла исключительно о военных успехах¹³¹. Бедствия, пережитые Россией в эпоху нашествия монголов, были соотнесены им с бедствиями Римской Империи, когда северные дикие народы громили ее цветущие области; историк ссылался в данном случае на формулировку Робертсона¹³².

III. «единственные общие периодизации, которые сейчас используются, – это эпохи Древности – Средних веков – Нового времени, а также столетия»¹³³.

Деление на древнейший, средний и новый периоды в той или иной мере учитывалось всеми историками позднего Просвещения, но в качестве основной периодизации его представил читателям лишь Карамзин. Что касается периодизации по столетиям, то она была определяющей для большинства историков той эпохи. Юм, начав исследование с особенно значимого и для шотландской, и для английской истории XVII столетия, и далее предпочитал вписывать события и процессы в рамки определенного века. В творчестве Робертсона рубежи XV–XVI и XVI–XVII вв. определили структуру и специфику всех его нарративов. Интерес Гиббона к истории Рима определялся веками его упадка. Для Щербатова, который больше ориентировался на годичный цикл и деление по граням, выделение столетий как отдельных периодов в истории не было руководящим принципом, и сам термин «век» вводился им в текст значительно реже, чем в других «Историях» той эпохи. У Карамзина века или промежутки времени, ограниченные столетиями, – важнейший структурный элемент его труда. Характерно, что уже в Предисловии термины «время» / «времена» встречаются заметно реже, чем термины «века» / «столетия»¹³⁴. Иные века оттеняли хронологию каждого тома его «Истории», реализуя столь значимую для него связь времен¹³⁵.

¹²⁷ «Первые два года его царствования казались лучшим временем России с XV века...»; «...счастливые и для России в первые два года Борисова царствования». Там же. Кн. III. Т. XI. С. 55. Т. XII. С. 22.

¹²⁸ «в счастливое царствование Алексея». Там же. Кн. III. Т. X. С. 166.

¹²⁹ «...в лучшие времена, иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (История не любит именовать живых)». Там же. Кн. III. Т. IX. С. 258.

¹³⁰ Там же. Кн. I. Т. I. С. 25, 77.

¹³¹ Там же. Кн. I. Т. I. С. 25, 68, 115, 125, 138, 149, 151. Прим. к Т. I. С. 7.

¹³² Там же. Кн. I. Т. IV. С. 12. Прим. к Т. IV. С. 7.

¹³³ Ходжсон. С. 98.

¹³⁴ Карамзин. Кн. I. Т. I. С. IX (1/3), X. (-/2), XI (3/3), XII (-/3), XIII (2/5), XIV (2/2). Итого: (8/18).

¹³⁵ В томе IV, воссоздававшем события с 1238 по 1362 г., встречаем: «в конце IX века», «в X веке», «во XII веке», «во XII или в XIII столетии», «в XIV веке», «около

Для текстов историков той эпохи (за исключением Щербатова) характерно интенсивное использование темпоральных маркеров, фиксирующих 1) периоды времени *в пределах столетия*; 2) *свыше столетия* и 3) *рубежи веков*. Маркеры первого вида активно использовали и Юм¹³⁶, и Робертсон¹³⁷, и Гиббон¹³⁸, и Карамзин¹³⁹, но они редки у Щербатова¹⁴⁰. Использование маркеров, фиксирующих долговременные процессы, соотносенные с веками, характерно, опять же для Юма¹⁴¹, Робертсона¹⁴², Гиббона¹⁴³, Карамзина¹⁴⁴. У Щербатова они встречаются не часто¹⁴⁵.

половины XIV века», «в исходе (конце) XIV века», «в XV веке», «в конце XV века», «до самого XVI века», «в XVI веке», «до самого XVII века», «в XVIII веке». Кн. I. Т. IV. С. 100, 149, 166, 180 (2), 181-182. Прим. к Т. IV. С. 39, 103 (4), 156 (2), 157-158.

¹³⁶ *Hume*. Vol. I. P. 1, 6, 29, 31, 37, 43-45, 65, 78, 83, 88, 92, 96-97, 120, 131, 158, 183, 194 (2), 218-219, 229-230, 232 (2), 237, 240, 249, 255, 257, 262, 270-271, 279, 288, 297, 301, 323-324, 328, 334, 349, 353, 382, 384-385, 386 (2), 388, 392, 394, 492, 522, 546, 567, 591, 596, 600. Vol. II. P. 55, 73, 230-231. Vol. III. P. 304, 393, 398, 535, 579.

¹³⁷ *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 6, 9, 116, 150. Vol. II. P. 159-160. Vol. III. P. 201-203. *Робертсон*. Т. I. С. 55, 77, 88, 104-105, 122, 125, 130, 181 (2). Т. II. С. 82, 105 (3), 238. Т. IV. С. 238, 256. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. XIII, XV, 34, 52, 58, 68, 112, 154, 273, 349. Vol. II. P. 254, 337. Vol. III. P. 82, 101, 146, 193, 209, 318, 353, 366, 373, 380. Vol. IV. P. 1, 24-25, 36, 131.

¹³⁸ *Гиббон*. Ч. IV. С. 14-15, 18, 35, 51-52, 62, 72, 96, 128-129, 132-133, 137, 140, 145 (2), 156, 160-162, 167, 222, 232-233, 239 (2), 241, 251, 253, 259 (3), 276, 309, 312, 321, 325, 337, 357-358, 390-391, 392. Ч. V. С. 6-8, 28, 29 (2), 30 (2), 37, 41, 54, 73, 82, 84, 86, 87, 92, 95, 99, 101, 103-104, 106, 138, 147, 155, 164, 167-168, 169, 170 (2), 172-173 (2), 174-175, 178, 179, 186, 198.

¹³⁹ *Карамзин*. Кн. I. Т. I. С. 7 (2), 8 (2), 16 (2), 17 (2), 21-22, 23 (2), 24 (2), 26 (4), 28 (3), 30, 33 (2), 39 (3), 40 (2), 41 (2), 47-48, 53, 61-63, 67-68, 77, 82, 85, 100 (2), 125, 130, 133, 147, 150, 151 (2), 152. Прим. к Т. I. С. 21, 23, 33, 41-42, 51, 55 (2), 56, 62, 68, 69 (2), 70 (3), 72 (2), 73, 76, 105 (2), 116, 127 (2), 129, 137 (2), 144, 145 (3), 146.

¹⁴⁰ *Щербатов*. Т. I. С. IV, VIII, 74.

¹⁴¹ *Hume*. Vol. I. P. 6, 9, 11, 16-17, 53-54, 56-57, 62-63, 73, 83, 85, 90, 95, 111, 115, 119, 139-140, 148, 172, 178, 193, 229, 241, 248, 255, 271, 280-281, 321, 326, 328, 355, 368-369, 399, 492, 506, 508-509, 523, 604. Vol. II. P. 8, 12, 29. Vol. III. P. 49, 55, 62-64, 128, 363, 377, 401, 502, 582.

¹⁴² *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 1-2, 8-9, 20, 26, 70, 93, 106, 150. Vol. II. С. 10, 33, 50-51, 108, 324. Vol. III. P. 3, 66, 195, 202. *Робертсон* Т. I. С. 17, 33-34, 42, 44, 54-55, 64, 66, 71, 75, 85-86, 90, 106, 111, 113, 116, 119, 140, 142, 144, 158, 170, 173, 176, 317, 346. Т. II. С. 50, 59, 121. Т. III. С. 325. Т. IV. С. 140, 142, 235-236, 244, 246. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 1, 49, 55, 124, 251, 273, 349. Vol. III. P. 264, 270, 281, 297, 360.

¹⁴³ *Гиббон*. Ч. I. С. 56, 76, 97-98, 107, 197, 224, 233-234, 246, 249, 254. Ч. II. С. 6-8, 15-16, 30-31, 36, 60, 67, 84, 128, 140, 259, 253, 372. Ч. III. С. 78, 108-109, 138, 249, 252, 298, 374. Ч. IV. С. 33, 160, 248, 256, 393. Ч. V. С. 21, 34, 38, 52, 76, 148. Ч. VI. С. 9, 67, 72, 146-147, 149-150, 160, 165, 167, 175, 181, 187. Ч. VII. С. 29, 219, 302.

¹⁴⁴ *Карамзин*. Кн. I. Т. I. С. XI, 1-2, 18, 20, 24, 25 (2), 27, 29, 30-31, 36 (2), 38, 44, 57, 62, 65 (2), 79, 87, 89, 130, 145, 149, 152 (2). Прим. к Т. I. С. 22, 46, 71, 79, 95, 135. Т. III. С. 118, 120, 123, 125-126, 129, 132. Т. IV. С. 10, 12, 57-58, 74, 100, 149, 166, 181-182. Кн. II. Т. V. С. 113, 218, 220, 223, 232, 236, 240.

¹⁴⁵ *Щербатов*. Т. I. Посвящение. С. II (2). Т. II. С. 441. Т. IV. Ч. II. С. 398, 528. Т. V. Ч. II. С. 10. Т. V. Ч. III. С. 185, 223. Т. VI. Ч. I. С. 212.

Рубежи веков были более значимы для Робертсона, менее – для Юма¹⁴⁶. В «Истории Шотландии» Робертсон уделил особое внимание рубежу XVI–XVII вв., в труде о Карле V и в «Истории Америки» – рубежу XV и XVI вв. На рубежи веков обращал внимание и Гиббон¹⁴⁷, но они не играли в его труде той роли композиционной доминанты, какую им отвел, Робертсон в книге об эпохе Карла V. У Щербатова рубежные годы упоминались не в связи с обобщениями, как у Робертсона, а в силу следования летописной канве¹⁴⁸. Для Карамзина же рубежи веков были более значимы, чем для Щербатова¹⁴⁹. В качестве наиболее значимой грани в «Истории» Карамзина, как и у Робертсона, выделен рубеж XV–XVI вв., ставший своего рода медианой его труда, периодом, когда «родились новые связи между народами... началась новая эпоха, если не для мирного счастья людей, то по крайней мере для ума, для силы Правительств и для общественного духа Государств благоприятная»¹⁵⁰.

Важно отметить, что в творчестве Н.М. Карамзина, как показывает компаративный анализ, выстраивались максимально близкие к британской историографической традиции взаимоотношения с историческим временем. Прежде всего – это принципиальный, не связанный с обязательными оговорками *отказ от неукоснительного следования хронологии*, ставший значимым принципом взаимоотношений с историческим временем. Именно то обстоятельство, что выстраивание жесткой последовательности событий перестало быть определяющей ценностью, позволяло Карамзину, опираясь на опыт британских предшественников, моделировать пространство широких обобщений, уходить, насколько позволяли источники, от истории правителей к истории общества.

Вместе с тем, историографический канон, не заверченный, не ставший догмой, но обретавший отчетливые контуры в ту эпоху, предполагал исключительное внимание к установлению максимально точных сведений, касающихся хронологии. Н.М. Карамзину, как и другим

¹⁴⁶ *Hume*. Vol. I. P. 50, 117. *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 2-4, 7, 17, 40, 106. Vol. II. P. 160. Vol. III. P. 199. *Робертсон*. Т. I. С. 4, 10-11, 21-22, 65, 71, 81-82, 116, 118, 126, 144, 162, 345. Т. II. С. 119, 122-123, 258. Т. IV. С. 143, 256-257. *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 55, 207, 251, 269. Vol. III. P. 274-275, 318, 358. Vol. IV. P. 134, 248.

¹⁴⁷ *Гиббон*. Ч. I. С. 98, 263, 278, 316. Ч. II. С. 30, 40, 41 (2), 56, 238 (2), 252, 310. Ч. III. С. 77, 113-114, 205, 210, 307, 333, 357 (2), 374-375. Ч. IV. С. 14, 27, 63, 79, 99, 116, 129, 137, 164, 337, 349, 390, 392. Ч. V. С. 30, 32, 50, 60, 85, 103, 134-136, 164, 169, 175. Ч. VI. С. Ч. VII. С. 29, 32.

¹⁴⁸ Что касается политических дел, ничего в 1000 году по воплощении Иисуса Христа, не обретаем...». *Щербатов*. Т. I. С. IV, 74, 125, 133, 285. Т. II. С. 73, 425.

¹⁴⁹ *Карамзин*. Там же. Кн. I. Т. I. С. 9-11, 14-16, 21, 24-26, 29. Прим. к Т. I. С. 21, 32, 33 (2), 36, 42, 50, 53, 55, 67 (2), 69-70, 72, 117, 143-144. Т. II. С. 24. Прим. к Т. II. С. 18, 22, 26, 30, 57, 65, 91, 100, 112, 127. Т. III. С. 139. Прим. к Т. III. С. 71, 105. Прим. к Т. IV. С. 25, 53 (2), 103 (3), 156-157. Кн. II. Т. V. С. 210, 215. Кн. II. Прим. к Т. V. С. 26, 30. Т. VI. С. 120, 142. Т. VII. С. 85. Прим. к Т. VII. С. 65. Кн. III. Т. IX. С. 219, 228, 264, 276.

¹⁵⁰ Там же. Кн. II. Т. VI. С. 212.

историкам эпохи, удалось избежать «хронологического нигилизма». Превращения истории в свод вневременных обобщений не последовало. Появление обширных Примечаний в его труде, вероятно, можно рассматривать как итог найденного им персонального компромисса между стремлением к установлению точной, подтвержденной данными источников хронологии, и поиском смысла истории, компромисса, достигавшегося в разных вариантах и его предшественниками.

Набор диахронных темпоральных маркеров, использовавшийся историками той эпохи, достаточно однороден в пределах традиции позднего Просвещения, лишь в труде М.М. Щербатова ощутим перевес в пользу использования маркеров, фиксирующих временные неопределенности относительно небольшого масштаба, что вполне коррелируется с его приверженностью ценностям летописания. Разнообразие темпоральных маркеров, обеспечивавших синхронизацию в «Историях» того периода, свидетельствует, прежде всего, о *поиске оптимальных композиционных решений проблемы одновременности* в процессе создания масштабных исторических нарративов.

Расхождения в уровне интереса историков позднего Просвещения к проблеме исходных масштабных периодизаций свидетельствуют о достаточно высоком уровне *плюрализма*, которого придерживались британские историки, и которому не были чужды их российские коллеги. В отличие от Д. Юма и М.М. Щербатова, подобно В. Робертсону и Э. Гиббону, Н.М. Карамзин предложил читателям периодизацию, охватывавшую исторический процесс развития государственности в целом.

«*Малые*» *периодизации*, возникавшие в пределах летописной традиции, основанные на выделении периодов пребывания у власти правителей, внутренних и внешних конфликтов, представлены во всех проанализированных нарративах, однако Карамзин прибегал к ним реже, чем его британские и российский предшественники. Привнося в историописание новаторские коррективы, историки-просветители, творчески подходили к процессу выделения как масштабных, так и «малых» периодов, учитывая специфику воссоздаваемого времени. Интенсивное выделение *персонафицированного времени* (особенно часто – у Гиббона и Карамзина), подчеркнутый интерес к проблеме *лучшего / худшего времени*, спровоцировавший своеобразный заочный диалог между британцами и Карамзиным, расширяли представления о возможных стратегиях «овременивания».

Использование великими британцами значительной палитры темпоральных маркеров, обеспечивавших *деление истории на столетия*, позволяло не только «дробить» историю, но и доносить до читателей *связь времен*. Если в восприятии исторического времени Щербатовым столетия не играли сколько-нибудь существенной роли, то Карамзин может быть охарактеризован как исследователь, воспринимавший время истории, прежде всего, через призму веков, «*мысливший веками*».

Компаративный анализ макроисторий, созданных британскими историками и их российскими коллегами в эпоху Позднего Просвещения, позволяет сделать вывод о том, что предложенный Н.М. Карамзиным вариант структурирования времени формировался как результат *выбора* им *британского историографического канона* в качестве образца, соответствовавшего его представлениям об оптимальной модели воссоздания ушедших эпох. Творческое осмысление британского наследия позволило Н.М. Карамзину на материале российской истории предложить читателям яркий вариант презентации прошлого, который во многом предопределил последующее интенсивное развитие в России науки истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I–II. СПб., 1993. Ч. III. 2008. Ч. IV. 2006. Ч. V–VII. 2004.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. 2011.
- Грин В.А.* Периодизируя Всемирную историю. // *Время мира. Альманах.* Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 133-148.
- Гудсблом Й.* История человечества и долговременные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии // Там же. С. 117-132.
- История* в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: «Наука», 1978.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга I–IV. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. М.: «Книга», 1988-1989.
- Робертсон В.* История государствования императора Карла V. Т. I–IV. М. 1839.
- Розов Н.С.* На пути к обоснованным периодизациям Всемирной истории. // *Время мира. Альманах.* Вып. 2. С. 222-305.
- Рудковская И.Е.* Персонифицированное время в историографической традиции позднего Просвещения. // *Диалог со временем.* 2014. Вып. 47. С. 21-35.
- Ходжсон М.* Условия исторического сравнения эпох и регионов: пределы обоснованности условий // *Время мира. Альманах.* Вып. 2. С. 91-101.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка. // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: УРСС, 2011. С. 55-74.
- Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Санкт-Петербург. Т. I. 1794. Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Ч. II. 1783. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Ч. II–IV. 1789. Т. VI. Ч. I–II. 1790. Т. VII. Ч. I. 1790. Ч. II–III. 1791.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I–VI. L. 1830.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volumes. Vol. I–III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I–IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII–XI. Edinburgh; London, 1819.

REFERENCES

- Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii. Ch. I–II. SPb., 1993. Ch. III. 2008. Ch. IV. 2006. Ch. V–VII. 2004.
- Gimon T.V. Istoropisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi. Sravnitel'noe issledovanie. M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke. 2011.

- Grin V.A. Periodiziruya Vsemirnyuyu istoriyu. // Vremya mira. Al'manakh. Vyp. 2: Struktury istorii / Pod. red. N.S. Rozova. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001. S. 133-148.
- Gudshblom I. Istoriya chelovechestva i dolgovremennye sotsial'nye protsessy: k sintezu khronologii i fazeologii // Tam zhe. S. 117-132.
- Istoriya v entsiklopedii Didro i D' Alamberta. L.: «Nauka». 1978.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Kniga I–IV. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842–1844 godov. M.: «Kniga». 1988-1989.
- Robertson V. Istoriya gosudarstvovaniya imperatora Karla V. T. I–IV. M. 1839.
- Rozov N.S. Na puti k obosnovannym periodizatsiyam Vsemirnoi istorii. // Vremya mira. Al'manakh. Vyp. 2. S. 222-305.
- Rudkovskaya I.E. Personifitsirovannoe vremya v istoriograficheskoi traditsii pozdnego Prosveshcheniya // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 47. S. 21-35.
- Khodzhsan M. Usloviya istoricheskogo sravneniya epokh i regionov: predely obosnovannosti uslovii // Vremya mira. Al'manakh. Vyp. 2. S. 91-101.
- Chekantseva Z.A. «Narrativnoe» vremya istorika. // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoi. M.: URSS, 2011. S. 55-74.
- Shcherbatov M.M. Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen. T. I. Spb., 1794. T. II. 1805. T. III. 1774. T. IV. Ch. I. 1781. Ch. II. 1783. Ch. III. 1784. T. V. Ch. I. 1786. Ch. II–IV. 1789. T. VI. Ch. I–II. 1790. T. VII. Ch. I. 1790. Ch. II–III. 1791.
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I–VI. L. 1830.
- Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I–III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve vols. Vol. I–III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W. The history of America. Vol. I–IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII–XI. Edinburgh; London, 1819.

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; iri-rudkovskaya@yandex.ru.

Chronology and periodization in the historiographical tradition of the late Enlightenment

The author compares the ways the British and Russian historians structured time in the late Enlightenment period. It is concluded that to reveal the character of chronology and periodization in the “History of the Russian State” by H.M. Karamzin a comparative analysis is necessary to look into the “temporal canon” produced by the Anglo-Scottish and Russian historiographical traditions. В статье сопоставляются подходы к структурированию времени, характерные

Keywords: chronology, periodization, temporal markers, comparative studies of historiography, historiographical canon of the late Enlightenment.

Irina Rudkovskaya, PhD, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University; iri-rudkovskaya@yandex.ru

А. Г. ВАСИЛЬЕВ, В. О. ВАСИЛЬЕВА

**ОБРАЗЫ «ИСТОКОВ ПОЛЬШИ»
В РОМАНТИЧЕСКОМ МЕМОРИАЛЬНОМ НАРРАТИВЕ
ФОРМИРОВАНИЕ СОБЫТИЯ***

Статья посвящена анализу образов «истоков» в польской романтической мысли. «Истоки» рассматриваются как события, созданные интеллектуалами, формировавшими посттравматический нарратив польской национальной памяти по итогам разделов страны во второй половине XVIII века. Работа основана на подходах memory studies, нарративного анализа и идеях московско-тартуской семиотической школы. Показан процесс формирования этнокультурной и государственно-территориальной моделей представления об «истоках» Польши, возникших в контексте культуры романтизма и оказавших влияние на последующую историю польской культуры.

Ключевые слова: событие, нарратив, культурная память, национальная идентичность, польский романтизм, И. Лелевель, З. Доленга-Ходаковский, М. Мохнацкий

Jego [Bolesława] słupy żelazne wbiły się
Mocno w pamięć narodu i są kardynalnymi
punktami popularnej mapy Polski

Adam Mickiewicz (1838)¹

*«Z głębi dziejów, z krain mrocznych,
Puszcz odwiecznych, pól i stepów,
Nasz rodowód, nasz początek,
Hen od Piasta, Kraka, Lecha,
Długi łańcuch ludzkich istnień
Połączonych myślą prostą.
Żeby Polska, żeby Polska!
Żeby Polska była Polska!».*

Jan Pietrzak (1976)²

Польская национальная идентичность и соответствующие ей формы культурной памяти формировались в условиях утраты государственности. «Польские историки, – писал Н. Дэвис, – были заняты в первую очередь историей разделов. Падение старой Польши, его причины и последствия, остаются и до сегодняшнего дня главной страстью польской историографии. ...Пророки гибели и продавцы надежды составляют здесь прекрасную пару»³. С этой точки зрения, нарратив польской нацио-

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00357а «Событие и время в европейской исторической культуре XVII – начала XX века».

¹ «Его (Болеслава) железные столбы прочно вбиты в память народа и являются кардинальными пунктами популярной карты Польши» (Адам Мицкевич).

² «Из глубин истории, из темных краев, вечных пущ, полей и степей, наше происхождение, наше начало, ген от Пяста, Крака, Леха, долгая цепь человеческих существований, соединенная простой мыслью, чтобы Польша была Польшей!» (Ян Петржак), – пер. А.Г. Васильева.

³ Davies 2001. P. 176.

нальной памяти периода разделов характеризовался маркированностью «конца», катастрофы разделов. Польская профессиональная историческая наука складывалась в период утраты государственности, и это наложило на неё неизгладимый отпечаток. Польские историки того времени занимались преимущественно отечественной историей. При этом, вне зависимости от проблематики и периода, разделы Польши составляли для них своеобразную общую перспективу смыслообразования. «...Общим построением польскими писателями их национальной истории придаётся тот или другой характер, смотря по тому, как разными авторами понимаются причины падения Польши. По всей польской национальной историографии XIX в. можно проследить влияние, какое оказали взгляды относительно причин гибели польского государства, на различные построения всей польской истории»⁴, – писал Н.И. Кареев. Однако понимание причин трагического исхода накладывало отпечаток и на видение «истоков», с которых «все началось». Таким образом, формирование национальной идентичности требовало создания целостного нарратива, соединявшего «начало» и «конец» определенной логической связью.

По мысли П. Рикера, одним из модусов «постоянства Я» является т.н. «нарративная идентичность». Она создается способностью рассказывать о себе историю и обеспечивать, таким образом, преемственность самосознания. Данное положение равно относится как к индивидуальной, так и к коллективной идентичности. В том и другом случае «Я наделено способностью конструировать повествование о самом себе, и это повествование служит посредником в акте самопознания, иначе говоря, в нарративном модусе. “Я” воспринимает себя как героя собственного рассказа о самом себе, как Другого, целостность и идентичность которого гарантирована связностью и экзистенциальной значимостью самого повествования»⁵. В этом процессе структурирования нарратива идентичности можно выделить определённую логическую последовательность. В первую очередь, в зависимости от задач и ситуации сегодняшнего дня, *выбирается временная перспектива*. Группа может смотреть в более или менее удалённое прошлое. Таким образом, событие может попасть в то или иное повествование, или же, напротив, быть из него исключённым. Социальная общность находит в истории тех или иных предков, выделяет принципиально важные для идентификации группы исторические события или периоды. Изменение степени отдалённости, глубины исторического прошлого, с которым связывает свою идентичность группа, может изменить образы предков, значимых событий или периодов, представления о своих истоках, в конце концов – саму идентичность.

Уход вглубь истории способен расширять границы «наших» предков и, соответственно, «нашей» идентичности практически до бесконеч-

⁴ Кареев 1888. С. 1.

⁵ Спиридонов 2010. С. 154.

ности. Поэтому то, насколько глубоко и в каком направлении произойдёт этот «уход», является социокультурной конвенцией, определяющей то событие, эпоху, этнокультурную и религиозную традицию, с которой данной общности следует себя идентифицировать. Между выбранными точками «мнемонического пространства» устанавливается *линия преемственности*. Требуется показать и доказать, что «всё это – наша история», «наша коллективная биография». Для этого требуется организовать образ исторического континуитета, неразрывной связи со «своим», от выбранных «истоков» и «предков» до современности. Ощущение непрерывности исторического существования социальной группы играет важную роль в поддержании чувства коллективной идентичности. Ещё М. Хальбвакс отмечал, что в коллективной памяти события прошлого должны выстраиваться и интерпретироваться так, чтобы члены социальной общности узнавали себя на каждом этапе истории, ощущали то или иное прошлое как «своё». Для этого исторические факты должны входить в культурную память группы, будучи выстроены в соответствии с принципами исторической преемственности, континуальности. Используются апелляции к неизменным «местам», пространствам, материальным объектам, памятникам и реликвиям, связь с которыми провозглашается для данной группы «естественной», неразрывной, подлежащей постоянному поддержанию и восстановлению (в случае угрозы разрыва). История страны будет составлять таким образом, чтобы в ней не было «перерывов постепенности», чтобы это были «та же самая страна», «тот же самый народ» на разных исторических этапах. Революции, войны, национальные катастрофы постоянно создают «разрывы» исторической ткани. Поддержание же идентичности требует ощущения непрерывности «нашей» истории. Поэтому коллектив, адаптируя новые явления и идеи, должен периодически проводить реинтерпретацию прошлого так, чтобы эффект новизны был утрачен и новое предстало продолжением исторической традиции. Прошлое в коллективной памяти постоянно подвергается реорганизации. В этой картине прошлого должны отсутствовать большие перемены и разрывы, чтобы группа могла узнавать себя в ней на любом историческом этапе.

В коллективном образе прошлого есть свои «периоды-фавориты» и «пустые» исторические периоды, своеобразные «вершины» и «долины» (Э. Зерубавель) коллективной памяти. Особенно хорошо это видно при сравнении национальных календарей памятных дат, которое показывает, что самыми насыщенными периодами являются или эпохи чрезвычайно удалённые во времени («истоки»), или же последние два столетия⁶. Между этими «мнемоническими пиками» пролегают «мнемонические равнины». Обозначая ряд событий в качестве однородных и принадлежащих, следовательно, одному и тому же периоду, коллективная память создаёт

⁶ См.: Zerubavel 2003. P. 31, а также - Zerubavel 2003a. P. 315–337.

одновременно и исторический дисконтинуитет, обозначает линии разрыва, отделяющие «свое» прошлое от «чужого». Определённые события получают статус «поворотных моментов истории», с которых начинается новая эпоха и происходит полный разрыв с прошлым.

События возникают как таковые благодаря нарративному способу отношения к реальности, а установление связи между событиями, в свою очередь, создает нарратив. Ключевым событием любого мемориального нарратива выступает «начало», «истоки». Ответ на вопрос, откуда мы произошли, «откуда есть пошла...» относятся к числу важнейших и наиболее чувствительных для коллективной памяти. Особый интерес к «истокам» и «корням» как к фактору, определяющему характер группы и её современное положение, не имеет, конечно, строго научных оснований. В принципе, как отмечает польский историк М. Кула, ничто не мешает тому, чтобы между «истоками» и современностью в действие вступили факторы, существенно повлиявшие на дальнейший ход развития так, что сегодняшний день оказывается практически с этими истоками не связанным⁷. Тем не менее, принципиально важным для организации коллективной памяти остаётся принцип генетизма, коренящийся в мифологическом мышлении и утверждающий, что происхождение определяет сущность. Поэтому особенно ожесточённые бои разворачиваются обычно вокруг концепций «начала истории» той или иной общности.

Идея общего происхождения, единых предков играет здесь большую роль. Ощущение совместного прошлого создает чувство единства и солидарности в настоящем. В случае больших социальных групп, где о реальном родстве говорить невозможно, общее происхождение создаётся генеалогическими мифами. Они конструируют «искусственное родство» членов социальной общности. М. Вебер считал веру в общее происхождение важнейшим условием существования этнической группы. Польский социолог С. Оссовский пишет об этом так: «При анализе обычаев в устойчивых и сплочённых социальных группах, не опирающихся на общность происхождения, мы почти всегда можем встретиться с тенденцией их уподобления, хотя бы и внешнего, группам, в которых членов связывает общность происхождения»⁸. В зависимости от конкретных современных обстоятельств, делающих необходимым сформировать чувство общности у того или иного набора социальных групп, «наши истоки и предки» могут меняться.

«Истоки» очень точно отвечают всем требованиям, которые нарратология предъявляет к событию. Основными характеристиками события являются, во-первых, его однократность (сингулярность), «беспрецедентная выделенность некоторой конфигурации фактов из природной неизбежности или социальной ритуальности», во-вторых, фрактальность, «от-

⁷ Kula M. 2004. S. 180-181.

⁸ Ossowski 1966. S. 110-111.

граниченность (наличие начала и конца) рассказываемого отрезка жизни⁹ и, наконец, в-третьих, его интенциональность, зависимость событийного статуса от ценностной направленности сознания, которое и придает определенному отрезку времени и всему, что там происходит, статус события, т.е. определяет его сингулярность и фрактальность. «Событийность, – пишет В.И. Тюпа, – это особый (нарративный) способ отношения человеческого сознания к бытию (альтернативный процессуальности и ритуальности), а событие – это нарративный статус некоторого отрезка жизни в нашем опыте. Ибо без нарративной (сингулярно-фрактальной) оформленности со стороны сознания ни о каких событиях невозможно помыслить, созерцая непрерывный поток происходящего вокруг нас»¹⁰. В рамках созданных «мнемонических континуумов», прошлое структурируется в соответствии с определёнными моделями, выбирается тип взаимосвязи. Важно, в какое повествование и в каком качестве будет включён тот или иной исторический сюжет. Эти мнемонические модели имеют социальное происхождение и играют решающую роль для наделения определённого события тем или иным значением. Э. Зерубавель пишет об этом так: «Я полагаю, что историческое значение событий существенным образом связано со способом их расположения в наших умах *vis-à-vis* по отношению к другим событиям», с их «структурной позицией в рамках таких «исторических сценариев», как «водораздель», «катализатор», «последняя капля»¹¹. В рамках этих «мнемонических континуумов» повествование может быть организовано, например, вокруг образов прогресса, упадка, циклизма, движения от упадка к возрождению и от возрождения к упадку. При этом для каждого конкретного культурного контекста характерно преобладание нарративов определённого типа.

Ключевое значение в построении сюжетов играют категории «начала» («истоков») и «конца» повествования. В зависимости от того, на какой из этих пунктов делается акцент и как они трактуются, формируется и отношение к событиям, помещаемым внутрь очерчиваемого ими пространства. «Категории “начала” и “конца” являются исходной точкой, из которой в дальнейшем могут развиваться и пространственные, и временные конструктивные построения. Акцентированность одной из этих категорий (начала-конца) отнюдь не обязательно подразумевает аналогичную структурную позицию другой, так как далеко не во всех системах они образуют парную оппозицию»¹². Для польского нарратива национальной памяти в той форме, в какой он формировался на протяжении «долгого XIX века», значение рамки, очерчивающей мнемонический континуум «своего» прошлого, имели два события – «истоки» и разделы Речи По-

⁹ Тюпа 2016. С. 15-16.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Zerubavel 2003a. P. 12.

¹² Лотман 2000. С. 427.

сполитой. Внутри этого континуума основным событием было формирование и развитие «шляхецкой республики» XVI–XVII вв.

Память о прошлом выполняет две основные функции – легитимации и идентификации. Она должна объяснить и обосновать существующее положение вещей и восстановить целостность национального самосознания, непрерывность восприятия себя в истории. Вся польская культурная память в перспективе гибели государства и последующих страданий приобретает трагически-жертвенную окраску. «Категория “жертвы” – ключевой концепт для понимания польского подхода к польской истории»¹³, – подчёркивает Е. Доманьска. Но понимание жертвенности может быть двояким. Либо речь идёт о невинной жертве преступлений других, либо о жертве заслуженного наказания. События разделов могли создать фабулу как «оптимистической», так и «пессимистической» трагедии. Они могли оказаться главным событием истории духовного триумфа и нравственной победы. В этой перспективе сама военно-политическая слабость государства оборачивалась предметом гордости и воплощением особой миссии. В то же время, это могла быть история о заслуженной и закономерной расплате за ошибки, преступления, несовершенства социально-политического устройства, нарушение всеобщих законов истории и морали.

В зависимости от избранного «сюжета» «истоки» должны были выглядеть по-разному и выполнять разные функции в повествовании. Здесь уместно вспомнить концепцию функций «горячей» опции культурной памяти Яна Ассмана¹⁴. «Горячая» память имеет для культуры значение ориентирующей силы, которую Я. Ассман называет «мифомоторикой», а саму «горячую» культурная память – мифом, т.е. закреплённым и интегрированным до состояния «обосновывающей истории» прошлым вне зависимости от подлинности или же фиктивности этого образа. Миф – обращение к прошлому, с целью понимания настоящего и поиска ориентиров дальнейшего развития. В этом качестве память может выполнять две функции – *обосновывающую* и *контрапрезентную* (контрафактическую). В своей обосновывающей функции миф показывает прошлое как осмысленное и подтверждающее необходимость настоящего порядка

¹³ Domańska 2000. P. 257.

¹⁴ В этой концепции подчёркивается, что содержание культурной памяти может по-разному структурироваться в зависимости от интересов и видения мира той или иной социальной общности, в рамках которой создаётся этот «мемориальный нарратив». Культурная память может быть «горячей» и «холодной». «Горячая» культурная память ориентирована на динамику, развитие. Она концентрируется на уникальном, неповторимом в истории, переломных моментах взлёта, упадка, становления. «Холодная» опция культурной памяти, напротив, призвана сопротивляться изменениям и поэтому обращается ко всему регулярно повторяющемуся, неизменному, создавая образ прошлого как «вечного настоящего». Стимулировать «горячую» опцию более склонны «парии», низшие, угнетённые слои общества, заинтересованные в переменах. Господствующие классы, напротив, стремятся «охладить» память для увековечивания своего положения.

вещей. Контрапрезентная функция связана с ощущением несовершенства настоящего и обращением к прошлому как к «золотому веку», «героической эпохе». Здесь настоящее критикуется с точки зрения «прекрасного прошлого», сравнение с которым раскрывает всё несовершенство текущего положения дел. В определённых условиях обосновывающий миф может превратиться в контрапрезентный, а в экстремальных ситуациях (угнетения, обнищания, иноземного владычества) контрапрезентный миф становится революционным. Тогда образ прошлого превращается в социально-политическую утопию и может стать целью движений мессианского, хилиастического типа. «Контрапрезентный» сценарий, воплощенный в романтическом направлении польской историографии, отказывался признать закономерность разделов. Поэтому основная роль «истоков» в контрапрезентной романтической версии памяти заключалась в том, чтобы показать неправомочность и противоестественность произошедших в конце XVIII в. событий, их полную несовместимость с самой «сущностью» польской истории, которая была заложена уже в самых ее «истоках». «Оптимистическая» версия была «контрапрезентной», так как она концентрировалась на образах величия Речи Посполитой и отказывалась принять нормальность существующего в период разделов положения вещей. Поэтому распад государства был результатом насильственного внешнего вмешательства и внутренней измены. Идеал свободы, воплощение которого составляло смысл польской истории, был заложен изначально и получил наибольшее развитие в триумфальном для польской истории периоде формирования «шляхецкой республики» XVI–XVII вв. и расцвета «золотой вольности» благородного сословия.

В «пессимистическом» сценарии, разработанном прежде всего «краковской исторической школой», смысл разделов выявлялся путём показа неизбежности произошедшего, сопровождаемого призывом извлечь из этого уроки. «Пессимистическая» историография имела «обосновывающий» характер. Она стремилась нормализовать национальную идентичность, говоря о коренных пороках социально-политического устройства страны, которая закономерно шла к трагическому финалу, не замечая за мнимыми триумфами неизбежности конца. Здесь образ «истоков» также играл важную роль, но если оптимисты подчеркивали «демократический» характер раннего польского общества, то их оппоненты, напротив, указывали на благотворную, по их мнению, сильную королевскую власть у истоков польской истории. Период расцвета «шляхецкой демократии» выглядел здесь уже не как воплощение изначального смысла польской истории, а как патологическое отклонение от «нормального» пути развития, который привел все окружающие Речь Посполитую государства к созданию сильных централизованных абсолютистских монархий и сделал для них возможным уничтожение исторически обреченной Речи Посполитой. Если в «пессимистическом» нарративе основной акцент сделан на «конец», гибель государства как

закономерный итог уклонения от «нормального» хода развития, то в «контрапрезентном» романтическом оптимистическом нарративе на «истоки» падает большая смысловая нагрузка: образ «истоков» призван утвердить обоснованность бытия Польши, правильность и органичность ее исторического пути, всемирно-историческую миссию польской культуры, изначальную целостность польского общества, а также лишить принципиальной значимости национальную катастрофу, представив ее как случайность, вызванную несчастливым стечением внешних обстоятельств и внутренних проблем. К данной конструкции вполне применимы характеристики, которые дал подобным системам Ю.М. Лотман: «системе с маркированным началом при немаркированном (или слабо маркированном) конце... будут соответствовать все тексты о “золотом веке” как исходной точке истории человечества...», «...структуры с отмеченным началом соответствуют культурам молодым, самоутверждающимся, осознающим факт своего существования. Для этих культур будет свойственно осознание самих себя как непротиворечивых и целостно-ценных. Конфликт будет вынесен вовне...»¹⁵.

Мы сосредоточим внимание на представлениях о «начале» польской истории в романтической версии нарратива национальной памяти. В польской исторической традиции сосуществуют два мифа о «начале Польши» – языческий и христианский, миф о крестьянине Пясте, ставшем королем и основателем династии, и миф о новом рождении страны с принятием христианства Мешко I в 966 г. Чеслав Дептула, один из ведущих современных исследователей польской историографии и исторической культуры пишет об этом так: «Переломный период правления Мешко I и Болеслава Храброго создавал во всех преданиях о происхождении польского средневековья «второе Начало» Польши. Это христианское Начало содержало в себе дополнение ценности языческого Начала и давало объяснение его роли в направляемом Богом историческом процессе. На высшем духовно-моральном уровне народ повторял акты своего формирования. Он снова их актуализировал в новом измерении значений, которое создавало «христианское обновление генезиса Польши»¹⁶. Первый «исток» содержал в себе идею «народного духа», «народной культуры» преимущественно этнографическом смысле, которую следовало бережно хранить, а второй – идею польского государства, европейской христианской державы, которая должна быть восстановлена в ее «первоначальных границах». Первая версия образа «истоков» представляла собой праславянскую утопию. Говоря о ее бытовании в начале XIX века, исследователь польской интеллектуальной культуры Ежи Едлицкий¹⁷, выделяет три «проективных мифа о прошлом». Во-первых, это миф о

¹⁵ Лотман 2000. С. 428-429.

¹⁶ Deptula. 2000. S. 319-320.

¹⁷ Jedlicki 2002. S. 63-73.

культурном отличии Польши от Европы и возрождении праславянской народной традиционной культуры Зориана Доленги-Ходаковского (Адама Черноцкого) (1784–1825). Во-вторых, Вавжинец Суворецкий (1769–1827) создал образ высокоразвитого ремесленно-торгового древнего славянского мира, опережающего своим развитием остальную Европу. И, наконец, выдающийся историк-романтик Иоахим Лелевель (1786–1861) нарисовал картину изначальной демократии и общинного самоуправления, свойственных славянским народам с глубокой древности, их предназначенности к реализации в европейской и мировой истории идеи свободы и гражданственности. Как справедливо отмечает Мария Яньон, «наибольший успех в романтизме и позднее снискали Лелевель и Ходаковский»¹⁸. Именно к ним мы и обратимся в дальнейшем.

Интерес к историческим корням своего народа был общим интеллектуальным трендом европейской культуры рубежа XVIII–XIX вв, но в польском случае он имел особое значение. Только что исчезло в результате разделов государство, Речь Посполитая, республика шляхецкого «народа». Обращение к доисторическим первоисточкам могло казаться в такой ситуации компенсацией поражения, нанесенного историей польскому государству, своеобразным ответом на вопрос одного из сослуживцев Марка Блока в терпящей поражении в 1940 г. французской армии (с него историк начинает свою рефлексию над сущностью исторической науки) – «Надо ли думать, что история нас обманула?»¹⁹. Даже, если так, то уж на предысторию можно будет положиться! Занятия доисторической славянской древностью обещали открыть такие прочные основания национальной самоидентификации, над которыми уже не были властны никакие политические превратности и дипломатические игры великих держав. Эти истоки покоились в таких глубинах «времени большой длительности», на которые абсолютно не могли проникнуть возмущения от поверхностных политических происшествий. «Можно говорить, – пишет исследовательница польской культуры Алина Витковска – о своего рода славянской фиксации, которая охватила поляков в начале XIX в. В итоге она, конечно, способствовала развитию исследований в области славяноведения, предыстории, а также истории раннего средневековья, но все же не чисто интеллектуальные устремления питали эту горячку познания, эту устремленность к доисторическому мраку, охватившую не только ученых, но и обычных статистов на сцене национальной истории. Только жажда познать себя, определить свое сознание “сегодняшнего дня” могла сделать столь притягательным и социально значимым это путешествие во времени к Лехам, Пястам и Попелям, ко временам детства народа»²⁰.

¹⁸ Janion 2006. S. 51.

¹⁹ Блок 1986. С. 7.

²⁰ Witkowska 1969. S. 4.

На формирование этого облика праславянской древности повлияли, с одной стороны, образы «добротного дикаря», невинного первобытного человека Руссо, а с другой – предромантические идеи Гердера о неизменных качествах народов, подобно биологическим видам Линнея надежных «врожденными природными свойствами». Небольшой фрагмент сочинения Гердера «Идеи к философии истории человечества», посвященный славянским народам, оказал очень большое влияние на представления славянских мыслителей о «национальном характере» и «историческом предназначении» славян²¹. Их описание у немецкого философа очень напоминает картины счастливой Аркадии: «Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами, – торговцы, земледельцы и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий, их спокойное бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились. Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла и повсюду открывали полезную торговлю изделиями своей страны, произведениями своего искусства. ...и, как того требовал их характер, вели веселую музыкальную жизнь. Они были милосердны и гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей»²².

В интеллектуальной культуре той эпохи большим влиянием пользовался принцип генетизма, в соответствии с которым понятие сущности явления означало необходимость реконструировать его архаические истоки. Примерно через сто лет функционалисты будут критиковать этот подход как метод поиска одного неизвестного при помощи другого неизвестного, но в интересующее нас время подобный взгляд казался самоочевидным. Славист-романтик Вавжинец Суrowецкий писал: «Последующие поколения наследуют общие черты своих предков; обычаи, мнения, предрассудки, просвещение, недостатки и доблести, которые сегодня руководят нашими поступками, часто берут свой исток в давних временах наших прадедов. Поскольку сомневаться в этом невозможно, то легко прийти к выводу о том, как важно должным образом знать первоисток всего этого... Тот, кто знает исток своего счастья, лучше его ценит и в большей мере может им воспользоваться; тот, кто осознает первое звено последующего зла, без труда порвет всю эту цепь»²³.

Сфера славянских древностей не была простым объектом научного интереса в более позднем, позитивистском смысле этого слова. Она имела много общего со сферой «сакрального» в том его понимании, которое было предложено Дюркгеймом. Мир сакрального принципиально отде-

²¹ См.: Moroz-Grzelak 2006. S. 15-58.

²² Гердер 1977. С. 470-471.

²³ Surowiecki W. 1812. S. 85.

лен от мира профанного, он должен быть оберегаем от осквернения (например, со стороны ученого неславянского происхождения, который не мог понимать и чувствовать славянскую культуру, как полагали тогда многие романтики), обращение к нему требует соблюдения специальных правил обращения со «священными вещами» и руководства со стороны посвященных специалистов по коммуникации с миром священного. Говоря об исследователях этого времени довольно трудно бывает отделить ученого от поэта-пророка, а научные методы от сакрального акта проникновения в глубины народного духа. Если иметь в виду религиозный по своей сути характер национализма как культурного явления, раскрытый Б. Андерсоном, то это выглядит вполне закономерно.

Особую роль в создании образа доисторической славянской древности и самих основ современной польской фольклористики и этнологии сыграл Зориан Доленга-Ходаковский. Самым важным в этом отношении его сочинением стала работа «О славянстве до христианства» (1818). Основной своей задачей он полагал выведение из забвения языческого славянского прошлого. Само по себе обращение к славянскому прошлому не было чем-то абсолютно новым в тогдашней польской литературе, новым было, как отмечает Юлиан Машлянка, «его понимание у Ходаковского. Если предшественники понимали прошлое слишком обобщенно, как историю рода человеческого – Воронич, Потоцкий, – интегральной частью которой становилось прошлое славянских народов, то Ходаковский сделал главный акцент на племенном отличии славян и противопоставил его идее христианского универсализма, как чуждой, по его мнению, польскому духу»²⁴. Отсюда вытекало и его критическое отношение к христианству, как к силе, которая уничтожила память об исконной, «истинной» славянской культуре. «Всмотримся в нашу землю, – пишет Доленга-Ходаковский, – кто знает, быть может окажется, что славяне оставили нам ее как святую книгу, которая полностью не может быть уничтожена. Быть может, имея такое намерение, они на земли эти по своему обычаю наложили заклятие, чтобы никогда она не перестала быть наследием их потомков, и в этом своем стремлении в согласии со своей мудростью и простотой покрыли ее своими названиями, чтобы дать свидетельство будущим поколениям»²⁵. Поскольку от этой культуры не осталось письменных источников, то особое значение приобретали полевые исследования топонимики и фольклора, а также археология, поиск материальных следов языческого прошлого.

Зориан Доленга-Ходаковский стал одним из первых в европейской науке теоретиком и практиком полевых исследований в области фольклористики (антропологии), занимался изучением топонимики, наносил на карты курганы и городища. Все эти памятники и топонимы были для

²⁴ Maślanka 1963. S. 29-30.

²⁵ Dołęga Chodakowski 1967. S. 46.

него своеобразными письменами, а вся славянская земля книгой, которую требовалось прочитать. Им был создан очень влиятельный для последующей польской культурной памяти миф о славянстве. Славянская древность была представлена как стертая из памяти введением христианства культура, доступ к которой может дать не только и не столько рациональные методы исследования, сколько интуитивное проникновение вдохновенного духа, способного в экстазе перенестись в мифологическое прошлое. Себя он также воспринимал как своеобразное воплощение языческого жреца-пророка. «Формируясь по чужому образцу, мы в конце концов стали чужими сами себе», – пишет Ходаковский. Его проект заключался, таким образом, в том, чтобы вернуть славянам их память и своеобразную идентичность. Доленга-Ходаковский проводит стратегию определенной экзотизации славян в Европе, отстаивая их непохожесть на другие народы и представление их в качестве жертвы колонизации со стороны латинской европейской культуры, стершей их память и идентичность. Самого себя автор позиционировал в качестве представителя этой погибшей культуры, странствующего с посохом и котомкой «дикаря», чуждого академическому миру и светским салонам.

Важную роль в формировании образа «истоков», определивших историческую судьбу и историческую миссию Польши, сыграл выдающийся историк-романтик Иоахим Лелевель. Именно им (и Адамом Мицкевичем) прежде всего была создана романтически-мессианская версия польской истории, наложившая отпечаток на всю последующую историю польской культуры. Применительно к образам «истоков» нужно прежде всего вспомнить концепцию исконно присущего славянам, по его мнению, общинного самоуправления, *gminowładstwa*. Согласно концепции Лелевеля, славяне создали уникальную систему социальной организации, основанной на общинной демократии и правлении родовых старейшин. У славян царило равенство и отсутствовали сословия, касты и рабство. Также Лелевель рассматривал вопрос о происхождении славян. В это время начали активно развиваться сравнительно-историческое языкознание и индоевропеистика, обнаруживалось все больше черт сходства различных групп европейских языков (в т.ч. славянских) с санскритом. Теория индийского происхождения славян была довольно популярна среди польских славистов (Суровецкий, Скороход-Майевский и др), но Лелевель не поддерживал эту концепцию, защищая автохтонную теорию происхождения славян. Он писал: «такой большой и многочисленный народ как славянский не приходит, а лишь вырастает на месте»²⁶. Эту версию поддерживали в то время и чешские исследователи во главе с Й. Шафариком. Славяне, в соответствии с автохтонной теорией, провозглашались исконным (более древним, чем германцы, что особенно было важно в тех политических обстоятельствах) населением Европы.

²⁶ Lelewel J. *Dzieje Polski* (1829). Цит по: Rudaś-Grodzka 2013. S. 31.

Для исторической политики автохтонизм, как правило, обладает ценностью важного символического ресурса, позволяющего обосновать свою особую значимость, ценность и культурно-цивилизационное превосходство. Славяне оказывались одними из главных творцов европейской цивилизации, а не жителями ее варварской периферии.

Идея автохтонного славянского народа, наделенного всемирно-исторической миссией, позволяла сформулировать польскую национальную идею в период утраты государственности, когда политическое обоснование существования нации представлялось невозможным. Однако романтическая концепция заключенного в древнейшей предыстории «народного духа», не подверженного никаким историческим превратностям, могла лечь в основание идеи стабильного существования польского народа и гарантировать его историческую роль даже и в период утраты государственности в результате разделов²⁷.

Одним из ведущих представителей второй, «политическо-государственной» версии образа «истоков» был публицист и литературный критик Мауриций Мохнацкий (1803–1834). Он исходил из существования «исторического права» польского народа на свое государство в тех границах, которые существовали перед разделами. Границы страны должны были поддерживаться в национальной памяти польскими интеллектуалами с тем, чтобы территориальная реставрация стала когда-нибудь возможна. Мохнацкий также говорил о «вечной Польше», но, в отличие от славянофилов, это понятие имело у него территориально-политический смысл, от Прибалтики до Днепра. Первый раз эта программа была им сформулирована в 1828 г. в работе «Голос гражданина с Познаньщины к Сенату Польского Королевства по поводу Сеймового суда». Он писал, что «...мысль об объединении в одно целое разорванных частей нашей Родины является последней, еще не захваченной крепостью, в которой нашла себе убежище наша судьба»²⁸. Родина сегодня, отмечал Мохнацкий, это «великая мысль о политической независимости и надежда», Польша сегодня, это именно такие мечты, – подчеркивает он. Причем это мечты о восстановлении государства в его совершенно конкретных территориальных границах перед разделами. Мохнацкий подчеркивает, что Отечество нужно не изобретать и измышлять заново, а просто воскресить. В отличие от славянофилов, он не был склонен к идее соглашения с Россией на почве общей «славянской идеи», а, напротив, считал Польшу оплотом, предназначенным защищать Европу от российской экспансии.

²⁷ «После утраты независимости, в период Варшавского герцогства или Конгрессового Королевства, народ перестал отождествляться исключительно с государством. В публикациях того времени появились аргументы в пользу древности польского (славянского) народа, существовавшего задолго до рождения государства» (Rudaś-Grodzka 2013. S. 46).

²⁸ Mochnecki M. Głos obywatela z Poznańskiego do senatu Królestwa Polskiego z okazji Sądu Sejmowego. Цит. по: Rudaś-Grodzka 2013. S. 50.

Он считал Польское королевство, соединенное с Российской империей династической унией (форму существования польской государственности, созданную Венским конгрессом), политической химерой. В ходе Ноябрьского восстания он выступал с наиболее радикальных позиций, требуя отрешения от польского трона Николая I и восстановления Речи Посполитой со всеми ее частями и провинциями, вошедшими в состав Российской империи. В статье «Польская реставрация», опубликованной в 1831 г., он утверждал: «польский вопрос... это реставрация и акт национальной памяти, пробужденной от долгой летаргии». «Не утопия мудрствующих теоретиков, но древняя болеславовская или ягеллоновская монархия найдет друзей и свое место в современном порядке вещей»²⁹.

Идее поиска древних славянских истоков, характерных для славянофильского движения тех времен, он противопоставил возвращение к иному, государственно-имперским истокам, идею реставрации полиэтничной Речи Посполитой вместо славянского единства. Своего знаменитого тогда современника Доленгу-Ходаковского Мохнацкий практически не упоминает, у него, – пишет современная исследовательница, «...мы не найдем типичного для тех времен энтузиазма в отношении праславянской древности. Можно сказать, что в славянофильстве, в том виде, в каком оно развивалось в то время, Мохнацкий видел скорее угрозу для идентичности, чем поддержку для польской самоидентификации»³⁰. Во времена пястовской монархии видел он прежде всего «поэтические времена», «времена огромной мощи», когда «у нас в жизни была настоящая поэзия, но никто не передал ее следующим поколениям в произведениях поэтического гения»³¹.

Главным местом памяти здесь становились не абстрактные доисторические праславянские времена, а исторические герои и события прежде всего раннесредневековой польской истории. Основное место среди них занимал Болеслав Храбрый (967–1025), сын Мешко I, с образом которого польская историческая традиция прочно ассоциирует представления о державной мощи и величии государства. Мохнацкий пишет: «Всмотримся, к примеру, в век Болеслава Великого. Владения Болеслава ширились, господствовала мощная мысль, великая гениальная идея, в соответствии с которой этот выдающийся муж, скажем так, исполнял роль наместника для всех славянских народов. Мысль их единства, силы, славы! Болеслав распространял эту идею своей саблей, не допуская того, чтобы противоположная идея германизма в славянских странах, тогда не менее мощная, прекрасная, воинственная, могла получить над ней превосходство. Он был не только польским королем, но одновременно распространял свое покровительство на всех славян. Этой чертой отмечены

²⁹ Mochnacki 1836. S. 90.

³⁰ Rudaś-Grodzka 2013. S. 104.

³¹ Mochnacki 1985. S. 100.

его войны с немцами ... Однако он смог сделать очень много в этом направлении, потому что им владел дух славянских племен, сколь необычайный, столь же и сильный; под стать столь же необычайным, и требовавшим прямо-таки нечеловеческой силы тогдашним обстоятельствам. Верой укрепляет, придает сил; распространяет свет; кладет предел своеволию и беспорядку, громит врагов; умножает их владениями свои. От Одры до Днепра неутомимый посланец, предводитель и солдат, законодатель и хозяин дает государству безопасность и устанавливает внутрениний порядок. Унаследовав от своего отца – как сказал Нарушевич – «обширную никчемность», передает в наследство потомкам достаток, славу и страх, внушаемый его именем. А что за люди его окружали? А что за бояре с дикими, лесными сердцами, отважные, воинственные, покрытые доспехами? А что за старшина? Вызовем же все эти образы из своей памяти!»³². Таким образом, альтернативным «истокком» был образ великой империи, объединявшей славянские народы, империи, которая должна быть восстановлена в своем первоизданном (т.е. в границах 1772 года, на момент первого раздела) виде.

Если в первом варианте, актуализирующем праславянские истоки, ведущую роль играла работа воображения, реконструировавшего картины «исконного» славянского образа жизни в разных его вариантах от картин языческой дикости до образов цивилизованного общества с развитыми торговлей, ремеслом и письменностью, то во втором случае большую роль играло «географическое воображение». История должна была удостоверить исконность, вечность и неизменность польских границ, а задачей интеллектуалов было не дать этой «воображаемой карте» Речи Посполитой стереться из национальной памяти.

В формировании образа прочных и устойчивых, не подверженных превратностям времени, польских границ образ Болеслава Храброго играл важную роль. Именно с его именем связано летописное предание об установлении пограничных железных столбов, которые должны были раз и навсегда обозначить границы его королевства. В «Хронике» Галла Анонима (XII в.) сказано, что после похода на «неукротимых саксов» Болеслав «...in flumine Sale, in medio terre eorum, meta ferrae finis Poloniae terminavit» («определил границу Польши по реке Сале, в центре их страны, железным столбом»). В «Анналах» Яна Длугоша (XV в.) говорится об аналогичных действиях короля на востоке и западе (Болеслав сравнивается в этом своем деянии с Геркулесом): «Boleslavus deinde... tres in flumine Dnyeper in eo loco, ubi fluvius Szula miscet se fluvio Dnyeper, ex solido ferro columnas, que et in eam diem permanere asseruntur pro g(r)adibus perpetuis locat, qui in flumine Szovala in occidente tres postea locavit» («Затем Болеслав... три колонны из чистого железа поместил на вечные времена в реку Днепр, в том месте, где река Сула сливается с

³² Mochnacki 1985. S. 100-101.

Днепром, которые, как уверяют, сохранились по сей день, потом он поместил еще три на реке Солаве, на западе»); Ян Длугош сообщает также о походе на Пруссию, после которого «...Boleslaus Rex Regni sui Poloniae in fluvio Ossa, quod Poloniam Prussiamque disternit, perpetuos g(r)ades, ferream videlicet columnam in flumines medio, quartali milliaris ab oppido Rogoszno, inter Lyaszin et Rogoszno unde et villa ad gades huiusmodi sita. Slup a columna vocabatur. Propagandi siquidem Boleslaus fines Regni sui Poloniae et ne umquam propagate eonfundi possent, incensus, duiternitatis quoque cupidine ardens, status ferreas et in Oriente et in Occidente et in Septentrione locavit». («... Болеслав, король своего Польского королевства, <установил> на реке Осса, которая разделяет Польшу и Пруссию, в вечное свидетельство колонну, а именно из железа, посреди реки, в четырех милях от города Рогозьно, между Ласиным и Рогозьно, отчего и деревня у того знака расположенная называется Слуп, то есть Столб. Ибо горячо желая распространения пределов своего Польского королевства, а также того, чтобы, будучи раз расширены, они никогда уже не могли быть уничтожены и были бы устойчивы, Болеслав установил такие железные столбы и на Востоке, и на Западе, и на Севере»³³.

Во время Первой мировой войны, в 1916 г. в Кракове к этому сюжету обратился польский историк-любитель, писатель и публицист, участник Январского восстания Франтишек Равита Гавроньский в работе о «столбах Болеслава Храброго». Это было время подъема новой волны польского национального романтизма, оживления надежд на скорое восстановление государственности, что делало вопрос границ и их историко-культурного, политического или этнографического обоснования весьма актуальным. Интересно, что образ «империи Болеслава Храброго» в работе Гавроньского, как и у Мохнацкого, прочитывается в контексте идеи Польши как передового отряда европейской цивилизации, «польской миссии на Востоке». Он пишет: «взятие Киева было фактом огромного значения для современников. Речь идет не о политическом значении, в тогдашнем Киеве его некому было оценить. Но о, скажем так современным языком, военном значении, очевидном каждому. Первый раз киевляне увидели перед своим городом не орды тюрок, печенегов или (позднейших) половцев, разбойничьи и дикие, но войско, вооруженное мечами, закованное в доспехи, с великолепной западноевропейской организацией, которая придавало ему необычайную мощь, перед которой открылись ворота города, рассеялась княжья дружина, а князь их бежал, чтобы далеко на севере найти себе защиту. Нетрудно догадаться, какой страх и покорность охватили киевлян перед столь великой вооруженной силой, что они едва ли могли ее себе представить. Как приветствовали его смиренно, так и признавали его власть – молча. ...В те времена это была самая дальняя граница Европы, последний рубеж,

³³ Латинские тексты цит. по: Gawroński 1916. S. 5-6. Пер. А.Г. Васильева.

которого вместе с оружием Болеслава Великого, в первый раз достиг свет западной культуры, хотя бы только и в виде оружия...»³⁴. Этот фрагмент интересен тем, что в нем можно увидеть возрождение своеобразного «ориенталистского» (в смысле Саида) колониального взгляда на Восток, которое было характерно и для тех польских романтиков начала XIX в., которые, как Мохнацкий, связывали свою идею будущей Польши с реставрацией Речи Посполитой как полиэтничной империи.

Гавроньский задается вопросом, почему именно на Днестре, а не в Киеве (Днепр во времена Болеслава Великого протекал несколько в стороне от тогдашних границ города) установил польский король знаки своего господства и отвечает на него так: «Его <Киева> взятие было лишь делом славы его оружия. Совершенно иное значение в его глазах мог иметь Днепр как рубеж Европы и Азии, до которого он добрался первым из князей Европы»³⁵. Нетрудно упрекнуть здесь автора в анахронизме и приписывании польскому правителю рубежа X–XI вв. современных автору политических представлений о европейской миссии Польши. Он и сам это, видимо, чувствует, специально выделяя слова «мог иметь» в приведенном выше отрывке. Однако через несколько страниц направление взгляда меняется, автор начинает смотреть на ситуацию с перспективы будущего Польши как объекта завоевания и колонизации со стороны империи, которая во времена Болеслава зарождалась в Киеве. Он отмечает, что именно «здесь, над колыбелью Рюриковичей стоящие столбы были грозным напоминанием не только о победе, но и предостережением на будущее эмблемой власти и вождя польского оружия. Столбы стали воплощением идеи превосходства, угрозой для династии, хоть еще и молодой, но уже устремлявшей на запад свои захватнические усилия»³⁶. В самом конце повествования автор делает несколько неожиданный поворот, который вновь возвращает нас в эпоху романтизма начала XIX в. Не упоминая никаких имен и не делая никаких ссылок, полагая, очевидно, что для читателя все будет ясно и так, Гавроньский начинает обсуждать генезис легенды о «железных трубах», лежащих в Днестре и звучащих от движения волн.

Здесь требуются некоторые пояснения. В 1838 г. польский поэт-романтик, участник Ноябрьского восстания Люциан Иполин Семеньский (1807–1877) опубликовал поэму «Трубы в Днестре», которая опиралась на предания. Основная идея произведения – идея сильной и воинственной Польши, апология Болеслава Храброго. Его правление становилось образцом для будущего, прежде всего расширение и укрепление Болеславом польских границ, символом чего и стали «трубы в Днестре». «Болеславовский миф стал основой и для пястовского, и для

³⁴ Gawroński 1916. S. 30-31.

³⁵ Ibid. S. 38.

³⁶ Ibid. S. 39.

ягеллоновского мифов; актуализованный будущими поколениями, он давал подтверждение для чувства величия поляков и их претензии играть главную роль среди славянских государств»³⁷, – пишет Рудац-Гродзка. Трубы Болеслава лежат на дне Днепра, Одры и Балтийского моря, вечно исполняя свою песнь и подтверждая неизменность польских границ, которые не могут поставить под сомнение никакие исторические обстоятельства, и к которым Польша неизбежно должна вернуться.

Именно к объяснению генезиса этого образа обращается Гавроньский, отмечая, что возник он, очевидно, из-за того, что краковские средневековые историки никогда не были в Киеве, не видели этих мест, и поэтому в их воображении столбы легко превратились в трубы, а их расположение *над* Днепром – в затопление их *в* Днепре. Так пограничные столбы над Днепром превратились в «некие “железные трубы”, играющие от движения речных волн» и в «какие-то столбы, которые... были вбиты прямо в Днепр»³⁸. «На протяжении долгих веков, – завершает Гавроньский свое повествование о «столбах Болеслава», – над памятником нашей исторической славы пели бури и вихри скорбную песнь воспоминания, смешанную в единой гармонии с шумом речных волн, и, быть может, не одному поляку, затерявшемуся где-то на пути к Печерскому монастырю, напоминала она железную музыку Болеславовых мечей и далекие отголоски “труб”, возглашающих древнюю славу»³⁹.

Сколько-нибудь исчерпывающий анализ текстов польских романтиков не мог входить в наши планы. Скорее, нам хотелось на примере нескольких текстов известных и не очень известных авторов показать генезис двух образов события «начала», «истоков» Польши. Эти истоки отличаются временной глубиной (бездонная историческая древность в первом «народно-славянском» варианте и ранняя история польской государственности во втором, «имперском» варианте), в обоих случаях можно говорить об однократности и завершенности произошедшего, хотя, конечно, об установлении четких хронологических границ, особенно для первого, «славянского», случая, говорить сложно. Оба варианта «истоков» – события, формируемые интенционально, заинтересованным взглядом и отношением польских интеллектуалов, пытающихся осмыслить национальную историю и придать ей смысл после травматического разрыва. Функции обоих событий в качестве «мест памяти» схожи. Они являются основанием контрапрезентной памяти, обосновывая неправомочность произошедшего со страной и необходимость возвращения к «исторической норме», представленной у «истоков» страны. Сама эта «норма» выглядела по-разному. Впоследствии, «польско-славянские» этнокультурные образы исконной польскости лягут в осно-

³⁷ Rudaś-Grodzka 2013. S. 113.

³⁸ Gawroński 1916. S. 40.

³⁹ Ibidem.

вание т.н. «пястовской» модели польской нации, а «имперско-государственная» идея станет основой «ягеллоновской» ее модели. Образы исконно-польского идиллического демократического древнего славянского прошлого останутся в арсенале романтиков-оптимистов, а обращение к представлениям о сильном государстве как нормальном состоянии исконной Польши станет характерным для краковских «пессимистов-станчиков» второй половины XIX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: «Наука», 1986.
- Гердер И.Г. Идеи в философии истории человечества. М.: «Наука», 1977.
- Кареев Н. «Падение Польши в исторической литературе. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888.
- Лотман Ю.М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. С. 427-430.
- Спиридонов Д.В. Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета//Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1-2. С.154-166.
- Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию: научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Intrada, 2016.
- Davies N. Heart of Europe. The Past in Poland's Present. Oxford; N.Y.: OUP, 2001.
- Deptula Cz. Galla Anonima mit genezy Polski: studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego, Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. 2000.
- Dołęga Chodakowski Z.O Sławiąnszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy, opracował i wstępem opatrzył Julian Maślanka, Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN 1967.
- Domańska E. (Re)creative Myths and Constructed History: The Case of Poland //Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond/Ed. by Bo Stråth. Bruxelles etc. V. 9. 2000. P. 249-262.
- Gawroński F.R. Słupy Bolesława Wielkiego w Kijowie. Legenda, historia, hipoteza. Odbitka z „Czasu”. Kraków 1916.
- Janion M. Niesamowita Sławiąnszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków. Wydawnictwo etcLiterackie. 2006.
- Jedlicki J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku. Warszawa. Wydawnictwo WAB: Wydawnictwo CiS. 2002.
- Kula M. Krótki raport o użytkowaniu historii. Warszawa, 2004.
- Maślanka J. Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe – Oddział w Krakowie, 1963.
- Mochnacki M. O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Łódź. Wydawnictwo łódzkie, 1985.
- Mochnacki M Restauracja Polski// Maurycego Mochnackiego pisma rozmaite: Oddział porewolucyjny. Paryż, 1836.
- Moroz-Grzelak L. Herderowska filozofia dziejów w «przebudzeniu» narodów sławiąnskich // ΣΟΦΙΑ. 2006. № 6. S. 15-58.
- Ossowski S. Więź społeczna i dziedzictwo krwi. Warszawa. 1966.
- Rudaś-Grodzka M. Sfinks sławiąnski I mumia polska. Warszawa. IBN PAN. 2013.
- Surowiecki W. O sposobach dopełnienia historii i znajomości dawnych słowian//Rocznik Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciół Nauk. T. 15. 1812. S. 82-119.
- Witkowska A. Sławiąnski mit początku// Pamiętnik Literacki LX, 1969, Z. 2. S. 3-39.

- Zerubavel E.P. *Calendars and History: A Comparative Study of the Social Organization of National Memory // States of Memory. Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection/* ed. by J.K. Olick. Durham, 2003a. P. 315–337.
- Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past.* Chicago, 2003.

REFERENCES

- Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika.* M.: «Nauka», 1986.
- Gerder I.G. *Ideji v filosofii istorii chelovechestva.* M.: «Nauka», 1977.
- Kareev N. «Padenie Pol'shi v istoricheskoj literature. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888.
- Lotman Yu.M. O modeliruyushchem znachenii ponyatij «konca» i «nachala» v hudozhestvennyh tekstah // Idem. *Semiosfera.* Spb.: «Iskusstvo-SPB», 2000. C. 427-430.
- Spiridonov D.V. Problema narrativnoj identichnosti i istoricheskaya tipologiya syuzheta//*Dialog. Karnaval. Hronotop.* 2010. № 1-2. S. 154-166.
- Tyupa V.I. *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu: nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noj issledovatel'skoj raboty.* M.: Intrada, 2016.
- Davies N. *Heart of Europe. The Past in Poland's Present.* Oxford; N.Y.: OUP, 2001.
- Deptula Cz. *Galla Anonima mit genezy Polski: studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa sredniowiecznego,* Lublin. Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. 2000.
- Dołęga Chodakowski Z. *O Sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy, opracował i wstępem opatrzył Julian Maślanka,* Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN 1967.
- Domańska E. (Re) creative Myths and Constructed History: The Case of Poland//*Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond/Ed. by Bo Stråth.* Bruxelles, Bern, Berlin, Frankfurt/M., New York, Wien, Multiple Europes – Volume 9. 2000. P. 249-262.
- Gawroński F.R. *Słupy Bolesława Wielkiego w Kijowie. Legenda, historia, hipoteza.* Odbitka z „Czasu”. Kraków 1916.
- Janin M. *Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury.* Kraków. Wydawnictwo Literackie. 2006.
- Jedlicki J. *Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku.* Warszawa. Wydawnictwo WAB: Wydawnictwo CiS. 2002.
- Kula M. *Krótki raport o użytkowaniu historii.* Warszawa, 2004.
- Maślanka J. *Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne.* Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział w Krakowie, 1963.
- Mochnacki M. *O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym.* Łódź. Wydawnictwo łódzkie, 1985.
- Mochnacki M. *Restauracja Polski // Maurycego Mochnackiego pisma rozmaite: Oddział porewolucyjny.* Paryż, 1836.
- Moroz-Grzelak L. *Herderowska filozofia dziejów w «przebudzeniu» narodów słowiańskich // ΣΟΦΙΑ.* 2006. № 6. S. 15-58.
- Ossowski S. *Więź społeczna i dziedzictwo krwi.* Warszawa. 1966.
- Rudaś-Grodzka M. *Sfinks słowiański I mumia polska.* Warszawa. IBN PAN. 2013.
- Surowiecki W. *O sposobach dopełnienia historii i znajomości dawnych słowian/Rocznik Towarzystwa Warszawskiego Przyjaciół Nauk.* T. 15. 1812. S. 82-119.
- Witkowska A. *Słowiański mit początku// Pamiętnik Literacki LX,* 1969, Z. 2. S. 3-39.
- Zerubavel E.P. *Calendars and History: A Comparative Study of the Social Organization of National Memory // States of Memory. Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection/* ed. by J.K. Olick. Durham, 2003a. P. 315–337.
- Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past.* Chicago, 2003.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Учебно-научного института «Русская антропологическая школа» РГГУ (Москва, Россия), экстраординарный профессор Института Центральной и Восточной Европы (Люблин, Польша); vasal2006@yandex.ru

Васильева Виктория Олеговна, кандидат философских наук, доцент Школы культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; vchistyakova@hse.ru

The images of “the origins” of Poland in the romanticist memorial narrative: creation of the event

The article aims to analyse the images of "the origins" of Poland in the Polish romanticism. "The origins" are considered as the historical events created by the Polish intellectuals in the process of development of post-traumatic memorial narrative after the Partitions in the second half of the XVIII century. The article is based on the approaches of memory studies, narrative analysis and the ideas of the Moscow-Tartu Semiotic School. The process of creation of two images of «the origins» is revealed. First of them is the image of folk, Slavic, ethno-cultural Polish prehistory, while the second one is the political, state-centered territorial «origin». Both of them appeared in the context of Romanticism and influenced the subsequent history of Polish culture.

Keywords: event, narrative, cultural memory, "origins", national identity, Polish romanticism, Joachim Lelewel, Zorian Dołęga Chodakowski, Maurycy Mochnacki

Alexey Vasilyev, PhD in History, Deputy Director of the «Russian School of Anthropology» Institute Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), Extraordinary professor Institute of East Central Europe (Instytut Europy Środkowo-Wschodniej) (Lublin, Poland); vasal2006@yandex.ru

Victoria Vasilyeva, PhD in Philosophy, associate professor of the School of Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), vchistyakova@hse.ru

Н. Н. РОДИГИНА, Т. А. САБУРОВА¹

**«МЫ ВДОВОЛЬ НАГОВОРИЛИСЬ
О РАЗНЫХ СОВРЕМЕННОСТЯХ...»
дискурс о “современности” в русских эго-документах
второй половины XIX – начала XX века**

Статья посвящена представлениям о современности в эго-документах (дневниках, письмах, воспоминаниях) русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. На основании дискурсного анализа выявлено содержание и смысловые значения понятия «современность», контексты его использования и распространения, характера отражения в нем сознания и поведения человека эпохи «модерна», взаимосвязи понятия и темпоральности.

Ключевые слова: дискурс, история понятий, современность, идентичность, эго-документы, темпоральные представления.

Один из участников известного проекта «Основные исторические понятия. Исторический словарь социально-политического языка в Германии (1972–1997)» Ханс Гумбрехт отмечал, что существует не так много понятий, история которых обсуждалась бы исследователями в последние десятилетия столь часто, как история того, что обозначается определениями «современный», «современность», «модернизм»². Однако, к нашему удивлению, мы не нашли работ, посвященных выяснению значения названных понятий в эго-документах русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Мы разделяем мнение о том, что историк ищет в прошлом ответы на те вопросы, которые актуальны для него в настоящем. Наше обращение к теме современности / несовременности в русских эго-документах определяется стремлением 1) понять, как «герои» «нашего» (в смысле профессиональной специализации) времени реагировали на «слом эпох», к каким стратегиям понимания современности и выживания в ней они прибегали; 2) выяснить возможности эго-документов для изучения исторической семантики понятий. Очевидно, что названные причины связаны с собственной идентификационной рефлексией – и мировоззренческой в самом широком смысле, и профессиональной. Обаяние эго-документов в том, среди прочего, и состоит, что, пытаюсь понять «Другого» мы «собираем» самих себя, проясняем и иерархизируем свои жизненные цели и ценности, гармонизируем свой смысловой мир³.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² Гумбрехт 2014. С. 242.

³ Рейтблат 2014. С. 189.

Наши методологические предпочтения находятся на стыке истории понятий и истории дискурса. Вслед за Р. Козеллеком мы считаем понятиями слова, несущие в себе «смысловую полноту», и которые, в отличие от простых слов, всегда многозначны. Если значения слов могут быть точно определены, то понятия можно только интерпретировать⁴. Рассматривая историю понятий как историю взаимосвязей слов с исторической действительностью, Козеллек отмечал связь истории понятий с историей дискурсов. Он, в частности, констатировал: «Дискурсу необходимы основные понятия для того, чтобы выразить, о чем идет речь. А анализ понятий требует обладания как лингвистическим, так и нелингвистическим контекстом, включая тот, что поставляется дискурсом. Только при таком знании контекста можно установить, что в каждом конкретном случае стоит за многозначностью понятий, за их содержанием и значением, как перераспределяется пространство, которое они друг у друга отвоёвывают»⁵. Дискурсный анализ с его акцентом на выяснение позиции автора и адресата, их способов видения мира и коммуникативного поведения, поиском влияния идеологического, эстетического, повседневного и прочих контекстов эпохи, установления зависимости между спецификой эго-документа и содержанием текста, актуализирующее интересующее нас понятие, представляется нам наиболее оптимальным для реализации нашего замысла.

Мы разделяем понимание дискурса как «коммуникативного события», предложенное Т. ван Дейком, подразумевающего «единство языковой формы, значения и действия»⁶. Для нас также важно понять прагматические установки коммуникантов, их социальные роли, то, в рамках каких институтов, интеллектуальных сетей и сообществ производится, употребляется и распространяется дискурс. Наша задача – выяснить в каком семантическом поле употреблялись слова «современность», «современник», «современные» и их антонимы, каковы контексты их актуализации в эго-документах второй половины XIX – начала XX в.

К эго-документам мы относим такие типы текстов, в которых доминирует авторская (субъектная) позиция, а именно дневники, переписку и мемуары⁷. Мы привлекли тексты, различающиеся по типу объекта (о событии, о времени, о лице, о себе) или стратегии повествования (дескриптивная, нарративная), тексты с разной временной дистанцией между событием и временем его описания. Признаемся, что критерий выбора эго-документов был в достаточной степени случайным и обусловленным главным образом наличием в источниках рефлексии по поводу интересующего нас понятия. Обращаясь к работе с понятиями, представляется

⁴ Цит. по: Бёдекер 2010. С. 42.

⁵ Koselleck 1996. P. 62.

⁶ Цит по: Корчинский 2015.

⁷ Троицкий 2014. С. 14.

важным зафиксировать те варианты их употребления, которые существуют в современном для нас как исследователей семантическом поле.

1. Понятие «современность» можно рассматривать в контексте формирования общества и культуры модерна; выделяя определенные черты эпохи и «современного» человека. Не случайно, например, говорят о современном политическом человеке как типе или современных методах управления производством. Это понимание современности может быть описано при помощи бинарных оппозиций «новое» / «старое». Сошлемся на определение Х. Гумбрехта: «В этом значении данное определение описывает современность, переживаемую как эпоха, которая в силу определенных качеств, свойственных ей в целом как чему-то гомогенному, несмотря на всю ее сложную природу, отделяется... от эпох прошлого»⁸. В то же время, понятие современности связано с представлениями и способами самоидентификации, с тем, как человек воспринимает и осознает себя в меняющемся мире. В этом случае понятие современности приобретает ярко выраженные рефлексивные черты, позволяя выявить соотношение между «первой» и «второй» реальностью.

2. Понятие современности связано с темпоральными представлениями, ощущением времени. «Современность» как настоящее время, отделенное от прошлого, осознаваемое как особая эпоха, возникает как реакция на изменения в обществе, культуре, которые необходимо осмыслить и вписать в существующую систему координат. Современность, противопоставленная прошлому, может его отвергать или стремиться сохранить, но ее невозможно определить без границы с прошлым. Согласимся с К. Кобриным в том, что *современность* двойственна: она пытается возвести свою генеалогию к собственному прошлому и одновременно отрицает необходимость для себя генеалогии как таковой⁹.

Современность может вызывать чувство ностальгии по утраченному прошлому, соединяясь с меланхолией, так как прошлое оказывается потерянным безвозвратно и его невозможно вернуть, восстановить, а вместе с прошлым утрачено то, что еще недавно было главными ценностями, событиями, переместившимися в область воспоминания, ставшими частью индивидуальной или коллективной памяти.

Современность может вызывать чувство восхищения, связанное с новизной, «прогрессом», расширением «горизонтов» и осуществлением надежд, но и пугать своей непредсказуемостью, неуловимостью, неопределенностью, в отличие от прошлого, которое видится завершенным и относительно понятным. Современность открыта будущему, рождая ощущение незавершенности, она создает необходимость постоянного движения, необходимость успеть за временем, за изменениями, которые

⁸ Гумбрехт 2014. С. 246.

⁹ Кобрин 2014.

происходят, причем все быстрее и быстрее. Современность воспринимается как поток, и ход времени превращается в «бег», в отличие от прошлого, в котором время уже остановилось. Как заметил Ле Гофф, сознание современности рождается из ощущения разрыва с прошлым¹⁰.

В каком случае этот разрыв с прошлым становится предметом особой рефлексии, создавая ощущение дискомфорта, своей «несовременности» и, соответственно, меланхолической ностальгии по прошлому? Конечно, нельзя не учитывать индивидуальные особенности адаптации человека к меняющимся условиям жизни, но наша задача – определить социальные рамки чувства современности и ностальгии, выяснить, насколько представители русского образованного общества осознавали, ощущали себя современными эпохе, чувствовали себя живущими в одном пространстве с настоящим временем, то есть «со-временными».

Еще Шатобриан в своих «Замогильных записках» отмечал, что мир меняется так быстро, появляются другие принципы, распространяются новые идеи, что скоро не остается ничего знакомого. По мнению П. Фрицше именно в этом и заключается причина появления ностальгии как явления исключительно эпохи модерна, реакции на дискомфортное состояние, вызванное утратой знакомого культурного пространства, что приводит к невозможности почувствовать себя дома в постоянно меняющемся мире. Ностальгия – результат процессов индустриализации и урбанизации, симптом культурного стресса, вызванного не только быстротой перемен, но и социальным усложнением окружающего мира, в котором «личность» становится более индивидуальной, но и более одинокой¹¹. Как заметила С. Бойм, «ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных наречиях и медленном течении времени»¹².

3. Нельзя не вспомнить и о таком значении понятия «современность» как «временный», «преходящий» (антоним – «вечный»). Это значение актуализируется, когда современники рассматривают свое настоящее и его идеи «как прошлое будущего настоящего». Оно употребляется для фиксации быстротечности, стремительности современности, настолько динамичной, что ей возможно противопоставить только вечность как некую неподвижную точку¹³.

В эго-документах второй половины XIX в. (и отчасти даже второй четверти названного столетия) встречаются все упомянутые смысловые значения «современности». Однако в большинстве проанализированных нами текстов слово «современность» употребляется как синоним «настоящего» времени, «текущего момента», причем чаще всего в кон-

¹⁰ Ле Гофф. 2013. С. 46.

¹¹ Fritzsche. P.1588–1591.

¹² Бойм. 2013.

¹³ Гумбрехт.. С. 246.

тексте характеристики представителей мира литературы, науки или политики. В воспоминаниях А. Панаевой, впервые опубликованных в 1889 г., нами выявлено 10 словосочетаний со словом «современность», причем большинство из них касается именно поля литературы¹⁴. Типичным для ее языковой личности можно назвать следующее выражение: «Тургенев более всех *современных* (здесь и далее курсив наш – *Н.Р., Т.С.*) ему литераторов был знаком с гениальными произведениями иностранной литературы, прочитав их все в подлиннике»¹⁵. У нее же читаем: «В характере Некрасова было много недостатков, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из *современных* литераторов мог упрекнуть его в зависти к их успеху на литературном поприще или в том, что он занимался литературными сплетнями»¹⁶.

Чаще всего словосочетания со словом «современный» в эго-документах эмоционально нейтральны и несут констатирующий характер. И.И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» упоминает производные от слова «современность» 9 раз, из них 6 как синоним «обыденного», «сиюминутного», «текущего». У него, к примеру, читаем о Т.Н. Грановском: «Беседа Грановского, всегда исполненная тонкого ума, внутренней теплоты, чувства гуманности, симпатии ко всем живым явлениям *современности*, не имевшая в себе ничего блестящего, но освещенная тихим, ровным поэтическим колоритом, производила всегда отрадное впечатление на его слушателей, возбуждала их привязанность и укрепляла в них сочувствие к нему...»¹⁷. А.Г. Достоевская в своем дневнике единожды упоминает слово «современный», описывая пребывание в Дрездене и посещение картинной галереи, где они с мужем осматривали картины «современных живописцев»¹⁸.

Однако в тех фрагментах дневников и воспоминаний, где речь идет об общественном движении и литературной борьбе 1850–1860-х гг. слово «современный» нередко употребляется как синоним слову «передовой», «прогрессивный». Показательны в этом смысле многочисленные фрагменты воспоминаний А. Панаевой, посвященные истории журнала «Современник». Сошлемся на один из них: «Если бы явился новый журнал с современным направлением, то читатели нашлись бы. С каждым днем заметно созревают все новые и новые общественные вопросы; надо заняться ими не со снотворным педантизмом, а с огнем, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности»¹⁹.

¹⁴ Здесь и далее в наших подсчетах мы не учитывали производные от слова «современность», встречавшиеся в названиях художественных произведений, публицистических статей, периодических изданий.

¹⁵ Панаева 1986. С. 210.

¹⁶ Там же. С. 324.

¹⁷ Панаев 1988. С. 208.

¹⁸ Достоевская 1993. С. 15.

¹⁹ Панаева. 1986. С. 159.

Обилие «современности» в названиях периодических изданий второй половины XIX – начала XX в. поражает: многочисленные «Современники», «Современная летопись», «Современное обозрение», «Современное слово», «Современный труд», «Современный театр», «Современный мир» (последний журнал был переименован из марксистского «Мира божьего») и др. Существование насыщенного информационного пространства создавало ярко выраженный эффект современности, погружая в настоящее время, соединяя в газетной и журнальной хронике события происходившие в разных городах и странах. Как заметил Т. Митчелл, «газеты фиксируют запись настоящего и делают это ускользящее настоящее доступным через форму воспроизведения»²⁰. Значение единого информационного пространства, формирующего чувство «одновременности» и сопричастности, отметил еще Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества», посвященной конструированию наций. П.Д. Боборыкин описывал свое отрочество и юность в провинциальном Нижнем Новгороде как подготовку к яркой эпохе 1860-х гг., как предчувствие той «современности», с которой он себя отождествлял по поколенческому признаку (если соотносить с «современностью шестидесятых» время социализации): «Перед поступлением в студенты те из нас, кто был поразвитее и поспособнее, уже вобрали в себя много всяких поощрений к дальнейшему развитию. Это несомненно! Мы подросли в уважении к идее университетской науки, приобрели склонность к чтению, уходили внутренним чувством и воображением в разные сферы и чужой и своей жизни, исторической и *современной*»²¹.

Примечательно, но в многочисленных мемуарных описаниях конца 1850-х – начала 1860-х гг. как «эпохи величайшего пробуждения умов», «эпохи медового месяца великих реформ», «времени прекрасных надежд», «всестороннего возрождения России», «воскресения», «весны», «всеобщей радости», когда жилось «легко и отраднo»²², слово «современность» практически не встречается. Оно заменяется близкими по смыслу словосочетаниями: «новая эпоха»; «наступление *новых условий жизни и коренного переворота*»²³; «*новая жизнь* нашего отечества»²⁴, «наступление *новой эры*»²⁵. Ощущение значимости и масштаба происходящих перемен зафиксировал П.В. Засодимский, встретивший воцарение Александра II учеником Вологодской гимназии. Он, в частности, писал: «Годы 1858–1860 послужили для нашего пансиона переходом от *древней истории к новой*. Трудно указать год или какой-нибудь факт, которые можно было бы принять за грань между *старыми и новыми*

²⁰ Mitchell 2014.

²¹ Боборыкин 2003. С. 23–24.

²² Родигина, Худяков 2011. С. 9–25.

²³ Градовский 1908. С. 352.

²⁴ А.Н.Т. 1910. С. 411.

²⁵ Богучарский 1904. С. 228.

временами. Новые веяния проникали незаметно, мало-помалу в наш замкнутый мирок, они, казалось, пробирались в него вместе с воздухом и солнечным светом. *Свежая струя* не могла разом проветрить промозглую атмосферу. Но, хотя и медленно, нравы смягчались»²⁶. Выходец из купеческой среды, писатель и журналист Н.А. Лейкин писал, что в начале 1860-х гг. «все *перепородилось*, и явился у всех подъем духа»²⁷.

Чаще слово «современность» появляется в дневниках начала 1880-х и воспоминаниях об этом периоде как проявление ностальгии о «святых 1860-х гг.», ставших одним из ключевых мест памяти для русских интеллектуалов, или о начале *бурной, новой эпохи*, сменившейся *бесцветным безвременьем*. В этом случае *безотрадная современность* воспринималась как антитеза *яркому* прошлому. В качестве примера сошлемся на дневник А.Ф. Тютчевой, не идентифицировавшей себя с «шестидесятниками» XIX в. «В невероятно бесцветной среде нашего *современного* общества этот человек, действительно гениальный по природе, горячий и увлекающийся, исполненный честолюбия и ревности о славе родины, представлялся метеором, может быть, тревожащим, угрожающим, но сияющим в противоположность бледным созвездиям нашего туманного неба», – писала она о М.Д. Скобелеве 26 июня 1882 г.²⁸

Однако далеко не всегда современность и прогресс воспринимались авторами эго-текстов как положительные явления. И.И. Панаев в отдельных случаях упоминал о негативных характеристиках современности 1850-х гг. и ее порочном влиянии на современников. Так, рассказывая о смерти от злоупотребления алкоголем одного из своих знакомых, литератор восклицал: «Вот до каких гибельных последствий доводит иногда сближение с так называемыми *современными* людьми!»²⁹ Чувством тревоги полна рефлексия Л.Ф. Пантелеева по поводу влияния интенсивного либерального реформирования страны на радикализацию общественного мнения: «"Молодая Россия" объявляла кровавую войну не только существующему строю, но и всем его основам; от *современного* общества не должно было остаться камня на камне. Понятно, что не только разрешались, но прямо рекомендовались все средства, и в числе их убийства, грабежи, пожары и т.п. Помнится, приблизительно триста тысяч жизней предлагалось принести в виде жертвы, чтобы расчистить поле для закладки нового общества»³⁰. Очевидно, что контекст актуализации образов современности детерминировал и ее оценочные коннотации. Социокультурная инверсия, вызванная разочарованием в первых результатах эмансипационных реформ, появлением

²⁶ Засодимский. 1908. С. 134–135.

²⁷ Лейкин. 1907. С. 135.

²⁸ Тютчева. С. 564.

²⁹ Панаев. 1988. С. 284.

³⁰ Пантелеев. 1958. С. 279.

терроризма и усугублением «расколов» русского общества (по идеологическому, поколенческому, сословному и другим основаниям), предопределила обилие критических рецепций «современности». Сошлемся как на распространенное суждение Б.Н. Чичерина о причинах убийства Александра II: «Он погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнузданных, а составляющих глубочайшую язву *современного* человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах. Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты»³¹.

Наибольшее количество репрезентаций слова «современность» встречаем в «Дневнике» А.В. Никитенко (1826–1877)³². В результате предпринятого нами контент-анализа было выявлено 85 случаев его употребления и свыше 20 вариантов словосочетаний со словом «современность». Нами не учитывались вариации данного слова в названиях упоминаемых Никитенко периодических изданий (к примеру «Современник»), статей, памфлетов.

**Частотность и контексты употребления
слова «современность»
в «Дневнике» А.В. Никитенко***

Словосочетание со словом «современность»	1826–57	1858–65	1866–77
Современные нравы (современная нравственность, современные гадости)	5	2	1
Современники (современник, современные знаменитости)	2	5	1
Современные писатели, современная литература	2	7	3
Все современное, (современность, современное положение)	3	1	1
Современная наука (современная русская образованность, современный век)	1	3	8
Современные события (современные дела, современные происшествия)	3	8	9
Современное общество (современные нигилисты, современные протестанты)	1	1	3
Современная мысль (современное направление)	-	2	1
Современная цивилизация	-	2	4
Современные вопросы (современные общественные вопросы)	-	5	
Современная политика	-	-	1
Итого:	17	36	32

* Подсчитано нами на основании контент-анализа: Никитенко 1955–1956. Т. 1–3.

³¹ Чичерин. 1995. С. 377–378.

³² Об истории дневника, его источниковом потенциале, истории его публикации см., напр.: Айзеншток И.Я. Дневник А.В. Никитенко // Никитенко 1955. Т. 1. С. V–XLIV.

Как свидетельствуют материалы табл. 1, в первой половине XIX в. современность в дневнике А.В. Никитенко упоминается, как и в ряде других уже процитированных текстах, главным образом при характеристике литераторов и нравов мира литературы и науки, с которым соотносил себя автор. Однако, даже будучи сравнительно молодым человеком, он активно рефлексировал по поводу социокультурных и социально-психологических аспектов современности. Так, 15 января 1841 г. он записывает: «Печальное зрелище представляет наше *современное общество*: в нем ни великодушных стремлений, ни правосудия, ни простоты, ни чести в нравах, словом – ничего свидетельствующего о здоровом, естественном и энергическом развитии нравственных сил. Мелкие души истощаются в мелких сплетнях общественного хаоса. Нет даже правильно понятого о выгодах и твердого к ним стремления. Все идет, говоря русским словом, "на шаромыжку". Ум и плутовство – синонимы. Слова "честный человек" означают у нас простака, близкого к глупцу, то же, что и добрый человек. Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаками романтической восторженности. И понятно, ведь с ними не соединяется ничего существенного, – это пустые, книжные слова»³³. Современность дает Никитенко основания для определения собственной идентичности, а ее оценки зависели от восприятия текущего политического курса, определялись профессиональной и личностной востребованностью, степенью эмоциональной вовлеченности в происходящее. «Да, тяжело положение, когда, не питая никаких преступных замыслов, неукоризненные в глубине вашей совести, потому только, что природа одарила вас некоторыми умственными силами и общество признало в вас их, вы чувствуете себя каждый день, каждый час в опасности погибнуть так, за ничто, от какого-нибудь тайного доноса, от клеветы, недоразумения и поспешности, от дурного расположения духа других, от ложного истолкования ваших поступков и слов. Какое начало призвать тут к себе на помощь? Где искать опоры? Одно остается – запереться в презрении к этой бестолковой дребедени, к *современной жизни*, утешаясь, кто может, верой в более светлое будущее, которое, увы! вряд ли достанется еще и нашим внукам. А сам, искалеченный, измученный, уж лучше сразу откажись от всяких прав на жизнь и деятельность – во имя... Да во имя чего же, господи?», – читаем запись от 22 марта 1852 г., в которой упоминается о возможных цензурных преследованиях И. С. Тургенева³⁴.

Возвращаясь к табл. 1, отметим, что в эпоху либеральных реформ, наряду с традиционным для литературоцентричного XIX столетия интересом к миру «современных» писателей и «современной» литературы (7 упоминаний), одной из главных рецептов «современности» для Ники-

³³ Никитенко. Т. 1. 1955. С. 228.

³⁴ Там же. С. 351.

тенко становятся «современные вопросы». К самым насущным он относил: эмансипацию (как отмену барства, ослабление цензуры), студенческие волнения в Санкт-Петербурге и пожары начала 1860-х гг., проблемы и перспективы строительства железных дорог, «повальное пьянство». С одной стороны, как умеренный либерал Никитенко признавал необходимость перемен, описываемых затем в историографии XX в. как модернизационные преобразования, с другой же, видел их «издержки» и достаточно эмоционально оценивал негативные их последствия (радикализацию общественного мнения, выразившуюся в студенческих волнениях, прокламациях, обвинениями студентов в пожарах 1862 года, распространении нигилизма, атеизма, алкоголизации населения и др.). Можно назвать типичной для него реплику: «Вы говорите, что надо дотла разрушить все старое, чтобы построить лучшее новое. Но кто же будет строить? Люди? И вы думаете, что они не внесут в новое здание своих страстей, предрассудков, заблуждений. Зло переменит только кожу и останется тою же змеєю»³⁵. В 1863 г., размышляя о *современной цивилизации*, Никитенко, называет индивидуализацию как одну из характеристик современного общества, подчеркиваемую практически всеми его исследователями: «Самостоятельность, свобода личности, без сомнения, великое приобретение современной цивилизации; но они же порождают этот дух разъединения, дух обособления, по которому каждый не только считает себя заимодателем самого себя, но и всех других людей»³⁶.

В последние годы жизни (1866–1877), Никитенко все больше погружается в мир «современных событий» (9 упоминаний) и чаще оценивает основные характеристики «современной науки, образования» (8) и ключевые особенности «современной цивилизации» (4). Среди последних, помимо уже упомянутой индивидуализации сознания и эмансипации личности, он называет приоритет знания над верой, материализм, «внутреннюю распущенность, хаос понятий и нравов», «умственный разврат»³⁷. Идею прогресса как одну из системообразующих для *современной эпохи* он называет иллюзорной и утопичной, чреватой войнами и внутренним кризисом «передовых наций»³⁸. Сошлемся на одну из многих его записей по этому поводу: «Утратив религиозные верования, считая все прекрасное и великое за иллюзию, современное человечество, чтобы не провалиться совсем в пропасть, прицепилось к идее прогресса, как будто эта идея менее иллюзия, чем другие. Иные народы развратились, когда сделали образованными, мы же ухитрились погрузиться в омут разврата, находясь почти в варварском состоянии»³⁹.

³⁵ Никитенко. Т. 2. 1955. С. 244.

³⁶ Там же. С. 284.

³⁷ Там же. С. 25, 92, 115, 155.

³⁸ Никитенко. Т. 3. 1956. С. 185.

³⁹ Там же. С. 107.

Таким образом, ощущение современности-несовременности necessarily связано с биологическим возрастом, важным фактором является способность социальной и культурной адаптации к переменам, возможность реализации себя, которая и рождает ощущение востребованности или «выключенности» из *современности*.

Обращение к письмам, воспоминаниям русских журналистов второй половины XIX – начала XX в. подтверждает, что возможность писать и публиковаться в разных изданиях, вовлеченность в активную общественную деятельность, независимо от политической ориентации, создавало отчетливое ощущение востребованности и современности. Более того, журналистская деятельность, особенно связанная с газетами, заставляла находиться в «гуще событий», постоянно следить за происходящим в стране и мире, успевать осмыслить и рассказать о настоящем своим читателям.

Начало XX века в России – эпоха активного вовлечения в политическую деятельность, также создающую ощущение современности, непосредственного не только наблюдения, но и участия в настоящем, его изменения. В дневнике и воспоминаниях А.В. Тырковой практически не упоминается слово «современность», но неоднократно фиксируется быстрый ход времени. Причем его стремительность не вызывает у нее дискомфорта, а осознается как черта эпохи, присущий ей ритм жизни. В январе 1905 года, говоря о предшествующих политических событиях в Петербурге, она торопится записать их в дневник, чтобы не забыть, «пока новые и новые события не *налетели*»⁴⁰. И здесь же приводит слова П.Н. Милюкова, о том, что «жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать»⁴¹. В 1915 г. в дневниковых записях о войне и деятельности Государственной Думы Тыркова отмечает: «прошло только 10 дней, а события так *мелькают*, что не успеешь опомниться»⁴². И спустя много лет, в эмиграции, в письме к Маклакову она пишет о «быстро *промелькнувшей* эпохе русского парламентаризма»⁴³, и в воспоминаниях появляется то же ощущение времени: «...перемены шли с такой *головокружительной быстротой*, что хронологию этой эпохи надо отмечать не по годам, а по месяцам»⁴⁴. Показательно ощущение быстро идущего, бегущего времени, мелькающих событий (возможно, образ «мелькающих» событий был обусловлен техническими переменами, и мог возникнуть под впечатлением от путешествий на поезде, в окне которого «мелькали» версты). Ускорение времени звучит и в строках М. Волошина: «Время порывисто дует в лицо. / Годы несутся огромными птицами»⁴⁵.

⁴⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 67.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 154.

⁴³ Там же. С. 402.

⁴⁴ Тыркова. 1998. С. 245.

⁴⁵ Волошин. 1989. С. 37.

Ощущение (и конструирование) новой темпоральности дополняется описанием темпа жизни общества. Не только время ускоряет ход, но и люди торопятся жить, успеть, догнать, не опоздать. Тыркова вспоминает о собственной торопливости («торопилась, чтобы чего-нибудь не пропустить»), но замечает, что и все кругом торопились. «Торопливость стала характерной чертой интеллигентской жизни. До 1905 года мы брели. Потом сорвались и побежали. <...> В наступающем 1906 году некогда было опомниться, надо было наверстывать потерянное время...»⁴⁶.

Размышляя позже о революционной катастрофе 1917 года, Тыркова с сожалением пишет об этой торопливости, не давшей возможности критически осмыслить происходившие события, настолько они были ими захвачены, что остановиться казалось невозможным. И у А.В. Тырковой, и у В.Л. Маклакова появляется образ потока времени, который несет вперед, и которым невозможно управлять. Тыркова писала о жизни в России: «...нас несло весеннее половодье»⁴⁷, о том же размышлял Маклаков в своем письме к ней: ««все наши глупости и происходили от того, что мы, вместо борьбы с тогент, в нем неслись, воображая, что им управляем»⁴⁸. Ярко отражают это ощущение времени и строки М. Волошина: «Быть заключенным в темнице мгновенья, / Мчатся в потоке струящихся дней»⁴⁹.

Но почему быстрота перемен не только не вызвала ностальгии и меланхолии, а наоборот, воспринималась как отличительный признак и достижение *современной* эпохи? С одной стороны, это было связано с ожиданиями политических реформ, требованиями либерализации общественного строя, причем даже проводимые властью реформы воспринимались обществом как запаздывавшие, не отвечающие растущим политическим и социальным потребностям. Самодержавие воспринималось как символ старой эпохи, которая должна неизбежно уступить место новой, а последовавшие в начале XX в. реформы интеллигенция рассматривала как несоответствующие требованиям времени, указывая, что проводить их надо было раньше. Следовательно, даже этот стремительный ход событий казался недостаточно быстрым?

В то же время, происходившие перемены, теми, кто оказался в эмиграции после 1917 г., воспринимались как не разрушившие основания жизни российского общества, не имевшие характера катастрофы, т.е. не вызывавшие чувства утраты, потери, служащего основанием для возникновения ностальгии. Как вспоминала Тыркова, «среди всех политических домогательств, волнений, буйств, уступок, мечтаний, разочарованной повседневная, обыденная жизнь шла *своим ходом*, у одних более, у

⁴⁶ Тыркова. 1998. С. 375.

⁴⁷ Там же. С. 376.

⁴⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 893.

⁴⁹ Волошин. 1989. С. 38.

других менее складная и удачная»⁵⁰. Более того, когда Тыркова начинает вспоминать о повседневной жизни, описание времени действительно меняется, оно замедляет свой темп. «Купцы торговали, чиновники служили, рабочие работали. Столица жила как всегда, по-летнему пыльно, немного замедленным темпом, но без следа каких-нибудь волнений»⁵¹.

Возникает ощущение двойного времени, времени политических событий и повседневной жизни, которые создавали равновесие и комфортность *современности как настоящего*, не разрывая ее связи с прошлым. Тем не менее, в 1943 г. Тыркова называет период 1900–1917 гг. «великим (все-таки великим) сдвигом, который пережила Россия»⁵². Как заметил А.В. Амфитеатров, «...мы не замечаем течения времени, пока его поток не набежит на порог какого-нибудь свершения»⁵³.

Последовавшая после революции 1917 года эмиграция для многих означала кризис идентичности и необходимость адаптации к жизни в другой стране, в рамках другой культуры. Естественно, что в эмиграции создавался культ прошлого, символизировавший утраченную Россию, сопровождавшийся ностальгией и меланхолией. Кроме того, как указывает П. Фрицше, еще Великая Французская революция привела к складыванию традиции автобиографического эмигрантского письма, возникновению обширного нарратива, оказавшего огромное влияние на мемуарное творчество XIX века и продолжавшего привлекать внимание в веке двадцатом⁵⁴.

Нарратив изгнания, утраты прежнего мира оказался чрезвычайно устойчивым, получая новые импульсы в связи с революциями и войнами XX века. В то же время в воспоминаниях воспроизводится прошлое как способ преодоления, стирания травмы, которая и стала причиной создания ностальгического нарратива. По мнению И. Калинина, отказываясь признать разрыв с прошлым частью собственного «я», эмигрантское сообщество по возможности восстанавливало и сохраняло прежнюю культурную традицию, модели поведения, повседневные рутины и ценностные установки «пусть и в фиктивном мире литературы, психической реальности воспоминания или в паллиативных социальных формах»⁵⁵.

Авторы ностальгических мемуарных текстов часто используют образ руин как символ утраченного прошлого, более того, они сами воспринимаются как «руины», «остатки» прошлого в настоящем. А.В. Тыркова, делает запись в дневнике о посещении В.А. Маклакова в 1950 г.: «Мы, два обломка русского либерализма, сидели в запущенном эми-

⁵⁰ Тыркова. 1998. С. 371.

⁵¹ Там же. С. 448.

⁵² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 301.

⁵³ Амфитеатров. 2004. Т. 2. С. 6.

⁵⁴ Fritzsche. 2001. P. 1593.

⁵⁵ Калинин. 2013.

грантском садишке»⁵⁶. «Обломки» и «запущенный садишек» – символы старого, разрушенного, утраченного, выпадения из современности.

Ощущения последнего представителя ушедшего поколения точно выразил П.А. Вяземский «Я пережил и многое, и многих, / И многому изведал цену я; / Теперь влачусь в одних пределах строгих / Известного размера бытия». Хотя эти строки были написаны Вяземским в 1837 г., когда ему было 45 лет, вероятно под впечатлением смерти Пушкина и Дмитриева, а Тыркова писала сыну в 1945 г. в возрасте 74 лет, получив известие о смерти Д.И. Шаховского: «Тяжело оставаться одной из последних в уходящем в вечность поколении. Но как-то надо к этому приспособливаться. Только бы не стать обузой, не висеть на других. Это конечно, самая тяжелая часть старости, но и конечно оторванность от жизни, ненужность»⁵⁷. Но переписка Тырковой в последующие годы отражает продолжение ее активной литературной и общественной деятельности, несмотря на возраст. Ее сын, Аркадий Борман, также вспоминал, как после переезда в США в возрасте 80-ти лет, Тыркова продолжала писать, сотрудничая в «Новом Русском Слове», «Русской Мысли», «Возрождении», принимала активное участие в деятельности Российского Политического комитета, «а мы, домашние, наблюдая, как она занята весь день и как она сидит в привычной позе за своим письменным столом, иногда забывали про ее возраст»⁵⁸.

Эмиграция в 1920-е гг. необязательно означала расставание с современностью, погружение в прошлое, тем более, что у части эмигрантов уже имелся подобный опыт, еще до 1917 г. В записках Тырковой мы можем увидеть так называемую рефлексивную ностальгию, которая, по определению С. Бойм, «говорит о невозможности возвращения домой и осознает свою собственную эфемерность и историчность. Она связана с аффективным и этическим осмыслением прошлого, а не с маскировкой новодела под старину. В ее основе – двойное зрение, подобное фотографическому наложению прошлого и настоящего, повседневного и идеального»⁵⁹. Так, Тыркова в письмах к сыну сообщала о своей работе над биографией Пушкина: «У меня спокойная неделя без гостей, только толпа царскосельских лицеистов кругом»⁶⁰. Но погруженность в пушкинскую эпоху не мешала ей интересоваться происходящими в мире политическими событиями, писать статьи в «Возрождение», «Сегодня», издавать «Русскую жизнь». Как характеризует, например, ее публикации в газете «Сегодня» Н. Прайс: «Это были статьи об английских детях, студентах, женщинах, священниках, рабочих.

⁵⁶ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 280.

⁵⁷ Bakhmeteff Archive, Columbia University, Tyrkova-Williams Papers, Box 10.

⁵⁸ Борман. 1964. С. 312.

⁵⁹ Бойм. 2013.

⁶⁰ Борман. 1964. С. 227, 231.

Она также пишет о членах королевской семьи, цветах, образовании, скачках, об отоплении и британских домах, что, собственно, актуально и сейчас. Её публикации являются живыми зарисовками с натуры. Это замечательные очерки о жизни и людях Британии, которые современному читателю было бы не менее интересно прочитать сегодня»⁶¹.

Мысленное перемещение в прошлое конечно еще в большей степени характерно для историков, так как прошлое для них является объектом исследования. Но историки могли погружаться в прошлое не только с научными целями, но и стремясь найти там убежище от бурных событий современности, пугающих своей непредсказуемостью, вызывающих уныние и тревогу за будущее страны и свое индивидуальное будущее. Ярким примером является дневник М. М. Богословского в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Работая над биографией Петра Первого, Богословский фиксировал в дневнике 24 июля 1915 г.: «Утром я жил в 1693 г...»⁶². И через два года еще более определенная запись: «Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями поведения” и всем этим прочим словесным навозом и ее небывалым позором»⁶³. Прошлое и *современное* для Богословского существовало одновременно, первое как реальность, существующая в исторических источниках и воссоздаваемая историком, второе – как реальность, постоянно вторгающаяся в его жизнь, заставляющая реагировать на происходящие события. Страницы его дневника заполнены записями о положении на фронте, событиях в Петрограде, политическими оценками и прогнозами. При этом прошлое не противопоставляется современности как комфортное дискофортному или идиллическое стабильное – разрушительному враждебному, хотя для Богословского первая четверть XVIII века – воплощение славного, отрадного прошлого великой державы, тогда как современность оценивается преимущественно в терминах поражения, позора, разрушения. «Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастений и разваливающаяся Россия, которую видим теперь»⁶⁴ – делает он запись 25 октября 1917 года.

Критически осмысливая, изучая прошлое, Богословский находил в нем индивидуальное убежище от бурь современности: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 г.»⁶⁵. Кроме того, он видел в сочинении об эпохе Петра Первого возможность сохранения образа прошлого, исторического наследия и опыта, значимого даже не

⁶¹ Прайс. 2007.

⁶² Богословский. 2011. С. 60.

⁶³ Там же. С. 396.

⁶⁴ Там же. С. 447.

⁶⁵ Там же. С.452.

для настоящего, а для будущего. Он признавался, что работа над биографией Петра приобретала для него новый смысл. «Может быть, она поспособствует нашему возрождению, внося в него крупицу здорового национального чувства!», – писал он в 1917 г.⁶⁶ В этом отношении к прошлому и целям своей работы Богословский совпадает с Тырковой, которая, работая над биографией Пушкина, в разговоре с Е.В. Саблиным 18 января 1936 г. приходит к выводу: «Пушкин спасет Россию»⁶⁷, а в письме к Е.Д. Кусковой – «Россия спасется Пушкиным»⁶⁸.

Другой аспект восприятия современности – быть современным какому-либо событию, явлению, или личности. Осознавать себя современником событий или людей – один из способов самоидентификации, а также идентификации эпохи. Для Тырковой одним из ключевых событий ее эпохи, жизни ее поколения (поколенческая идентичность была значимой для Тырковой)⁶⁹, стала первая русская революция, заложившая основы российского парламентаризма. Поэтому в ее воспоминаниях, как и в воспоминаниях Маклакова, истории начала XX в., Государственной думе, уделено особое место. Воспоминания Маклакова публиковались с подзаголовком «Воспоминания современника», а сам он называл их даже не «воспоминания», а «переживания»⁷⁰. При этом Россия до революции 1917 г. описывалась ими как часть прошлого, утраченного мира, но в то же время, говоря о российском парламентаризме и либеральном движении, они относили этот период к «современности». Маклаков писал Тырковой о работе над своими воспоминаниями: «Конечно, когда подходишь уже к событиям *современности*, наблюдаешь их вблизи, как я пишу свои воспоминания, полной исторической оценки не может и быть»⁷¹. Спустя время, он опять настойчиво повторяет: «современник» никогда не бывает «историком»⁷².

Еще один аспект исследования «современности» – представления о «современном» человеке, какие качества в начале XX в. определяли как свойственные человеку, не «отставшему от времени», современному, независимо от его биологического возраста. В этом случае ярким и на первый взгляд, парадоксальным, примером является «старик Суворин». Для окружающих, по воспоминаниям, он всегда был «стариком Сувориным», но при этом, воплощением молодости и современности. Как характеризовал его Амфитеатров, «он никогда не принадлежал

⁶⁶ Богословский. 2011. С. 447.

⁶⁷ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library, Tyrkova-Williams Papers Collection, Box 10.

⁶⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С.392.

⁶⁹ Подробно о поколенческой идентичности см.: Сабурова. 2011. С. 118–140; Родигина, Сабурова. 2012. С. 121–143.

⁷⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 914.

⁷¹ Там же. С. 889.

⁷² Там же. С. 914.

прошлому, а всегда был – выразителем и вполне – человеком настоящего. В прошлое, притом всегда очень отдаленное, он совершал только эстетические экскурсии, как любитель истории, психолог, драматург. Жизнь же его была вся – в современности. <...> Был, если позволено мне будет выразиться так тавтологически, *современнейшим* из *современников* своей *современности*»⁷³. Что позволило Амфитеатрову так характеризовать Суворина? Основное качество, которое он отмечал, – жадное внимание и горячий интерес к настоящему, что отражалось во всей деятельности Суворина, его способность как журналиста откликаться на все изменения жизни. Амфитеатров описывал самого Суворина как воплощение *современности*, личность, в которой отразились все противоречивые черты эпохи («кипучий, газетный, злободневный человек») ⁷⁴. Но записи в дневнике Суворина показывают его и с другой стороны, как человека, неуютно чувствующего себя в современном мире (хотя Амфитеатров упоминает о периодах мизантропической хандры у Суворина, когда он писал угрюмые фельетоны, подписывая их «Тимон Афинский»). В 1907 г. Суворин писал в дневнике: «Мои старые идеи, 'мои старые слова не отвечают больше тому, что около меня действует и говорит. Что мне делать в этом мире? Общество живет автомобилем, механикой, и душа его стала механической»⁷⁵. Эта запись отражает не только ощущение Суворина, но и подтверждает характеристику Амфитеатрова, насколько Суворин точно откликался на изменения в обществе, был «со-временным», даже ощущая свою «несовременность».

Таким образом, дискурсивный анализ эго-документов, в основном автобиографического характера, позволяет сделать выводы о содержании понятия «современность» как реакции на происходящие изменения в обществе и культуре, отражении в нем сознания и поведения человека эпохи «модерна», взаимосвязи понятия и темпоральности. Многозначное и открытое для различных интерпретаций слово «современность» во второй половине XIX – начале XX в. могло быть аксиологически нейтральным, ограничиваясь указанием на настоящее время, текущий момент, но отражать тем не менее ярко выраженную историческую темпоральность Нового времени, с ее отчетливым выделением хронологических структур, разграничением прошлого, настоящего и будущего.

Понятие «современность» могло наполняться во второй половине XIX в. негативным смыслом, отражая реакцию на разрушение традиционных ценностей, индивидуализацию и разрыв с традиционными коллективными структурами, радикализацию общественных настроений и нарастание революционного движения в России. Осознание утраты прошлого вызвало чувство ностальгии, ощущение своей «несовремен-

⁷³ Амфитеатров. 2004. С. 6.

⁷⁴ Там же. С. 15.

⁷⁵ Дневник А. С. Суворина. 1923. С. 366.

ности». Несмотря на преобразования во многих сферах жизни общества, ценности и представления менялись не так быстро, и дискурс о «современности» отражает существование разрыва между «первой» и «второй» реальностью, показывая всю сложность адаптации к модернизационным процессам.

Понятия «современный» и «современность» могли быть связаны во второй половине XIX в. с идеей прогресса и служить для трансляции «передовых» идей, быть способом формирования и выражения общественного мнения, обоснованием необходимости перемен в стране, выступать символом либеральных преобразований. Поколенческая или политическая идентификация с эпохой «Великих реформ» могла служить и основой для наполнения понятия «современность» негативным смыслом, в том случае, когда «святые шестидесятые» противопоставлялись «бесцветным восьмидесятым», в которых не находили динамики политических и общественных преобразований, с которыми уже устойчиво соединился образ эпохи 1860-х гг. Но используя слово «современный» для критики 1880-х гг., наполняя его отрицательными характеристиками, тем не менее само понятие «современность» оставалось прежним, символизируя прогресс и движение. Часто встречающееся определение 1880-х гг. как «безвременья» может означать, что эта эпоха не вписывалась в сформировавшиеся представления о современности как стадии развития общества, которое находится в постоянном изменении, в котором преобразования и новизна выступают одной из главных характеристик. Современные авторам эго-текстов 1880-е гг. не отвечают их представлениям о современности, что отражает сохранение позитивной семантики самого понятия, несмотря на отрицательные коннотации. Возможно, именно поэтому эпоха бурных перемен начала XX века не вызывает дискомфорта, воспринимаясь как естественное состояние, соответствуя представлениям о «современности».

Быстрый темп жизни, обусловленный результатами индустриализации, стремление либеральной общественности к политическим переменам, убеждение в «отсталости», «отставании» России от Европы, погруженность в настоящее и мечты о будущем, все это не оставляло места для ностальгии по прошлому.

Время и пространство современности начала XX века (хронотоп «модерна») чаще выступают предметом рефлексии в эго-текстах, чем понятие современности как таковое. Можно предположить, что «наговорившись о всяких современностях» во второй половине «долгого XIX века», образованные русские в своих эго-документах перенесли акцент с осмысления содержания понятия, признав его легитимность и включенность в языковую картину мира интеллигенции, на описание своих ощущений, восприятия современности как социального времени. В начале XX в. понятие «современная цивилизация» и «современный мир» стали уже устойчивым компонентом дискурса русского образован-

ного общества. Причем «современность» в начале XX века выражалась не только в представлениях, но и в поведенческих практиках, адаптации к изменениям, воплощаясь в так называемом «современном политическом человеке», «современной женщине» и т.д.

«Современность» выступает также еще одним основанием для самоидентификации в условиях утраченных или разрушающихся идентичностей. Идентификация себя как современников определенных людей и событий может рассматриваться как одно из проявлений устойчивости поколенческой идентичности или попытка найти новые способы идентификации в быстро меняющемся *современном* мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А.Н.Т.* Воспоминания идеалиста, принимавшего участие в работах по реформам крестьянским // Русская старина. 1910. № 11. С. 410–424.
- Амфиатов А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2-х т. М.: НЛЮ, 2004. Т. 2. 608 с.
- Бёдекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–95.
- Боборыкин П.Д.* За полвека: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 686 с.
- Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011. 799 с.
- Богучарский В.Я.* Столкновение двух течений общественной мысли // Его же. Из прошлого русского общества. СПб.: Книгоизд-во М. В. Пирожкова, 1904. 406 с.
- Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>.
- Борман А. А.В.* Търкова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. 333 с.
- Волошин М.* Стихотворения. М.: Книга, 1989.
- Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908.
- Гумбрехт Х.У.* Современный, Современность (Modern, Modernität, Moderne) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 241–296.
- Дневник А.С. Суворина.* М.; Петроград: изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 405 с.
- Достоевская А.Г.* Дневник 1967 года. М.: Наука, 1993. 454 с.
- Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М.: типография И. Д. Сытина, 1908. 464 с.
- Калинин И.* Историчность травматического опыта: рутинa, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение. 2013. № 124.
- Кобрин К.* Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93).
- Корчинский А.* Форманты мысли: литература и философский дискурс // Гефтер. URL: http://gefeter.ru/archive/13982?_utl_t=tw.
- Митчелл Т.* Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98).
- Ле Гофф Ж.* История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
- Лейкин Н.А.* Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 406 с.
- Наследие Ариадны Владимировны Търковой: Дневники. Письма.* М.: РОССПЭН, 2012. 1112 с.
- Никитенко А.В.* Дневник в 3-х томах. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955–1956. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 652 с.; Т. 3. 582 с.
- Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.

- Панаева А.И. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.
- Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. 848 с.
- Прайс Н.Ю. Родина и чужбина: публицистика С.Д. Мирского и А.В. Тырковой-Вильямс в Англии в 20–40-х гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rodina-i-chuzhbina-publitsistika-s-d-mirskogo-i-a-v-tyrkovoy-vilyams-v-anglii-v-20-40-h-godah-hh-veka#_=#ixzz3TfiRQ98V.
- Рейтблат А.И. Нравственные мотивации биографа // Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. С. 189–194.
- Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX в. // *Avtobiografiya. Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. 2012. № 1. С. 121–143.
- Родигина Н. Н., Худяков В. Н. Представления о счастье в мемуарах русских интеллектуалов о времени конца 1850-х – начала 1860-х годов // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2011. С. 9–25.
- Сабурова Т. А. Идентичность и концепт «поколение» в русских женских мемуарах о второй половине XIX – начале XX в. // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. М., 2011. С. 118–140.
- Троцкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «АСПУр», 2014. С. 14–31.
- Тыркова А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. 559 с.
- Тютчева А.Ф. Воспоминания. При дворе двух императоров. М.: Захаров, 2008. 592 с.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. М.: изд-во Пушкинского фонда, 1995. С. 377–378.
- Fritzsche P. Specters of History: On Nostalgia, Exile, and Modernity // *The American Historical Review*. Vol. 106. № 5 (Dec., 2001). P. 1587-1618.
- Koselleck R. A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe» // *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte* / Ed. by Lehmann H., Richter M. Washington D.C. 1996. P. 59–70.

REFERENCES

- A.N.T. Vospominaniya idealista, primumavshego uchastie v rabotakh po reformam krest'yanskim // *Russkaya starina*. 1910. № 11. S. 410–424.
- Amfiteatrov A. V. Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh. V 2-kh t. М.: NLO, 2004. T. 2. 608 s.
- Bedecker Kh.E. Razmyshleniya o metode istorii ponyatii // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 34–95.
- Boborykin P.D. Za polveka: vospominaniya. М.: Zakharov, 2003. 686 s.
- Bogoslovskii M.M. Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. М.: Vremya, 2011. 799 s.
- Bogucharskii V.Ya. Stolknovenie dvukh techenii obshchestvennoi mysli // *Ego zhe. Iz proshlogo russkogo obshchestva*. SPb.: Knigoizd-vo M. V. Pirozhkova, 1904. 406 s.
- Boim S. Budushchee nostalgii // *Neprikosnovennyi zapas*. 2013. № 3 (89). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>.
- Borman A. A.V. Tyrkova-Vil'yams po ee pis'mam i vospominaniyam syna. Luven; Vashington, 1964. 333 s.

- Voloshin M. Stikhotvoreniya. M.: Kniga, 1989.
- Gradvoskii G.K. Itogi (1862–1907). Kiev: tip. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1908.
- Gumbrecht Kh.U. *Sovremennyyi, Sovremennost' (Modern, Modernitat, Moderne) // Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii. Izbrannye stat'i v 2-kh t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 241–296.*
- Dnevnik A.S. Suvorina. M.; Petrograd: izd-vo L.D. Frenkel', 1923. 405 s.
- Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1967 goda. M.: Nauka, 1993. 454 s.
- Zasodimskii P.V. Iz vospominanii. M.: tipografiya I. D. Sytina, 1908. 464 s.
- Kalinin I. Istorichnost' travmaticheskogo opyta: rutina, revolyutsiya, reprezentatsiya // *Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 124.*
- Kobrin K. Vechnaya sovremennost': zametki na polyakh «Vosemnadsatogo bryumera Lui Bonaparta» // *Neprikosnovennyi zapas. 2014. № 1 (93).*
- Korchinskii A. Formanty mysli: literatura i filosofskii diskurs // *Gefter. URL: http://gefter.ru/archive/13982?_utl_t=tw.*
- Mitchell T. Stsena «sovremennosti» // *Neprikosnovennyi zapas. 2014. № 6 (98).*
- Le Goff Zh. *Istoriya i pamyat'. M.: ROSSPEN, 2013. 303 s.*
- Leikin N.A. N.A. Leikin v ego vospominaniyakh i perepiske. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1907. 406 s.
- Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkvoi: Dnevnik. Pis'ma. M.: ROSSPEN, 2012. 1112 s.
- Nikitenko A.V. Dnevnik v 3-kh tomakh. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1955–1956. T. 1. 542 s.; T. 2. 652 s.; T. 3. 582 s.
- Panaev I.I. *Literaturnye vospominaniya. M.: Pravda, 1988. 448 s.*
- Panaeva A.I. *Vospominaniya. M.: Pravda, 1986. 512 c.*
- Pantelev L.F. *Vospominaniya. M.: Gos. izd-vo khudozh. literatury, 1958. 848 s.*
- Prais N.Yu. Rodina i chuzhbina: publitsistika S.D. Mirskogo i A.V. Tyrkvoi-Vil'yams v Anglii v 20–40-kh gg. KhKh v. // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvenno-go universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2007. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rodina-i-chuzhbina-publitsistika-s-d-mirskogo-i-a-v-tyrkvoy-vilyams-v-anglii-v-20-40-h-godah-hh-veka#_=#ixzz3TfiRQ98V.*
- Reitblat A.I. *Nravstvennyye motivatsii biografa // Reitblat A.I. Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury. M.: NLO, 2014. S. 189–194.*
- Rodigina N.N., Saburova T.A. «O sebe ya starayus' govorit' pomen'she, no vse-taki govoryu»: samoidentifikatsiya i pamyat' v russkom zhenskom avtobiograficheskom pis'me kontsa XIX – pervoi poloviny KhKh v. // *AvtobiografiYa. Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. 2012. № 1. S. 121–143.*
- Rodigina N. N., Khudyakov V. N. Predstavleniya o schast'e v memuarakh russkikh intelektualov o vremeni kontsa 1850-kh – nachala 1860-kh gg. // *Istoricheskie istochniki v issledovatel'skoi i obrazovatel'noi praktike. Novosibirsk: izd-vo NGPU, 2011. S. 9–25.*
- Saburova T. A. Identichnost' i kontsept «pokolenie» v russkikh zhenskikh memuarakh o vtoroi polovine XIX – nachale XX v. // *Konstruktsiya natsional'noi identichnosti v russkoi kul'ture: vtoraya polovina XIX stoletiya – Serebryani vek. M., 2011. S. 118–140.*
- Troitskii Yu.L. *Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika // Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: «AsPU», 2014. S. 14–31.*
- Tyrkova A.V. *Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet. M.: SLOVO, 1998. 559 s.*
- Tyutcheva A.F. *Vospominaniya. Pri dvore dvukh imperatorov. M.: Zakharov, 2008. 592 s.*
- Chicherin B.N. *Vospominaniya // Aleksandr Vtoroi: Vospominaniya. Dnevnik. M.: izd-vo Pushkinskogo fonda, 1995. S. 377–378.*
- Fritzsche P. *Specters of History: On Nostalgia, Exile, and Modernity // The American Historical Review. Vol. 106. №. 5 (Dec., 2001). P. 1587-1618.*
- Koselleck R. *A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe» // The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte / Ed. by Lehmann N., Richter M. Washington D.C. 1996. R. 59–70.*

Родигина Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; natrodigina@list.ru

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник Центра университетских исследований ИГИТИ НИУ ВШЭ; sabourova@mail.ru

«We have talked about various modernities to our hearts' contents...»

The discourse of “modernity” in the Russian ego-documents of the second half of the 19th – early 20th centuries

This article focuses on the idea of modernity in the ego-texts of the Russian intelligentsia, including diaries, letters, and memoirs of the second half of the nineteenth – early twentieth century. Drawing upon discourse analysis of these texts, we aim to reveal the different meanings and historical contexts of the notion of modernity, to examine the idea of modernity and highlight the link between the notion and temporality.

Keywords: discourse, notion, modernity, identity, ego-texts, temporality.

Natalia Rodigina, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State Pedagogical University, Senior research fellow, Tobolsk Branch, Urals Division, Russian Academy of Sciences; natrodigina@list.ru

Tatiana Sabourova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Chief researcher, Centre for University Studies, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; sabourova@mail.ru

О. И. ТОГОЕВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО РУКОПОЖАТИЯ ОТ ДОМЫСЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИСТОВ К ВЫМЫСЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ¹

В статье анализируется легенда о рукопожатии, якобы имевшем место между Жаном Бесстрашным, герцогом Бургундским, и Капелюшем, королевским палачом и руководителем восстания черни в Париже летом 1418 г. На основании всех имеющихся в распоряжении историков сведений XV в. (сообщений в «Хронике» Мишеля Пинтуэна, в «Журнале» Парижского горожанина, в «Журнале» Клемана де Фокамберга, в хрониках Ангеррана де Монстреле, Жана Рауле и Жана Ле Февра, в «Истории Карла VI» Жана Жувеняля дез Урсена и в «Истории Карла VII» Тома Базена), а также на основании французской историографии XVIII–XX вв. автор пытается восстановить ход возможной встречи палача и герцога и ответить на вопросы, был ли распространен в средневековой Франции такой жест как рукопожатие и каковы были истинные причины казни Капелюша по приказу Жана Бесстрашного.

Ключевые слова: Франция, XV век, историческая память, Столетняя война, Париж, Жан Бесстрашный, палач Капелюш

Событие, о котором пойдет речь, произошло во Французском королевстве в самый разгар Столетней войны. В мае 1418 г. Париж оказался захвачен бургундскими войсками, и в городе началось массовое истребление сторонников арманьяков и простых жителей, продолжавшееся несколько месяцев. Как отмечал в своем «Дневнике» Парижский горожанин, «не было ни единой улицы, где бы не совершались убийства, и нельзя было пройти и сотни шагов, чтобы не наткнуться на труп»². Подобная жестокость, писал Мишель Пинтуэн, монах Сен-Дени, «заставила бы содрогнуться и сарацин»³. Лишь немногим – в том числе дофину Карлу (будущему Карлу VII) – удалось спастись бегством⁴, но

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Профессиональная историография и национальная память»).

² «Et si n'eussiez trouvé à Paris rue de renom, où n'eût été aucune occision, et en mains qu'on irait cent pas de terre depuis que morts étaient» (Journal d'un bourgeois de Paris 1990. P. 112). Подробнее о событиях, развернувшихся в Париже весной-летом 1418 г., см.: Guenée 1992. P. 265-281.

³ «Quod sane et sarracenicæ crudelitas horruisset» (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 248).

⁴ «Et quand le prévôt de Paris, nommé Tanguy de Chatel, vit Fortune ainsi contre lui, et que les Bourguignons tâchent à emprisonner les autres en plusieurs prisons diverses, et le commun à piller, vint à Saint-Pol, et prit le dauphin aîné fils du roi et s'enfuit tout droit à Melun, qui moult troubla la ville de Paris» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 109-110). Подробнее о бегстве дофина Карла из Парижа летом 1418 г. см.: Цатурова 2007. С. 159-180.

партия арманьяков оказалась обезглавленной, ибо в схватке с бургундцами погиб не только сам Бернар д'Арманьяк, коннетабль Франции, но и целый ряд его высокопоставленных сторонников: Анри де Марль, канцлер Франции, Жан Годе, великий мэтр артиллерии, Робер де Тюильер, лейтенант по уголовным делам королевского прево, Удар Байе, советник Парижского парламента, и многие другие⁵.

Бесчинства, творившиеся в столице, не помешали, тем не менее, торжественному въезду в город Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, который прибыл в Париж в сопровождении Изабеллы Баварской 14 июля 1418 г. Напротив, согласно очевидцам событий, его появление было встречено собравшимися людьми слезами и криками радости⁶. Герцог, с полного согласия Карла VI и при поддержке королевы, получил в свои руки все дела по управлению страной. Уже 22 июля он назначил новых, преданных ему лично членов Парижского парламента, советников в Палату прошений и в Палату счетов, а 2 августа утвердил новый состав королевской канцелярии⁷.

Между тем, волнения в городе не прекращались. И вот, спустя какое-то время, проезжая по улицам французской столицы, Жан Бесстрашный – случайно или намеренно – повстречался с одним из организаторов беспорядков, палачом Капелюшем. Не будучи с ним знакомым, герцог пожал ему руку, но узнав позднее, с кем имел дело, приказал казнить Капелюша, дабы его кровью смыть позор от подобного прикосновения. Приведение приговора в исполнение состоялось 26 августа 1418 г.

Легенда о встрече герцога и палача довольно популярна в современной историографии, хотя специалисты обычно лишь констатируют сам факт рукопожатия (или прикосновения к руке), которым обменялись наши герои⁸. Опираются они, впрочем, на набатки историков XVIII–XIX вв., довольно часто останавливавшихся на данном сюжете. Если суммировать все сказанное ими, то перед нами предстает поистине удивительная картина. Капелюш, согласно эти выкладкам, вовсе не был

⁵ Journal d'un bourgeois de Paris. P. 112-113; Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 6. P. 250.

⁶ "Ils furent reçus avec tels honneurs et joie qu'oncques dame ou seigneur avait été en France, car partout ou ils passaient, on criaient à haut voix 'Noël!' et peu y avait gens qui ne pleurassent de joie et de pitié" (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 123-124). "Et de porta Sancti Antonii pertranseunt usque ad castrum Lupare, et regias laudes ubique per vicos et compita altissonis vocibus conclamantes, nil aliud in ore omnium utriusque sexus resonabat nisi: 'Vivat rex et regina duxque Burgundie, et fiat pax'. Diei et noctis residuum in signum exuberantis leticie more suo in choreis et cantilenis per circuitum ignium transegerunt" (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 6. P. 252-254).

⁷ Ordonnances des rois de France 1723-1849. T. 10. P. 456-463.

⁸ См., к примеру: «Чего стоит один лишь жест зачинщика погромов 1418 г. палача Капелюша, протянувшего руку, чтобы поздороваться "со своим свояком" – герцогом Бургундским» (Уваров 1994. С. 184, курсив мой – О.Т.). См. также: Journal d'un bourgeois de Paris 1990. P. 128, note 187; Morel 2007. P. 58; Armand 2012. P. 84.

обычным палачом. Напротив, для человека столь низкого социального статуса он вознесся исключительно высоко благодаря своей политической деятельности. Он являлся не просто одним из руководителей творившихся в 1418 г. в Париже бесчинств, но был единственным их вдохновителем. Именно так он превратился в ближайшего пособника и доверенное лицо герцога Бургундского, политические амбиции которого и стали истинной причиной массовой гибели парижан. Палача и герцога связывали узы дружбы и почти родственной близости, недаром Капелюш называл Жана своим «кумом». И все же его чрезмерная жестокость не позволила герцогу продолжить столь сомнительное знакомство: при первом же удобном случае он постарался избавиться от своего приближенного, отдав того под суд и казнив.

История молниеносного вознесения и падения фаворита – не такая уж большая редкость для эпохи Средневековья или Нового времени. Однако при внимательном рассмотрении наш случай вызывает огромное количество вопросов. Первым же и самым, пожалуй, принципиальным из них является следующий: какие источники свидетельствовали о близком знакомстве наших протагонистов, и каковы, по мнению авторов XV в., были их отношения.

Начнем с событий лета 1418 г. в описании их *очевидцев*. Таких рассказов в нашем распоряжении имеется всего три – это сообщения уже упоминавшихся Мишеля Пинтуэна и Парижского горожанина, а также свидетельства Клемана де Фокамберга, секретаря Парижского парламента по гражданским делам. Любопытно, что ни один из них вообще не писал о том, что палач и герцог были знакомы: все они полагали, что казнь Капелюша произошла по решению, вынесенному королевским прево Парижа, или по приказу короля⁹. Вместе с тем Клеман де Фокамберг и Мишель Пинтуэн действительно считали палача одним из главных руководителей восстания черни¹⁰ – «трех или четырех тысяч отъявленных мерзавцев», которых он объединил под своей властью¹¹. Ту же идею

⁹ “Ce jour, un nommé Capeluche et deux autres... par la sentence et jugement du prevost de Paris, furent condempnez à mort et furent decapitez, et eurent chacun d’eulz ung poing copé es Halles de Paris, et leurs corps mis au gibet” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 155-156); “Nephanda ejus homicidia et injusta vindicanda justicie regie commiserunt. Qui nec mora ipsum cum duobus ejus consortibus principalioribus statuit subire publice sententiam capitalem” (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 266); “Il advint un peu de jours après qu’il en fut pris et mis au Châtelet, lui troisième de ses complices, et au bout de trois jours après eurent les têtes coupées” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 129).

¹⁰ “Capeluche et deux autres qui avoient esté des plus principaulz conspirateurs et aucteurs de la commocion et malefices commis et perpetrez en la ville de Paris” (Fauquembergue 1903. P. 155).

¹¹ “Abjectissimi viri ac viliores civitatis sic sibi in cunctis obediebant, quod brevissimo spacio ad scelera perpetranda, divina et humana animadversione certe digna, usque ad tria vel quatuor milia congregasset” (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 266).

развивали и авторы, писавшие в 1420–1460-х гг. Так, Жан ле Февр, вслед за очевидцами событий, именовал Капелюша «главным тираном» среди погромщиков¹². Ангерран де Монстреле и Жан Рауле называли его одним из главных «капитанов» парижан¹³, что само по себе было весьма показательным, ибо «капитаном» являлся для жителей столицы и сам герцог Бургундский, которому они принесли клятву верности в августе 1418 г.¹⁴ Таким образом, через данное определение, пусть и косвенно, подчеркивалось равенство, существовавшее в определенный момент между нашими двумя героями – равенство по занимаемой должности, хотя, скорее, в символическом, нежели в реальном смысле.

В те же годы впервые зазвучала и мысль о том, что Капелюша связывали с Жаном Бесстрашным *особые* отношения. И если Пьер де Фенен всего лишь сообщал, что палач «всегда» являлся сторонником бургиньонов¹⁵, то Жан Рауле уже совершенно прямо заявлял: в 1418 г. Капелюш сосредоточил в своих руках такую власть, что называл герцога своим «кумом»¹⁶. Именно благодаря хронике Рауле – единственного, кто использовал это выражение, – данная версия событий получила распространение в современной специальной литературе¹⁷, а также в Интернете¹⁸. Впрочем, оказалась она востребованной и во второй половине XV в.

Главным источником здесь становится «История Карла VI» Жана Жувенала дез Урсена, ее точная датировка неизвестна, но можно сказать, что создана она была до 1473 г., когда автор скончался. Исследователи отмечают, что на «Историю» оказала большое влияние «Хроника» Мишеля Пинтуэна, откуда дез Урсен заимствовал подчас целые пассажи¹⁹. Однако в том, что касается интересующего нас эпизода, автор «Истории»

¹² “Et estoit le plus principal d’iceulx tirans nommé Capeluche, lequel estoit bourel de Paris” (Chronique de Jean Le Fevre. T. 1. P. 338).

¹³ “Desquelles communes estoit ung des principaulx capitaines Capeluche, bourreau de Paris” (Chronique d’Enguerran de Monstrelet. T. 3. P. 290). “Tellement fut la ville gouvernée par ces moyens que le bourreau nommé Capeluche en fut capitaine pour aucuns jours” (Chronique de Jean Raoulet. P. 143).

¹⁴ “Ce sont les noms de ceulx de la ville de Paris qui ont fait le serement es main monseigneur le duc de Bourgoigne que ilz seront bons, vraz et loyaulx au Roy, à monseigneur le duc de Bourgoigne, leur capitaine, et à la ville de Paris” (Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment. P. 371).

¹⁵ “Et y avoit un bourrel, nommé Capeluche, qui *tousjours* avoit tenu le party au duc Jehan” (Mémoires de Pierre de Fenin 1837. P. 93, курсив мой – О.Т.).

¹⁶ “Et fut en si grant autorité avec un autre satellite, nommé Caboche, qu’il appelloit le duc de Bourgogne *son beau frere*” (Chronique de Jean Raoulet. P. 143, курсив мой – О.Т.).

¹⁷ См. прим. 8.

¹⁸ См., напр.: “Le duc de Bourgogne, Jean sans Peur, forcé d’accepter son concours, le ménagea d’abord, mais, dès que son pouvoir fut affermi, il ne supporta son insolence et ses excès, et le fit décapiter en 1418 ou 1419” (<http://fr.wikipedia.org/wiki/Capeluche>); “Le nouvel homme du jour était le sinistre bourreau Capeluche. Devenu chef des Halles, il affectera des manières de gentilhomme, serrera la main de Jean sans peur et l’appellera son “beau frère” (<http://forumazincourt.forumgratuit.org/t155-capeluche-bourreau-de-paris>).

¹⁹ Tyl-Labory 1992(a). P. 795-797.

(которым, возможно, являлся секретарь дез Урсена²⁰) был явно совершенно самостоятелен. Иначе трудно объяснить тот полет фантазии, который он в данном случае продемонстрировал.

Вслед за Ангерраном де Монстреле, Жаном Рауле и Жаном ле Февром Жан Жувеналь также называл Капелюша «капитаном» парижской черни²¹. Однако особое внимание он уделил *личным* отношениям своих героев, их частым встречам и разговорам, во время которых палач вел себя «как будто был сеньором»²². Именно это сближение, по мнению дез Урсена, и стало причиной смерти Капелюша: Жан Бесстрашный, «не догадываясь, что имеет дело с палачом», подал ему как-то руку. Тот дотронулся до нее и поплатился за это головой²³.

Мы не знаем, откуда дез Урсен позаимствовал данную информацию, поскольку в тексте имелась лишь глухая ссылка на слухи: «поговаривали» (*disoit-on*), отмечал автор, об имевшем место прикосновении, но кто именно и где «поговаривал», не сообщал. Тем не менее, теми же слухами, очевидно, воспользовался и Тома Базен, писавший практически одновременно с дез Урсеном. Опираясь на «Историю Карла VI» он, скорее всего, не мог, поскольку в «Большие французские хроники» в издании Паскье Бонома 1476 г. вошла только первая часть этого сочинения, охватывавшая 1380-1402 гг.²⁴, да и создавал Базен свою «Историю Карла VII» несколько раньше – в 1471-1473 гг. Кроме того, в этот период он вообще отсутствовал во Франции: в 1471 г. епископ Лизье жил в Трире, а в 1474 г. перебрался оттуда в Рим²⁵. Однако совершенно очевидно, что слухи об особых отношениях Жана Бесстрашного с парижским палачом до Базена дошли, иначе трудно объяснить, почему он изложил в своем труде именно эту версию событий. Согласно «Истории Карла VII», в один прекрасный день герцог повстречал на парижской улице Капелюша, ехавшего верхом в окружении свиты, и принял его за «принца крови или капитана». Он поздоровался с ним, однако, узнав, что имеет дело с «человеком низкого происхождения», приказал его казнить²⁶.

²⁰ Ibid. P. 797.

²¹ «Il y eut une grande commotion de peuple; et disoit-on que Capeluche le bourreau en estoit le capitaine» (Jouvenel des Ursins 1836. T. 2. P. 543).

²² «Et plusieurs fois venoit ledit Capeluche parler au duc de Bourgogne, accompagné de meschantes gens, aussi hardiment que si c'eust esté un seigneur» (Ibid., курсив мой – O.T.).

²³ «Et disoit-on qu'on luy avoit fait couper, pource qu'il avoit touché au duc de Bourgogne, lequel luy avoit baillé sa main, non cuidant qu'il fust bourreau, parquoy comme dit est il luy fit couper la teste» (Ibid., курсив мой – O.T.).

²⁴ Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis 1476.

²⁵ Tyl-Labory 1992(b). P. 1431-1433.

²⁶ «Intravit eciam post hoc urbem Burgundionum dux Johannes, qui, cum quodam die, per vicos civitatis, equo vectus, obvium habuisset tortorem civitatis cognomento Capeluche, multa dictorum siccariorum satellitum turba stipatum et putans aliquem esse principem seu ducem militum, salutasset eum, et postea a suis qualis et quam vilis conditionis homo esset fuisset edoctus, eum captum supplicio publice affecit» (Basin 1964. T. 1. P. 60, курсив мой – O.T.).

И все же, несмотря на приведенные выше свидетельства авторов XV в., версия о том, что Жан Бесстрашный не признал в богато одетом человеке городского палача и подал ему руку при встрече, выглядит совершенно фантастической. Оставляя в стороне все возможные варианты «игры в переодевание», известные в Средневековье и в более позднее время, следует прежде всего принять во внимание особенность нашего случая, а именно – фигуру палача, оставшегося на протяжении всего этого периода (вплоть до XIX в.) парией, с которым старались не иметь никаких дел. Таких людей всегда селили на окраинах городов, к принадлежавшим им вещам брезговали прикасаться, к ним не желали наниматься в подмастерья, а их дети с самого рождения обречены были в свою очередь стать палачами, поскольку никакие иные ремесленные корпорации не принимали их в ученики, а получить хоть какое-то образование им также оказывалось невозможно²⁷. Зная это, можем ли мы предположить, что кратковременное возвышение Капелюша до руководителя восстания парижской черни столь радикально изменило его положение, что в нем перестали видеть изгоя общества?

К сожалению, в текстах XV века мы почти не находим информации о герое нашей истории. Наиболее осведомленным из всех авторов этого времени был Парижский горожанин, который сообщал лишь, что в 1412 г. Капелюш стал (или уже являлся) помощником нового палача французской столицы – мэтра Жоффруа. Этот последний сам, видимо, исполнял те же обязанности, а пост палача занял благодаря случайному и весьма печальному событию: его предшественник умер от испуга, когда уже обезглавленный им преступник так толкнул колоду, на которой ему рубили голову, что она чуть не упала с эшафота²⁸. Однако, уже в 1418 г. Капелюш значился в «Дневнике» Парижского горожанина палачом французской столицы²⁹. То, что ранее он был подмастерьем, заставляет предположить, что он либо происходил из самых низов общества и не мог рассчитывать на обучение какому-то иному ремеслу, либо был родственником другого палача, отправившего своего отпрыска в обучение к коллеге, либо и вовсе – сыном (или, к примеру, зятем) мэтра Жоффруа³⁰.

О собственной семье Капелюша нам также ничего не известно. Мы знаем лишь, что в 1418 г. у него имелось трое подручных, двое из которых окончили жизнь вместе с ним на плахе. Третий же стал его преемником, за несколько минут до экзекуции получившим от своего учителя

²⁷ Подробнее о положении палачей в обществах Западной Европы см.: Armand 2012. P. 33-37, 45-49, 70-71.

²⁸ “Depuis qu’il eut la tête coupée, bouta le tranchet si fort qu’à peu tint qu’il ne l’abattit, dont le bourreau eut telle frayeur, car il en mourut tantôt après six jours, et était nommé maître Geffroy. Après fut bourrel Capeluche, son valet” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 45).

²⁹ Ibid. P. 128-129.

³⁰ Такова была общая для Средневековья практика: Armand 2012. P. 35-44.

последние наставления в ремесле палача: перед смертью Капелюш лично объяснил ему, как именно следует рубить преступнику голову³¹.

И все же в биографии нашего героя был один, очень важный момент, который не стоит сбрасывать со счетов. Он служил в Париже, столице Франции, а потому считался не просто городским, но *королевским* палачом, что автоматически переводило его в категорию королевских *чиновников*. Очевидно, это давало некоторые послабления в его незавидной участи: в частности, он получал доход как смотритель бань и публичных домов, сконцентрированных в торговом районе *Les Halles*, где собственно он и был в конце концов арестован³².

Не следует забывать и о событиях, происходивших в городе всего за пять лет до волнений черни 1418 года, во главе которой оказался Капелюш. Ведь очень многие из участников этих беспорядков уже снискали себе, пусть и сомнительную, славу в 1413 г., когда в столице Франции разразилось восстание Кабошьенов. Народными предводителями тогда стали мастера цеха мясников во главе с Кабошем, действительно поддерживавшие герцога Бургундского³³. В 1418 г. все они по-прежнему оставались на политической сцене, а сам Кабош вошел в число доверенных лиц Жана Бесстрашного. Однако Капелюша среди людей, получивших за свою верность некоторые бенефиции от герцога, не было. В настоящего «капитана» черни он превратился только в 1418 г., когда герои 1413 г. отошли на второй план³⁴. Иными словами, никакого *постепенного* сближения между герцогом и палачом не происходило. Встреча их, если она вообще имела место, не была запланирована и оказалась совершенно случайной. И вполне возможно, что Жан Бесстрашный не испытал по этому поводу особой радости.

Впрочем, сообщения авторов XV в. о дружеских отношениях или о простом знакомстве наших героев, скорее всего, являлись домыслами, связанными с политическими событиями того времени. С одной стороны, в руках Капелюша на какое-то время действительно оказалась сосредоточена вполне реальная власть: не случайно современники именовали его «капитаном», стоящим во главе парижан и представлявшим угрозу для окружающих. И, с этой точки зрения, Капелюш – пусть лишь символически – мог уподобляться герцогу Бургундскому, также всеми силами стремившемуся заполучить Париж в свои руки. С другой стороны, Жан Бесстрашный не мог долго мириться с подобным положением

³¹ “Et ordonna le bourreau au nouveau bourreau la manière comment il devait couper la tête, et fur délié et ordonna le tronchet pour son cou et pour sa face, et ôta du bois au bout de la doloire et à son coustel, tout ainsi comme s’il vouloit faire ledit office à un autre, dont tout le monde était ébahi; après ce, cria merci à Dieu et fut décollé par son val-et” (Journal d’un bourgeois de Paris 1990. P. 129).

³² Armand 2012. P. 20-24, 30-33.

³³ Coville 1888. P. 403-405.

³⁴ Schnerb 1989. P. 113-130.

дел: все наши источники подтверждают, что он постарался как можно быстрее покончить с мятежниками, отослав большую их часть на помощь войскам, осаждавшим Монлери, и отправив на казнь оставленных в столице главарей восстания³⁵. Что касается легенды о встрече Капелюша с герцогом, то она, как кажется, возникла прежде всего с целью выставить этого последнего главным виновником массовых убийств горожан. В этом случае палач становился всего лишь *инструментом* в руках своего покровителя, средством борьбы с партией арманьяков, члены которой более всего пострадали после захвата Парижа бургунами. Ведь и Жан Жувеналь дез Урсен, и Тома Базен являлись, безусловно, сторонниками Карла VII...

Любопытно, что в рамках противостояния партий арманьяков и бургинонов эпизод со встречей палача и герцога «прочитывался» и позднее, пусть даже делалось это порой неосознанно. Уже с конца XVIII столетия данная версия событий стала крайне популярной у французских историков. Мы встречаем ее, в частности, у аббата Милло, писавшего, что и восстание Кабошьенов, и события 1418 года организовал герцог Бургундский в качестве «мести» арманьякам. В массовых убийствах этих последних был, по мнению автора, виновен именно Капелюш: герцог плел с ним различные заговоры, дарил его своим расположением, так что палач имел обыкновение при встрече «протягивать герцогу руку в знак дружбы»³⁶. Слово в слово данный пассаж воспроизводится у Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта, настаивавшем на столь тесных отношениях двух протагонистов, что Капелюш запросто мог взять герцога за руку «в знак единения и братских чувств»³⁷.

Если у аббата Милло ссылки на знакомые ему тексты XV в. отсутствовали, то источником своих сведений Ле Брюн де Шарметт называл «Историю Карла VI» Жана Жувеняля дез Урсена, которую мог читать в издании 1614 г. Теодора Годфруа или в переиздании его сына Дени Годфруа 1653 г.³⁸ Очевидно, тем же сочинением воспользовался и Проспер Барант для создания «Истории герцогов Бургундских», опубликованной в 1820-е гг. и высоко оцененной как читателями, так и коллега-

³⁵ См., например: “Mais, entetant qu’ilz estoient là, le duc de Bourgoingne fist prendre aucuns de leurs complices qui estoient demourez, et les fist les testes copper et aucuns noyer. Capeluche, entre les aultres, eult la teste trenchie” (Chronique de Jean Le Fevre. T. 1. P. 338).

³⁶ “Le bourreau s’étoit mis à la tête de la populace. On vit le duc conférer avec lui, le traiter amicalement; et le bourreau, lui *donner la main en signe d’amitié*” (Millot 1770. P. 221, курсив мой – О.Т.).

³⁷ “Le bourreau, à la tête de la populace, présidait à ces scènes de carnage. On vit le duc de Bourgogne conférer avec lui, le traiter amicalement, et celui-ci *lui prendre familièrement la main, en signe d’union et de fraternité*” (Le Brun de Charmettes 1817. T. 1. P. 52, курсив мой – О.Т.).

³⁸ Ibid. P. 52, note 1. Ле Брюн де Шарметт также ссылался на «Дневник» Парижского горожанина и «Хронику» Мишеля Пинтуэна: Ibid. P. 52, notes 2, 3.

ми-историками³⁹. Здесь Капелюш вновь фигурировал в высоком звании «капитана», так что при встрече сам герцог «брал его за руку»⁴⁰.

Однако своего апофеоза история встречи герцога и палача достигла в 1821 г., когда Ж.-Ш.-Л. Симонд де Сисмонди издал «Историю французов», в которой прикосновение Капелюша к руке Жана Бесстрашного чудесным образом трансформировалось в *рукопожатие*⁴¹. Данная оригинальная версия была затем воспроизведена в «Биографическом словаре» Фердинанда Хёффера 1855 г. и в «Популярной истории Франции» Анри Мартена 1868 г.⁴² Наконец, она появилась во французской «Википедии»⁴³, безболезненно дожив, таким образом, до наших дней, но оставляя в стороне еще один важный для историков вопрос: что за манипуляции с руками производили Капелюш и Жан Бесстрашный, если они на самом деле встречались.

Представляется крайне сомнительным, чтобы этим жестом действительно являлось рукопожатие. Средневековая культура, как известно, знала довольно много действий, производимых именно руками, однако ни одно из них невозможно назвать рукопожатием⁴⁴. Одним из наиболее распространенных и близких к нашему предполагаемому случаю являлся обычай подавания руки (или рук) – *manus dare* – к которому прибегали при принесении оммажа и который заключался во вложении сложенных или несложенных ладоней в руки сеньора. Однако тем же выражением *manus dare* могло быть описано прощание с гостеприимным хозяином, проявление дружеских чувств, принесение клятвы верности, сдача в плен или заключение договора. Тем не менее, в любой из этих ситуаций подобный жест не практиковался между господином и его незнатным слугой: благородный человек мог подать руку только равне⁴⁵.

Помимо *manus dare* средневековые авторы использовали также выражение *manus promittere*, означавшее протягивание руки адресату

³⁹ Chateaubriand 1837. Т. 17. Р. 353-359.

⁴⁰ «*Il prit même la main, dit-on, au principal d'entre eux, qui semblaient conduire tout ce peuple, et qui n'était autre que Capeluche, le bourreau de la ville*» (Barante 1826. Т. 4. Р. 365, курсив мой – *O.T.*).

⁴¹ «*Il fit alors arrêter Capeluche le bourreau, dont il se reprochoit d'avoir serré la main, et il lui fit trancher la tête*» (Sismondi 1828. Т. 12. Р. 552, курсив мой – *O.T.*).

⁴² «*C'est alors, dit Sismondi, qu'il fit arrêter Capeluche, dont il se reprochait d'avoir serré la main, et lui fit trancher la tête*» (Hoefler 1854. Т. 8. Col. 572). См. также: Martin 1868. Т. 1. Р. 451.

⁴³ В «Википедии» приводится полный текст статьи из «Словаря» Ф. Хёффера: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Capeluche>.

⁴⁴ Wildeblood 1965. Р. 137; Burrow 2002. Р. 34-38. Я глубоко признательна Д.А. Голубовскому за возможность ознакомиться с текстом его неизданной диссертации, посвященной символически невербальной коммуникации, а также с той литературой, которая была использована в этой работе: Голубовский 2008.

⁴⁵ Leyser 1994. Р. 191-192; Burrow 2002. Р. 14.

в знак достижения согласия, что также являлось весьма распространенным в это время жестом⁴⁶. Что касается приветствия, то в английских источниках отмечалась еще одна его форма – удар по руке (*handclasp*). Кроме того, хозяин мог при встрече взять гостя за руку, дабы отвести в свой дом⁴⁷. Приветственное же рукопожатие появилось, согласно современным исследователям, лишь в раннее Новое время: впервые как широко распространенный жест оно было зафиксировано в среде английских квакеров, откуда оказалось воспринято в других слоях общества, а также, вероятно, разошлось по соседним странам⁴⁸.

Единственное, насколько можно судить, *средневековое* описание *рукопожатия* мы находим во франкоязычной хронике Йоркского аббатства св. Марии XIV в. Речь в интересующем нас пассаже шла, что для нас особенно важно, о встрече в 1381 г. в Смитфилде английского короля Ричарда II с Уотом Тайлером. Согласно хронисту, который опирался при этом на рассказ очевидца, руководитель восстания крестьян приблизился к монарху верхом на лошади, спешился, а затем, полупреклонив колено, взял своего высокопоставленного гостя за руку, крепко пожал ее и сказал: «Брат, отдохни как следует»⁴⁹. Как отмечал Джон Барроу, подобное поведение выглядело особенно вызывающе по отношению именно к Ричарду II, который превыше всего ставил субординацию в отношениях между представителями разных сословий⁵⁰. Тайлер же, начав приветствовать своего правителя, как и было положено ему по рангу, в действительности нарушил установленные правила: он не до конца преклонил колено, а затем и вовсе потряс руку короля в рукопожатии вместо того, чтобы принять ее в свои руки. Использование при этом не французского, а английского глагола (*to shake hand*) служило, возможно, указанием на то, что в Англии XIV в. подобный жест уже существовал. Дж. Барроу полагал, что таковым могло быть приветствие в низших слоях общества. Если это так, то рукопожатие Уота Тайлера, будучи оскорбительным для Ричарда II, являлось распространенным жестом в среде бунтовщиков и символизировало равенство всех перед всеми⁵¹.

Было бы весьма заманчиво использовать тот же ход рассуждений при анализе предполагаемых отношений герцога Бургундского и парижского палача – реального правителя и предводителя черни. Присмотримся, однако, еще раз к тому, какие выражения использовались в данном случае в источниках. Из авторов XV в. о прикосновении упоминал один

⁴⁶ Smith, Morris 1968. P. 134.

⁴⁷ Burrow 2002. P. 34-38.

⁴⁸ Roodenburg 1991. P. 177.

⁴⁹ “Quaunt il fuist descendu il prist le roy par la mayne dimy genolaunt et schaka a brace durement et fortement dissaunt a luy: ‘Frer, soiez de bone comfote et lee’” (цит. по: Burrow 2002. P. 37).

⁵⁰ Ibid. P. 37-38.

⁵¹ Ibid. P. 38.

лишь Жан Жевеналь дез Урсен: по его мнению, герцог сам протянул руку Капелюшу, который дотронулся до нее (*il avoit touché au duc de Bourgogne, lequel luy avoit baillé sa main*)⁵². Тома Базен выражался более неопределенно: в его «Истории» герцог «здоровался» с палачом (*salutasset eum*), однако эти слова не указывали на какой-либо конкретный жест⁵³. Аббат Милло и Ле Брюн де Шарметт настаивали, что Капелюш сам подавал руку герцогу в знак дружбы (*donner la main en signe d'amitié, prendre la main en signe d'union et de fraternité*), у П. Баранта они менялись местами, и теперь данный жест производил герцог (*prit la main*)⁵⁴. Наконец, в трактовке Симонда де Сисмонди и более поздних авторов Капелюш пожимал руку своего визави (*serré la main*)⁵⁵...

Возможно, если руку Жану Бесстрашному подавал палач, то жестом, который описывал дез Урсен и который с течением времени трансформировался в рукопожатие, могло стать хорошо знакомое людям Средневековья протягивание руки в знак признания власти правителя и подчинения ей. Если же инициативу проявлял сам герцог, то его рука могла быть протянута для поцелуя как выражение почтения целующего к своему сеньору либо как обещание покровительства со стороны правителя⁵⁶. Иными словами, оба эти варианта были вполне возможны. Но то, что Капелюш оказался палачом, учитывая отношение к данной социальной группе в средневековом обществе, действительно должно было расстроить Жана Бесстрашного. Могло ли, однако, данное обстоятельство стать поводом для казни провинившегося?

Источники XV в. по-разному описывали смерть Капелюша, и некоторые из них вовсе не указывали какой-то явной причины его бесславной кончины. Так, Жан Рауле – единственный, кто упоминал о герцоге как о «куме» палача, – вслед за тем сразу же сообщал о гибели этого последнего⁵⁷. Тем не менее, одной из возможных причин казни Капелюша могло, вне всякого сомнения, стать его непосредственное участие в истреблении парижан летом 1418 года. Такой версии событий придерживались Клеман де Фокамберг и Мишель Пинтуэн, а чуть позднее – Пьер де Фенен, Ангерран де Монстреле и Жан ле Февр. Жан Бесстрашный, отмечали они, был весьма озабочен непрекращающимися бесчинствами в столице Франции, а потому он приказал казнить Капелюша и некоторых других зачинщиков бунта за их многочисленные преступления,

⁵² См. прим. 21.

⁵³ См. прим. 26.

⁵⁴ См. прим. 36, 37, 40.

⁵⁵ См. прим. 41, 42, 43.

⁵⁶ Подробнее см.: Кулаева 2007. С. 102-119; Шрайнер 2007. С. 155-192.

⁵⁷ “Auquel Capeluche le duc de Bourgogne fist assez tost après copper la teste” (Chronique de Jean Raoulet 1858. P. 143).

освободив, таким образом, горожан от ежедневного ужаса⁵⁸. Иными словами, от палача избавились как от одного из руководителей волнений.

Совершенно иной вариант развития событий предлагал Парижский горожанин. Он писал, что Капелюша приговорили к смерти за казнь беременной женщины, причем ее осудили за преступление, которого она не совершала⁵⁹. Таким образом, вина палача заключалась в превышении должностных полномочий (*abus de justice*), а о мятеже, во главе которого он стоял, не говорилось ни слова. Впрочем, стоит заметить, что данная версия оказалась практически не востребованной в последующие века. Об убийстве женщин, в том числе беременных, в ходе восстания 1418 г. сообщали многие авторы, однако ни один из них не связывал данный факт со смертью самого Капелюша: это был всего лишь дополнительный штрих к описанию творившихся в Париже бесчинств⁶⁰. И только в маргинальной помете на полях «Книги предательств, совершенных Францией по отношению к Бургундии», автор которой честно признавался, что он не знает причин казни палача⁶¹, неизвестный читатель отмечал, что тот оказался виновен в убийстве беременной⁶².

Наконец, в конце XV в. возникла третья версия гибели Капелюша. Жан Жувеналь дез Урсен и Тома Базен (а вслед за ними Симонд де Сисмонди и Фердинанд Хёффер в XIX в.) настаивали, что причина каз-

⁵⁸ “Dont les gens de justice du Conseil du Roy et de monseigneur de Bourgogne et les notables bourgeois de Paris furent moult courouciez et desplaisans de ladicte commocion... par la sentence et jugement du prevost de Paris, furent condempnez à mort et furent decapitez, et eurent chascun d’eulz ung poing copé es Halles de Paris, et leurs corps mis au gibet” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 152, 156). См. также: Chronique du Religieux de Saint-Denys. P. 269; Mémoires de Pierre de Fenin. P. 93; Chronique d’Enguerran de Monstrelet. Т. 3. P. 290; Chronique de Jean Le Fevre. Т. 1. P. 338.

⁵⁹ “[Furent] accusées aucunes femmes, lesquelles furent tuées et mises sur les carreaux sans robe que leur chemise, et à ce faire était plus enclin le bourreau que nul des autres; entre lesquelles femmes il tua une femme grosse, qui en ce cas n’avait aucune coulpe, dont il advint un peu de jours après qu’il en fut pris et mis au Châtelet” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 128-129).

⁶⁰ “Durant laquelle assemblée ou commocion furent esdictes prisons et ailleurs à Paris tuez et mis à mort environ de iii^{ix} à cent personnes, entre lesquelles il y ot trois ou quatre femmes tuez, si comme on disoit” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 151). “Crudelitate nequissima execrabilia homicidia consummans, quamdam insignem et pulcherrimam domicellam, nomine..., expoliata coram omnibus decollavit, alleguans solum quod ipsam Armeniacam reputabat” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. Т. 6. P. 264). “Et y avoit un bourrel, nommé Capeluche ...lequel estoit mout malvais, et tuoit hommes et femmes, sans commandement de justice, par les rues de Paris, tant par hayne, comme pour avoir le leur” (Mémoires de Pierre de Fenin. P. 93). “Or ne tuoit-on pas seulement les hommes, mais les femmes et enfans: mesme il y eut une femme grosse qui fut tuée, et voyoit-on bien bouger, ou remuer son enfant en son ventre, sur quoi aucuns inhumains disoient: “Regardez ce petit chien qui se remue”” (Jouvenel des Ursins. Т. 2. P. 542).

⁶¹ “Et, ne sçay à quelle ochoison, mais ou mesme an il-mesme fut décapité sur le hourt devant les Halles” (Le Livre des trahisons de la France. P. 138).

⁶² “Pour ce que par ses facteurs avoit fait accuser une femme enchainte, laquelle il fist morir trop hastivement” (Ibid. P. 138, note 2).

ни заключалась в оскорблении, которое нанес палач герцогу, прикоснувшись к его руке (или пожав ее)⁶³. Однако, даже если сам факт встречи наших героев и имел место в действительности, непозволительное поведение одного из них вряд ли могло спровоцировать столь серьезную реакцию: известные по другим (хотя и более поздним) источникам подобные истории в худшем случае заканчивались публичным покаянием палачей, но не их смертью⁶⁴.

Более обоснованной, как мне кажется, являлась трактовка, предложенная Парижским горожанином. Казнь беременной женщины на протяжении всего Средневековья рассматривалась как уголовное преступление, как убийство⁶⁵. И, несмотря на то, что наказанию в подобных делах подвергались обычно судьи, вынесшие приговор, в случае Капелюша данное обстоятельство могло быть использовано как предлог, дабы разделаться с ним. Иными словами, наиболее вероятной причиной ареста и последующей казни палача стало его участие в восстании парижской черни. Подсказкой может здесь служить и тип наказания, избранный для Капелюша, которому отрубили голову. Средневековое право предусматривало подобную казнь всего для двух категорий преступников: для людей знатных и/или для предателей⁶⁶. Как руководитель бунта, презревший законную власть, Капелюш, вне всякого сомнения, подпадал под второе определение. В частности, именно предателем считал его и других участников событий 1418 г. Мишель Пинтуэн, сравнивавший их с Иудой⁶⁷. Впрочем, подобное наказание могло указывать и на то, что современники действительно воспринимали палача как приближенного герцога Бургундского, т.е. как человека знатного. Или – что еще более вероятно – тип казни мог сам по себе натолкнуть более поздних авторов на спекуляции относительно «знатности» их героя...

В заключение следует признать, что мы не слишком приблизились к разгадке странной истории, приключившейся в Париже в августе 1418 года. Палач и герцог по-прежнему пребывают в королевстве кривых зеркал, куда попали благодаря разноголосице писавших о них на протяжении нескольких веков историков. Были ли они знакомы, встречались ли когда-нибудь и как себя при этом вели, так и останется для нас неизвестным. Можно констатировать лишь одно: человеческая память настолько прихотлива, что даже из палача может сделать приближенного могущественного правителя – пусть даже и на очень краткий миг...

⁶³ См. прим. 23, 26.

⁶⁴ Armand 2012. P. 46.

⁶⁵ Ibid. P. 131-132.

⁶⁶ Morel 2007. P. 53-59.

⁶⁷ “*Quotquot scelerum patratorem circumstantias dampnabiles audierunt, ipsas impacienter tulerunt, supplicantes ut actores cum Juda traditore eternam, ut meruerant, reciperent porcionem, prius tamen justicie audacia concessa temporaliter animadvertendi in ipsos*” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. P. 269).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Голубовский Д.А. Невербальная коммуникация в древнерусских письменных источниках: Опыт семантического анализа. Дисс. к.и.н. М., 2008 (на правах рукописи).
- Кулаева С.Б. Жесты власти – жесты молитвы. Исследование иконографии молитвенной жестикуляции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С.102-119.
- Уваров П.Ю. Париж XV века: события оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории – 1993. М., 1994. С. 175-193.
- Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159-180.
- Шрайнер К. «Да лобзает он меня лобзанием уст своих» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006. Вып. 8. М., 2007. С. 155-192.
- Armand F. Les bourreaux en France. Du Moyen Age à l'abolition de la peine de mort. P., 2012.
- Barante P. Histoire des ducs de Bourgogne. P., 1826.
- Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964.
- Burrow J.A. Gestures and Looks in Medieval Narrative. Cambridge, 2002.
- Chateaubriand. Sur l'Histoire des duc de Bourgogne // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. Т. 17. P. 353-359.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet / Publ. par L. Douët-D'Arcq. P., 1857–1862.
- Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis depuis les Troyens jusques à la mort de Charles VII / Publ. par Pasquier Bonhomme. P., 1476.
- Chronique de Jean Raoulet // Chartier J. Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. Т. 3.
- Chronique de Jean Le Fevre, seigneur de Saint-Remy / Ed. par Fr. Morand. P., 1876-1881.
- Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. 6 vol. P., 1839-1852.
- Coville A. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.
- Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment entre les mains de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, au mois d'août 1418 // Le Roux de Lincy A., Tisserand L.M. Paris et ses historiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1867. P. 371-389.
- Fauquembergue C. de. Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903-1915.
- Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Hoefér F. Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1854.
- Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- Jouvenel des Ursins. Histoire de Charles VI // Nouvelle Collection de Mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par Michaud et Poujoulat. P., 1836.
- Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. P., 1817.
- Leyser K. Ritual, Ceremony and Gesture: Ottonian Germany // Leyser K. Communication and Power in Medieval Europe: The Carolingian and Ottonian Centuries. L., 1994. P. 191-213.
- Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Martin H. Histoire de France populaire. P., 1868.
- Mémoires de Pierre de Fenin / Ed. par M.-L.-E. Dupont. P., 1837.
- Millot (abbé). Eléments de l'Histoire de France. P., 1770.
- Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849.

- Roodenburg H. The “Hand of Friendship”: Shaking Hands and other Gestures in the Dutch Republic // Bremmer J., Roodenburg H. A Cultural History of Gesture. Ithaca; N.Y., 1991. P. 152-189.
- Schnerb B. Caboches et Capeluche: Les insurrections parisiennes au début du XVe siècle // Les révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen Age à nos jours / Ed. par F. Bluche et S. Rials. P., 1989. P. 113-130.
- Simondi J.Ch.L. *Simonde de*. Histoire des français. P., 1828.
- Smith C.C., Morris J. On ‘Physical’ Phrases in Old Spanish Epic and Other Texts // Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society (Literary and Historical Section). Vol. XII (June 1966 – April 1968). Leeds, 1968. P. 129-190.
- Tyl-Labory G. Jean Juvenal des Ursins // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(a). P. 795-797.
- Tyl-Labory G. Thomas Basin // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(b). P. 1431-1433.
- Wildblood J. The Polite World: A Guide to English Manners and Deportment from the Thirteenth to the Nineteenth Century. L., 1965.

REFERENCES

- Golubovsky D.A. Neverbal'naya kommunikaziya v drevnerusskikh pis'mennih istochnikah: Opit semanticheskogo analiza. Diss. kand. istoricheskikh nauk. M., 2008 (unpublished).
- Kulaeva S.B. Zesti vlasti – zesti molitvi. Issledovanie ikonografii molitvennoj zestikuljazii // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2006 / Ed. by M.A. Boitsov, I.N. Danilevskij. Vol. 8. Moscow, 2007. S. 102-119.
- Uvarov P.Yu. *Paris XV veka: sobitija, ozenki, mnenija...* Obshestvennoje mnenije? // Odisseus. Chelovek v istorii – 1993. Moscow, 1994. S. 175-193.
- Tsaturova S.K. Tangui du Chatel i uspešnij zagovor chinovnikov (rizar' na službe korone Francii) // Chelovek XV stoletija: grani identičnosti / Ed. by A.A. Svanisze, V.A. Vedushkin. Moscow, 2007. S. 159-180.
- Schriner K. «Da lobzaet on menja lobzanijem ust svoih» // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2006. Vol. 8. Moscow, 2007. S. 155-192.
- Armand F. Les bourreaux en France. Du Moyen Age à l'abolition de la peine de mort. P., 2012.
- Barante P. Histoire des ducs de Bourgogne. P., 1826.
- Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964.
- Burrow J.A. Gestures and Looks in Medieval Narrative. Cambridge, 2002.
- Chateaubriand. Sur l'*Histoire des duc de Bourgogne* // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. T. 17. P. 353-359.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet / Publ. par L. Douët-D'Arceq. P., 1857-1862.
- Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis depuis les Troyens jusques à la mort de Charles VII / Publ. par Pasquier Bonhomme. P., 1476.
- Chronique de Jean Raoulet // Chartier J. Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. T. 3.
- Chronique de Jean Le Fevre, seigneur de Saint-Remy / Ed. par Fr. Morand. P., 1876-1881.
- Chronique du Religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. 6 vol. P., 1839-1852.
- Coville A. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.
- Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment entre les mains de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, au mois d'août 1418 // Le Roux de Lincy A., Tisserand L.M. Paris et ses historiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1867. P. 371-389.
- Fauquembergue C. de. Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903-1915.
- Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Hoefler F. Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1854.
- Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990.

- Jouvenel des Ursins*. Histoire de Charles VI // Nouvelle Collection de Mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par Michaud et Poujoulat. P., 1836.
- Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. P., 1817.
- Leyser K.* Ritual, Ceremony and Gesture: Ottonian Germany // Leyser K. Communication and Power in Medieval Europe: The Carolingian and Ottonian Centuries. L., 1994. P. 191-213.
- Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne* // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Martin H.* Histoire de France populaire. P., 1868.
- Mémoires de Pierre de Fenin / Ed. par M.-L.-E. Dupont. P., 1837.
- Millot (abbé)*. Elémens de l'Histoire de France. P., 1770.
- Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849.
- Roodenburg H.* The "Hand of Friendship": Shaking Hands and other Gestures in the Dutch Republic // Bremmer J., Roodenburg H. A Cultural History of Gesture. Ithaca; N.Y., 1991. P. 152-189.
- Schnerb B.* Caboché et Capeluche: Les insurrections parisiennes au début du XVe siècle // Les révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen Age à nos jours / Ed. par F. Bluche et S. Rials. P., 1989. P. 113-130.
- Sismondi J.Ch.L. Simonde de.* Histoire des français. P., 1828.
- Smith C.C., Morris J.* On 'Physical' Phrases in Old Spanish Epic and Other Texts // Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society (Literary and Historical Section). Vol. XII (June 1966 – April 1968). Leeds, 1968. P. 129-190.
- Tyl-Labory G.* Jean Juvenel des Ursins // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(a). P. 795-797.
- Tyl-Labory G.* Thomas Basin // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(b). P. 1431-1433.
- Wildeblood J.* The Polite World: A Guide to English Manners and Deportment from the Thirteenth to the Nineteenth Century. L., 1965.

Тогоева Ольга Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; togoeva@yandex.ru

A story of one handshake: from the fiction of medieval chroniclers to the speculations of modern historians

The article deals with the story of handshake which presumably took place between John the Fearless, the Duke of Burgundy, and Capeluche, the royal executioner of Paris and the head of the riot of the brigands in 1418. The author analyses all the medieval chronicles which described this (pseudo)historical episode (i.e. "Chronique du Religieux de Saint-Denys", "Journal d'un bourgeois de Paris", "Journal" of Clement de Fauquembergue, the chronicles of Enguerran de Monstrelet, Jean Raoulet and Jean Le Fevre, "Histoire de Charles VI" of Jean Jouvenel des Ursins, "Histoire de Charles VII" of Thomas Basin) as well as the modern French historiography of the 18th-20th cc. She tries to clarify all the circumstances of this contact, to answer the question whether the real handshake was possible in the Medieval France and to understand the real reasons of Capeluche's execution.

Keywords: France, 15th century, historical memory, the Hundred Years war, Paris, John the Fearless, the executioner Capeluche

Olga Togoeva, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; togoeva@yandex.ru

М. Ц. АРЗАКАНЯН

СТАНОВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ*

В статье представлено важнейшее событие истории современной Франции – образование Третьей республики. Именно тогда, в последней четверти XIX столетия в этой крупнейшей европейской стране навсегда был установлен республиканский режим и закреплены республиканские традиции, берущие истоки в эпохе Французской революции конца XVIII века. Автор описывает драматические этапы становления республики, останавливается на научных определениях имевших место фактов и показывает, как формировалась коллективная память о них.

Ключевые слова: Третья республика, Франко-Прусская война, Парижская коммуна

Франция – первое государство Европы, в котором в период позднего Нового времени был установлен республиканский режим. Он существует уже 140 лет (с незначительным перерывом во время Второй мировой войны, когда у власти находилось профашистское правительство Виши). Страна гордится своими республиканскими традициями, уходящими корнями в годы Французской революции конца XVIII в. Между тем окончательное установление республики, уже третьей по счету, произошло очень болезненно и драматически и длилось несколько лет (1870–1875). Тогда Франция сначала пережила позор поражения во Франко-прусской войне, потом взлет и падение Парижской коммуны и, наконец, жесткое политическое противостояние республиканцев и монархистов.

Первые годы существования Третьей республики в наше время редко становятся предметом исследования французских ученых. Правда они достаточно подробно освещены в энциклопедиях и учебных книгах. Советские историки часто обращались к данной теме. Однако это было давно, уже более трети века назад. С тех пор она для отечественной историографии канула в Лету забвения и сегодня лишь кратко упоминается в изданиях общего характера (см. Библиография). Определения важнейших фактов как у французских, так и у российских авторов в чем-то схожи, а в чем-то различны. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы восстановить канву событий, связанных с утверждением республиканского режима во Франции, представить их разные оценки и, таким образом, опираясь в основном на «массовую» литературу, посмотреть, как складывалась и с годами менялась память о них.

*Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российский идентичность» (направление «Механизмы формирования исторической памяти в обществе и принципов исторической политики») и при поддержке РФФ (проект № 15-18-30087).

Прежде чем начать изложение интересующего нас сюжета, обратимся к истокам республиканского режима во Франции. Первая республика была провозглашена в сентябре 1792 г., после свержения монархии и установления якобинской диктатуры. Якобинцы продержались у власти менее двух лет, до переворота 9 термидора (27 июля) 1794 г., после которого был установлен новый режим – Директории. Но республику никто не отменял, она лишь неуклонно правела и просуществовала вплоть до следующего переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., когда Наполеон Бонапарт объявил себя первым консулом, а основанный им режим Консульством. 18 брюмера принято считать конечной точкой Французской революции конца XVIII в. Она стала ключевым событием для истории страны и заложила основы современной Франции. Главными, определяющими словами революции стали Свобода, Равенство и Братство. Революция воплотила в жизнь такие понятия как национальный суверенитет, отделение церкви от государства, демократия, республика, конституция, парламент, правые и левые, разделение властей, избирательное право, референдум (плебисцит), власть и оппозиция.

В период революции, уже в июле 1789 г., в столице Франции была создана Парижская коммуна (революционный муниципалитет). Вскоре коммуны образовались и во всех других больших городах страны. Муниципалитетам подчинялась образованная Национальная гвардия – новый орган самозащиты граждан. Она формировалась из представителей третьего сословия и играла заметную политическую роль.

В 1804 г. Наполеон I установил авторитарный режим Первой империи, в 1815 г. ее сменила Реставрация Бурбонов (или Цензовая монархия). Новый монархический режим продержался у власти до 1830 г. и пал, когда в Париже начались массовые выступления парижан, недовольных проведением ультрароялистской реакционной политики (представителей средних слоев, лиц свободных профессий, рабочих). Их поддержала Национальная гвардия. В течение трех дней – 27, 28 и 29 июля в столице шли бои. Они вошли в историю страны как «три славных дня». Это название употребляют почти все французские историки¹. В России такое определение стали давать июльским дням совсем недавно, потому что у нас прочно и надолго укоренилось название – Революция 1830 года². Хотя в результате этой «революции» во Франции просто один монархический режим сменился другим. Бурбоны (легитимисты) уступили трон другой ветви той же династии – орлеанистам.

Следующий режим – Июльская монархия – просуществовал 18 лет. Ее опрокинула настоящая, широкомасштабная Революция 1848 года (это определение никогда ни у кого не вызывало сомнения), в результате которой в стране была установлена Вторая республика. В период

¹ См., напр.: Dictionnaire 2006. P. 980.

² Федосова 2016. С. 54.

Июльской монархии во Франции распространялись не только республиканские, но и социалистические идеи. Последние по-разному развивали Пьер Жозеф Прудон (пропагандировал мирное переустройство общества), Луи Блан (ратовал за создание общественных мастерских и введение всеобщего избирательного права) и Луи Огюст Бланки (призывал к социальной революции, придерживался заговорщической тактики, более 25-ти лет провел в тюремных заключениях). Революция 1848 года некоторые из подобных идей взяла на вооружение – для безработных организовали национальные мастерские, перед выборами в Национальное собрание в апреле 1848 г. было введено всеобщее избирательное право для всех мужчин, достигших 21 года. Всем гражданам разрешили вступать в Национальную гвардию. Однако, достигнув своего пика все в том же 1848 г., революция пошла на спад. Одержавший победу на введенных Конституцией 1848 года президентских выборах Луи Наполеон Бонапарт (племянник Наполеона I) начал быстро сворачивать революционные завоевания, а 2 декабря 1852 г. и вовсе объявил себя императором под именем Наполеона III. Основанная им Вторая империя продержалась без малого 20 лет.

Первоначально жесткий бонапартистский режим постепенно модернизировался. Авторитарной империей он именовался лишь до 1860 г., который стал для нее переходным – началось проведение политических и социальных реформ. Парламентарии (депутаты, заседавшие в Законодательном корпусе и сенаторы) получили возможность выступать с оценкой деятельности правительства, отчеты об их прениях в палатах публиковали. Стремительное развитие экономики страны привело к росту численности лиц наемного труда. К началу 1860-х гг. их было уже 3 млн.³ По инициативе самого императора французское правительство стало уделять внимание социальной политике. Принимались меры по борьбе с безработицей. Рабочие получили право на стачку и собрания, если на них не обсуждались политические и антирелигиозные вопросы, для них был открыт специальный банк, предоставлявший кредиты под низкие проценты. В связи с такими новшествами с 1860 г. Вторая империя получает название либеральной. Однако жизнь рабочих, трудящихся на постоянной основе в промышленности, и особенно сезонных, оставалась тяжелой. Широко использовался женский и детский труд, рабочий день иногда длился до 15-ти час. Зарплата постепенно росла, но она не успевала за ростом цен и квартирной платы, поэтому по существу оставалась прежней⁴.

Большие изменения произошли в стране в самом конце 1860-х гг. Парламент – Сенат и Законодательный корпус – получил все prerogative законодательной власти. Он стал обсуждать и втиривать законопроекты и государственный бюджет. Впервые в XIX в. был провозглашен

³ Слущкий 1971. С. 13.

⁴ Метен 1938. С. 420.

принцип ответственности правительства перед палатами. Франция стала подлинной парламентской империей. Послабления режима привели к возрождению в стране оппозиции. Прежде всего бонапартистам противостояли представители других монархических ветвей – легитимистов и орлеанистов. Они составили либеральную оппозицию, которую возглавил орлеанист Адольф Тьер. На политической арене вновь появились республиканцы. На выборах в Законодательный корпус в 1863 и 1869 гг. они смогли провести своих кандидатов. Среди них оказались политики нового поколения – Леон Гамбетта, Жюль Ферри, Жюль Фавр. Гамбетта выдвинул свою кандидатуру от города Бельвиль. В период подготовки к выборам он разработал ряд радикальных требований, получивших название Бельвильской программы. Гамбетта выступал за самое широкое применение всеобщего избирательного права, свободу личности, прессы, собраний и ассоциаций, отделение церкви от государства, всеобщее обязательное начальное образование. Опять заговорили о себе социалисты. Идеи Прудона и Бланки оказывали существенное влияние на умы рабочих. В 1864 г. открылась французская секция I-го Интернационала (Международной ассоциации трудящихся), основанной в том же году в Лондоне К. Марксом и Ф. Энгельсом. В стране росло число стачек. Советские историки неизменно именovali такое явление рабочим движением⁵, хотя об организованном движении говорить еще было рано, скорее – о его зачатках. Французские исследователи считают, что «рождение рабочего движения» в стране произошло лишь в 1880-е гг.⁶

Наполеон III проводил амбициозную внешнюю политику. Лавры знаменитого дяди не давали ему покоя. Долгие годы дела на этом поприще шли успешно. Страна вернула себе «ранг ведущей державы на мировой арене»⁷. После победоносной для Франции и ее союзников Крымской войны против России император добился проведения в 1856 г. конгресса по подведению итогов войны в Париже. Наполеон III вел войну с Австрией за освобождения от ее господства северо-восточных итальянских земель, выступив совместно с Пьемонтским королевством, вокруг которого началось объединение Италии. Всецело поддержав Пьемонт на этом пути, император сумел добиться в ответ присоединения к Франции принадлежавших Пьемонту Савойи и Ниццы. Самые серьезные противоречия разделяли Францию и Пруссию, особенно в конце 1860-х гг. Наполеон III был крайне обеспокоен нарастанием влияния этой страны в Европе и политикой ее канцлера Отто фон Бисмарка по объединению всех германских государств в единую империю. В 1866 г. после победы Пруссии в войне с Австрией был образован Северо-Германский союз. Бисмарку оставалось только присоединить граничившие с Францией государства

⁵ См., напр.: Парижская коммуна 1981. С. 12; Слущкий 1971. С. 12.

⁶ Histoire de France 2003. P. 444.

⁷ Федосова 2016. С. 186.

Южной Германии. Наполеон III был категорически против этого, не желая иметь у себя под боком большую могущественную германскую империю. Отношения между двумя странами резко обострились. С обеих сторон открыто заговорили о войне. Оставалось ждать лишь удобного повода. Им послужил отказ Пруссии поддержать французского кандидата на вакантный испанский престол и выдвижение на него принца Леопольда Гогенцоллерна, кузена прусского короля Вильгельма. Правда, последний занял примирительную позицию, и принц Леопольд в итоге отказался от испанского престола. Король Пруссии находился в июле 1870 г. на водах в городе Эмс, где дружелюбно принял французского посла и сообщил ему о том, что принц Леопольд больше не претендует на трон Испании. Король уведомил о своем разговоре Бисмарка, послав ему письмо. В историографии оно именуется «Эмской депешей». Канцлер, уже собравшийся разрешить конфликт с Францией войной, решил ее спровоцировать. Он опубликовал в прессе текст депеши, намеренно исказив его смысл. Получилось, что Вильгельм разговаривал с французским послом в оскорбительных тонах. Цель была достигнута. 15 июля Законодательный корпус проголосовал за военные кредиты, а 19-го объявил Пруссии войну. Как видим, причины ее заключались в серьезном конфликте интересов между двумя крупными европейскими державами. Утверждения советских историков о том, что Наполеон III победоносной войной хотел подавить «рабочее» и даже «революционное» движение в своей стране, по меньшей мере безосновательны⁸. Но была ли Франция вообще способна победить столь грозного соперника? Готовилась ли она серьезно к войне? На самом деле – нет. Тяжело больной император Наполеон III явно принял опрометчивое решение. Он не заручился поддержкой ни одного европейского государства. Франция практически оказалась в изоляции. Французская армия насчитывала 300 тыс. человек, тогда как прусская – 500 тыс. К тому же мобилизация во Франции проходила медленно и неорганизованно. Трагическая развязка не замедлила произойти.

События развивались стремительно. По выражению Виктора Гюго, начался «страшный год» французской истории. Прусские войска, соединенные в три армии, в самом начале августа стали быстро продвигаться на среднем Рейне, разбили французов в пограничных сражениях и 6 августа вторглись в Эльзас и Лотарингию. Основные силы французов были разделены надвое. Командовать т.н. «рейнской» армией, насчитывающей 170 тыс. чел., Наполеон III доверил маршалу Франсуа Базену, который сначала в середине августа проиграл ряд локальных битв на территории Лотарингии и затем отступил к городу Мец, укрыл свою армию в его крепости, которую пруссаки тут же осадили. Столица Эльзаса, город Страсбург также оказалась в осаде. На помощь Базену выдвинулась вторая часть французской армии в составе 120 тыс. чел. во главе с самим

⁸ Антюхина-Московченко 1986. С. 16; Желубовская 1973. С. 373.

императором и под командованием маршала Патриса де Мак-Магона. Однако войска «железного канцлера» преградили ей путь и, оттеснив в город Седан, быстро окружили его. После недолгого сопротивления французская армия 2 сентября 1870 г. сдалась на милость победителям и подписала акт о капитуляции. В плену оказалось 82 тыс. чел., в т.ч. сам император (Наполеон III был сначала увезен в Германию, но после заключения прелиминарного мира Франции с Пруссией в феврале 1871 г. отпущен на свободу, а затем переехал в Англию, где умер в 1873 г.).

Известие о седанской катастрофе всколыхнуло всю страну. В Лионе, Марселе и Бордо уже 3 сентября была стихийно провозглашена республика. 4 сентября в Париже на улицах скопилось много народа. Манифестанты проникли в Бурбонский дворец (место заседаний Законодательного корпуса), где Гамбетта заявил о низложении империи. Затем он вместе с Фавром и Ферри во главе ликующей толпы отправился в Ратушу и в одном из ее залов провозгласил создание республики. Сразу было создано временное правительство, получившее название «национальной обороны» во главе с генералом, военным губернатором Парижа Луи Трошю. Вице-председателем кабинета стал Фавр, министром внутренних дел – Гамбетта. Законодательный корпус распустили. Среди историков до сих пор нет единого мнения о том, как обозначить события 4 сентября 1870 г. в Париже. Режим Второй империи прекратил свое существование и было объявлено о смене его республикой. Значит произошла революция?! И советские и нынешние российские исследователи прямо пишут о «революции 4 сентября».⁹ А вот во французских книгах зачастую такое определение оспаривается. 4 сентября иногда называется просто «событиями».¹⁰ Или же слово революция заключается в кавычки. Автор последней версии выдвигает такой аргумент: нельзя назвать революцией стечение обстоятельств, при которых не произошло ни одного выстрела¹¹. И все-таки нам представляется, что говорить о «революции 4 сентября 1870 года» вполне правомерно, потому что на смену одному режиму пришел другой. И сами эти революционные события были для Франции, хоть и без выстрелов, куда более значимыми, чем, скажем, «революция 1830 года» («три славных дня»).

Тем временем война продолжалась. Немецкая армия упорно продвигалась в глубь Франции. В сентябре 1870 г. прусские войска вышли к Парижу, окружили город, и 19-го числа началась его длительная осада. 7 октября Гамбетта покинул столицу на воздушном шаре и приземлился в городе Тур, за что Тьер сразу назвал его «неистовым сумасшедшим». Почему? Ведь Гамбетта всеми силами пытался организовать новые ар-

⁹ Антюхина-Московченко 1986. С. 27; Желубовская 1973. С. 390; Канинская 2016. С. 290.

¹⁰ Albertini 2000. P. 65.

¹¹ Lejeune 2007. P. 5.

мии для сопротивления врагу на Луаре, на севере страны и на востоке, в горах Вогезах в Бургундии. Он искренне желал победы своей родине. По некоторым данным, ему удалось поставить под ружье почти 600 тыс. чел.¹² Но французские войска, возглавляемые неопытными военачальниками, не смогли одержать сколько-нибудь существенных побед и оказать помощь осажденному Парижу. В конце осени 1870 г. Пруссия оккупировала почти половину Франции. 27 сентября после жестокого артиллерийского обстрела пал Страсбург. А ровно через месяц, 27 октября, маршал Мак-Магон, не признавший власти правительства «национальной обороны» сдал Мец со всей 170-тысячной армией и большими запасами оружия и боеприпасов. Такая ситуация многими парижанами была воспринята как предательство. 31 октября в столице прошли стихийные выступления парижан, требующих передать власть городскому муниципалитету – коммуне (по образцу Парижской коммуны эпохи Французской революции конца XVIII в.).

Осада столицы фактически отделила Париж от всей остальной Франции. После ряда военных поражений по стране все более и более распространялись капитулянтские настроения. Окруженный же со всех сторон Париж оказался предоставленным самому себе. Правительство «национальной обороны» ее-то как раз и не смогло должным образом организовать. Но город держался. Парижане всем миром собрали деньги, на которые были отлиты пушки. Большим влиянием стала пользоваться Национальная гвардия, в которую мог вступить каждый. В столице нарастала безработица, и небольшое жалование национального гвардейца помогало неимущим семьям выжить. Наступила суровая как никогда зима. Снабжение продовольствием и топливом было организовано из ряда вон плохо. Начали есть собак, кошек, крыс, зверей из зоопарка. Убили двух слонов. Правительство было вынуждено объявить об отсрочке платежей по квартплате, коммерческим векселям, в ломбардах. В начале января 1871 г. обстановка еще более ухудшилась, так как прусская армия начала бомбардировки города.

Многие министры (часть из них с сентября 1870 г. уже поменялась) считали положение Франции в войне с Пруссией, и особенно Парижа, безнадежным. 18 января Бисмарк пригласил в Версаль немецких принцев крови. В их присутствии в самом красивом Зеркальном зале знаменитого французского дворца, где торжественно провозгласили создание Германской империи во главе с королем Пруссии Вильгельмом. Еще несколько месяцев назад в такое кошмарное унижение для французов невозможно было поверить. И правительство уже только т.н. «национальной обороны» решило закончить войну. 21 января 1871 г. оно подписало соглашение о перемирии, согласно которому военные действия прекращались. Германская армия заняла несколько фортов Парижа, ей

¹² Garrigues, Lacombrade 2009. P. 72.

передавались оружие и боеприпасы. Помимо того немцы затребовали огромную контрибуцию. 22 января в Париже, как и в октябре 1870 г., вспыхнуло стихийное восстание с требованием образовать Коммуну. Но властям города удалось быстро его утихомирить.

Бисмарк заявил, что мирный договор должен быть подписан и ратифицирован «законной властью». Для этого спешно объявили о выборах в Национальное собрание. Их подготовка прошла в условиях оккупации более трети страны и при запрете на проведение предвыборной агитации. В результате 8 февраля 1871 г. собрание в составе 630 чел. было избрано. Его большинство (400 чел.) составляли провинциальные монархисты (в основном крупные земельные собственники), выступавшие за скорейшее установление мира. Еще 200 выбранных депутатов объявили себя приверженцами республики. Многие из них представляли округа Парижа. Очень быстро новый законодательный орган страны окрестили «собранием деревенщины»¹³. Его председателем стал республиканец Жюль Греви. Орлеаниста Тьера собрание избрало «главой исполнительной власти». Он сформировал кабинет из шести монархистов и трех республиканцев и назвал его правительством «национального единства». Тьер вообще ничего не говорил о политическом режиме Франции, не подтверждал, что республика окончательно избрана формой правления в стране, лишь заявил, что его главная задача – «умиротворить Францию», т.е. закончить войну. Прелиминарный мирный договор с Пруссией был подписан 26 февраля в Версале, 3 марта его подавляющим большинством (против проголосовало 107 депутатов, в основном республиканцы, но и ряд монархистов) утвердило Национальное собрание. Окончательный договор стороны подписали 10 мая во Франкфурте-на-Майне. Его условия были унижительны для Франции. Страна лишалась всего Эльзаса (за исключением города Бельфор) и большей части Лотарингии. Франция должна была также уплатить Германии огромную контрибуцию в 5 млрд франков (примерно 20 млрд евро). Бисмарк требовал 6, но Тьеру удалось выторговать 1 млрд. Однако «железный канцлер» заявил, что только после выплаты контрибуции в полном объеме он выведет немецкие войска с территории Франции. Так печально для страны закончилась Франко-прусская война 1870–71 гг. Казалось, что Франция после стольких перипетий обрела, наконец, покой и действительно была умиротворена. Но это была лишь видимость, потому что ее столица не захотела смириться с позором поражения.

Париж, колыбель всех предыдущих французских революций, пережил тяжелейшие осень и зиму. Сначала голод, к которому вскоре прибавились лютой холод и бомбежки. Страдали от этого прежде всего малоимущие слои населения – рабочие, ремесленники, мелкие собственники. По переписи 1866 г. население столицы достигло почти 1 млн. 900 тыс.

¹³ Сеньобос 1939. С. 6.

чел., из которых более 1 млн. 200 тыс. составляли занятые в промышленности, торговле и на транспорте¹⁴. Вот этот Париж, в основном республиканский, переживший такие страдания и унижения, защищавшийся по большей части силами самообороны – национальных гвардейцев, не принял позорного мира. В Национальной гвардии числилось почти 200 тыс. чел., из них 30 тыс. хорошо владели оружием и в действительности отстаивали город. В середине февраля была образована Республиканская федерация Национальной гвардии. Тьер большое влияние на жизнь столицы национальных гвардейцев сильно раздражало. 10 марта Национальное собрание переехало из Бордо, но не в Париж (получилось, что оно не сочло столицу достойной своего местонахождения) а в пригородный Версаль. Правительство, правда, прибыло в столицу и сразу же объявило об отмене введенной во время осады отсрочки по квартплате и коммерческим платежам. За несколько дней по ним было предъявлено 150 тыс. взысканий¹⁵, а Национальное собрание тут же отменило и так совсем небольшое жалование национальных гвардейцев, сохранив его только для неимущих, предоставляющих особое удостоверение. Таким образом аристократический Версаль бросал вызов рабочему Парижу. Противостояние нарастало. 15 марта Республиканская федерация Национальной гвардии избрала свой Центральный комитет, который по существу превратился в оппозицию версальскому Национальному собранию.

Тьер твердо решил взять под контроль ситуацию в Париже. В ночь на 18 марта он послал войска на холм Монмартр, чтобы захватить находящиеся там 170 пушек, отлитых на деньги парижан для защиты города и переданные национальным гвардейцам. Толпа горожан (включая женщин) не дала их отобрать. Многие солдаты перешли на сторону парижан. Национальные гвардейцы арестовали генералов Леконта и Тома и вскоре расстреляли. После такого инцидента Тьер спешно велел покинуть столицу правительству и верным ему войскам и перебазироваться в Версаль. Власть в городе перешла в руки Центрального комитета, занявшего Ратушу, а через несколько дней к городскому муниципалитету – коммуне. Теперь Париж и Версаль стали заклятыми врагами.

26 марта 1871 г. в столице прошли выборы в муниципалитет. В них участвовало 229 тыс. избирателей из 485 тыс. внесенных в списки¹⁶. Избраны были 86 чел. – представителей крупной, средней и мелкой буржуазии, служащих, рабочих, педагогов, врачей, адвокатов, журналистов, писателей, художников. В начале апреля 20 чел. – из буржуазных кругов отказались работать в муниципалитете. На их места выбрали 16 новых членов. 28 марта на площади перед Ратушей состоялось торжественное провозглашение новой столичной власти. Она получила название Па-

¹⁴ Слуцкий 1971. С. 13.

¹⁵ Сеньобос 1939. С. 7.

¹⁶ Сеньобос 1939. С. 8.

рижской коммуны и избрала Ратушу местом своих заседаний. По своей политической принадлежности состав Парижской коммуны был очень разношерстным. Главенствовали в нем неоякобинцы, бланкисты и прудонисты, а также бакунисты, члены Интернационала и просто неопределенные¹⁷. Противоречивость их взглядов неизбежно приводила к разногласиям. Среди членов Коммуны и просто поддерживающих ее – коммунаров или федератов (так их называли из-за принадлежности к Республиканской федерации Национальной гвардии) – выдвинулась группа активных людей самых разных профессий. Это рабочие Шарль Амуру, Луи Варлен, Симон Дерёр, Эмиль Дюваль, Жюль-Поль Жоаннар, Натали Лемель, Огюст Серайе, Лео Франкель, адвокат Лео Мелье, счетовод Теофиль Ферре, врачи Эдуар Вайан и Жан-Жак Пийо, фармацевт Жюль Мио, учителя Гюстав Лефрансе и Луиза Мишель, профессиональные офицеры Гюстав Ключере и Луи Россель. Коммуну поддерживали многие представители творческой интеллигенции – ученый-антрополог Гюстав Флуранс, журналист и историк Огюст Верморель, журналист Рауль Риго, литераторы Жюль Валлес, Эжен Потье, Шарль Делеклюз, Феликс Пиа, Жан Батист Клеман, Гюстав Флуранс, Паскаль Груссе, Эдуард Моро, художники Гюстав Курбе и Жорж Пилотель.

Жители столицы отнеслись к созданию коммуны по-разному. Многие, главным образом богатые парижане сразу бежали в Версаль. Некоторые заняли выжидательную позицию, но с развитием событий все-таки покинули город. Конечно, коммуну поддержало практически все малоимущее население. Одни считали, что нужно искать примирения с версальцами, другие, что с ними надо бороться. К первым относился молодой мэр XVIII-го округа Парижа, будущий знаменитый французский политик-радикал Жорж Клемансо. Но его в Ратуше и слушать не хотели¹⁸. Вскоре он покинул столицу. Уехал из города и молодой композитор Жорж Бизе (еще не сочинивший своей «Кармен»). А вот патриарх французской музыки, автор знаменитых пятиактных опер («Немая из Портучи» и др.) и балетов («Классическое па-де-де», «Марко Спада»), 89-летний Франсуа Обер никуда из своего парижского дома выезжать не пожелал. Истинный республиканец Виктор Гюго, имевший уже мировую славу, долгие годы из-за своих политических убеждений жил за границей. Он вернулся на родину после революции 4 сентября, в феврале 1871 г. был избран от Парижа в Национальное собрание, но работать в таком «монархическом парламенте» отказался и уехал из страны. Он писал из Брюсселя в апреле 1871 года: «Париж – это коммуна, это самостоятельная община, притом самая необходимая и самая славная из всех. Париж-коммуна – это необходимое следствие Франции-республики»¹⁹.

¹⁷ Молок 1973. С.418.

¹⁸ Прицкер 1983. С.45.

¹⁹ Гюго 1956. С.533.

Однако к самим коммунарам и некоторым их действиям Гюго отнесся отрицательно и приехать в столицу Франции не помышлял. А молодой талантливый поэт Поль Верлен не только не стремился покинуть Париж во время коммуны, но и работал служащим в мэрии одного из округов.

Парижская коммуна объявила своей целью создание во Франции республиканской федерации коммун. В провинции ее услышали. Коммуны наподобие столичной были образованы в городах Лионе, Крêзо, Сент-Этьенне, Тулузе, Нарбонне, Марселе и Лиможе. Однако все они просуществовали только по несколько дней. 10 суток продержался лишь Марсель. Во всех городах восстания против властей жестоко подавили. Таким образом Париж остался в полной изоляции. Он выстоял 72 дня. Столичная коммуна являла собой одновременно и законодательную и исполнительную власть. На ее базе создали 9 специальных комиссий (министерств) – военную, продовольственную, финансовую, юстиции, общественной безопасности, труда, промышленности и обмена, общественных служб, внешних сношений, просвещения). Конечно, коммунары не имели ни большого политического опыта, ни единых взглядов на то, что надо делать и чего не надо. И все же за два месяца они провели колоссальную работу. Во многом деятели Парижской коммуны вдохновлялись идеями Французской революции конца XVIII века и ее главным лозунгом «Свобода, Равенство, Братство». 19 апреля они обнародовали «Декларацию к французскому народу», в которой провозглашались создание демократической республики, прямые выборы правительства, ответственность депутатов перед избирателями, выборность чиновников, введение светского бесплатного образования и прогрессивного налога, отказ от постоянной армии, отделение церкви от государства.

Парижская коммуна провела целый ряд социальных реформ. Максимальный размер жалования государственных служащих отныне не превышал заработной платы квалифицированного рабочего. Были отменены выплаты задолженностей по квартплате, безвозмездно возвращены вкладчикам заложенные в ломбард вещи на сумму до 20 франков, дана рассрочка на три года для погашения коммерческих векселей, введен запрет на произвольные штрафы и вычеты из заработной платы рабочих, отменен ночной труд в пекарнях, введено равное жалование учителям (мужчинам и женщинам), установлены пенсии вдовам и детям убитых национальных гвардейцев. Один из декретов предусматривал передачу брошенных хозяевами заводов кооперативным ассоциациям рабочих, другой – передачу театров ассоциации артистов, служащих и рабочих.

Важнейшей проблемой для Парижской коммуны оставались ее взаимоотношения с версальцами. Руководители коммуны не хотели идти на какие-либо переговоры, предпочитая тактику пассивной обороны. Правда после попыток версальцев прорваться в столицу, федераты решились в начале апреля сделать вылазку с наступлением на Версаль. Их

войска были плохо организованы, им не хватало опытного военного руководства. В результате коммунары были разбиты. Попавших в плен коммунаров и руководителей похода Дюваля и Флуранса расстреляли. После этого, 5 апреля коммуна выпустила декрет о заложниках. Согласно ему, в заложники взяли несколько сот человек. Среди них оказались банкир Жан-Батист Жеккер, группа жандармов, чиновников и священников во главе с архиепископом Парижским. Последнего коммунары пытались обменять на сидевшего в тюрьме Бланки, но Тьер отказался.

«Глава исполнительной власти» твердо решил жестко покончить с Парижской коммуной. Он ждал только возвращения из немецкого плена французских солдат, чтобы иметь значительное численное превосходство над федератами. В начале мая версальская армия насчитывала уже более 100 тыс. чел. 8-го числа Тьер предложил коммунарам капитулировать, но получил отказ. Тогда 21 мая версальская армия, которой командовал Мак-Магон (тот самый, который совсем недавно без боя сдал свою армию пруссакам), поддерживаемая артиллерией, ворвалась в Париж через наиболее уязвимые форты. Расплата за желание воплотить в жизнь гордый французский девиз «Свобода. Равенство, Братство» была ужасной. Началась печально известная «кровавая неделя». Некоторые члены коммуны рассеялись, другие спешно отправились в свои округа, чтобы наспех организовать оборону. Коммунары расстреляли часть заложников, в том числе Жеккера и архиепископа Парижского и подожгли важные общественные здания (Ратушу, Дворец юстиции, Тюильри, Министерство финансов, Счетную палату). Париж запылал пожарами и покрылся баррикадами. В течение недели федераты отчаянно сражались. Однако силы были не равны. Их безжалостно убивали из пушек и расстреливали из ружей. Последняя кровавая драма развернулась на знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез. 27 мая версальцы не дали там укрыться примерно тысяче человек и добивали их между могилами известных французов. 28-го утром 147 измученных и израненных федератов загнали в угол, к северо-восточной стене кладбища и расстреляли. Вот так жутко завершилась попытка установить во Франции демократическую социальную республику.

Сколько человек погибло в «кровавую неделю»? Цифры до сих пор разнятся. В современных французских энциклопедиях пишется о 20-ти, 30-ти и даже 50-ти тыс. погибших²⁰. Напомним, что во время двухлетнего якобинского террора эпохи Французской революции конца XVIII века документально было зафиксировано 40 тыс. смертных приговоров, а в Варфоломеевскую ночь 1572 г., часто называемую историками «резней», во всей Франции убили 3 тыс. гугенотов. После «кровавой недели»

²⁰ Histoire de France 2003. P.436; Dictionnaire de l'Histoire de France 2006. P.253 ; Petit Larousse de l'Histoire de France 2008. P.377.

в городе началась зачистка. Членов коммуны и национальных гвардейцев, которым удалось спастись, разыскивали и предавали суду. Приговоры, в т.ч. смертные, выносились вплоть до 1875 г. Примерно 10 тыс. чел. (точные цифры неизвестны) были приговорены к тюремному заключению и каторжным работам (главным образом на Новой Каледонии). Печальная участь постигла и многих руководителей коммуны. Делеклюз погиб на баррикаде, Варлен, Риго и Моро в «майскую неделю» были схвачены и расстреляны, Россель и Ферре расстреляны после суда, Верморель умер от ран через месяц после «кровавой недели», Амуру, Груссе и Луиза Мишель отправлены на каторгу на Новую Каледонию.

Страшную картину являл собой Париж в конце мая – начале июня 1871 г. Город был буквально завален трупами. Людей хоронили наспех и не только на кладбищах. Будущий известный деятель партии радикал-социалистов Камиль Пеллетан писал слова, которые страшно читать: «Не успевают закапывать трупы казненных – их слишком много. Используют даже парижские скверы. Под густой растительностью среди цветов и листвы, странно приподнятых клумб, зловеще торчали из-под земли плохо закопанные ноги, восковые руки в обшлагах Национальной гвардии... Удушливый запах гниения, от которого делалось дурно, заглушал аромат весны»²¹. Парижан, просто умерших в мае, которых родные хотели похоронить как полагается, по церковному обряду, просто складывали в подвалы «до лучших времен». С июня во все церкви для отпевания записывались в очереди. 15 июля была переполнена церковь святой Троицы. Присутствовало множество женщин, весь балет Гранд-Опера, студенты консерватории, оркестр, хор. Это хоронили великого Франсуа Обера, который умер в своем доме в Париже еще 12 мая.

Чем же была Парижская коммуна? Какое ей дать определение? До сих пор, по прошествии почти 150 лет во французской историографии нет единого мнения об этом событии. Даже в энциклопедиях зачастую просто приводятся те или иные точки зрения или же в текстах присутствует некое «умолчание», и читателю самому предлагается определиться с термином. Характеристики же тех авторов, которые их все-таки дают, очень разные. Это и «восстание», и «парижская революция», и «социальная республика», и «гражданская война»²². В Большом энциклопедическом словаре (Брокгауз и Ефрон), выпущенном через 20 лет после события оно названо «одной из кровавейших революций»²³. Никакой путаницы в терминологии нет только в марксистской историографии. Как известно, Маркс пристально наблюдал за развитием событий в Париже из Лондона. Сразу после них он написал свой известный

²¹ Цит. по: Савинов 2001. С.200.

²² Histoire de France 2003. P.435; Petit Larousse de l'Histoire de France 2008. P.376; Garrigues, Lacombrade 2009. P.74; Albertini 2000. P.67.

²³ Коммуна парижская 1895. С.875.

очерк «Гражданская война во Франции», где прямо назвал Парижскую коммуну «пролетарской революцией»²⁴. Вслед за ним то же самое сказал и Ленин.²⁵ Разумеется, все советские авторы лишь повторяли характеристики классиков. Сегодняшняя отечественная историография вопроса более чем скудна. Самой убедительной нам представляется статья в Большой российской энциклопедии за подписью редакции (правда, с цифрами можно было бы поработать тщательнее). В ней событие называется «революционным восстанием»²⁶. В только что вышедшем университетском учебнике по новой истории Парижской коммуне посвящена одна страница, в пятом томе «Всемирной истории» – и вовсе полстраницы²⁷ Какие-либо оценки в текстах отсутствуют. А жаль. Нам же, со своей стороны, хочется прямо назвать Парижскую коммуну 1871 года революцией 18 марта. Она, конечно, была не пролетарской, вернее не только пролетарской. Коммуна стремилась к утверждению во Франции республики, которая пока существовала в стране только номинально и находилась под большой угрозой. Коммуна боролась за установление социального равенства, поэтому ее смело можно определить и как социальную революцию. Закончилось все трагически. Во Франции действительно, пусть только в течение недели, бушевала гражданская война. И к каким жертвам она привела!

Парижская коммуна, вне всякого сомнения, стала главной вехой в становлении Третьей республики. Общественная память о ней начала формироваться сразу благодаря многочисленным устным и письменным свидетельствам ее очевидцев. Свою лепту в нее внесли художники, поэты, композиторы. Художник-импрессионист Эдуард Мане вошел в Париж сразу за версальскими войсками. Он был потрясен увиденным. Живописец сразу стал делать наброски и эскизы. Сегодня они выставлены в разных музеях мира. Еще один, но малоизвестный рисовальщик и художник Альфред Баржу весну 1871 года провел в Париже. Он делал зарисовки заседаний коммуны. Печально известна его картина «Расстрел коммунаров на кладбище Пер-Лашез». Она стала частью экспозиции музея истории Парижа Карнавале. Член коммуны поэт Жан Батист Клеман, скрываясь от законных властей, продолжал писать стихи, естественно, о только что происшедших событиях:

Детишки, вдовы по дорогам,
Осиротев, идут, идут –
В крови лежит Париж восстаний,
Он истекает нищетой.
Неделя страшных испытаний!
Версаль ликует – выиграл бой!

²⁴ Маркс 1960.

²⁵ Ленин 1969.

²⁶ Парижская коммуна 2014. С.335.

²⁷ Канинская 2016; Ревякин 2014.

Другой поэт-коммунар Эжен Потье, после «майской недели» прятавшийся по парижским подвалам, заочно приговоренный к смертной казни, написал стихи ставшего впоследствии известным на весь мир «Интернационала»: «Вставай, проклятем заклеянный весь мир голодных и рабов!».

Франции понадобилось еще несколько лет для установления демократического режима. Республика медленно, но верно двигалась к своему подлинному утверждению. Ее никто не отменял, но монархическое собрание продолжало свои заседания. Этот самый начальный этап в истории Третьей республики французские и современные отечественные исследователи называют по-разному – «республика герцогов», «неопределенная» или «ненастоящая» республика, «республика консерваторов»²⁸. А на наш взгляд, самое правильное определение ей давали советские историки – «республика без республиканцев»²⁹.

До 1873 г. у власти продолжал стоять кабинет Тьера. С августа 1871 г., согласно решению Национального собрания, он уже именовался «президент республики». Глава Франции стремился как можно скорее выплатить контрибуцию немцам. Для этого в 1871 и 1872 гг. были выпущены два займа. Так деньги собрали и погасили контрибуцию. Прусские войска в 1873 г. покинули Францию. Все это время легитимисты и орлеанисты лелеяли надежду восстановить монархию, но никак не могли договориться между собой. Тем не менее они всячески затягивали разработку новой конституции, на чем настаивал Тьер, склонявшийся к республиканскому режиму.

В марте 1873 г. собрание провело выборы президента. С незначительным перевесом Тьера опередил монархист Мак-Магон. Он возглавил правительство «нравственного порядка», подразумевая под этим возвращение к «традиционным институтам». В том же году правительство постановило, что в качестве «президента республики» маршал будет оставаться семь лет (закон о септенате). Мак-Магон надеялся, что сумеет восстановить монархию, но легитимисты и орлеанисты опять не смогли найти общего языка. Тем временем в стране свои позиции укрепляли республиканцы как в столице, так и в провинции. Они настаивали на вотировании новых конституционных законов. Бурные дебаты в Национальном собрании по этому поводу между монархистами и республиканцами всех мастей, а также образовавшейся группы «центристов» продолжались вплоть до начала 1875 г. С февраля по ноябрь собрание утвердило три конституционных закона – о президенте республики, избираемом всеобщим голосованием, Палате депутатов (нижней палате парламента) и избираемом косвенно и переизбираемом частично каждые три года Сенате (верхней палате парламента). Третья республика окончательно утвердилась у власти и, наконец, стала «республикой республиканцев».

²⁸ Albertini 2000. P.70; Lejeune 2007. P.23,29; Канинская 2016. С.291.

²⁹ Антюхина-Московченко 1986. С.115.

Во второй половине 1870-х гг. республиканцы укрепляли свои позиции. На выборах в Палату депутатов в 1876 г. они завоевали более 2/3 мест, на частичных выборах в Сенат в 1879 г. получили более половины мандатов. В том же году президентом республики был избран республиканец Жюль Греви, заявивший, что не будет претендовать на главенство исполнительной власти над законодательной (т.е. Палатой депутатов). В результате во Франции сложилась республика парламентского типа правления. В 1879 г. в стране были восстановлены впервые со времен революции конца XVIII века основные символы республики – ее главным национальным праздником был провозглашен день взятия Бастилии 14 июля, а государственным гимном – «Марсельеза». Французский триколор – сине-бело-красное знамя – стал государственным флагом еще в период Июльской монархии.

Вместе с утверждением республики в стране начало возрождаться социалистическое движение и формироваться рабочее. В 1879 г. Жюль Гед основал Рабочую партию. 23 мая 1880 г. он организовал первое шествие к стене на кладбище Пер-Лашез, где девять лет назад были расстреляны коммунары. Почтить их память пришло 25 тыс. человек. Республиканское правительство не только не стало препятствовать этому, но через два месяца объявило политическую амнистию. Участники Парижской коммуны вернулись из-за границы, из тюрем, с каторжных работ на Новой Каледонии. Так началось увековечивание памяти коммуны. Она навсегда стала предметом почитания рабочего, революционного, социалистического, а затем коммунистического движения. В 1888 г. молодой композитор-самоучка Пьер Дегейтер, руководитель любительского хора «Лира трудящихся», положил на музыку слова «Интернационала» Эжена Потье³⁰. Он был впервые исполнен в том же году на рабочем празднике в Лилле и с тех пор стал гимном мирового пролетариата. Паломничество к стене коммунаров обязательно происходит каждый год. В 1907 г. на ней была помещена мемориальная плита с краткой надписью: «Погибшим за коммуну». В 1909 г. на внешней стене кладбища Пер-Лашез установили памятник скульптора Поля Моро-Вотье под названием «Жертвам революций». Коммунары, конечно, входят в их число. В годы триумфов левых сил во Франции поток людей к стене коммунаров был бесконечен. В период правления Народного фронта в мае 1936 года на Пер-Лашез побывало 600 тыс. чел. Вокруг стены коммунаров располагаются могилы многих лидеров коммуны, умерших после кровавых событий (Эжена Потье, Жана Батиста Клемана и др.), и известных деятелей французского рабочего, социалистического и коммунистического движения – Поля Лафарга, Жюля Гада, Мориса Тореза, Жака Дюкло, Жоржа Марше. В наши дни у стены почти всегда лежат

³⁰ Привалов 2014. С.37.

живые цветы. Прав был поэт-коммунар Клеман, когда писал в 1871 г.: «Но все же день придет, сведет историк счет».

В нашей стране старшее и среднее поколение, и в первую очередь историков, прекрасно знает и помнит о Парижской коммуне. Эта тема подробно освещалась в учебниках, как школьных, так и университетских. Автор настоящей статьи родилась 18 марта и всегда помнила и помнит, что это – День Парижской коммуны. Он обязательно был отмечен в любом отрывном календаре советских времен. В годовщину коммуны о ней всегда писали в газетах и журналах. Вечера, посвященные событию, устраивали во французских специальных школах. Я закончила такую школу № 32. Лучшей же в Москве считалась школа № 2 им. Романа Роллана. В ней училась моя однокурсница, ныне доктор политических наук, руководитель одного из научных центров Дипломатической академии МИДа Т.В. Зверева. Она обладает прекрасным природным французским произношением. Так вот в школе каждый год 18 марта Таня на вечере читала кусочек из воспоминаний Луизы Мишель «Провозглашение Коммуны».

Сейчас, к сожалению, тема Парижской коммуны забыта. О ней не пишут. Но ведь левые политические республиканские традиции так сильны во Франции, а изучение их истоков так важно! Хотелось бы верить, что молодые российские историки (абсолютно свободные от идеологического давления прежних времен!) заинтересуются Парижской коммуной и посвятят ей свои научные труды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. М.: Мысль, 1986. 487 с.
- Гушин А.С. Парижская коммуна и художники. Л.: Изогиз, 1934. 241 с.
- Гюго В. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т.15. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 826 с.
- Данилин Ю.И. Парижская коммуна и французский театр. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 482 с.
- Желубовская Э.А. Вторая империя (1852–1870 гг.) / История Франции. Т.2. М.: Наука, 1973. 663 с.
- Канинская Г.Н. Франция / История стран Европы и Америки в Новое время (1815–1914 гг.). Учебник. М.: Аргамак-медиа, 2016. 496 с.
- Козлова Е.Е. Состав Совета Парижской коммуны / Французский ежегодник 1981. М.: Наука, 1983. 264 с.
- Коммуна парижская / Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XVI. СПб, 1895. 960 с.
- Ленин В.И. Государство и революция / Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 433 с.
- Маркс К. Гражданская война во Франции / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.17. М.: Госполитиздан, 1960. 841 с.
- Метен А. Экономика Франции 1848–1870 / История XIX века. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1938. 663 с.
- Молюк А.И. Парижская коммуна 1871 года / История Франции. Т. 2. М.: Наука, 1973. 664 с.

- Парижская коммуна 1871 года / Время – события – люди. М.: Политиздат, 1981. 376 с.
- Парижская коммуна / Большая российская энциклопедия. Т. 25. М.: БРЭ, 2014. 687 с.
- Привалов К. Французская песня. М.: Человек, 2014. 464 с.
- Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. М.: Мысль, 1983. 316 с.
- Ревакин А.В. Франция: от наполеоновского деспотизма к парламентской демократии / Всемирная история. Т.5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. 940 с.
- Савинов Н. Жорж Бизе. М.: Молодая гвардия, 2001. 356 с.
- Сеньобос Ш. Третья республика 1871–1900 / История XIX века. М.: ОГИЗ, 1939, 623 с.
- Слущкий А.Г. Парижская коммуна 1871 года. М.: Наука, 1971. 277 с.
- Федосова Е.И. Франция 1814–1847 гг. Революция 1848 г. во Франции. Вторая империя во Франции / История стран Европы и Америки в Новое время (1815 – 1914 гг.). М.: Аргамак-Медиа, 2016. 496 с.
- Шури М. Парижская коммуна в свете неизданных документов архива префектуры полиции / Французский ежегодник 1965. М.: Наука, 1966. 308 с.
- Albertini P. La France du XIX-e siècle. P.: Hachette, 2000. 159 p.
- Dictionnaire de l'histoire de France / Sous la dir. de J.-F. Sirinelli. P.: Larousse, 2006. 1176 p.
- Garrigues J., Lacombrade Ph. La France au XIX-e siècle. 1814–1914. P.: Armand Colin, 2009. 191 p.
- Histoire de France. P.: Larousse, 2003. 615 p.
- Lejeune D. La France des débuts de la III-e République. P.: Armand Colin, 2007. 191 p.
- Miquel P. La Seconde Empire. P.: Perrin, 2008. 554 p.
- Petit Larousse de l'Histoire de France. P.: Larousse, 2008. 881 p.
- Rougerie J. Procès des communards. P.: Julliard, 1964. 260 p.

REFERENCES

- Antyukhina-Moskovchenko V.I. Tre't'ya respublika vo Frantsii. M.: Mysl', 1986. 487 s.
- Gushchin A.S. Parizhskaya kommuna i khudozhniki. L.: Izogiz, 1934. 241 s.
- Gyugo V. Sobranie sochinenii v 15-ti tomakh. T.15. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. 826 s.
- Danilin Yu.I. Parizhskaya kommuna i frantsuzskii teatr. M.: Izdatel'stvo Akade-mii nauk SSSR, 1963. 482 s.
- Zhelubovskaya E.A. Vtoraya imperiya (1852–1870 gg.) / Istoriya Frantsii. T.2. M.: Nauka, 1973. 663 s.
- Kaninskaya G.N. Frantsiya / Istoriya stran Evropy i Ameriki v Novoe vremya (1815–1914 gg.). Uchebnik. M.: Argamak-media, 2016. 496 s.
- Kozlova E.E. Sostav Soveta Parizhskoi kommuny / Frantsuzskii ezhegodnik 1981. M.: Nauka, 1983. 264 s.
- Kommuna parizhskaya / Entsiklopedicheskii slovar' / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. T. XVI. SPb, 1895. 960 s.
- Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya / Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 33. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1969. 433 s.
- Marks K. Grazhdanskaya voina vo Frantsii / Marks K., Engel's F. Sochineniya. T.17. M.: Gospolitizdan, 1960. 841 s.
- Meten A. Ekonomika Frantsii 1848–1870 / Istoriya XIX veka. T. 6. M.: OGIЗ, 1938. 663 s.
- Molok A.I. Parizhskaya kommuna 1871 goda / Istoriya Frantsii. T. 2. M.: Nauka, 1973. 664 s.
- Parizhskaya kommuna 1871 goda / Vremya – sobytiya – lyudi. M.: Politizdat, 1981. 376 s.
- Parizhskaya kommuna / Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 25. M.: BRE, 2014. 687 s.
- Privalov K. Frantsuzskaya pesnya. M.: Chelovek, 2014. 464 s.
- Pritsker D.P. Zhorzh Klemanso. M.: Mysl', 1983. 316 s.
- Garrigues J., Lacombrade Ph. La France au XIX-e siècle. 1814–1914. P.: Armand Colin, 2009. 191 p.

- Revayakin A.V. Frantsiya: ot napoleonovskogo despotizma k parlamentskoi demokratii / Vsemirnaya istoriya. T.5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii. M.: Nauka, 2014. 940 s.
- Savinov N. Zhorzh Bize. M.: Molodaya gvardiya, 2001. 356 s.
- Sen'obos Sh. Tret'ya respublika 1871–1900 / Istoriya XIX veka. M.: OGIZ, 1939, 623 s.
- Slutskii A.G. Parizhskaya kommuna 1871 goda. M.: Nauka, 1971. 277 s.
- Fedosova E.I. Frantsiya 1814-1847 gg. Revolyutsiya 1848 g. vo Frantsii. Vtoraya imperiya vo Frantsii / Istoriya stran Evropy i Ameriki v Novoe vremya (1815–1914 gg.). M.: Argamak-Media, 2016. 496 s.
- Shuri M. Parizhskaya kommuna v svete neizdannykh dokumentov arkhiva prefektury politzii / Frantsuzskii ezhegodnik 1965. M.: Nauka, 1966. 308 s.
- Albertini P. La France du XIX-e siècle. P. : Hachette, 2000. 159 p.
- Dictionnaire de l'histoire de France / Dir. de J.-F. Sirinelli. P.: Larousse, 2006. 1176 p.
- Histoire de France. P.: Larousse, 2003. 615 p.
- Lejeune D. La France des débuts de la III-e République. P.: Armand Colin, 2007. 191 p.
- Miquel P. La Seconde Empire. P.: Perrin, 2008. 554 p.
- Petit Larousse de l'Histoire de France. P.: Larousse, 2008. 881 p.
- Rougerie J. Procès des communards. P.: Julliard, 1964. 260 p.

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru

The establishment of the 3rd Republic in France

The article is focused on the most important event in the history of modern France – the establishment of the 3rd Republic. In the last quarter of the 19th c. this largest European country became a republic and confirmed its republican traditions rooted in the French Revolution of the late 18th c. The author follows dramatic stages in the development of the Republic, focusing on academic definitions of events, and shows the shaping of their collective memory.

Keywords: the 3rd Republic, Franco-Prussian war, the Parisian Commune

Marina Arzakanyan, Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: arzakanian@mail.ru

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

КАК РЕФОРМА СТАЛА ВЕЛИКОЙ ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА КАК “МЕСТО ПАМЯТИ” В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

В статье охарактеризованы различные репрезентации крестьянской реформы 1861 г. в исторической памяти российского общества начала XX в.: в монументальных сооружениях, в научных трудах по истории России, а также в научно-популярных изданиях, приуроченных к 50-летию отмены крепостного права (в том числе в шеститомном издании «Великая реформа», опубликованном И.Д. Сытинным). Сопоставляя концептуальные положения, дискурсивные стратегии и визуальный ряд юбилейных изданий, посвященных «Великой реформе», автор выявляет как «конфликты памяти» в интерпретации реформы и ее исторических последствий, так и контуры наметившегося тогда общественного консенсуса по данной проблеме.

Ключевые слова: историческая память, крестьянская реформа 1861 года.

В 1889 г. в губернском городе Самаре на народные пожертвования и средства благотворителей был воздвигнут памятник императору Александру II работы скульптора В. Шервуда. Император был изображен в армейском мундире и фуражке, его рука покоилась на эфесе шпаги. По углам постамента располагались четыре символические фигуры: черкес, ломающий шашку (символ покорения Кавказа); болгарка, разрывающая цепи (символ освобождения Балкан от владычества Османской империи); среднеазиатская женщина, приподнимающая чадру (очевидно, ее жест должен был означать открытость Средней Азии для покорившей ее России); и, наконец, русский крестьянин, благоговейно осеняющий себя крестным знаменем¹ (этот жест явно был визуальной отсылкой к заключительной фразе Манифеста 19 февраля 1861 г. – «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»)². Памятник, таким образом, был призван напоминать не только о самом императоре Александре II, но и о важнейших его деяниях во внешней и внутренней политике.

Это был далеко не единственный памятник Александру II, появившийся в России в конце XIX – начале XX в. Фигура царя-освободителя нередко становилась объектом мемориальных репрезентаций. Так, по инициативе Александра III в 1883–1907 гг. в Петербурге, на месте трагической гибели императора был воздвигнут Собор Воскресения Христова (Храм Спаса-на-Крови), а в 1893–1898 гг. в Московском Кремле – па-

¹ Киселев 2011.

² Российское законодательство... 1989.

мятник Александру II работы скульптора А.М. Опекушина, художника П.В. Жуковского и архитектора Н.В. Султанова. Р. Уортман в своем фундаментальном исследовании о саморепрезентациях российской монархии кратко характеризует памятники Александру II, стоявшие «в судах, перед больницами и на площадях» нескольких крупных городов империи: Златоуста, Петрозаводска, Кишинева, Хельсинки и др.³ По подсчетам К.Г. Сокола, за период 1870–1917 гг. в Российской империи был воздвигнут 101 памятник Александру II. Более того, в период 1911–1916 гг. в стране появилось еще около 2,5–3 тыс. типовых памятников – цинковых бюстов императора, относительно дешевых и простых в установке, заказчиками которых обычно становились волостные собрания и крестьянские сходы⁴. Бюсты «Царя-Освободителя» (так гласила надпись на постаменте) стали первым массовым типовым памятником в российской деревне – задолго до бесчисленных гипсовых фигур вождя мирового пролетариата. Царь-освободитель оказался, по словам А.В. Святославского, «самой мемориализуемой фигурой» среди российских императоров и императриц⁵, причем в роли инициатора коммеморативных акций могла выступать как сама власть, так и широкие круги «общества» – что характерно, не только горожане, но и крестьяне.

Исследователи высказывают различные мнения о причинах такого «мемориального бума» и того глубинного смысла, который несли в себе эти акты мемориализации. Так, с точки зрения Р. Уортмана, памятники Александру II, подчеркивая разные аспекты реформаторской деятельности императора, «были... выражением неоправдавшихся надежд умеренной части общества на продолжение реформ, гражданский прогресс и участие населения в управлении государством»⁶. По мнению А.В. Святославского, причина скорее крылась в том, что Александр II был до известной степени компромиссной фигурой исторической памяти: его правление «представляло собою весьма гармоничное для России сосуществование традиционного православно-монархического начала и политики реформ», а трагическая смерть побуждала воспринимать его как мученика, «по существу принесшего себя в жертву своему народу»⁷.

Коммеморативные акции были направлены на увековечение памяти об императоре и осуществленных в его царствование реформах. Для характеристики преобразований 1860–70-х гг. уже современники – напр., М.Т. Лорис-Меликов в своем Всеподданнейшем докладе Александру II от 28 января 1881 г., – использовали словосочетание «Великие рефор-

³ Уортман 2004. С. 392-394.

⁴ Сокол 2006.

⁵ Святославский 2013. С. 247.

⁶ Уортман 2004. С. 394.

⁷ Святославский 2013. С. 243, 249-250, 267.

мы»⁸. Новую жизнь в это выражение вдохнул в 1890-е гг. Г.А. Джаншиев, озаглавив свой сборник историко-публицистических очерков «Эпоха великих реформ» (в первых изданиях – «Из эпохи великих реформ»). В начале XX в. эпитет «великие» уже прочно закрепился за реформами 1860–1870-х гг.: в 1905 г. была выпущена серия книг «Великие реформы 1860-х гг. в их прошлом и настоящем» под общей редакцией И.В. Гессена и А.И. Каминка, в ее рамках увидели свет работы А.А. Корнилова «Крестьянская реформа», И.В. Гессена «Судебная реформа», К.К. Арсеньева «Законодательство о печати». В 1908 г. в серии «Научно-популярная библиотека» издательства «Польза» вышла книга О.А. Волькенштейн «Великие реформы 60-х годов». Наконец, самые разнообразные издания, вышедшие в свет в 1911 г. к 50-летию юбилею отмены крепостного права, носили однотипные названия «Великая реформа» или «Великая крестьянская реформа»⁹. Высокий символический статус события был тем самым закреплён на вербально-семантическом уровне.

Пятьдесят лет – не слишком долгий по историческим меркам срок. Используя классификацию Яна Ассманна, можно сказать, что к 1911 г. реформы 1860–1870-х гг. уже успели стать объектом «культурной памяти», но еще не исчезли из поля восприятия «коммуникативной памяти», из живых воспоминаний современников. Поэтому именно на их примере – в данном случае на примере крестьянской реформы 1861 г. – можно проследить, как реальное событие превращалось для современников и для последующих поколений в «место памяти» и какие дискурсивные стратегии применялись для обоснования его исторического значения.

Отмена крепостного права принадлежала к тем событиям, которые приобретают в сознании общества статус «исторических», «рубежных», «поворотных» еще до того, как происходят на самом деле. Как показала И. Паперно, в литературе 1850-х гг. готовящаяся реформа была окутана ореолом экзальтированных ожиданий, а представления о будущем событии были пронизаны христианской символикой. Крепостное право трактовалось как «жизнь во грехе», освобождение крестьян – как «искупление» этого греха, «высокий нравственный подвиг христианской любви», «плод и торжество христианства». Символические формулы, предложенные А.И. Герценом для осмысления освобождения крестьян – «Ныне отпускаеши» и «Ты победил, Галилеянин!», – соотносили отмену крепостного права с важнейшими в представлениях христианского мира событиями мировой истории: пришествием Мессии, торжеством христианства над языческим Римом и даже началом новой исторической эры¹⁰.

⁸ Всеподданнейший доклад... 1918. С. 162-166.

⁹ Великая реформа: Сб. статей. 1911; Великая реформа: В 6 т. 1911; Головин 1911; Дучинский 1911; Шумахер 1911.

¹⁰ Paperno 1991.

Свой вклад в осмысление исторического значения осуществленных реформ внесла профессиональная историческая наука: С.М. Соловьев и историки «государственной школы». В «большом нарративе» русской истории, созданном С.М. Соловьевым, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, постепенное формирование крепостного права выступало как один из сквозных, центральных процессов российской истории. Историки доказывали, что «прикрепление» – не только крестьян, но и других слоев населения – было внутренне закономерным и неизбежным процессом: в условиях бедности страны, «гибельной односторонности» ее хозяйства, непрерывных внешних угроз и «привычке к расходу в народонаселении» государство естественно стремилось «ловить, усаживать и прикреплять» население для обеспечения своих военных и фискальных потребностей¹¹. Система всеобщего «прикрепления» (служилых людей – к службе, посадских – к тяглу, крестьян – к земле) достигла своего апогея в Московском царстве XVII в. Реформы Петра I выступали у Соловьева, Кавелина и Чичерина как демаркационная линия между «древней» и «новой» историей России; основным содержанием «новой» истории для них были процессы «раскрепощения» и освобождения: личности – из-под власти рода, народа – от невежества, сословий – от «прикрепления». Таким образом, отмена крепостного права, состоявшаяся в 1861 г., выступала для них как «заключительное, последнее явление в ряду целого исторического нашего движения в течение XVIII и XIX века», финальный, решающий шаг от архаичной системы «закрепощения сословий» к организации гражданского быта на началах свободы и права¹². «Если прикрепление крестьян было естественным результатом древней русской истории, – писал С.М. Соловьев, – то освобождение их было результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути. Спор между древнею и новою Россиею кончен, проверка налицо»¹³. Освобождение крестьян в глазах историков обретало статус события, маркирующего собой границу между большими историческими периодами. «Теперь мы вступаем в новый период исторической жизни, – писал Кавелин в 1866 г. – ...Много неожиданностей предстоит нам на этом пути!»¹⁴.

Это представление о рубежном значении отмены крепостного права и других реформ 1860–1870-х гг. сохранилось и у следующих поколений российских историков. Так, В.О. Ключевский в одной из заключительных лекций своего знаменитого «Курса русской истории» говорил: «На 18 февраля 1855 г., т.е. дне смерти императора Николая, можно положить конечный рубеж целого периода нашей истории, который начался с воцарением новой династии после Смутного времени». В минувший

¹¹ Соловьев 1991. С. 35-37, 44-45, 102-103 и др.

¹² Чичерин 1899; Кавелин 1989. С. 167-168.

¹³ Соловьев 1991. С. 103.

¹⁴ Кавелин 1989. С. 180.

исторический период, уточнял Ключевский, основными началами российской политической и общественной жизни был «невольный обязательный труд в пользу государства всех сословий» и «разобщение этих сословий, прекращение их совместной политической деятельности». «С 18 февраля 1855 г., – продолжал В.О. Ключевский, – начинается новый период, в который выступают иные начала жизни. Начала эти мы знаем, знаем их происхождение и свойства, но не знаем их последствий, а потому они не могут быть предметом исторического изучения»¹⁵. Еще ярче выразил эту мысль С.Ф. Платонов в своих «Лекциях по русской истории»: он утверждал, что в реформах 1860–1870-х гг. «кроется начало нашей современности, т.е. тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность»¹⁶.

Событие, воспринимавшееся как рубеж между «историей» и «действительностью», с течением времени также стало предметом исторического изучения. В работах И.И. Иванюкова «Отмена крепостного права в России» (1882), Г.А. Джаншиева «Эпоха Великих реформ» (1892–1895) и А.А. Корнилова «Крестьянская реформа» (1905) подробно рассматривалась история подготовки реформы 1861 г. Каждый из этих авторов считал нужным указать, что «уничтожение крепостного права в России составляет колоссальный переворот во всем социальном строе ее», что «с этого момента Россия вступила в новую эпоху развития»¹⁷, что 19 февраля 1861 г. «обозначился поворотный пункт в истории Новой России»¹⁸, и что «в *правовом отношении* крестьянская реформа была без сомнения самым колоссальным шагом вперед во всей новейшей русской истории», открыв «широкий путь к полному освобождению народа»¹⁹.

Размах и разнообразие коммеморативных акций, приуроченных к 50-летию отмены крепостного права, позволяет утверждать, что представление об освобождении крестьян как о ключевом событии российской истории разделяли – осознанно или интуитивно – многие люди того времени. Вокруг этого события, как и вокруг любого «места памяти», формировались свои исторические мифы, в его осмыслении переплетались различные дискурсы и соприкасались разные ценностные системы. Столкновение или же, напротив, переплетение этих «сценариев памяти» можно наглядно проследить на материалах юбилейных изданий, посвященных «Великой реформе».

Эти издания были рассчитаны на самый разный образовательный уровень и бюджет читателя: от небольших дешевых брошюр, стоивших 25–40 копеек, до роскошного, богато иллюстрированного шеститомного издания И.Д. Сытина ценой 24 рубля. Различался и стиль изложения: от

¹⁵ Ключевский 1993. С. 450.

¹⁶ Платонов 1993. С. 720.

¹⁷ Иванюков 1903. С. 3.

¹⁸ Джаншиев 2008. С. 158.

¹⁹ Корнилов 1905. С. 158–159.

книг «для народного чтения», написанных нарочито простым слогом, до научных статей, снабженных соответствующим справочным аппаратом. Так, шеститомник «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», подготовленный Исторической комиссией учебного отдела московского Общества распространения технических знаний и вышедший в свет под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты, совмещал в себе черты коллективного научного труда и просветительского издания; статьи для него подготовили историки (М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, А.С. Лаппо-Данилевский, М.К. Любавский, В.И. Пичета, А.Е. Пресняков, В.И. Семевский и др.) и видные общественные деятели и публицисты, представители либеральных и народнических кругов (А.К. Дживелегов, А.Ф. Кони, С.П. Мельгунов, А.В. Пешехонов, С.Н. Прокопович, В.Е. Чешихин-Ветринский, Д.И. Шаховской и др.). Схожим по замыслу и по составу авторов, но более компактным был сборник «Великая реформа», изданный товариществом «Образование» и включавший статьи А.И. Яковлева, В.И. Семевского, В.Я. Уланова, В.Е. Чешихина-Ветринского. Стостраничная «Великая крестьянская реформа при Царе-Освободителе», вышедшая в свет под эгидой Всероссийского национального клуба (того самого, который наладил массовое производство и поставки бюстов Александра II), была написана издателем журналов «Человек и животные», «Природа и жизнь» и автором популярных книг по истории России Н.П. Дучинским. 34-страничную брошюру с тем же названием написал А.Д. Шумахер, член «Союза 17 октября» и депутат Государственной Думы от Рязанской губернии. Наконец, брошюра «Великая реформа 19-го февраля» (полемичная и явно рассчитанная на читателя, уже хорошо осведомленного о ходе подготовки реформы) принадлежала перу писателя и публициста К.Ф. Головина, одного из организаторов «Союза русских людей» и Совета объединенного дворянства²⁰.

Таким образом, среди авторов юбилейных изданий были представители практически всего спектра общественной мысли и политических движений того времени. В силу этого сопоставление текстов и визуального ряда юбилейных изданий дает возможность выявить как точки расхождения в интерпретации реформ и их исторических последствий, так и контуры наметившегося тогда общественного консенсуса в отношении реформ.

Прежде всего следует отметить, что авторы большинства юбилейных изданий использовали историзирующую стратегию, рассматривая реформу 1861 г. в контексте всей российской истории. Как правило, они считали нужным дать в своих работах очерк становления крепостного права: краткий (на несколько страниц) или развернутый (в шеститомном издании Сытина история становления крепостного права изложена

²⁰ См. о нем: Антонцева 2005.

в двух первых томах, и еще два тома посвящены положению крестьян накануне реформы). Из перечисленных изданий исторический очерк становления крепостного права отсутствует лишь в работе Головина, где в качестве точки отсчета взято начало работы Секретного комитета по крестьянскому делу – 1856 г. Большинство авторов подчеркивало, что крепостное право не было изначально свойственно российскому обществу («Древняя Россия не знала крепостного состояния»²¹); что зависимость крестьян от крупных землевладельцев формировалась постепенно, вырастая из кабальных долговых обязательств: крестьян прикрепили к земле прежде всего долги, а потом уже – закон²². Все авторы, обращавшиеся к этой теме, подчеркивали вынужденный характер введения крепостного права со стороны государства – ради обеспечения исправной военной службы служилых людей; все рассматривали его как неотъемлемую часть общей системы «закрепощения сословий», сложившейся в XVII в.²³ Коренной перелом во взаимоотношениях помещиков и крепостных относили к XVIII в.: либо к реформам Петра I, возложившего на помещиков «непосредственный надзор за крепостными» (право суда над ними, ответственность за государственные платежи и повинности) и создавшего правовую возможность продажи крестьян без земли, либо же к подписанию Манифеста о вольности дворянской и екатерининской Жалованной грамоты дворянству («раскрепощению дворянства»), после которых крепостное право утратило моральное оправдание.

Все авторы – в чем их солидарность очевидна – характеризуют крепостное право в его зрелой форме (конец XVIII – первая половина XIX в.) как несомненное зло; указывают на самые негативные стороны крепостного права – отсутствие правовой защиты крестьян, произвол помещиков, телесные наказания, «беззастенчивую торговлю» людьми, грубое вмешательство в личную жизнь крестьян и т.д. Термины «рабство», «рабы», «рабовладельцы» применительно к реалиям крепостнической России в этих работах используются постоянно. Подчеркивается, что идея освобождения крестьян давно уже владела лучшими умами российского общества, которые «чувствовали все зло крепостного права», «сознавали всю несправедливость крепостного права на Руси»²⁴. История подготовки предстает как борьба реформаторов, «искренних сторонников освобождения» против «кучки крепостников» («упорных сторонников крепостного права», «придворных и сановных крепостников», «завязтых крепостников», «крепостнической партии», «плантаторов»)²⁵, которые порой наделяются зооморфными чертами: они издают

²¹ Шумахер 1911. С. 2.

²² Яковлев 1911. С. 14-15.

²³ Дучинский 1911. С. 11-12.

²⁴ Шумахер 1911. С. 6; Дучинский 1911. С. 16.

²⁵ Шумахер 1911. С. 14, 17, 19-20; Уланов 1911. С. 100, 105-119.

змеиное шипение и волчий вой, плетут паутину интриг²⁶. Исключение составляет работа консерватора К.Ф. Головина, где дается весьма скептическая оценка реформаторов – просвещенных чиновников, бесконечно далеких от крестьянской жизни, или славянофилов, идеализировавших крестьянский быт²⁷. Нить повествования в этих работах не обрывается изложением событий 1861 года: хронологические рамки повествования охватывают более длительный период, реформа помещается в контекст других событий российской истории. В качестве завершающего эпизода своих исторических повествований авторы юбилейных изданий обычно выбирали революцию 1905 года²⁸, Манифест 17 октября 1905 г.²⁹ или же указ от 9 ноября 1906 года («столыпинскую реформу»), подчеркивая преемственную связь этих событий с освобождением крестьян³⁰.

Ключевые концептуальные расхождения текстов юбилейных изданий проявляются в оценке исторического значения реформы. А.Д. Шумахер и Н.П. Дучинский вкратце и в панегирическом ключе излагают основное содержание Манифеста и «Положений» 19 февраля, ставя в особую заслугу Александру II то, что он «освободил крестьян с землей» и тем самым спас их «от ужасной участи» – «предотвратил развитие в России безземельного батрачества»³¹. Члены авторских коллективов сборника «Великая реформа» и шеститомного издания «Великая реформа» последовательно проводят идею, что реформа, «с ее нерешительностью и робостью, с ее скупой филантропией и заботливым вниманием к помещику», привела к «жалким для крестьян» результатам. Задаваясь, вслед за Н.А. Некрасовым, вопросом – «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»³², – авторы этих сборников в ряду последствий реформы называют «рост малоземелья, переходивший в прямой земельный голод, рост недоимочности, ложившийся сокрушающим бременем на крестьянские хозяйства, учащение голодков, сделавшихся постоянными спутниками деревенской жизни», а также неполноправие крестьян и невысокую дееспособность органов крестьянского самоуправления³³. С противоположных позиций подвергает критическому разбору крестьянскую реформу Головин: он упрекает авторов «Положений» в том, что они «внесли в дальнейшую судьбу крестьян значительную путаницу и упорные, хотя и неосуществимые надежды» (публицист-консерватор имел в виду «путаницу» между личным, семейным и общинным правом на землю; иллюзию, что одного лишь крестьянского надела, без допол-

²⁶ Дживелегов С. 69; Дучинский 1911. С. 38-39; Уланов 1911. С. 106.

²⁷ Головин 1911. С. 3-4, 21, 31-32.

²⁸ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. IV.

²⁹ Чешихин-Ветринский 1911. С. 191.

³⁰ Дучинский 1911. С.103; Головин 1911. С. 66.

³¹ Шумахер. 1911. С. 24-31; Дучинский 1911. С. 75-76, 90-91.

³² Некрасов. Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода...»). 1982. С. 151.

³³ От редакции // Великая реформа. Т. I. 1911. С. III; Корнилов 1911. С.154-157.

нительных заработков, должно быть достаточно для обеспечения крестьянской семьи; и, наконец, надежду на то, «будто существует право на землю всех и каждого, и должно этой земли хватить на поголовное надевание»³⁴. Именно земельный вопрос оказался, что неудивительно, камнем преткновения, вызвавшим резкие расхождения в оценке самой реформы и ее социальных последствий.

Не меньшие расхождения обнаруживались в вопросе о «субъекте» и «объекте» реформы: стремясь определить, кого следует считать инициатором отмены крепостного права, каковы были движущие силы реформы, а кто играл пассивно-страдательную роль, – авторы давали на этот вопрос различные, порой противоположные ответы.

Брошюра Шумахера представляла собой патетический рассказ о том, как Александр II практически единолично «задумал и совершил на благо и счастье России целый ряд великих и мудрых преобразований»; «дать свободу крестьянам... было заветною мыслью Императора Александра II, которую он лелеял денно и ночью»³⁵. Император, продолжает Шумахер, был не только инициатором реформ, но и возглавлял их непосредственную разработку; именно «благодаря личной настойчивости Государя» помещичьи крестьяне были освобождены с землей³⁶. «Свободу крестьянам русским дал именно сам Император Александр II; – настойчиво повторяет публицист. – ...Крепостное право рухнуло только по его царскому слову»³⁷. Крестьянству в этом нарративе отводится исключительно пассивная роль, более того – роль бездушного объекта, по отношению к которому Александр II выступал в качестве творца-демиурга: освобождение, пишет Шумахер, «вдохнуло “душу живу” в многомиллионное крестьянство русское и пробудило Россию к новой жизни». Лишь после этого крестьянство получает возможность если и не действовать, то, по крайней мере, выражать свои чувства: «И миллионы рук всех бывших крепостных людей, навсегда освобожденных державною волею и любовью Царя от уз многовекового рабства, поднялись, как одна рука, осеняя несчетными крестами свободно вздохнувшие груди»³⁸.

Напротив, на страницах работы Н.П. Дучинского реформа предстает как результат солидарных усилий и единой работы общества над «святым делом» (эта характеристика реформ красной нитью проходит через всю работу). В замысел и подготовку «святого дела», как писал публицист, внесли свой вклад императоры дома Романовых – Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, – которые «напрягали все усилия к уничтожению крепостного права или, по крайней мере, к об-

³⁴ Головин 1911. С. 56-57.

³⁵ Шумахер 1911. С. 1-2, 7-8.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Там же. С. 2, 33-34.

легчению участи крепостных»³⁹. В свою очередь, «общество горячо заинтересовалось крестьянским вопросом» в результате Отечественной войны 1812 года. Ученые и публицисты – Н.И. Тургенев, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, А.Н. Огарев, К.Д. Кавелин и др. – «в своих сочинениях и лекциях неустанно твердили о необходимости уничтожить этот пережиток старины»; поэты и писатели – А.Н. Радищев, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, Н.А. Некрасов, – «направляли всю свою литературную деятельность к тому, чтобы пробудить в русском обществе добрые чувства»: «После “Записок охотника” крепостное право уже не могло продолжаться»⁴⁰. Рассматривая подготовку «Положений» 19 февраля 1861 г., Дучинский называет целый ряд имен «прямых сотрудников Царя-Освободителя в Его великой реформе»: великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, Я.И. Ростовцева, Н.А. Милютина, С.С. Ланского, Ю.Ф. Самарина, кн. Черкасского⁴¹. Но главным героем повествования остается император Александр II, который, благодаря своим «прекрасным качествам ума и доброго сердца», а также «твердой решимости» и «непреклонной воле», смог осуществить давно желанные для всех преобразования. «Власть» и «общество» выступают тут как два равноправных субъекта преобразований, активно работающих ради «общего блага». Однако и в этом нарративе «народ» играет пассивную роль объекта сострадания и монаршей заботы. «Будущий Монарх изъездил всю Россию, из конца в конец, лично ознакомился с многоразличными частями обширной нашей Родины, побывал даже и в далекой Сибири... Во время путешествия Он заходил в крестьянские школы, побывал в курных русских избах, собственными глазами увидел неприглядную жизнь простого населения, пригляделся к быту и нуждам народа своего»⁴². Сам народ, когда решается его судьба, остается безмолвствующим: публицист дважды дословно повторяет: «народ» или «бывшие крепостные» «встретили весть про желанную свободу тихо, спокойно, в молитвенном настроении»⁴³.

Ключевые особенности и этой концепции, и этой риторики восходят к той «лирико-романтической» трактовке отмены крепостного права⁴⁴, которая была ярко воплощена в работе Г.А. Джаншиева «Эпоха Великих реформ». Таковы, прежде всего, характеристика 19 февраля 1861 г. как «святого, великого дня», «святой минуты»; понимание реформы как общего дела, осуществленного объединенными усилиями правительства, «лучшей части дворянства» и «либерально настроенного общественного мнения»; оценка подготовки реформ как «героической

³⁹ Дучинский 1911. С. 45-46.

⁴⁰ Там же. С. 19-20, 34-35.

⁴¹ Там же. С. 35-44.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 86, 88-89.

⁴⁴ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. 1911. С. IV.

эпопеи»; тема «изумительного долготерпения» крестьянства, с «трогательной детской верой» ожидавшего освобождения; трактовка освобождения крестьян как «воскрешения Лазаря» и надежда, что в будущем «народ придет в возраст, разум и сознание»⁴⁵.

В свою очередь, в брошюре К.Ф. Головина реформа 19 февраля предстает как продукт законодательного творчества четко очерченного круга людей: императора Александра II, сотрудников Секретного / Главного комитета по крестьянскому делу, губернских комитетов и Редакционных комиссий. Ключевая тема полемической работы Головина заключалась в том, что центральные идеи реформы – освобождение крестьян с землей и подчинение крестьян «мирским порядкам» – выросли из сплетения разнородных и зачастую случайных факторов: разного уровня теоретической и практической подготовки членов Редакционных комиссий, их личных взаимоотношений и амбиций, а также общей атмосферы «политического идеализма» 1850-х гг. Именно поэтому, как подчеркивает Головин, «Положения 19-го февраля не вполне осуществили возлагавшихся на них надежд»: их практическая реализация привела к возникновению острой проблемы крестьянского малоземелья, а «зловредные» иллюзии, посеянные реформой, вызвали «дикую аграрную вспышку в 1905-6 году»⁴⁶. Реформа предстает в этой работе как продукт экономических и политических ошибок, сделанных «сердобольными друзьями мирского уклада»⁴⁷: ошибок, совершенных чистосердечно, но оттого не менее опасных. У Головина крестьяне выступают как «неумелые» хозяева, не сумевшие правильно воспользоваться полученной землей и к тому же доверчиво воспринявшие агитацию «левых интеллигентов», призывающих передать землю «из рук более культурных в неумелые руки крестьян»⁴⁸.

В работах участников сборника «Великая реформа» и шеститомника «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в его прошлом и настоящем» реформа 1861 г. также рассматривалась как результат столкновения разнонаправленных социальных интересов, поиска «равнодействующей борющихся сил»⁴⁹. Но здесь народ выступал уже не как безмолвный объект благодеяний, не как Лазарь, ожидающий воскрешения, а как субъект истории, способный заявить о своем недовольстве и своих интересах. Так, на страницах шеститомной «Великой реформы» история крестьянских протестов против крепостничества прослеживалась с XVI–XVII вв. В статьях В.И. Семевского, Ю.В. Готье, В.И. Пичеты, Н.И. Фирсова, И.И. Игнатовича, вошедших в указанные

⁴⁵ Джаншиев. 2008. С. 45, 85-86, 90, 133, 144-145, 158, 165, 168, 207, 215, 264.

⁴⁶ Головин. 1911. С. 33, 51-65.

⁴⁷ Головин. 1911. С. 61.

⁴⁸ Головин. 1911. С. 56-57, 64-65.

⁴⁹ Уланов 1911. С. 139.

издания, подробно рассматривались различные формы крестьянского протеста, пассивного и активного: «брожение» (распространение слухов), подача прошений местным или центральным властям, бегство, убийства помещиков («народный самосуд»), крестьянские волнения, наконец, «участие крестьян в общенародном водовороте, каким являются Смутное время, Разинщина и Пугачевщина»⁵⁰.

В свою очередь, «общество» на страницах коллективных изданий представляло отнюдь не единодушным, но, напротив, расколотым в политическом и моральном плане: упорная борьба сторонников освобождения крестьян против «крепостников», «идеологов рабовладения» прослеживалась здесь на протяжении длительного исторического периода – от екатерининских времен до кануна реформы 1861 г. Подчеркивалось внутреннее благородство и жертвенность сторонников освобождения – от А.Н. Радищева и декабристов до А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского.

Характеризуя позицию власти по крестьянскому вопросу, авторы коллективных изданий подчеркивали нерешительность правительств Александра I и Николая II, «консервативный образ мыслей» Александра Николаевича в бытность его наследником престола, его недоверие как «к общественным сферам», так и «к народной массе»⁵¹. Поворот на путь реформ в первые годы правления Александра II зачастую трактовался в этих изданиях как вынужденный шаг: «Созревшая под спудом насильственно поддерживаемого строя жизненная потребность проявила свою организующую силу как в первых шагах неподготовленного правительства, так в появлении деятелей и в образовании и росте основ самой реформы»⁵². Впрочем, в шеститомной «Великой реформе» была отдана дань и романтической героизации деятелей реформы⁵³; но все же в целом реформа трактовалась как результат моральной победы народа и «лучших представителей» общества над злой волей «крепостников» и нерешительностью правительства.

Таким образом, «конфликты памяти» вокруг реформы 1861 г. были налицо; романтическая концепция «святого дела» подвергалась критике как «справа», так и «слева». Отметим, что визуальный ряд юбилейных изданий достаточно точно отражал особенности различных трактовок реформы. Так, в брошюре А.Д. Шумахера, где император выступает в качестве чуть ли не единственного инициатора освобождения крестьян, содержится лишь одна иллюстрация – портрет Александра II. Брошюра Н.П. Дучинского, где реформа предстает как совместное «святое дело» власти и общества, содержала целый ряд портретов деятелей реформы –

⁵⁰ Семевский 1911. С. 27-92; Готье 1911. С.14-36; Фирсов 1911.С. 25-69; Игнатович 1911. С. 41-65; и др.

⁵¹ Арсеньев 1911. С. 1-13.

⁵² Уланов 1911. С. 95-96.

⁵³ См., напр.: Кони 1911. С.14-33; Дживелегов 1911. С.68-86.

самого Александра II, вел. кн. Константина Николаевича, вел. кн. Елены Павловны, Н.А. Милютина, С.С. Ланского, Я.И. Ростовцева и др., а также писателей и общественных деятелей – Н.И. Тургенева, Д.В. Григоровича, Н.А. Некрасова. «Народ» представлен в этой брошюре на нескольких иллюстрациях: на рисунке «Цесаревич Александр Николаевич в крестьянской избе», аллегорической картине А.Е. Бейдемана «Освобождение крестьян» (Россия изображена на ней в виде величественной женщины, сидящей на постаменте с надписью «Император Александр II 19го февраля 1861 г. 23 миллионов Русского народа освободил от крепостного состояния»), а вокруг постамена толпится ликующая толпа в костюмах разных народов Российской империи), и на картине «Народная скорбь над гробом Царя-Мученика», где вместе с подданными над Александром II скорбят три ангела. Сборник «Великая реформа», изданный товариществом «Образование» и отражавший демократический взгляд на реформу, сопровождали иллюстрации, посвященные разным сторонам повседневной жизни до и после реформы и выполненные с «гражданской скорбью» или сатирической нотой: «Торг» Н.В. Неврева (сцена продажи крепостных), «Земское собрание в провинции» и «Земские выборы» К.А. Трутовского, «Молебен на крестьянском дворе» В.Е. Маковского, «На миру» С.А. Коровина, «Сбор податей» Орлова и «За недоимку» В.В. Пукирева (последняя была написана в 1870 г. и изображала, как у крестьянина-бедняка приставы уводят со двора корову). «Настоящее» освобожденных крестьян представало, таким образом, едва ли не более безотрадным, чем их прошлое.

Наиболее впечатляющим был изобразительный ряд шеститомного сытинского издания «Великая реформа»; оно включало около тысячи иллюстраций, выполненных в самых разных жанрах. Сами составители издания разделили эти иллюстрации на несколько тематических блоков: «Портреты», «Дворянская жизнь» (в этом блоке были выделены рубрики – «Усадьбы» и «Типы и быт»), «Крестьянская жизнь» (с внутренними рубриками: «Типы», «Деревня и постройки», «Правовая сторона», «Крестьянские волнения», «Быт» и т.п.), «Реформа 19 февраля 1861 г.». и некоторые другие⁵⁴. Сопоставление «построек», «типов» и «быта» дворянства и крестьянства создавало на визуальном уровне образ внутренне расколотого общества, с глубокими социальными контрастами и принципиально разными жизненными укладами. Сознательной политикой редакции шеститомника было не сглаживать эти контрасты, а, напротив, подчеркивать их; редакционная коллегия признавалась, что «для обрисовки крепостного быта» – прежде всего, для изображения «ужасной и развращающей стороны крепостного права», – в ряде случаев «не нашлось подходящего материала», и что «эти пробелы решено

⁵⁴ Указатель рисунков, помещенных в «Великой Реформе» // Великая реформа. В 6 т. Т. VI. 1911. С.345-352.

было восполнить картинами, специально исполненными для настоящего издания». Речь шла, в частности, о картинах «Салтычиха», «Продажа крепостных на Нижегородской ярмарке», «Крепостная» (изображающая молодую крестьянку, кормящую грудью щенка с барской псарни), «Бездна» (посвященная волнениям в Казанской губернии после объявления Манифеста 19 февраля) и некоторых других⁵⁵. Отметим также, что «типы» крестьян на страницах шеститомника – за редким исключением – не утрированы и полны внутреннего достоинства, в то время как «типы» дворян зачастую откровенно шаржированы.

Критическое отношение к социальным последствиям реформы было воплощено не только в тексте шеститомника, но и в иллюстративном ряде: здесь были представлены и «Проводы покойника» В.Г. Перова, и «Крестный ход в Курской губернии» И.Е. Репина, и все то же «Взыскание недоимок» В.В. Пукирева... Мысль о необходимости продолжать борьбу за гражданские права и социальное благополучие крестьян красной нитью проходила через весь шеститомник – от вступительной редакционной статьи до финальных публикаций, содержавших жесткую критику столыпинской аграрной политики. Но при этом не отрицалось историческое значение реформы 1861 года как «огромного шага вперед», открывающего путь «для плодотворной общенародной политической борьбы»⁵⁶. Поэтому не случайно на страницах этого издания была помещена подборка изображений памятников Александру II, воздвигнутых на народные средства в самых разных населенных пунктах России: в Москве, «в с. Малиничи, Проскурского уезда, Подольской губ.», «в с. Белый-Ключ, Корсунского у., Симбирской губ.», «в м. Семеновке, Новозыбковского у., Черниговской губ.»; «воздвигнутый мастерскими Сысертского завода»; «в Кыштымском заводе, Екатеринбург. у., Пермской губ.»; «в Салаирском руднике, Томской губернии»; «в Нижне-Тагильском заводе, Верхотурского у., Пермской губ.»⁵⁷

Итак, реформы, осуществленные в правление Александра II, через полстолетия – в начале XX в. – вполне могли претендовать на роль «места памяти», события, объединяющего самые разные слои российского общества и разные пласты исторической культуры. В исторических трудах и в публицистике, в художественных произведениях и памятниках, различными риторическими средствами и с помощью разных объяснительных моделей проводилась мысль о ключевом значении реформ для судеб российского общества, о том, что они стали точкой отсчета для «нового периода» российской истории, более того – «концом истории и началом современности». Но при этом диапазон трактовок реформ, особенно отмены крепостного права, был настолько широк, что

⁵⁵ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. XII–XV.

⁵⁶ Там же. С. IV.

⁵⁷ Великая реформа. В 6 т. Т.V. 1911. С.1, 181, 183, 185, 189, 193, 201, 209.

это вело к формированию «конфликта памяти». Историки и публицисты признавали историческое значение реформы 1861 года как победы над несомненным злом крепостного права; но одни останавливались на этом, а другие шли дальше и искали в условиях и методах осуществления этой реформы источник острых социальных проблем современного им общества. В популярной, массовой культуре вокруг реформы создавался романтический ореол, формировались монархическая и либеральная легенды о «царе-освободителе» и его «святом деле», – а параллельно с этим анализ последствий реформы, выявившихся за 50 лет со дня ее осуществления, вскрывал глубокие социальные, идейные, ценностные разногласия в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонцева В.А.* Аграрная программа К.Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв. Автореф. дисс. ... к.и.н. Тверь, 2005. 20 с.
- Арсеньев К.К.* Император Александр II // Великая реформа. В 6 т. Т. V. 1911. С. 1–13. Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное изд. В 6 т. / Историческая комиссия учеб. отд. О.Р.Т.З / Ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1911.
- Великая реформа.* Сб. статей / А.И. Яковлев, В.И. Семевский, В.Я. Уланов, В.Е. Чешихин-Ветринский. М.: Изд-е Т-ва «Образование», 1911. 192 с.
- Всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. // Былое. 1918. Кн. 4–5. Апрель – май. С. 162–166.
- Головин К.* Великая реформа 19-го февраля. СПб.: Типо-лит. Т-ва «Свет», 1911. 66 с.
- Готье Ю.В.* Крестьяне в XVII столетии // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. 14–36.
- Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Т.1. М.: «Территория будущего», 2008. 480 с.
- Дживелегов А.К.* Николай Алексеевич Милютин // Великая реформа. В 6 т. Т. V. С. 68–86.
- Дучинский Н.П.* Великая крестьянская реформа при Царе-Освободителе. СПб.: Изд-е Всероссийского национального клуба, 1911. 104 с.
- Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. СПб.: Изд-е Тов-ва «Общественная польза», 1903. 396 с.
- Игнатович И.И.* Крестьянские волнения // Великая реформа. В 6 т. Т. III. С. 41–65.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй / Сост. В.К. Кантор. «Вопросы философии». Институт философии АН СССР. М.: «Правда», 1989. 654 с.
- Киселев В.* Памятник Александру II [Интервью с А.Н. Завальным, 2011] // Сайт «Самарская губерния: история и культура». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html>.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полн. курс лекций. Кн. 3. М.: «Мысль», 1993. 558 с.
- Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна // Великая реформа. В 6 т. Т. V. С. 14–33.
- Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберга, 1905. 274 с.
- Корнилов А.А.* Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля // Великая реформа. В 6 т. 1911. Т. VI.
- Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 3. Л.: «Наука», 1982. 512 с.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. 431 с.
- Святославский А.С.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.

- Семевский В.И. Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса // Великая реформа. Сб. статей. 1911. С. 27-92.
- Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М.: Вагриус-плюс, 2006. 432 с.
- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13-14. М.: «Мысль», 1991. 701 с.
- Уланов В.Я. Ход и исход крестьянской реформы // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фирсов Н.И. Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа. В 6 т. Т. II. С. 25-69.
- Чешихин-Ветринский В.Е. Отражения крепостного права в общественной мысли и литературе // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве [1866]. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1899. XXI, 3, 810 с.
- Шумахер Ал. Великая Крестьянская Реформа при Царе-Освободителе. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1911. 34 с.
- Яковлев А.И. Очерк истории крепостного права до половины XVIII века // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Paperno I. The Liberation of Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. Vol. 50. October 1991. P.417-436.

REFERENCES

- Paperno I. The Liberation of Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. Vol. 50. October 1991. P. 417-436.
- Antontseva V.A. Agramnaya programma K.F. Golovina v kontekste konservativnoi mysli Rossii rubezha XIX–XX vv. Avtoref. diss. ... k.i.n. Tver', 2005. 20 s.
- Arsen'ev K.K. Imperator Aleksandr II // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. 1911. S. 1-13.
- Cheshikhin-Vetrinskii V.E. Otrazheniya krepostnogo prava v obshchestvennoi mysli i literature // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.
- Chicherin B.N. O narodnom predstavitel'stve [1866]. M.: Tip. I.D. Sytina, 1899. XXI, 810 c.
- Firsov N.I. Krest'yanskie volneniya do XIX v. // Velikaya reforma. V 6 t. T. II. S. 25-69.
- Dzhanshiev G.A. Epokha velikikh reform. T.1. M.: «Territoriya budushchego», 2008. 480 s.
- Dzhivelevov A.K. Nikolai Alekseevich Milyutin // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. S. 68-86.
- Duchinskii N.P. Velikaya krest'yanskaya reforma pri Tsare-Osvoboditele. SPb.: Izd-e Vse-rossiiskogo natsional'nogo kluba, 1911. 104 s.
- Golovin K. Velikaya reforma 19-go fevralya. SPb.: Tipo-lit. T-va «Svet», 1911. 66 s.
- Got'e Yu.V. Krest'yane v XVII stoletii // Velikaya reforma. V 6 t. T. I. S. 14-36.
- Ivanyukov I.I. Padenie krepostnogo prava v Rossii. SPb.: Izd-e Tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1903. 396 s.
- Ignatovich I.I. Krest'yanskie volneniya // Velikaya reforma. V 6 t. T. III. S. 41-65.
- Kavelin K.D. Nash umstvennyi stroi / Sost. V.K. Kantor. «Voprosy filosofii». Institut filosofii AN SSSR. M.: «Pravda», 1989. 654 s.
- Kiselev V. Pamyatnik Aleksandru II [Interv'yu s A.N. Zaval'nym, 2011] // Sait «Samarskaya guberniya: istoriya i kul'tura». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html>.
- Klyuchevskii V.O. Russkaya istoriya. Poln. kurs lektsii. Kn. 3. M.: «Mysl'», 1993. 558 s.
- Koni A.F. Velikaya knyaginya Elena Pavlovna // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. S. 14-33.
- Kornilov A.A. Krest'yanskaya reforma. SPb.: Tipo-lit. F. Vaisberga, 1905. 274 s.
- Kornilov A.A. Krest'yanskoe samoupravlenie po Polozheniyu 19 fevralya // Velikaya reforma. V 6 t. 1911. T. VI.
- Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. v 15 t. T. 3. L.: «Nauka», 1982. 512 s.
- Platonov S.F. Lektsii po russkoi istorii. M.: Vysshaya shkola, 1993. 736 s.

- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoi re-formy / Otv. red. O.I. Chistyakov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. 431 s.
- Svyatoslavskii A.S. Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov. M.: «Drevlekhranilishche», 2013. 592 s.
- Semevskii V.I. Pravitel'stvo, obshchestvo i narod v istorii krest'yanskogo voprosa // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911. S. 27-92.
- Shumakher A.I. Velikaya Krest'yanskaya Reforma pri Tsare-Osvoboditele. SPb.: Tip. Yu. Mansfel'd, 1911. 34 s.
- Sokol K.G. Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi imperii: Katalog. M.: Vagri-us-plyus, 2006. 432 s.
- Solov'ev S.M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. VII: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 13-14. M.: «Mysl'», 1991. 701 s.
- Ulanov V.Ya. Khod i iskhod krest'yanskoi reformy // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.
- Uortman R. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2 t. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II. M.: OGI, 2004. 796 s.
- Velikaya reforma: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem. Yubileinoe izd. V 6 t. / Istoricheskaya komissiya ucheb. otd. O.R.T.Z / Red. A.K. Dzhivelegova, S.P. Mel'gunova, V.I. Picheta. M.: Izd-e T-va I.D. Sytina, 1911.
- Velikaya reforma. Sb. statei / A.I. Yakovlev, V.I. Semevskii, V.Ya. Ulanov, V.E. Cheshikhin-Vetrinskii. M.: Izd-e T-va «Obrazovanie», 1911. 192 s.
- Vspoddanneishii doklad ministra vnutrennikh del grafa M.T. Loris-Melikova ot 28 yanvarya 1881 g. // Byloe. 1918. Kn. 4-5. Aprel' – mai. S. 162-166.
- Yakovlev A.I. Ocherk istorii krepостnogo prava do poloviny XVIII veka // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета, oleontieva@yandex.ru

The Reform Turning Great: The Abolition of Serfdom as a “Place of Memory” in Historical Culture of Imperial Russia

The article touches upon different representations of the peasant reform of 1861 in historical memory of Russian society. Chronologically it embraces the beginning of the 20th century, and among the sources are monuments, scholarly works on Russian history, popular editions written for the celebration of the 50th anniversary of the reform (including the famous six-volume “The Great Reform” published by Ivan Sytin). The author compares conceptual positions, discursive strategies, and visuals of the editions, and reveals “memory conflicts” over the abolition of serfdom as well as the outlines of possible consensus in post-reform Russian society on the issue.

Keywords: historical memory, peasant reform of 1861.

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University; oleontieva@yandex.ru

Е. М. БЕЛЕЦКАЯ, Н. Н. ВЕЛИКАЯ

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ XIX ВЕКА В ИСТОРИИ РОССИИ И В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

В работе рассматриваются военно-исторические события XIX века, которые нашли отражение в песнях терского казачества: Отечественная война 1812 г., «Кавказская война», войны с Турцией. В народной памяти сохранились не только победы, но и неудачные сражения, где были значительные потери. В песнях встречаются стереотипы восприятия военных действий, ощущается кавказское влияние. Героями песен были командиры, непосредственно возглавлявшие походы и сражения. Отражение исторических событий в казачьем фольклоре служило сохранению лучших воинских традиций и воспитанию молодого поколения.

Ключевые слова: терские казаки, войны XIX века, военно-исторические песни.

В современной исторической науке появилась новая проблематика, подсказанная временем, а именно: сопоставление «особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций». Активное обращение к тому, как современники или участники тех или иных событий их воспринимали и оценивали, позволяет увидеть субъективную сторону восприятия исторического времени, его культурно-историческую специфику, в которую включается динамика «взаимодействия представлений о прошлом, зафиксированных в коллективной памяти различных социальных групп, с одной стороны, и исторической мысли той или иной эпохи – с другой»¹.

Описание когда-то произошедшего имеет в исторической литературе свою структуру, в которую входят необходимые сведения о том, что послужило предпосылкой и причинами события, кто является его участниками, где и когда событие произошло, чем оно закончилось и каковы его последствия. Фольклорное произведение строится иначе: историческое время указывается чрезвычайно редко, место действия – почти всегда, действие описывается, как правило, самими участниками, поэтому повествователь – «мы»; в центре повествования – военные действия и оценка поведения его участников.

Между тем в последние годы усилился интерес историков к фольклору. Нельзя не согласиться с тем, что скептическое отношение к устной традиции неоправданно, а в фольклорных материалах зачастую не больше вымысла, чем в письменных документах². Произведения устного народного творчества возникали в конкретных условиях, вне которых

¹ Ретина 2010 С. 9–10.

² Матвеев 2000. С. 114.

они не могут быть поняты. В них сочетались достоверные описания с традиционными стереотипами, реальные подробности – с вымышленными. В казачьем фольклоре запечатлены образы полководцев, идеальных героев-защитников, сам дух времени, в которое они появились. Песни терских казаков отразили многие события российской истории в специфическом преломлении. В них представлены и военные действия, в которых казаки участвовали, и их повседневный мир.

К XIX в. относится немало военно-исторических и военно-бытовых песен, в которых описывались сражения с неприятелями в регионе и за его пределами. Эти песни никогда не теряли своей актуальности, и не только потому, что были тесно связаны с историей казачества. Они задавали своеобразные нравственные ориентиры, показывали культовых героев, которых нужно почитать и на которых следует равняться. Песни терского казачества содержат детали наиболее значимых военных событий XIX века, которые не встречаются в других источниках, а также передают отношение к этим событиям участников и современников³.

Исключительным явлением российской истории начала XIX века стала борьба с Наполеоном. Победа в Отечественной войне 1812 г. буквально перевернула Россию, оказала влияние на рост национального самосознания, общественного движения, культуру и др. Это событие нашло отражение в фольклоре всех народов, прежде всего, европейской части страны. Не стали исключением и казаки региона.

Отметим, что собственно терцы в военных действиях с французами не участвовали. Но достаточно подробные описания некоторых сражений и личностей свидетельствуют о том, что терские казаки о них хорошо знали, по-видимому, от донцов, которые сражались с войсками Наполеона как на территории России, так и за её пределами в 1812–1814 гг. Фольклорные произведения о войне с Наполеоном появлялись на Тереке и вместе с донцами-переселенцами. Донское войско на протяжении XVIII – первой половины XIX в. выступало своеобразным донором по отношению к тем казачьим формированиям, в частности, терским, которые длительное время охраняли государственную границу на юге и несли большие потери. В начале XIX в. на Терской пограничной линии было неспокойно. «Немирные» горцы совершали набеги, которые казаки должны были отражать. Эти действия для них считались главными, и поэтому мобилизации в армию, действовавшую на территории Центральной России, они не подлежали. Однако жители региона

³ В статье использованы не только опубликованные тексты, но и полевые материалы Е.М. Белецкой, собранные в терских станицах Шелковского, Наурского, Сунженского районов Чечено-Ингушской АССР, Моздокского района Северной Осетии в 1960-х – начале 1990-х гг.

не остались в стороне от общенационального подъёма, охватившего страну: здесь собирали деньги, продовольствие, фураж на нужды армии.

В Отечественной войне в ряде сражений и лихих налётов на французские войска прославился атаман донских казаков Матвей Иванович Платов, о котором в народе ходили легенды. Одна из таких легенд послужила основой песни «Платов в “гостях” у француза», известной в разных регионах России, записанной и на Тереке в конце XIX в. В её основе лежит эпический мотив: переодетый герой проникает неузнанным в стан врага. Песня повествует о вымышленном событии (Платов не был в «гостях» у Наполеона), но описанная ситуация соотносится с действиями казаков во время войны 1812 г. в расположении неприятельских войск. Они вели разведку и бои местного значения, нападали на вражеские обозы, проявляя мужество, военную хитрость и смекалку⁴. Песня свидетельствует об отношении казаков к французам, которым достаются самые нелюбимые характеристики. Начинается текст обращения к России, для которой война стала тяжёлым испытанием:

Ты Россия, ты Россия,
Ты Российская земля!
Ты Российская земля,
Много горя приняла,
Много горя, много нужды –
Невозможно вспомнить!⁵

Поведение Платова соотносится с традиционным описанием действий былинных богатырей, хвастовству и бахвальству врага противопоставляются простота и скромность героя. Француз, к которому заезжает переодетый в купца Платов, угощает его и обращается с просьбой:

Француз на ноги встал,
Чару вина наливал,
Чару вина наливал, —
«Купчиною» называл:
— Ты, купчина-любчина,
Ты купеческий сын!
Я ведь всех из вас знаю
Генералов и господ, —
Одного из вас не знаю
Я Платова — казака:
Кто бы его мне указал,
Много тому казны бы дал!
— Зачем казнушку терять, —
Его так можно узнать:

⁴ Песня «Платов в “гостях” у французов» записывалась не менее 125 раз в разных регионах России. 90 песен и более 30 рассказов (легенд, преданий, анекдотов) опубликовано в сборнике: Атаман Платов в песнях и преданиях. 2001.

⁵ Там же. С. 103.

Его личко – бело личко,
Ото всех господ отличка;
Чёрны брови у него,
Как у дяди моего.
Чёрны кудри у него,
Как у брата моего.

Заключают песню уничижительные слова «купчины»:

–Ты карга, шельма, ворона,
Ты французский Бонапарт!
Не умел, карга-ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать –
На правой руке держать...⁶.

Об Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе сообщает ещё одна песня – с ней русская армия вступила в Париж в 1814 г. (автор – поэт и гвардейский офицер Н.С. Марин).

Пойдём, братцы, за границу
Бить отеческих врагов,
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним век её золотой.
Славный век Екатерины
Нам напомним каждый час,
Те поля и те долины,
Где бежал от русских враг.
Вот Суворов где сражался,
И Румянцев где разил;
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.
Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал,
И как славно наше войско,
Целый свет об том не знал!
Между славными горами
Устремимся дружно в бой:
С лошадиными хвостами
Побежал француз домой.
За французом мы дорогой
И к Парижу будем гнать,
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.
Тут-то мы расположимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся
За народ свой и царя⁷.

⁶ Песня была записана в ст. Бороздинской; её вариант – в ст. Галюгаевской. Исторические песни на Тереке... 1948. № 82–83. С. 81–82, 82–84; коммент. – с. 132.

⁷ Там же. С. 84.

Эта песня вошла в фольклор казаков Терека; её слова оказались созвучны как представлениям казаков о самом событии, так и оценке главных исторических деятелей и полководцев конца XVIII века.

Гораздо больше в фольклоре казаков Терека песен, связанных с военными действиями на Северном Кавказе. Однако не все важные для историков события попали в песенный фольклор. Это происходило по разным причинам: 1) они не воспринимались как достойные воспевания; 2) на их фоне разворачивались другие события; 3) их воспроизведение было слишком сложным для коллективного фольклорного сознания.

Военные действия, происходившие на Северном Кавказе в первой половине XIX в., оцениваются историками весьма неоднозначно. Чаще они именуются «Кавказской войной», а также народной /национальной /освободительной /антиколониальной /антифеодальной борьбой, религиозным и цивилизационным конфликтом, кризисом и даже модернизацией. Неоднозначность русско-северокавказских отношений, их специфика рассматривается и в системе такого понятия, как «российскость», которое предполагало как партнёрство (совместничество), так и соперничество (в различных формах) и приводило к разным последствиям⁸. Казаки Терека вместе с частями российской армии участвовали как в отражении набегов горцев на свои станицы, так и в походах в Затеречье.

В первой половине XIX в. в жизни казачества Терека произошли серьёзные перемены. Начало их связано с деятельностью А.П. Ермолова, назначенного главнокомандующим образованного в 1816 г. отдельного Грузинского (затем Кавказского) корпуса. Ермолов приступил к планомерному продвижению вглубь горских территорий, наметил план действий, который включал в себя оборудование баз и плацдармов, постройку дорог, возведение укреплений и создание новых казачьих станиц на территории Дагестана и Чечни, отошедших к России по условиям Гюлистанского мира. Его имя зазвучало в фольклоре, однако песни чаще передавали разговоры горцев о Ермолове, но исполнялись на русском языке и перешли в фольклор из литературных источников.

В песне «Садися, муж мой, на коня», опубликованной М.А. Карауловым как «чеченская песня» (в действительности – текст литературного происхождения, потерявший в устном бытовании имя автора), звучал призыв отразить незваных гостей. Горец-муж остаётся защищать свой дом («Ермолову преграды нет, – /Меня убьют, я это знаю... /Но я никак своим врагам /Без боя сакли не отдам!»), а семья должна спрятаться в лесу:

⁸ Авраменко, Матвеев, Матющенко, Ратушняк 1995; Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». 2007; Виноградов 2007; Латин 2008; Савельев 2011; Муханов 2009; Дегоев 1999; Клычников 2008; Основные направления историографии Кавказской войны... 2007. С.132–135; Великая 2007; Дударев 2013 и др.

«...Нам русский враг готовит сети:
Ермолов рать свою ведёт,
Но он в лесу вас не найдёт». – «К чему же ты их станешь ждать?
Беги скорей, беги ты с нами!
Опасней грома русских рать:
Они убьют тебя штыками, –
Тебя отвага не спасёт,
Когда Ермолов их ведёт»⁹.

Образ Ермолова не нашёл восторженного отражения и в собственном казачьем фольклоре, и не случайно: ведь едва ли не первыми его решениями в регионе стали преобразования в казачьих войсках. В 1818 г. самоуправления лишилось Гребенское войско. Жизнь казаков всё более регламентировалась, что не могло не вызывать недовольства. На казачество возлагались всё новые повинности (постоянная, подводная, дорожная, паромная и др.), что казачьим самосознанием было зафиксировано в поговорке: «Служба казачья, а жизнь собачья!». Пик военных действий на Северо-Восточном Кавказе пришёлся на вторую четверть XIX в., когда движение горцев приобрело организованные формы под руководством имамов Кази-Муллы, Гамзат-Бека и Шамиля. Сюжеты, связанные с тем беспокойным временем, содержали как полные описания военных действий, так и отдельные отклики, воспевавшие храбрость, отвагу, бесстрашие казаков, проявленные в сражениях.

По мнению Ю.Н. Кононовой, военные песни казаков во многом основывались на исторической памяти. К архаичным чертам фольклорных представлений о противнике относится архетип захватчика, которому при встрече *нет пощады и нет спасенья*; с которым казак должен *рубиться, насмерть биться*. Живучей оказался термин «басурмане» («бусурмане»), произошедший от названия мусульманских купцов-откупщиков «бесерменов», которые собирали на Руси дань для Золотой Орды. Со временем он стал обозначать любых недругов, вне зависимости от национальной принадлежности. То же можно сказать о слове «орда». Противник у казаков именовался незванным гостем. Битва рассматривалась как праздник. Эти представления, характерные для восточных славян, были сохранены терским казачеством и в XIX в.¹⁰

В казачьей песне могли объединяться несколько сюжетных ситуаций. Так, например, песня «Светила заря поздно вечером», связанная с именем майора Зачётова, который был атаманом Гребенского войска с конца XVIII в. до 1818 г., содержала два мотива: бегство из плена и

⁹ Караулов 1912. С. 145–146. Близкий вариант был записан от Резниковой А.П., 1910 г.р., ст. Терская Моздокского р-на СОАССР, в 1979 г.

¹⁰ Кононова 2014. С. 21–23.

наступление на горцев. Возможно, исторической основой сюжета стало сражение казаков с горцами в 1799 г.; песня могла быть связана и с более поздним походом Ермолова в Большую Чечню:

Светила заря поздно вечером;
 Посвети-ка ты, заря, пока взойдёт
 Батюшка светел месяц,
 Чтобы было видно мне, молодцу,
 Идти мне из неволюшки.
 Из неволюшки идти,
 С чужой дальней сторонушки –
 С большой Чечни, с большой Атаги¹¹.

Плен и пленопродавство, как и бегство из плена, получили широкое распространение в регионе в рассматриваемый период¹², поэтому не случайно эти явления нашли отражение в казачьем фольклоре.

В той же песне сообщалось, что атагинцы собирались с ханкалинцами, ханкалинцы – с алдадинцами; *порыли себе шанцы глубокие, подедали себе завалушки высокие, не хотели пустить силу-армянушку*. Это, по-видимому, одна из ранних песен о сражениях с горцами: её поэтика близка к былинным песням. Она заканчивается выражением верой в успех сражения: Зачётов пойдёт впереди с *острой шашечкой* наголо, с призывом разбить *«силу неверную»*. Эпизоды «Кавказской войны» отразились и в иных песенных текстах. Со временем полный сюжет нередко сокращался. Так, например, в песне «В двадцать перво(е)м году» рассказывалось о возникновении крепости Алхан-юрт в ответ на подготовку Шамиля к нападению на русских:

В двадцать первом году
 Набирал Шамиль орду.
 Он набрал, набрал чеченцев
 И сказал: на смертный бой...
 Мы там лагерем стояли,
 Где чеченский был приют.
 Мы там крепость утвердили
 И назвали Алхан-юрт¹³.

Сюжетная ситуация «Генерал отдаёт приказ о наступлении» изображена в песне «То не соколы крылаты» и её вариантах («По линеюшке Кавказа», «Вдруг ударил гром из пушек» и др.) Песня «Чёрный ворон был крылатый» содержит и напутствие атамана перед походом:

Чёрный ворон был крылатый,
 Чует солнечный восход.
 Царя белого казаки

¹¹ Исторические песни на Тереке. С. 77.

¹² См.: Клычников, Цыбулькинова 2011.

¹³ Крымова А. И., 1898 г.р., ст. Мекенская, 1978 г.

Собиралися в поход.
Наш походный атаман
Он по войску разъезжал.
Он по войску разъезжал,
Речь хорошую сказал:
– Вы не бойтесь, казаки,
Басурманскую орду.
– А нам нечего бояться
Басурманскую орду¹⁴.

Частое упоминание в казачьих песнях белого царя (как и орды, басурман и др.) имеет давнюю традицию. Он встречается в источниках, по крайней мере, с XVI в. у восточных (тюрко- и монголоязычных) народов для обозначения далёкого и могущественного правителя, а в русском фольклоре и православной традиции – это идеальный государь, воплощение всех светлых черт¹⁵. Очевидно, что такая традиция поддерживалась церковью и насаждалась иными институтами в среде казачества с петровских времён, когда Гребенское войско, перейдя в подчинение Военной коллегии (1721), включилось в состав вооружённых сил России.

Основной мотив песни «Тихой ночью осенью» – готовность казаков к походу:

... Скоро, скоро нам в поход,
Зима наступает.
Злой Шамиль зовёт на бой,
Зовёт, вызывает.
Мы готовы, братцы, хоть куда,
На конях орлами.
Был бы с нами Воронцов,
Он пример покажет,
И навешает крестов,
И спасибо скажет¹⁶.

Образ мужественного, доблестного, справедливого военачальника, под началом которого казаки готовы сражаться, встречается во многих песнях, и это не случайно. Отряды казаков испокон веков возглавляли выборные атаманы, свои же станичники, поэтому отношение к ним было иное, чем в других воинских подразделениях. Такой тип отношений во многом сохранился и в XIX в., когда командиры уже назначались.

В песнях казаков о «Кавказской войне» отразились различные события, от начальных военных эпизодов до заключительных сражений. Они составляют линейный (хронологический) цикл. Со временем содержание текста могло несколько измениться. Так, например, песня

¹⁴ Калашникова Е.И., 1909 г.р., ст. Троицкая, 1977 г.

¹⁵ *Трепавлов* 2007. С. 3. Исполнители объясняли, что царя называли белым, еси при нём семь лет подряд не было войны.

¹⁶ Уманцев А.И., 1898 г.р., ст. Гребенская, 1966 г.

«В двадцать первом году /Набирал Шамиль орду...» имела и другой зачин: «в тридцать первым году». По-видимому, имя Шамиля, более популярное в истории и фольклоре, вошло в песню позже, когда он стал имамом и возглавил «священную войну» против России.

Первым имамом на Северо-Восточном Кавказе был Кази-Мулла (Гази-Магомед). Сначала он был имамом в родном ауле Гимры, затем стал проповедовать мюридизм в других горных аулах. К концу 1820-х гг. его взгляды получили значительное распространение, он провозгласил себя имамом всего Дагестана и Чечни и объявил газават («священную войну») Российской империи. В 1832 г. во время штурма русскими войсками аула Гимры он был убит. Казакам не раз приходилось вступать в бой с войсками мюридов. Но в песенный фольклор вошло сражение с Кази-Муллой, где упоминается полковник И.Д. Волженский. Он был командиром Гребенского войска в 1829–1832 гг. и погиб в бою с превосходящими силами противника. После очередного набега на Терек Кази-Мулла возвращался в горы. Волженскому, давно и безуспешно искавшему с ним встречи, на этот раз удалось напасть на след. Отряд казаков погнался за горцами по направлению к Гудермесу, но в лесу за Тереком попал в засаду. После продолжительного ночного боя гребенцам с большим трудом удалось пробиться к Тереку. Песня начинается с описания движения Гребенского полка, поднятого по тревоге в станице Червлённой:

Пыль клубится по дороге
Тёмной длинной полосой:
Из Червлённой по тревоге
Скачет полк наш Гребенской.
Скачет, мчится, точно буря,
К Гудермесу подскакал,
Где Кази-Мулла с ордою
В десять тысяч его ждал.
Полк не дрогнул, увидавши
Таку силу пред собой;
Шашки вынул и помчался
На бой смертный с той ордой.
Храбрый Волженский полковник
Первый врезался в орду,
И с полком он там метался,
Точно будто был в чаду.
Все рубились, на смерть бились,
Удалые гребенцы;
Храбрый Волженский полковник
Кричал: «Браво, молодцы!».
Орда дрогнула, бежала,
Мы помчались за ней.
Но ждала нас там засада
Из отважных их людей.
Мы засаду ту разбили

И шли дальше шаг вперёд,
Но не знали, что в овраге
Нас другая беда ждёт.
Собиралися чеченцы
Все отважные бойцы, –
Вот от них-то пострадали
Тогда наши гребенцы.
Залп раздался, отвечали
Двумя пушками ему:
Бой отважный тут начался...

Описание военных действий прерывается характеристикой морального состояния сражающихся: *«Здесь забыли мы жену. / Здесь забыли матерей, / Сестёр, братьев и отцов, – / Только помнили одно – / Славу дедов-гребенцов»*.

Справа, слева обходили
Храбрый полк наш Гребенской.
Тут Волжанского убили,
Тут-то кровь прошла рекой...
...Полк рубился, на смерть бился
С тем бесчисленным врагом;
Враг от страху расступился,
Путь открылся пред полком.
Полк промчался к переправе,
Что за Тереком была;
Там кричали нам солдаты:
«Честь и слава вам, ура!»¹⁷

Гребенцам удалось выйти из боя, но потери были велики. Как видно из текста, казаки не только прославляли геройское поведение станичников и подвиги военачальников, но и объективно характеризовали тех, с кем сражались, отмечая их отвагу. Это сражение не случайно попало в казачью историю, хотя победой его назвать нельзя (гребенцы вырвались из окружения). Но именно большие потери способствовали воспеванию погибших храбрецов, стоявших до конца, воодушевляя их родных и близких. Эта своеобразная компенсаторная функция песни была в данном случае, на наш взгляд, главной, хотя не следует забывать и о функции социальной памяти, которую выполняли и другие подобные фольклорные произведения.

После смерти Кази-Муллы имамом стал Гамзат-бек (1832–1834), а после его гибели Шамиль, главный противник царской власти в регионе в 1834–1859 гг. Именно в это время на Северо-Восточном Кавказе происходили наиболее кровопролитные события. Шамилю удалось создать государственное образование горцев Чечни и Дагестана – имамат. Во главе округов (наибств) он поставил преданных ему людей (наибов),

¹⁷ Исторические песни на Тереке. С.87–88.

предоставив им право производить суд и расправу над подвластным ему населением. Было установлено всеобщее вооружение народа, взимались налоги, в противоположность адатам (обычаям) насаждался шариат, хотя не все горцы желали подчиняться имаму. В 1837 г. во время поездки на Кавказ император Николай I выразил желание встретиться с Шамилём и прекратить кровопролитие, но все попытки убедить последнего приехать в Тифлис оказались тщетными¹⁸; этому противодействовали горские верхи, грозившие убить Шамиля, если он поедет в Грузию.

В 1839 г. российские войска двинулись в Ахульго, где находился имам, и взяли аул. Но Шамиль бежал в Чечню, его резиденцией стал аул Дарго. В 1840-е гг. Шамиль нанёс ряд поражений царским военачальникам в Чечне и Дагестане. Пролагаемые российскими войсками просеки и строительство новых укреплений на занятых землях способствовало постепенному сокращению территории имамата. В период Крымской войны (1853–1856) Шамиль рассчитывал на помощь Турции, но его надежды не оправдались. Понесённые потери, неудачи и деспотическое правление Шамиля, доводившее горцев до разорения, убедило их в бесперспективности сопротивления. Оставшись без войска, Шамиль укрылся в ауле Гуниб, где в 1859 г. сдался в плен князю А.И. Барятинскому. Шамиль вошёл в историю как один из самых талантливых военачальников, предводителей горцев. Сражения с ним отмечены в фольклоре казаков и горцев.

Песня «Генералу Физи» (Фези) относится к событиям 1837 года, когда российской армии удалось совершить ряд походов в Чечню и Дагестан. Она была «переведена с татарской речи» казаком станицы Слепцовской П. Гранадчиковым. В ней описываются беды, которые несёт горцам русское войско (вариант текста приводится по рукописному сборнику червлёных казаков конца XIX в.¹⁹, где после каждого куплета повторяются слова «Делалай, делалай»):

Горе нам, Физи с войском стремится,
Где бы нам, как бы нам, братцы, укрыться?
Мы в горы, мы в лес, они все за нами,
Бьют нас и режут, колют штыками.
Прежде, как Физи к нам не являлся,
Прийти, нас найти русский боялся.
К нам пришла, нас нашла грозная сила,
От неё может скрыть лишь одна могила.
Скот гонят, в плен берут, палят селенья,
От неё стон и плач, нет нам избавленья.

В связи с этим отметим, что у казаков создавались не только песни, содержащие их взгляд на события «Кавказской войны», но и песни с

¹⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 146.

¹⁹ Сборник казачьих песен... С. 142; Рукописный сборник песен казаков-конвойцев (Рогожина, Пимичева, Феньева) из ст. Червленной, № 18 (далее – РС).

представлениями горцев о тех же событиях. Очевидно, это связано с тем, что часть казаков были северокавказского происхождения, да и остальные во многом сохраняли ментальные представления, близкие горским. Пребывание царских войск и в казачьих станицах рассматривалось как бедствие, что отразил Л.Н. Толстой, как очевидец событий²⁰.

Бой под аулом Ахульго, где под началом Шамиля находились более 5 тыс. горцев, также нашёл отражение в фольклоре. Отряд генерала П.Х. Граббе после десятидневной осады и кровопролитных штурмов пятым по счёту приступом 22 августа 1839 г. захватил укреплённый аул. Потери русских войск составили около 550 человек; среди них оказался командир Моздокского казачьего полка полковник Власов, который был убит при штурме Сурхаевой башни. Об этом событии пелось в казачьей песне «Как не травушка, не муравушка». Она представляет собой перечисление типичных для фольклорных произведений «общих мест»: это зачин с отрицательным сравнением (*не травушка к сырой земле клонится – царя белого армеюшка богу молится*), начало боя (*армия на удар пошла*), его продолжительность («*Как и билися и рубилися целый день до вечера, и тёмную ноченьку до белой зари*»). Заканчивается текст сообщением о погибших: *Да и много ж там побито! / И убили полковника Власова, / Да и там же с ним убили / Урядничка Дикова*²¹.

Примечательно, что в песнях рассматриваемого периода персонафицировались казачьи командиры (генералы, полковники, урядники и др.), под руководством которых казаки шли в бой. Назывались и погибшие командиры. В то же время остальные – это обезличенные «они», которые бились, рубились и погибали в сражениях без счёта.

Среди военно-исторических песен периода «Кавказской войны» чрезвычайно популярной была песня о Зырянском (Зирянском) сидении, повествующая о том, как в ноябре 1843 г. отряд полковника Пассека был окружён в Дагестане большими силами горцев под командованием Хаджи-Мурата и героически оборонялся в течение месяца, до прихода подкрепления. Описания лишений героических защитников Зирян, небольшого укрепления в горном Дагестане, отражены в песне «Ну-ка, вспомните, ребята», популярной и за пределами Кавказа. В одном из вариантов она начиналась так: «*В горах скалистых и обширных, / Где голод царствовал кругом...*», а далее шло описание положения осаждённых:

Мы рогатую скотину
Начисто перевели,
Стали есть мы лошадину,
И варили, и пекли;
Вместо соли мы солили

²⁰ Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1852 года). С. 142, 176–177.

²¹ Исторические песни на Тереке. 1948. С. 89.

Из патронов порошком;
 Сено в трубочках курили,
 Распростились с табачком.
 Мы рогожи надевали
 Вместо бурок и плащей,
 Ноги в кожи зашивали
 После съеденных коней²².

Впоследствии это описание лишений стало переходить из одной исторической песни в другую²³. О трудностях сражений, которые завершились окончательной победой над Шамилём, повествует песенный сюжет «Было дело на Кавказе», в котором отмечается бесстрашие казаков, не боявшихся метких пуль, и необходимость рубки леса:

Только лесом да горами
 Было двигаться трудней.
 Много лесу порубили,
 Изрубили его тьму.
 Уж досталось поработать
 Нашей шашке, топору²⁴.

В песенном фольклоре казачества многие сражения, так или иначе, связаны с личностью Шамиля. Наиболее выразительный образ предводителя горцев казаки создали в песне «Эй, сунженцы-молодцы», в которой рассказывается об успешном взятии двух важных в стратегическом отношении аулов Большой Чечни и крупном поражении войск Шамиля, который лично участвовал в этом сражении. В апреле 1846 г. Шамиль во главе десяти тысячного отряда пеших и конных горцев предпринял поход в Кабарду, который закончился неудачей. В песне об этом походе характеризуется состояние готовности казаков к бою и веры в победу:

Наша грудь всегда готова
 Встретить вражескую рать:
 Полк отважный наш Моздокский
 Не учился отступать.
 ...И Шамилеву таланту
 Мы потачки не дадим,
 И у нас, на левом фланге,
 Пользы мало будет им²⁵.

Таким образом, в казачьих песнях говорилось о военном таланте Шамиля, его хитрости. Это не единственный пример того, что казаки отдавали должное противнику, не принижая его достоинств.

Ещё одно событие «Кавказской войны» изображено в песне «Тёмной ночью зазвонили» («Дело гребенцов 24-го мая при деревне Ак-

²² Тамазин Л.А., 1902 г.р., ст. Гребенская, 1966 г.

²³ Полное описание (68 строк) см.: Исторические песни. 2001. С. 316–318.

²⁴ Исторические песни. 2001. С. 355.

²⁵ Исторические песни на Тереке. 1948. С. 90–95.

Булат-Юрт 24 мая 1846 г.)). Эта казачья военно-историческая песня соединила большую точность в передаче событий, подробностей, имён участников с попыткой дать обобщённую правдивую картину боевой, полной тревог, станичной жизни и настроений казаков 1840–1850-х гг.

Содержание песни отражает одно из крупнейших столкновений гребенских казаков с горцами на Тереке. 23 мая 1846 г. Шамиль выступил из селения Шали на р. Мичик. Узнав об этом, командовавший левым флангом Кавказской линии генерал Фрейтаг приказал командующему Гребенским полком подполковнику А.А. Суслову собрать казаков в Амир-Аджи-Юрте, но тот, не обнаружив неприятеля, повернувшего назад, и рассчитывая на скорое прибытие подкреплений, 24 мая переправился на правый берег Терека и во главе отряда из 87 человек с семью офицерами бросился в погоню. Показавшиеся вскоре неприятельские посты, а за ними конница, с гиком напали на небольшую группу гребенцов. Казаки спешили и мгновенно были окружены 1500 горцами. Разыгралось знаменитое «Суловское дело», слава о котором впоследствии разнеслась далеко за пределы Кавказа. Организатором обороны был есаул Афанасий Фёдорович Комков (Камков). Казаки, сбатовав (связав взаимно), а частью зарезав коней и расположившись за этим живым завалом, несколько часов вели неравный бой. Ожесточённые такой дерзостью казаков, горцы многократно повторяли свои атаки, но им так и не удалось «врезаться в среду дружно сплотившихся, плечом к плечу, героев», несмотря на то, что вскоре все офицеры, кроме Сулова, и большая часть казаков были ранены. Патроны кончались, но никому и в голову не приходила мысль о сдаче. Прибывшее подкрепление (25 казаков с хорунжим Груняшиным и показавшиеся со стороны Куринского укрепления 60 донцов и за ними 3 пехотные роты) заставило чеченцев прекратить атаки и отступить. Гребенцов было убито 4, ранено 43; лошадей убито: все офицерские и 77 казачьих и ранено 5, причём в каждой убитой лошади оказалось в среднем по 8 пуль²⁶.

Песня о «Суловском деле» начинается с описания сигнала тревоги, нарушившего ночную тишину:

Тёмной ночью зазвонили
Сильно в колокол большой,
Встрепенулася станица,
Нарушив ночной покой.
Жены бросились в конюшни
Оседлать борзых коней,
Чтобы дать мужьям возможность
Быть на месте всех скорей.
И все мчатся к колокольне,
Молодые, старики.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Белецкая 2012*.

А на Тереке далёко
Слышны отзвуки стрельбы.
Не успели все собраться,
Уже Суслов прискакал,
И без строя понеслися
Кто и как куда попал²⁷.

Текст песни насыщен не только историческими подробностями; он содержит и географические ориентиры:

Живо Терек переплыли
За станицей Щедрином,
И совсем ведь позабыли,
Что тут близко есть паром.
Ак-Булат-Юрт миновали,
Видим всадников вдали.

В этой песне отражается не только ход событий, но и мотивы действий: казаки проскакали 20 вёрст – «*каждый хочет отличиться, чтоб попасть в передний строй*»; увидев всадников вдали, «*перестрелку завязали, они <всадники> были таковы*». Затем казаки, «*налетели на засаду*», стали строиться в каре, но прозвучала зычная команда А.Ф. Камкова: «*Положите лошадей!*». Отмечены изменения в состоянии казаков, приготовившихся к неминуемой смерти, которым после этой команды «*как-то стало веселей*»: «*Полегли между конями, / Ружья вынул наголо, / И удачно отражали / Мы злодея своего*». Слова Камкова – «*... Не бойтесь, братцы! / Не сломить им Гребенцов!*», ожидание отчаянного налёта и – вестовая ракета идущих на подмогу, наконец, заключительные слова песни передают весь накал боя и его значимость:

... Так мы бились три часочка
Против тысяч полторы,
Не отдав им ни кусочка
Нами занятой земли.
Много наших там побито,
Раны ж нечего считать,
Слава древняя добыта,
Горцы будут её знать.
Вспомним храброго Камкова,
Вспомним Сулова-отца:
Мы у Гребня все готовы
Служить правдой до конца²⁸.

Эти подробности свидетельствуют о том, что большую часть военно-исторических песен в XIX в. казаки или их командиры сочиняли по

²⁷ Текст, записанный в 1981 г. в станице Червленной почти без изменений от Я.С. Мишутушкина, 1900 г.р., на этом завершается; в сборнике Ф.С. Панкратова (Гребенцы в песнях. С. 75–77) представлено полное описание этого сражения (см.: Исторические песни на Тереке. С. 91–93).

²⁸ Исторические песни на Тереке. С. 93.

горячим следам событий, нередко записывая текст. Затем разучивали и часто исполняли, в результате чего песня входила в устный репертуар.

Рассказ о событиях «Кавказской войны» продолжают две казачьи песни – «Поход на Аргун» и «Взятие аулов Автуры и Гельдиген». Они отражают борьбу за Шалинскую поляну, закончившуюся крупной победой в январе 1851 г., и успешный штурм отрядом под руководством князя А.И. Барятинского аула, где располагались артиллерийские орудия Шамиля и продовольственные склады, в 1852 г. Подтверждением тому, что песня «Взятие аулов Автуры и Гельдиген» создана сунженскими казаками, участниками сражения служат начальные строки:

Эй, сунженцы-молодцы,
Вспомним, как недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно.
За Аргуном, за рекой,
В стороне чеченской
Мирно двинулся наш строй
В светлый день крещенский²⁹.

Упоминается в тексте князь М.С. Воронцов, который «*ободряет молодых, действует героем*», и князь Барятинский, с именем которого связано окончание военных действий на территории Северо-Восточного Кавказа, пленение Шамиля, что нашло отражение в казачьих песнях «Шамиль вздумал бунтоваться», «Было дело на Кавказе» и «Вот послушайте-ка, братцы». Особенно популярной была первая песня, начало которой Л.Н. Толстой включил в рассказ «Набег»: песенники, стоя полукругом перед офицерами, расположившимися на бурках, «с присвистом играли плясовую кавказскую песню на голос лезгинки: «Шамиль вздумал бунтоваться / В прошедшие годы... / Трай-рай, ра-та-тай... / В прошедшие годы»³⁰. Сатирический образ Шамиля, сохранившийся в ряде казачьих песен, очевидно, не случаен и был связан с его сдачей в плен, что казаками никогда не приветствовалось в собственной среде. Такое же отношение к капитуляции было и у горцев региона.

В 1844–1854 гг. генерал М.С. Воронцов – главнокомандующий войсками на Кавказе и наместник с неограниченными полномочиями. Ещё в 1803 г. он был прикомандирован к кавказским войскам, во главе которых стоял тогда князь Цицианов. Прибыв на Кавказ во второй раз, он вскоре отправился на левый фланг Кавказской линии, для принятия начальства над войсками, готовившимися к походу против Шамиля. Под предводительством Воронцова в 1845 г. войска двинулись к временной резиденции Шамиля – аулу Дарго. Но Даргинская экспедиция, сопровождавшаяся

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Толстой Л.Н. Набег. Рассказ волонтера. С. 16.

колоссальными жертвами и лишениями, не достигла цели, так как Шамилю удалось покинуть аул. В исторической литературе даргинский поход оценивается как крайне неудачный³¹, но в то же время в казачьем фольклоре он изображается как победоносный. Песня об этой экспедиции, «Даргинский марш» (Воспоминание о походе в Дарго в 1845 г.), сохранилась в рукописном сборнике казаков-линейцев:

Указал Царь Православный
 Цель похода нам в Дарго:
 Там приют Шамиля давний,
 Логовище там его...
 Предстоит ещё бой главный,
 Но кавказцам – ничего!
 Царь-Отец наш, верно, скажет
 Нам «спасибо» за труды:
 Всяк из нас ему докажет,
 Что его достойны мы.
 Ура! граф Воронцов!
 Ура! Ура! Ура!
 Мы шагнули молодцами
 Через Андийские врата.
 Царские знамёна с нами
 Возле снежного хребта.
 Против шашек, пуль, штыками
 Дружно грядём мы «ура!»
 От маршей мы отдохнули:
 Братцы, нам в Дарго пора!
 ...Воронцов ведёт нас к бою
 И лелеет как детей,
 Сам от холода и зною
 Терпит больше всех людей.
 Барабан зовёт к покою, –
 Он не спит среди ночей.
 Вот пришли, – теперь, штык славный,
 Встрепенись, – тебе пора!
 Враг бежит: на всех страх равный
 Ты нагнал, наш граф! Ура!
 Ура! Граф Воронцов.
 Ура! Ура! Ура!³²

В песне отмечается, что М.С. Воронцов разделяет с армией страдания и лишения. На долгие годы сохранились среди солдат и казаков рассказы о простоте и доступности командующего. После его смерти там возникла поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер».

С 1856 г. главнокомандующим войсками Отдельного Кавказского корпуса и наместником стал генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский.

³¹ История народов Северного Кавказа... 1988. С. 150–151.

³² РС, № 76. См. более полный вариант: *Караулов* 1912. С. 264.

Службу на Кавказе он начал ещё в 1835 г. Ему удалось сломить сопротивление войск Шамиля и закончить многолетнюю войну. Его имя по праву вошло в казачьи песни. Героем песен был и наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска генерал-майор Ф.А. Круковский. На этом посту его боевые и административные качества проявились в полной мере и заслужили ему любовь казаков. В его простом образе жизни «по-казачьи», в казачьей одежде они видели уважение к своим обычаям, к ним самим. Будучи католиком, Ф.А. Круковский каждое воскресенье вместе с казаками ходил в православную церковь. Его отличали храбрость, честность, простота в образе жизни, он часто помогал нуждающимся. Казаки считали его своим (казачьего рода), он и происходил из украинских казаков, со временем окатоличенных. В перестрелках с горцами он всегда оставался в седле, и когда его убеждали сойти с коня, говорил, что так ему виднее следить за противником. В 1852 г. он принял участие в последней экспедиции и погиб под Урус-Мартаном³³. О подвигах Ф.А. Круковского и его трагической гибели казаки слагали песни.

Начало песни «Поход на Аргун» свидетельствует о том, что обобщённое название казаков Северо-Восточного Кавказа (терцы) уже существовало в это время (до создания Терского войска в 1861 г.), а также об успешной практике совместных действий:

Братцы-терцы, нам не трудно
Про Аргун песню сложить,
Можно скоро и не худо
Нам победу подтвердить.
Славно, ребята, славно, терцы!
Браво, браво, молодцы!³⁴

Военно-исторические и военно-бытовые песни у казаков региона составляли единый цикл, со временем забывались конкретные исторические детали и оставались лишь общие описания, чаще всего – мотив смерти в сражении. Смерть на поле боя в фольклорных произведениях традиционно сопровождалась обращением к товарищам, но если в военно-бытовой лирике это была просьба передать поклон жене, то в военно-исторических песнях обращение наполнено совсем иным содержанием:

«Уж вы, братцы-казаки,
Не покиньте вы меня
На поругань подлецам;
Вы возьмите моё тело
На бурочку на мою,
Понесите моё тело
В кладбище Мартанское!»³⁵

³³ Подробно о жизни и смерти Ф.А. Круковского см.: *Матвеев* 2005. С. 319–333.

³⁴ Исторические песни на Тереке. С. 93.

³⁵ Исторические песни. С. 325.

Устойчивый мотив – «моё тело не покиньте» – свято исполнялся казаками, которые всегда стремились вынести всех погибших с поля боя и похоронить в родной станице.

Предсмертная речь генерал-майора Ф.А. Круковского в казачьих песнях содержит не только указание места похорон, которое в вариантах может меняться, но и ритуальные подробности:

Положите моё тело
Во гробницу дубову,
Вы накройте моё тело
Белым тонким полотном.

Дальнейший текст песни представляет собой редкий случай подробного описания воинских почестей:

Приведите, мои братцы,
Орудия с лошадыми,
Вы поставьте, мои братцы,
Все орудья в один ряд,
Да ударьте, мои братцы,
Со всех пушек в один раз!³⁶

В более полном варианте песни сохранилась и напутственная речь Круковского перед сражением, и описание смертельного ранения, и его последнее обращение:

– Уж вы, братцы, вы да мои братцы,
Сунженцы, гребенцы!
Не покиньте да вы мою телу
На поругу врагам-подлецам,
Вы возьмите тело, положите
На чёрную бурочку.
Понесите да вы мою телу
В большу крепость Кохановску.
Эй, выройта мене могилу
Вы широко, глубоко,
Опуститя да вы мою телу
Во могилу глубоко.
Эй, приударьте да вы, мои братцы,
Из орудий до трёх раз,
Прокричите, да вы, мои братцы,
Крюковской кончил свою жизнь.
Прокричите, да вы, мои братцы,
Кончил жизнь свою за Кавказ³⁷.

Просьбы не оставлять тело врагу смертельно раненый Круковский в действительности не произносил; напротив, он беспокоился о спасении находившихся рядом с ним казаков. Его ординарец, казак Толчаинов, несмотря на слова атамана («Брось меня и спасайся сам»), не оставил его

³⁶ Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. С. 190–191.

³⁷ Широкова Е.Г., 1892 г.р., ст. Старый Щедрин, 1972 г.

и был изрублен горцами вместе с казаками конвоя; Круковского доби́ли пашками. Однако стремление не допустить надругательства над погибшими товарищами во многом определяло воинский быт кавказских войск, даже если это влекло за собой новые потери. Казаки любили своего атамана, который всегда и во всём был впереди, и оплакивали его гибель. А князь М.С. Воронцов в письме военному министру писал, что если бы взять все лучшие качества у тысячи лучших военных, «то и тогда сумма их не перевесила бы этих качеств, которыми обладал покойный атаман, совершенно незаменимый для кавказского казачества»³⁸.

После создания Кавказского линейного казачьего войска возникают новые укрепленные линии, куда переселяются казаки с Терека, Дона, Кубани, государственные крестьяне, отставные солдаты, представители кавказских и иных народов. С основанием крепости Грозной в 1818 г. началось создание Сунженской кордонной линии. Власти решили укрепить её казаками Кавказского линейного и Донского войск. Среди них были как добровольцы, так и те, кто тянул жребий. Командующим линией назначили Н.П. Слепцова. В 1845 г. были построены три первые станции: Михайловская, Троицкая и Сунженская. Казаки, проживавшие по среднему и нижнему течению р. Сунжи, составили соответственно 1-й и 2-й Сунженские полки. Сунженские казаки вступили в непосредственное соседство с чеченцами, карабулаками, ингушами.

Память казачества сохранила песенные сюжеты, связанные с личностью умелого и бесстрашного командира 1-го Сунженского полка генерал-майора Н.П. Слепцова, награждённого орденами Св. Святослава 3-й, а затем и 1-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Георгия 4-й степени, золотой саблей с надписью «За храбрость». Н.П. Слепцов был убит при штурме Гехинского завала в 1851 г., после его смерти в том же году станица Сунженская была переименована в Слепцовскую.

Слепцова высоко ценили и уважали горцы, а казаки боготворили своего командира³⁹. Об отношении к отцу-командиру свидетельствуют воинские песни сунженских и гребенских казаков, в которых воспевались ратные подвиги и высокие личные качества прославленного генерала. Сюжеты песен образуют следующий цикл: 1) командир Сунженского полка посещает лагерь казаков; 2) казаки готовы к походу под началом Слепцова; 3) сунженцы возвращаются в станицу «из набега удалого»; 4) Слепцов погибает на поле боя; 5) казаки вспоминают День Слепцова.

В тихи ночи осенью казаки гуляли,
И про службицу свою песни распевали.
Скоро, братцы, нам в поход, зима наступает,
Злой Шамиль зовёт нас в бой и не унывает.

³⁸ Матвеев 2005. С. 333.

³⁹ Подробнее см.: Караулов 2008. С. 134–135.

Для нас вызов – не беда, был бы Слепцов с нами,
С ним готовы хоть куда на конях орлами.
Пусть объявит свой приказ, коней поседлаем –
И готовы в дальний путь, песни заиграем⁴⁰.

Гибель 36-летнего Слепцова в 1851 г. при штурме Гехинского завала отразилась во многих казачьих песнях. Образ вечерней зари в одной из них предвещает несчастье:

Ой, да ты зря толичко была,
Просветлая ты наша зоренька!
Ой, да просвети толичко, зря,
Просвети нам путь-дороженьку!
Ой, да как у нас толичко в полку
Ой, да всё несчастье.
Ой, да генерал толичко Слепцов
Лежит да он крепко раненый⁴¹.

Тема смерти на поле боя передаётся в традиционной манере, но с учётом реальных деталей: в головах – *«знамя распущенное»* (или *«лежит всё сидельце»*); в ногах стоит добрый конь, по бокам – полки снаряженные, все слепцовские (или *«войско прижуренное»*); *«Перед ним стоят / Суньжанцы, младцы казаченьки, / Стоят они, слёзно плачуть»*.

Во всех вариантах песни присутствует заключительный вопрос: *«На кого ты нас покидаешь?»* В ответе звучит фамилия Предимирова, который действительно был преемником Слепцова. В песнях книжного характера, фольклорных по бытованию, тема смерти военачальника раскрывается в ином ключе, с преобладанием патриотических мотивов:

Он орлом пред нами мчался,
Сам повсюду успевал,
С шашкою в толпы кидался
И дружину поощрял.
Из завала поразила
Пуля меткая его.
Наше счастье схоронила,
Жизнь отняла у него.
Хоть врагам мы отплатили
И прогнали далеко,
Но потеря командира
В грудь запала далеко.
Мы его несли на бурке,
Он едва уже дышал
И, собрав остаток силы,
Свою волю завещал⁴².

⁴⁰ РС, № 83.

⁴¹ Польсков В.А., 1909 г.р., ст. Нестеровская, 1977 г.

⁴² РС, № 113. «В память храброго Слепцова» были созданы также песни «Что ж ты, сунженец, не весел», «Вспомним, братцы, про былое» и др.

Казачи свято хранили память о Слепцове, воспевая его неустранимость, храбрость, щедрость, доброту и справедливость⁴³. В песне «Что не соколы летают» казаки вспоминают День Слепцова, который всегда праздновали при жизни полководца:

...День Слепцова вспоминают,
Впереди полка идёт.
Он за веру, честь державы
На победу поведёт.
– Уж вы сунженцы лихия,
Дети старых храбрецов!
Не забудьте вы былое,
Старину своих отцов!⁴⁴

Оценка участия казаков в «Кавказской войне» в их песенном фольклоре однозначна: они служили России «правдой до конца», выполняя свою основную военную функцию. В песнях о «Кавказской войне» отразились наиболее важные исторические события, связанные с походами, военными экспедициями и сражениями. Но и в относительно мирный пореформенный период в станицах продолжали слагаться и бытовать многочисленные песни о воинской доблести казаков, об их подвигах, смерти на поле боя. Эти песни составляли значительную часть репертуара станиц. В них содержалась уверенность в том, что «*готовы хоть куда на конях орлами*»; будет объявлен приказ – «*коней поседлаем – и готовы в дальний путь, песни заиграем*». Казаки были в постоянной готовности не только немедленно вступить в бой, но и стоять насмерть.

В первой половине XIX в. терские казаки участвовали главным образом в военных действиях в регионе, сыграв важную роль в процессе его присоединения к России, в освоении новых территорий. С установлением мира на Северном Кавказе их действительная служба стала проходить на внешних границах империи (турецкой, персидской, австрийской).

Во время войны 1877–1878 гг. терские казаки сражались в основном на Кавказском театре военных действий, отличившись в боях под Аладжинскими высотами, Карсом и др. 5 мая 1877 г. при штурме крепости Ардаган Горско-Моздокский полк 7 вёрст преследовал противника, казаками были взяты в плен несколько офицеров и более 100 солдат. Владикавказский полк 6 июля 1877 г. под Суботаном не только отбил неприятельскую кавалерию, вдвое превосходившую казаков, но и пробился через окружение, вынеся из боя раненых, за что полку был пожалован Георгиевский штандарт⁴⁵. Эти события нашли отражение в песнях

⁴³ Образ Слепцова нашёл отражение и в фольклоре чеченцев и ингушей, которых отдавали должное его отваге. Ещё при его жизни чеченцы давали своим мальчикам имя «Сипсо» в честь отважного генерала.

⁴⁴ Бузоверов К.А., 1909 г.р., ст. Нестеровская, 1977 г.

⁴⁵ Караулов 2008. С. 170–174.

«С богом, терцы, не робея» («День двенадцатый апреля»), «Вечер тёмный, непогожий» «Веселитесь, храбрые кизлярцы». В день объявления войны ранним утром 12 апреля русская кавалерия перешла вброд пограничную речку Арпачай (приток Аракса) в Закавказье и начала захватывать вражеские пикеты, вступая в бой там, где турки оказывали сопротивление. Некоторые турецкие пикеты при появлении русских войск сдавались без боя. Об этом рассказывает популярная песня «Поход за Арпачай», которую записывали не только в XIX, но и в XX в.:

Вечер тёмный, непогожий,
 По ущельям и скалам
 Ветерок веял холодный,
 Шёл дождь с снегом пополам.
 Там по бережку холмистому
 Путь-дороженька легла,
 По холмистым, каменистым,
 Извиваяся вела.
 Той дорожкой проходили
 На пост братцы-казаки.
 Бурки чёрные мелькали,
 И белели башлыки.
 Вдруг догнал казак с приказом.
 Он догнал и передал,
 Чтоб начальник сотню разом
 Он в поход её послал.

Дальнейшее описание содержит встречу в предрассветной мгле с полковником Маламой, который поздравил казаков с походом (в варианте – с войною) и *переправил за собою весь наш полк в турецкий край*:

Турки все беспечно спали,
 Им не снилось про войну.
 А проснулись и узнали:
 Оказались в плену.
 Генерал наш славный Плиев
 С них ружья снимал.
 Малама же их, злодеев,
 Как баранов, в плен поймал⁴⁶.

Ироничное описание пленения турок обусловлено историческими реалиями переправы через Арпачай. Участник этих событий А.А. Брусилов вспоминал о захвате турецкой казармы: «Турки крепко спали, и нам стоило больших усилий разбудить их и потребовать, чтобы они сдались в плен. После нескольких переговоров турки, видя себя окружёнными, исполнили наше требование и сдались без единого выстрела вместе со своим бригадным командиром»⁴⁷.

⁴⁶ Думанова А.П., ст. Червлённая, 1980 г. Вариант см.: Исторические песни на Тереке. С. 93–94 и др.

⁴⁷ Цит. по: Матвеев. 2005. С. 228.

17 апреля 1877 г. русским Эриванским отрядом генерала А.А. Тергукасова была взята турецкая крепость Баязет. В ней был оставлен гарнизон, а войско продолжало наступление. Пользуясь этим, корпус Фаика-паши 5 июня осадил Баязет, имея семикратное превосходство в силе. В цитадели не было воды, её доставляли из ручья под огнём турок. Гарнизон страшно страдал от жажды, но защитники решили держаться до конца. Героическая защита Баязета продолжалась 24 дня. За это время гарнизон из 1330 человек потерял 7 офицеров и 310 солдат и унтер-офицеров⁴⁸. Песня о сражении за Баязет возникла как воспоминание о недавнем прошлом в среде соседей терцев – кубанских казаков, которые в нём непосредственно участвовали, но получила широкое распространение и на Тереке. Очевидно, она перекликалась с событиями, имевшими место на Линии в период «Кавказской войны». Песня сохранила не только подробности осады, но и моральное состояние её защитников:

Вспомним, братцы, дружно грянем!
Тергукасов с нами был.
Он с отрядом к Баязету
Смело, храбро подходил.
Гарнизон наш Баязетский
Атакован турком был,
Голод, жажду принимая,
Он одно своё твердил:
Из нас каждый рад стоять
До последней капли крови,
Чтоб не даться басурману
Живым в руки, его воле.

Даже через 22 дня осадного сидения готовность сражаться и победить у защитников Баязета сохранилась:

А мы, братцы, с богом в бой
На врагов своих пойдём,
Станем твёрдою ногой,
Гарнизон свой отобьём!
Сколько турок ни крепился,
Но не мог там устоять.
И неволей порешился
Баязет опять отдать.

Запоздавшее подкрепление (*Измаил*⁴⁹ *сам прибежал, / Узнав русских избавленья, / Сожалел, что опоздал*) не изменило ход события:

Двадцать восьмой день июня
Будем помнить мы всегда,
И державный наш отец
Не забудет никогда.

⁴⁸ Исторические песни. С. 494 (комментарий).

⁴⁹ Имеется в виду турецкий военачальник Исмаил-паша.

И так будем мы гордиться,
 Что разбили мы врага (*орду*),
 Хоть пришлось нам потрудиться
 В семьдесят седьмом году⁵⁰.

Казачья песня была сложена и о событии, имевшем важное стратегическое значение на Болгарском участке фронта, – взятии 22 августа 1877 г. Ловчи⁵¹, сильно укрепленного турками города. Успех операции обеспечил Скобелев, под командованием которого находились терские казаки. В 5 часов утра началась атака. Турки, увидев русских, открыли по ним ружейный огонь. Подошла русская артиллерия и стала обстреливать турок. После нескольких атак в 2 часа дня город был взят. Казаки преследовали отступавших турок на протяжении нескольких вёрст. Были взяты 2 знамени и масса брошенного оружия. Песня об этом событии, сохранившая все основные детали сражения, начинается так:

Вспомним, терцы, мы про Ловчу,
 Как рубили турок там.
 Пусть же знают басурманы,
 Что не страшны они нам.
 Ай да терцы, ай да терцы,
 Любо, бравы молодцы!

(Припев повторяется после каждого четверостишия).

...Ровно в полночь слух пронесся:
 В пять часов нам выступать,
 Наш отряд идёт под Ловчу
 С басурманом воевать.
 Турок скоро увидали
 В ложементах земляных –
 Пули всюду засвистали,
 Терцы бросились на них.
 С конь – долой и цепью стройной
 Мы атаку повели,
 А за нами тут же скоро
 Наши пушки подвезли...

Дальнейшие действия казаков осуществляются по команде Скобелева:

Командир тогда мгновенно
 Нас вперёд к себе позвал
 И на турок путь-дорогу
 Рукой правой указал,
 Крикнул громко: «С Богом, терцы!
 Шашки – вон, вперёд за мной!
 Трусу – стыд в родной станице,
 Смелым – почесть и покой!»

⁵⁰ РС, № 95. В отличие от публикаций Путилова (Исторические песни на Тереке, С. 99: записано В. Пятирублевым в ст. Наурской) в тексте рукописного сборника червленцев слово «орду» заменено на «врага».

⁵¹ Караулов М.А. Терское казачество. С. 176–183.

Беспощадность битвы оправдывалась тем, что Россия заступилась за южных славян, подвергавшихся гонениям со стороны турок:

Нет пощады им, врагам:
Вот вам, варвары, отместка
За поруганных славян!⁵²

Заслуживают внимания песни о взятии Карса, отразившие события 1855 г. и сражения 1877 г. Осадный корпус возглавил генерал М.Т. Лорис-Меликов, действия которого под Карсом фактически завершили войну на Кавказском фронте. Ночным штурмом 6 ноября 1877 г. Карс был взят. Песни о взятии Карса построены по известным ранее схемам: по образцу песен «Ночи тёмны, да они тучи грозны» и «В горах скалистых и обширных». В первую песню вставлялись разные названия городов, которые было трудно завоевать:

Ночи тёмны, да они тучи грозны,
Тучи по небу плывут,
Наши храбрые кизлярцы
Тихим шагом марш идут.
Они идут, маршируют,
Меж собою говорят:
– Трудно, трудно нам, ребята,
Карс-город нам взять,
А ещё же нам труднее,
Нам под пушки подбежать.
Мы под пушки подбежали,
Закричали все «ура»⁵³.

Вторая песня (от той же исполнительницы), содержит упоминание о лишениях, выпавших на долю казаков в неудачном походе 1843 года («Зирянское сидение»), и описания трудностей взятия Карса:

В горах скалистых и обширных
Холод царствовал кругом.
Да там по горам скалистым
Мы шли, сунженцы-молодцы.
Долго, долго мы ходили
По горам и по скалам.
День отдыху не имели,
Ночь стояли мы в цепи...
Гролом пушки застонали
Под шестое ноября:
Крепость мы тогда Карс брали
По велению царя.
Вышли на крепости Карса,
Вся природная скала
Сунженцев не удержала,
Понеслися на ура.

⁵² Исторические песни. С. 375–377.

⁵³ Широкова Е.Г., 1892 г.р., ст. Старый Щедрин, 1972 г.

Там народ был очень смелый,
Победить врага умел,
А российский царь наш белый
Турок всех побить велел.
Будем биться мы по-свойски,
День и ночью мы в горах.
Да прославим всех героев,
Казачи, на весь Кавказ!⁵⁴

Казачи Терско-Гребенского, Волжского, Владикавказского и Горско-Моздокского полков, сражавшиеся на Балканском фронте, были включены в Дунайскую армию, которой руководил брат Александра II Николай Николаевич.

... Там далёко за Балканом
Русский много раз шагал,
И, карая вражьи страны,
Гордых турок побеждал.
Мы идём пугём градедов
Лавры славы добывать.
Смерть за веру, за Россию
Можно с радостью принять.
День двенадцатый апреля
Будем помнить мы всегда,
Как наш царь, отец державный,
Брата к нам подвёл тогда.
Уж он полный царской мочи,
С отуманенным челом,
– Берегите, – сказал, – брата,
Будьте каждый молодцом!
Если нужно будет, в дело
Николая вам пушу,
То идите в дело смело, –
Дедов славы не срамить!
С богом, терцы! Не робейте!
Смело в бой пойдём, друзья!⁵⁵

Упоминание имени брата царя удивительно, поскольку сами императоры XIX в. в казачьем фольклоре безымянны (это некие «белые цари», «отцы державные»). Атаман линейцев (1837–1844) С.С. Николаев утверждал, что редкий из казаков «скажет, как зовут Государя Императора и Наследника престола, прочие отговариваются тем, что их не учили»⁵⁶. Лишь немногие из российских правителей оказались представлены в терском фольклоре (Иван IV, Пётр I, Екатерина II).

Итогом войны, в которой участвовали терцы, стало освобождение Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии от османского владычества.

⁵⁴ Записано от нее же.

⁵⁵ Песня «С богом, терцы, не робея». РС, № 86.

⁵⁶ См.: Очерки истории и культуры казачества Юга России... С. 158.

Так казаки завершили насыщенный военными событиями XIX век, защищая не только Российское государство, но и братьев-славян.

Таким образом, военные события в истории России XIX века запечатлены в исторической памяти терского казачества (Отечественная война 1812 г., «Кавказская война», войны с Турцией), в песнях, которые исполнялись в рассматриваемый период, исполняются и сейчас. Некоторые песни, рассказывающие о тех событиях, в которых терцы участия не принимали, были принесены на Терек переселенцами (напр., донцами). Песни, созданные в регионе самими казаками, содержат наибольшее число подробностей (время, место, особенности климата, природные условия и др.). В казачьих песнях XIX века часто встречаются традиционные стереотипы в восприятии власти (белый царь), врагов (орды, басурман) и др. Зачастую сохраняется и эпический стиль изложения.

Из событий военной истории народная память сохраняла те, где казакам удавалось одержать победу, вынести осаду, вырваться из окружения, и те, где были значительные потери. В фольклоре закрепились, главным образом, успешные действия казаков, обусловленные талантом военачальников, их собственной храбростью и отвагой, привычкой к постоянной опасности и готовностью защищать свою станицу.

В станицах бытовали разные варианты, записанные от женщин и от мужчин. В «мужских» текстах в большей степени присутствовали фамилии исторических персонажей, географические названия и другие подробности, которые отсутствовали в некоторых вариантах, записанных от женщин. Однако часть мужских военных песен сохранилась и в памяти женщин, основных исполнительниц во время фольклорных экспедиций.

Отметим и разную (иногда противоположную) оценку, которая давалась одним и тем же событиям в исторической литературе и в казачьем фольклоре. Казаки не только прославляли геройское поведение станичников и подвиги военачальников, но и отдавали должное противнику, с которым сражались. У казаков Терека создавались и сохранялись песни, содержащие их взгляд на события «Кавказской войны», а также песни с представлениями горцев о тех же событиях. Кавказское влияние прослеживается на содержании, в мелодиях и припевах ряда песенных произведений. При всех негативных оценках, которые в них давались противнику (что вполне понятно, ведь военные столкновения сопровождалась потерями), песни содержали и положительные характеристики тех, с кем казакам приходилось сражаться. При этом отмечались те качества, которые одинаково ценились и казаками, и горцами (отвага, храбрость).

В казачьих военных песнях рассматриваемого периода персонажи персонализировались преимущественно командиры (атаманы, генералы, полковники и др.), которые непосредственно возглавляли походы и сражения (Воронцов, Бяратинский, Круковский, Слепцов и др.). Их военной

тактикой и талантом во многом определялся ход военных действий в регионе. Остальные участники событий – обезличенные «мы» (это и коллективный рассказчик), «они», которые выполняли в боях основную нагрузку: сражались и погибали ради интересов государства (белого царя), а также защищая свои станицы и другие народы.

Рассматривая фольклор как отражение военных событий и жизни терцев, нельзя забывать о том, что произведения устного народного творчества в традиционных обществах играли огромную воспитательную роль. Они формировали представления об исторических событиях, в которых участвовали казаки, оценку их действий, учили мужеству и отваге, упорству в достижении цели и готовности умереть, но не отступить. Песни, передававшиеся из поколения в поколение, содержали образцы воинской доблести, героические подвиги казаков служили примером для подражания,

Терские казаки вписали много славных страниц в историю казачьих войск и прославили русское оружие, сражаясь на фронтах многочисленных войн. Песни об их героическом прошлом живы и сегодня: в публикациях разных лет, в рукописных сборниках и семейных альбомах, на магнитофонных лентах и дисках, в исполнении фольклорных коллективов на праздниках и фестивалях и за семейным столом. Приведённые в статье песни сохранились на Тереке и, более того, получили широкое распространение в разных регионах страны в связи с исходом казачьего населения из автономий Северного Кавказа в 1990-е годы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н.* Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 22–43.
- Атаман Платов в песнях и преданиях. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. 240 с.
- Белецкая Е.М.* Эпизоды Кавказской войны // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: мат-лы Всерос. заочн. научн.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) /отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2012. С. 10–16.
- Великая Н.Н.* Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южно-российское обозрение. № 45. Ростов-на-Дону, 2007. С. 88–101.
- Виноградов В.Б.* К оценке состояния историографии русско-кавказского единства на рубеже двух тысячелетий (вводные заметки) // Вопросы Южнороссийской истории /под ред. В.Б. Виноградова. М.; Армавир, 2007. Вып. 13. С. 3–10.
- Дегоев В.В.* Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. 1999. № 6. С.156–166.
- Дударев С.Л.* Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи: очерк истории // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути. Армавир; Ставрополь: Дидзайн-студия Б, 2013. С. 27–32.
- Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 2001. 528 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 7).

- Исторические песни на Тереке /Подг. текстов, статья и прим. *Б.Н. Путилова*. Грозный: Грозненское областное изд-во, 1948. 144 с.
- Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. 284 с.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. 659 с.
- Казак в войнах России /Под общ. ред. Б.В. Игнатьева. М.: Можайский полиграфический комбинат, 1999. 192 с.
- Караулов М.А.* Терское казачество. М.: Вече, 2008. 320 с. (История казачества).
- Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. 370 с.
- Клычников Ю.Ю.* Складывание русско-северокавказского единства и проблема «Кавказской войны»: оценки и суждения // Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. Назрань: Пилигрим, 2008. Т. 2. С. 55–63.
- Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) /под ред. Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА на Кавминводах, 2011. 256 с.
- Кононова Ю.Н.* Архаичные черты образа врага (на материалах песенного фольклора казаков-линейцев) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2014. С. 21–23.
- Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 52–61.
- Латин В.В.* Новейшая историография Кавказской войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 179–185.
- Матвеев О.В.* «Дэ диды, праиды служилы...» «Служилое» начало в этногенетических представлениях кубанских казаков // Из истории дворянских родов Кубани. Краснодар, 2000. С. 113–136.
- Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII–начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: «Кубанькино», 2005. 418 с.
- Муханов В.М.* К вопросу о постсоветской историографии Кавказской войны // Современный Кавказ: геополитический выбор. Сб. научных статей. М.; Пятигорск, 2009. С. 30–42.
- Основные направления историографии Кавказской войны // Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 132–135.
- Очерки истории и культуры казачества Юга России (коллективная монография). Волгоград: изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.
- Репина Л.П.* Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. 960 с.
- Савельев А.Е.* Кавказская война 1817–1864 гг. в исторической науке // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 161–166.
- Сборник казачьих песен / собрал и издал С.А. Холмский. Курск, 1910.
- Терек вспышный: песни гребенских казаков / сост. Белецкая Е.М. Художник С.В. Наймушина. Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. 259 с.

- Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1852 года). Собр. соч. в 20 т. Т. 3. М., 1961. С. 162-374.
- Толстой Л.Н. Набер. Рассказ волонтера. Собр. соч. в 22 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1979. С. 7–32.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.

REFERENCES

- Avramenko A.M., Matveev O.V., Matyuschenko P.P., Ratushnyak V.N.* On the evaluation of the Caucasian war from the scientific standpoint of historicism // the Caucasian war: the lessons of history and modernity. Krasnodar, 1995. P. 22–43.
- Ataman Platov in the songs and stories. M.: SRC of Russian folklore, 2001. 240 p.
- Beletskaya E.M.* Episodes of the Caucasian war // Russian Cossacks: history, problems of revival and prospects of development / ed. by V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 2012. P. 10–16.
- Velikaya N.N.* Rossiiskost as a paradigm of the study of the Russian-Caucasian unity // The actual and controversial problems in the history of the North Caucasus. South-Russian Outlook. No. 45. Rostov-on-Don, 2007. P. 88–101.
- Vinogradov V.B.* To the assess of the state of the historiography of the Russo-Caucasian unity at the turn of two millennia (introductory notes) // The problems of Russian history / ed. by V.B. Vinogradov. M.; Armavir, 2007. Vol. 13. P. 3–10.
- Golovanova S.A.* Russia's State policy to regulate the number of Terek Cossacks in the Kuban region in the XVIII–XIX cc.: the ethno-demographic aspect. Armavir: AGPA, 2014. 124 p.
- Degoiev V.* The war in the Caucasus: alternative approaches to its study // Questions of history. 1999. No. 6. P. 156–166.
- Dudarev S.L.* V.B. Vinogradov's school: the origins, phases, ideas: an essay of a history // Kavkazovedcheskaya School founded by V. B. Vinogradov. 50 years on the road. Armavir; Stavropol: Design Studio B, 2013. P. 27–32.
- Historical songs / Comp., Prefatory article, Tr. texts and comments. S.N. Azbelev. Moscow: Russkaya kniga, 2001. 528 p. (Library of Russian folklore; V. 7).
- Historical songs on Terek / GE. texts, art and approx. B.N. Putilova. Grozny: the Grozny oblast publishing house, 1948. 144 p.
- Historical songs of the nineteenth century. Leningrad: Nauka, 1973. 284 p.
- The history of the peoples of the North Caucasus (the end of XVIII century – 1917), ed. by A.L. Narochnitskiy. M.: Nauka, 1988. 659 p.
- Cossacks in wars of Russia / Ed. by Ignat'ev B.V. M.: Mozhayskiy print., 1999. 192 p.
- Karaulov M.A.* Terek Cossacks. Moscow: Veche, 2008. 320 p. (History of the Cossacks).
- Karaulov M.A.* Terek Cossacks in the past and present. Vladikavkaz, 1912. 370 p.
- Klichnikov Y.Y.* Folding of the Russian-North Caucasian unity and the problem of "the Caucasian war": judgments and assumptions // The Chechens in the community of the peoples of Russia. Nazran: Pilgrim, 2008. Vol. 2. P. 55–63.
- Klichnikov Y.Y., Tsybulnikova A.A.* "So violent liberty laws pressed...": the struggle of the Russian statehood against the effect of predatoriness in the North Caucasus / ed. by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA on the Caucasian Mineral Waters, 2011. 256 p.
- Kononova Y.N.* Archaic features of the enemy's image (according the materials of song folklore of Cossack Lineitcev) // From history and culture of a linear Cossacks of the North Caucasus / ed. by N.N. Velikaya, S.N. Lukash. Armavir, 2014. P. 21–23.
- A round table "Problems of the Caucasian war in modern literature" // Scientific thought of the Caucasus. 2007. No. 2. P. 52–61.
- Lapin V.V.* The recent historiography of the Caucasian war // Domestic history. 2008. No. 5. P. 179–185.

- Matveev O.V.* "De Dida, Pradidy servitors..." "Servitors" ethnogenic origins in the ideas of the Kuban Cossacks // From history of the noble families of the Kuban. Krasnodar, 2000. P. 113–136.
- Matveev O.V.* Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (the end of XVIII– the beginning of XX): the categories of the military mentality. Krasnodar: "Kuban'kino", 2005. 418 p.
- Mukhanov V.M.* To the question of post-Soviet historiography of the Caucasian war // The Modern Caucasus: geopolitical choice. M.; Pyatigorsk, 2009. P. 30–42.
- The main directions of the historiography of the Caucasian war // The North Caucasus in the Russian Empire / Ed. by V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. P. 132–135.
- Essays on the history and culture of the Cossacks of Southern Russia (collective monograph). Volgograd: Volgograd branch of FGBOU VPO RANXiGS, 2014. 624 p.
- Repina L.P.* Knowledge about the past and the connection of times in the historical consciousness // Images of time and historical view: Russia – the East – the West /ed. by L.P. Repina. M.: Krugh, 2019. 960 p.
- Savel'ev A.E.* the Caucasian war of 1817-1864 in historical science // Questions of history. 2011. No. 2. P. 161–166.
- Terek wspanishniy: songs of the Greben Cossacks / comp. Beletskaya E.M. Artist Naymushin S.V. Grozny–Ekaterinburg, 1991–2007. 259 p.
- Tolstoy L.N.* The Cossacks (Caucasian story of 1852). Collection of works in 20 vol. V. 3. M., 1961. P. 162–374.
- Tolstoy L.N.* The foray. The story of a volunteer. Collection of works in 22 vol. V.2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. P. 7–32.
- Trepavlov V. V.* "The White king": the image of the monarch and perceptions of a citizenship among the peoples of Russia in XV–XVIII cc. M.: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p.

Белецкая Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Тверского государственного университета; Ekaterina46@mail.ru

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета; Velikaya55@mail.ru

Military events of the 19th century in Russian history and in folk songs of the Terek Cossacks

The paper examines the military-historical events of the nineteenth century, which were reflected in the songs of the Terek Cossacks: the war of 1812, "the Caucasian war", war against Turkey. The folk memory preserved not only the victories, but unsuccessful battles where there were significant losses. In these songs we meet the stereotypes of the perception of the military actions and there is the Caucasian influence. The heroes the songs were commanders directly headed of campaigns and battles. The reflection of the historical events in the Cossack folklore served for keeping the best military traditions and upbringing of the young generation.

Keywords: Terek Cossacks, war of the nineteenth century, military and historical songs.

Ekaterina Beletskaya, PhD (Philology), associate professor of the Department of theoretical bases of physical education, Tver State University; Ekaterina46@mail.ru

Natalya Velikaya, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of General and Russian history, Armavir State Pedagogical University; Velikaya55@mail.ru

О. В. ВОРОБЬЕВА

ГЕНОЦИД АРМЯН 1915 ГОДА ГЛАЗАМИ А. ДЖ. ТОЙНБИ: КОНТЕКСТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Известный английский историк А. Дж. Тойнби гораздо более известен своим «Постижением истории», нежели трудами по армянскому вопросу. Между тем, именно он стоял у истоков осмысления геноцида 1915 года, став не только автором специальных работ, но и составителем одного из самых солидных и влиятельных документов по этому событию – «Синей книги». Однако наряду с международным признанием «Синяя книга» постоянно оспаривается противниками признания геноцида, в том числе со ссылками на самого Тойнби, который, якобы, впоследствии пересмотрел свои взгляды по этому вопросу. Этот пример позволяет поразмышлять о природе события вообще – о его переживании и концептуализации, в которых, как показывает практика, всегда актуализируются разные контексты и уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт.

Ключевые слова: армянский геноцид 1915 года, А. Дж. Тойнби, историческое событие, Синяя книга, западный вопрос в Греции и Турции

«Я достаточно стар, чтобы помнить ужасы убийства армянских подданных в Оттоманской империи в 1896 г., инициированных печально известным султаном Абдул-Хамидом II. Но этот акт геноцида был слабым и неэффективным по сравнению с гораздо более успешной попыткой уничтожить оттоманских армян во время Первой мировой войны»¹.

«...политические чаяния греков и армян не являлись законными, ибо эти диаспоры, представляли собой такие меньшинства, которые были рассеяны среди турецкого большинства. Их стремления не просто угрожали расколоть турецкую империю, они не могли быть осуществлены без серьезной несправедливости по отношению к самому турецкому населению»².

Оба эти высказывания посвящены армянскому геноциду 1915 г. и, несмотря на противоположные интенции, принадлежат одному человеку – известному английскому историку А. Дж. Тойнби, гораздо более известному своим «Постижением истории», чем высказываниями по армянскому вопросу. Между тем, именно ему суждено было стоять у истоков осмысления этого события, создав один из самых влиятельных источников по геноциду армян. «Армянские зверства. Убийство нации»³, – под таким названием в 1915 г. появился памфлет, подписанный тогда молодым профессором Оксфордского университета. Памфлет предва-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ Тойнби 2003. С. 216.

² Там же. С. 504.

³ *Toynbee* 1915 (The Armenian Atrocities...).

рялся вступлением видного политического деятеля, члена палаты лордов Джеймса Брайса. А год спустя появилась знаменитая «Синяя книга»⁴ – неофициальное название сборника документов МИД Великобритании (серия «Турция», порядковый номер 31) «Обращение с армянами в Османской империи», составленная все тем же А. Дж. Тойнби. Коллизия, однако, заключается в том, что «Синяя книга» стала не только одним из наиболее известных и признанных международным сообществом источников по событиям 1915 г. в Армении, но и одним из наиболее оспариваемых, в т.ч. со ссылками на самого Тойнби⁵, позже, якобы, изменившего отношение к этому событию. Более того, на этом основании делается вывод об отсутствии геноцида. Показательно, что в качестве доказательства критики привлекают автобиографические работы Тойнби, написанные в 1960-е гг., т.е. полвека спустя после события геноцида, и характеризующие «Синюю книгу» как военную пропаганду.

В нашу задачу не входит очередное рассмотрение всех “pro” и “contra” армянского геноцида, многократно описанных в мировой научной литературе. Интереснее другое: на примере конкретного события, постоянно меняющего свои коннотации даже в голове одного человека, поразмышлять о природе события вообще – о его переживании и концептуализации, обусловленных клубком различных темпоральностей, актуализированных в определенных контекстах.

В нашем примере мы обратились к трем таким контекстам. Первый из них – контекст замысла «Синей книги», которая была написана буквально по следам трагических событий в Османской империи.

В основе замысла, по-видимому, лежали чисто политические и даже больше – пропагандистские соображения. В 1915 г. немцы, как известно, совершили мощный прорыв на Восточном фронте, заставив русские войска отступить за черту польско-литовских владений Российской империи, одновременно бывших и еврейской чертой оседлости. Отступление русской армии сопровождалось многочисленными бесчинствами по отношению к евреям. Это обстоятельство и стало козырной картой, которую попытались разыграть немцы: еврейская община в США к тому времени уже представляла собой заметную политическую силу в американском обществе, а главной задачей немцев было не допустить вступление в войну США на стороне Антанты. Используя это обстоятельство, германский военный штаб пригласил группу журналистов посетить оккупированные Германией русские территории. Информация и впечатления от увиденного довольно скоро, как и планировалось, попали в аме-

⁴ The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915–16. Свое название получила по цвету переплета. По цвету переплета часто назывались сборники документов, которые обнародовались правительством и иногда утверждались парламентом для информирования населения и подтверждения правильности принимаемых решений.

⁵ См., напр.: *Гасымов, Азимли*. Истинный облик армянской пропаганды...; *Toynbee and His Blue Books...*

риканскую прессу и не на шутку встревожили британцев. Мало того, что еврейские общины в Германии и Австро-Венгрии могли выступить на стороне Германии, американское еврейство могло повлиять на продление США нейтралитета, а также на исход активно обсуждавшейся в то время в США британской доктрины о праве военно-морских сил осуществлять блокаду. Срочно нужны были какие-то контрмеры, несущие в себе «арсенал возможностей контрпропаганды»⁶. Их поиском занялось созданное в начале войны Бюро военной пропаганды при британском МИДе, основной целью которого как раз и являлось влияние на общественное мнение в США. В этом контексте информация о преступлениях турок против армян пришла как нельзя кстати (как ни кощунственно такой вывод звучит в контексте геноцида).

Впервые об этом преступлении сообщил лорд Брайс, выступив 6 октября 1915 года с рассказом о насильственной депортации армян, которая началась в центральной и восточной Анатолии. Показательно, что за этим не последовало немедленной реакции британского правительства, и только несколько месяцев спустя оно решило, что эта информация может стать тем самым контраргументом к преступлениям русских в отношении евреев. Лорду Брайсу было предложено сделать подборку документов по этому вопросу, и он согласился при условии, что ему будет предоставлен личный секретарь⁷. Этим секретарем и стал А.Дж. Тойнби, конечно, не случайно оказавшийся в этой роли. С 1 мая 1915 года он работал в Бюро военной пропаганды, занимаясь анализом американской прессы для британского правительства, а до этого уже зарекомендовал себя как эксперт, способный в короткие сроки собирать большие объемы информации в связный текст⁸. Вскоре он стал экспертом по ближневосточным делам и, в частности, по армянскому вопросу. В результате сотрудничества Брайса и Тойнби в 1916 г. и появилась «Синяя книга», оказавшая огромное влияние на британскую и американскую общественность.

Показательны также заявления, сделанные в ходе дебатов в палате лордов по армянскому вопросу и частично опубликованные на следующий день в газете «Таймс». Вот, в частности, мнение графа Кромера:

«В газетах было сделано заявление, что некоторые лица из германского консульства одобряли эти жестокости настолько, что принимали участие в организации и в подстрекательстве к резне. В этом случае также представляется невероятным, чтобы какое-либо правительство, называющее себя цивилизованным, или его агенты могли бы принять участие в подобных мероприятиях. С другой стороны, мы знаем из доклада лорда Брайса, каково было поведение германской армии в Бельгии, и нам также известно из сурового обвинительного акта

⁶ Тойнби. 2003. С. 422.

⁷ Там же. С. 421.

⁸ В 1915 г. вышла книга Тойнби «Национальность и война» (Nationality and War. L., 1915) – 511 страниц текста, написанного за четыре с половиной месяца, что подтверждало экстраординарную способность ее автора в короткий срок перерабатывать большие объемы информации.

французского правительства, каково было поведение немцев во Франции. Независимо от того, каково могло бы быть мнение германского правительства, мы располагаем некоторыми данными и мнением выдающегося журналиста.

Незадолго до моего прихода в палату я прочел о вечерней газете выдержку из письма, адресованного известным графом Ревентловым германской газете, и это письмо настолько характерно для германской точки зрения на этот вопрос, что я зачитаю несколько строк из него. «Если турецкие власти принимают решительные меры против ненадежных, кровавадных и буйных армян – это не только их право, но поступить таким образом их прямой долг. Турция может быть и впредь уверена в том, что германская империя всегда будет придерживаться того мнения, что этот вопрос касается лишь одной Турции».

Я не склонен полагать, что имеется какое-либо свидетельство, достойное доверия, могущее служить доказательством участия германского правительства или его агентов в этой резне. Но когда мы принимаем во внимание решающее влияние, которым пользуется германское правительство в Константинополе, то всякий, знающий Восток, станет придерживаться того мнения, что германское правительство не сможет счесть себя свободным от серьезной моральной ответственности, если выяснится, что оно, зная о подобных явлениях, не примет решительнейших и энергичных шагов к прекращению этих действий...

Я верю в то, что, если бы турки были предоставлены самим себе, они пожелали бы жить в мире с остальным населением земного шара и особенно с Англией»⁹.

Кстати, упомянутый в цитате доклад лорда Брайса о событиях в Бельгии впоследствии стоил ему репутации. Его, в частности, обвиняли в преувеличении и даже фальсификации случаев негуманного поведения германских войск в Бельгии. Например, Филипп Найтли отмечает, что множество вымышленных историй о немецких злодеяниях, приведенных в докладах Брайса, привели к «понятному нежеланию поверить в те немногие истории, которые были правдивы»¹⁰. Даже в наши дни королевский адвокат Джефффри Робертсон в своем личном расследовании «Были ли армянский геноцид?», опубликованном в октябре 2009 г., пишет о том, что именно по этой причине он не стал полагаться на данный источник¹¹.

Однако самым важным доказательством пропагандистской основы «Синей книги» для ее критиков являются более поздние заявления самого Тойнби. Впервые он озвучил их в 1922 г. в книге «Западный вопрос в Греции и Турции», где назвал «Синюю книгу» военной пропагандой¹², а в 1966 г., отвечая на тот же вопрос, заданный ему в письме одной американкой армянского происхождения, подтвердил, что «мотивом к поручению британского правительства лорду Брайсу создать “Синюю книгу” была пропаганда»¹³. Само же Бюро военной пропаганды Тойнби называл не иначе, как «Лживое бюро»¹⁴. Эти признания Тойнби зачастую исполь-

⁹ The Times. 7.X.1915.

¹⁰ См.: Knightley Phillip. 1975. P. 83-84.

¹¹ Был ли армянский геноцид? 2009. С 25-26.

¹² Toynbee. 1922. P. 50, 255-256.

¹³ Bodleian Library (BL), Toynbee Papers (TP), letter, Arnold Toynbee to Ms Etmekjan, 16 March 1966.

¹⁴ Ibid. Arnold Toynbee to Gilbert Murrey, 31 May 1915.

зуются противниками признания геноцида для того, чтобы уменьшить значение «Синей книги» и признать ее источником дезинформации общественности и фальсификации истории. Вырванные из других контекстов, эти заявления выглядят достаточно убедительными. Однако эта уверенность исчезает при обращении к причинам, побудившим Брайса и Тойнби принять участие в этом предприятии. В отличие от контекста замысла книги, где играли роль причины объективного порядка, второй контекст условно можно назвать субъективным.

Прежде всего, заметим, что Тойнби неоднократно подчеркивал, что в период работы над книгой ни он, ни Брайс не подозревали об истинных причинах публикации, в первую очередь, о разыгрывании еврейской карты. Оба осознавали необходимость давления на общественное мнение США с целью их вступления в войну (так, Брайс в своем введении к книге Тойнби «Армянские зверства. Убийство нации», фактически повторяющем речь в палате лордов, открыто пишет: «Единственный способ сохранить древнейшую христианскую нацию – довести эту информацию до общественного мнения, *в особенности до нейтральных наций* (курсив мой. – *О.В.*), которые могут оказать влияние на Германию и сделать единственный шаг, который остановит эту резню»¹⁵). Но на этом, судя по всему, их осведомленность заканчивалась: «...я не был знаком с политической подоплекой, скрывавшейся за этим намерением правительства, и, полагаю, лорд Брайс пребывал в таком же неведении, что и я. Ибо, будь наши глаза открыты, думаю, едва ли лорд Брайс или я смогли бы выполнить это правительственное задание с той же полнейшей добросовестностью, с которой мы действительно его выполняли. Задачей лорда Брайса и моей было установление фактов и предание их гласности в надежде, что на основе этих фактов в конечном счете будут приняты какие-то меры. Мертвых – а депортированные умирали тысячами – было уже не воскресить, но мы надеялись (как выяснилось, напрасно), что можно будет сделать хоть что-то, дабы гарантировать выжившим, что никогда уже впредь не повторяются жестокости, приведшие к смерти такого множества их соплеменников <...> Если бы вся эта сплетенная политическим пауком паутина была очевидна лорду Брайсу, когда он получил просьбу правительства Его Величества осуществить выпуск армянской Синей книги, уверен, что он отклонил бы это предложение. Его прямота и честность были общеизвестны; и именно это, даже в большей степени, чем доступ к американской информации и уважение, которым он пользовался в Соединенных Штатах, делало его, полагаю, особенно подходящим в глазах правительства для этой работы»¹⁶.

Конечно, можно предположить, что эти поздние заявления Тойнби были не более чем попыткой оправдаться задним числом, учитывая, что

¹⁵ *Viscount Bryce. The Armenian Massacres. 1915. P. 14.*

¹⁶ *Тойнби. 2003. С. 421, 424.*

писались они пятьдесят лет спустя. Однако полагаю, что этим признаниям можно верить, если принять во внимание честность британского историка, неоднократно проявленную им в других ситуациях. Доказательством может служить, например, его поведение на Парижской мирной конференции, когда он, понимая несправедливость подготавливаемых договоров и чувствуя свое бессилие повлиять на исход дела, вместе с молодым коллегой Гарольдом Николсоном, написал меморандум, критикующий условия договоров. В нем, в частности, высказывалось сомнение в продуктивности таких условий, которые отделили Европу от Азии, отдадут Греции Константинополь и европейскую сторону проливов и Мраморного моря, оставив Турцию только в Анатолии и на южном и восточном побережьях¹⁷. Меморандум, естественно, не был даже рассмотрен, но после завершения Парижской мирной конференции стоил Тойнби отказа в возобновлении контракта. Аналогичная история случилась с ним несколько лет спустя, когда он, убедившись в зверствах греков против турок, посчитал своим долгом публично выступить с этой информацией в английских газетах. Итогом стала очень болезненная для Тойнби потеря места профессора греческой истории в Лондонском университете и тот скандал, который развернулся вокруг этой истории.

Критические замечания в адрес британского правительства Тойнби неоднократно высказывал и в переписке со своими близкими. «Если система мандатов окажется лицемерной, мы получим исламское расоружименто (возможно анархическое) с британской империей вместо Австро-Венгрии – печальная перспектива»¹⁸, - писал он в письме к матери во время работы экспертом на Парижской мирной конференции. «Я за национализм с одной стороны и за интернационализм с другой... И если существующие государства и их традиции не способны согласовать их, пусть они катятся к дьяволу, Соединенное Королевство и Дуалистическая монархия, и все они»¹⁹. Это шокировало его мать и некоторых коллег в Британском МИДе. Но для Тойнби, чья работа в этой организации была своего рода сублимацией его чувства вины перед погибшими на полях войны сверстниками, это были принципиальные вопросы. Работа в Бюро военной пропаганды ему не нравилась, но делал он ее честно. «Растаскивание американской прессы заворачивает (еженедельно я выдаю резюме для Кабинета), и когда я смотрю на 20 огромных файлов вырезок, я чувствую, что делаю что-то значительное»²⁰.

Брайс был также привержен либеральным взглядам. Нравственные принципы зачастую побуждали его действовать вразрез с официальной линией Лондона. Например, за два года до начала англо-бурской войны

¹⁷ Public Record Office, Peace Conference, Smirna files, 1919, Doc F. 6102, AJT Minute dated 3 April 1919.

¹⁸ BL, TP, letter, Arnold Toynbee to Edith Toynbee, 24 March 1919.

¹⁹ Ibid. Arnold Toynbee to Edith Toynbee, no date.

²⁰ Ibid. Arnold Toynbee to Gilbert Murrey, 31 May 1915.

он посетил Южную Африку и близко познакомился с положением буров. Когда же начались военные действия, он публично осудил практику концлагерей и другие бесчеловечные действия британских оккупантов. Кстати, недавние исследования доказали корректность многих его «пропагандистских» заявлений, подтвердив, что в период между августом и ноябрем 1914 г. немецкая армия безжалостно казнила 6 500 невинных бельгийцев и французов из гражданского населения²¹.

Показательно, что личные бумаги лорда Брайса, касающиеся армянского вопроса, в том числе его переписка с сэром Эдвардом Греем и лордом Робертом Сесилом, не содержат даже намека на инициирование «Синей книги» британским правительством. Скорее, из них можно сделать вывод, что собственное намерение Брайса опубликовать материалы о геноциде армян и политические интересы британского МИДа в какой-то момент просто совпали. Действительно, в письме к лорду Грею, помещенному в предисловии к «Синей книге», лорд Брайс говорит о своем намерении опубликовать этот отчет «в интересах исторической правды, равно как и с точки зрения проблемы, которая может появиться после окончания войны»²². Что касается позиции правительства, то она была амбивалентной: с одной стороны, оно было заинтересовано в публикации информации о турецких зверствах, дабы повлиять на американскую публику и вступление в войну США, а с другой – участие МИДа в этой публикации явно уменьшало значение отчета и накладывало на МИД дополнительную ответственность. Предложение Брайса опубликовать эти документы в виде *парламентской* книги, казалось, намечало решение этой дилеммы²³. Как юрист и историк, лорд Брайс обладал отличной репутацией, а как бывший британский посол с США, пользовался там всеобщей благосклонностью.

Более того, есть основания полагать, что британское правительство до самого конца колебалось относительно данного издания. В письме Роберта Сесила Брайсу (январь 1916 г.) он выражает сомнение в возможности публикации и даже спрашивает Брайса о том, не могут ли его источники оказаться недостоверными²⁴. 11 мая 1916 г., т.е. три месяца спустя после начала работы над Синей книгой, Тойнби написал Брайсу: «Если бы вы послали эти документы с пояснительной запиской сэру Эдварду Грею и сказали, что они были подготовлены под вашим руководством, и им можно доверять, тогда ваше письмо было бы опубликовано МИДом как официальный документ, и эти документы стали бы приложением к нему. Проблема публикации была бы решена. Придание книге официального характера освободило бы МИД от ответственности за

²¹ См.: *Horne John, Kramer Alan*. 2001.

²² Letter to viscount Bryce to viscount Grey of Follodon, 1916. P. xvi.

²³ См. об этом: *Miller David*. 2005. P. 36-43.

²⁴ Bodleian Library, Bryce Mss, 204/172.

точность каждого упомянутого в них пункта»²⁵. И только под давлением лорда Брайса первоначальный скептицизм начал уменьшаться.

Решение впервые было обозначено в письме руководителя бюро военной пропаганды Чарльза Мастермана лорду Брайсу: «Я просмотрел всю книгу по Армении, рассказывающую, на мой взгляд, одну из самых невероятных историй с начала появления цивилизации. Я беспокоюсь, чтобы это было опубликовано как можно скорее, по общим причинам, связанным с воздействием на общественное мнение, особенно в отношении окончательного урегулирования на Ближнем Востоке, и я постоянно убеждал Тойнби прикладывать новые усилия для подготовки книги к печати. Я только что связывался с МИДом, и нет сомнения, что они будут рады опубликовать ее как Синюю книгу. Посылаю вам черновик своего сегодняшнего письма в МИД и надеюсь, что сэр Эдвард Грей сумеет написать ответ, который будет помещен в начале этой работы. Потом мы должны попробовать максимально распространить эту книгу... Ее сильная сторона состоит в свидетельствах американцев и других миссионеров, которые содержат сенсационные доказательства массовых убийств и беспредела, что дополняется свидетельствами самих армян, которые сами по себе, вероятно, не были бы приняты во внимание»²⁶.

Однако беспокойства лорда Брайса об обязательствах МИД не были развеяны до тех пор, пока Эдвард Грей официально не ответил ему на третьей неделе августа²⁷. Этот ответ стал третьим письмом, помещенным во введении к Синей книге. И даже после этого тень сомнения оставалась. 27 августа Брайс написал Тойнби: «До меня дошло письмо Грея. <...> И хотя в нем не говорится, что МИД опубликует (Синюю книгу. – О.В.), полагаю, мы можем предположить, что это означает в отношении обещания, которое было дано Веллингтон Хаусом задолго до того, как мы приступили к этой работе»²⁸.

Не менее показателен, на мой взгляд, процесс работы над книгой. При ее подготовке оба составителя старались сделать отчет максимально правдивым. Упомянутое выше письмо американке армянского происхождения, в котором Тойнби называет эту работу военной пропагандой, очень важно читать целиком: «Это правда, что мотив, по которому британское правительство поручило Брайсу создать “Синюю книгу”, была пропаганда. Но мотивом Брайса, когда он приступал к этому заданию, и моим мотивом, когда я работал с ним над этим, было узнать правду; и доказательства были хорошие (курсив мой. – О.В.)»²⁹.

²⁵ The National Archive (далее – TNA), Toynbee Archive, Foreign Office (далее – FO), 96/205.

²⁶ Bodleian Library, Bryce Mss, 202/132.

²⁷ TNA, Toynbee Archive, FO 96/201.

²⁸ Ibid. FO 96/218.

²⁹ BL, TP, letter, Arnold Toynbee to Ms Etmekjan, 16 March 1966.

Материалы, на которые опирался Тойнби, – это преимущественно донесения послов и консулов США, а также письма американских миссионеров, которые открывали там школы и больницы и тесно общались с армянами и другими христианами. Когда турецкое правительство решило депортировать армян, миссионеры, естественно, стали основными очевидцами. Они были потрясены неофициальными расправами, которые предшествовали и сопровождали депортацию. И до 1917 г., когда США вступили в войну, турецкие власти не смели мешать американским миссионерам предоставлять детальные отчеты о том, что случилось. Помимо американских, в книге приводятся показания немецких, итальянских, датских, шведских, норвежских, греческих и курдских свидетелей. Это отчеты консулов (включая германских) в разных местах. Это многочисленные частные письма и те, что были опубликованы в союзнической или нейтральной прессе, в т.ч. письма очевидцев. Это депонированные материалы, которые были опубликованы в США. Наконец, это множество свидетельств выживших армян³⁰, непосредственно поступавшие Брайсу. Это не удивительно, если вспомнить, что еще в 1876 г. Брайс основал и возглавил Англо-армянское общество, а позже стал одним из основателей британо-армянского Красного Креста. В этом качестве он бывал в этих землях и имел множество контактов с местным населением.

Все источники тщательно изучались, сравнивались, иногда даже в мельчайших деталях. Это было нетрудно сделать – настоящий конвейер отчетов об этом преступлении сделал возможным компаративный анализ всего, что поступало. Брайс во введении к «Синей книге» специально отмечает это обстоятельство. Например, события в Требизонде нашли отражение в интервью итальянского генконсула в этой местности, данное им итальянскому журналисту; в сообщении полицейского из отделения Оттоманского банка в Моргентеау, находившемся под итальянским протекторатом, и в сообщении армянской девочки, которая проживала поблизости от итальянского консульства и впоследствии была ввезена из Турции³¹. Очень часто сообщения приходили от людей, не знакомых друг с другом, проживавших в разных частях страны и говоривших на разных языках – английском, французском, итальянском, немецком и армянском. Некоторые письма лично направлялись Брайсу, другие поступали из вторых рук. Более того, Тойнби периодически обращался за помощью к экспертам, например, к профессору М.А. Марголиусу.

Дорогой профессор Марголиус,

я прикладываю проект введения, которое написал для весьма большой коллекции документов, касающихся обращения с армянами в Турции в 1916 году. Не могли бы Вы уделить время для того, чтобы посмотреть их и отметить наиболее вопиющие ошибки или неверные точки зрения. Мое знание по большей части ненадежно и взято из вторых рук.

³⁰ Memorandum of the Editor. 1916. P. xxxv-xlii.

³¹ Preface by Viscount Bryce. 1916. P xxiii.

Мне неловко обращаться к Вам с этой просьбой, но эти документы планирует-ся опубликовать как правительственную Синюю книгу, поэтому очень важно быть уверенным, что предисловие дотягивает до необходимого уровня исторической корректности³².

Интересно заметить, что это письмо часто используется турецкими критиками для подчеркивания ненадежности поступавших источников, а не в качестве подтверждения добросовестности А. Дж. Тойнби³³.

Самой большой проблемой и поводом для критики была невозможность из-за соображений безопасности сообщить имена информантов, так как многие из них по-прежнему находились на территории Турции или были задействованы в секретных службах. Поскольку многие документы поступали из Американского совета иностранных миссий и Бюро миссионеров пресвитерианской церкви в Америке, 15 июня 1916 г. Тойнби написал секретарю иностранных дел Американского совета иностранных миссий Джеймсу Л. Бартону следующее письмо:

Дорогой доктор Бартон, некоторое время назад я написал письмо доктору Роквеллу с просьбой сообщить мне конфиденциально имена всех лиц и мест, представленных в Журнале событий в Тартусе миссис Кристи. Он сказал мне, что материалы принадлежат вам, и он не имеет права действовать без вашего ведома. Если, я надеюсь, вы уже вернулись из вашего турне по Западу, я обращаюсь к вам с просьбой предоставить мне эти имена и, в случае вашего согласия, сделать это как можно быстрее, т.к. я готовлю к публикации том и хотел бы получить доказательства. Как только материал попадет в верстку, я готов посылать его Вам по частям. Если вы найдете возможным его внимательно просмотреть, заполнить конфиденциально любые возможные пробелы в моем сборнике – имена авторов, за-секреченные имена людей и наименования мест, обозначенные в тексте пробелом, – я был бы вам очень признателен. Невозможность написать в предисловии, что я лично знаю упоминаемых в тексте людей и названия мест, конечно, сильно ослабляет мою позицию при издании этих документов³⁴.

Бартон ответил отказом, сославшись на то, что многие документы уже не у них и не доступны. Он также усомнился в том, что наименования местностей столь уж важны. Что касается заметок миссис Кристи, то имена в них не были указаны³⁵. С аналогичной просьбой Тойнби обращался к армянскому общественно-политическому деятелю Погосу Нубару паше, будущему лидеру армян на Парижской мирной конференции, обещая сохранить эту информацию в секрете³⁶.

Правдивость и честность каждого из задействованных в этой публикации лиц на их совести, но аккуратность и честность Тойнби и Брайса при работе с источниками не вызывают сомнений. Когда книга была готова, лорд Брайс, по свидетельству Тойнби, внес в нее так же много

³² Public Record Office, 96/205, № 426.

³³ См., напр.: Toynbee and His Blue Books...

³⁴ Public Record Office, FO, 96/205, № 392.

³⁵ Public Record Office, FO, 96/205, № 346.

³⁶ Ibid. № 421.

добавлений, как вносил в рукопись, а в верстку столько же, – сколько в чудовищно распухшие гранки³⁷. И если по замыслу создателей «Синей книги» это была пропаганда, то ее исполнение явно было иным.

Стало быть, для комплексного понимания ситуации нужен еще один контекст – контекст ретроспективы. Он становится тем более необходимым, если учесть, что Тойнби суждено было пережить обе мировые войны, участвовать в обеих Парижских мирных конференциях и оставить несколько автобиографических работ, в которых он вновь и вновь обращался к этому событию, а также несколько более поздних научных исследований по турецкому вопросу. Рассмотренные в комплексе, все три контекста дают более сложное видение ситуации.

Начну с того, что в момент написания своих военных памфлетов о событиях в Армении, а также создания «Синей книги» А. Тойнби был еще весьма молодым (25-26 лет) и неискушенным в политике человеком. По его собственным словам, по окончании Оксфордского университета он был настолько несведущ в международной политике, что само слово «политика» ассоциировалось в его сознании исключительно с «внутренней политикой»³⁸. Год странствий по Греции (1911–1912) сопровождался постепенным прозрением, однако и тогда (в августе 1912 года), «поднимаясь на пароходе вверх вдоль Адриатического побережья империи Габсбургов» и видя, что «все прибрежные городки от Котора до Триеста забиты войсками», он не понял, что означала эта массовая мобилизация. «Я не догадывался об очевидном – о том, что, конечно же, Балканская война стоит на пороге, и что австро-венгерскому генеральному штабу об этом прекрасно известно»³⁹. Кроме того, его сознание было пронизано имперскими амбициями и европоцентристскими представлениями. Незначительная неприятность, причиненная ему греческой полицией по подозрению в военном шпионаже в пользу турок, дала ему повод мечтать о том, чтобы «как можно быстрее увидеть Австрию в Салониках, а Германию, марширующую в Анатолии и Багдаде»⁴⁰. Появившаяся в 1915 г. книга «Национальность и война», в которой он попытался разобраться в причинах войны и которую сам называл юношеской и незрелой, в значительной мере была написана под влиянием его предвоенного опыта. Полагаю, что появившийся в этом же году памфлет о событиях в Армении – такого же рода. Об этом свидетельствует и популярный стиль изложения; и язык книги, изобилующий такими словами, как ужасы, резня, пытки, зверства, злоба, варварство, невежество, и т.п.; и ее тенденциозность («глупое и консервативное турецкое население», «банда бессовестных негодяев» противостоит «мирному настроенным и трудолю-

³⁷ Тойнби. 2003. С. 428.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ McNeill W.H. Op. cit. P. 41–42, 43.

бивым» армянам, «неумелым в обращении с оружием», «далеким от злых умыслов», «беззащитным» и «не подозревающим ни о чем»); и отсутствие серьезного анализа причин катастрофы.

Однако по мере его службы сначала в Бюро военной пропаганды, а затем – в Отделе политической разведки британского МИД (с 7 мая 1917 г.) его политический кругозор явно расширялся. В том же 1915 г. появляется небольшая работа «Балканы: История Болгарии, Сербии, Румынии и Турции»⁴¹, в 1917 – «Турция: Прошлое и будущее»⁴². В последней, в частности, впервые поднимается проблема турецкого национализма, рост которого был спровоцирован западными державами⁴³. После краха царской России в сферу его интересов постепенно попадает и центральная Азия. Два года он собирал все, что связано с этой темой, и постепенно начал понимать всю подоплеку развертывавшихся на Ближнем и Среднем Востоке событий и сожалеть об односторонности представленных в военные годы трактовок. С ноября 1918 по март 1919 г. Тойнби в качестве эксперта Парижской мирной конференции жил в Париже и был вовлечен в приготовления, которые готовили США по поводу Ближнего Востока с особым вниманием к армянскому вопросу и проектам по режимам в черноморских проливах. Он контактировал с деятелями различных политических сил и партий – армянскими, греческими, арабскими, еврейскими – всеми, кто претендовал на Османские земли; читал, что происходит в мусульманских землях, писал официальные телеграммы и время от времени давал альтернативные по сравнению с британским правительством оценки ситуации⁴⁴.

Но наиболее существенное влияние на пересмотр его прежних трактовок армянских событий оказал опыт, приобретенный в 1921 г. в Анатолии, когда он стал свидетелем греко-турецких военных и культурных коллизий и лично столкнулся со зверствами, которые описал пятью годами ранее, только теперь с противоположной стороны. К тому времени это был уже другой Тойнби. Приехав на Ближний Восток в качестве военного корреспондента газеты «Манчестер Гардиан», у него за плечами был опыт участия в Парижской мирной конференции, помнил он и о своей неудаче повлиять на несправедливое, с его точки зрения, мирное урегулирование с Турцией и был ущемлен неуважением Ллойда Джорджа к мнению эксперта, когда он выступил против присоединения некоторых частей Анатолии к Греции. В частности, речь шла о Смирне и Константинополе, которые были оккупированы греками по Севрскому мирному договору. Вскоре союзники ушли, и греки фактически остались единственной силой, которая могла требовать и контролировать соблюдение

⁴¹ *Toynbee*. 1915. (A History of Bulgaria...)

⁴² *Toynbee*. 1917.

⁴³ *Ibid*. P. 22-23.

⁴⁴ *McNeill W.H.* Op. cit. P. 80-81.

этого договора. Эта ситуация спровоцировала рост турецкого национализма и развертывание на этих территориях настоящей гражданской войны. Тойнби с интересом наблюдал за происходящим и с удовольствием информировал британскую общественность об ошибках Ллойд-Джорджа.

Однако больше всего ему хотелось увидеть события в Леванте с обеих сторон линии фронта, ибо к тому времени он уже успел оценить «меру пропагандистского преимущества, получаемого той стороной, которая захватывает монополию на изложение происходящих событий»⁴⁵. Реализовать это оказалось довольно сложно, так как турки не хотели сотрудничать с человеком, причастным к созданию «Синей книги», занимавшим пост профессора греческой истории, к тому же корреспондентом английской газеты «гладстоновского толка». Но Тойнби был настойчив, и, в конце концов, ему удалось договориться о поездке на Анатолийское побережье Мраморного моря в составе группы, которая ехала туда под флагом Красного Полумесяца вывозить турецких беженцев из района Яловы, в тот момент находившейся под греческой военной оккупацией. Увиденное потрясло его. В частности, к моменту прибытия делегации 14 из 16 деревень в районе Яловы были уничтожены греками, а из 7 тыс. проживавших там мусульман осталось только 1500. Кругом мародерствовали и зверствовали поощряемые греками бандформирования. По возвращению Тойнби потребовал от британских и греческих представителей защитить турецкие деревни, в т.ч. действуя через свои связи в Форин-оффис. 22 ноября 1921 г. состоялось его выступление с докладом по турецкому вопросу на собрании Четем-хауса⁴⁶. Жена Тойнби Розалинда написала длинное письмо, в котором излагала увиденное и просила мать распространить его среди либералов и тех, кто в Англии может выступить против участия Британии в этих зверствах⁴⁷. «Манчестер Гардиан» все это напечатала, заодно вспомнив и поставив под сомнение гладстоновское обвинение турок в 1870-х и правдивость материалов о зверствах в отношении армян в 1915 г.

Увиденное так сильно сказалось на Тойнби, что по возвращении домой он впал в глубокую депрессию. Потратил несколько лет на то, чтобы показать жестокость мусульман по отношению к христианам, он теперь фиксировал обратное. И хотя все факты относительно событий в Армении были тщательно проверены, он увидел, что нарисовал только часть картины – правдивый, но поверхностный уровень правды, игнорирующий правду более глубокую. Желание исправить ситуацию подвигло его на написание «Западного вопроса в Греции и Турции: контакты между цивилизациями» (1922)⁴⁸. Как и прежде, причину конфликта он объ-

⁴⁵ Тойнби. 2003. С. 507.

⁴⁶ Там же. С. 510.

⁴⁷ BL, TP, letter, Rosalind Toynbee to Mary Murray, 28 May 1921.

⁴⁸ Toynbee. 1922.

яснял контактами между цивилизациями, но на этот раз делал это несколько иначе. Отныне греки мыслились им отдельной цивилизацией, которую он назвал ближневосточной, по сравнению с турецкой – средневосточной. Обе цивилизации, по его мнению, были деморализованы западным влиянием. «Восточный вопрос», который запустила европейская дипломатия в 1770-е годы, на самом деле был западным вопросом – результатом встречи трех цивилизаций с последовавшим за этим разрушением двух более слабых контактеров. С этой точки зрения, истинный диагноз зверств заключался в том, что это была длительная эпидемия, в которой ближне- и средневосточное общества потеряли свою собственную цивилизационную идентичность и не сумели акклиматизироваться к навязчивым влияниям Запада. В числе таких влияний находилось злополучное национальное государство, которое больше подходило для Европы, но вступало в противоречие с восточным политическим и социальным порядком, спецификой которого было смешение людей разных этносов и религий. Соответственно, аморальное насилие, которое он наблюдал в этом регионе, на самом деле являлось ничем иным как признаком коллапса моральных устоев, которые составляли сердцевину этих цивилизаций, и не были, как он писал ранее по армянскому вопросу, неизгладимой характеристикой именно турок. Факт того, что греческие зверства были схожи с турецкими, свидетельствовал о более глубоких причинах. «Резня – лишь крайнее проявление национальной борьбы между соседями, которые не могут существовать друг без друга, борьбы, вызванной этой роковой западной идеей. Недавняя история Македонии и Западной Анатолии – это доведение до абсурда принципа национальности, и эта история уже заставила западную общественность задуматься о границах применения этого принципа в незападных странах»⁴⁹.

Еще более глубокое понимание ситуации Тойнби обнаруживает во второй половине 1960-х гг., когда писались его автобиографические труды, где он пересматривает многие из своих ранних представлений. Например, в книге 1915 года он подчеркивал отсутствие у армян политических планов: армяне не жили в прифронтовой зоне, не были компактным сообществом и не выступали на стороне Антанты, а только «тихо отлынивали» от войны или «предпочитали работать на войну на производстве». Совсем иное изложение ситуации мы находим в книге «Пережитое»: «Со времен русско-турецкой войны 1877–78 гг. армянская диаспора на северо-восточных территориях Оттоманской империи лелеяла определенные политические амбиции <...> ...армяне надеялись, что смогут однажды выкроить часть Оттоманской империи, чтобы создать на этой части свое государство <...> Для Турции армянский вопрос встал после ее вступления в Первую мировую войну, когда русские подавили попытку турецкого вторжения в российское Закавказье, а

⁴⁹ Ibid. P. 362-363.

вслед за этим вторглись в Северо-Восточную Турцию. В этот момент турецкие власти обнаружили, что местное армянское население было склонно помогать русским захватчикам в качестве тех, кого мы называем “пятой колонной”. Тогда они решили депортировать армян из зоны военных действий, и это, само по себе, могло бы сойти за законную меру безопасности. В аналогичных обстоятельствах другие правительства предпринимали аналогичные действия»⁵⁰.

Более взвешенная позиция обнаруживается и в трактовке исполнителей этого преступления. Прежде всего, подчеркивается, что преступники чаще всего были не местные турки, мирно соседствовавшие с проживавшими рядом армянами, а курдские бандформирования. Отмечается, что депортации выполнялись по приказам стамбульского правительства, а исполнялись жандармами и солдатами, которые не имели личных связей с данной местностью. Сообщается также, что многие местные турки делали все возможное, дабы защитить своих армянских друзей, в то время как в книге, написанной в 1915 г., упоминается только о двух случаях отказа со стороны офицеров исполнить приказ. Наконец, следует отметить постепенное преодоление автором «Синей книги» европоцентристских и христианских предубеждений. Если в ранних работах он называет турок не иначе, как «глупое и консервативное турецкое население», посягнувшее на «древнейшую христианскую нацию», то в «Моих встречах» уже обличает эти представления: «Освещая в Великобритании турецкий вопрос, я имел перед собой две громадные трудности, которые надо было преодолеть. Первая заключалась в традиционном христианском предубеждении против мусульман и турок; вторая – в том, что в представлении всех моих соотечественников (за очень малым исключением) турки являлись чудовищами без лица и имени. Подобно “гуннам» и “бурам”, “ужасные” турки имели уничижительный коллективный ярлык, но не имели персональных человеческих имен и лиц»⁵¹.

Подведем итоги. Еще на заре XX в. президент Американской исторической ассоциации К. Беккер заявил о том, что историк не способен представить в целостности никакого события, даже простейшего, он всегда неизбежно выбирает некоторые утверждения о событиях прошлого, причем не только потому, что источники не содержат полной информации о них, но и вследствие обусловленности деятельности историка его целями, взглядами и предрассудками, являющимися продуктами настоящего⁵², и – добавим – факторами, которые историк может не осознавать.

Те три контекста, к которым мы обратились для анализа восприятия армянского геноцида А.Дж. Тойнби, свидетельствуют об отсутствии у этого события самодостаточного структурного смысла – его смысл по-

⁵⁰ Тойнби. 2003. С. 504.

⁵¹ Тойнби. 2003. С. 510.

⁵² См об этом: Гуревич. 1969. С. 72-73.

стоянно разворачивается в контекст (разными своими сторонами). В контексте внешних, «объективных» по отношению к создателям «Синей книги» обстоятельств геноцид предстает искусственно сконструированным событием, раздутым по случайным политическим причинам и с пропагандистскими намерениями, не связанным напрямую с судьбой армян. Однако, если это и была пропаганда, то весьма необычная, потому что в отличие от большинства ее форм составители «Синей книги» проявили изрядную честность и научную строгость при отборе источников и их верификации. В результате «Синяя книга» говорит как бы сама за себя, ее доказательная сила обладает кумулятивным эффектом, а ее значение проявляется при целостном восприятии изложенного в ней материала. И то, что «Синюю книгу» могли использовать в качестве пропаганды, не превращает ее в дезинформацию. Но такое ее восприятие становится возможным благодаря другому контексту – внутренним, *субъективным* намерениям Тойнби и Брайса, искренне потрясенных судьбой армян и видевших свой интеллектуальный и нравственный долг в информировании общественности и помощи пострадавшим, а также предотвращении подобных событий в дальнейшем. «...После того как Синяя книга была опубликована, я не мог изгладить ее содержание из своего сознания. Меня не только преследовали образы страданий жертв и страшных деяний преступников; меня мучил вопрос: как вообще могут человеческие существа совершать то, что творили эти злодеи, вершившие геноцид», – писал в своих воспоминаниях Тойнби. Для него геноцид 1915 года – не просто информация, которой можно искусственно манипулировать, превращая нечто в факт события, а чудовищное преступление против человечности. Однако по мере отстранения от события и появления *ретроспективы* для его рассмотрения в более широком контексте проявилось еще одно важное свойство природы события – его восприятие и концептуализация являются своего рода фокусом, в котором актуализируются разные уровни темпоральности, воплощающие разный человеческий опыт⁵³. В случае с Тойнби это был опыт, полученный им сначала на Парижской мирной конференции, затем – при работе военным корреспондентом газеты «Манчестер Гардиан», далее – благодаря службе в Четем-хаусе, написанию Обзоров международных событий, осмыслению Второй мировой войны и особенно Холокоста. И за каждым из этих контекстов открывалась перспектива столь многообразных интерпретаций, что событие геноцида все время входило в разворачивающийся и беспрестанно расширяющийся контекст. Естественно, что контексты эти существовали не параллельно, а пересекались, благодаря чему обнаружился некий инвариант, который, несмотря на все перемены, всегда присутствовал в сознании Тойнби: он никогда не отказывался рассматривать события 1915 года в Армении как *преступление*

⁵³ Козеллек. 1994. С. 171-184; Ревель. Указ. соч. С. 251.

против армян: «Так или иначе, как только возник замысел, под контролем центрального правительства план экзекуции был приведен в исполнение; и министры младотурок, и их помощники в Константинополе несут непосредственную и личную ответственность, с начала и до конца, за то преступление, которое было совершено на Ближнем Востоке в 1915 г.»⁵⁴, – писал Тойнби в заключение к Синей книге в 1915 г.

«В 1915 году была предпринята акция якобы депортации армян из пограничных с Россией территорий в пустыне Месопотамии, на деле – массовое истребление, продолжавшееся спорадически до 1922 года, более 1,5 млн армян было убито, более 1 млн – бежало. И мое изучение этого вопроса оставило такое впечатление, которое не было изглажено в моем сознании еще более хладнокровным и крупномасштабным геноцидом, который совершался во время второй мировой войны нацистами»⁵⁵, – считал он пятьдесят лет спустя после этого события.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bodleian Library, Bryce Mss, 202/132.
 Bodleian Library, Bryce Mss, 204/172.
 Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, Arnold Toynbee to Edith Toynbee, 24 March 1919.
 Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, Arnold Toynbee to Edith Toynbee, no date.
 Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, Arnold Toynbee to Gilbert Murray, 31 May 1915.
 Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, Arnold Toynbee to Ms Etmerkjan, 16 March 1966.
 Bodleian Library, Toynbee Papers, letter, Rosalind Toynbee to Mary Murray, 28 May 1921.
 Public Record Office, 96/205, № 426.
 Public Record Office, Foreign Office (FO), 96/205, № 346; № 392; № 421.
 Public Record Office, Peace Conference, Smirna files, 1919, Doc F. 6102, AJT Minute dated 3 April 1919.
 The National Archive (TNA), Toynbee Archive, Foreign Office, 96/201; 96/205; 96/218.
 Был ли армянский геноцид? Экспертное мнение. Джеффри Робертсон, королевский адвокат. Личное мнение. 9 октября 2009. – URL: <http://www.ararat-heritage.org.uk/PDF/RobertsonOpinion/RobertsonArmenianGenocideRussian.pdf>
 Гасымов Х., Азимли Д. Истинный облик армянской пропаганды. – URL: <http://great.az/azerbaycan/10155-istinnyj-oblik-armyanskoj-propagandy.html>.
 Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59-88.
 Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище в историографии [1979] // THE-SIS. 1994. Вып. 5. С. 171-184.
 Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
 Тойнби А.Дж. Пережитое // Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис пресс, 2003.
 The Armenian Massacres. Preface by Viscount Bryce // Toynbee A.J. The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. With a speech delivered by lord Bryce in the House of Lords. Hodder and Stoughton: L., N.Y., Toronto, 1915.
 Horne John, Kramer Alan. German Atrocities, 1914: A History of Denial. Yale U.P., 2001.
 Knightley Phillip. The First Casualty. New York, 1975.

⁵⁴ Тойнbee. 1916. P. 653.

⁵⁵ Тойнби. 2003. С. 565, 505.

- Letter to viscount Bryce to viscount Grey of Follodon, Secretary of State for Foreign Affairs, 1 July 1916 // *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. With a Preface by Viscount Bryce.* L., 1916.
- McNeill W.H. *Arnold J. Toynbee: A Life.* New York; Oxford, 1989.
- Memorandum of the Editor // *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon...*
- Miller David. *Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. History of Blue Book* // RUSI. August, 2005. P. 36-43.
- Preface by Viscount Bryce // *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon...*
- The Times. 7.X.1915.
- The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. With a preface by Viscount Bryce. L., 1916.
- Toynbee A.J. *A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey.* L., 1915.
- Toynbee A.J. *Nationality and War.* L., 1915.
- Toynbee A.J. *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilization.* L., 1922.
- Toynbee A.J. *The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation.* L., 1915.
- Toynbee A.J. *Turkey: A Past and a Future.* L., 1917.
- Toynbee and His Blue Books. – URL: <http://tallarmentale.com/toynbee-documents.htm>.
- Toynbee Arnold. *A Summary of Armenian History up to and Including the Year 1915 // The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915–16: Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce.* New York and London: G.P. Putnam's Sons, for His Majesty's Stationary Office, London, 1916, pp. 637-653.

REFERENCES

- Byl li armynskii genotsid? Ekspertnoe mnenie. Dzheffri Robertson, korolevskii advokat. Lichnoe mnenie. 9 October 2009* [Electronic Resource], available at: <http://www.ararat-heritage.org.uk/PDF/RobertsonOpinion/RobertsonArmenianGenocideRussian.pdf> (accessed: 01.07.2016). (in Russian)
- Gasymov Kh., Azimli D., *Istinyi oblik armynskoi propagandy*, available at: <http://great.az/azerbaycan/10155-istinyj-oblik-armynskoj-propagandy.html> (accessed: 01.07.2016). (in Russian)
- Gurevich A.Ya. “Chto takoe istoricheskii fakt”, in: *Istochnikovovedenie: teoreticheskie i metodologicheskie problemy*, Moscow, 1969, pp. 59-88. (in Russian)
- Horne John, Kramer Alan, *German Atrocities, 1914: A History of Denial*, Yale U.P., 2001.
- Knightley Phillip, *The First Casualty*, New York, 1975.
- Koselleck R., Sluchainost kak poslednee pribezhishe v istoriografii [1979], *THESIS*, 1994, Vyp. 5, pp. 171-184. (in Russian)
- “Letter to viscount Bryce to viscount Grey of Follodon, Secretary of State for Foreign Affairs, 1 July 1916”, in: *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce With a preface by Viscount Bryce*, London, 1916.
- McNeill W.H., *Arnold J. Toynbee: A Life*, New York – Oxford, 1989.
- “Memorandum of the Editor”, in: *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce With a preface by Viscount Bryce*, London, 1916, pp. xxxv-xlii Miller David, *Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. History of Blue Book*, RUSI, August, 2005, pp. 36-43.

- “Preface by Viscount Bryce”, in: *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce With a preface by Viscount Bryce*, London, 1916
- Revel J., “Vozvrashchenie k sobytiyu: Puti istoriipisaniya”, in: *Homo Historicus: k 80letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn.*, Kn. 1, Moscow, 2003, pp. 238-254. (in Russian)
- “The Armenian Massacres. Preface by Viscount Bryce” in: Toynbee A.J., *The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation. With a speech delivered by lord Bryce in the House of Lords*, Hodder and Stoughton, London, New York, Toronto, 1915. *The Times*, 7.X.1915.
- The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce With a preface by Viscount Bryce*, London, 1916.
- Toynbee A.J. “Perezhitoe”, in: Toynbee A.J., *Perezhitoe. Moi vstrechi*, Moscow, Airis press, 2003. (in Russian)
- Toynbee A.J., *A History of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey*, London, 1915.
- Toynbee A.J., *Nationality and War*, London, 1915.
- Toynbee A.J., *The Armenian Atrocities: The Murder of a Nation*, London, 1915.
- Toynbee A.J., *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilization*, London, 1922.
- Toynbee A.J., *Turkey: A Past and a Future*, London, 1917.
- Toynbee and His Blue Books* [Electronic Resource], available at: <http://tallarmeniantale.com/toynbee-documents.htm> (accessed: 9.07.2016).
- Toynbee Arnold, “A Summary of Armenian History up to and Including the Year 1915”, in: *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16: Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce*, New York and London, G.P. Putnam's Sons, for His Majesty's Stationary Office, London, 1916, pp. 637-653.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, рук. Центра сравнительной истории и теории цивилизаций ИВИ РАН; vorobushek1@yandex.ru

The Armenian Genocide of 1915 from A.J. Toynbee's Perspective Interpretation Contexts

Famous English historian A.J. Toynbee is much better known for his "Study of history" than the works on the Armenian issue. Meanwhile, it was he who stood at the origins of understanding the Armenian genocide of 1915, becoming not only the author, but the originator of one of the most respectable and influential documents on this event – the "Blue book". However, along with the international recognition, the "Blue book" is constantly challenged by the opponents of the recognition of the genocide, including the references to Toynbee himself, who allegedly subsequently revised his views on this issue. This example allows to reflect on the nature of the event in general, on his emotional pain and conceptualization, which, as practice shows, always embodies different contexts and levels of temporality that implement different human experience.

Keywords: Armenian genocide of 1915, A.J. Toynbee, historical event, the Blue book, the Western question in Greece and Turkey

Olga Vorobieva, PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Comparative History and Theory of Civilizations Center, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; vorobushek1@yandex.ru

З. С. ЧЕРТИНА

ПЕРЛ ХАРБОР СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

Статья посвящена Перл Харбору – одной из наиболее значимых дат в истории Соединённых Штатов. Американская нация пережила состояние травматического шока в результате внезапного нападения на Перл Харбор 7 декабря 1941 года. Это событие определило жизни многих людей, которые жили до и после него. Атака Японии на Перл Харбор является трагическим и основным событием в американской коллективной памяти. Она вызвала и мощную волну агрессии против японских американцев, которые столкнулись с экстремальной политикой, связанной с их интернированием. Автор пытается определить место Перл Харбора в поле «мемориальных исследований». Накануне 75-летней годовщины атаки можно сказать, что Перл Харбор на Гавайях предстает местом исторической памяти, имеющим «иконическую» силу. Существует довольно большая литература о нарративах Перл Харбора, но его история еще требует дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Перл Харбор, Франклин Рузвельт, историческое событие, «дата позора», место памяти, «мемориальные исследования», интернирование, историческая/культурная память, 9/11, компаративные исследования

Во всех национальных историях война и память о ней занимают особое место. Для Соединенных Штатов Америки трагическим стал день 7 декабря 1941 года, когда Япония внезапно без объявления войны напала на гавань Перл Харбор на Гавайях, где располагался американский военно-морской флот. И сегодня, спустя почти 75 лет, 7 декабря 1941 года воспринимается как трагическое и центральное событие в американской коллективной памяти. Японская авиация нанесла два мощных удара по базе военно-морских сил США, в результате чего было уничтожено четыре линейных корабля и четыре получили серьезные повреждения. Среди них был взорван линкор «Аризона», на его борту находилось свыше 1000 человек экипажа и другой крупный корабль «Оклахома», который в результате попадания бомб перевернулся и ушел под воду. Боеспособная часть Тихоокеанского флота Соединенных Штатов оказалась на дне бухты Перл Харбор. Уничтожению подверглись 272 самолета. В течение почти двухчасовой бомбардировки погибло 2403 человека и 1178 получили ранения различной степени тяжести¹.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности:» опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ В их число входили как военные, так и гражданские лица. Prange 1981. P. 539; Weintraub 1991. P. 77, 102. В сравнении, японцы потеряли 55 человек и 29 самолетов. Gailey 1995. P. 96.

Одновременно вооруженные силы Японии атаковали острова Гуам, Мидуэй и Уэйк и военно-морскую базу Кавите на острове Лусон. Соединенные Штаты Америки понесли большие потери. Они оказались на грани психологической катастрофы, их территория никогда не подвергалась опасности, война не касалась их берегов. «Естественно, – писал известный историк Дж. Герстли, – что американцы находились в состоянии шока, страха, неверия, возмущения и оскорбления»². Перл Харбор стал тяжелейшим ударом по США как военной державе и ее престижу в мире. Лозунг «Помни Перл Харбор» распространился по всей стране.

Подобных действий со стороны Японии Вашингтон никак не предвидел, полагая, что японцы не допустят вооруженного конфликта с США, а направят свои военные силы на британские, французские и голландские колониальные владения в Юго-Восточной Азии и при первом удобном случае нанесут удар СССР. Уместно в этой связи привести слова американского историка Аллана Невинса о том, что «японские агрессоры получили от Америки своего рода поддержку. Она исходила, во-первых, от людей, громко заявлявших – что бы Япония ни делала в Азии, это нас не касается. Нас не должно интересовать то, что происходит вне наших границ; и во-вторых, от людей, утверждавших, что Соединенным Штатам не следует бояться угрозы со стороны какого-либо государства; что война с Японией “невозможна”, что она никогда не нападет на нас, а мы никогда не нападём на Японию»³.

8 декабря в 12 час. 30 мин. президент Франклин Делано Рузвельт выступил на заседании Конгресса, сообщив о трагедии, постигшей страну, о потерях и назвал день нападения на Перл Харбор «датой, которая будет жить как день позора». Эта фраза сразу же стала нестираемой частью американской истории, а «позор» – «американским кодом для Перл Харбора и кодом японского вероломства и хитрости»⁴. Члены Конгресса единодушно поддержали требование президента объявить Японии войну. Перл Харбор стал поворотным пунктом в американской истории. Он заставил США отказаться от внешнеполитического изоляционизма. Объявив войну Германии и Италии, они вступили во Вторую мировую войну. Давая оценку японской военной операции, авторитетный американский историк Г. Прендж, посвятивший всю жизнь ее исследованию, писал в своем фундаментальном труде с симптоматичным названием «На рассвете мы спали: нерассказанная история о Перл Харборе»: «Перл Харбор был одной из наиболее блестящих морских операций всех времен... это был поворотный пункт в истории... жизнь людей, живших в то время, поделилась на периоды – до Перл Харбора и после»⁵.

² Gerstle 2001. P. 3.

³ Nevins 1995.

⁴ Dower 2010. P. 4.

⁵ Prange 1981. Preface.

До случившейся трагедии 14 августа 1941 г. Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем была принята Атлантическая хартия об установлении союзнических отношений между Англией и США. Ф. Рузвельт пытался оттянуть неизбежную войну с Японией путем урегулирования разногласий. Он действовал осторожно из-за противодействия изоляционистов. Американская нация не была единой. Группа изоляционистов обвиняла Рузвельта в «очевидном» желании вовлечь США в европейские проблемы, ссылаясь на программу ленд-лиза, по которой Америка оказывала военную помощь Англии. Некоторые считали, что американскому народу следует больше беспокоиться по поводу японской агрессии и союза Японии с Германией, чем относительно самой Германии. В начале 1941 г. США, стараясь оттянуть прямое столкновение с Японией, приняли совместно с Великобританией план ABC-1, предусматривавший сосредоточение американских усилий против Германии⁶. «Умиротворение» агрессора не увенчалось успехом. В американском обществе все заметнее стала происходить эволюция настроений различных его слоев от поддержания политики изоляционизма в сторону вхождения США в антифашистскую коалицию и оказания поддержки воюющим странам. Складывалась почти парадоксальная ситуация. Президент, истративший много энергии, чтобы убедить соотечественников в пагубности нейтралитета, оказался в конце процессии, не рискуя сделать решающий шаг...⁷ И нужен был Перл Харбор, чтобы осуществить этот шаг?

Атака на Перл Харбор 7 декабря 1941 г. явилась кульминацией почти полувекового соперничества между Японией и Соединенными Штатами за господство на Тихом океане. До вступления во Вторую мировую войну в июле 1941 г. Америка заморозила японские активы и 6 августа 1941 г. установила эмбарго на экспорт нефти в Японию, что воспринималось как недружественный акт. Эти действия со стороны США явились ответом на оккупацию японцами французского Индокитая. Зашли в тупик и американо-японские переговоры по возобновлению торговых отношений. Под их прикрытием велась форсированная подготовка обеих стран к войне. США хотели вступить в нее как можно позже, когда наступит более благоприятный момент, стремясь выиграть время для создания более сильной армии, флота и авиации. Но Япония решила сменить стратегию дипломатии на стратегию войны и опередить Америку. Все высшее руководство считало: «если мы должны воевать с Америкой, то ее флот в Гавайских водах должен быть уничтожен»⁸.

Феномен Перл Харбора объединил американское общество, все проявляли готовность и решительность к участию в войне. Сразу же

⁶ История США. Т. 3 1985. С. 309.

⁷ Мальков 2004. С. 371.

⁸ Smith 1981.

после нападения многие газеты пестрели заголовками, написанными крупными буквами «Помнить Перл Харбор!» В передачах последних известий на радио и по всем каналам телевидения звучали призывы к войне и мести. По словам профессора Гэддиса Смита, «реакция американцев сочетала в себе смесь патриотизма, мстительного негодования и расизма»⁹. Общество задавалось вопросом: почему нападение на Перл Харбор оказалось внезапным, кто виноват и понесет ответственность в Соединенных Штатах? Редактор одного из журналов Генри Льюс писал 22 декабря 1941 г.: «Очень важно, чтобы американский народ извлек уроки из этой трагедии. Погибшие солдаты и моряки были не только жертвами японского вероломства, но и жертвами слабой и нерешительной Америки, потерявшей свой путь и лидерство в мире. Нужно вынести уроки, однако не только то, что японцы представляют угрозу нашей национальной безопасности»¹⁰. Один урок был совершенно очевиден – США активизировали работу по созданию атомной бомбы.

Спустя десять дней после исторического события президент Ф. Рузвельт назначил Комиссию из пяти человек – двух армейских, двух представителей морского флота и председателя Оуэна Робертса члена Верховного суда, именем которого была названа Комиссия (The Roberts Commission). Перед ней ставилась задача – «выявить и доложить о всех фактах, относящихся к атаке на Перл Харбор, а также установить виновных в случившейся катастрофе». Выводы Комиссии обнадежили американцев, так как не были представлены «ни важные документы, ни сделаны какие-либо разоблачения». Виновными в нарушении воинского долга, в неисполнении своих обязанностей признали главнокомандующего Тихоокеанским флотом адмирала Хазбенда Киммеля и главнокомандующего Гавайским департаментом Тихоокеанского флота генерал-майора Уолтера Шорта; они вскоре были сняты с постов¹¹. Именно это следствие при поддержке средств массовой информации оказало определяющее влияние на последующие разбирательства. Американский историк Джон Толанд, написавший несколько книг о Перл Харборе, не согласен с представленными обвинениями в адрес Киммеля и Шорта, считая, что главная вина ложится не на них, а на Вашингтон, задается вопросом: А нужна ли была вообще война с Японией?¹²

После окончания Второй мировой войны и после того, как США сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки в знак возмездия за Перл Харбор, общественность предполагала, что наступило время, когда правда о трагедии будет обнародована, при этом ожидания возлагались на образованный 15 ноября 1946 г. Объединенный Комитет Кон-

⁹ Lord 2007.

¹⁰ Luce 1941. P. 10, 11.

¹¹ Report of the Commission...

¹² Toland 1982

гресса по расследованию атаки на Перл Харбор («The Joint Congressional Committee Investigating Pearl Harbor Attack»). Результатом работы стало 39-томное расследование, по сути пересказывающее выводы Комиссии Робертса, оправдывающее президента Рузвельта, государственного секретаря К. Хэлла и возлагающее главную вину на Х. Киммеля и У. Шорта, а также военно-морское руководство в Вашингтоне¹³. Не вызывало сомнения, что данное расследование должно быть последним официальным словом о Перл Харборе. По словам автора статьи «Помнить Перл Харбор» В. Дохерти, «средства массовой информации писали об общей вине – флота, армии, Конгресса, администрации и в конце концов “всех нас”. После 1945 года вопрос памяти в массмедиа стал постепенно исчезать из-за отсутствия новых материалов»¹⁴.

Перл Харбор вызывал и вызывает горячие споры в американском академическом сообществе. Его история и сейчас остается нерассказанной, хотя написано множество работ, некоторые с претензией на последнее слово об истории этого трагического события. В историографии по вопросу оценки и причин японской атаки сформировалось «ревизионистское» направление, утверждающее, что Рузвельт намеренно втягивал страну в войну, зная о нападении Японии заранее, и хотел, чтобы оно произошло¹⁵. В книге «День обмана», получившей большую известность в США, ее автор, ветеран Второй мировой войны, служивший в военном флоте вместе с Дж. Бушем-старшим, Роберт Стиннет заявил: «Рузвельт был хорошо осведомлен об атаке и после случившегося тайно спрятал все улики»¹⁶. Подобные обвинения в адрес президента подвергаются критике историками-профессионалами, приводящими в качестве примера его боязнь вести войну на двух фронтах – Атлантическом и Тихоокеанском, против Германии и Японии. Другое дело, что несмотря на донесения разведки о готовящейся операции, они не принимались к сведению, игнорировались и воспринимались как «отвлекающий маневр противника или дешевая провокация»¹⁷. Ошибки высшего руководства дорого обошлись американскому народу. Этот травматический опыт будет долго оставаться в коллективной памяти.

Посвящая свой труд Перл Харбору в американской памяти, исследовательница Эмили Розенберг констатирует, что в поп-культуре Перл Харбор в какой-то степени стал своего рода «иконой»¹⁸. Одним из важных каналов памяти является создание монументов, посвященных этому событию. Так, «Pearl Harbor Memorial» известен как мемориал лин-

¹³ Report of the Joint Committee...

¹⁴ Doherty //http... p. 15.

¹⁵ Zimmerman 2002. P. 127–146.

¹⁶ Stinnet 1999.

¹⁷ Мальков 2011. С. 378.

¹⁸ Rosenberg 2003. P. 173.

кора «Аризона», установленный в 1962 г. на месте его гибели и гибели 1178 человек, находившимся на нем во время нападения Японии. Тысячи американцев и иностранных туристов ежегодно посещают этот национальный исторический памятник. Другой памятник, символизирующий День памяти Перл Харбора – мемориал линкора «Миссури», а также музей Тихоокеанской авиации, расположенные в бухте Перл Харбор. В 1990 г. накануне 50-летней годовщины атаки Конгресс США учредил памятную медаль. Каналом трансляции исторической памяти выступают также средства массовой информации, рассказы очевидцев и «институты памяти» – архивы, библиотеки, выставки, музеи и другие объекты культурного наследия¹⁹.

Большую роль сыграли музыка и кино. Многие популярные музыканты быстро откликнулись на написание патриотических и военных песен со словами «Помни Перл Харбор». Некоторые песенные композиции призывали к мщению за Перл Харбор, часто демонизируя японцев, но чем дальше в прошлое уходил Перл Харбор, тем менее агрессивной становилась музыка²⁰. Зрелищно Перл Харбор и кадры военных действий Второй мировой войны (больше в Тихом океане, чем в Европе) представлял Голливуд. Огромную популярность получил фильм снятый режиссером Франком Капра в сугубо пропагандистских целях – «Почему мы воюем». Оригинально поставленный, он объяснял из-за чего Америка принимает участие в войне, и кто такие японцы, что они из себя представляют, ибо рядовой американский служащий порой не мог разобраться в происходившем. Рузвельт, посмотрев фильм в Белом доме, остался им очень доволен, сказав: «Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок должны посмотреть этот фильм»²¹. Важный и широко используемый канал трансляции памяти представляет Интернет, «Перл Харбор» – один из наиболее посещаемых сайтов.

Усилия, предпринятые в США для сохранения памяти о японской атаке на Перл Харбор как решающем событии XX века поразительны. Перл Харбор стал частью американской культуры, источником различных мифов. Сегодня американцы по разному воспринимают Перл Харбор. Для одних – это постоянная бдительность, чтобы предотвратить новую катастрофу, для других – призыв к вооружению, объединению и сплочению нации, для третьих – это то, что нельзя никогда забывать. В 1991 г. по случаю 50-летней годовщины атаки на Перл Харбор в Техасе проводился опрос, насколько важным является факт памяти этого события. 59% респондентов ответили «очень важно», около 30% – «важно» и только 10% – «не очень важно» или «совсем неважно» вспо-

¹⁹ Репина 2016. С. 12–13.

²⁰ Nielson 2008. P. 41.

²¹ Ibid. P. 43.

минать то, что произошло 7 декабря 1941 г., т.е. 9 человек из 10 считают важным помнить это трагическое событие²². Американцы осознают – помнить этот день важно, как для них, так и для будущего нации.

Нападение Японии на Перл Харбор стало причиной трагедии и этнических японцев, проживавших на территории США. В условиях войны для Ф. Рузвельта японские американцы представляли прежде всего японцев – врагов, а не истинных американцев, и чтобы обезопасить страну он считал необходимым поместить их в особые изолированные зоны. Концентрационные лагеря для японцев были и возмездием за Перл Харбор. 19 февраля 1942 г. президент подписал Чрезвычайный Указ № 9066, по нему все граждане японской национальности должны быть выселены из штатов, где они проживали – Калифорнии, Орегона, Вашингтона и др. Для них военные власти подготовили десять специальных лагерей в отдаленных регионах между горами Сьерра Невада и рекой Миссисипи. Указ президента единогласно поддержали Конгресс, и Верховный Суд признал его конституционным. Американский Союз гражданских свобод (ACLU) и его лидер Р. Болдвин объявили о своем полном согласии с политикой Ф. Рузвельта²³. Многие позже назовут 19 февраля «днем позора, нарушением гражданских прав и свобод в Соединенных Штатах»²⁴. 19 марта 1942 г., спустя месяц после подписания Чрезвычайного Указа, вступил в силу Закон № 503 (Public Law), квалифицировавший неисполнение президентского указа как преступление²⁵. Не все в обществе поддерживали принудительную эвакуацию японского меньшинства в специализированные лагеря. Существовала и оппозиция, представленная социалистическим движением во главе с Томасом Норманном, некоторыми религиозными группами, в частности, квакерами, частью белых либералов, рядом африканских и еврейских организаций, отдельными лицами. Открыто протест выражали и представители японской общины. Так, Сабуро Кидо, выступая на митинге в Сан-Франциско 8 марта 1942 г., сказал: «Я уверен, что настанет день, когда тем, кто ответственен за грубое нарушение наших прав, будет стыдно за свое поведение. Мы надеемся, мыслящие люди оценят принципы, которые мы, американские граждане, отстаивали в этом критическом испытании»²⁶.

В соответствии с указом президента более 120 тыс. этнических японцев (79% из них являлись американскими гражданами и никогда не были в Японии), включая стариков, женщин и детей, подлежали эвакуации в лагерь. Они обязаны были в течение двух дней собрать то, что можно унести с собой. Японцы продавали дома, бизнес, имущество или

²² Watanabe 1994. P. 269.

²³ Bangarth 2008. P. 6.

²⁴ Daniels/teacher. Scholastic...

²⁵ McClain 1994. P. IX.

²⁶ Wendy 2002. P. 156.

вообще бросали все на произвол судьбы²⁷. Нажитое уместилось в нескольких чемоданах. Вместе с потерей имущества японцы потеряли личную свободу, доверие. Их надежды рухнули, они чувствовали себя униженными, оскорбленными, морально подавленными. Впереди ждала жизнь в наспех сколоченных бараках за колочей проволокой и вооруженной охраной, плохим питанием и скудным медицинским обслуживанием в условиях сурового климата и жестокости, существовавшей в лагерях²⁸ «Нам предстояло выживание в течение четырех лет», – констатировала американская исследовательница японского происхождения, представительница нисей, автор книги «Пустынное изгнание» Ёшика Учиды, которую насильственно выгнали из родного дома в Беркли и отправили сначала в лагерь Тамфорнал, а затем в Тораз, в штате Юта²⁹. Японцы пытались выжить не только физически, но и сохранить свою этническую идентичность, традиционные ценности, семью, солидарность, оказывая «культурное сопротивление» усилиям лагерных администраций их американизировать, – писал известный специалист Гэри Окихиро в статье «Религия и сопротивление в американских концентрационных лагерях»³⁰.

А в это время официальная и неофициальная пропаганда убеждала общественность, что интернирование было единственным правильным действием со стороны властей для обеспечения как безопасности государства, так и безопасности японо-американской комьюнити³¹. Хотя ФБР и Управление военно-морской разведки докладывали правительству об отсутствии военной необходимости и необходимости защитить японских американцев³². Авторитетный американский специалист, много сделавший в исследовании «азиатского вопроса» в США, Р. Даниэлс на основе архивных документов пришел к выводу, что главной причиной интернирования японских американцев был расизм, существовавший как среди военного руководства, так и гражданского населения³³.

Через два месяца после атаки Перл Харбора отсутствовали какие-либо сведения о саботажах или шпионаже со стороны этнических японцев, что специальный представитель военного министерства, майор Карл Бенденсен объяснил по-своему: «Сам факт отсутствия саботажа – тревожный и показательный знак, что это произойдет»³⁴. Данное заявление поддержал министр юстиции штата Калифорния Эрл Уоррен³⁵.

²⁷ Inado 2000. P. 8–9.

²⁸ Ibid. P. 87–97.

²⁹ Uchida 1982. P. 41, 69–80.

³⁰ Okihiro 1984. P. 200, 233.

³¹ Dower J. 1986. P. 26–28.

³² Maki, Kitano, Berthold 1999. P. 2.

³³ Daniels 1971.

³⁴ Maki, Kitano, Berthold. Ibid.

³⁵ Ibid.

Несмотря на трагизм положения, этнические японцы, пытаясь доказать свою лояльность Соединенным Штатам, вступали в Лигу японо-американских граждан и оказывали поддержку фронту, принимали участие в пошиве военной формы и парашютов. Но самый большой вклад был внесен еще до интернирования, когда добровольцы из числа нисей служили в Вооруженных силах США. Всего за годы Второй мировой войны 33 тыс. нисей принимали участие в боевых сражениях на севере Африки, Франции и Италии, несмотря на то, что у некоторых семьи содержались в лагерях³⁶. Многие были удостоены высоких государственных наград. К примеру, только один 100-й батальон получил 900 медалей, а состав 442 строевого полка был полностью укомплектован из нисей, находившихся в лагерях³⁷. Солдаты этого воинского подразделения получили правительственные награды и благодарность от президента Гарри Трумэна на церемонии в Белом доме в 1946 г.³⁸ Как писал авторитетный американский историк японского происхождения Р. Такаки, «большое число американцев в годы Второй мировой войны сражались на двух фронтах: фашистские силы – один враг, а другой – расизм дома»; «вооруженная борьба за демократию за границей сопровождалась игнорированием декларации нации, что все люди равны»³⁹.

Двадцать первого ноября 1944 г., через две недели после избрания Франклина Рузвельта на четвертый президентский срок состоялась пресс-конференция, где он публично защитил лояльность японских американцев. Вступившая в силу в январе 1945 г. общественная прокламация № 21 от декабря 1944 г. освобождала этнических японцев из лагерей, но они не знали, куда идти, многие боялись выходить на свободу, опасаясь насилия со стороны белых, захвативших в годы войны их участки, дома, и не желающих возвращать чужое имущество. Последний лагерь был закрыт только в 1946 г. Часть американских японцев осталась в США и начала жизнь заново, некоторые не могли простить происшедшее с ними и уехали в Японию⁴⁰.

Возвращение к прежней жизни в США после освобождения японцев из лагерей было весьма трудным. Простые американцы справедливо задавались вопросом «Может ли кто-нибудь представить те эмоции и чувства, с которыми японцы возвращались в места, где проживали раньше и видеть, как кто-то другой работает на их ферме, занимается их бизнесом, владеет всем, что потеряли их семьи. И все это произошло только из-за того, что они были японцами»⁴¹.

³⁶ Report of the Commission on Wartime Relocation...

³⁷ Ibid. P. 256-257.

³⁸ Takaki 1995. Chapter One.

³⁹ См. Takaki 1993.

⁴⁰ World War Two 214.

⁴¹ Daniels chnm. gmu./courses/...

После Второй мировой войны историческое сообщество, занятое описанием триумфа и героических побед Соединенных Штатов, «забыло» о перемещенных этнических японцах в лагерь. Одним из первых кто затронул эту проблему, был ассистент профессора Йельской Школы права Е. Ростоу, опубликовавший статью, где он назвал «обращение с гражданами японского происхождения в годы войны опрометчивым, ненужным, ошибочным»⁴².

В 1967 г., спустя 25 лет со дня опубликования Чрезвычайного Указа № 9066, Р. Даниэлс и его знаменитый коллега из Калифорнийского университета Г. Китано решили провести первую академическую конференцию, посвященную депортации американских японцев. Называлась она «Почему это случилось здесь?» Спонсировать мероприятие не соглашалась ни одна японо-американская организация. Более того, на организаторов мероприятия оказывалось давление как со стороны японской общины, так и членов их семей, боявшихся за свою жизнь и жизнь детей. Как сообщали инициаторы мероприятия, у них была только одна цель – привлечь внимание ученых и широкую общественность к событию 1942 года, которое уже мало кого интересовало. Поэтому не удивительно, что в середине 1970-х гг. во время чтения лекций в одном из колледжей США, когда Р. Даниэлс затронул тему интернирования японских американцев, студенты были весьма удивлены данным фактом, спросив профессора, если это действительно происходило, то почему они не знают о случившемся и никогда не слышали⁴³.

В 1976 г. в день 34-й годовщины Чрезвычайного Указа президент США Джеральд Форд, ветеран Второй мировой войны, издал специальную прокламацию, со следующим заявлением: «Сейчас мы знаем и следовало бы знать тогда, что эвакуация являлась несправедливой, японские американцы были и остаются лояльными американцами»⁴⁴. В конце 1980 г. созданная по приказу Дж. Картера специальная Комиссия по переселению и интернированию граждан в военное время в результате своей работы пришла к заключению: «интернирование было серьезной ошибкой, а Чрезвычайный Указ № 9066 явился результатом существовавших расовых предрассудков, военной истерии и ошибок политического руководства»⁴⁵. В августе 1988 года президент Рональд Рейган принес извинения интернированным этническим японцам и в виде компенсации оставшимся в живых выделялось по 20 тыс. долл.⁴⁶

Конечно, никакие почетные награды, высокопарные дипломатические речи и послания, а также деньги, выплаченные за материальный

⁴² Rostow 1945. P. 489.

⁴³ Daniels 1971. P. 164.

⁴⁴ Proclamation 4417...

⁴⁵ Relocation and Incarceration...

⁴⁶ Ibidem.

ущерб, не могут восполнить те огромные моральные страдания, которые понесли невинные люди. «...Опыт, сохраненный в нашей исторической памяти, гораздо важнее этих извинений или репараций» – писала Джулиа Джардинс в статье «От гражданина до врага: трагедия японского интернирования»⁴⁷. Людям, которым пришлось пройти через трагический опыт, трудно его забыть, память о пережитом долго остается с ними. Это констатировала бывшая интернированная лагеря «Манзаран» в Калифорнии: «Тогда я думала о том, как мне предстоит жить в англо-американском обществе, моя память о Манзаране в течение многих лет живет со мной, иногда кажется, что это был сон»⁴⁸.

Во время и после войны некоторые японо-американские лидеры и поствоенные либералы структурировали «соглашательский нарратив», сфокусированный на процесс ассимиляции японской общины в плюралистическую Америку. Они призывали японских американцев вернуться к обычной жизни, принять доминирующие ценности, что означало забыть прошлый расизм и интернирование во имя будущего. Это вызвало негодование и возмущение со стороны простых американцев японского происхождения. Большой общественный резонанс получило и строительство монумента в Вашингтоне в ноябре 2002 г., посвященному японо-американскому патриотизму, проявленному в годы Второй мировой войны, в частности, 33 тыс. американских японцев, сражавшимся на полях битв, и тем, кто пострадал от интернирования. Среди этнических японцев возникли споры: в честь чего и кого на самом деле монумент воздвигнут? Возникло протестное движение вокруг одной из цитат, выгравированной на нем. Она такова: «Я горжусь, что я американец японского происхождения; я верю в институты этой нации, ее идеалы и традиции. Я горжусь ее наследием; я горжусь ее историей. Я верю в ее будущее. – Майк М. Масаока, защитник прав человека, сержант 442 строевого полка». Вопрос: кем является Масаока – лидером или предателем, ставился в заголовках многих японо-американских газет, он расколол японское комьюнити. Протестная петиция по устранению данной цитаты собрала сотни подписей⁴⁹. Историческая память превратилась не только в форму «репрезентации прошлого, но и движущую силу самоидентификации»⁵⁰. После войны несмотря на установление стратегического союза между Соединенными Штатами и Японией, историческая память о пережитом превратилась в одну из ценностных характеристик японской этнической общины в США.

В мае 2011 г. заместитель министра юстиции США Нил Кумар Катъял (на этом посту он пробыл с мая 2010 по июнь 2011 года) выступил с

⁴⁷ Jardins 2016

⁴⁸ Цит. по: Rosenberg 2003. P. 147.

⁴⁹ Ibid. P. 152–153.

⁵⁰ Султанов 2016. С. 54.

заявлением, что один из его предшественников, назначенный президентом Рузвельтом, Чарльз Фехи, намеренно скрыл от Верховного Суда доклад военного ведомства об отсутствии угрозы со стороны японских американцев, ибо они не осуществляли шпионаж и не подавали сигналы вражеским субмаринам. Нил Катъял посчитал необходимым информировать общественность о совершенных ошибках⁵¹.

Казалось бы, историческая правда уже установлена, но тем не менее проблема интернирования продолжает вызывать острые дискуссии в США и сегодня. Ей посвящены публикации в различных периодических изданиях, авторы некоторых из них оправдывают президента Рузвельта и все руководство страны и советуют использовать американский опыт 1940-х гг. – во имя сохранения национальной безопасности при любых условиях применять самые жесткие и решительные меры, включая игнорирование прав человека. Уместно в данной связи привести высказывание бывшего интернированного Ф. Коремацу: «Тяжело смотреть, как вновь начинаются серьезные дебаты относительно того, были ли действия правительства по насильственной эвакуации японских американцев в годы войны оправданными. Я надеялся, что мое дело и дела других интернированных будут напоминанием об опасности использования расовых и этнических различий... Если кто-то является шпионом или террористом, его следует преследовать за его действия. Но никто не должен быть наказан как шпион или террорист только за то, что принадлежит к определенной расе, этничности и религии. Если данный принцип не был усвоен из интернирования японских американцев, то это опасные времена для нашей демократии»⁵².

Словам человека, пережившего «американскую трагедию» трудно возразить, ибо игнорирование исторического опыта вновь ведет к трагедии, что и произошло в Соединенных Штатах. Уроки исторического события 7 декабря 1941 года не всеми были усвоены, хотя после 1941 г. о Перл Харборе был создан большой нарратив, а к лету 2001 г., когда шла подготовка к 60-летней годовщине атаки на Перл Харбор, бум исторической памяти возрос как никогда ранее⁵³. Американцы вновь почувствовали себя уязвимыми, когда 11 сентября 2001 г. в США произошел самый крупный в истории человечества террористический акт, унесший около 3 тыс. человеческих жизней. Президент Дж. Буш-старший назвал 11 сентября новым Перл Харбором, Перл Харбором XXI столетия, и это вызвало отрицательную реакцию со стороны японских средств массовой информации и ученых, подчеркнувших – Перл Харбор является стратегической атакой на военную цель, выполненной хорошо обученными военными, что нельзя путать с убийствами, совершенными группой тер-

⁵¹ Savage 2011; Saltinski 2012. P. 83.

⁵² Korematsu 2004.

⁵³ Rosenberg 2007. P. 16.

рористов⁵⁴. По всей стране звучали слова: «Помнить Перл Харбор!», «Помнить 9/11!», «Два дня позора!», а газета «Вашингтон Пост» спустя несколько дней после случившейся трагедии на первой полосе привела точную фразу Франклина Рузвельта: «Дата, которая будет жить как день позора»⁵⁵. Эхо возмездия продолжает жить и сейчас. Уже накоплен достаточный нарратив, посвященный 11 сентября, определенную долю в нем занимают компаративные исследования, активно ведутся дискуссии относительно сходства и различий между двумя событиями. Перл Харбор стал 9/11, и 9/11 стал Перл Харбором, неверно отражая друг друга в «треснувшем зеркале плохого обращения с историей»⁵⁶. Эта тема выходит за рамки настоящей статьи и требует специального рассмотрения, но нельзя не согласиться с тем, что Перл Харбор стал «датой, которая будет жить интертекстуально с интерпретацией 11 сентября»⁵⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буранок С.О. Перл-Харбор в оценке военно-политических деятелей США 1941–1945 гг. Самара: АсГард, 2009.
- История США: в 4 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1983–1987.
- Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004. 604 с.
- Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М.: Яуза, Эксмо, 2011. 560 с.
- Мировые войны XX века: в 4 т. М.: Наука, 2002. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5 С. 33–45.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
- Султанов К.К. «Человек вспоминающий» в литературе. Историческая память как результат национальной идентичности // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 54–82.
- Яковлев Н.Н. Перл-Харбор, 7 декабря 1941 года. Быль и небыль. М.: Политиздат, 1983.
- Bangarth S. Voices Raised in Protest. Defending North American Citizens of Japanese Ancestry, 1942–1949. Canada, 2008.
- Beach E. Scapegoats: A Defence of Kimmel and Short at Pearl Harbor. Annapolis: Naval Institute Press, 1995.
- Doherty V. Remembering Pearl Harbor? An Analysis of Media Portrayal of the Pearl Harbor Attack from 1941–1946 // [http:// repository.uwoy...](http://repository.uwoy...)
- Daniels R. Prisoners without Trial. Commentary: chnm.gmu.edu/courses/schrad.wiki/index.php.
- Daniels R. Concentrations Camps. USA: The Japanese Americans and World War II. N.Y., 1971.
- Daniels R. //teacher.Scholastic.com/activities/wwit/aht/mineta...
- Dower J. Cultures of War: Pearl Harbor/Hiroshima/9-11/, Iraq. The New Press, 2010. 596 p.
- Dower J. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. N.Y., 1999. 676 p.
- Dower J. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N.Y., 1986.
- Gaily H. War in the Pacific: From Pearl Harbor to Tokyo Bay. Novato: Presido Press, 1995.

⁵⁴ Цит. по: Yaguchi 2016.

⁵⁵ Dower 2010. P. 4.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Rosenberg 2003. P. 188.

- Greaves P. Pearl Harbor: The Seeds and Fruits of Infamy. N.Y., 2010.
- Gerstle G. American Crucible: Race and Nation in the Twentieth Century. Princeton; Princeton Univ. Press, 2001.
- Gardins J. From Citizen to Enemy: the Tragedy of Japanese Internment // History Now, 2016. The Gilder Lehrman Institute of American History.
- Hinson W. (Ed.) Pearl Harbor in History and Memory: The American Experience in World War II. N.Y., 2002.
- Inado L. Only What We Could Carry: The Japanese American Internment Experience. Berkeley (Cal.), 2000.
- Korematsu F. Do We Really Need to Relearn the Lessons of Japanese American Internments // San Francisco Chronicle. 2004. Sept. 16.
- King M. The Real Roosevelts: An Omitted History: What PBS & Ken Burns Didn't Tell You. N.Y., 2015.
- Kitts K. Presidential Commissions and National Security: The Politics of Damage Control. Boulder: Lynne Reinner Publishers, 2005. 194 p. Ch. II. The Politics of Infamy: The Roberts Commission and Pearl Harbor.
- Luce H. Editorial. Pearl Harbor Attack Issue // Life Magazine. 1941. Dec. 22.
- Lord J. Day of Infamy, 60th Anniversary: The Classic Account of the Bombing of Pearl Harbor. N.Y., 2007.
- McClain Ch. Asian Americans and the Law. Historical and Contemporary Perspectives. Univ. of Calif. Berkely, 1994.
- Maki A., Kitano H., Berthhold M. Achieving the Japanese Dream. How Japanese Americans Obtained Redress. Univ. of Illinois, 1999.
- Nevins A. A Challenge to Historic Truth // The New York Magazine. 1945. Dec. 16.
- Okihiro G. Religion and Resistance in America's Concentration Camps // Phylon. 1984. Vol. 45. N. 3.
- Prange G. At Dawn We Slept: The Untold Story of Pearl Harbor. N.Y., 1981.
- Proclamation 4417.41. Febr. Reg. 7741. 1976. Febr. 20 // Daniels R. Concentrations Camps. N.Y., 1971.
- Relocation and Incarceration of Japanese Americans during World War II – URD: <http://www.Calisphere.universityofcaliforniaedu/jarda/historian-context.html>
- Report of the Commission on Wartime Relocation and Internment of Civilians, Personal Justice Denied. Wash., 1997.
- Report of the Commission Appointed by the President of the United States to Investigate and Report the Facts Relating to the Attack Made by Japanese Armed Forces upon Pearl Harbor in the Territory of Hawaii on December 7, 1941 // 77th Congress, 2d Session. Document No. 159, 1942. Jan. 28.
- Report of the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack // 79th Congress, 2d Session. Document No. 244. Government Printing Office. Wash., 1946.
- Rostow E. The Japanese American Case – A Disaster // The Yale Law Journal. 1945. Vol. 54. No. 3.
- Rosenberg E. Remembering Pearl Harbor before September 11, 2011 // The Unpredictability of the Past. Memories of the Asia-Pacific War in US–East Asian Relations. Ed. by Marc Gallicchio. Duke Univ. Press Durham & L., 2007. 332 p.
- Rosenberg E. A Date Which Will Live: Pearl Harbor in American Memory. Duke University Press, 2003.
- Stinnet R. Day of Deceit: The Truth About FDR and Pearl Harbor. Wash., 1999.
- Slackman M. Target: Pearl Harbor Honolulu. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1990.
- Savage D. US Official Cities Musconduct in Japanese American Internment Case // Los Angeles Times, 2011. May 24.
- Saltinski R. American's Concentration Camps: Anniversary of a National Injustice // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. Vol. 2. N. 5.

- Takaki R. *A Larger Memory. A History of Our Diversity with Voices*. N.Y., 1995.
- Takaki R. *A Different Mirror: A History of Multicultural America*. Boston, 1993.
- Toland J. *Infamy Pearl Harbor and Its Aftermath*. N.Y., 1982.
- Uchida Y. *Desert Exile. The Uprooting of Japanese American Family*. Seattle, 1982.
- Victor G. *The Pearl Harbor Myth: Rethinking the Unthinkable (Potomac's Military Controversis)*. N.Y., 2007.
- Weintraub S. *Long Days Journey into War: December 7, 1941*. N.Y., 1991.
- Watanabe T. 1991: American Perceptions of the Pearl Harbor Attack // *The Journal of American-East Asian Relations*. Vol. 3. N. 3. Special Issue – December 7, 1941: The Pearl Harbor Attack. 1994. Fall. P. 269–278.
- White G. Pearl Harbor and September 11: War Memory and American Patriotism in the 9–11 Era // *The Asia-Pacific Journal*. 2003. Vol. 1. Issue 4. April 10.
- Wendy N. *Japanese American Internment during World WAR II. A History and Reference Guide*. N.Y., 2002.
- World War Two – Japanese Internment Camps in the USA. 2014. 08/05//www.historyonthenet.com/ww2/japaninternment_camps.htm
- Yaguchi Y. Rememebering Pearl Harbor with Japanese and American Teachers // *HNN History News Network*. 2016.
- Zimmerman J. Pearl Harbor Revisionism: Robert Stinnet's Day of Deceit // *Intelligence and National Security* 17 N. 2. Wash., 2002, June. P. 127–146.
- Zimm A. *Attack on Pearl Harbor: Strategy, Combat, Myth, Deceptions*. N.Y., 2011.

REFERENCES

- Buranok S.O. *Perl-Kharbor v otsenke voenno-politicheskikh deyatelei SShA 1941–1945 gg.* Samara: AsGard, 2009.
- Istoriya SShA: v 4 t. / *Otv. red. G.N. Sevost'yanov*. M.: Nauka, 1983–1987.
- Mal'kov V.L. *Put' k imperstvu. Amerika v pervoi polovine XX veka*. M.: Nauka, 2004. 604 s.
- Mal'kov V.L. *Velikii Ruzvel't*. M.: Yauza, Eksmo, 2011. 560 s.
- Mirovye voiny KhKh veka: v 4 t. M.: Nauka, 2002. Kn. 3. *Vtoraya mirovaya voina: istoricheskii ocherk*.
- Repina L.P. *Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya* // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2004. № 5 S. 33–45.
- Repina L.P. *Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost'. Podkhody i metody issledovaniya* // *Dialog so vremenem*. 2016. Vyp. 54. S. 9–15.
- Sultanov K.K. «Chelovek vspominayushchii» v literature. *Istoricheskaya pamyat' kak rezul'tat natsional'noi identichnosti* // *Dialog so vremenem*. 2016. Vyp. 54. S. 54–82.
- Yakovlev N.N. *Perl-Kharbor, 7 dekabrya 1941 goda. Byl' i nebyl'*. M.: Politizdat, 1983.
- Bangarth S. *Voices Raised in Protest. Defending North American Citisens of Japanese Ancestry, 1942–1949*. Canada, 2008.
- Beach E. *Scapagoats: A Defence of Kimmel and Short at Pearl Harbor*. Annapolis: Naval Institute Press, 1995.
- Doherty V. *Remembering Pearl Harbor? An Analisis of Media Portrayal of the Pearl Harbor Attack from 1941–1946* // [http:// repository.uwyo...](http://repository.uwyo...)
- Daniels R. *Prisoners without Trial. Commentary*: chnm.gmu.edu/courses/schrad.wiki/index.php.
- Daniels R. *Concentrations Camps. USA: The Japanese Americans and World War II*. N.Y., 1971.
- Daniels R. // teacher.Scholastic.com/activities/wwit/aht/mineta...
- Dower J. *Cultures of War: Pearl Harbor/Hiroshima/9-11/, Iraq*. The New Press, 2010. 596 p.
- Dower J. *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*. N.Y., 1999. 676 p.
- Dower J. *War without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. N.Y., 1986.
- Gaily H. *War in the Pacific: From Pearl Harbor to Tokyo Bay*. Novato: Presido Press, 1995.
- Greaves P. *Pearl Harbor: The Seeds and Fruits of Infamy*. N.Y., 2010.

- Gerstle G. *American Crucible: Race and Nation in the Twentieth Century*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001.
- Gardins J. *From Citizen to Enemy: the Tragedy of Japanese Internment* // *History Now*, 2016. The Gilder Lehrman Institute of American History.
- Hinson W. (Ed.) *Pearl Harbor in History and Memory: The American Experience in World War II*. N.Y., 2002.
- Inado L. *Only What We Could Carry: The Japanese American Internment Experience*. Berkeley (Cal.), 2000.
- Korematsu F. *Do We Really Need to Relearn the Lessons of Japanese American Internments* // *San Francisco Chronicle*. 2004. Sept. 16.
- King M. *The Real Roosevelts: An Omitted History: What PBS & Ken Burns Didn't Tell You*. N.Y., 2015.
- Kitts K. *Presidential Commissions and National Security: The Politics of Damage Control*. Boulder: Lynne Reinner Publishers, 2005. 194 p. Ch. II. *The Politics of Infamy: The Roberts Commission and Pearl Harbor*.
- Luce H. Editorial. *Pearl Harbor Attack Issue* // *Life Magazine*. 1941. Dec. 22.
- Lord J. *Day of Infamy, 60th Anniversary: The Classic Account of the Bombing of Pearl Harbor*. N.Y., 2007.
- McClain Ch. *Asian Americans and the Law. Historical and Contemporary Perspectives*. Univ. of Calif. Berkely, 1994.
- Maki A., Kitano H., Berthhold M. *Achieving the Japanese Dream. How Japanese Americans Obtained Redress*. Univ. of Illinois, 1999.
- Nevins A. *A Challenge to Historic Truth* // *The New York Magazine*. 1945. Dec. 16.
- Okiihiro G. *Religion and Resistance in America's Concentration Camps* // *Phylon*. 1984. Vol. 45. N. 3.
- Prange G. *At Dawn We Slept: The Untold Story of Pearl Harbor*. N.Y., 1981.
- Proclamation 4417,41. Febr. Reg. 7741. 1976. Febr. 20 // Daniels R. *Concentrations Camps*. N.Y., 1971.
- Relocation and Incarceration of Japanese Americans during World War II – URD: <http://www.Calisphere.universityofcaliforniaedu/jarda/historian-context.html>
- Report of the Commission on Wartime Relocation and Internment of Civilians, *Personal Justice Denied*. Wash., 1997.
- Report of the Commission Appointed by the President of the United States to Investigate and Report the Facts Relating to the Attack Made by Japanese Armed Forces upon Pearl Harbor in the Territory of Hawaii on December 7, 1941 // 77th Congress, 2d Session. Document No. 159, 1942. Jan. 28.
- Report of the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack // 79th Congress, 2d Session. Document No. 244. Government Printing Office. Wash., 1946.
- Rostow E. *The Japanese American Case – A Disaster* // *The Yale Law Journal*. 1945. Vol. 54. No. 3.
- Rosenberg E. *Remembering Pearl Harbor before September 11, 2011* // *The Unpredictability of the Past. Memories of the Asia-Pacific War in US–East Asian Relations*. Ed. by Marc Gallicchio. Duke Univ. Press Durham & L., 2007. 332 p.
- Rosenberg E. *A Date Which Will Live: Pearl Harbor in American Memory*. Duke University Press, 2003.
- Stinnet R. *Day of Deceit: The Truth About FDR and Pearl Harbor*. Wash., 1999.
- Slackman M. *Target: Pearl Harbor Honolulu*. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1990.
- Savage D. *US Official Cites Misconduct in Japanese American Internment Case* // *Los Angeles Times*, 2011. May 24.
- Saltinski R. *American's Concentration Camps: Anniversary of a National Injustice* // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2012. Vol. 2. N. 5.
- Takaki R. *A Larger Memory. A History of Our Diversity with Voices*. N.Y., 1995.

- Takaki R. *A Different Mirror: A History of Multicultural America*. Boston, 1993.
- Toland J. *Infamy Pearl Harbor and Its Aftermath*. N.Y., 1982.
- Uchida Y. *Desert Exile. The Uprooting of Japanese American Family*. Seattle, 1982.
- Victor G. *The Pearl Harbor Myth: Rethinking the Unthinkable (Potomac's Military Controversy)*. N.Y., 2007.
- Weintraub S. *Long Days Journey into War: December 7, 1941*. N.Y., 1991.
- Watanabe T. 1991: American Perceptions of the Pearl Harbor Attack // *The Journal of American-East Asian Relations*. Vol. 3. N. 3. Special Issue – December 7, 1941: The Pearl Harbor Attack. 1994. Fall. P. 269–278.
- White G. Pearl Harbor and September 11: War Memory and American Patriotism in the 9–11 Era // *The Asia-Pacific Journal*. 2003. Vol. 1. Issue 4. April 10.
- Wendy N. *Japanese American Internment during World WAR II. A History and Reference Guide*. N.Y., 2002.
- World War Two – Japanese Internment Camps in the USA*. 2014. 08/05/www.historyonthenet.com/ww2/japaninternmentcamps.htm
- Yaguchi Y. *Rememebering Pearl Harbor with Japanese and American Teachers* // *HNN History News Network*. 2016.
- Zimmerman J. Pearl Harbor Revisionism: Robert Stinnet's Day of Deceit // *Intelligence and National Security* 17 N. 2. Wash., 2002, June. P. 127–146.
- Zimm A. *Attack on Pearl Harbor: Strategy, Combat, Myth, Deceptions*. N.Y., 2011.

Чертина Зоя Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН; zoya-chertina@yandex.ru

Pearl Harbor: Event in History and Historical Memory

The article is devoted to Pearl Harbor – one of the most significant dates in the history of the United States, the date “which will live in infamy”. The American nation underwent a state of trauma shock in the result of a sudden Japanese attack on Pearl Harbor, December 7, 1941. This event shaped the lives of many people who lived through it and long after it. The Japanese attack on Pearl Harbor is both a tragic and pivotal event in the American collective memory. It also unleashed a strong wave of aggression against Japanese Americans, who faced an extreme policy connected with their internment. Historical memory of the past turned into one of the value features of Japanese community in USA. The author attempts to define the place of Pearl Harbor in the field of “memorial studies”. On the eve of the 75th anniversary of the attack on Pearl Harbor on Hawaii has become the place of historical memory, having an “iconic” power. There is rather extensive literature of Pearl Harbor narratives, but the story of it has not told yet, it requires further interdisciplinary investigations.

Keywords: Pearl Harbor, Franklin Roosevelt, historical event, “date of infamy”, place of memory, collective memory, memorial studies, internment, 9/11, comparative studies.

Zoya Chertina, PhD (History), senior research associate of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. zoya-chertina@yandex.ru

М. А. Липкин

«ОСЕВЫЕ ГОДЫ» РАЗРЯДКИ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЕВРОПЕ, ИЛИ КАК ПОНЯТЬ СВОЕВРЕМЕННОСТЬ СОБЫТИЯ (1954, 1960, 1972 гг.)¹

В статье на основе новых архивных документов Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива новейшей истории, РГАЭ, Национального архива Великобритании и Архива Министерства иностранных дел Франции анализируется история малоизученных советских инициатив и их восприятие со стороны Запада, оцениваются шансы на успех и причины несвоевременности резких поворотов к сотрудничеству со стороны Москвы. Автор приходит к выводу, что ни сенсационность инициатив, ни осведомленность о тактических планах противоположной стороны на переговорах не являются залогом успеха, если само готовящееся крупное внешнеполитическое событие опережает свое время и превышает ожидания другой стороны. Слишком резкие повороты даже в сторону улучшения отношений порождают подозрительность и недоверие, порою мешая, а не помогая процессу сближения сторон.

Ключевые слова: СССР, разрядка, СБСЕ, ЕЭК ООН, НАТО, ОЭСР, переговоры, доверие, безопасность

Изучая международные отношения второй половины XX в. на базе сопоставления материалов МИДов разных стран лишний раз убеждаешься, насколько важно не просто иметь добрые намерения и выступать с конструктивными предложениями, но чувствовать ткань времени, понимать своевременность или несвоевременность того или иного шага для успешного завершения начатой инициативы. Один из наглядных примеров – история разрядки международной напряженности в Европе, а именно две неудачных попытки СССР предложить общеевропейское решение проблемы безопасности – по сути, созвать совещание по безопасности и сотрудничеству и демонстративно вступить в ключевые институты Западного мира в 1954 и 1960 гг. Эти даты смотрятся потерянными или полузабытыми в периодизации истории международных отношений именно из-за малоуспешности предпринятых тогда попыток. Однако при детальном изучении оказывается, что в отличие от известных нам ключевых дат в истории разрядки, по степени концентрации усилий, наличию повышенных ожиданий, смелости инициатив и наличия шансов на прекращение конфронтации эти годы вполне претендуют на звание «осевых» с точки зрения современников событий и с точки зрения их вклада в успех третьей попытки – собственно начала общеевропейских консультаций 1972 г., послуживших прологом к начавшемуся в 1973 г. Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-01-00370 «XX век в современной исторической науке: актуальные проблемы периодизации и структурирования всемирной истории».

Интерлюдия, возникшая в политических отношениях между ключевыми державами Запада и СССР сразу после смерти Сталина, получила освещение в работах современных исследователей². Новая атмосфера интереса к СССР после смерти Сталина и контактам Восток-Запад проявилась в полной мере на IX сессии ЕЭК ООН, проходившей в Женеве с 9 по 25 марта 1954 г. «На IX сессии ЕЭК, в отличие от ее предыдущих сессий, со стороны всех западноевропейских стран, представители которых участвовали в работе этой сессии, высказывались пожелания об укреплении и развитии экономического сотрудничества между всеми европейскими странами и выражалась готовность к расширению торговли с СССР и странами народной демократии», – отмечалось в отчете советской делегации³. Эта нехарактерная для периода холодной войны сессия как будто возвращала СССР ко временам Бреттон-Вудса и давала повод для оптимизма как Западу, так и Востоку, с расчетом на долгодланный возврат к конкретным шагам и доверительному диалогу.

Глава британской делегации – заместитель министра иностранных дел лорд Рединг заявил о стремлении своего правительства к расширению торговли с Восточной Европой. Глава французской делегации – министр финансов и экономики Э. Фор – заявил, что его правительство приложит все усилия к устранению торговых барьеров и что Франция заинтересована в заключении долгосрочных торговых соглашений и введении системы многосторонних расчетов при заключении сделок. Представитель Бельгии призывал СССР и восточноевропейские страны вернуть себе право называться житницей Европы. А итальянский представитель Нотаранджели и вовсе признался, что «его правительство, проводя в жизнь экономические соглашения, заключенные со странами Восточной Европы, никогда не следовало "букве закона" и было всегда готово к расширению торговли, в том числе товарами, не предусмотренными действующими соглашениями»⁴.

Впервые за долгие годы советская делегация без страха репрессий получила разрешение вступить в двусторонние консультации с британской делегацией, и это принесло свои плоды! В соответствии с директивами, советский представитель внес предложение о возобновлении работы Комитета по развитию торговли ЕЭК ООН, в последний раз собиравшегося без особого результата в 1949 г. Британская делегация выступила со своим проектом по этому вопросу, однако потом сама предложила советским представителям выработать совместный проект резолюции. В итоге двусторонних переговоров на сессии был представлен совместный проект делегаций СССР и Великобритании, принятый единогласно. Круг задач Комитета включал заключение долгосрочных

² Егорова 2003. С. 455-485; Быстрова 2007. С. 399-481.

³ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 046. Оп.22а. П. 212а. Д.3. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21.

и многосторонних соглашений и созыв совещаний экспертов по вопросам торговли. Самое главное – советской делегации удалось заставить англичан согласиться на формулировку о том, что Комитет будет заниматься вопросами «устранения препятствий экономического, торгово-политического и административного характера в области внешней торговли». Британская делегация была вынуждена сделать отдельное заявление, что вопросы экспортного контроля (безусловная цель СССР в воссоздании Комитета), по ее мнению, должны решаться на переговорах между правительствами, а не в специальном Комитете ЕЭК⁵.

Своеобразное «возвращение СССР в Европу» на IX сессии ЕЭК ООН, было обусловлено рядом причин. Во-первых, это произошло на волне интереса к новому курсу коллективного советского руководства; во-вторых, в момент временного ослабления делегации США – из-за внутривластной борьбы назначенный руководитель делегации от республиканцев не получил одобрения в Конгрессе и выступал в роли консультанта. По сути, и.о. руководителя американской делегации был всего лишь советник по экономическим вопросам американского посольства в Лондоне, что не соответствовало уровню глав других делегаций. Поэтому американская команда занимала пассивную позицию и чаще следовала за англичанами, чем вела кого-то за собой⁶. В-третьих, не менее важным было то, что советская делегация приехала не с пустыми руками. Специально к этой сессии ЕЭК Постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1954 г. учреждалось Постоянное Представительство СССР при Европейском Отделении ООН, что было демонстрацией серьезности намерений Советского Союза вернуться к реальному сотрудничеству и было с одобрением встречено на сессии ЕЭК.

В 1954 г. в Берлине СССР, США, Франция и Великобритания вернулись за стол переговоров в формате послевоенных совещаний министров иностранных дел. Конечно, тогда центральными проблемами были судьбы Германии и Австрии, но с ними неразрывно шел вопрос о Европейском оборонительном сообществе, договор о котором подписала ФРГ в 1954 г. Как заявил 10 февраля на 15-м заседании совещания В.М. Молотов, «нас спрашивают, какова же альтернатива "европейскому оборонительному сообществу"? Чем можно заменить "европейское оборонительное сообщество", если отказаться от планов его создания? Особенно этим вопросом интересуются во Франции, что мы считаем вполне естественным. Мы отвечаем на этот вопрос: вместо планов создания "европейского оборонительного сообщества" необходимо практически осуществить идею коллективной безопасности для всех народов Европы. Безопасность должна быть обеспечена для всех стран, независимо от различий в их общественном устройстве»⁷.

⁵ Там же. Л. 25.

⁶ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 20.

⁷ Берлинское совещание министров иностранных дел... С. 167.

31 марта 1954 г. СССР выступил с сенсационной инициативой, заявив о своей заинтересованности стать членом НАТО. Как показывает в своем анализе Н.Е. Быстрова, сделано это было после разбора ошибок и учета первой реакции западных стран на советские предложения заключить Договор о коллективной безопасности в Европе (выдвинутый в феврале 1954 г.)⁸. Главным препятствием на пути советского проекта признавалась боязнь западноевропейцев испортить отношения с США и потерять заокеанские гарантии безопасности через Североатлантический альянс. Учитывая это обстоятельство, СССР модифицировал свою позицию и пошел на беспрецедентный шаг – предложил в ноте правительства Великобритании, Франции и США включить в число участников Общеευропейского договора о коллективной безопасности Америку и выразил готовность рассмотреть вопрос об участии СССР в НАТО. По сути, предлагалось вернуться к общеевропейскому сотрудничеству всех союзных держав – победительниц во Второй мировой войне на базе коллективной безопасности. Тем самым возрождались идеи советско-британского «Соглашения о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией» 1941-1942 гг.

Инициатива СССР была попыткой вступить и изнутри поменять характер Североатлантического договора, снять остроту вопроса и сделать ненужным создание Европейского оборонительного сообщества, выдвинув в качестве альтернативы Договор о коллективной безопасности. Как отмечали в своем исследовании американской политики в отношении военно-политической интеграции Западной Европы томские историки М.Н. Волков и О.Г. Лекаренко, смягчение международной напряженности после смерти Сталина и советские контрпредложения существенно повлияли на затягивание постановки вопроса о ратификации договора о ЕОС во французском парламенте. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции 319 голосами против 264 отклонило договор о ЕОС, чем похоронило осуществление наднациональной интеграции в военно-политической сфере в форме еще одного европейского сообщества⁹.

Тема созыва всемирной торговой конференции с участием стран Запада и Востока была поднята на новый уровень в связи с подготовкой Женевской конференции глав правительств СССР, Великобритании, США и Франции в 1955 г. Это была первая конференция такого уровня для нового советского руководства, с которой связывали большие надежды как на Западе, так и на Востоке.

18 июля 1955 г. со ссылкой на агентство «Ассошиэйтед пресс» американская газета «Вашингтон стар» опубликовала заметку под названием «Русские планируют созвать всемирную конференцию по

⁸ Быстрова 2007. С. 460-463.

⁹ Волков, Лекаренко 2009. С. 216, 239.

экономике». Эта информация тут же была телеграфирована с пометкой «срочно» из Вашингтона в Форин офис¹⁰. «Россия сигнализировала Западу, что она планирует созвать всемирную экономическую конференцию для составления многомиллиардной программы по торговле и развитию. Этот советский план, который, как ожидается, будет выдвинут премьером Булганиным во время его переговоров с американским, британским и французским главами правительств здесь на этой неделе, по сообщению, вызвал живой интерес на Западе»¹¹.

Судя по тексту заметки, вполне вероятно, что она была инспирирована советской стороной – в американской газете давалась информация со ссылками на некие британские источники. Незабываемые источники других стран – типичный прием для прикрытия вброса нужной СССР информации спецслужбами по линии Комитета информации или КГБ, хотя прямыми доказательствами в данном случае мы не располагаем. Причем британские источники якобы с пониманием высказывались о советских намерениях и, хотя детали, как сообщалось, были пока неизвестны, по «британским» же источникам выходило, что эта инициатива была связана с советским десятилетним планом увеличения и расширения свободного товарооборота, стремлением СССР объединить усилия с Западом и Китаем в экономическом развитии отсталых регионов мира.

Были ли шансы на успех у этой советской инициативы? В Национальных архивах Великобритании отложились документы дискуссии, развернувшейся в Министерстве финансов по поводу перспектив возможной конференции по созданию новой всемирной организации по торговле – инициативы СССР.

В преддверии Женевской конференции 1 июля 1955 г. чиновник британского казначейства Г. ван Лоу подготовил по заданию руководства краткий набросок меморандума «Женевская Конференция: быть ли всемирной торговой конференцией?» для внутриминистерского обсуждения¹². Предполагалось, что советская сторона сделает такое предложение на конференции глав государств в Женеве. В случае неудачи политических переговоров по разрядке напряженности в Европе и проблеме разоружения, отмечалось в преамбуле, такое экономическое предложение автоматически теряло бы свой смысл. Но если представить, что удалось бы продвинуться в политической и военной сферах, тема экономики становилась вполне логическим продолжением дискуссий о последствиях разоружения – снижении расходов на военные нужды и перераспреде-

¹⁰ The National Archives, UK (TNA). T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Inward saving telegram from Washington to Foreign Office. Sir R. Makins. July 18, 1955.

¹¹ Ibidem.

¹² TNA. T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference: should there be a World Economic Conference? G. van Loo, 1st July 1955.

нии ресурсов, уходивших на гонку вооружений, на социально-экономические программы по поднятию жизненного уровня населения. «На первый взгляд, казалось бы желательным выразить, на широком форуме, стремление правительств обеспечить полное использование этих ресурсов подобным образом», – писал британский чиновник¹³. Проект предлагал Правительству Ее Величества занять в целом доброжелательную позицию. В качестве основных пунктов для переговоров выдвигались три:

1. развитие слаборазвитых регионов мира;
2. торговля Восток-Запад;
3. излишки сельскохозяйственной продукции.

Как отмечалось в проекте ван Лоу, рабочие материалы для речи премьер-министра на открытии Женевской конференции касались первой из этих тем. Высвобождающиеся от сокращения оборонных программ ресурсы позволили бы ослабить налоговую нагрузку и привели бы к увеличению внутренних и международных инвестиций. В частности, предвиделся приток американских частных и правительственных инвесторов, которые принесли бы с собой свободную долларовую массу, что существенно облегчило бы проблему торгового баланса для британской зоны стерлинга. В отношении перспектив торговли Запад-Восток высказывались соображения о новых возможностях для британского экспорта, особенно для промышленности, производящей средства производства. Ван Лоу предвидел, что, хотя контроль над стратегическими товарами, вероятно, не исчез бы совсем, но ушли бы в прошлое запреты на торговлю теми статьями, которые имеют маргинальное отношение к стратегическим, т.е. он допускал существенный пересмотр запретительных списков КОКОМа. «Можно ожидать, что американцы, конечно продолжают быть осторожными в этом вопросе и нам придется дать заверения, что мы не будем публично им перечить, но нет причин предполагать, что они займут жесткую позицию», – так в осторожной форме британский чиновник касался проблемы скрытых разногласий между Лондоном и Вашингтоном по проблеме ограничений в торговле с Востоком. Третий пункт касался исключительно англо-американских противоречий. В интересах Британии было добиться от американцев избавления от имеющихся у них излишков сельскохозяйственных продуктов для общего снижения закупочных цен на импортируемые Великобританией в огромном количестве хлопок и зерно. В целом, заключал документ, в случае прогресса в вопросах разрядки и разоружения, следует приветствовать созыв подобной всемирной конференции¹⁴.

Однако первая оптимистическая версия меморандума была подвргнута многочисленной правке. Уже 5 июня из-под пера другого чиновника – У. Стрефа – появился третий по счету вариант документа,

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

полный оговорок, предостережений и недоверия к идее конференции. Дальнейшие правки только усилили сумму аргументов против созыва такой конференции. Среди них отмечалась нецелесообразность учреждения нового органа взамен уже существующих. «Нет причины почему – если предположить, что русские могут взять на себя необходимые обязательства членства (что будет вовсе не так просто для них и станет решающей проверкой на их искренность) – они бы не вступили в ГАТТ, МБРР, МВФ, ФАО и другие международные агентства того же плана. В этом случае они сами воспользовались бы льготами от всей работы, которая уже была проделана, и их вступление одновременно придало бы свежий импульс дальнейшей работе, которую предстоит осуществить этим агентствам». В итоговом тексте британского меморандума хотя и указывалось на невозможность выступить открыто против советской инициативы в случае серьезности советских намерений в Женеве, предлагалось обставить ее таким количеством консультаций и согласований, что фактически это означало стремление максимально затруднить подготовку такого мероприятия¹⁵.

Британский подход характерен для общей позиции стран Запада в отношении торговли с Востоком на Женевской конференции. Об этом позволяет судить ключевой документ о тактике и стратегии западных стран на Женевском совещании, полученный через свою агентуру КГБ при Совете министров СССР и представленный Н.С. Хрущеву 1 ноября 1955 года. Это доклад рабочей группы экспертов США, Англии и Франции, заседавшей в Париже с 10 по 20 октября 1955 года в рамках подготовки к совещанию министров иностранных дел четырех держав в Женеве¹⁶. Он был подготовлен для министров иностранных дел указанных стран Запада, которые, как указывалось в сопроводительном письме, в целом одобрили его на совещании в Париже 24–25 октября 1955 года.

Доклад на ста страницах в деталях расписывал тактику западных стран по каждому блоку вопросов и их видение вероятной тактики СССР с пошаговыми инструкциями где и как следует придерживаться единого фронта США, Франции и Великобритании. Примечательно, что в нем прямым текстом три страны называют себя «Запад» (т.е. конкретно «мы – Запад»), а не «свободный мир» и другие паллиативы, которыми обычно называли себя в официальных документах члены НАТО и ЗЕС), противопоставляя себя «Востоку» в лице СССР.

Естественным образом, на первом месте в повестке дня готовившегося Женевского Совещания были ключевые вопросы безопасности в

¹⁵ TNA. T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference- possible World economic conference, W. Strath. 5th July 1955.

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д.115. Л. 1-116.

Европе – германский вопрос и проблема разоружения. Тем не менее, пункт третий повестки дня – «контакты между Востоком и Западом» также детально разбирается в этом руководстве по переговорам с СССР.

Он разбивался на три подтемы:

А) о свободе распространения информации и идей;

Б) о свободе передвижения людей;

В) о развитии торговли между Востоком и Западом¹⁷.

Как отмечалось в документе, «Запад может больше всего выиграть при обсуждении вопроса «а» и в меньшей степени вопроса «б», в то время как русские, по всей вероятности, проявят наибольшую настойчивость в вопросе «в». Подтема «а» позволяла экспертам трех стран надеяться на возможность прямого идеологического воздействия, способного вызвать необратимые для Кремля «тенденции». Подтема «б» позволяла, с одной стороны, лучше узнать СССР, но, с другой, открывала дорогу шпионажу и обратному коммунистическому влиянию в странах Запада. Подтема «в», как и в британских документах, была главной головной болью для пытавшихся выступить единым фронтом трех стран – отвергать ее означало вешать на себя клеймо противника разрядки, а соглашаться – требовало какой-то конкретной позитивной повестки с риском раскола в западных рядах. Вместе с тем, оценивая перспективы совещания, документ предвидел, что по ключевым темам европейской безопасности сторонам вряд ли удастся достичь быстрого успеха, а вот пункт 3 про контакты способен дать какой-то конкретный позитивный результат, и потому значимость его возрастала – никому не хотелось покидать совещание с пустыми руками¹⁸. Предлагалось взять инициативу в этой сфере в свои руки, для чего детально разбиралась процедура и тактика увязки вопросов третьего пункта и двух предыдущих.

Документ предлагал потребовать от СССР ряд односторонних шагов по чувствительным для западных стран сюжетам (например, снижение завышенного, по их оценкам в 4 раза, обменного курса рубля) как проявления добрых намерений Москвы. При этом по вопросам торговли изначально заявлялось, что не может быть каких-то конкретных позитивных предложений от трех стран в Женеве. Речь шла про выражение общих пожеланий на будущее¹⁹. Очевидно, это было связано с союзническими обязательствами по НАТО и действовавшими ограничениями в рамках КОКОМа, за соблюдением которых зорко следили США.

«Основной советской целью будет добиться отмены контроля над торговлей стратегическими товарами», – говорилось в документе. По этому вопросу западные державы должны были бы продолжать утверждать, что контроль осуществляется исключительно в интересах их

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 13.

собственной безопасности и не может, как таковой, являться объектом переговоров с СССР, но что реальные уступки со стороны русских в области безопасности или разоружения могли бы оправдать последующее ослабление контроля, на которое западные державы охотно пошли бы после консультации между собой»²⁰.

Насколько важное место в системе советских приоритетов имел третий пункт повестки дня в Женеве сказать затруднительно, хотя по названиям справок видно, что МИД СССР готовил этот вопрос для руководства²¹. На самом Женевском совещании глав правительств четырех держав советская делегация в лице Булганина официально так и не провозгласила плана некоей новой международной экономической организации. В озвученном советском проекте Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе оставался скромный 8-й пункт, согласно которому участники договора обязывались содействовать экономическому и культурному сотрудничеству, в том числе развитию торговли и других экономических связей²².

Иден не проявлял какой-либо инициативы в этом вопросе, в силу вышеописанной дискуссии среди чиновников казначейства. Эйзенхауэр был поглощен проблемами взаимной инспекции и политической организации судьбы Германии. Парадоксальным образом главным защитником идеи новой экономической организации на совещании стал премьер-министр Франции Эдгар Фор. Он единственный развернуто и настойчиво выступил с идеей создания экономической организации, которая получила бы в свое распоряжение средства, высвобождающиеся от сокращения программ развития вооружений стран-участников, и перераспределила бы их на программы развития стран третьего мира²³.

Однако очевидное стремление Франции создать некий международный фонд на волне разрядки для оказания помощи своим заморским территориям не встретило поддержки Британии и США, которые считали, что французы торопят события. В решениях Женевской конференции остался лишь самый общий пункт об экономическом сотрудничестве, без каких-либо поручений комиссии ООН по разоружению учредить предлагавшийся французами новый орган. Дальнейшее развитие событий показало, что «дух Женевы» хотя и стал важной вехой в развитии

²⁰ Там же. Л. 14-15.

²¹ Нам не удалось обнаружить в архиве полный текст справок, однако согласно оглавлению Перечня материалов, подготавливаемых к Совещанию глав правительств четырех держав, различные отделы МИД СССР в конце июня-начале июля 1955 г. готовили справки "По вопросу о созыве Международной экономической конференции и рассмотрению в органах ООН вопроса об экономическом сотрудничестве" и «Позиции западных держав по вопросу о торговле между капиталистическими странами и государствами демократического лагеря». АВП РФ. Ф. 0448. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 5, 7.

²² Женевское совещание глав правительств четырех держав... С. 42.

²³ Там же. С. 30-33.

«ранней разрядки» и способствовал налаживанию личных контактов глав государств, так и остался символом больших надежд. Даже обладание секретными документами западных переговорщиков не позволило СССР обеспечить прорыв по ключевым вопросам на переговорах.

Женевское совещание было подготовлено «потеплением» 1954 года и стало вторым шансом после Парижского совещания министров иностранных дел 1947 года найти совместный путь развития Европы. Так, символично, что в преамбуле предложений французской делегации «Развитие контактов между Востоком и Западом», озвученных 22 июля 1955 года, впервые после выступлений Бидо в июле 1947 года вновь говорилось о единой Европе, включая СССР: «...если мы и вынуждены признать наличие в настоящее время двух зон безопасности в Европе, то это отнюдь не означает признания нами раскола континента окончательным; что, наоборот, по мнению французского правительства, пока Европа не обретет вновь своего единства, мир во всем мире не может быть прочно обеспечен; что постепенное восстановление европейского единства предполагает установление более тесных отношений между народами, более свободного контакта между отдельными лицами и более обширного экономического обмена с той и другой стороны той линии, которая в настоящее время слишком жестко разделяет два мира»²⁴.

Второй раз возможность закрепить конкретные результаты мирного сосуществования в экономической сфере и выйти на качественно новый уровень отношений с Западной Европой представилась в 1960 г. Год начинался под знаком завершения подготовки к саммиту великих держав в Париже, где в мае планировалось достичь соглашения по ключевым вопросам международных отношений – разоружению, судьбе разделенной Германии, запрещению испытаний атомного и водородного оружия.

В начале февраля 1960 года на заседании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора была принята декларация, в которой подчеркивалась исключительно благоприятная атмосфера международных отношений по сравнению с предыдущими годами и выражалась надежда на успех переговоров на высшем уровне в Париже²⁵. Безусловно, главное внимание в подготовке Парижского саммита занимали вопросы безопасности и разоружения, политического урегулирования напряженности в Европе. И, тем не менее, прогнозирувавшийся вслед за ожидавшейся в Париже политической разрядкой всплеск международных экономических отношений между Западом и Востоком также брался в расчет обеими сторонами, причем ожидавшееся окончательное открытие занавеса таило в себе опасности для единства обеих блоков.

На Западе возможные экономические связи после саммита рассматривались на специальных заседаниях союзников по НАТО в рамках

²⁴ Там же.

²⁵ Хормач 2005. С. 681.

«Комитета по улучшению международного сотрудничества» с момента появления первых предложений созвать такую встречу в верхах²⁶. Основные вопросы будущей встречи великих держав готовились в специальных межсоюзнических рабочих группах НАТО: по разоружению (Франция, США, Великобритания, Канада), по европейской безопасности (Франция, США, Великобритания, Западная Германия, Италия, Греция, Нидерланды) и четырехсторонней группе по германскому вопросу (Франция, США, Великобритания и Западная Германия)²⁷.

Помимо этого, как следует из документов французского кабинета министров, необходимость подготовки к саммиту привела к появлению в мае 1958 г. тройственной англо-франко-американской рабочей группы в Вашингтоне. Она была призвана согласовывать действия своих послов в Москве, координируя их предварительные переговоры о повестке дня будущего саммита с советским министром иностранных дел в Москве²⁸.

В СССР большое значение придавали экономическому аспекту разоружения – возможностям инвестирования средств, высвобождающихся от сокращения военных программ ведущих стран, в развитие торговли и совместного производства, а также использование их для помощи развивающимся странам. Внимание советских планировщиков было приковано к апрельской XV сессии ЕЭК ООН, которую предполагали использовать как площадку для новых региональных инициатив в преддверии саммита. «Улучшение международной обстановки в последнее время, явившееся результатом главным образом визитов т. Н.С. Хрущева в США, Индию, Индонезию и подготовки предстоящего визита во Францию, создает благоприятные условия для постановки на очередной сессии ЕЭК конкретных вопросов, направленных на дальнейшее развитие экономического сотрудничества в Европе», – так обосновывалась инициатива выступления СССР с новым меморандумом по развитию внутриевропейских экономических связей в ЕЭК Отделом международных экономических организаций в начале 1960 года²⁹.

Второй раз после 1954 г. СССР выступил с инициативой вступления в одну из ключевых для западного мира институтов – Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) в 1960 г. Она была создана в 1948 г. для реализации «Плана Маршалла» в Западной Европе и включала 16 стран. Одной из основных целей ОЕЭС было не просто распределение американской помощи, а подготовка Западной Европы к эко-

²⁶ Archives du Ministère des affaires étrangères (АМАЕ). Europe. URSS. 243. Note sur les travaux du Comité sur l'amélioration de la coopération internationale. Ministère des Affaires Étrangères. Paris, le 2 Mai 1958.

²⁷ АМАЕ. Cabinet du Ministre. Maurice Couve de Murville. 10. Direction Generale des Affaires Politiques, Europe. Service d'Europe centrale. Note pour le President du Conseil. Etat actuel de la préparation de la Conférence au sommet. 26 Juin 1958.

²⁸ Ibidem.

²⁹ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 25.

номической интеграции. В рамках ОЕЭС была проведена принудительная либерализация торговли, а в 1950 г. создан Европейский платежный союз, служивший общим кредитным механизмом для торговых операций стран ОЕЭС. Были созданы Европейское производственное агентство, Европейский фонд, многосторонняя система расчетов между странами и т.д. В связи с завершением «плана Маршалла» (еще в 1952 г.) и созданием «общего рынка» в 1957 г. встал вопрос о роспуске ОЕЭС.

Великобритания выступила с инициативой создания на базе ОЕЭС некоей альтернативной ЕЭС экономической организации. Этот план проходил в британских кабинетах под кодовым названием «План G». В общих чертах, это было предложение по созданию зоны полной свободы от протекционистских тарифов среди всех некоммунистических европейских стран со схемой его поэтапной реализации. Он исключал продукты питания и представлял собой зону свободной промышленной торговли. Однако сперва Франция, а затем и ФРГ дали понять, что они не пойдут на отказ от своих интеграционных планов ради такого аморфного образования. В конечном итоге, этот план реализовался вне ОЕЭС в виде создания Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) в 1960 г. – «семерки» стран, оставшихся вне ЕЭС.

XV сессия ЕЭК как раз приходилась на период перестройки ОЕЭС. Время было самое благоприятное для активных шагов со стороны Москвы. Поэтому 16 марта 1960 г. заведующий ОМЭО П. Чернышев поднял в записке на имя заместителя министра иностранных дел Н.П. Фирбина этот давно вызревавший в недрах МИДа вопрос. «В связи с начавшимися на Западе переговорами по созданию новой экономической организации, – писал Чернышев, – Отдел считает целесообразным включить в проект постановления об участии советской делегации в работе XV сессии ЕЭК ООН дополнительный пункт»³⁰. Примечательно, что в утвержденных Громыко Указаниях делегации СССР такого пункта нет. Однако, как явствует из Отчета советской делегации и других документов, в принятом в итоге Постановлении ЦК КПСС этот пункт был включен.

Во-вторых, для усиления советских предложений, содержащихся в меморандуме и в заявлении о желании принять участие в выработке основ новой европейской экономической структуры, МИД СССР внес предложение о специальном приветственном послании от имени главы советского государства. «Послание содействовало бы привлечению внимания широких общественных кругов европейских стран к советским предложениям и способствовало бы созданию лучшей атмосферы в отношениях между европейскими государствами, что имеет определенное значение в связи с предстоящим совещанием в верхах», – писал в обоснование этого шага в специальной записке в ЦК А. Громыко³¹.

³⁰ Там же. Л. 37.

³¹ Там же. Л. 105.

На открывшейся в Женеве 20 апреля 1960 г. XV сессии Европейской экономической комиссии ООН впервые в истории этой организации было зачитано приветственное послание Председателя Совета Министров СССР – Н.С. Хрущева. В нем отмечалось, что «роль и значение ЕЭК еще более возрастают в наши дни, когда идея мирного сосуществования приобретает все новых и новых сторонников во всем мире»³².

В результате такого конструктивного подхода, как отмечалось в отчете советской делегации на сессии ЕЭК, вся она проходила под знаком советского заявления о готовности вступить в Организацию экономического сотрудничества и развития, создаваемую взамен ОЕЭС³³. Возглавлявший делегацию заместитель министра иностранных дел Н. Фирюбин прямо заявил: «Руководствуясь целями развития широкого экономического сотрудничества между странами, независимо от их социально-экономических систем, делегация СССР заявляет о готовности Советского Союза принять участие в разработке принципов новой экономической организации, о создании которой в настоящее время ведутся переговоры с участием представителей западноевропейских стран, США и Канады. По мнению советской делегации, это способствовало бы созданию такой организации, которая могла бы эффективно содействовать развитию международного экономического сотрудничества»³⁴.

Согласно советскому отчету и документам зарубежных архивов, этот демарш СССР привел в замешательство представителей западных стран и стал своего рода информационной «бомбой». Западные делегаты оказались настолько не готовы к такому повороту событий, что дискуссия по работе Комиссии по торговле была отложена на целую неделю, а глава британской делегации был вынужден выехать в Лондон для получения дополнительных инструкций³⁵.

Казалось бы, усиление авторитета такой организации как ОЕЭС/ОЭСР было на руку англичанам – теоретически, она могла бы стать форумом, на котором решались политико-экономические вопросы, игнорируя болезную тему деления Западной Европы на членов и не-членов «общего рынка», в который Британия в тот момент не входила.

Вопрос об участии СССР вызвал большое волнение среди представителей западноевропейских стран. Генеральный секретарь НАТО Поль Анри Спаак отнесся очень серьезно к этому предложению и даже поставил его на обсуждение Совета НАТО. Он пытался включить его и в повестку дня Стамбульского саммита³⁶. Документы Форин офис показы-

³² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 8772. Л. 11.

³³ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 116-117.

³⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8772. Л. 21.

³⁵ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 118.

³⁶ TNA. FO 371/150092. European Economic Organizations Department. The question of the Soviet initiative in ECE regarding participation in the reorganization of OEEC

вают, что видные британские дипломаты во внутренней переписке высказывали осторожный оптимизм и желание поддержать это стремление СССР. Сэр Поль Гор-Бут, член британской делегации в Женеве, делясь своими размышлениями над советским предложением, высказал предположение, что «если русские на самом деле имеют в виду то, что они говорят, то это означает предложение революционных изменений в советской и всей коммунистической экономической политике»³⁷. Ключевым оставался вопрос – верить или нет? Другой высокопоставленный британский представитель в Женеве, Л. Холлидэй, считая, что верить советской стороне на слово нельзя, все же предлагал выяснить, насколько она готова взять на себя обязательства, предлагаемые в подготовленном западными странами проекте устава новой организации³⁸.

Но большинство британских дипломатов отнеслось к советской инициативе скептически, опасаясь, что на практике подключение СССР к работе «Комитета двадцати», обсуждавшего устав ОЭСР, заблокирует практическую работу по созданию этой организации, а советское предложение – не более, чем хитрый блеф советских дипломатов. В итоге, как показывают документы, решающими для англичан оказались соображения идеологического порядка – они боялись быть неправильно понятыми в Вашингтоне и внести сумятицу в «особые отношения» с США. Американская позиция состояла в том, что советские предложения преждевременны: организация создается на базе старой, заявки о членстве новых стран будут рассматриваться после принятия нового устава – где-то не раньше 1961 года³⁹. К тому же, британцы явно боялись перемен в уставе и характере ОЭСР, неизбежных в случае включения СССР.

О том, что они бы произошли, говорят советские документы: «понимая хорошо, что участие СССР в разработке принципов новой организации позволило бы коренным образом изменить характер этой организации, западники ответили отказом, раскрыв тем самым цели и задачи вновь создаваемой организации, как замкнутой организации, в задачу которой по-прежнему будет входить продолжение политики дискриминации и разобщения Востока и Запада», – написала в отчете советская делегация, оценивая отказ включить СССР в члены ОЭСР.

На Совете НАТО западные страны отклонили советские предложения, мотивируя это различием социально-экономических систем (хотя социалистическая Югославия имела официальный статус наблюдателя в ОЕЭС) и исходя из формальных соображений о том, что новая

was raised in the NATO Council by M. Spaak. Confidential. From Sir F. Roberts, UK Delegation to NATO, Paris. April 27, 1960.

³⁷ TNA. FO 371/150091 European Economic Organizations Department. Comments on the text of Firubin's remarks about about the Soviet Union and the reorganized OEEC. Confidential. Sir P. Gore-Booth. 27th April, 1960.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

организация создается на базе послевоенной ОЕЭС, в которой СССР не участвовал⁴⁰. Отказав СССР в допуске к выработке основ ОЭСР, формально было заявлено о том, что рассмотрение заявок о членстве новых стран возможно после принятия устава новой организации.

Интересно восприятие и логика размышлений Генеральной дирекции по внешним сношениям ЕЭС в связи с этой инициативой СССР. О ней можно судить по хранящемуся в архивах ЕС во Флоренции проекту заметки, подготовленной по просьбе министра Ж. Рея 11 мая 1960 г.⁴¹

«Возможно, что выгоды принятия с нашей стороны, даже обусловленные какими-то условиями, могли бы превзойти недостатки. Какими условиями мы могли бы обставить наше согласие?»

1) Создание контактной комиссии ОЕЭС – СЭВ в рамках которой можно было бы обсуждать проблемы реорганизации ОЕЭС и, в частности, после этой реорганизации, проблему обменов между Востоком и Западом.

2) Участие западных представителей в качестве наблюдателей на будущих заседаниях СЭВа и, в качестве ответной меры, допущение со стороны Запада представителей советского блока к работе ОЕЭС»⁴².

Однако сам же автор заключает, что эти предложения были невыполнимы для советской стороны, что поставило бы СССР в безвыходное положение перед лицом мирового общественного мнения. Причем одним из основных аргументов для такого вывода являлось поведение СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в отношении «плана Маршалла» и ОЕЭС – яростная критика и политика по противодействию их деятельности⁴³.

Как видно из вышеприведенных размышлений в британских и брюссельских кругах, советская заявка хоть и была принята с некоторым интересом, но при отсутствии минимального уровня доверия для того, чтобы воспринять ее всерьез (за исключением П. Спаака). Несомненно, что окончательный крест на ней поставил международный скандал, повлекший за собой провал Парижского саммита великих держав, подготовка к которому заняла всю вторую половину 1950-х гг.

Кто знает, может быть в случае успеха саммита могло бы случиться такое основополагающее политическое событие, как создание на базе ОЭСР общеевропейской организации, объединившей бы страны с разным социально-политическим строем. А вступив в нее СССР в 1960 г., мы бы приобщились к процессу западноевропейской интеграции и стали членом возникшей во многом на основе ОЭСР «Большой семерки» на три-четыре десятилетия раньше. Но рассмотрение заявки СССР в Совете

⁴⁰ США и Канада имели ассоциативный статус в ОЕЭС, это позволило им стать полноправными членами в ОЕЭСР.

⁴¹ Historical Archives of the European Union (HAEU). BAC 056/1980-235, Fol.0142-0146.

⁴² Ibid. Fol. 0144-0145.

⁴³ Ibid. Fol. 0145.

НАТО (как и окончание сессии ЕЭК) происходило уже на фоне скандального провала Парижского саммита и в условиях очередного похолодания между Западом и Востоком.

СССР было заявлено, что рассмотрение заявок о вступлении новых членов возможно лишь после принятия устава новой организации. Однако и после принятия устава ОЭСР, попытка Москвы в 1961 г. вновь поднять вопрос об участии в этой организации была оставлена без должного внимания. Советскому Союзу как стране с плановой экономикой было отказано в членстве.

Как показывает история советских инициатив 1954 и 1960 гг., они были конструктивны, они были неожиданны, но при всей благостности и искренности намерений явно торопили события и опережали время, необходимое для подготовки таких кардинальных поворотов от конфронтации к разрядке. Даже обладание самыми подробными тактическими планами западных стран на переговорах не помогло успеху Женевского саммита 1955 года. Атмосфера и свобода маневра советской стороны еще не позволяли быстро прийти к компромиссным результатам. Требовалось время для более инициативного и гибкого подхода на переговорах с западными партнерами. Примером перемен стал конец 1960-х гг.

Что может служить показателем своевременности тех или иных дипломатических переговоров? Приводимые примеры говорят о том, что ни чрезвычайная осведомленность о планах противной стороны, ни свежесть инициатив не являются залогом дипломатического успеха. Разная скорость поворота друг к другу мешала успеху ранней разрядки. Требовалось время для того, чтобы восстановить доверие. И для этого требовались изменения как внешние, так и внутренние.

Решающие сдвиги по, казалось бы, безнадежным переговорам в Женеве о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений (1972–1976) удалось сдвинуть с мертвой точки после того, как западные и восточные дипломаты стали искать путей к сближению с помощью неофициальных музыкальных вечеров. Появился даже сверхсекретный сборник – «песенник» переговорщиков, в который вошли получившие наибольшую популярность в узком кругу тексты иронического содержания о тяжелой судьбе дипломатов и процедуре согласования документов⁴⁴. Подобных вольностей и раскованности перед лицом представителей ключевых западных стран под страхом смерти не могли себе позволить советские дипломаты в 1940-х гг. Такая атмосфера не могла возникнуть в период «ранней разрядки» середины 1950-х. Лишь множество консультаций, встреч, контактов на разных уровнях, определенное раскрепощение атмосферы в самом СССР позволило к середине 1970-х гг. добиться нового качества взаимопонимания и гибкости в подходах. Они зачастую исключали сенсационность решений «с наскоку» ключе-

⁴⁴ Interview with Sir Clive Rose on 30 August 2003, by Virginia Crowe...

вых проблем безопасности и подразумевали долгую кропотливую работу дипломатов, «вызревание» успеха, которого к тому моменту ждали и правительства, и общества. Новые дипломатические практики пришлось ко времени. Это предопределило успех подписания значительной части компромиссных документов как на СБСЕ, так и на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (25 января – 18 февраля 1954 г.). Документы и протоколы. М. 1954. С. 167.
- Быстрова Н.И.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: «Гиперборея», «Кучково Поле», 2007. С. 399-481 [Глава «Оттепель», но не “разрядка” (1953 – первая половина 1954 г.)»].
- Волков М.Н., Лекаренко О.Г.* Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947-1955 гг.). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2009.
- Егорова Н.И.* Европейская безопасность, 1954-1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.
- Женевское совещание глав правительств четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (18-23 июля 1955г.). Документы и протоколы. М., 1955.
- Хормач И.А.* СССР-Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М.: ИРИ РАН, 2005. Том II.
- Rose C.* Interview with Sir Clive Rose on 30 August 2003, by Virginia Crowe // British Diplomatic Oral History Programme. Churchill College. Cambridge. P. 20-21. URL: <https://www.chu.cam.ac.uk/media/uploads/files/Rose.pdf>
- Архивные фонды:**
- АВП РФ. Ф. 046. Оп.22а. П. 212а. Д.3.
- АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23.
- АВП РФ. Ф. 0448. Оп. 1. П. 1. Д. 1.
- РГАЭ. Ф. 413. Оп.13. Д.8772.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д.115.
- TNA. T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Inward saving telegram from Washington to Foreign Office. Sir R. Makins. July 18, 1955.
- TNA. T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference: should there be a World Economic Conference? G. van Loo, 1st July 1955.
- TNA. T229/871.Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference- possible World economic conference, W. Strath. 5th July 1955.
- TNA. FO 371/150092. European Economic Organizations Department. The question of the Soviet initiative in ECE regarding participation in the reorganization of OEEC was raised in the NATO Council by M. Spaak. Confidential. From Sir F. Roberts, UK Delegation to NATO, Paris. April 27, 1960.
- TNA. FO 371/150091 European Economic Organizations Department. Comments on the text of Firubin’s remarks about about the Soviet Union and the reorganized OEEC. Confidential. Sir P.Gore-Booth. 27th April, 1960.
- HAEU. ВАС 056/1980-235, Fol. 0142-0146.

- AMAE. Europe. URSS. 243. Note sur les travaux du Comité sur l'amélioration de la coopération internationale. Ministère des Affaires Étrangères. Paris, le 2 Mai 1958.
- AMAE. Cabinet du Ministre. Maurice Couve de Murville. 10. Direction Generale des Affaires Politiques, Europe. Service d'Europe centrale. Note pour le President du Conseil. Etat actuel de la préparation de la Conférence au sommet. 26 Juin 1958.

REFERENCES

- Berlinskoe soveshchanie ministrov inostrannykh del chetyrekh derzhav – SSSR, Velikobritanii, SSHA i Frantsii (25 janvaria – 18 fevralia 1954). Dokumenty I protokoly. Moscow, 1954.
- Bystrova N.I. SSSR I formirovanie voenno-blokovogo protivostoiania v Evrope (1945-1955). Moscow, 2007.
- Volkov M.N., Lekarenko O.G. Amerikanskaja krepost Evropa: politika SSHA po ukrepleniю oboronogo potentsiala stran Zapadnoi Evropy (1947-1955). Tomsk, 2009.
- Egorova N.I. Evropeiskaja bezopasnost, 1954-1955: poiski novykh podhodov. Moscow, 2003.
- Zhenevskoe sovesthchanie glav pravitelstv chetyrekh derzhav – SSSR, Velikobritanii, SSHA i Frantsii (18-23 iulia 1955). Dokumenty I protokoly. Moscow, 1955.
- Khormach I.A. SSSR-Italia i blokovoe protivostoianie v Evrope: vtoraja polovina 40-h – pervaya polovina 60-h. Moscow, 2005.
- Rose C. Interview with Sir Clive Rose on 30 August 2003, by Virginia Crowe // British Diplomatic Oral History Programme. Churchill College. Cambridge. P. 20-21. URL: <https://www.chu.cam.ac.uk/media/uploads/files/Rose.pdf>

Михаил Аркадьевич Липкин, доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН, профессор МГИМО(У); mli@igh.ru

“Axial Years” of detente in Europe, or how to understand the good timing of event (1954, 1960, 1972)

The article on the basis of new documents from the Archive of External Politics of the Ministry of Foreign relations of the Russian Federation, the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Economics, the National Archives (UK), Archives du Ministère des affaires étrangères (France) analyzes the story of little known soviet initiatives and their perception from the Western part, evaluates the chances for success and reasons for not timely U-turns towards cooperation from the Soviet side. The author comes to a conclusion that neither sensation character of fresh initiatives nor the awareness of the intimate tactical plans of the rivalries during the talks can become a guarantee of success if the prepared essential diplomatic event is ahead of time and ahead of expectations of the other side during the talks. Too radical changes even for better can bring mistrust and suspicion sometimes obstructs and not helping the process of rapprochement.

Keywords: USSR, detente, Conference on Security and Cooperation in Europe, UN European Economic Commission, NATO, OEEC, talks, trust, security

Mikhail Lipkin, Dr. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of World History, Russia Academy of Sciences, Professor, MGIMO University); mli@igh.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИМПЕРСКОМ ПРОШЛОМ В ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1970-х ГОДОВ¹

Статья посвящена рассмотрению места и роли исторических образов в популярной музыкальной культуре Великобритании 1970-х гг. на примере лондонской панк-группы “The Clash”. Ориентируясь на остросовременную тематику расизма, проблемы иммигрантов в Англии и борьбу британских колоний за независимость, музыканты, тем не менее, часто обращались к историческим темам. Привлекая, прежде всего, сюжеты национальных историй бывших колоний и – более широко – сюжеты разных национальных войн, музыканты транслировали критическое представление об имперском прошлом Великобритании. В статье исследуется, какие исторические сюжеты «использовались» панк-музыкантами в 1970-е гг. и как конструировалось само высказывание о прошлом.

Ключевые слова: репрезентация прошлого, история, популярная музыка, музыкальная культура, панк-рок, Великобритания, “The Clash”.

Тематика исторических представлений в массовой культуре и репрезентаций прошлого на протяжении последних двух десятилетий стала предметом целого ряда дискуссий в сфере гуманитарных и социальных наук: от социологии культуры и *cultural studies* до новой культурной истории и культурной географии². Отдельным направлением исследований форм и техник перевода исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций стало изучение представлений о прошлом и истории в медиа, массовой литературе, в музейном пространстве, коммеморативных практиках, искусстве. Однако далеко не все культурные формы изучаются в этой связи равномерно. Исследователи уделяют большое внимание визуальным искусствам, в особенности живописи, телевидению и кино³, которые, с одной стороны, очевиднее вовлечены в процессы меморизации и идентификации, с другой, легче поддаются анализу в силу своей образно-нарративной природы и самого языка репрезентации. Следует отметить, что параллельно исследованиям визуального стало изучение музыкальных форм, главным образом, джаза, классической музыки и оперы⁴, в которых происходит активное обращение к музыкальным традициям прошлого

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

² См.: The Historical Film...; Walsh 2002; Liddington 2002. P. 83–93; Феномен истории...; Время – История – Память...; Савельева, Полетаев 2008; Groot 2008; Gray, Bell 2013; Nicholas, O’Malley, Williams 2013.

³ См.: Rosenstone 1995; Hayward 2000; Самутина 2003; Вишленкова 2011.

⁴ См.: Nolchlin 1989; Lawson, Stowell 1999; Butt 2002; Music of the Past, Instruments and Imagination...; Fry 2011. P. 307–331; Frühauf, Hirsch 2014.

и/или обыгрываются конкретные исторические сюжеты и персонажи, достаточно легко «считываемые» зрителем/слушателем. Между тем, популярная музыка, как и классическая, предоставляет разные конструкции для разных вариантов обращения с прошлым. Существуют не только отдельные музыкальные жанры, в рамках которых происходит стилизация или детальная реконструкция исторических музыкальных форм и воссоздание атмосферы определенных исторических периодов⁵, но и репрезентации отдельных исторических сюжетов на разных уровнях нередко становятся важной составляющей художественного языка популярных музыкальных групп и исполнителей.

При анализе музыки любого типа исследователь сталкивается с многочисленными проблемами декодирования смыслов и понимания структуры данной культурной формы. В связи с этим возникает ряд вопросов: как происходит репрезентация прошлого в массовой культуре в целом и в популярной музыке в частности, как строится музыкальное высказывание о прошлом, какие существуют возможности для работы с ним на разных уровнях.

В фокусе настоящего исследования находится рассмотрение особенностей репрезентации прошлого в популярной музыкальной культуре Великобритании во второй половине 1970-х гг. на примере рок-группы из Лондона «The Clash», одного из ключевых представителей нового музыкального и культурного явления – панк. Остросовременное содержание панк-высказывания было направлено на критику британского общества того времени. Способы культурного выражения, выбранные панк-движением, были агрессивными и часто шокирующими, подчеркивая общую утрату социальной уверенности британским обществом, отчуждение, упадок городов и городской примитивизм, личностное переживание одиночества и тотальный пессимизм. Как отмечает историк Джиллиан Уайтли, после революционных и полных надежд шестидесятых годов семидесятые экономически, политически и социально стали для Великобритании временем разочарования, замешательства и запустения, а культурная жизнь оказалась чрезвычайно политизированной и настроенной на волну трансформаций в стране⁶. Панк-группа «The Clash», как и другие коллеги «по цеху», в основном, была сосредоточена на жесткой критике социальной обстановки в Англии,

⁵ Например, музыкальное направление фолк-рок, в рамках которого музыканты обращаются как непосредственно к тематике прошлого, так и к обыгрыванию и переработкам традиционных мелодий. Так, известный британский фолк-исполнитель Филипп Донован (*Donovan*) сфокусирован на средневековых сюжетах, а музыканты современной популярной фолк-группы из Великобритании «*Blackmore's Night*» собирают и реконструируют кельтский, скандинавский и германский фольклор, аранжируя его с использованием не только современных музыкальных инструментов, но и воссозданных инструментов XIII–XV вв.

⁶ Whiteley 2010. P. 39.

активно обращаясь к расовым проблемам, вопросам миграции и новой политики в отношении бывших колоний. Размышляя над актуальными современными проблемами, музыканты «The Clash», одними из первых в панк-движении обратились к широкому набору сюжетов различных национальных историй, прежде всего, историй бывших британских колоний, европейской истории и истории США. Настоящее исследование сосредоточено на анализе исторической образности и репрезентационных тактик в работе группы «The Clash» и сфокусировано на следующих вопросах: каким образом и какое прошлое было представлено на разных уровнях в творчестве группы, как музыканты с ним работали и какое культурное значение имело их высказывание о прошлом.

Исследования популярной музыки

За последние тридцать лет произошли существенные изменения в теоретико-методологических подходах исследований музыки. «Традиционными» дисциплинами, сосредоточенными на анализе музыки и музыкального, по-прежнему остаются музыковедение и социология музыки, базирующиеся на определенных философских установках понимания музыки и подходах к ее изучению. Музыковеды сфокусированы в большей степени на анализе классической музыки и джаза, изучая композиционную структуру нотной записи, музыкальные каноны, полифонию и гармонические построения мелодий и отводя второстепенную роль условиям исполнения музыки и рецепции ее слушателем. Социологи в большей степени сосредоточены на исследовании коммуникативной, социальной и символической природы музыки, обращаясь к проблематике ее производства, дистрибуции и потребления разными группами слушателей, а также места музыки в процессе различения и разграничения социальных групп. Однако в последние годы наблюдается сближение новых направлений музыковедения (прежде всего, «нового музыковедения») и «новой культурной истории». Как отмечает музыковед Джейн Фалчер, эти дисциплины разделяют общие представления об исследовании культуры и культурных объектов, прежде всего, необходимости изучения форматов и особенностей устройства культурного понимания, значения и практик⁷. В этом контексте изучение различных репрезентаций, прежде всего власти и социальных структур (в определении Дюркгейма), в классической музыке и опере стало активно развивающимся направлением, включившем музыку в поле интереса историков.

Правомерность же «присутствия» популярной музыки в академическом поле в западной историографии продолжительное время оспаривалась. Появление исследований популярной музыки связано, прежде всего, с возникновением и развитием *cultural studies*, непосредственной практической задачей которых стало обнаружение конфликта, выявляе-

⁷ The Oxford Handbook of the New Cultural History of Music... P. 3.

ние властных отношений и столкновений между различными интересами, главным образом, в повседневной культуре (популярной и медийной). Отойдя от адорновской дихотомии «высокой» (серьезной) классической музыки и «низкой» (легкой, развлекательной) популярной музыки, исследователи обратились к изучению экспликаций политического в музыкальной культуре, прежде всего, на примере британского панк-движения второй половины 1970-х гг. (Д. Хэбдидж⁸, Дж. Сэведж⁹). Понимая недостаточность критического языка Адорно для анализа популярной музыки, исследователи сосредоточились на осмыслении последней как совокупности социальных институтов и практик (С. Фрис¹⁰, Ф. Тэгг¹¹), что позволило взглянуть на нее как на коммуникативную среду, в рамках которой все элементы взаимосвязаны. Такое понимание популярной музыки легло в основу *popular music studies* – направления культурных исследований, появившегося в Великобритании в начале 1980-х годов. Основу методологического инструментария *popular music studies*¹² составляет переход от текстового анализа, т.е. от использования партитур (которыми почти никогда не пользуются сами производители и исполнители популярной музыки) и прочих текстов в качестве основного источника, к изучению социальных институтов и культурных практик: музыкальной индустрии, способов звукозаписи, способов презентации и дистрибуции музыкальной продукции, характера аудитории и разных способов рецепции, и т.д. Формат популярной музыки в силу отсутствия заданного «автором» сценария(ев) исполнения размывает границы определения самого музыкального продукта, которым оказывается не только песня в ее музыкальной и текстовой форме как некая единица, но и жесты музыкантов, их внешний вид (*stage presence*), промо-кампании, концертное исполнение и контакт с публикой.

Итак, я буду опираться на выработанное в *popular music studies* понимание популярной музыки как многоуровневой системы социальных институтов и практик, включающих: создание и запись музыкального продукта, его презентацию (включая видеоклипы, концерты, обложки альбомов, концертные выступления музыкантов), распространение и рецепцию аудиторией. Соответственно, репрезентация конкретного культурного содержания, в контексте данной работы – исторических образов, невозможно лишь на одном уровне, а для исследования того, как различные модусы темпорального задействуются в музыкальном высказывании, необходимо его рассматривать комплексно. Тем не менее, в силу самого устройства академических текстов, в большей степени я буду обращаться

⁸ Hebdige 1979; 1988.

⁹ Savage 1991.

¹⁰ Frith 1978.

¹¹ Tagg 1982. P. 37–67.

¹² См.: Wicke 1990; Middleton 1990; Shuker 2001; Toynbee 2000; Wall 2003.

к текстам песен, также описывая концертные выступления музыкантов, их визуальные оформления (обложки альбомов, афиши), техники звукозаписи и игры на музыкальных инструментах.

Панк-движение в Англии 1970-х годов

Как уже отмечалось выше, культурная жизнь Великобритании в 1970-е гг. в значительной степени коррелировала с другими сферами социальной жизни, а многие культурные явления и акции являлись своеобразным массовым критическим высказыванием в отношении разных актуальных проблем. Исследователь Джон Сэведж указывает на то, что послевоенная перестановка сил, лишившая Великобританию экономической и политической мощи и стратегически сделавшая страну зависимой от США, наиболее очевидной стала в середине 1970-х гг., оказавшись одной из самых обсуждаемых тем в массовой культуре¹³. Летом 1975 года британское правительство констатировало прогрессирующую рецессию, показатели безработицы оказались худшими со времен Второй мировой войны. Помимо сокращения экономического прироста, государственные расходы возросли до 45% национального дохода, что угрожало дисбалансу экономики, и уже в ноябре 1975 года канцлер казначейства Великобритании Денис Хили представил пакет значительного уменьшения государственных расходов на ближайшие годы. Второй наиболее острой проблемой для Великобритании стал вопрос иммиграции, активно обсуждаемый еще со времен речи «Реки крови»¹⁴ консерватора Эноха Пауэлла в 1968 г. Проблема иммиграции усугублялась последовательными волнами переселенцев из Уганды, Малави и других африканских стран, Индии и Пакистана и к середине 1970-х гг., как указывает историк Гэвин Шаффер¹⁵, транслировалась как нарастающий расовый конфликт не только «Британским национальным фронтом»¹⁶, но и национальными медиа (радио и телевидение BBC). Эта атмосфера была подчеркнута значимой речью на тот момент уже лидера консервативной партии Маргарет Тэтчер на «Гранادا-ТВ» (27 января 1978 г.)¹⁷, в которой будущий премьер-министр связала страхи пост-имперской Великобритании с предрассудками в отношении «черных» иммигрантов. В своей речи М. Тэтчер заявила, что современные британцы действительно боятся, что Англия может быть перенаселена

¹³ Savage 1991. P. 108.

¹⁴ В речи политик представил перспективы развития страны при свободной иммиграции из стран Содружества, показав масштабы расовой ненависти в Великобритании.

¹⁵ Shaffer 2010. P. 110.

¹⁶ Британский национальный фронт» – радикально-националистическая политическая партия, основанная в 1967 г., получившая наибольшую поддержку в середине 1970-х гг. Партия активно использовала недовольство притоком иммигрантов в избирательной гонке 1976 года на выборах в Совет Большого Лондона.

¹⁷ Widgery 1986. P. 13-14.

людьми с другим культурным бэкграундом и это будет заставлять их отстаивать «чистоту» своего государства¹⁸.

Движение британского панка, оформившееся к 1976 г. и активное до 1980 г., во многом было связано с двумя обозначенными выше проблемами: социальной нестабильностью, безработицей и экономическим кризисом, с одной стороны, и с проблемой расизма, с другой. Несмотря на некоторую игру с фашистской и нацистской символикой (прежде всего, со свастикой и символикой Третьего рейха), панк-движение позиционировало себя как антирасистское. В этом контексте группа «The Clash», ставшая одним из лидеров панк-движения¹⁹, обратилась к проблемам современности посредством как открытой критики сложившейся ситуации в Великобритании, что было общей чертой панк-направления, так и через репрезентации исторических сюжетов, аллюзии на музыку и культуру прошлого. Группа была сформирована в Лондоне в 1976 г. вокалистом и ритм-гитаристом Джо Страммером (Joe Strummer), гитаристом Миком Джонсом (Mick Jones), басистом Полом Симоном (Paul Simonon) и барабанщиком Николасом «Топпером» Хидоном (Nicky «Topper» Headon). В середине 1970-х британская музыкальная индустрия неохотно реагировала на новые музыкальные группы, которые стремились выступить с критикой социально-политической ситуации в стране²⁰. Ведущие рекорд-лейблы в большей степени поощряли развитие поп-музыки или же модного прогрессивного рока²¹, поэтому зарождающееся панк-движение не получило никакой поддержки представителей британской музыкальной индустрии. После активно бойкотируемых властями гастролей по Англии в поддержку набирающей популярность панк-группы «Sex Pistols» в январе 1977 года музыканты «The Clash» подписали контракт с американским рекорд-лейблом «CBS Records», однако ориентировались, прежде всего, на актуальную для Великобритании проблематику и на британскую аудиторию, преимущественно, рабочую молодежь²².

Данная работа сосредоточена на анализе четырех альбомов группы, выпущенных в период с 1977 по 1980 год и получивших широкую популярность в Великобритании и США: «The Clash» (рекорд-лейблы

¹⁸ Как отмечает Джон Сэведж, не затрагиваемые ранее, но резко ощутимые темы стали не просто сферой интересов экстремистских организаций, а артикулировались самим британским правительством (Savage 1991. P. 480).

¹⁹ В музыкальной прессе группу характеризовали как второе по величине панк-явление после группы «Sex Pistols»: Sounds. January 1. 1977. P. 8–9.

²⁰ Savage 1991. P. 113.

²¹ Прогрессивный рок – направление, характеризующееся использованием сложных музыкальных форм на основе академической музыки и джаза и виртуозным исполнением, а также более широким, по сравнению с традиционными жанрами рок-музыки, набором музыкальных инструментов (включая, клавишные и духовые).

²² Сравнивая «The Clash» с другими представителями панк-движения, музыкальные журналисты характеризовали первую как «консолидирующую радикальный образ рабочего класса [...] и бедных окраин Лондона»: Sounds. April 2. 1977. P. 27.

«Sony Music/Columbia», «Epic», вышел в апреле 1977 г. в Англии и в июле 1979 г. в США), «Give 'Em Enough Rope» («Sony Music/Columbia»; «Epic», ноябрь 1978 г.), «London Calling» («Sony Music/Columbia»; «Epic», декабрь 1979 г.), «Sandinista!» («Sony Music/Columbia»; «Epic», декабрь 1980 г.). Тематически репрезентации истории и образы современности, к которым обращались музыканты «The Clash» на разных уровнях, я сгруппировала по трем категориям: *образы национальных историй, расовые столкновения и социальные проблемы*. В данной работе я остановилась на рассмотрении только первых двух категорий.

Репрезентация национальных историй

Образы национальных историй в песнях группы «The Clash» были представлены, с одной стороны, сюжетами военной истории, чаще всего национальных революций и локальных протестных движений, не всегда известных и очевидных слушателю; с другой стороны, широко известными событиями из истории Великобритании, США и мировых войн. Если в первом случае репрезентация исторических образов была направлена на демонстрацию угнетения бывших британских колоний и борьбу за независимость и права молодых национальных государств, возникших после распада Британской империи, то во втором случае выбранные музыкантами сюжеты были призваны подчеркнуть агрессию и империалистические стремления мировых держав, главным образом, Великобритании и США. Рассмотрим детальнее данные сюжеты, последовательно представленные в четырех альбомах группы «The Clash».

Ранние работы музыкантов были сфокусированы на тематике любви, школьных отношений, расставаний (песни «How Can I Understand the Flies», «Mark Me Absent», «I've Got a Crush on You»²³), но уже материал, вошедший в первый одноименный альбом «The Clash»²⁴, в целом стал критическим комментарием к текущим событиям в Великобритании. В песнях затрагивались проблемы безработицы (например, «Career Opportunities») и рутинной работы (например, «48-Hours») и, главным образом, нарастающего насилия и авторитаризма в стране (песни «1977», «Remote Control», «Hate and War»). Исторические сюжеты использовались музыкантами как инструмент описания проблем современности.

²³ Песни были записаны в течение 1976 года, но не вошли ни в один из альбомов группы и лишь несколько раз исполнялись на концертах: The Clash... P. 72.

²⁴ Дебютный альбом «The Clash», вышедший в апреле 1977 года, стал самым продаваемым в США (более 100 тыс. копий альбома было продано еще до его релиза в 1979 г.): The Clash... P. 120. В Великобритании альбом получил самые положительные отзывы и был поставлен на 1-ое место альтернативного чарта журналом «Sounds»: Sounds. 1977. April 9. P. 31; May 7. P. 12. Британские власти активно бойкотировали проведение концертов группы «The Clash» в силу резкой критики социально-политической ситуации в стране, открыто выражаемой группой, что, в свою очередь, еще больше усилило интерес к музыкантам со стороны британской аудитории и прессы: Sounds. 1977. May 21. P. 56; July 16. P. 12–13.

Так, в одной из программных песен альбома «I'm So Bored With the U.S.A.» содержалась критика «наплыва» и широкой популярности современной американской культуры. Всестороннее влияние США, в частности, иллюстрировалось через аллюзии на Вьетнамскую войну за счет использования таких фраз, как «*Yankee soldier*», «*killers in America*», «*He met it in Cambodia*», а также «*Watergate Tapes*», отсылавшей к записям разговоров президента Ричарда Никсона в Белом доме и Уотергейтскому скандалу 1972–1974 гг. Музыканты чаще всего выбирали конкретные события из национальной или мировой истории для акцентирования внимания на определенных смыслах, эмоционального выражения и/или усиления образности. Так, в песне «*London's Burning*» из этого же альбома через метафору разрушительного Великого пожара, произошедшего в Лондоне в 1666 г. и уничтожившего значительную часть построек в центре города, выражалась безысходность и замкнутость современного британского общества: «*London's burning! London's burning! / All across the town, all across the night / Everybody's driving with full headlights / Black or white turn it on, face the new religion / Everybody's sitting round watching television!*»).

Аналогичными инструментами отсылки к прошлому являлись музыкальная форма и визуальные образы группы. Так, песня «*English Civil War*» из альбома «*Give 'Em Enough Rope*» мелодически была основана на американском военном гимне времен Гражданской войны «*When Johnny Comes Marching Home*», которую, как указывает биограф группы Крис Салевиц, Джо Страммер помнил по урокам музыки в средней школе²⁵. В тексте, написанном Страммером, поднимались темы растущего авторитаризма, выраженные через аллюзию на Армию Нового образца, созданную по инициативе Оливера Кромвеля в 1644 г. в ходе Гражданской войны в Англии: «*As we watched the speech of an animal scream / The new party army was marching right over our heads*». Сами же музыканты для усиления агрессивности образа, и чтобы подчеркнуть алармистское настроение также часто выступали в военизированных костюмах с патронташем и в грубой солдатской обуви, визуально отсылающих к военной форме периода Второй мировой войны (в особенности во время тура в поддержку альбома «*Combat Rock*», 1982)²⁶.

Отсылки к истории не имели оценочного характера и не использовались как аргумент в рассуждениях о прошлом. Музыканты обращались к наиболее драматичным сюжетам национальной и мировой истории в качестве иллюстрации современной ситуации в Великобритании и мире. Заглавной темой альбома «*Give 'Em Enough Rope*», вышедшего в ноябре 1978 г. и занявшего 2-ю строчку в национальном чарте (British charts)²⁷

²⁵ Salewicz 2006. P. 232.

²⁶ См. выступление группы: The Essential Clash... 01:47:40–01:51:00.

²⁷ Альбом получил широкую популярность и в Северной Америке: Salewicz 2006. P. 242.

в первую же неделю релиза, стало глобальное угнетение и подчинение. В качестве приложения к альбому были опубликованы географические карты («Clash Atlas»), на которых были изображены военные и террористические события в разное время и в разных странах в представлении самих музыкантов «The Clash»: нейтронная бомба в США, Красные бригады в Италии, Фракция Красной Армии в Германии (Баадер/Майнхоф), геноцид аборигенов в Австралии, режим Пол Пота в Камбодже, конфликты в Северной Ирландии и Ольстерский кризис²⁸. Обложка же альбома являлась своеобразным переосмыслением памятника «End of the Trail», установленного в г. Ваупун (штат Висконсин, США), изображающего индейского воина, падающего с коня. На обложке альбома был изображен китайский солдат верхом на лошади, стоящий перед телом ковбоя, над которым склонились стервятники, что, как отмечают сами музыканты, символизирует критику империалистической политики США²⁹.

Отдельно следует отметить музыкальную стилистику группы «The Clash». После проведения гастролей в поддержку дебютного альбома группы осенью 1977 года вокалист Джо Страммер и гитарист Мик Джонс отправились в революционную Ямайку (в город Кингстон), где готовили материал для второго альбома и активно сотрудничали с местными музыкантами³⁰. В результате, принципиальным новшеством альбома «Give 'Em Enough Rope» стало освоение музыкальной традиции ямайского регги. Джо Страммер отмечал, что в середине 1970-х в музыкальной культуре Великобритании существовало представление о том, что «белый» музыкант не может и не должен играть регги подобно тому, как это происходило с блюзом в 1940-е гг.³¹ Музыканты «The Clash» демонстрировали глубокое знание регги-культуры и инкорпорировали регги-мотивы в свою музыку: изменили ритм с ускоренного на синкопированный «раскачанный»; расширили состав музыкальных инструментов (включили духовые и клавишные); изменили структуру песен, добавив в стандартную «куплетно-припевную» схему длинные интро и интервалы между куплетами; начали использовать технику речитативного чтения. Так, в программной песне «Safe European Home», представлявшей критику нестабильности в современной Европе, можно услышать имитирование ямайского акцента при полу-проговаривании и полу-пропевании послесловия. Как отмечает исследователь Брайан Коган³², для британского панк-движения, регги стал символической музыкой притесненных и угнетенных, прежде всего, ямайских и индийский иммигрантов³³.

²⁸ The Clash... P. 181.

²⁹ Egan 2015. P. 60–61.

³⁰ Salewicz 2006. P. 202.

³¹ The Clash... P. 166.

³² Cogan 2014. P. 36.

³³ В связи с этим прослушивание таких ямайских регги-музыкантов как Август Пабло (Augustus Pablo), Кинг Табби (King Tubby) и Ли Перри (Lee Perry) носи-

Следующий альбом – «London Calling»³⁴, вышедший в декабре 1979 года, представлял больше вариантов обращения к историческим сюжетам, прежде всего, военным. Заглавная одноименная песня альбома «London Calling» первоначально называлась «News of Clock Nine»³⁵, что было отсылкой к девятичасовому вечернему выпуску новостей BBC, однако позже музыканты решили назвать песню по позывной фразе радио BBC во время Второй мировой войны – «London Calling»: «*London calling to the faraway towns / Now war is declared, and battle come down*». Если в первой части песни рисовались картины хаоса и волнений в военном и, проводя параллели, современном Лондоне, во второй части музыканты обратились к актуальной тематике угрозы ядерной войны: «*The ice age is coming, the sun's zooming in / Engines stop running, the wheat is growing thin / A nuclear error, but I have no fear / 'Cause London is drowning, and I live by the river*». Во время тура по США в январе-феврале 1979 года, носившего название «Pearl Harbour tour», вместе с группой выступал легендарный американский ритм-энд-блюз-музыкант Бо Диддли, который на концертах говорил о Второй мировой войне и в шутку рассказывал о собственном укрытии от ядерной атаки³⁶. В песне «Spanish Bombs» были представлены отсылки к партизанскому движению в Испании во время гражданской войны 1936–1939 гг. и любимому поэту Джо Страммера Федерико Гарсия Лорке, ставшему символом духовной катастрофы революционной Испании: «*Spanish songs in Andalusia / The shooting sites in the days of '39 / Oh, please, leave the ventana open / Fredrico Lorca is dead and gone*». Вокалист группы Джо Страммер в интервью журналу «Melody Maker» отмечал прямые отсылки в песне к испанской гражданской войне: «Я думал о Гранаде в 1936 г., когда репрессии были особенно сильными»³⁷. Название же песни имело отношение к актуальным на тот момент новостям о бомбежке баскскими террористами туристических центров в Испании, которые Страммер, характеризовал как «эхо испанской гражданской войны»³⁸. В песне же «The Card Cheat» содержались отсылки к Столетней войне и Крымской войне, выражавшие, в целом, тематику отчужденности (как и в других песнях альбома, например, «Jimmy Jazz» и «Wrong 'Em Boyo») и демон-

ло символический смысл аффилирования себя с данной культурой. Музыканты «The Clash» активно обращались к их творчеству в своих интервью и концертных выступлениях. См., например: Westway to the World... 00:36:24–00:38:34.

³⁴ Альбом занял 9-ю строчку в UK Chart и характеризуется музыкальными журналистами как один из лучших альбомов не только в истории группы «The Clash», но и мировой популярной музыки: The Clash... P. 236.

³⁵ Биограф группы Крис Салевич приводит отрывок из черного варианта текста песни: «*London Calling News of clock nine Birth Control – there's a plot on it London Calling the past is a cult*»: Salewicz 2006. P. 265.

³⁶ Gray 2009. P. 182.

³⁷ Gray 2009. P. 243.

³⁸ The Clash... P. 240.

стрировавшие нежелание подчиняться властям, широко пропагандируемое панк-движением: «*From the Hundred Year War to the Crimea / With a lance and a musket and a Roman spear / To all of the men who have stood with no fear / In the service of the King*». Военные сюжеты разных национальных историй, таким образом, оказались наиболее яркими и агрессивными образами, моментально «захватывавшими» внимание слушателей и усиливавшими смысл и посыл самих песен.

Вторая составляющая альбома «London Calling» – обращение к специальным национальным сюжетам, представленным через конкретные культурные реалии. Так, в песнях «The Guns of Brixton» и «Rudie Can't Fail» исследовались схожие темы давления, чувства виктимизации, обиды и злости, ограничений, «рассказанные» от лица молодых представителей иммигрантских сообществ в Великобритании. Немаловажно было использование определенных слов и терминов в текстах песен группы и во время их концертных выступлений. Как указывает исследователь Шон Эган³⁹, слово «rudie», использовавшееся музыкантами «The Clash» в песне «Rudie Can't Fail», в 1960-е гг. было сленговым названием грубых невоспитанных молодых людей на Ямайке, выходцев из сельской местности, переехавших в город. Песни о «rudie» («*rudie-songs*») служили своего рода социальным комментарием и наставлением для молодого поколения Ямайки⁴⁰. Обращение к данной терминологии было ориентировано как на иммигрантскую аудиторию Великобритании, так и на жителей бывших колоний, став демонстрацией поддержки их борьбы за права и независимость. Музыканты также использовали подобные отсылки и в музыкальной форме. Например, песня «Revolution Rock» из альбома «London Calling» изначально была записана ямайским музыкантом Денни Рэйем и группой «The Revolutioneers» в 1976 г., но стала широко известна именно в исполнении «The Clash», что было манифестацией единения с иммигрантским ямайским сообществом Великобритании.

Следующий альбом группы «Sandinista» (1980)⁴¹ был в большей степени сфокусирован на сюжетах национальных историй, объединяя их общей темой борьбы за права и независимость новых стран от влияния Великобритании и США. Название альбома «Sandinista», как отмечали сами музыканты⁴², являлось прямой ссылкой на Никарагуанскую армию свободы (Сандинистский фронт национального освобождения), которая с середины 1960-х вела борьбу с правившей в Никарагуа династией Сомоса, завершившуюся в 1979 г. свержением и изгнанием президента Никарагуа Анастасио Сомосы. Важное место в альбоме заняла тематика

³⁹ Egan 2015. P. 114.

⁴⁰ Gray 2009. P. 218-219.

⁴¹ Альбом вышел в декабре 1980 года и занял 19 место в национальном чарте: The Clash... P. 280.

⁴² The Clash. The New Visual Documentary... P. 62.

имперского прошлого Великобритании, сюжеты которого были выбраны для демонстрации плачевных последствий ее политики. Так, в песне «The Leader» содержались отсылки к Второй англо-бурской войне 1899–1902 годов, закончившаяся победой Британской империи над бурскими республиками в Африке: «*But the leader never leaves his door ajar / As he swings his whip from the Boer War*». В песне «Kingston Advice» рисовались устрашающие картины современной Ямайки, пострадавшей от колониальной политики Великобритании, но все же продолжающей борьбу за права и независимость: «*In these days the beat is militant / Must be a clash there's no alternative / In these days nations are militant / We have slavery under government*». Песня «Something About England» стала выразительной музыкальной отсылкой к прошлому – музыканты обратились к широко известному британскому мюзик-холлу и популярным в массовой культуре мелодиям викторианской и эдвардианской Англии. Символическое обыгрывание традиции мюзик-холла было достаточно распространено практикой в британской популярной музыке еще с начала 1960-х годов и служило трансляции «английскости» («Englishness») той или иной группы; но музыканты «The Clash» музыкально подчеркнули значение и посыл песни. Содержательно, в песне была представлена критика современных политиков и простых британцев, обвиняющих иммигрантов в социальных болезнях общества, а также едкие замечания по поводу того, что ни промышленная революция, ни две мировые войны не смогли упразднить классовую систему в современном мире: «*They say immigrants steal the hubcaps / Of the respected gentlemen / They say it would be wine an' roses / If England were for Englishmen again // The next war began and my ship sailed / With battle orders writ in bed / In five long years of bullets and shells / We left ten million dead*».

Музыканты не раз подчеркивали в интервью⁴³, что политические, экономические, социальные проблемы современности следует искать в прошлом, хоть и заявляли о «смерти» истории и необходимости создания чего-то нового (что, в целом, было общей тенденцией идеологии панк-движения). В связи с этим для демонстрации неверной политики современных британских и американских властей музыканты обращались к разным сюжетам прошлого и современности. Так, в песне «Washington Bullets» из альбома «Sandinista» в исторических фактах и персонажах отмечалось влияние американского империализма на страны Латинской Америки: Карибский кризис («*And in the Bay of Pigs in 1961, / Havana fought the playboy in the Cuban sun, / For Castro is a colour, / Is a redder than red, / Those Washington bullets want Castro dead*»); революция в Никарагуа 1979 г. («*When they had a revolution in Nicaragua, / There was no interference from America*»); фигура президента Чили Сальвадора

⁴³ См. интервью с музыкантами группы: New Musical Express. July 15. 1978. P. 27–30; Savage 2009. P. 261.

Альенде («*Remember Allende, and the days before, / Before the army came*»); убийство чилийского поэта и политического активиста Виктора Хара во время переворота в Чили в 1973 г. («*Please remember Victor Jara, / In the Santiago Stadium*»). Аналогичным образом музыканты представили картину империалистической политики США в Азии последних десятилетий в песне «*Charlie Don't Surf*», заключая, что Америка стремится распространить свою агрессию и влияние на весь мир: «*The reign of the super powers must be over / So many armies can't free the earth / Soon the rock will roll over / Africa is choking on their Coca Cola*».

На уровне производства и презентации материала присутствовали и отсылки к конкретным историческим сюжетам, прежде всего, Второй мировой войне как наиболее узнаваемой в массовой культуре иллюстрации агрессии, жестокости и империалистических интенций разных государств. Так, во время записи альбома «*Sandinista!*», как указывали музыканты⁴⁴, они использовали отрывки из военных хроник воздушных боев периода Второй мировой войны и классических военных фильмов, которые они одолжили в Имперском военном музее в Лондоне, прежде всего фильмы об авиа-сражениях «*Битва за Англию*» («*Battle of Britain*», 1969) и «*Тора! Тора! Тора!*» («*Tora, Tora, Tora*», 1970). Лидер группы Джо Страммер отмечал⁴⁵, что он увлекался чтением мемуаров участников Второй мировой войны, что стало источником понимания современных реалий и было использовано музыкантами для создания исторических образов на сцене. Так, в качестве видеоряда во время концертных выступлений группы по Англии в 1978 г. использовались кадры из хроник немецких бомбардировок во время Второй мировой войны, а также фотографии военных столкновений в Северной Ирландии начала 1970-х⁴⁶. Образы самих музыкантов также акцентировали агрессивную военную тематику, например, бас-гитарист группы Пол Симонон выступал в грубой стилизованной военной одежде периода Второй мировой войны⁴⁷. Та же проблематика обыгрывалась в музыкальных видеоклипах группы, транслируемых на национальном телевидении. Так, в видеоклипе⁴⁸ на антивоенную песню «*The Call Up*» (альбом «*Sandinista!*», 1980), снятом известным британским режиссером, сторонником панк-движения и также представителем ямайской диаспоры Доном Летсом, музыканты предстали в военной одежде, окруженные военной атрибутикой и техникой, а барабанщик группы Топпер Хидон был одет как летчик-истребитель периода Второй мировой войны. Историчность и острая актуальность мате-

⁴⁴ The Clash... P. 199.

⁴⁵ Salewicz 2006. P. 308.

⁴⁶ См. фотографии с концертных выступлений: The Clash... P. 199; см. записи выступлений: Westway to the World... 00:10:16–00:11:31.

⁴⁷ Salewicz 2006. P. 222.

⁴⁸ Is Video Clash... 00:15:00–00:20:02.

риала группы дополнялась активной общественной деятельностью ее участников. Музыканты «The Clash» неоднократно выступали в поддержку оппозиционеров текущего режима в Сальвадоре в начале 1980-х гг., а также наряду с популярными британскими группами «Queen», «The Pretenders», «The Who» и музыкантом Элвисом Костелло в декабре 1979 года приняли участие в «Концерте для народа Кампучии» («Concerts for the People of Kampuchea»).⁴⁹ Мероприятие было организовано экс-участником группы «The Beatles» Полом Маккартни в поддержку жертв геноцида режима Пол Пота в Камбодже. Аналогичным образом на громкий и ожидаемый концерт в «Bond's International Casino» в Нью-Йорке в июне 1981 года Джо Страммер пригласил пресс-секретаря Комитета солидарности с народом Сальвадора, чтобы прочитать речитативную часть во время исполнения песни «Washington Bullets»⁵⁰.

Исторические образы в работе группы «The Clash» были в большей степени сосредоточены на сюжетах национальных историй бывших британских колоний, но не были ими ограничены. Обращаясь также к историям африканских и латиноамериканских стран, музыканты артикулировали проблематику угнетения и насилия по отношению к национальным движениям, что также было репрезентировано через обращение к вопросам расовых столкновений. В этом контексте не только тематика песен и формат презентации материала, но и общественная позиция музыкантов группы были «включены» в работу с прошлым.

Расовая проблематика

К середине 1970-х на волне подъема борьбы за независимость бывших колоний⁵¹ иммигранты, проживавшие в Великобритании, начали предпринимать попытки заявить о своих правах. Так, в 1976 г. традиционный Ноттинг-Хилльский карнавал⁵², проходящий в Лондоне с 1958 г., сопровождался митингами и шествием с лозунгами против расового не-

⁴⁹ Raha 2014. P. 118.

⁵⁰ Shannon 2014. P. 20.

⁵¹ Следует отметить, что в 1974 г. в контексте дискуссии о признании сионизма формой расизма ООН приняла резолюцию № 3246 о признании права наций на самоопределение и права бывших колоний на достижение независимости, в том числе путем вооруженного столкновения, что вызвало массовую одобрительную реакцию среди иммигрантских сообществ в Великобритании.

⁵² В районе Ноттинг-Хилл еще с конца 1950-х гг. с принятием «Закона о британском гражданстве» (1948), дававшем право выходцам из стран Содружества наций после распада Британской империи на свободное переселение в Великобританию, проживали представители африканско-карибских сообществ: Egan 2015. P. 9. Принятое в 1962 г. Акт об иммиграции из стран Содружества и в 1968 г. поправки к Акту, ужесточающие условия получения гражданства, существенно ограничивали въезд в Англию для жителей бывших колоний и доминионов, разрешая его лишь высококвалифицированным мигрантам. Для селившихся в трущобах иммигрантов карнавал стал своего рода способом самовыражения, на котором обычно исполнялась традиционная музыка и продавалась национальная еда: Whitehead 1985. P. 221–223.

равенства. Вокалист группы «The Clash», принимавшей участие в демонстрациях, Джо Страммер, описывал эти события как первое в Англии столь массовое проявление недовольства «цветных» кварталов ущемлением их прав⁵³. Как отмечает Брайан Коган, «музыкальным сопровождением» карнавала были «угрожающий тяжелый бит и воинственные тексты регги»⁵⁴, еще более подчеркивающие политическую обстановку бывших колоний. Находясь под жестким экономическим, социальным и политическим давлением, летом 1976 года беженцы, жившие в трущобах квартала Ноттинг-Хилл, испытывали особенно сильные притеснения со стороны лондонской полиции. В результате, традиционный карнавал патрулировался не 200 полицейскими, как в предыдущие годы, а 1600, вызвав гнев и раздражение у участников празднования, что привело к двухдневным ожесточенным столкновениям.⁵⁵

Участие в демонстрациях в Ноттинг-Холл, по замечанию Джо Страммера⁵⁶, стало отправной точкой политизации материала группы. Так, песня «White Riot»⁵⁷ с дебютного одноименного альбома «The Clash» (1977)⁵⁸, написанная после участия в беспорядках в Ноттинг-Хилл летом 1976 года⁵⁹, стала острым критическим комментарием угнетению африканских и азиатских иммигрантов в Англии и выражала поддержку их борьбы за признание своих прав: «*Black men gotta lot of problems, but they don't mind throwing a brick / White people go to school, where they teach you how to be thick*». Как отмечает исследовательница Мария Раха⁶⁰, помимо манифестации против расовых притеснений в стране, песня «White Riot» стала протестом против традиционных британских устоев, требованием социального урегулирования и справедливости, а также призывом к борьбе с мрачной социально-экономической рецессией в Англии в 1970-е гг., которая привела к отчуждению рабочей молодежи. Внутринациональная тематика «обыгрывалась» также и визуально. По словам бас-гитариста группы Пола Симонона⁶¹, при оформлении обложки альбома «The Clash» он вместе со звукорежиссером Бернардом Родсом просмотрел большое количество дисков ямайских групп и исполнителей с целью стилизации «заглавного» изображе-

⁵³ Savage 2009. P. 264.

⁵⁴ Cogan 2014. P. 38.

⁵⁵ Savage 1991. P. 233-234.

⁵⁶ Westway to the World... 00:23:13–00:25:03.

⁵⁷ Сингл «White Riot», несмотря на то, что не получил достаточной радиоротации из-за своего политического подтекста, все же вошел в Топ-40 лучших песен первой недели апреля 1977 года: Savage 1991. P. 330.

⁵⁸ Помимо двух регги-песен с открыто политическим содержанием, «White Riot» и «Police and Thieves», основными темами альбома стали гедонизм («синих воротничков») и агрессия (напр., песни «Career Opportunities» и «What's my Name»).

⁵⁹ The Clash... P. 105.

⁶⁰ Raha 2014. P. 109.

⁶¹ The Clash... P. 125.

ния. В итоге, в качестве обложки была выбрана черно-белая фотография, на которой группа «The Clash» была представлена во время беспорядков в Ноттинг-Хилл летом 1976 года, обрамленная милитаристским зеленым цветом, популярным в то время среди регги-музыкантов. Аналогичным образом в песне «White Man In Hammersmith Palais» (песня была выпущена на американском релизе альбома «The Clash» в 1979 г.) описывались протесты ямайских поселенцев во время карнавала в Ноттинг-Хилл, и при этом – значимость самой музыки регги: «*Ken Boothe for UK pop reggae / With backing bands sound systems / And if they've got anything to say / There's many black ears here to listen*». Участники группы также использовали стенсилы (трафареты) для нанесения на сценическую одежду надписей, ставших слоганами группы (напр., «Hate and War»), и фраз из песни «Rockers» ямайского регги-музыканта Таппера Зуки (Tapper Zukie) «Heavy Manners» и «Heavy Duty Discipline»⁶².

Брайан Коган указывает, что музыканты «The Clash» отмечали особую значимость регги в современной им Великобритании не просто как музыки местного сопротивления (как это было во время карнавала в Ноттинг-Хилл), но и в целом как музыки социального протеста и как музыки бывших британских колоний, стремящихся отвоювать свою независимость⁶³. Басист «The Clash» Пол Симонон, который больше других участников группы был увлечен музыкой регги, помимо эстетических и инновационных в музыкальном плане качеств этого жанра в большей степени обращал внимание на его историко-культурное значение: «Регги – это не то, что вы можете услышать по радио. Это то, к чему вы можете быть причастны, что-то наподобие вашего самоощущения – у них были свои столкновения, у нас – наши. Черные люди до сих пор угнетаются, нас также угнетают, и в этом отношении у нас много общего»⁶⁴. Дж. Свэдж подчеркивает, что «регги передавало опыт наиболее заметных на тот момент аутсайдеров Англии»⁶⁵, увлеченность регги стала жестом культурного сопротивления, способом борьбы с предрассудками в отношении иммигрантов и в то же время средством «развенчания» образа великого имперского прошлого Великобритании.

Музыканты нередко обращались к теме расовых различий, критикуя политические и социальные реалии Великобритании 1970-х. В песне «Clampdown» (альбом «London Calling», 1979) обыгрывалась тематика антисемитизма, широко обсуждаемая в то время в британских СМИ и на заседаниях Парламента: «*Taking off his turban, they said, is this man a Jew?*

⁶² Savage 2009. P. 259. Британская музыкальная журналистка Вивьен Голдман опубликовала статью о Таппере Зуки как наиболее видном и значимом наряду с Бобом Марли ямайском регги-музыканте, параллельно обсуждая вопросы положения иммигрантов в Великобритании: Sounds. April 8. 1978. P. 31.

⁶³ Cogan 2014. P. 38.

⁶⁴ Sounds. September 3. 1977. P. 25.

⁶⁵ Savage 1991. P. 238.

/ *'Cause they're working for the clampdown*». Аллюзия, отсылающая к расовым различиям, содержалась и во второй части песни, где голубоглазый работник фабрики начинал надевать *«the blue and brown»*, что отсылало к форме нацистской армии довоенного периода. Окончание песни было безрадостным, поскольку после получения власти главный персонаж стал подавлять других работников, вплоть до убийства, что символически напоминало об опыте нацистского режима в Германии. Позже *«The Clash»* снова обращалась к этой теме в видеоролике и обложке сингла *«Rock the Casbah»* (альбом *«Combat Rock»*, 1982)⁶⁶, сопоставляя арабов и хасидов и пытаясь показать жестом снятия тюрбана пренебрежительное отношение к иммигрантам в Великобритании. В ряде песен – *«The Guns of Brixton»* (*«London Calling»*, 1979), *«The Crooked Beat»* (*«Sandinista!»*, 1980) и *«Corner Soul»* (*«Sandinista!»*, 1980) – иллюстрировались расовые столкновения в лондонских районах в конце 1970-х – начале 1980-х, напрямую отсылая к речи Эноха Пауэла *«Реки крови»* (1968): *«Is this music calling for a river of blood?»* (песня *«The Crooked Beat»*). Прямые отсылки к историческим сюжетам (напр., к Второй мировой войне) или же аллюзии на широко известные в Великобритании исторические факты и события (вроде речи Э. Пауэла) служили музыкантам *«The Clash»* для демонстрации последствий прошлого и/или предостережения от совершения подобных ошибок в будущем.

В контексте нарастающего расового притеснения в Великобритании во второй половине 1970-х панк-движение заняло ярко выраженную критикующую позицию⁶⁷, в формировании которой группе *«The Clash»* принадлежало одно из лидирующих мест. Актуальная на тот момент идея создания антирасистской организации возникла не на политическом уровне, а была связана, прежде всего, с британской популярной музыкой. В августе 1976 г. популярный британский блюзмен Эрик Клэптон, известный в том числе своими кавер-версиями на регги композиции (например, на классическую песню Боба Марли *«I Shot The Sheriff»*), прервал свое выступление на концерте в Бирмингеме речью в поддержку Эноха Пауэла, назвав его «единственным политиком, говорящим правду ради благосостояния государства»⁶⁸. Через несколько дней сразу три ведущих британских музыкальных журнала *«New Musical Express»*, *«Sounds»* и *«Melody Maker»* опубликовали сообщения с критикой Клэптона и призывом создать организацию для борьбы с расизмом в популярной музыке⁶⁹. Итогом стало оформление обществен-

⁶⁶ Gray 2009. P. 269-270.

⁶⁷ Критике «Национального фронта» представителями панк-движения были посвящены несколько специальных выпусков музыкальных изданий: *Sounds*. April 20. 1977. P. 26; *New Musical Express*. July 22. 1978. P. 7–8; *Melody Maker*. May 6. 1978. P. 3.

⁶⁸ Widgey 1986. P. 40.

⁶⁹ См.: *New Musical Express*. August 14. 1976. P. 5; *Sounds*. August 14. 1976. P. 3; *Melody Maker*. August 14. 1976. P. 3.

но-музыкального движения «Рок против расизма» («Rock against Racism»), с идеей не просто борьбы с расизмом в среде британских музыкантов, но и на более широком общественном уровне. Для демонстрации масштаба назревших проблем и привлечения к ним внимания властей и ряда политических организаций, как отмечали участники и идеологи движения⁷⁰, предполагалось проведение широко освещенного в прессе рок-концерта в лондонском Ист-Энде, где были особенно активны представители «Национального фронта». Осенью 1977 года небольшая группа активистов движения «Рок против расизма» при содействии британской музыкальной прессы⁷¹ (прежде всего, журналов «Sounds» и «New Musical Express») стала подбирать потенциальных музыкантов, писателей и художников перформативного искусства для участия в концерте. В апреле 1978 года при поддержке прокоммунистической общественной организации «Антинацистская лига» («Anti-Nazi League») в парке Виктории в восточном Лондоне был проведен масштабный фестиваль «Rock Against Racism»⁷² под лозунгом «Регги, соул, рок-н-ролл, джаз, фанк и панк – это наша музыка» («Reggae, Soul, Rock and Roll, Jazz, Funk and Punk: Our Music»)⁷³. Хедлайнерами фестиваля стала группа «The Clash» наряду с панк-группой «X-Ray Spex», музыкантом Томом Робинсоном и регги-группой «Steel Pulse»⁷⁴. Музыканты «The Clash» и менеджер группы Бернард Родс в качестве одного из условий участия в фестивале назвали также поддержку оппозиционеров режима сегрегации в бывшей британской колонии Зимбабве⁷⁵.

Музыкальное высказывание «The Clash», устроенное в целом, сложнее и разнообразнее, чем сообщения других британских панк-рок групп, в основе своей имело протест против социальных проблем и политического «застоя» Великобритании семидесятых. Ориентация на музыкальные традиции бывших британских колоний (прежде всего, регги) и их популяризация, наряду с обращением к злободневным расовым и социальным проблемам и активной общественной и политической позицией музыкантов, резонировали с настроениями разных групп британского общества. Вместе с этим, несмотря на острую актуальность своего материала, музыканты «The Clash» активно обращались к историческим сюжетам, переопределяя их значение в контексте современности. Критикуя Великобританию семидесятых, «The Clash» неизбежно обращались к разным сюжетам прошлого для наглядной демонстрации

⁷⁰ Widery 1986. P. 41.

⁷¹ Sounds. September 3. 1977. P. 23–27.

⁷² Лето 1978 г. было ознаменовано серией антирасистских фестивалей и карнавалов, прошедших по всей стране и собравших, по данным Д. Виджери, более 400 тыс. человек: Widery 1986. P. 91.

⁷³ Widery 1986. P. 53.

⁷⁴ Westway to the World... 00:47:38–00:48:49.

⁷⁵ Tranmer 2014. P. 96.

проблем современности, причина которых во многом виделась в наследии имперского прошлого страны. Обыгрывание сюжетов национального прошлого, обращение к историям бывших колоний и к современным проблемам иммигрантов, живущих в Англии (и в Лондоне, прежде всего), совместная работа с «черными» музыкантами – все это работало на развенчание образа величия Великобритании как имперского государства. Именно этот период британской истории представлялся и демонстрировался как антигуманный и ошибочный, к решению последствий которого активно призывали сами музыканты.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аудиовизуальные источники:

- The Clash. The Clash: музыкальный альбом. [L.]: Sony Music/Columbia; Epic, cop 1977. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Продолжительность: 00:35:21 мин.
- The Clash. Give 'Em Enough Rope: музыкальный альбом. [L.]: Sony Music/Columbia; Epic, cop 1978. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Продолжительность: 00:36:58 мин.
- The Clash. London Calling: музыкальный альбом. [L.]: Sony Music/Columbia; Epic, cop 1979. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Продолжительность: 01:05:58 мин.
- The Clash. Sandinista!: музыкальный альбом. [L.]: Sony Music/Columbia; Epic, cop 1980. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Продолжительность: 01:10:49 мин.
- This Is Video Clash / Directed by Lindsey Clinell, Don Letts, Keef & Co: сб. видеозаписей. [L.]: Epic, cop 1985. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). Продолжительность: 00:31:00 мин.
- The Essential Clash / Directed by Don Letts, Joe Strummer, etc.: сб. видеозаписей. [L.]: SMV Enterprises, cop 2003. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). Продолжительность: 01:51:20 мин.
- Westway to the World / Directed by Don Letts: документальный фильм. [L.]: SMV Enterprises, cop 2000. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). Продолжительность: 1:19:56 мин.

Периодика:

- New Musical Express. August 14. 1976. P. 5.
- New Musical Express. July 15. 1978. P. 27–30.
- New Musical Express. July 22. 1978. P. 7–8.
- Sounds. August 14. 1976. P. 3.
- Melody Maker. August 14. 1976. P. 3.
- Sounds. January 1. 1977. P. 8–9.
- Sounds. April 2. 1977. P. 27.
- Sounds. April 9. 1977. P. 31.
- Sounds. April 20. 1977. P. 26.
- Sounds. May 7. 1977. P. 12.
- Sounds. May 21. 1977. P. 56.
- Sounds. July 16. 1977. P. 12–13.
- Sounds. September 3. 1977. P. 25.
- Sounds. September 3. 1977. P. 23–27.
- Sounds. April 8. 1978. P. 31.
- Melody Maker. May 6. 1978. P. 3.

Литература:

- Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛЮ, 2011.
- Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания: уч. пос. СПб.: Алетейя; М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
- Самутина Н.В.* Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Пре-принт WP6/2003/05. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Феномен истории: сб. статей / Под. ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
- Butt J.* Playing with History: The Historical Approach to Musical Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Cloonan M.* What is Popular Music Studies? Some Observations // British Journal of Music Education. 2005. Vol. 22. No. 1. P. 77–93.
- Cogan B.A.* From the 101'ers to the Mescaleros, and Whatever Band was in-between: Joe Strummer's Musical Journey (Or, Why Woody?) // Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 31–48.
- Egan S.* The Clash. The Only Band that Mattered. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman&Littlefield, 2015.
- Frith S.* The Sociology of Rock (Communication and Society). London: Constable, 1978.
- Frühauft T., Hirsch L.E.* Dislocated Memories: Jews, Music, and Postwar German Culture. Oxford, New York: Oxford University Press, 2014.
- Fry A.* Remembrance of Jazz Past: Sydney Bechet in France // The Oxford Handbook of the New Cultural History of Music / Ed. J.F. Fulcher. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 307–331.
- Gray A.; Bell E.* History on Television. London; New York: Routledge, 2013.
- Gray M.* Route 19 Revisited. The Clash and London Calling. L.: Jonathan Cape, 2009.
- Groot de J.* Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. London; New York: Routledge, 2008.
- Hayward S.* Cinema Studies. The Key Concepts. London; New York: Routledge, 2000.
- Hebdige D.* Subculture, the Meaning of Style. London: Methuen, 1979.
- Hebdige D.* Hiding in the Light. On Images and Things. L.; New York: Routledge, 1988.
- Lawson C., Stowell R.* The Historical Performance of Music: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Liddington J.* What is Public History. Publics and Their Pasts, Meanings and Practices // Oral History. 2002. Vol. 30. No. 1. P. 83–93.
- Middleton R.* Studying Popular Music. Milton Keynes; Philadelphia: Open University Press, 1990.
- Music of the Past, Instruments and Imagination: Proceedings of the Harmoniques International Congress, Lausanne 2004. Publikationen der Schweizerischen Musikforschenden Gesellschaft / Ed. M. Latcham. Bern: Peter Lang, 2006.
- Needs K.* Joe Strummer and the legend of the Clash. London: Plexus, 2005.
- Nicholas S., O'Malley T., Williams K.* Reconstructing the Past: History in the Mass Media 1890–2005. New York: Routledge, 2013.
- Nolchlin L.* The Politics of Vision: Essays on Nineteenth-century Art and Society. New York: Harper & Row, 1989.
- Raha M.* The Last Gang in Town: Masculinity, Feminism, Joe Strummer and the Clash // Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 109–122.
- Rosenstone R.A.* Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

- Salewicz C.* Redemption Song. The Definitive Biography of Joe Strummer. London: Harper Collins Publisher, 2006.
- Savage J.* England's Dreaming: Sex Pistols and Punk Rock. L.: Faber and Faber, 1991.
- Savage J.* Joe Strummer // England's Dreaming Tapes. Interviews, Outtakes and Extras – the Essential Companion to “England's Dreaming”, the Seminal History of Punk. London; New York: Faber and Faber, 2009. P. 248–269.
- Shaffer G.* Race on the Television: The Writing of Johnny Speight in the 1970s // British Culture and Society in the 1970s: The Lost Decade / Eds. L. Forster, S. Harper. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 107–118.
- Shannon E.A.* “Don't Call Me Woody”: The Punk Compassion and Folk Rebellion of Joe Strummer and Woody Guthrie // Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 13–24.
- Shuker R.* Understanding Popular Music. London: Routledge, 2001.
- Tagg Ph.* Analyzing Popular Music: Theory, Method and Practice // Popular Music. 1982. Vol. 2: Theory and Method. P. 37–67.
- The Clash / Eds. J. Strummer, M. Jones, P. Simonon, T. Headon. L.: Atlantic Books, 2008.
- The Clash. The New Visual Documentary / Eds. J. Tobler, M. Peachy. London; New York; Sydney: Omnibus Press, 1992.
- The Historical Film: History and Memory in Media / Ed. M. Landy. L.: A&C Black, 2001.
- The Oxford Handbook of the New Cultural History of Music / Ed. J.F. Fulcher. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- The Popular Music Studies Reader / Eds. A. Bennett, B. Shank, J. Toynbee. London; New York: Routledge, 2006.
- Toynbee J.* Making Popular Music: Musicians, Creativity and Institutions. Oxford: Bloomsbury USA, 2000.
- Tranmer J.* The Creation of an Anti-Fascist Icon: Joe Strummer and Rock Against Racism // Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 93–108.
- Wall T.* Studying Popular Music Culture. London: SAGE, 2003.
- Walsh K.* The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Post-Modern World. London; New York: Routledge, 2002.
- Whitehead Ph.* The Writing on the Wall. Britain in the Seventies. L.: Michael Joseph Ltd., 1985.
- Whiteley G.* “New Age” Radicalism and the Social Imagination: Welfare State International in the Seventies // British Culture and Society in the 1970s: The Lost Decade / Eds. L. Forster, S. Harper. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010. P. 35–50.
- Wicke P.* Rock Music: Culture, Aesthetics and Sociology. Cambridge: CUPress, 1990.
- Widgery D.* Beating Time. Riot'n'Race'n'Rock'n'Roll. London: Chatto&Windus, 1986.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A.* Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M.: NLO, 2011.
- Время – Историја – Памјат': istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury / Pod. red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2007.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* Teorija istoricheskogo znaniya. SPb: Aleteiya; M.: GU-VShE, 2008.
- Samutina N.V.* Sovremennoe evropejskoe kino i ideja kul'tury («proshlogo»). Preprint WP6/2003/05. M.: GU-VShE, 2003.
- Феномен истории / Pod red. I.M. Savel'evoj, A.V. Poletaeva. M.: GU-VShE, 2005.
- Butt J.* Playing with History: The Historical Approach to Musical Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

- Cloonan M.* What is Popular Music Studies? Some Observations // *British Journal of Music Education*. 2005. Vol. 22. No. 1. P. 77–93.
- Cogan B.A.* From the 101'ers to the Mescaleros, and Whatever Band was in-between: Joe Strummer's Musical Journey (Or, Why Woody?) // *Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer* / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 31–48.
- Egan S.* *The Clash. The Only Band that Mattered*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman&Littlefield, 2015.
- Frith S.* *The Sociology of Rock (Communication and Society)*. London: Constable, 1978.
- Frühauft T., Hirsch L.E.* *Dislocated Memories: Jews, Music, and Postwar German Culture*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2014.
- Fry A.* Remembrance of Jazz Past: Sydney Bechet in France // *The Oxford Handbook of the New Cultural History of Music* / Ed. J.F. Fulcher. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 307–331.
- Gray A.; Bell E.* *History on Television*. London; New York: Routledge, 2013.
- Gray M.* *Route 19 Revisited. The Clash and London Calling*. L.: Jonathan Cape, 2009.
- Groot de J.* *Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. London; New York: Routledge, 2008.
- Hayward S.* *Cinema Studies. The Key Concepts*. London; New York: Routledge, 2000.
- Hebdige D.* *Subculture, the Meaning of Style*. London: Methuen, 1979.
- Hebdige D.* *Hiding in the Light. On Images and Things*. L.; New York: Routledge, 1988.
- Lawson C., Stowell R.* *The Historical Performance of Music: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Liddington J.* What is Public History. Publics and Their Pasts, Meanings and Practices // *Oral History*. 2002. Vol. 30. No. 1. P. 83–93.
- Middleton R.* *Studying Popular Music*. Milton Keynes; Philadelphia: Open University Press, 1990.
- Music of the Past, Instruments and Imagination: Proceedings of the Harmoniques International Congress, Lausanne 2004*. Publikationen der Schweizerischen Musikforschenden Gesellschaft / Ed. M. Latcham. Bern: Peter Lang, 2006.
- Needs K.* *Joe Strummer and the legend of the Clash*. London: Plexus, 2005.
- Nicholas S., O'Malley T., Williams K.* *Reconstructing the Past: History in the Mass Media 1890–2005*. New York: Routledge, 2013.
- Nolchlin L.* *The Politics of Vision: Essays on Nineteenth-century Art and Society*. New York: Harper & Row, 1989.
- Raha M.* The Last Gang in Town: Masculinity, Feminism, Joe Strummer and the Clash // *Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer* / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 109–122.
- Rosenstone R.A.* *Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- Salewicz C.* *Redemption Song. The Definitive Biography of Joe Strummer*. London: Harper Collins Publisher, 2006.
- Savage J.* *England's Dreaming: Sex Pistols and Punk Rock*. L.: Faber and Faber, 1991.
- Savage J.* *Joe Strummer // England's Dreaming Tapes. Interviews, Outtakes and Extras – the Essential Companion to "England's Dreaming", the Seminal History of Punk*. London; New York: Faber and Faber, 2009. P. 248–269.
- Shaffer G.* Race on the Television: The Writing of Johnny Speight in the 1970s // *British Culture and Society in the 1970s: The Lost Decade* / Eds. L. Forster, S. Harper. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 107–118.
- Shannon E.A.* "Don't Call Me Woody": The Punk Compassion and Folk Rebellion of Joe Strummer and Woody Guthrie // *Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer* / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 13–24.
- Shuker R.* *Understanding Popular Music*. London: Routledge, 2001.

- Tagg Ph.* Analyzing Popular Music: Theory, Method and Practice // Popular Music. 1982. Vol. 2: Theory and Method. P. 37–67.
- The Clash / Eds. J. Strummer, M. Jones, P. Simonon, T. Headon. L.: Atlantic Books, 2008.
- The Clash. The New Visual Documentary / Eds. J. Tobler, M. Peachy. London; New York; Sydney: Omnibus Press, 1992.
- The Historical Film: History and Memory in Media / Ed. M. Landy. L.: A&C Black, 2001.
- The Oxford Handbook of the New Cultural History of Music / Ed. J.F. Fulcher. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- The Popular Music Studies Reader / Eds. A. Bennett, B. Shank, J. Toynbee. London; New York: Routledge, 2006.
- Toynbee J.* Making Popular Music: Musicians, Creativity and Institutions. Oxford: Bloomsbury USA, 2000.
- Tranmer J.* The Creation of an Anti-Fascist Icon: Joe Strummer and Rock Against Racism // Punk Rock Warlord: the Life and Work of Joe Strummer / Eds. B.J. Faulk, B. Harrison. Farnham: Ashgate, 2014. P. 93–108.
- Wall T.* Studying Popular Music Culture. London: SAGE, 2003.
- Walsh K.* The Representation of the Past: Museums and Heritage in the Post-Modern World. London; New York: Routledge, 2002.
- Whitehead Ph.* The Writing on the Wall. Britain in the Seventies. L.: Michael Joseph Ltd., 1985.
- Whiteley G.* “New Age” Radicalism and the Social Imagination: Welfare State International in the Seventies // British Culture and Society in the 1970s: The Lost Decade / Eds. L. Forster, S. Harper. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010. P. 35–50.
- Wicke P.* Rock Music: Culture, Aesthetics and Sociology. Cambridge: CUPress, 1990.
- Widgery D.* Beating Time. Riot’n’Race’n’Rock’n’Roll. London: Chatto&Windus, 1986.

Колесник Александра Сергеевна, аспирант Школы исторических наук, стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; aleksa-kolesnik@yandex.ru

Representation of Imperial past in British popular music culture of the 1970s

The paper discusses the place and role of historical subjects in British popular music culture of the 1970s on the example of London based rock band *the Clash*. Focusing on acute contemporary themes of racism, oppression of immigrants in England, and the British colonies struggle for independence, however, musicians often turned to historical subjects. Drawing primarily scenes of national history of the former colonies, and, more broadly, the different subjects of national wars, musicians presented a critical view on the British imperial past. The paper examines how and which historical subjects were “engaged” in British punk music culture of the 1970s, and how the very statement about the past was constructed.

Keywords: history, representation of the past, popular music, music culture, punk rock, United Kingdom, the Clash.

Alexandra Kolesnik, Postgraduate student, School of History, Research Assistant, Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow; aleksa-kolesnik@yandex.ru

В. Ю. АПРЫЩЕНКО

ВРЕМЯ ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ¹

Современная европейская идентичность рассматривается в статье посредством анализа широкого спектра пространственно-темпоральных представлений. Автор использует теорию коллективной памяти для того, чтобы объяснить, как меняются дискурсивные границы в Европе, переживающей процесс интеграции и целый ряд интеллектуальных поворотов. Он приходит к выводу, что пространственно-временная карта Европы стала результатом трансформации исторического сознания, а кризис идентичности обусловлен наложением различных исторических нарративов и «символическим дефицитом» единого европейского пространства. Кризис может быть преодолен посредством выработки общей исторической памяти в ходе интеллектуальной интервенции и политического признания.

Ключевые слова: историческая / коллективная память, идентичность, пространственно-временные границы, историческое сознание, Вторая мировая война, европейская интеграция, исторический нарратив

Все первое десятилетие XXI в. прошло под не утихающие дискуссии о кризисе Европы, который грозит геополитическими потрясениями не только самим жителям Старого Света, но и утратой стабильности всей мировой цивилизации. Сначала т.н. «греческий вопрос» испортил настроение тем, кто предрекал единой Европе светлое будущее, в котором будут стерты границы между нациями и культурами. Общественные и политические деятели, относящие себя к евроскептикам, вновь заговорили о том, что Европа слишком многообразна, населена народами, с разными культурными традициями, и наиболее развитая ее часть не обязана кормить и снабжать кредитами те регионы, которые еще не готовы жить в едином европейском доме. Одновременно с этим, во второй половине 2015 г., дал о себе знать другой кризис – «миграционный», когда под влиянием обострившейся ситуации на Ближнем Востоке в Европу хлынули тысячи нелегальных иммигрантов. И снова часть политического истеблишмента заговорила о «Европе не для всех», а в противном случае Старому Свету грозит утрата собственной идентичности. Наконец, оба этих кризиса хотя и несколько затушевали, но не устранили полностью еще одну «угрозу» единой Европе. Регионализм, в первую очередь в лице Шотландии и Каталонии, организовавших референдум и голосование по вопросу о независимости, заставили повол-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа». Госзадание № 28.186.2016/РНЦ.

новаться многих политиков. Хотя в двух этих случаях независимость понимается несколько по-разному, и статус голосования в этих регионах был различным, идея заката наций и национализма, настойчиво звучавшая еще несколько десятилетий назад, теперь кажется далеко не столь реалистичной, а проблема соотношения национального и наднационального в ЕС остра как никогда прежде.

Третья волна евроинтеграции, в рамках которой разворачиваются дискуссии о будущем единой Европы, характеризуется особым вниманием к вопросам политики и практик европейской исторической памяти. Тогда как первая волна касалась проблем экономического объединения, вторая – политического единства, третья, связанная с внедрением «европейскости» на уровне знаний, целей и ценностей, оказалась наполнена наибольшим числом противоречий. При этом цель сближения европейских наций в сфере каждодневных практик должна быть распространена и на «Новую Европу» – те государства, которые по целому ряду характеристик отличаются от стран, составивших ядро ЕС. Очевидно, что расширяющиеся масштабы коммуникации между теми народами, которые ныне относят себя к ЕС, ставят перед политическими и интеллектуальными элитами, равно, как и перед обычными гражданами Европы, вопрос преодоления разного рода границ, в первую очередь культурных и языковых, а также проблему формирования общей исторической памяти.

Исследования исторической памяти пережили долгую череду взлетов и падений. Сегодня ряд авторов критически относятся к самому концепту «коллективная память». Делла Сала вообще отказывает европейской коллективной памяти в праве на существование, говоря о том, что память – это индивидуальная категория, и поэтому для описания внутренних связей в рамках коллективной идентичности лучше использовать термин «миф»². Р. Козеллек, также отстаивая идею индивидуального характера памяти, квалифицировал термин «коллективная память» как запутывающую метафору, которую следует заменить более адекватными категориями, такими как «традиция» или «историческое сознание»³. Более того, некоторыми исследователями «коллективная память» характеризуется как примордиальная категория, аналогичная концепту «национальная душа» или «национальный дух»⁴. Из этого вытекает вывод о том, что люди могут помнить, а нации и общества – нет.

В то же время сторонники категории «коллективная память», начиная с М. Хальбвакса, никогда не рассматривали ее как метафору для описания разных сообществ, будь то нация или раса. Используя концепт *memoire collective*, Хальбвакс обращал внимание на феноменологический характер того, что происходит, когда мы вспоминаем что-то: наши вос-

² Sala 2010. P. 4.

³ Koselleck 2000. P. 19, 20.

⁴ Klein 2000. P. 135.

поминовения осуществляются в определенном социокультурном контексте, а значит вспоминая, мы делаем это в соответствии с определенными культурными матрицами, отражающими нашу принадлежность к той или иной социальной группе. Если индивидуальные воспоминания попадают в коллективную память, они меняются и переносятся из сферы персонального в область коллективного сознания⁵. Критикуя бергсоновский индивидуализм, М. Хальбвакс акцентирует внимание на социальных рамках памяти, которая не сводится просто к сумме индивидуальных памятей и лишь в определенной степени зависима от них.

Пространственно-временные представления европейского общества сегодня формируются в условиях «мемориального бума», который являет себя во всем – от политических практик до меню ресторанов. Рубеж XX и XXI вв. стал временем историзации европейского общества, и это «возвращение к истории» воспринимается как «возвращение Европы». В то время как процесс экономической и политической интеграции начался в Европе в послевоенный период, волна культурной интеграции берет начало только с 1990-х гг., что, вероятно, было связано с окончанием Холодной войны и «размораживанием» ряда сложных вопросов. Воссоединение западно- и восточноевропейских стран, полагаемое как пространственная ре-унификация Европы, поставило и проблему темпорального объединения, что связано не только с разным уровнем развития стран европейского континента, но и с разным прочтением своего прошлого. Если с точки зрения уровня материального развития страны «Старой Европы» могли ожидать (а в действительности, требовать) от восточноевропейских государств определенного движения вперед, то в сфере коллективной памяти это был диалог равных – обеим сторонам было в чем упрекнуть друг друга.

В результате последнее десятилетие XX в. и начало нынешнего столетия стали временем формирования новых пространственно-темпоральных границ Европы. Сам континент как целостность стал пониматься по-новому, даже несмотря на то, что его ядро по-прежнему составляли государства, где идеи европейской идентичности имеют глубокие исторические корни. Если Копенгагенская декларация декабря 1973 г. о провозглашении европейской идентичности в целях защиты мировой позиции Европы заложила основу этого процесса, то окончание Холодной войны сделало его необратимым⁶.

Пространственно-темпоральные границы выполняют многие функции, присущие границам как феномену. Они обуславливают современную европейскую идентичность, но одновременно и зависят от нее. Это взаимовлияние в значительной степени связано с тем «символическим дефицитом», на который обращают внимание многие исследователи. Не

⁵ Хальбвакс 2005. С. 8.

⁶ The Meaning of Europe. 2002.

поспевая за скорыми и порой драматическими политическими трансформациями, европейские идентичности способствуют обострению конфликтов и противоречий, особенно в тех случаях, когда сложившиеся повседневные практики, объяснению которых любая идентичность и служит, не соответствуют структурным политическим изменениям. Символы же и мифы, являющиеся материалом для формирования идентичности, одновременно очерчивают пространственно-темпоральные границы. Символы, идентичности, и пространственно-темпоральные представления, в свою очередь, черпают свое содержание в исторической памяти.

Формирование пространственно-темпоральных границ в современной Европе позволяет говорить о двух способах взаимоотношений между политической идентичностью и исторической памятью. В первом случае речь идет о политической идентичности без исторической памяти, что подразумевает существование чувства принадлежности к единому политическому сообществу, но без разделяемой идеи общего прошлого. Динамичное расширение границ современной Европы требует новых политических институтов и практик, а также формирует эффект причастности к ним граждан Европы, создавая новый институт «европейского гражданства», закрепленный в Восьмой статье Маастрихтского договора. Это чувство принадлежности основано не только на общности интересов, но также и на осознании возрастающей роли новых политических ценностей. По словам Фурио Серутти, политическая идентичность основывается на наборе политических принципов, позволяющих отделить «нас» от «них»⁷. Второй путь формирования пространственно-временных представлений связан с их укорененностью в исторической памяти, когда, как замечает Клаус Эдер, «как минимум два человека разделяют общую память»⁸. Характер этой сопричастности к прошлому может варьироваться и включать как тех, кто был сам участником исторических событий, так и тех, кто разделяет общее ощущение прошлого. Это в свою очередь позволяет очертить дискурсивные границы, включая или исключая из них «своих» и «чужих». Политическая идентичность в этом случае воплощается в нарративах прошлого.

Эти два пути формирования пространственно-темпоральных границ могут быть разделены очень условно, как «идельные типы». Любая идентичность, включая политическую, существует, лишь основываясь на определенных нарративах, и в этом смысле любая идентичность – это разделяемый нарратив, основанный на «опознавании» общности. Даже общие политические ценности, о которых пишет Ф. Серутти требуют такого текста, в котором посредством серии «опознаваний» происходит определение «себя». Этот «речевой акт опознавания», представляющий собой процесс, а не результат, может быть выражен как в вербальной

⁷ Cerutti 2003. P. 28.

⁸ Eder 2005. P. 205.

или письменной речи, так и в дискурсивной форме, и включает в себя набор нарративов, в том числе символов, мифов, и исторических представлений, в которых определяются пространственно-темпоральные границы. В условиях быстрых геополитических трансформаций, с которыми столкнулась расширяющая свои границы Европа, ценность таких «речевых актов опознавания» признается как политической и интеллектуальной элитой, так и обычными гражданами, стремящимися легитимировать посредством прошлого новые политические практики.

Выполняя коммуникативную функцию, «речевой акт опознавания» играет еще и другую существенную роль. Очерчивая круг «своих» и «чужих», наделяя культурно-историческим смыслом пространство и время, а значит, определяя синхронные и диахронные границы, он тем самым «охраняет» внутреннее пространство сообщества. Используя образы прошлого, помещая его в современность, а значит актуализируя былое, «речевой акт опознавания» превращает историческую в посредника, через которого история каждый раз вызывает к современности. По словам Росса Пулла, «голоса памяти – это наши голоса, а требования памяти адресованы нам»⁹. Полагая память в качестве приглашения к действию, общество соглашается с ее мобилизационной функцией, которая особа важна в кризисные ситуации общественного развития.

В сфере трансформации коллективной памяти европеизация шла рука об руку с национализацией истории, что в некоторых регионах стало частью военных этнотерриториальных конфликтов, способствуя распаду многонациональных Югославии и Советского Союза. В странах Восточной Европы делящаяся национализация истории в значительной степени может быть объяснена реакцией на господство советской трактовки истории и отрицания национального прошлого этих стран. Более же масштабный европейский контекст национализации истории включает необходимость ответа на вопросы «кто такие *мы*» и «кто такие *они*», ставшие актуальными после того, как в условиях разрушения биполярного мира и становления мультикультурализма, регионализма и европеизации, проблема идентичности стала ассоциироваться с безопасностью.

Очевидно, что наиболее острые для современных европейцев вопросы, связанные с интеграцией, регионализмом и притоком мигрантов, могут быть структурированы вокруг пространственно-временной матрицы, в границах которой полагается Европа. Именно поэтому в дискуссиях о проблемах современной Европы и ее будущем, вопрос об истоках европейской идентичности является определяющим. Отношения между прошлым, настоящим и будущим полагаются основополагающими для европейской идентичности: чем Европа была, когда она «началась», и где она закончится – вот проблемы, в которых понимание темпоральных границ, обуславливает дискуссии о пространственном и политическом содержа-

⁹ Poole 2010. P. 32.

нии понятия «Европа». В условиях драматических изменений на европейском континенте целый ряд политиков и интеллектуалов поставили проблему «европеизации» коллективной памяти, порой заявляя о потребности в «наднациональной европейской памяти»¹⁰.

Идеи времени и пространства тесно переплелись в истории Европы, идентичность которой (в конструктивистском понимании) может быть описана как в синхронных, так и в диахронных категориях. Хотя связь между ними безусловна, представляется, что именно прошлое определяет современное понимание того, что есть Европа и каковы ее отличительные черты. Как и в любой сконструированной идентичности, многократно переработанная память, своего рода палимпсест, вместе с образами прошлого, дополненными современными мотивами, составляют ту пространственно-временную матрицу, которая вмещает всю совокупность представлений о современной Европе. Для европейской идентичности пространственно-темпоральная матрица идентичности в определенном смысле более важна, чем для национального самосознания, в первую очередь потому, что мифологические истоки континента отыскать, как правило, сложнее, чем национальные корни. Именно поэтому сегодня многие считают, что «европейская идентичность» является одной из наиболее иллюзорных, полагая, что Европа существует лишь в терминах географических, экономических и политических, но никак не в культурных категориях. Ссылаясь на Маастрихтский договор, евроскептики, как правило, забывают, что само это соглашение было бы невозможным, не обладай европейский континент набором культурных символов, превращающих его в нечто большее, чем просто географическое пространство. Да и само апеллирование к прошлому, как к основе современности, наделяет Европу смыслами единства.

Европейская историческая память, как и любой другой элемент коллективного сознания, инерционна. Ускорение процессов трансформации исторической памяти может свидетельствовать о внешнем вмешательстве, чреватом болезненными изменениями и даже коллективной травмой. Очевидно, что последнее десятилетие XX и начало нынешнего века стали именно таким периодом драматической эволюции европейского сознания в целом, и исторической памяти, в частности. Обусловленная целым рядом процессов, протекающих на европейском континенте, современная коллективная память является частью культурного и, одновременно, политического контекста. В первом случае, она не только задействует механизмы культурного воспроизводства, обуславливая существование целой индустрии памяти, но является основой культурных идентичностей. С другой стороны, историческая память – это и часть политического мира, поскольку она предполагает некий коллективный консенсус и легитимирует существующие отношения. При этом она осо-

¹⁰ Muller 2000.

знанно производится и воспроизводится как творцами, так и потребителями, которые множат ее в своих повседневных практиках.

Естественно, что идея европейского единства не нова, и попытки создать единую Европу предпринимались издавна. Основы европейского единого прошлого хотя и мифологичны, но вместе с тем целостны и метафоричны, что дает возможность каждый раз по-новому переосмысливать пространственно-временное содержание понятия Европа. Кроме того, повествуя о насильственном похищении, миф о сотворении Европы говорит не только о том, что такое сама европейская культура, но и дает представление о ее отношении с пространством, находящимся по соседству. Будучи похищенной Зевсом, превратившимся в белого быка, Европа, дочь царя Агенора, очаровала своего похитителя, и в ее честь был назван целый континент. Как и любой другой, это миф имеет разные трактовки. Геродот, а вслед за ним раннехристианский теолог Лактаций, попытались разоблачить эти идеи, демистифицировав эротическое содержание мифа и изъяв его из античных представлений. В их версии Европу похитил критский торговец и увез ее, предназначавшуюся для царя Астерия, на корабле, имеющем очертания быка. С тех пор жители Крита считают себя старейшими европейцами, а азиаты, чья дочь был насильственно увезена, рассматривают это похищение как тягчайшее преступление. Позже троянцы, стремясь отомстить, похитили Елену, дочь Менелая, в ответ на что Агамемнон, брат оскорбленного, начал самую известную в европейской истории войну. Укорененный в мифопоэтике, развитый в «Истории» Геродота, этот миф служит объяснением давнего непонимания между европейцами и азиатами.

Однако роль Азии в истории Европы всегда рассматривалась неоднозначно. С одной стороны, это давний соперник и в некотором смысле культурный антипод. Но с другой, бежавшие из-под стен Трои войны основали Рим – этот символ Западной цивилизации, а христианство, определившее как внутреннее содержание европейской культуры, так и ее отношения с соседями, зародилось как восточная религия. «Иисус Христос, источник истины и жизни, ...возблагодарил Азию, где был рожден, и Африку, за которую сражался, ...которые стали почти полностью европейскими», так в 1625 г. писал Самуил Пурчас, английский пропагандист заселения Америки, считавший, что лишь Европе принадлежит право осваивать новые континенты¹¹. «Почти полностью» в этой цитате означает, что даже Пурчас с его фанатичной преданностью идее европейского господства не мог отрицать роли других игроков в Азии.

Таким образом, похищенная азиатка дала имя Европе, скитальцы, бежавшие из-под стен Трои и основавшие Вечный город, дали ей политическую и культурную идентичность, а пророк – тоже выходец с Востока – ее религию. По Гегелю, хотя Европа и была «центром и концом» Ис-

¹¹ Purchas 1625. V. I. P. 45.

тории, началась История именно в Азии: «по своей характеристике Восток (*Orient*) – четверть мира, которая стала регионом происхождения»¹². Развитие цивилизации, движения империй, как и самого солнца, согласно мыслителям Нового времени, неизбежно шло с Востока на Запад.

Соседствуя с Азией, оспаривавшей время от времени идею Европы как центра мировой цивилизации, европейцы вынуждены были концептуализировать значение своего континента в иных категориях. Для греков и наследовавших им римлян отношения между ними и остальным миром основывались на теории климата и географического окружения. Северная часть мира, согласно этим концепциям, была заселена народами, чье негостеприимное климатическое окружение воспитало в них такие качества как храбрость и воинственность, но наряду с этим – невежество, а используя латинизированный термин, ставший центральным для европейской идентичности – нецивизованность». Те же, кто проживал на Юге, в Азии, были наоборот смышлены и умны, но медлительны, почти летаргичны, и категорически склонны к злоупотреблениям – свойства, ставшие для европейцев нарицательными при определении характера Востока. Европейцы же, тогда – жители Средиземноморья, находились между этими крайностями. Такое представление о Европе как о срединном пространстве между Севером и Югом, конечно же модифицированное в течение столетий, оказывало влияние на европейскую идентичность вплоть до XIX в. (чем как не отголоском таких представлений является предпринятое ООН в XX в. разделение на страны «развитые» и «развивающиеся»?). И Гегель в 1830-е гг., писавший о Средиземноморье как о «трех четвертях мира» и «Центре мировой истории», и Ф. Бродель, в 1960-е гг. характеризовавший регион Средиземного моря как «радианный центр» мира, откуда «исходит свет», – все это идеи, уходящие корнями в европейскую идентичность периода Древности.

По мысли Страбона, предпринявшего первую попытку объяснить превосходство Европы над другими регионами, баланс между природным и человеческим определил особое положение континента. Именно из-за этой гармонии, как считали многие мыслители, Европа стала родиной свободы и справедливого управления. Вслед за Геродотом, утверждавшим, что свобода греков коренится в том, что они подчиняются не людям, а законам, Вольтер, столетия спустя, сформулировал идею о том, что Европа – это «большая республика, разделенная на несколько государств», и все они имеют «общие правила закона и политики, неизвестные в других частях Света»¹³. А за несколько лет до этого Монтескье заметил, что большая Европы управляется «законом» (он, правда, не был уверен в отношении Испании), а Азия, Африка и Америка – деспотами¹⁴.

¹² Гегель 1993.

¹³ Цит. по: Нау 1968. Р. 123.

¹⁴ Монтескье 1999.

Говоря о верховенстве права и гражданственности, европейцы, как правило, относят формирование этих принципов к Новому времени. Сам термин *Modernity* должен был противопоставить нововременную Европу Средневековью. Вместе с тем он утверждал идею общности европейского прошлого. Именно с Нового времени, вероятно, можно говорить об общей пространственно-временной идентичности европейцев, которые имели не только общее прошлое, но и историю антагонизмов, которые им предстояло преодолеть.

Среди давних и наиболее известных попыток реализовать идеи европейского единства на практике следует, вероятно, вспомнить Карла Великого и Священную Римскую Империю. Однако издавна устремления в направлении европейского единства издавна наталкивались на разного рода преграды, в которых воплощались отдельные европейские идентичности – региональные, религиозные и культурные, политические и социальные. В этом смысле, идея национальной идентичности, противостоящая сегодня идее единой Европы, столь же не нова, и ее истоки вероятно можно искать в позднем Средневековье, в войнах шотландцев, англичан и французов XIV в., в истории (истории как тексте, конечно же, противостоящей истории-событию!) Жанны д'Арк, в объединении Испании под властью католических монархов, и других многочисленных примерах, когда идея нации имплицитно присутствовала в качестве идеи. Думается, что этот период был для европейских национальных идентичностей даже более важен, чем последующие столетия, когда национализм явил себя в качестве полноправной светской идеологии.

Параллельно с идеей европейских национальных идентичностей в позднее Средневековье и в Новое время оформлялось и представление о неравномерности развития европейских регионов. В этом смысле разделение на европейский Запад и Восток вмещало в себя не столько географическое, сколько темпоральное содержание, которое вытесняло более архаичную бинарную оппозицию «Север – Юг», где Север ассоциировался с дикостью и варварством, тогда как Юг – с цивилизацией и культурой. В новом пространственно-темпоральном разделении Восточная Европа стала рассматриваться как своего рода индустриальные задворки, в которых социальные отношения и институциональная структура были далеки от идеалов капиталистического Запада, а культура – мало затронута влиянием Западного Просвещения. Именно тогда отношениям между Западом и Востоком Европы был придан новый темпоральный вектор, в котором время стало рассматриваться не просто в качестве движения из прошлого в будущее, но как эволюция от менее сложных к более сложным формам, в чем бесспорно очевидно влияние просветительских идей с их культом прогресса.

Хотя сегодня такой подход в значительной мере (но не полностью!) изжил себя, привычка определения Европы и европейцев посредством пространственно-временной матрицы дает о себе знать, особенно в пе-

риоды геополитических потрясений. В частности, когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Европа сотрясается переменами, связанными с распадом социалистического лагеря, не раз высказывалось мнение об «отставании» и «недостаточной европейскости» стран Восточной и Центральной Европы, и о тех уроках, которые им еще предстоит усвоить в сфере социального, политического и экономического поведения. С новой силой эти нарративы вновь проявились в первой половине 2000-х гг. со вступлением в ЕС группы восточноевропейских государств¹⁵. Наконец, после 11 сентября 2001 г. вновь зазвучали голоса, вроде призыва Дональда Рамсфелда, провести разделительную линию между «Старой» и «Новой» Европой, что отражало не только геополитические идеи, но пространственно-временные представления.

Вопрос о том, как менялось представление европейцев о прошлом, настоящем и будущем в условиях геополитических изменений, и, особенно, в эпоху, когда Европа заявляет о себе как о «глобальном игроке», обладающем особым взглядом на устройство мира, интересует не только интеллектуальные, но и политические элиты. Очевидно, что в основе этих представлений лежат идеи устройства прошлого, и видение будущего, и в этой связи идея темпоральности играет в современных геополитических представлениях жителей Старого Света решающую роль.

После окончания Холодной войны целый ряд ведущих европейских мыслителей, рассуждавших в категориях «геофилософии» пытались определить содержание понятия *Европа*. Сама память о прошедших годах конфронтации не только актуальна в свете современных событий, но также оказала существенное влияние на формирование нового мирового порядка в постбиполярную эпоху¹⁶. Идея Европы как '*civitas futura*' принадлежит, в частности, итальянскому философу и теоретику политики Массимо Каччари¹⁷. Р. Козеллек также описывал Европу в категориях будущего времени. По его мнению, *Европа* – это концепт, который может быть определен в терминах былого «опыта» и «ожиданий» будущего, и эти две категории лежат в основе европейской идентичности¹⁸. Французский социолог и философ Эдгар Морен высказал в своих «Размышлениях о Европе» схожие идеи, в частности, что Старый Свет определяет себя не посредством оппозиции к внешним врагам, «а, скорее, как постоянную борьбу с собой», в особенности со своим прошлым и «грядущим будущим»¹⁹. Цитируя чешского философа Яна Паточка, Морен пишет о том, что чувство Европы лежит в осознании того факта, что «проблемы истории не могут быть решены. Они должны остаться навсегда»²⁰. Наконец,

¹⁵ Kuus 2006.

¹⁶ Узародов 2015.

¹⁷ Sacciarì 1994.

¹⁸ Koselleck 1979. P. 355.

¹⁹ Morin 1990. P. 56.

²⁰ Bialasiewicz 2009. P. 3.

само название книги Зигмунда Баумана «Европа. Неоконченное приключение», где в центр анализа положено стремление европейцев преодолеть «Европу, существующую в реальности», свидетельствует о понимании континента как находящегося в будущем, в то время как вся современность является подготовкой к этому грядущему²¹.

Такое понимание идеи Европы является идеализированным представлением о будущем, своего рода современным вариантом «Золотого века», к которому стремится история. Именно поэтому межвоенный период в истории Европы многими признан временем нереализованных возможностей – постоянная борьба между «реальностью» и «идеальностью», как об этом выразился Поль Валери²². Представление о Европе как о лаборатории мира вновь оживает теперь не в плане философской рефлексии, но также как институционализирующая попытка политического и геополитического самоопределения. В последние десятилетия Европа описывается в категориях гражданской, нормативной и транснормативной власти, что, хотя и представляет собой геополитический идеал, помимо этого имеет и реальные геополитические эффекты.

Сложные отношения Европы со своим прошлым проявились в критические моменты ее истории. Так было в послевоенный период, так случилось и после окончания иракской войны. По мнению таких мыслителей, как Этьен Балибар, Жак Деррида, Юрген Хабермас, вторжение в Ирак было важным событием для европейцев по крайней мере по двум причинам. Во-первых, стал очевиден массовый антивоенный протест повсюду в Европе, что явилось первой попыткой кристаллизации европейского общественного мнения. Хабермас назвал это рождением «европейской публичной сферы»²³. Реакция европейцев на вторжение войск в Ирак продемонстрировала сильные антиамериканские настроения и критическую оценку роли США на Ближнем Востоке. Все это одновременно явилось первой попыткой альтернативного взгляда и геополитического позиционирования Европы. Если ранее, со времени окончания Второй мировой войны, роль США в освобождении Европы была важнейшей частью представлений европейцев о своем прошлом, то Иракская война стала водоразделом в отношениях двух континентов – отныне европейцы должны были прийти на помощь американским союзникам²⁴.

Иракская война также означала и определенный разрыв внутри европейской целостности. Наиболее существенный раздел прошел между значительной частью общественного мнения в 15-ти странах ЕС, с одной стороны, и представлениями стран «Новой Европы» (восточной и центральной частей континента), население которой выказало гораздо более

²¹ Bauman P. 7–8.

²² Valery 1957.

²³ Bialasiewicz, Elden, Pinter 2005. P. 3.

²⁴ Old Europe, New Europe, Core Europe... 2005.

существенную поддержку американской политике, что некоторыми комментаторами было названо «смесью прагматизма и оппортунизма»²⁵. Три Восточно- и Центрально-европейские государства – Чехия, Венгрия и Польша, были среди подписантов знаменитого Письма Восьми «Объединенные мы стоим» в поддержку американских усилий в Ираке. Именно тогда американский министр обороны Д. Рамсфелд сказал о разделе, прошедшем по Европе, где с одной стороны оказались государства Восточной и Центральной Европы вместе с Британией, Данией, Португалией и Испанией, разделяющими американское желание ответить вызовам войны, а с другой – «Старая Европа», возглавляемая Германией и Францией, продемонстрировавшие слабость и упрощенный взгляд на ситуацию. Но все это вместе воспринималось как распад европейской семьи, спровоцированный разным отношением к войне, объявленной террору. Это разделение сохранилось и в последующие годы, означая не только разные геополитические представления и поведение части новых членов ЕС, но также отражая представление о том, что такое Европа. Идеальный взгляд на Европу как на «особое место человеческой надежды», пространство прав и ценностей, предназначенных для всех, отныне по-разному трактовался в теперь уже в двадцати пяти членах ЕС.

В целом геополитические потрясения лишь упростили появление уже существующих различий внутри Европы. Вместе с тем, «геополитическое вертиго», начало которому было положено американской «войной террору», заставило всех жителей Старого Света озаботиться вопросом о европейской геополитической идентичности: после 2001 г. дискуссии были сфокусированы на вопросе о том, как могут быть объяснены геополитические различия, и что в конечном счете объединяет народы, населяющие Европу. Эти потрясения не исключали и того факта, что между США и отдельными странами Европы складывались «особые» отношения, вроде тех, что традиционно существовали между ними и Великобританией²⁶. Этот фактор тоже оказывает влияние на формирование пространственно-темпоральных границ Европы, в которых переплетены региональный, национальный и наднациональный уровни.

Вопрос о культурном содержании «европейскости» сегодня занимает не только евробюрократов, но также ученых, преподавателей, журналистов – словом, всех тех, кого в той или иной степени относят к творцам коллективных идентичностей. Содержание европейского тайника ценностей сегодня временно оказалось открытым благодаря многочисленным дебатам, которые Эрнст Ренан метафорически назвал «ежедневным плебисцитом». В этом смысле официальное определение европейских границ гораздо менее значимо, чем то, что представляют на суд зрителей интеллектуалы, задающие аналитические рамки и предлагаю-

²⁵ Michnik 2003. P. 17.

²⁶ Айриян 2014.

щие инструменты для изучения культуры, идентичности и исторической памяти современной Европы.

Как внутреннее, так и внешнее пространство современной Европы определяется сегодня на трех уровнях – институциональном, публичном, и образовательном. Первый, институциональный уровень связан с формальными политическими организациями и властью, что подразумевает формирование особых мнемонических практик официальных институтов. В этом смысле «сосредоточением памяти» являются правовые тексты, политические декларации, общественные ритуалы и институциональные пространства, обладающие особой исторической значимостью – то, что Пьер Нора назвал *lieux de memoire* («места памяти»). Чаще всего в мнемонических текстах и практиках этого уровня коллективных воспоминаний присутствуют отсылки ко Второй мировой войне, породившей европейскую интеграцию. В тексте Преамбулы Договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанного 18 апреля 1951 г. в Париже, говорится о том, что шесть стран «исполненные решимости заменить *многовековое соперничество* (курсив мой. – В.А.) слиянием своих коренных интересов; создать посредством учреждения экономического сообщества основу для более широкого и глубокого объединения народов, долгое время разделявшихся *кровавыми конфликтами*; заложить основу для институтов, которые укажут направление к ставшей отныне общей для них судьбе; решили создать Европейское объединение угля и стали...»²⁷. Память о прошлом, в реальности ставшая травмой прошлого, должна способствовать новому качеству отношений между европейскими нациями.

Помимо того, что юридические тексты иногда напрямую касаются вопроса о пространственных границах, они являются важным носителем институциональной памяти, воплощенной в кодифицированной и нормативной форме. Именно поэтому такие нарративы обладают стабилизационным мемориальным эффектом. Кроме того, они представляют собой нормативный источник, напрямую связывающий определенное видение прошлого с конструируемым настоящим и будущим. И хотя в Парижском договоре содержится лишь ядро будущего Европейского сообщества, идея преодоления конфликтов прошлого уже в нем явила себя в полной мере. Анализ всех договоров, подписанных в период до создания европейской конституции, свидетельствует, что один и тот же мотив – Европа без войн – полагается объединяющим принципом всего сообщества европейцев.

Ритуалы также являются важной составляющей частью институциональных практик памяти. Скрытая ссылка на Вторую мировую войну как основополагающее событие в создании европейской конструкции, присутствует уже в знаменитой Декларации Шумана 5 мая 1950 г.

²⁷ Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали...

Документ, с которым обычно связывают рождение европейского проекта, прямо указывал на то, что война должна стать «не только невообразимым, но и физически невозможным событием». Интересно, что в отличие от договора о создании ЕОУС, отмененного официально 23 июля 2002 г., текст Декларации Шумана ежегодно вспоминается 9 мая во время празднования Дня Европы. Посредством ритуалов, таких как празднование Дня Европы, память об определенных событиях регулярно воскрешается в сознании людей, поддерживая чувство идентичности и создавая ощущение вневременного значения и стабильности.

Такие празднования и ритуалы формируют пространство взаимодействия между национальными и европейскими институтами посредством участия в событиях и через выступления национальных лидеров государств-членов ЕС. Важность институциональной памяти, являющей себя в этих церемониях, обусловлена их постоянством и стабилизирующим эффектом. Однако ее другая особенность заключается в том, что в ней представлен верхний элитарный уровень принятия решений по конструированию европейской идентичности, а значит необходимы инструменты для тиражирования этих предствлений в широкие слои населения.

Институциональный уровень формирования коллективной памяти дополняется уровнем публичным, в рамках которого память, инициированная политическими институтами, становится достоянием общественности. Места общественной памяти включают музеи, СМИ, фильмы и телепередачи, в которых преодоление последствий Второй мировой войны представлено как фактор современной европейской интеграции. Число таких отсылок значительно увеличилось в период разработки Европейской конституции и референдумов по ее принятию. Европейцы, выражая свое мнение о процессе в целом, отыскивали в прошлом основу для легитимации настоящего и будущего.

В разных странах этот процесс был выражен в разной степени: если итальянцы были более сдержанны в своем желании воскрешать память о Второй мировой войне, немецкие газеты, наоборот, уделяли огромное внимание таким параллелям в связи с осознанием необходимости дискуссии о прошлом и излечения травмы посредством диалога и признания вины. Даже такие евроскептики как британцы рассматривают память о войне как основополагающий нарратив европейской интеграции. В статье, опубликованной 19 июля 2002 г. и посвященной прекращению действия договора о ЕОУС 23 июля 2002 г., говорится о том, что «союз был основан в тот же самый день 1952 года, когда пепел Второй мировой войны все еще не остыл». Автор статьи Иен Блэк, один из ведущих колумнистов газеты, специализирующийся в сфере международной политики, писал тогда, что «угольный мотор европейской интеграции замолкает. Европейское объединение угля и стали – нагляд-

ный пример предотвращения войны и создания Европейского сообщества, наконец, выдохся. Но он оставляет нам потрясающую основу»²⁸.

Институциональный и публичный уровни европейской памяти во многом пересекаются (их разделение служит скорее аналитическим целям). Блестящий пример – большая статья Герхарда Шредера, в то время германского канцлера, «Размышления о 8 мая 1945 г.»²⁹. 8 мая – это день освобождения Западной Европы от ужасов нацизма и, одновременно, день окончания Второй мировой войны. В статье два этих события объединяются символом реющего над Рейхстагом Красного флага. Согласно мнению автора, поскольку все европейцы осознают важность той войны для прошлого Континента и извлекают уроки из нее, немецкие политические элиты должны поддержать проект Европейской конституции. Фраза, содержащаяся в Преамбуле проекта Конституции – «объединены в своем различии» – стала одной из основ европейской идентичности, которой должны быть соединены народы, бывшие некогда врагами. В результате именно немцы стали одной из тех европейских наций, которые оказались наиболее восприимчивы к идее единой Европы.

Если анализ общественных практик формирования образа прошлого дает довольно противоречивую картину инструментов, направленных на создание исторической памяти, то образовательный уровень процесса еще более сложен. Представляя собой целенаправленную деятельность по конструированию коллективной памяти, этот уровень включает в себя образовательные практики, реализуемые в школах, университетах и в целом в культурных учреждениях, а основным источником для изучения механизмов этого рода являются школьные учебники и другие образовательные материалы. Эта «нижняя линия» того, как общество представляет себя, является одной из самых ценных в очерчивании пространственно-темпоральных границ Европы.

Сравнение учебников по истории трех стран, стоящих у истоков европейского сообщества, Италии, Германии и Франции, демонстрирует, что Франция находится между Италией, слабо рефлексирующей по поводу уроков Второй мировой войны, и Германией, уделяющей этому вопросу огромное внимание. В большинстве итальянских школьных учебников единая Европа характеризуется как экономический и геополитический проект. Лишь только в изданиях второй половины первого десятилетия XXI в. признается определяющая роль Второй мировой войны для европейской интеграции. Вероятно, это, с одной стороны отражает мемориальный бум, свойственный для историографии тех лет, а с другой, может быть объяснено и политическими процессами. Прямо противоположную картину рисуют немецкие учебники истории – лишь

²⁸ The Guardian. July 19. 2002.

²⁹ <http://www.sueddeutsche.de/politik/gedenken-an-den-mail-wir-stehen-erst-jetzt-am-ende-einer-1.802248>

в некоторых из них признается нейтральная роль опыта Второй мировой войны. При этом использование терминов «*Erinnerungsarbeit*» (досл. «работа памяти») и «*Erinnerungskultur*» (досл. «культура памяти») свидетельствуют о том, какое значение придается формированию исторической памяти в Германии.

В результате политики памяти, осуществляемой на трех уровнях, формируется то, что принято называть историческим сознанием в широком смысле этого понятия. Каков процесс, условия, факторы и механизмы формирования этой когнитивной основы всей общественной жизни? Именно благодаря историческому сознанию происходит пространственно-темпоральная ориентация любого социума, что является критически важным в переломные периоды его существования. Любой социальный организм, признавая наличие определенного (иногда – не совсем) прошлого, тем не менее ориентирован в будущее, что приводит к переключению памяти и опыта в ожидания, которые могут быть выражены как в страхах, так и в стремлении к достижению поставленных целей. Дебаты вокруг идеи Европы свидетельствуют, что память о прошлом – эффективный мобилизационный инструмент, который может объяснить современные процессы и одновременно обозначить будущие перспективы, поместив их в существующие дискурсивные практики.

Пытаясь объяснить драматические изменения, европейское общество расширяет временные горизонты, отыскивая объяснения в недавнем или далеком прошлом. В этом смысле предложенный М. Хальбваксом инструментарий для анализа коллективной памяти может быть использован как для памяти национальных сообществ (которой он уделяет на удивление мало внимания), так и для памяти единой Европы, поиском которой так сегодня озабочены европейские интеллектуалы. Коллективный характер этой памяти сегодня придает не только то, что ее разделяют миллионы европейцев, но и то, что она является предметом менеджмента со стороны тех, кто пытается объяснить противоречия развития Европы и сталкивается на этом пути с многочисленными сложностями.

Принадлежа пространству *longue durée*, историческое сознание обладает особой, только ему присущей инерционностью, в стремлении разрушить которую легко спровоцировать травму. Именно драматические 1990-е годы, вслед за которыми последовали годы борьбы с европейским терроризмом, обострившие проблему «своих» и «чужих», стали основой такой травмы исторического сознания. Условием излечения этой травмы, очевидно, должны стать не просто качественные исторические сочинения, но целая индустрия, направленная на трансформацию идентичности.

Несмотря на то, что коллективная память может быть охарактеризована как «разделенная» и «разделяющая», конструирование единого прошлого помогало не просто очертить и обезопасить границы Европы, но и дистанцироваться от национальных нарративов прошлого. Хотя

среди европейских стран на рубеже столетий существовало некое «соревнование жертвенностей», когда нации старались доказать, какая из них пострадала больше от фашизма и сталинизма, осознание того факта, что Европа в целом понесла огромные потери, способствовало формированию транснациональной европейской памяти. Этот же процесс и создавал условия для того чтобы гарантировать свое место в рамках единой Европы: быть жертвой тоталитарных режимов XX века означало обеспечить себе место в единой семье европейских народов в XXI столетии.

Пространственно-темпоральная карта Европы обусловлена трансформацией исторических представлений, воплощенных в коллективной памяти и сознании. Историческая память выполняет одну из своих важнейших функций – коммуникативную, обусловленную необходимостью коммуникации как в диахронном, так и в синхронном измерении. Признание того, что у определенных групп европейского общества (национальных, политических и др.) есть свои интересы, вовсе не препятствует этой коммуникации. Использование истории и прошлого позволяет не только рефлексировать по поводу драматических изменений современности, но и осознать роль европейского сообщества в мировой системе координат – вызов, с которым столкнулась современная Европа, как в связи с расширением ЕС, притоком инокультурных иммигрантов и участием в конфликтах за пределами континента. Кроме того, использование истории становится частью объяснительных моделей не только пространственного, но и темпорального дискурсов, включая проблемы идентичности, представления о правильном и запрещенном, об идеологических и политических основах существующих властных отношений, а также дает оценку научным концепциям. Такое многообразное использование прошлого – в политической сфере, моральной, в области идентичности – позволяет объяснить кризисные и переломные периоды европейского развития, но эти сферы вовсе не противоречат друг другу, скорее представляя современное европейское сознание в качестве целостности, легитимирующей само существование единой Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айриян Р.С. Конгресс США и англо-американские «особые» отношения // Британские исследования. Ростов-на-Дону. 2014. Вып. IV.
- Гегель. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. Подписан в Париже 18 апреля 1951 г. // <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=2687525>
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
- Узнародов И.М. Память о «Холодной войне» как один из факторов политики Европейского союза в отношении России // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.
- Bauman Z. Europe, An Unfinished Adventure. Cambridge. 2004.
- Bialasiewicz L. Europe as/at the Border: Trieste and the Meaning of Europe // Social and Cultural Geography. 2009. № 10.

- Bialasiewicz L., Elden S., and Pinter J. The Constitution of EU Territory // *Comparative European Politics*. 2005. № 3.
- Cacciari M. *Geofilosofia dell'Europa*. Milan, 1994.
- Cerutti F. A political identity of Europeans // *Thesis Eleven*. 2003. № 72.
- Eder K. Remembering National Memories Together // *Collective memory and European identity*. Ed. by K. Eder and W. Spohn. Hants, 2005.
- Hay D. *Europe: The Emergence of an Idea*. Edinb., 1968.
- Klein K.L. On the emergence of Memory in historical discourse // *Representations*. 2000. Vol. 60.
- Koselleck R. *Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten* // *Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung*. 2000.
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1979.
- Kuus M. *Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement*. Basingstoke, 2006.
- Michnik A. Noi, traditori dell'Europa // *La Repubblica*. 2003. 8 April.
- Morin E. *Penser l'Europe*. Paris. 1990.
- Muller J-W. *Another Country. German Intellectuals, Unification and National Identity*. New Haven and London. 2000.
- Old Europe, New Europe, Core Europe. *Transatlantic Relations after the Iraq War*. Ed by Levy D., Pensky M., and Torrey J. London, 2005.
- Poole R. *Misremembering the Holocaust: Universal Symbol, Nationalist Icon or Moral Kitsch* // *Memory and the Futura: Transnational Politics, Ethics and Society*. Basingstoke and New York. 2010.
- Purchas S. *Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (5 vols.)*. London. 1625. V. 1.
- Sala D. Political myth, mythology and the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 2010. № 48.
- The Guardian*. July 19. 2002.
- The Meaning of Europe*. Ed by Mikael af Malmborg, Bo Strath. Berg Publishers., 2002.
- Valery P. *La crise de l'esprit* (1919) and *'Note, ou l'Européen'* (1924) // *Variété. Essais quasi politiques*. Paris, 1957.

REFERENCES

- Airiyan R.S. *Kongress SShA i anglo-amerikanskije «osobyje» otnosheniya* // *Britanskije issledovaniya*. Rostov-na-Donu. 2014. Vyp. IV.
- Gegel'. *Lektsii po filosofii istorii*. SPb.: Nauka, 1993.
- Dogovor ob uchrezhdenii Evropeiskogo ob"edineniya uglya i stali. *Podpisan v Parizhe 18 aprelya 1951 g.* // <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=2687525>
- Montes'ke Sh.L. *O dukhe zakonov*. M., 1999.
- Uznarodov I.M. *Pamyat' o «Kholodnoi voine» kak odin iz faktorov politiki Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii* // *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2015. № 1.
- Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // *Neprikosnovennyi zapal*. 2005. № 2-3.
- Bauman Z. *Europe, An Unfinished Adventure*. Cambridge. 2004.
- Bialasiewicz L. *Europe as/at the Border: Trieste and the Meaning of Europe* // *Social and Cultural Geography*. 2009. № 10.
- Bialasiewicz L., Elden S., and Pinter J. The Constitution of EU Territory // *Comparative European Politics*. 2005. № 3.
- Cacciari M. *Geofilosofia dell'Europa*. Milan, 1994.
- Cerutti F. A political identity of Europeans // *Thesis Eleven*. 2003. № 72.

- Eder K. Remembering National Memories Together // Collective memory and European identity. Ed. by K. Eder and W. Spohn. Hants, 2005.
- Hay D. Europe: The Emergence of an Idea. Edinb., 1968.
- Klein K.L. On the emergence of Memory in historical discourse // Representations. 2000. Vol. 60.
- Koselleck R. Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten // Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. 2000.
- Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.
- Kuus M. Geopolitics Reframed: Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement. Basingstoke, 2006.
- Michnik A. Noi, traditori dell'Europa // La Repubblica. 2003. 8 April.
- Morin E. Penser l'Europe. Paris. 1990.
- Muller J-W. Another Country. German Intellectuals, Unification and National Identity. New Haven and London. 2000.
- Old Europe, New Europe, Core Europe. Transatlantic Relations after the Iraq War. Ed by Levy D., Pensky M., and Torrey J. London, 2005.
- Poole R. Misremembering the Holocaust: Universal Symbol, Nationalist Icon or Moral Kitsch // Memory and the Futura: Transnational Politics, Ethics and Society. Basingstoke and New York. 2010.
- Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others (5 vols.). L., 1625. V. 1.
- Sala D. Political myth, mythology and the European Union // Journal of Common Market Studies. 2010. № 48.
- The Guardian. July 19. 2002.
- The Meaning of Europe. Ed by Mikael af Malmborg, Bo Strath. Published by Berg Publishers. 2002.
- Valery P. La crise de l'esprit' (1919) and 'Note, ou l'Européen' (1924) // Variété. Essais quasi politiques. Paris, 1957.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета ФУ (Ростов-на-Дону); victorapr@sfedu.ru

The European time: spatio-temporal borders of contemporary Europe

Contemporary European identity is viewed in this article through an analysis of a wide range of spatio-temporal views. The author uses the theory of collective memory to explain changes of discursive borders in Europe at the time of integration and intellectual turns. The author concludes that spatio-temporal map of Europe is a result of the transformation of historical conscience, and the crisis of identity has come out of the overlapping historical narratives and 'symbolic deficit' of united European space. The crisis can be overcome by the creation of shared historical memory as a result of intellectual intervention and political acceptance.

Keywords: *historical / collective memory, identity, spatio-temporal borders, historical consciousness, Second World War, European integration, historical narrative*

Victor Apryshchenko, D.Sc., Professor, Director of the Institute of History & International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); victorapr@sfedu.ru

М. В. КИРЧАНОВ

«ПОЛИТИКА ПРОШЛОГО» В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ, ИЛИ КАК СМИ И ПУБЛИЧНЫЕ ПОЛИТИКИ ФОРМИРУЮТ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ

Автор анализирует проблемы исторической политики в современной Грузии. Предполагается, что историческая политика содействует маргинализации профессионального исторического сообщества, политизации и идеологизации исследований. Историческая политика в Грузии базируется на развитии нескольких мифологизированных нарративов, включая образы Грузинской Демократической Республики, преемственности в развитии разных исторических форм грузинской государственности, советской оккупации. День советской оккупации и Музей советской оккупации, с одной стороны, в современной Грузии являются формами инструментализации исторической политики. С другой стороны, День советской оккупации и Музей советской оккупации могут быть вообразены как изобретенные традиции. Грузинские СМИ активно вовлечены в реализацию исторической политики, содействуя унификации различных форм исторической памяти в современной Грузии. Публичные политики также очень активны в использовании исторических фактов для легитимации современных политических процессов и состояний. СМИ, гражданское общество, интеллектуальные сообщества и политический класс поддерживают консенсус относительно центральных проблем современной грузинской истории.

Ключевые слова: Грузия, историография, историческая политика, идентичность, изобретение традиций

На протяжении XIX–XX столетий, связанных с универсализацией нации-государства, историки играли значительную роль в развитии национализма¹. Комментируя это предназначение историографии, Энтони Смит, с одной стороны, отмечал, что «историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»². С другой, он предполагал и то, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования»³, но лучшие времена для изучения этих связей, вероятно, прошли, так как современные политические процессы актуализируют в большей степени манипулятивную функцию истории в контексте исторической политики, политики памяти и проработки прошлого, вынуждая исследования, сфокусированные на отношениях историков с нацио-

¹ О национализме в теоретическом плане см.: გელბერი 2003; ანდერსონი 2003; სმოთი 2004; ჰეგტერი 2007; ჰობსბაუმი 2012; მორისი 2013.

² Смит 2002. С. 236.

³ Смит 2002. С. 260.

нальными проектами, мигрировать в сферу интеллектуальной истории как тихой гавани, пока не подверженной политизации в контексте актуализации сервиллистских функций историографии.

По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, «в последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (*Geschichtspolitik*), политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политики идентичности (*Identitätspolitik*) и политики памяти (*Erinnerungspolitik*)»⁴.

В начале XXI века стало очевидно, что в результате политического транзита некоторые европейские общества оказались не в состоянии сформировать единые и унифицированные версии коллективных представлений о прошлом, которые составили бы твердое ядро и основу исторической памяти. Изменения и новые тенденции в отношениях между историей и национализмами⁵ в постсоветских государствах стали заметны в конце 2000-х – начале 2010-х гг., что было связано с политическими и идеологическими переменами, изменениями и трансформациями на постсоветском пространстве. Во второй половине 2000-х гг. российские политические элиты предприняли радикальную попытку пересмотреть ситуацию, сделав ставку на концепт «русского мира», что, разумеется, стало стимулом для ответной реакции в постсоветских странах, где успели у власти укрепиться национальные или национально ориентированные элиты, понимавшие, что внешнеполитические инициативы России направлены преимущественно на решение внутренних задач и чреватые для них потерей власти или сокращением влияния.

В этой ситуации вновь оказалась актуализирована политическая роль истории и исторического знания в развитии и укреплении национальных идентичностей и развитии национализмов, но с той разницей, что потенциала одного национализма, этнического или гражданского, было уже недостаточно для решения тех фактически политических задач, которые правящие элиты ставили перед интеллектуальными сообществами. Трансформация политической ситуации на постсоветском пространстве привела к появлению феномена исторической политики. Историческая политика в этом контексте явление относительно новое. Она была не нужна во времена авторитаризма XX века, когда правящим политическим группам было достаточно цензуры и подавления для того, чтобы направить развитие идентичности и нации в необходимом направлении.

Российский историк А. Миллер полагает, что «историческая политика – вещь ситуативная. Это то, что возникает в определенной, до-

⁴ Шеррер 2009.

⁵ Национализму в грузинской историографии посвящена значительная литература. См.: ეთნიკურობა და ნაციონალიზმი 2002; დავითაშვილი 2003; ურუშაძე 2005; ჩხაიძე 2009; სონღულაშვილი 2010.

вольно специфической ситуации»⁶. Грузия в условиях местной, национальной историографической ситуации и «ситуативности» отличалась от других постсоветских стран, так как утратила в 1990-е годы контроль над негрузинскими территориями, сохранив картвельское территориальное ядро современной грузинской государственности.

Манипулятивность исторической политики предопределяет то, что одни моменты и факты могут актуализироваться в рамках различных форм и стратегий проработки прошлого, а другие, наоборот, подвергаться сознательному забыванию и вытеснению. Грузия не оказалась исключением из универсальной логики взаимоотношений исторического знания, национализма и политических устремлений правящих элит. В 2000–2010-е гг. усилиями интеллектуальных сообществ и политического класса Грузии была выработана уникальная модель исторической политики Грузии, которая применяется и на современном этапе. Эта статья является не первой, в которой актуализируются проблемы исторической памяти, исторической политики и взаимосвязи национализма с историографией в грузинском контексте, но, в отличие от более ранних публикаций⁷, она носит в большей степени обобщающий характер.

В центре внимания будут основные направления исторической политики в современном грузинском контексте, формы и механизмы проработки событий прошлого, стратегии изменения исторической памяти в контексте ее секьюритизации, будет показано, как и почему в Грузии, подобно другим постсоветским странам, оказалась востребованной закрытая модель проведения и формирования исторической политики, а либеральные стратегии подверглись маргинализации.

История слишком важна, чтобы оставлять ее историкам: институционализация исторической политики

Единого определения исторической политики в современной историографии не существует, но она уже успела стать раздражающим фактором для профессионального академического сообщества, так как большинство политико-исторических инициатив правящих элит несут явно выраженный популистский характер, что превратило их в предмет исследований историков⁸, вовлеченных в изучение сложных отношений между историей и национализмом. Большинство авторов, которые пишут на эту тему, солидарны в том, что историческая политика представляет собой совокупность интеллектуальных практик в контексте политически, идеологически и государственно санкционированных и стимулируемых манипуляций фактами исторического прошлого с целью легитимации тех или иных политических режимов, пребывания у власти социальных или этнических групп.

⁶ Миллер 2014.

⁷ Kirchanov 2010; 2013; Кирчанов 2010; 2014; 2015; 2013.

⁸ См., например: Миллер 2009; Касьянов 2009; Траба 2009.

Предполагается, что впервые историческая политика в ее классических формах стала применяться в Польше (хотя в историографии высказывались ревизионистские точки зрения, основанные на локализации «прародин» исторической политики в культурных и интеллектуальных практиках Латинской Америки⁹), а позднее методы исторической политики оказались восприняты политическими элитами в постсоветских государствах. Историческая политика в постсоветских странах имеет ряд особенностей, которые являются для нее системными. Эти особенности, как полагает российский историк А. Миллер, могут быть сведены к следующему: «создание специальных институтов, призванных насаждать определенные трактовки прошлого, выгодные той или иной политической силе; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации, манипуляция архивами, разработка и использование новых мер контроля над деятельностью историков»¹⁰.

Две последние особенности, по мнению автора статьи, в грузинской ситуации являются не столь важными в отличие от попыток проработки истории через создание специализированных учреждений и политически мотивированного вмешательства в деятельность СМИ в контексте освещения ими тех или иных исторических событий. Роль специального учреждения, аналогичного польскому и украинскому Институтам национальной памяти, в Грузии играет Музей советской оккупации. Что касается СМИ, то исторический дискурс, представленный на их страницах, несет следы проработки прошлого, форматирования исторической и политической памяти с целью выделения и последующей мифологизации событий, которые претендуют на статус центральных в грузинской истории.

«Грузинская Демократическая Республика» как место памяти и изобретенная традиция

Особое место в современной исторической политике Грузии занимают интеллектуальные практики и стратегии, связанные с развитием образа Грузинской Демократической Республики. Если ранее проблемы, связанные с историей Грузинской Демократической Республики, актуализировались преимущественно академической историографией, в рамках которой, наряду с публикацией источников¹¹, затрагивались вопросы источниковедения¹², а также политической¹³, дипломатической¹⁴, и экономической¹⁵ истории Грузинской Демократической Республики,

⁹ Кирчанов 2016а; 2016б.

¹⁰ Миллер 2011.

¹¹ კვინიტაძე 1998; ჟორდანიას 1990; რამიშვილი 2000.

¹² ჟვანია 1992.

¹³ ჭანტურია 2006; აბუთიძე 1991; კუხალაშვილი 2003; ურუშაძე 1991; ბენდიანიშვილი 2001.

¹⁴ კუხალაშვილი 2002; კირთაძე 1997; ჟვანია 1998; შარაძე 2003.

¹⁵ დღვილაძე 1996.

то в 2010-е гг., в условиях выработки грузинской версии исторической политики и начала сознательной, целенаправленной проработки прошлого, вопросы истории и наследия Грузинской Демократической Республики в контексте перспектив континуитета и дискретности оказались вне поля академической историографии, переместившись в сферу внимания форматоров и теоретиков исторической политики.

В этом контексте академическая историография Грузинской Демократической Республики стала жертвой политических манипуляций. Нарративные образы Грузинской Демократической Республики в современной грузинской исторической памяти тесно связаны с общими представлениями о государственности. По мнению американского историка Дж. Фридмэна, история «пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа... история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем»¹⁶. В интеллектуальной ситуации, связанной с изменением общих траекторий и векторов государственного строительства и политического развития, рефлексия грузинских интеллектуалов и политического класса о Грузинской Демократической Республике, как Первой Республике или как первой попытке внедрения в грузинский политический контекст формально демократических институтов, обращение к опыту ГДР является логичным, но это неизбежно создает условия для манипуляции фактами истории, для соответствующей проработки прошлого. Мифичность истории была умело использована грузинскими теоретиками и идеологами исторической политики, которые понимали важность концепта «государственность» для исторической и политической идентичности, что фактически ничем не ограничивало их в проработке в прошлого, особенно того его периода, который оказался связан с Грузинской Демократической Республикой.

История, по мнению ряда авторов, «всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний»¹⁷. Вероятно, именно в силу этого обстоятельства в рамках грузинской политики памяти государственность, с одной стороны, идеализируется, но, с другой, признается наличие крайне незначительного современного политического опыта: «несмотря на внушительную историю государственности, для нас часто бывает трудно признать, что мы имеем очень ограниченный опыт современной государственности. Как известно, современная нация-государство, главным образом, является феноменом XIX века и значительно отличается от феодального государства»¹⁸. Современная историческая политика Грузии направлена на последовательную идеа-

¹⁶ Friedman 2001. P. 41, 43.

¹⁷ Куско, Таки 2003. С. 485.

¹⁸ საქართველოსთვის... 2010.

лизацию и мифологизацию Грузинской Демократической Республики, а ее существование воспринимается как «непродолжительный, но славный период грузинской истории»¹⁹, когда Грузия контролировала и территории, потерянные в результате августовских событий 2008 года²⁰, что имеет принципиальное значение в контексте попыток грузинского политического класса и интеллектуального сообщества использовать историю как один из аргументов в стремлении доказать и легитимизировать грузинские исторические права на отторгнутые территории.

Современная грузинская историческая политика, с одной стороны, основана на идеализации Грузинской Демократической Республики, которая воспринимается как «первая страна на периферии Европы, где в 1918 г., начались важные реформы»²¹. С другой стороны, историческая политика основана на актуализации европейских восприятий Грузинской Демократической Республики²², что свидетельствует о стремлении грузинских интеллектуалов картировать Грузию на ментальных воображаемых картах Европы. Кроме того, подчеркивается, что Церковь позитивно отнеслась к независимости²³, что можно воспринимать как попытку интегрировать религиозные нарративы в современные стратегии проработки прошлого и формирования исторической памяти, а это немаловажно, если принять во внимание ту роль, которая принадлежит Церкви в современном грузинском обществе²⁴.

Публичные грузинские политики стали активными участниками исторической политики памяти и периодически актуализируют проблемы исторического и политического наследия Грузинской Демократической Республики. Тенденция включения политиков в число форматоров исторической политики и интерпретаторов исторических событий универсальна, так как «власти неоднократно искали в новой версии прошлого легитимизации своих начинаний. Новая версия истории должна была воспитывать общество в духе восхищения перед властью и одобрения её действий, а совершенство правителей должна была доказывать усовершенствованная версия истории»²⁵. Грузинская ситуация отличается значительным диапазоном мнений относительно прошлого, авторство которых принадлежит политикам самого разного ранга. Тина Хидашели, например, утверждала: «первая грузинская республика была демократическим государством, о котором мечтали многие поколения... даже в условиях оккупации она была эталоном для нас... в двадцатом веке грузинская политическая и военная элита единодушно за-

¹⁹ დენის მკვები... 2012.

²⁰ ენმ: ზაქარეიშვილის... 2015.

²¹ ზვიადაური 2013.

²² საქართველო... 2010.

²³ რწმენა და ცრურწმენა 2015

²⁴ Кирчанов 2014a; 2014b; Kirchanov 2014a; 2014b.

²⁵ Михник 2006.

явили, что эта страна – Грузинская Демократическая Республика, которая основана на правах человека, свободе, равенстве»²⁶.

Образы Грузинской Демократической Республики, таким образом, принадлежат к числу системообразующих в современном грузинском историческом дискурсе, а исторический дискурс, по мнению ряда авторов, «нередко призван показать политическую независимость как возвращение к истокам»²⁷. Современная грузинская историческая политика в той ее части, которая касается проработки прошлого в контексте истории ГДР, основана на идее континуитета и дискретного восприятия советского периода. В этой интеллектуальной ситуации представители грузинской политической элиты²⁸ периодически вынуждены актуализировать образы ГДР как центральные и системообразующие для развития грузинской государственности. В историческую политику в Грузии активно вовлечены средства массовой информации, которые принимают активное участие в идеализации политического опыта Первой Республики. Грузинские СМИ развивают нарративы о том, что «26 мая 1918 года Национальный совет объявил о рождении нового мира. Первая Республика была событием, которое имело эпохальное значение»²⁹ потому, что ГДР «имела конституцию, парламентскую систему, свободную прессу, проводила выборы»³⁰. В современной грузинской исторической политике особое внимание уделяется тому, что Конституция 1921 года была очень прогрессивной для своего времени, так как предоставляла право голоса женщинам, отделяла Церковь от государства³¹. Грузинские интеллектуалы предлагают такую модель исторической политики, которая воображает ГДР как первое современное грузинское государство, где возникли необходимые политические институты.

Концепт «советская оккупация» в грузинской исторической политике

Помимо Грузинской Демократической Республики в современной исторической политике Грузии особую роль играют стратегии, направленные на формирование коллективных представлений о советской оккупации. Польский историк Р. Траба полагает, что «когда “пишется” коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях»³². Восприятие проблемы «оккупации» и конкретные стратегии работы с прошлым в этом направлении в современной Грузии актуа-

²⁶ ხიდაშელი: ყოველ 26 მაისს... 2016.

²⁷ Ларюэль, Пейруз, 2004. С. 439.

²⁸ პრემიერი: ვალდებულო... 2015.

²⁹ 26 მაისიდან 25 თებერვლამდე 2010.

³⁰ თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა 2015.

³¹ საქართველოში 1921 წლის... 2014.

³² Траба 2009. С. 52.

лизируют взаимосвязи и взаимозависимости между академической историографией и политическими манипуляциями историей. Поэтому, наряду с теми нарративами, о которых речь шла выше, историческая политика в современной Грузии построена на отторжении российского и советского исторического и политического опыта, который описывается в категориях империи, наделяемой негативными политическими качествами. Грузия, как и другие постсоветские страны, переживала процесс «деимпериализации», определенный З.Е. Когутом как «приспособление исторических схем и интеллектуальных концепций к факту распада империи»³³. В этом контексте грузинским интеллектуалам, вероятно, было несколько легче, так как распад СССР позволил актуализировать историю собственной государственной традиции как альтернативы воображаемой «советской империи». Крах коммунизма в Грузии «представлял собой дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов»³⁴, а самым неофициальным и опасным в советский период был нарратив об оккупации Грузии Советской Россией. При этом грузинскими авторами признается, что «советское наследие имеет глубокие корни в Грузии»³⁵.

Для грузинской исторической политики характерен антиимперский нарратив, грузинские СМИ, привлеченные к проработке исторической памяти, не упускают случая упомянуть, что «первая мировая война положила конец существованию Российской Империи», которая не смогла пережить конкуренции с «центробежными силами национализма»³⁶. В рамках стратегии деимпериализации формируется непривлекательный образ России, основанный на вспоминании преимущественно негативных моментов российской истории в кавказском контексте³⁷, как страны склонной к агрессивной внешней политике, территориальному ревизионизму³⁸ и ответственной за депортации и принудительные миграции населения, которое не принимало политику Российской Империи. В этом контексте грузинская историческая политика актуализирует проблемы деимпериализации интеллектуального пространства.

Комментируя подобные процессы, А. Миллер подчеркнул, что «тема империи – это прежде всего про реальную политику, это про то, как реально устроена история. И если мы шарахаемся в одну сторону – империя только плохая, ничего хорошего там не было, – то мы входим в состояние полной энтропии»³⁹. В подобной ситуации совершенно естественно, что в грузинской исторической политике негативные совре-

³³ Когут 2004. С. 218.

³⁴ Аўтუჯიტ, რეი 2006. С. 29.

³⁵ ისტორია, რომელიც... 2010.

³⁶ 26 მაისიდან 25 თებერვლამდე 2010.

³⁷ ომი დასასრულის გარეშე, 2012.

³⁸ გელავა, 2014.

³⁹ Европейские войны памяти... 2015.

менные стереотипы активно транслируются на факты прорабатываемого и воображаемого прошлого. Одним из центральных нарративов в стратегии работы с прошлым в Грузии стала идея, что в 1921 г. Советская Россия напала на Грузию⁴⁰, а Российская Федерация, как преемник СССР, незаконно занимает грузинские территории, что «с 1921 по 1954 год было расстреляно 200 тысяч человек... Грузия с ее населением в три миллиона потеряла десятую часть населения»⁴¹.

Стратегии инструментализации «большого нарратива» – 1: День советской оккупации

В рамках современной исторической политики в Грузии развивается культ Дня советской оккупации (25 февраля), которому придается сакральное и символическое значение в контексте тех потерь и жертв, которые понесла грузинская государственность. Первые меры грузинской исторической политики в отношении советского периода были предприняты в 2010 г., когда Парламент Грузии принял постановление «О советской оккупации». «Постановление» декларировало, что начиная «с 26 мая 1918 года после восстановления суверенитета Грузинской Демократической Республики Советская Россия начала деятельность, направленную на оккупацию и установление советской власти в стране, для чего делалось следующее: с января 1921 года Советская Россия нарушала Московское соглашение от 7 мая 1920 года, в котором безоговорочно была признана независимость Грузии, ее суверенитет и невмешательство во внутренние дела; 25 февраля 1921 года Красная Армия России захватила Тбилиси и свергла правительство Грузии, которое было избрано на основе свободных и всеобщих выборов, в результате чего субъект международного права – демократическая республика – был подвергнут аннексии... С 1991 г., после восстановления независимости и распада Советского Союза как советской империи – Российская Федерация до сих пор не признает факт оккупации... В 1990-е гг. РФ спонсировала вооруженные конфликты на территории Грузии, при ее поддержке и непосредственном участии были проведены этнические чистки в Автономной Республике Абхазия и бывшей Юго-Осетинской автономной области... в силу того, что Россия не приемлет демократическое развитие, она не прекратила военное вмешательство в 2008 г., когда Автономная Республика Абхазия и бывшая Юго-Осетинская автономная область были подвергнуты оккупации и второй волне этнической чистки. 25 февраля является днем аннексии и оккупации поскольку Россия продолжает оккупировать часть грузинской территории. Поэтому Парламент Грузии объявляет 25 февраля как День советской оккупации»⁴².

⁴⁰ ისტორიის ორი... 2010.

⁴¹ საქართველოსთვის წართმეული... 2010.

⁴² საქართველოს პარლამენტის დადგენილება. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ» 21/07/2010

День советской оккупации в современной исторической политике представляет собой попытку инструментализации концептов «Грузинская Демократическая Республика» и «советская оккупация» как изобретенных традиций. 25 февраля в современной грузинской исторической памяти фигурирует как «один из самых трагических дней»⁴³ в истории Грузии. В формировании коллективных представлений о 25 февраля активно участвуют и высшие государственные лица. А. Миллер полагает, что «о политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неистребимо»⁴⁴. Например, президент Грузии 25 февраля 2014 года выступил с заявлением, в котором подчеркивалось: «мы пришли сегодня сюда, чтобы с грустью почтить память тех, кто в нашей стране боролись за независимость... это – пример мужества и проявление способности постоянно защищать нашу маленькую страну перед лицом мощной агрессивной империи, которая исторически постоянно нападала»⁴⁵. Спустя два года премьер-министр Гиорги Квирикашвили, комментируя роль Дня оккупации, определил другой вектор исторической политики в Грузии, связанный с одновременной актуализацией роли жертвы и страны-победителя, которая смогла сохранить независимость в условиях европейского выбора, сделанного ее политическими элитами: «сегодня День советской оккупации... день, когда многие проявили героизм... и хотя эта борьба привела к потерям, сейчас мы обладаем суверенитетом... сегодня развивается грузинский флаг, и мы можем принимать наши решения»⁴⁶. День советской оккупации в инструментарии грузинской исторической политики имеет преимущественно политико-идеологические коннотации и связан с гражданским национализмом.

Историческая политика в современной Грузии предлагает и формирует националистический дискурс, но этот национализм является преимущественно гражданским, что актуализирует значительный потенциал грузинского общества, которое не допустило этнизации исторической политики. В этом контексте 25 февраля в исторической политике Грузии воображается как изобретенная традиция, которая призвана актуализировать измерения жертвенности грузинской национальной истории. Грузинские СМИ, которые активно принимают участие в формировании исторической памяти, культивируют нарративы, согласно которым 25 февраля 1921 г. стало днем, когда «советская армия вторглась в независимую и свободную Грузию»⁴⁷, что привело к потере неза-

⁴³ ჰარლამენტის ყოფილ... 2014.

⁴⁴ Миллер, 2009. С. 7.

⁴⁵ პრეზიდენტი: სამშობლოს... 2014.

⁴⁶ პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის... 2016.

⁴⁷ გასაბჭოების დღესთან... 2014.

висимости, актуализировав тем самым дискретный характер развития современной грузинской государственности.

Стратегии инструментализации «большого нарратива» – 2: Музей советской оккупации

Второй формой инструментализации коллективных представлений следует признать попытки локализации исторической памяти о советском прошлом в форме институционализации Музея советской оккупации как реального и символического «места памяти», которому в проработке прошлого отводится задача актуализации как нарратива («советская оккупация»), так и события («День советской оккупации»). Развитие исторической памяти в форме ее музеификации протекает одновременно с академическими студиями⁴⁸ советского периода в истории Грузии, выдержанными в рамках воображения и изобретения пространства.

Особое внимание уделялось актуализации в исторической и политической памяти моментов невинных жертв⁴⁹, которые понесла грузинская нация в советский период. К началу XXI в. традиционная историография, основанная на воспроизводстве исторической памяти в форме текстов, вероятно, перестала удовлетворять политические элиты, что привело к утверждению новых форм проработки прошлого, одной из которых и стало создание Музея советской оккупации в рамках сознательно проводимой исторической политики. Музей советской оккупации был открыт 26 мая 2006 года. Формирование экспозиции, посвященной советской Грузии, было проведено в форме почти механической замены одних экспонатов другими, что привело к упрощенной ревизии более ранних подходов к музеификации прошлого.

В связи с этим грузинский историк Иване Ментешашвили подчеркивает: «я думаю, что наступит день, когда в этом зале будут выставлены обе экспозиции, показывающие обе стороны недавнего прошлого Грузии. Однако я далек от мысли, что это произойдет в ближайшем будущем. Тема репрессий и угнетения в советской Грузии так долго была табуирована, что сейчас есть огромный спрос на скрывавшуюся тогда правду. Когда-нибудь общество пресытится таким подходом, и выставка станет более, если можно так сказать, сбалансированной. Но пока она актуальна и востребована»⁵⁰. В постоянной экспозиции музея, включающей экспонаты периода Грузинской ССР, начиная с этапа советизации, особое внимание уделено антисоветскому национальному освободительному движению⁵¹. Значительная часть экспонатов актуализирует проблемы, связанные с советскими политическими репрессиями.

⁴⁸ ტერორის ტოპოგრაფია... 2011.

⁴⁹ ბეთანელი 1989; ხარზილავა 1989; ლიპარტელიანი 1990; მგალობლიძევილი 1990; ყენია 1990; დაუშვილი 1997; კუჭავა 1996; მჭედლოური 1992; ჩხეიძე 1995; გვარიშვილი 1998; კვერენჩილაძე 1999; კირთაძე 1998; შონია 1994.

⁵⁰ Кирградзе 2013.

⁵¹ საქართველოს ეროვნულ... 2006.

Музей советской оккупации содействует и визуализации истории. Визуальный ряд представлен фото и видеодокументами, относящимися к советскому периоду истории Грузии. Музей советской оккупации использует различные интеллектуальные и культурные тактики и стратегии для фиксации и коммеморации опыта Грузии в условиях существования авторитарного режима. В рамках проводимой Музеем проработки исторического прошлого выделяется «большевистская оккупация» (ბოლშევიკური ოკუპაციის) Грузинской Демократической Республики (февраль – март 1921 года) и «советский оккупационный режим» (საბჭოთა საოკუპაციო რეჟიმის, 1921–1991)⁵².

Мнения грузинского общества относительно создания и деятельности Музея оккупации разделились. Например, в 2012 г. министр культуры Юрий Мечитов указывал, что корректнее будет изменить название музея, которое ему казалось «абсурдным»⁵³, но при этом подчеркивал, что в советский период «Грузия не была свободной страной»⁵⁴. Музей советской оккупации стал попыткой локализации исторической памяти в городском пространстве современного Тбилиси, показать, что Музей оккупации обычен и нормален в такой же степени, как, например, Этнографический музей или любое другое специализированное культурное учреждение, предназначенное для музеификации памяти и ее экспонирования. Создание этого специализированного музея свидетельствует о попытке политических и интеллектуальных элит укоренить и легитимизировать концепт «оккупация» в грузинской исторической памяти как в территориально-географическом, локальном, так и идентичностном измерении. Музеификация оккупации в рамках современной исторической политики призвана традиционализировать этот аспект в грузинской идентичности, интегрировав его в историческую память.

Предварительные выводы

Подводя итоги, нужно принять во внимание ряд факторов, связанных с развитием исторической политики в Грузии. Генетически стратегии современной грузинской исторической политики связаны с более ранними советскими формами и тактиками работы с прошлым и исторической памятью, хотя историческая политика как явление в советский период не получила развития, так как ее функции выполняла развитая системы цензуры и идеологического контроля над историографией. Историческая политика в постсоветской Грузии унаследовала почти все родовые травмы постсоветской грузинской историографии, в частности – этноцентричные доминанты в историографии.

В такой ситуации история в постсоветской Грузии развивалась почти исключительно как история Грузии с некоторым вкраплением в во-

⁵² საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი... 2012.

⁵³ მეჩითოვი 2012a.

⁵⁴ მეჩითოვი 2012b.

ображаемый и изобретаемый исторический грузинский процесс негрузинских элементов, несмотря на то, что политические элиты Грузии в начале 1990-х гг. утратили контроль над негрузинскими – осетинскими и абхазскими – территориями. Историческая политика в Грузии 2000–2010-х гг. развивается в условиях частично формального и отчасти неформального консенсуса между политическими классами и интеллектуальными сообществами, которые достигли компромисса и тщательно пытаются поддерживать согласие по принципиальным проблемам грузинской истории и современности. Историческая политика, в отличие от традиционных отношений «история – национализм» имеет дело преимущественно не с нациями и идентичностями, столь активно конструируемыми традиционными, ортодоксальными националистами, но различными формами и версиями исторических и политических памятей, которые характерны для тех или иных государств, сообществ или групп.

В этом плане современная историческая политика в Грузии очень отличается от более ранних форм и модуса сосуществования и софункционирования между историей и национализмом, которые были отношениями в значительной степени идеальными или идеализированными, почти романтическими: общество в лице представлявших его политиков, формировавших национальный правящий класс или национальную партийную бюрократию, артикулировало свой запрос на ту или иную историю, а профессиональное историческое сообщество такую историю для того или иного общества писало, а позднее и тиражировало через среднюю и высшую школу. Историческая же политика, наоборот, сводит роль профессионального исторического сообщества к минимуму, делая его почти ненужным, поскольку историческое знание в современном мире нередко артикулируется не профессиональными историками, а профессиональными политиками, которые считают, что история настолько важна, что допускать к ней историков не только не имеет смысла, но и нецелесообразно, и даже небезопасно.

Историческая политика вносит изменения в то, что не успели завершить, или, по мнению современников, сделали не так, как было нужно, националисты, политические группы и историки прошлых лет. Историческая политика не только создает памяти, она инициирует их ревизию, внося коррективы в устоявшиеся представления общества о его прошлом, которое описывается, конструируется и воображается в категориях национальной истории. Историческая политика переструктурирует памяти, обучая и вынуждая сначала образованные классы, а позднее и общество в целом, иначе понимать, воспринимать и воображать историю. Историческая политика предлагает не историю, и тем более не множественные или альтернативные, истории; она освобождает общество от необходимости иметь историю в ее традиционном позитивистском линейно-событийном восприятии.

Историческая политика предлагает коллективные представления об истории, которые могут имитировать формы академического историописания, интегрированные в официальный политический и идеологический дискурс. Среди центральных моментов исторической повестки дня – идея наличия великой грузинской государственности, отрицательное восприятие периода российского доминирования, исторический позитивный миф о Грузинской Демократической Республике, идея о негативной роли советизации Грузии, позитивный миф о национальном движении. К этим историческим мифам добавляются и политические, связанные с воображением и изобретением Абхазии и Южной Осетии в грузинском историческом контексте, неприятие их потери, культивирование идеи о российской оккупации и «оккупированных территориях». Работа с исторической памятью, политическая проработка прошлого составляют историографическую повестку дня в современной Грузии.

Выбор этих общественно значимых тем привел к тому, что грузинские политические элиты сделали выбор в пользу закрытой модели работы с памятью, актуализируя функцию секьюритизации в контексте проведения исторической политики. Выбор именно закрытой модели обусловлен событиями 2008 года, потерей осетинских и абхазских территорий, что можно воспринимать как историческую и политическую травму современной грузинской идентичности. В этой ситуации историческая политика и современные попытки проработки прошлого в Грузии призваны выполнять несколько функций, а именно – формировать и предлагать политически и идеологически безопасные модели национальной истории, которые не травмировали бы общество и память, но, наоборот, содействовали бы его консолидации, противопоставляя грузинскую историю историям других сообществ, воспринимаемых как политические и исторические конкуренты и противники.

Эта модель исторической политики, основанная на секьюритизации памяти, конечно, является чрезвычайно удобной в силу своего значительного адаптивного потенциала для правящих политических элит, но она фактически ограничивает возможности для интеллектуального маневра современного грузинского исторического сообщества. Восприятие национальной истории в версии исторической политики, основанной на секьюритизации памяти, фактически помещает ее, с одной стороны, в прокрустово ложе истории, написанной в этнической системе координат, а с другой – содействует редукции национальной истории Грузии до истории национальных травм и катастроф, связанными с кризисами и крахами исторических форм грузинской государственности, советизацией Грузии в начале 1920-х гг., территориальными потерями 1990-х и их институционализацией в 2008 г.

Тактика написания истории как истории жертвы, конечно, является эффективной и действенной, но вопрос состоит в том, как долго грузин-

ское историческое сообщество будет воспринимать эту модель исторического воображения как приемлемую. Историческая политика в Грузии отражает и основное противоречие эпохи историографического пост-постмодерна: как соединить преимущественно примордиальные и этноцентричные национальные историографические мифы с фактически доминирующим в современной историографии конструктивистским подходом. Эта проблема представляется актуальной для Грузии в контексте ее евро-атлантического выбора, который влияет и на гуманитарные исследования, в т.ч. на их теоретические и методологические основания. Политические элиты Грузии в своем стремлении предложить компромиссное видение добились того, что современный политический дискурс сочетает этнические картвельские стереотипы с попытками переноса в грузинский исторический и политический контекст представлений об институтах и свободах, явно заимствованных их западного интеллектуального дискурса. В этом контексте перспективы и направления развития и изменения исторической политики в современной Грузии продолжают оставаться как спорными, так и актуальными...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасьць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27–43.
- Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. Что такое «историческая политика» и чем опасно превращение истории в политический инструмент // Новая газета. 2015. № 57. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>
- Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et contra. 2009. – Май – август. С. 24–42.
- Киргадзе Т. Грузия: как пишут учебники истории (2013). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia
- Кирчанов М.В. «Европа» и «Запад» в грузинском политическом воображении и националистическом дискурсе // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2010. Т. 13. № 2. С. 179–189.
- Кирчанов М.В. «Кавказское» и «российское» в современном грузинском национализме // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 4. С. 115–125.
- Кирчанов М.В. Концепт «советская оккупация» в современном грузинском национализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 1. Часть 1. С. 72–75.
- Кирчанов М.В. Мигель Краснофф Марченко как объект чилийской исторической политики и контексты политики памяти // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 87–96.
- Кирчанов М.В. Образы Грузинской Демократической Республики в современной идентичности Грузии (на примере блогов и электронных СМИ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. Часть 1. С. 90–92.
- Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 73–86.
- Кирчанов М.В. Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 2. С. 106–112.

- Кирчанов М.В. Церковь в политической жизни Грузии: проблемы, противоречия, перспективы // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2014. № 1–2. С. 94–100.
- Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004.
- Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *An Imperio*. 2003. № 1. С. 485–495.
- Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане // *Ab Imperio*. 2004. No 1.
- Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // *Беларусіка / Albaruthenica*. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1.
- Миллер А. «Историческая политика уничтожает пространство для диалога» (2014). URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amiller-istoricheskaya-politika-unichtozhaet-prostranstvo-dlya-dialoga>
- Миллер А. Вызов из прошлого // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>
- Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров (2016). URL: <http://gefiter.ru/archive/18391>
- Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 6–23.
- Михник А. Историческая политика: российский вариант // *Родина*. 2006. № 6. URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99
- Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. «Излишняя заикленность на памяти»: о пользе и вреде забвения (2016). URL: <http://gefiter.ru/archive/17958>
- Смит Э.Д. Национализм и историки // *Нации и национализм* / пер. с англ. М., 2002.
- Траба Р. Польские споры об истории // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 43–64.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3.
- Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 89–108.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No. 1. P. 41–58.
- Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. VII. P. 194–210.
- Kirchanov M. “Europe” and “the West” in Georgia’s political imagination and nationalist discourse // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 158–167.
- Kirchanov M. Religious parties in Georgia: political platforms and ideological transformations // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 94–100.
- Kirchanov M. The Caucasian and Russian in contemporary Georgian nationalism // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 101–109.
- Kirchanov M. The Church in Georgia’s political life: problems, contradictions, and prospects // *The Caucasus and Globalization. Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2014. Vol. 8. No. 1–2. P. 85–90.
- Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4.

Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectual Frontiers / D. Thomson // Encounter. 1968. Vol. 30. No. 6.

26 მაისიდან 25 თებერვლამდე // თაბულა. 2010. 24 მაისი.

აბუთიძე ო. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა, 1918–1921 / ო. აბუთიძე. თბილისი, 1991. 148 გვ.

ამირგულაშვილი მ. ნაციონალიზმის თეორია / მ. ამირგულაშვილი / რედ. თენგიზ გრიგოლია. თბილისი: თბილ. ღია სასწავლო უნ-ტის გამ-ბა, 2013. 268 გვ.

ანდერსონი ბ. წარმოსახვითი საზოგადოებანი: მოსაზრებანი ნაც. წარმოშობისა და გავრცელების შესახებ / ინგლ. თარგმნა რუსუდან გოცირიძემ. თბილისი: ენა და კულტურა, 2003. 307 გვ.

ბატიაშვილი ე. გლობალიზმი და ნაციონალიზმი / ე. ბატიაშვილი; რედ. ნაზი ბახტურიძე. თბილისი: ილია მართალზე, 2014. 44 გვ.

ბეთანელი ჯ. განცდილი და გედატანილი: რეპრესირებული ზავშვები 1952 წ. / ჯ. ბეთანელი. თბილისი: მერანი, 1989. 136 გვ.

ბენდიანიშვილი ა. საქართველოს პირველი რესპუბლიკა (1918–1921 წწ.) / ა. ბენდიანიშვილი. თბილისი: მემატანე, 2001. 366 გვ.

გასაბჭოების დღესთან დაკავშირებით, ოკუპაციის მუზეუმში ღონისძიება გაიმართა // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.

გასვიანი თ. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა და აფხაზთა აგრესიული სეპარატიზმის სათავეები / თ. გასვიანი / რედ. სერგო ვარდოსანიძე. თბილისი, 2003. 227 გვ.

გელავა ს. რუსული ომის ახალი მეთოდები და მათი გავლენა საქართველოზე / ს. გელავა // თაბულა. 2014. 18 ივნისი.

გელნერი ე. ერები და ნაციონალიზმი / მთარგმნ. ნინო ცინცაძე; რედ. ივანე შატერაშვილი. თბილისი: ნეკერი, 2003. 177 გვ.

გენოციდისა და ეთნიკური წმენდის პოლიტიკა აფხაზეთში (საქართველო) – აგრესიული სეპარატიზმის მთავარი იარაღი. თბილისი, 1999. 24 გვ.

გვარიშვილი ო. ავადმოსაგონარი 1937 წელი: დოკუმენტური მოთხრობები, წერილები, სტატიები, თარგმანები / ო. გვარიშვილი. ბათუმი: აჭარა, 1998. 244 გვ.

დავითაშვილი ზ. ნაციონალიზმი და გლობალიზაცია / ზ. დავითაშვილი. თბილისი: მეცნიერთბილისი: ბა, 2003. 446 გვ.

დარჩაშვილი მ. მიხაკო წერეთელი ნაციონალიზმის ძირითადი ცნებების შესახებ / მ. დარჩაშვილი, რედ. მალხაზ მაცაბერიძე. თბილისი, 2013. 76 გვ.

დაუშვილი ა. თბილისი 1937: მასობრივი რეპრესიები თბილისის სამრეწვ. შრომით კოლექტივებში / რედ. მ. სამსონაძე. თბილისი: კეგელი, 1997. 188 გვ.

დენის მაკსეინი: საქართველოს სტალინისთვის გადაცემით დამკვლავლ შეცდომას ბრიტანეთი ახლა ასწორებს // თაბულა. 2012. 8 მაისი.

დღვილავა მ. საქართველო-გერმანიის ეკონომიკური თანამშრომლობა 1918 წელს / მ. დღვილავა. თბილისი, 1996. 24 გვ.

ებრალიძე ა. საქართველოს ბოლშევიკების ბრძოლა ბურჟუაზიული ნაციონალიზმის წინააღმდეგ 1917–1921 წწ. / ა. ებრალიძეთბილისი: საბჭ. საქართველო, 1965. 69 გვ.

ეთნიკურობა და ნაციონალიზმი / რედ.: დავით მუსხელიშვილი და მარიამ ჩხარტიშვილი. თბილისი: ინტელექტი, 2002. 136 გვ.

ენმ: ზაქარეიშვილის განცხადება სახიფათოა, ის იმეორებს რუსეთის შეთხზულ ლეგენდას // თაბულა. 2015. 30 ნოემბერი.

ზვიადური ი. ლიბერალური რეფორმები უნდა გაგრძელდეს / ი. ზვიადური // თაბულა. 2013. 22 მარტი.

თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tv/teorema/83692-qartuli-politikuri-kultura>

თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა, 2015. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tv/teorema/83692-qartuli-politikuri-kultura>

- იდენტობა და ნაციონალიზმი / რედ. თეიმურაზ ქარელი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 120 გვ.
- ისტორია, რომელიც უნდა გვახსოვდეს // თაბულა. 2010. 27 ნოემბერი
- ისტორიის ორი ტრაგიკული თარიღი // თაბულა. 2010. 26 ივლისი.
- კვანჭილაშვილი ე. ნაციონალიზმის სოციალურ ფსიქოლოგიური ასპექტების განსაზღვრისათვის სამხრეთ კავკასიაში / ე. კვანჭილაშვილი. თბილისი: წიგნის სახელოსნო, 2008. 86 გვ.
- კვერენჩილაძე რ. წამების გზა: დახვრეტა, გადასახლება, დევნა / რ. კვერენჩილაძე. თბილისი: მერანი, 1999. წ. 1. 200 გვ.
- კვინიტაძე გ. მოგონებები: საქართველოს დამოუკიდებლობის წლები, 1917–1921 / გ. კვინიტაძე. თბილისი: ლომისი, 1998. წ. 1. 280 გვ.
- კიკვიძე ზ. ენა, გენდერი და ნაციონალიზმი / ზ. კიკვიძე. თბილისი: უნივერსალი, 2010. 93 გვ.
- კირთაძე ნ. ევროპა და დამოუკიდებელი საქართველო (1919–1923წწ) / ნ. კირთაძე. თბილისი: ევროპისა და ამერიკის ს.კ.ი. 1997. 271 გვ.
- კირთაძე ნ. კაენ, სად არის ძმა შენი?! : ქართველთა ისტორიის სისხლიანი ფურცლები (1921–1930წწ) / ნ. კირთაძე. თბილისი: მერანი, 1998. წ. 1. 776 გვ.
- კირთაძე ნ. საქართველოს დამოუკიდებლობა და ქართულ-ევროპული ურთიერთობები / ნ. კირთაძე. თბილისი: საქართველო, 1997. 111 გვ.
- კუჭავა მ. ლავრენტი ბერისა და მის თანამზრახველთა სასამართლო პროცესი / მ. კუჭავა. თბილისი: ინტელექტი, 1996. 64 გვ.
- კუხალაშვილი დ. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის დაცემა და მისი მიზეზები / დ. კუხალაშვილი / რედ. ვ. ბენიძე. თბილისი: სსუს-ს აკადემია, 2003. 23 გვ.
- კუხალაშვილი დ. უცხო ქვეყნების მტრული საქმიანობა საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის წინააღმდეგ / დ. კუხალაშვილი / რედ. ვ. ბენიძე. თბილისი, 2002. 16 გვ.
- ლიპარტელიანი გ. სტალინელი / გ. ლიპარტელიანი. თბილისი: მერანი, 1990. 82 გვ.
- მგალობლიშვილი ი. 1937: რეპრესირებულის მოგონებები / მ. მგალობლიშვილი / რედ. ნ. შატაბიძე. თბილისი: მერანი, 1990. 80 გვ.
- ლომოური ნ. ძირძველი ქართული მხარის-აფხაზეთის ისტორიისათვის / ნ. ლომოური / რედ. ვალერი ასათიანი, ზურაბ პაპასქირი. თბილისი, 2008. 182 გვ.
- მეჩითოვი ი. ოკუპაციის მუზეუმი შეიძლება დარჩეს, მაგრამ სხვა სახელი ჰქონდეს / ი. მეჩითოვი // თაბულა. 2012. 13 ნოემბერი.
- მეჩითოვი ი. ოკუპაციის მუზეუმის დასახელება და არსი აბსურდია / ი. მეჩითოვი // თაბულა. 2012. 23 ნოემბერი.
- მიბრეჟანი თ. აფხაზური სეპარატიზმის სისხლიან ნაკვალევზე / თ. მიბრეჟანი / რედ. ვალერიან ზუხბაია. თბილისი: ჯისიაი, 1994. 112 გვ.
- მორისი ნ. ნაციონალიზმი და რომანტიზმი: ევროპა XIX საუკუნეში / ნ. მორისი; რედ. ხათუნა ნონიაშვილი. თბილისი: პალიტრა L, 2013. 48 გვ.
- მუჯირი ა. ბურჟუაზიული ნაციონალიზმი იმპერიალისტური რეაქციის იარაღი / ა. მუჯირი. თბილისი: ზარია ვოსტოკა, 1955. 38 გვ.
- მჭედლური დ. ლავრენტი ბერისა მთავარი დანაშაული / დ. მჭედლური / რედ. ელა გოჩიაშვილი. თბილისი: გულანი, 1992. 63 გვ.
- ნადარეიშვილი თ. სეპარატიზმის პრობლემა საქართველოში: ისტორია და თანამედროვეობა / თ. ნადარეიშვილი. თბილისი: აკადემია, 2003. წ. 1. 332 გვ.
- ომი დასასრულის გარეშე // თაბულა. 2012. 3 მარტი.
- პარლამენტის ყოფილ და ახლანდელ შენობებში საქართველოს სახელმწიფო დროშა დაეშვეს // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.
- პრეზიდენტი: სამშობლოს ყოველთვის მცირერიცხოვანი გმირების ბრძოლით ვიცავდით // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.

- პრემიერი: ვალდებული ვართ, გავუფრთხილდეთ ქვეყნის დამოუკიდებლობას // თაბულა. 2015. 26 მაისი.
- პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის შენარჩუნებისთვის ომი მოგებულა, 2016. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/104986-premieri-saqartvelos-suverenitetis-shenarchunebistvis-omi-mogebulia>
- პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის შენარჩუნებისთვის ომი მოგებულა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/104986-premieri-saqartvelos-suverenitetis-shenarchunebistvis-omi-mogebulia>
- ჟვანია გ. ევროპა და საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის მთავრობა (1917–1925 წ.წ.) / გ. ჟვანია / რედ. იგორ კვესელავა. თბილისი: სამშობლო, 1998. 153 გვ.
- ჟვანია გ. როგორ მზადდებოდა საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის ოკუპაცია: დოკუმენტები / გ. ჟვანია. თბილისი: სამშობლო, 1992. 77 გვ.
- ჟორდანია ნ. ჩემი წარსული: მოგონებანი / ნ. ჟორდანია. თბილისი: სარანგი, 1990. 136 გვ.
- რამიშვილი ა. ჩვენი შეცდომები, 1918–1921 / ა. რამიშვილი. თბილისი: მესამე ასაკი, 2000. 129 გვ.
- რწმენა და ცრურწმენა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tablog/102717-rtsmena-da-crurtsmena>
- რწმენა და ცრურწმენა 2015. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tablog/102717-rtsmena-da-crurtsmena>
- საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი: საბჭოთა ოკუპაციის საგამოფენო დარბაზი მუზეუმის მესამე სართულზე მდებარეობს (2012). URL: http://museum.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&info_id=1146
- საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი: საბჭოთა ოკუპაციის საგამოფენო დარბაზი მუზეუმის მესამე სართულზე მდებარეობს. URL: http://museum.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&info_id=1146
- საქართველო 1920-იანი წლების უცხოურ პრესაში // თაბულა. 2010. 1 აგვისტო.
- საქართველოს ეროვნულ მუზეუმი საბჭოთა ოკუპაციის ამსახველი გამოფენა 2006 წლის 26 მაისს გაიხსნა... URL: http://museum.ge/?lang_id=GEOENG&sec_id=53
- საქართველოს პარლამენტის დადაინილობ. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ» 21/07/2010. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1020464>
- საქართველოს პარლამენტის დადაინილობ. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ». URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1020464>
- საქართველოსთვის წართმეული დემოკრატია // თაბულა. 2010. 31 მაისი.
- საქართველოში 1921 წლის კონსტიტუციის მიღების დღეს აღნიშნავენ // თაბულა. 2014. 21 თებერვალი.
- სმითი ე. ნაციონალიზმი: თეორია, იდეოლოგია, ისტორია / ე. სმითი / თარგმ. ინგლისურიდან მარიამ ჩხარტიშვილისა; რედ. რუსუდან ამირეჯიბი-მალენი. თბილისი: არტანუჯი, 2004. 241 გვ.
- სონლულაშვილი ნ. ქართული ერთობა და მისი იდენტობა XX საუკუნის პირველ ოცწლეულში პრესის მასალების მიხედვით: ჟურნალი "მოგზაური", გაზეთები "თემი" და "საქართველო" / ნ. სონლულაშვილი / რედ. მარიამ ჩხარტიშვილი. თბილისი: უნივერსალი. 2010. 144 გვ.
- ტერორის ტოპოგრაფია: საბჭოთა თბილისი / რედ. ნინო ლეჟავა, ლაშა ბაქრაძე. თბილისი, 2011. 184 გვ.
- ურუმაძე ლ. ერის რაობისა და ერთა თვითგამორკვევის შესახებ / რედ. გიული ალასანია. თბილისი: ენა და კულტურა, 2005. 40 გვ.
- ურუმაძე ლ. ბოლშევიზმ-მენშევიზმი და საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა (1918–1921) / ლ. ურუმაძე. თბილისი: განათლება, 1991. 51 გვ.
- ქართველი ერის დაბადება / რედ. გიგა ზედანია. თბილისი, 2009. 158 გვ.
- ყენია ი. შიშის აჩრდილქვეშ 1937: მოგონებები / ი. ყენია / რედ. მანანა სანადირაძე. თბილისი: მერანი, 1990. 175 გვ.

- შარაძე გ. საქართველოს პირველი დემოკრატიული რესპუბლიკა და საგარეო პოლიტიკა / გ. შარაძე / რედ. კახა სიხარულიძე. თბილისი, 2003. 284 გვ.
- შონია ვ. ბორტუბის სათავე, ანუ როგორ შეითხნეს "მეგრელთა საქმე" / ვ. შონია / რედ. ზურაბ ცხონდია. თბილისი, 1994. 114 გვ.
- ჩხაიძე ი. ნაციონალიზმის მოდერნისტული თეორია და ქართული ნაციონალური პროექტი ("თერგდალეულები") / ი. ჩხაიძე / რედ. ნინო ჩიქოვანი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 128 გვ.
- ჩხეიძე რ. დაწყველილი თაობა / რ. ჩხეიძე / რედ. ოთარ ჩხეიძე. თბილისი: ლომისი, 1995. 160 გვ.
- ჭანტურია ნ. ეროვნული საბჭო და მისი ბრძოლა საქართველოს სახელმწიფოებრიობის აღდგენისა და განმტკიცებისათვის / ნ. ჭანტურია / რედ. ვახტანგ ჯანჯღავა. თბილისი: უნივერსალი, 2006. 182 გვ.
- ხარჩილავა ვ. სისხლიანი ქრონიკები / ვ. ხარჩილავა. თბილისი: მერანი, 1989. 160 გვ.
- ხიდაშელი: ყოველ 26 მაისს ყველანი ერთად ვეტყვიან არას ოკუპაციას. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/108090-xidasheli-kovel-26-maiss-kvelani-ertad-vetkvit-aras-okupacias>
- ჰეგტერი მ. ნაციონალიზმის შეჩერება / მ. ჰეგტერი. თბილისი: CSS, 2007. 370 გვ.
- ჰობსბაუმი ე. ერები და ნაციონალიზმი 1780 წლიდან: პროგრამა, მითი, რეალობა / ე. ჰობსბაუმი / მთარგმნ. სანდრო გაბისონია; რედ. ლიანა გოგიჩაიშვილი. თბილისი: ილიას სახელმწ. უნ-ტი, 2012. 262 გვ.

REFERENCES

- Aýtýeit Ý., Rei L. Madernasts', pamyats' i postkamunizm // Palitychnaya sfera. 2006. № 6. S. 27–43.
- Europeiskie voiny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit. Chto takoe «istoricheskaya politika» i chem opasno prevrashchenie istorii v politicheskii instrument // Novaya gazeta. 2015. № 57. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>
- Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo natsii // Pro et contra. 2009. Mai – avgust. S. 24–42.
- Kigradze T. Gruzija: kak pishut uchebniki istorii (2013). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia
- Kirchanov M.V. «Evropa» i «Zapad» v gruzinskom politicheskom voobrazhenii i natsionalisticheskom diskurse // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovani. 2010. T. 13. № 2. S. 179–189.
- Kirchanov M.V. «Kavkazskoe» i «rossiiskoe» v sovremennom gruzinskom natsiona-lizme // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2013. № 4. S. 115–125.
- Kirchanov M.V. Kontsept «sovetskaya okkupatsiya» v sovremennom gruzinskom natsionalizme // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2015. № 1. Chast' 1. S. 72–75.
- Kirchanov M.V. Migel' Krasnoff Marchenko kak ob'ekt chiliiskoi istoricheskoi politiki i konteksty politiki pamyati // Politicheskie izmeneniya v Latinskoi Amerike. 2016. № 3 (21). S. 87–96.
- Kirchanov M.V. Obrazy Gruzinskoj Demokrateskoi Respubliki v sovremennoi identichnosti Gruzii (na primere blogov i elektronnykh SMI) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 4. Chast' 1. S. 90–92.
- Kirchanov M.V. Priruchenie proshlogo: istoricheskaya politika i politika pamyati (evropeiskii istoriograficheskii opyt i latinoamerikanskije konteksty) // Politicheskie izmeneniya v Latinskoi Amerike. 2016. № 3 (21). S. 73–86.
- Kirchanov M.V. Religioznye partii v Gruzii: politicheskie platformy i ideolo-gicheskie transformatsii // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2014. № 2. S. 106–112.
- Kirchanov M.V. Tserkov' v politicheskoi zhizni Gruzii: problemy, protivorechiya, perspektivy // Kavkaz i globalizatsiya. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh issledovani. 2014. № 1–2. S. 94–100.

- Kogut Z.C. Istoriya yak pole bitvi. Rosiis'ko-ukraïns'ki vidnosini ta istorichna svi-domist' u suchasniï Ukraïni // Kogut Z.C. Korinnyya identichnosti. Studii v rann'o-modernoï ta modernoï istorii Ukraïni. Kiïv, 2004.
- Kusko A., Taki V. «Kto my?» Istoricheskii vybor: rumynskaya natsiya ili moldav-skaya gosudarstvennost' // An Imperio. 2003. № 1. S. 485–495.
- Laryuel' M., Peiruz S. Russkie na Altae: istoricheskaya pamyat' i natsional'noe samozoznanie v Kazakhstane // Ab Imperio. 2004. No 1.
- Lindner R. Nyazmennasts' i zmeny ŷ postsavetskai gistoryyagrafii Belarusi // Belarusika / Albaruthenica. Mn., 1997. T. 6. Ch. 1.
- Miller A. «Istoricheskaya politika unichtozhaet prostranstvo dlya dialoga» (2014). URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amiller-istoricheskaya-politika-unichtozhaet-prostranstvo-dlya-dialoga>
- Miller A. Vyzov iz proshlogo // Rossiya v global'noi politike. 2011. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>
- Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati. «Sek'yuritizatsiya pamyati»: istoricheskaya vina v rukakh politicheskikh antreprenеров (2016). URL: <http://gefter.ru/archive/18391>
- Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et contra. 2009. Mai – avgust. S. 6–23.
- Mikhnik A. Istoricheskaya politika: rossiiskii variant // Rodina. 2006. № 6. URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99
- Riff D. Kul't pamyati: kogda ot istorii bol'she vreda, chem pol'zy. «dzlishnyaya zatsiklennost' na pamyati»: o pol'ze i vrede zabveniya (2016). URL: <http://gefter.ru/archive/17958>
- Smit E.D. Natsionalizm i istoriki // Natsii i natsionalizm / per. s angl. M., 2002.
- Traba R. Pol'skie spory ob istorii // Pro et contra. 2009. Mai – avgust. S. 43–64.
- Usmanova D. Sozdavaya natsional'nyuy istoriyu tatar: istoriograficheskie i intelektual'nye debaty na rubezhe vekov // Ab Imperio. 2003. No 3.
- Sherrer Yu. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo // Pro et contra. 2009. Mai – avgust. S. 89–108.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No. 1. P. 41–58.
- Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. VII. P. 194–210.
- Kirchanov M. “Europe” and “the West” in Georgia’s political imagination and nationalist discourse // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 158–167.
- Kirchanov M. Religious parties in Georgia: political platforms and ideological transformations // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 94–100.
- Kirchanov M. The Caucasian and Russian in contemporary Georgian nationalism // Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 101–109.
- Kirchanov M. The Church in Georgia’s political life: problems, contradictions, and prospects // The Caucasus and Globalization. Journal of Social, Political and Economic Studies. 2014. Vol. 8. No. 1–2. P. 85–90.
- Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. No. 4.
- Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // Encounter. 1968. Vol. 30. No. 6.

“Vergangenheitspolitik” in contemporary Georgia, or how mass media and public politicians form collective representations of the past

The author analyzes problems of historical politics in present-day Georgia. It is presumed that historical politics promotes exclusion of professional historical community, politicization and ideologization of historical studies. Modern historical politics in Georgia is based on development of several mythologized narratives, including images of Georgian Democratic Republic, continuity in development of various historical forms of Georgian statehood, and the Soviet occupation. The Day of Soviet Occupation and Museum of Soviet occupation, on the one hand, in modern Georgia are forms of instrumentalization of historical politics. On the other hand, the Day of Soviet Occupation and Museum of Soviet Occupation can be imagined as the invented traditions. Georgian mass media are actively involved in the implementation of the historical politics and assist to unification of the various forms of historical memory in contemporary Georgia. Public political figures are also very active in the use of historical facts for legitimization of actual political processes and states. The mass media, civil society, intellectual community and political class support consensus in the central problems of modern Georgian history.

Keywords: Georgia, historiography, historical policy, identity, invention of tradition

Maksym Kyrchanoff, *Dr.Sc. (History), Associate Professor, Voronezh State University; maksymkyrchanoff@gmail.com*

CONTENTS

Time and event in historical culture of the XVIth – the beginning of the XXIth century

<i>Jay Winter</i> War, memory, remembrance (transl. by Anna Khazina & Feodor Nickolai).....	5
<i>Zinaida Chekantseva</i> The French Revolution of the 18 th century as a future event between scientific discourse and memory's mirrors.....	16
<i>Lorina Repina</i> An event in history and in collective memory: "The Case of 1066".....	39
<i>Feliks Levin</i> 'Foras Feasa ar Éirinn' by Geoffrey Keating and the archival memory.....	47
<i>Julia Ivanova, Pavel Sokolov</i> The Jews and the Giants: Biblical events and versions of history.....	72
<i>Olga Zaichenko</i> The Battle of the Teutoburg Forest from <i>Clades Variana</i> towards <i>Hermannsschlacht</i> : construction of a national myth.....	95
<i>Irina Rudkovskaya</i> Chronology and periodization in the historiographical tradition of the late Enlightenment.....	126
<i>Alexey Vasilyev, Victoria Vasilyeva</i> The images of "the origins" of Poland in the romanticist memorial narrative: creation of the event.....	151
<i>Natalia Rodigina, Tatiana Saburova</i> «We have talked about various modernities to our hearts' contents...» The discourse of "modernity" in the Russian ego-documents of the second half of the 19 th – early 20 th century.....	172
<i>Olga Togoeva</i> A story of one handshake: from the fiction of medieval chroniclers to the speculations of modern historians.....	194
<i>Marina Arzakanyan</i> The establishment of the 3 rd Republic in France.....	210
<i>Olga Leontieva</i> The Reform Turning Great: The Abolition of Serfdom as a "Place of Memory" in Historical Culture of Imperial Russia.....	229

<i>Ekaterina Beletskaya, Natalia Velikaya</i> Military events of the 19 th century in Russian history and in folk songs of the Terek Cossacks	246
<i>Olga Vorobieva</i> The Armenian Genocide of 1915 from A.J. Toynbee's Perspective Interpretation Contexts.....	278
<i>Zoya Chertina</i> Pearl Harbor: Event in History and Historical Memory.....	297
<i>Mikhail Lipkin</i> “Axial Years” of detente in Europe, or how to understand the good timing of event (1954, 1960, 1972).....	314
<i>Alexandra Kolesnik</i> Representation of Imperial past in British popular music culture of the 1970s.....	332
<i>Victor Apryshchenko</i> The European time Spatio-temporal borders of contemporary Europe.....	355
<i>Maxim Kirchanov</i> “Vergangenheitspolitik” in contemporary Georgia, or how mass media and public politicians form collective representations of the past...	374
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

Время и бытие в исторической культуре XVI – начала XXI века

<i>Джей Уинтер</i> Война, память, воспоминание (пер. с англ. А.В. Хазиной и Ф.В. Николаи).....	5
<i>З.А. Чеканцева</i> Французская революция XVIII века как событие будущего между научным дискурсом и зеркалами памяти.....	16
<i>Л.П. Ретина</i> Событие в истории и коллективной памяти: «Казус 1066».....	39
<i>Ф.Е. Левин</i> «Основа знаний об Ирландии» Джоффри Китинга и накопительная память.....	47
<i>Ю.В. Иванова, П.В. Соколов</i> Евреи и гиганты: библейские события и версии истории.....	72
<i>О.В. Заиченко</i> Битва в Тевтобургском лесу от <i>Clades Variana</i> до <i>Hermansschlacht</i> конструирование исторического мифа.....	95
<i>И.Е. Рудковская</i> Хронология и периодизация в историографической традиции Позднего Просвещения.....	126
<i>А.Г. Васильев, О.В. Васильева</i> Образ “истоков Польши” в романтическом мемориальном нарративе: формирование события.....	151
<i>Н.Н. Родигина, Т.А. Сабурова</i> «Мы вдоволь наговорились о разных современностях...» дискурс о “современности” в русских эго-документах второй половины XIX – начала XX века.....	172
<i>О.И. Тогоева</i> История одного рукопожатия: от домыслов средневековых хронистов к вымыслам современных историков Хронология и периодизация.....	194
<i>М.Ц. Арзаканян</i> Становление Третьей Республики во Франции.....	210
<i>О.Б. Леонтьева</i> Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как “место памяти” в исторической культуре императорской России...	229

<i>Е.М. Белецкая, Н.Н. Великая</i> Военные события в истории России XIX века и в песенном фольклоре терских казаков.....	246
<i>О.В. Воробьева</i> Геноцид армян 1915 года глазами А.Дж. Тойнби контексты интерпретации.....	278
<i>З.С. Чертина</i> Перл Харбор: событие в истории и исторической памяти.....	297
<i>М.А. Липкин</i> “Осевые годы” разрядки напряженности в Европе, или Как понять своевременность события (1954, 1960, 1972 гг.).....	314
<i>А.С. Колесник</i> Представления об имперском прошлом в популярной музыкальной культуре Великобритании 1970-х годов.....	332
<i>В.Ю. Апрыщенко</i> Время европейское пространственно-темпоральные границы современной Европы.....	355
<i>М.В. Кирчанов</i> “Политика прошлого” в современной Грузии, или Как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом.....	374
CONTENTS.....	396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

56 / 2016

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 954-44-89
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 15. 07. 2016
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Тел.: +7 495 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624